

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Исторический факультет

Властные институты и должности в Европе в Средние века и раннее Новое время

*Ответственный редактор
Т. П. Гусарова*

УНИВЕРСИТЕТ
книжный дом

Москва

УДК 94(47+57)Р(07)
ББК 63.3(2)я7
В58

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) проект № 09-01-16053 д*

Редакционная коллегия:

*Т. П. Гусарова (ответственный редактор), И. И. Варьяш,
В. А. Ведюшкин, О. С. Воскобойников, Е. В. Калмыкова, Н. А. Хачатурян
Научный редактор: В. В. Шишкин; технический секретарь: И. Д. Ва-
вочкина; подбор иллюстраций: О. С. Воскобойников, Т. П. Гусарова*

Авторы:

*Антонов В. А. (гл. 16), Варьяш И. И. (гл. 13), Ведюшкин В. А. (гл. 14),
Воскобойников О. С. (гл. 8), Гусарова Т. П. (предисловие, гл. 15),
Калмыкова Е. В. (гл. 7), Казбекова Е. В. (гл. 4), Краснова И. А. (гл. 10, 11),
Прозоров В. Б. (гл. 9), Прокотьев А. Ю. (гл. 5),
Стукалова Т. Ю. (гл. 1, 2), Таценко Т. Н. (гл. 6), Щеглов А. Д. (гл. 17),
Эльфонд И. Я. (гл. 3), Юсупов А. Ю. (гл. 12)*

В58

Властные институты и должности в Европе в Средние века и раннее Новое время : [монография] / Ответ. ред. Т. П. Гусарова. — М. : КДУ, 2011. — 600 с. : ил. — ISBN 978-5-98227-773-2

Первая в отечественной медиевистике книга, в которой на материале разных регионов и стран Европы показаны становление и развитие важнейших властных институтов и должностей на протяжении всего Средневековья и на заре раннего Нового времени. Их эволюция рассматривается со времени образования варварских королевств. В качестве исходной точки взята история возникновения управленческого аппарата во Франкском государстве — Меровингов и особенно Каролингов — определившего основные линии дальнейшего развития властных структур во многих странах средневековой Европы. В отдельных главах книги представлена история дворцовых должностей и выросших из них ведомств королевского двора и государства: во Франции, в Германии, Англии, на Пиренейском полуострове, в Италии, Венгрии, Скандинавии. Задачи, которые ставили перед собой авторы, — дать читателям представление об этой сфере истории средневекового государства, конкретизировать и систематизировать уже имеющиеся знания о властных институтах и должностях, показать закономерности и специфику организации власти в средневековом государстве, проследить историю возникновения отдельных должностей и потестарных институтов.

Книга предназначена профессиональным историкам, студентам вузов, аспирантам, учителям, а также широкому кругу читателей, интересующихся историей средневекового государства и его учреждений.

УДК 94(47+57)Р(07)
ББК 63.3(2)я7

ISBN 978-5-98227-773-2

© Коллектив авторов, 2011
© Издательство «КДУ», 2011

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ.....	5
Глава 1. ИНСТИТУТЫ ВЛАСТИ И ДОЛЖНОСТИ ВО ФРАНКСКОМ КОРОЛЕВСТВЕ В VI–X вв.	13
Глава 2. ИНСТИТУТЫ ВЛАСТИ И ДОЛЖНОСТИ ВО ФРАНЦУЗСКОМ КОРОЛЕВСТВЕ В XI–XIII вв.	44
Глава 3. ПОТЕСТАРНЫЕ ИНСТИТУТЫ ВО ФРАНЦИИ В ПОЗДНЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ И РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ.....	76
Глава 4. ФОРМИРОВАНИЕ ИНСТИТУТОВ ВЛАСТИ И ДОЛЖНОСТЕЙ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ГЕРМАНИИ.....	121
Глава 5. ИМПЕРИЯ И ИМПЕРСКИЕ ДОЛЖНОСТИ В РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ.....	144
Глава 6. ЦЕНТРАЛЬНЫЕ ОРГАНЫ УПРАВЛЕНИЯ В НЕМЕЦКИХ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВАХ XVI в.....	187
Глава 7. ВЛАСТНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ДОЛЖНОСТИ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ АНГЛИИ.....	211
Глава 8. НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В ЮЖНОЙ ИТАЛИИ.....	254
Глава 9. ВЛАСТНЫЕ ИНСТИТУТЫ, ДОЛЖНОСТИ И ЗВАНИЯ В РИМСКОЙ ЦЕРКВИ С V в. ДО КОНЦА XVII в.	280
Глава 10. ДОЛЖНОСТИ И ПОТЕСТАРНЫЕ ИНСТИТУТЫ ВО ФЛОРЕНЦИИ.....	302
Глава 11. МИЛАН: ДОЛЖНОСТИ И ПОТЕСТАРНЫЕ ФУНКЦИИ.....	333
Глава 12. СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ ВЕНЕЦИАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В VII–XV вв.	356
Глава 13. ПОТЕСТАРНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ДОЛЖНОСТИ В ИСПАНИИ В V–XV вв.	387

Глава 14. СИСТЕМА ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В ИСПАНИИ В РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ (КОНЕЦ XV–XVII вв.).....	436
Глава 15. ПОТЕСТАРНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ДОЛЖНОСТИ В ВЕНГЕРСКОМ КОРОЛЕВСТВЕ В XI–XVII вв.....	457
Глава 16. ИНСТИТУТЫ ВЛАСТИ В ДАНИИ В 1000–1660 гг.....	513
Глава 17. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВЕТ – РИКСРОД И ВЫСШИЕ ДОЛЖНОСТИ В ШВЕДСКОМ КОРОЛЕВСТВЕ В ЭПОХУ КАЛЬМАРСКОЙ УНИИ.....	536
БИБЛИОГРАФИЯ.....	554
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	571

Введение

Эта книга — первый в отечественной медиевистике труд, в котором на материале разных регионов и стран Европы показано становление и развитие важнейших властных институтов и должностей на протяжении всего Средневековья и в раннее Новое время. Задача, которую поставили перед изданием авторы, состояла в том, чтобы дать читателям представление об этой сфере истории средневекового государства, конкретизировать и систематизировать уже имеющиеся знания о властных институтах и должностях, показать закономерности и специфику организации власти в средневековом государстве, проследить историю возникновения отдельных должностей и потестарных институтов.

Их эволюция рассматривается со времени образования варварских королевств, начиная с этапа в истории эволюции средневековой государственности, который был представлен дворцовым управлением. В качестве исходной точки взята история возникновения управленческого аппарата во Франкском государстве — Меровингов и особенно Каролингов, определившем основные линии дальнейшего развития властных структур не только во Франции и в Германии, но и многих других странах, даже на периферии тогдашней Европы, в частности в Венгерском королевстве и скандинавских странах. В отдельных главах книги представлена история дворцовых должностей и выросших из них ведомств королевского двора и государства: во Франции, Германии, Англии, на Пиренейском полуострове (в Вестготской монархии, Аль-Андалусе, Кастилии, Арагоне, Наварре), в Италии (в государственных образованиях Южной Италии, Милане, Флоренции, Венецианской республике), Венгрии, Скандинавии (Дании и Швеции), в Папском государстве. В каждой главе речь идет о должностях и институтах, существовавших в большинстве государств Европы, и именно это дает возможность сравнить их, выявить закономерности и подчеркнуть региональные особенности.

Выбор этих стран не случаен. С одной стороны, рассматриваются «классические» государства Европы: Франция, Англия, Германия.

С другой стороны, они представлены в обрамлении «окраинных» регионов, история властных институтов и государственных должностей которых отличалась некоторыми особенностями и в целом мало известна. Широкий же хронологический охват — от раннего Средневековья до раннего Нового времени — позволяет проследить формирование из отдельных, узких по значению должностей целых отраслей власти и их институтов, переход к началам бюрократической монархии раннего Нового времени. Наше стремление к хронологической и географической полноте охвата материала натолкнулось на объективные трудности. Поэтому мы посчитали возможным и необходимым предложить читателю очерки, которые могут показаться частными в масштабах нашего проекта. В любом случае они обогащают наши представления о формировании институтов власти в конкретных странах на конкретном этапе их исторического развития, дополняют и оттеняют складывающуюся общую картину. Наконец, мы не претендуем на полностью единообразное изложение, да и материал не всегда позволяет это сделать.

Главную проблему, которая объединяет разнородный материал далеко отстоящих друг от друга стран и периодов, можно сформулировать следующим образом: что собой представляли механизмы и инструменты властвования в Средние века? Какие способы коммуникации между властью и обществом были возможны и как они реализовались в Западной Европе? Государство — пусть это понятие в Средние века наделялось не только привычным нам смыслом, зачастую метафизическим — как инструмент защиты общественных интересов выполняло предназначенные ему функции, по сути, мало отличающиеся от сегодняшних. Но методы защиты этого «общего блага» в Средние века существенно отличались от тех, что используются сейчас.

О существовании какой-либо *системы* государственных институтов в Средние века, особенно в ранние периоды, говорить вряд ли возможно.

Во-первых, управление в ту эпоху испытывало сильное влияние персоны правителя. Это объясняется тем, что в монархиях Средневековья публичный и частноправовой характеры власти на ранних этапах практически сливались, и процесс их разделения растянулся на столетия. Специфические отношения господства и подчинения, в том числе между монархом и подданными, самым непосредственным образом отражались на практике занятия должностей и комплектования персонала отдельных учреждений. Вследствие этого все государственное управление было пронизано личностными связями, а должностные

компетенции отличались неустойчивостью и во многом зависели от воли государя в частности и политической конъюнктуры в целом. Подобная практика глубоко внедрялась в управленческие структуры на разных уровнях, проявляясь, например, в том, что должности в центре и на местах вплоть до раннего Нового времени отдавались вассалам, клиентам и прочим людям, зависимым от приближенных государя.

Во-вторых, что очевидно, сами должности и институты власти в Средние века находились в процессе становления. Они прошли вместе с обществом и государством долгий путь эволюции: от доверенных лиц короля, исполнявших отдельные поручения публичного характера, до функционирующих на регулярной основе, профессионально подготовленных и работающих за жалованье в государственных учреждениях служащих. Одни из этих должностей носили эпизодический, временный характер и исчезали за ненадобностью с изменением придворной конъюнктуры; другие сохранялись, но теряли свое первоначальное значение и даже функции. Не всегда возможно даже выявить эти должности, не говоря уже о фиксации компетенции. Те же, которые рано возникли при королевском дворе и не утратили своей первостепенной важности и позже, например, должности канцлеров, казначеев или вершителей королевского правосудия, так изменяли свой облик на разных этапах жизни средневекового государства, что их история проясняется лишь при детальном анализе всех этапов.

В-третьих, сравнивая процесс складывания потестарных институтов и должностей в разных странах средневековой Европы и не без основания находя в нем общие черты, исследователь может быть введен в заблуждение схожестью терминологии, за которой теряется специфика. Нередко речь идет о схожих названиях разных по содержанию должностей. В некоторых странах, особенно тех, где государство складывалось относительно поздно, становление властных структур происходило под сильным влиянием более развитых соседей. В таких случаях нередко возникали придворные должности и ведомства, генетически восходившие к чужеземным образцам, но неминуемо отвечавшие нуждам своих обществ. В целом в Европе довольно широко распространился франкский опыт, ставший своего рода моделью «государственного строительства», очевидно, как исторически наиболее жизнеспособный. Но сохраняя номенклатуру, в местных условиях должности обрастали новыми функциями или, наоборот, теряли часть тех, которые были присущи прототипу. Случаи же полного совпадения функций одноименных должностей и институтов встречаются не так часто.

В-четвертых, следует учитывать недолговечность государственных образований Европы, особенно на ее окраинах, в т. н. контактных зонах. Даже смена правителя, династии нередко влекла за собой смену модели управления, тем более — смена этноса, религии (как это было, например, в Южной Италии или на Пиренейском полуострове). Привносимые новыми политическими режимами должности и даже учреждения не всегда отличались долговечностью, в них причудливо переплетались институты власти пришельцев с заимствованиями из местных управленческих традиций.

Но если на ранних этапах Средневековья институты власти отличались бессистемностью, неустойчивостью и относительной простотой, это не значит, что их деятельность не была достаточной для эффективного функционирования государства: в целом они отвечали потребностям политической и социальной организации общества на данном историческом этапе. Именно под таким углом зрения и правомерно рассматривать и оценивать должности и институты власти. В рамках своей эпохи они развивались по ее внутренним законам и обладали самоценностью. Так, было бы неоправданной модернизацией применять по отношению к Средневековью понятие «разделение властей» и его дефицит оценивать со знаком «плюс» или «минус». Отсутствие четкого разграничения обязанностей между носителями власти на ранних этапах Средневековья, хотя и является при взгляде с современных позиций свидетельством неразвитости государства, должно рассматриваться исторически. В существовавших социальных условиях не было не столько возможности, сколько — и это главное — необходимости в детальном разделении обязанностей в окружении государя.

Тем не менее «специализация» власти в средневековом государстве со временем углублялась: раньше и последовательнее всего она происходила в судопроизводстве. Одна из базовых обязанностей короля — правосудие — по мере усложнения и умножения стоявших перед властью задач перекладывалась на плечи служащих, представлявших персону монарха. Правосудие вершилось от имени короля, под каким бы названием в разные периоды ни выступал тот или иной королевский суд и какую бы эволюцию он ни переживал. Королевский суд постепенно преодолевал узкие рамки двора и завоевывал все большее юридическое пространство. Служители Фемиды, вершившие суд от имени короля и одновременно выполнявшие много других обязанностей (в первую очередь хозяйственных), передавали последние своим заместителям, а сами действовали в более широком правовом поле, образуя тем самым новую

сферу судопроизводства. Таким образом, с одной стороны, происходила автономизация судопроизводства от персоны короля и от прочих сфер управления, с другой — королевское правосудие приобретало масштабность. Одновременно в формирующейся отрасли складывались свои управленческие структуры и кадры служащих. Однако окончательно общегосударственная система судопроизводства в Средние века не сложилась: сохранялись сеньориальный суд, всевозможные региональные судебные ведомства, отдельные органы правосудия для различных групп населения и сословий, не говоря уже о церковном праве.

О появлении относительно устойчивой и развернутой системы управления можно говорить с того времени, когда в XIII–XIV вв. в Европе зарождается *État moderne* — т. н. государство нового типа, построенное на публично-правовых принципах. Их социально-политическим воплощением стала государственная бюрократия.

Круг участников политического процесса на протяжении долгого Средневековья заметно менялся. Важным компонентом жизнедеятельности феодального государства в XIII–XIV вв. стало расширение диалога между властью и обществом, проявившееся в участии сословий в обсуждении важных вопросов общественной жизни, в первую очередь в сфере войны и мира, налогов, судопроизводства, а также — хотя и не повсеместно — в законотворчестве. Хотя сословно-представительные учреждения в строгом смысле не являлись частью государственной машины, они были тесно связаны с государственным управлением. Высшие королевские чины разного ранга и профиля и даже целые подразделения власти вовлекались в работу сословно-представительных собраний, представляя персону короля или отдельные управленческие структуры. И наоборот, создававшиеся в лоне сословных учреждений представительные комиссии разного статуса и толка контролировали деятельность органов власти, например, правильность выполнения фискальными ведомствами решений сословий о вотированных налогах. Кроме того, сословно-представительные институты своими инициативами могли корректировать политику королевских ведомств и их чиновников. Не случайно именно в эпоху государственной централизации и становления сословно-представительной монархии начинает бурно развиваться система управления финансами. В целом она прошла тот же путь развития, что и судопроизводство: от королевской сокровищницы, хранившейся буквально в государевой опочивальне, до государственной казны, управлять которой были призваны специальные учреждения со значительным штатом служащих. Ярким сви-

детельством обретения королевской властью публично-правового характера в этой сфере стало все более четко обозначавшееся разделение государственной и личной королевской казны.

Складывание абсолютных монархий на исходе Средних веков отразило в числе прочего эволюцию властных институтов.

На протяжении всего Средневековья королевский двор играл ключевую роль в управлении государством; в эпоху абсолютизма, когда в руках монарха сконцентрировалась огромная власть, его роль заметно выросла. Двор притягивал ранее вполне автономно существовавших феодальных магнатов, теперь ожидавших от монарха милостей в виде должностей, подарков, пенсий и т. п. В новых условиях двор служил местом представительства крепнущей власти монарха, театрализованной демонстрацией ее триумфов. В то же время он продолжал являть собой центр власти, представленный ответственными должностями, службами, определенными механизмами принятия решений. Становление постоянных королевских резиденций и оседлость королевского двора способствовали модернизации и систематизации управления. Уже в предшествующую эпоху процесс отделения государственных должностей от придворных достиг заметных успехов. И хотя еще и в начальный период раннего Нового времени он не нашел полного завершения, росло значение собственно государственных должностей, а их непосредственная связь со двором ослабевала.

Основное содержание преобразований в области организации и реализации власти заключалось в дальнейшей специализации системы государственного управления и формировании бюрократического аппарата профессиональных служащих, что технически сделало возможной исключительную концентрацию власти в руках монарха. Не случайно многие современные специалисты предпочитают говорить не об «абсолютной», но о «бюрократической» монархии.

Специализация управления в абсолютных монархиях раннего Нового времени прослеживается и при дворе — в королевских советах и в различных центральных и местных ведомствах. На более ранних этапах средневековой истории Королевский совет был совещательным органом, представленным знатью, которая меняла свой социальный облик на протяжении столетий и претендовала на разную степень участия в государственных делах в зависимости как от соотношения сил между королем и высшей феодальной элитой, так и от зрелости общества в целом. При абсолютизме в совете заседали не только знать, но и профессиональные чиновники, на плечи которых ложилась бóльшая доля

ответственности в принятии решений по сравнению с аристократией. Королевские советы, как и другие властные институты, дробятся и специализируются. Хотя четкости разделения функций между отдельными советами мы не увидим и в эпоху абсолютизма. Новые советы брали на себя часть обязанностей старых, между тем как последние продолжали действовать, так что разбирательство одних и тех же вопросов могло дублироваться в разных советах. Типичным для большинства стран эпохи абсолютизма было выделение главного совета, в котором концентрировалось рассмотрение важнейших государственных проблем как внутренней, так и внешней политики (финансовых, церковных, династических, военных и т. д.). Появление таких советов отражало возросшую единоличную власть монарха в новых исторических условиях.

Как уже упоминалось, одним из наиболее ярких характерных признаков складывания *État moderne* наряду с оформлением публичного характера государства было связанное с этим становление судебного и исполнительного аппарата и бюрократии. В абсолютной монархии основу управленческого аппарата стали составлять служащие, получившие образование (нередко университетское) и профессиональную подготовку, особенно юридическую. Вместо традиционных для феодального общества личностных связей, верности сеньору или «клану», социального происхождения и т. д. при устройстве на службу стала выше цениться профессиональная квалификация. Это обстоятельство открывало путь к государственной службе выходцам из непривилегированных сословий. Для получения места нередко было необходимо представить рекомендации, участвовать в конкурсе кандидатур. Продвижение по службе зачастую было связано с деятельностью в стенах одного учреждения, где чиновник продвигался от низшей должности к более высокой, что давало богатый профессиональный опыт, знание среды и правил игры. Возник бюрократический образ жизни и мышления. Работа формирующейся бюрократии строилась на регулярной основе, предусматривала получение жалованья, а иногда и пенсий. Все это ставило формирующуюся бюрократию на службу центральной власти. В то же время сильная своей корпоративностью прослойка чиновничества нередко навязывала свое мнение центральной власти. Не менее важным в этой обновляющейся системе власти было то, что в рамках государственной территории формировалась единообразная иерархическая структура государственных ведомств, нити управления которыми сходились в руках монарха. Создавались условия для складывания современного государства. Однако не стоит преувеличивать успехи этих процессов на

зарю раннего Нового времени. Новые властные институты и их организация находились в стадии становления, что предполагало сохранение многих черт прежних властных структур.

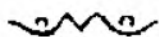
* * *

Книга выросла из весьма скромного замысла: материал, собиравшийся уже довольно давно для главы, посвященной архонтологии, в учебном пособии «Введение в специальность», вышел за рамки готовившегося издания как по размерам, так и по содержанию, расширились его задачи и круг участников. В авторском коллективе собрались сотрудники кафедры истории Средних веков (О. С. Воскобойников, Т. П. Гусарова, Е. В. Калмыкова, И. И. Варьяш) и кафедры истории западных и южных славян исторического факультета МГУ (В. Б. Прозоров), выпускник кафедры истории Средних веков А. Ю. Юсупов, а также наши коллеги из Института всеобщей истории (В. А. Антонов, В. А. Ведюшкин, Е. В. Казбекова, А. Д. Щеглов), Государственного исторического музея (Т. Ю. Стукалова), медиевисты из университетов и научных учреждений Санкт-Петербурга (Т. Н. Таценко, А. Ю. Прокопьев), Саратова (И. Я. Эльфонд), Ставрополя (И. А. Краснова). Особую благодарность хочется выразить научному редактору нашей книги В. В. Шишкину.

Большую помощь и поддержку в работе над книгой оказала профессор Нина Александровна Хачатурян, руководитель работающей на кафедре истории Средних веков МГУ исследовательской группы «Власть и общество». Ее профессиональные рекомендации помогли в осмыслении стоявших перед авторами задач построения материала. Под эгидой Н. А. Хачатурян на протяжении ряда лет осуществляется большой исследовательский проект по истории государства, поддержанный РГНФ. Тема «Властные институты и должности в Европе в Средние века и раннее Новое время» стала его составной частью (грант РГНФ 2006–2008 гг. № 06-01-00486а). Подводящая итог работе над темой книга издается благодаря финансированию РГНФ (грант 09-01-16053д).

Книга предназначена профессиональным историкам, студентам вузов, аспирантам, учителям, а также широкому кругу читателей, интересующихся историей средневекового государства и учреждений.

Т. П. Гусарова

Институты власти и должности во Франкском королевстве в VI–X вв.

В середине III в. франки, теснимые с востока другими племенами, стали занимать территории за Рейном и, продвигаясь далее на запад, в V в. достигли реки Соммы. Со временем область в бассейне Мааса и Шельды до среднего Рейна на юге, где франкское заселение было особенно плотным, стало колыбелью Франкского государства. Из этого центра в V–VI вв. франки постепенно распространились по всей Галлии. В отличие от многих других племен они не исчезли, не растворились в кипящем котле раннесредневековой Европы, а, переплавив варварские традиции, римское наследие и христианские идеи, создали властные институты, ставшие основой для государственной организации во всей средневековой Европе.

История Франкского королевства распадается на два основных периода: 1) эпоха Меровингов (с конца V в. до середины VIII в.) и 2) эпоха Каролингов (с середины VIII в. до конца X в.), которая завершилась в 987 г. вступлением на престол Франции новой династии — Капетингов.

Источники. Основным и наиболее значительным источником, позволяющим проследить развитие и функционирование институтов государственной власти во Франкском королевстве на протяжении VI–X вв., являются законодательные акты его правителей — декреты меровингских королей, начиная с Хлодвига (486–511), и капитулярии династии Каролингов (751–987). Начальный этап этой эволюции зафиксировал законодательный памятник — Салическая правда, составленная в конце V — начале VI в., еще при жизни Хлодвига, и в течение VI–VIII вв. прираставшая поправками и дополнениями. Единственный труд, значительная часть которого посвящена организации управления государством, был создан в Каролингскую эпоху. Хинкмар, архиепископ Реймский (845–884) и советник ко-

роля Карла II Лысого (840–877), в конце своей жизни написал небольшое сочинение «Знати королевства для наставления короля Карломана и об управлении дворцом». Государственному управлению и главным должностным лицам в нем посвящены главы с XII по XXXVII. В главе XII Хинкмар прямо сообщает, что он использовал — «прочитал и переписал» — небольшое сочинение об управлении дворцом, созданное Адальхардом, аббатом Корби (780–826), родственником и одним из близких советников Карла Великого (768–814). Для историков это сочинение остается базовым источником — связным, логичным и наиболее широко объемлющим вопросы организации государственного управления и обязанности должностных лиц в конце VIII–IX в. Дополнением к нему служат сами каролингские капитулярии, отдельные главы которых касаются конкретных административных вопросов. Произведения нарративного характера, начиная с Григория Турского (†593) и Фредегара (†660?), содержат лишь отрывочные, рассеянные по тексту вкрапления о некоторых должностных лицах, об их функциях и полномочиях.

Историография. Активное изучение государственного устройства средневековой Франции и его институтов приходится на вторую половину XIX — первую половину XX в., когда в исследование этой темы включились такие крупные специалисты по французской медиевистике, как А. Люшер, Ф. Лот, Л. Альфан, Э. Глассон, П. Виоле. Их перу принадлежат по преимуществу обобщающие труды, которые рассматривают непрерывность и преемственность государственных институтов на протяжении многих столетий «от Хлодвига до конца Старого режима», т. е. более чем за тысячу лет. Н.Д. Фюстель де Куланж в своем шеститомном труде уделил большое внимание государственной организации и должностям в меровингскую и каролингскую эпохи, собрав по этим вопросам обширный источниковый материал. Эта традиция была продолжена и послевоенными французскими историками, среди которых следует упомянуть Ж. Эллюля, Ж. Барбэ, Ж. Тессье. Особое место занимают работы К. Вернера, посвященные каролингскому периоду. Собственно архонтология как дисциплина, изучающая эволюцию государственных должностей, во Франции еще только начинает формироваться. В отечественной историографии история государственных институтов и должностей в раннесредневековой Франции привлекала внимание немногих специалистов, среди которых следует назвать А. Р. Корсунского, а также П. Н. Галанзу, Н. Ф. Колесниченко, В. И. Уколову.

Королевская власть. В начале эпохи Меровингов королевская власть была практически единственным реальным потестарным институтом. Она полностью базировалась на варварской традиции, основной принцип которой определяется термином *Gefolgschaft*. Это слово германского происхождения означает группу людей, следующих за своим предводителем, составляющих его свиту. Исследователи выделяют следующие основные черты королевской власти в варварскую эпоху.

Король держит свою власть посредством завоевания, особенно ярким примером чему являются Хлодвиг и его сыновья. Захваченную добычу король делит со своими воинами и не может взять себе больше, чем они. Завоеванные земли — не только обрабатываемые угодья, пастбища и леса, но также недра (руды металлов, соль, уголь, мрамор, строительный камень), растительный и животный мир — принадлежат королю как собственность, а власть имеет патримониальный характер: после смерти государя его владения делятся между сыновьями так же, как сыновья свободного франка-общинника делят отцовское земельное наследство, — на равные части.

Ресурсы короля состоят главным образом из доходов с фиска и даней, взимаемых с побежденных. От римской фискальной администрации меровингские короли сохранили лишь некоторые непрямые налоги — в первую очередь пошлины, поступавшие с таможенных застав на дорогах, мостах и реках, где было достаточно лишь нескольких должностных лиц, принимавших деньги. Прямые налоги, связанные с ведением земельных кадастров, с деятельностью специальных органов и служащих, исчезли.

Те же черты варварской власти связывают короля с подданными. Его прерогативы по отношению к ним определялись варварскими понятиями *mundeburdium*, *bannum* и *leudesamium* — словами германского происхождения, подвергшимися грубой латинизации.

Первый термин *mundeburdium*, или *mundium*, означает власть, которая осуществляется через устное распоряжение короля (дословно: посредством рта; герм. *Mund*). Это означает, что король говорит, а подданные беспрекословно ему повинуются. Другая прерогатива *bannum* (бан) является правом приказывать, командовать, запрещать, и она реализовывалась почти безгранично.

Связь, соединявшая короля с его подданными, была прежде всего личной. Сначала все они были его спутниками и соратниками, в начале каждого правления они приносили особую клятву —

leudesamium. Таким образом спутники превращались в «лейдов (левдов)» (*leudes*) — в королевских служащих, которыми могли быть и знатные особы, и простолюдины. Такая же персональная связь существовала между королем и его должностными лицами, прежде всего с майордомом, но также и с теми, кто составлял его дружину — *trustis*, — еще одно германское слово, заключающее в себе понятия верности, с одной стороны, и покровительства — с другой. Все это создавало особую социальную группу, значение которой со временем только возрастало.

Воздействие римского общества, напротив, было случайным и бессистемным. Из римской традиции король позаимствовал определенные службы, прежде всего канцелярию, так как акты могли быть составлены только на латыни. Это, в свою очередь, привело к усвоению римских образцов, касавшихся формы и стиля документов. Король по необходимости привлекал к себе на службу галло-римскую знать, давая ей почетное место во дворце (*convivi regis* — королевские сотрапезники) и назначая своими представителями в провинциях, особенно южных. Из римских же обычаев были взяты и некоторые титулы: в 507 г., после победы над вестготским королем Аларихом II, Хлодвиг получил от византийского императора титул консула. Кроме того, меровингскими королями активно использовался титул патриция (*patricius*), придававший награжденному им лицу особое положение в обществе и часто сочетавшийся с определенной административной, военной и судебной властью.

После победы при Тольбиаке, на Рождество 496 г. Хлодвиг вместе со своей дружиной принял крещение по католическому обряду. Это был важный политический акт, который примирил короля с частью его новых подданных — галло-римлян — и обеспечил ему поддержку католического духовенства. Последнее к концу VI в. практически уже состояло на службе новой власти, т. к. епископы, назначавшиеся только с одобрения короля и часто выбиравшиеся из мирян, — более того, из королевских лейдов, — стали частью административной системы и представителями публичной власти на местах.

Власть меровингских королей, покоившаяся на варварских приоритетах, исчерпала себя к середине VII в. Разделы королевства между наследниками породили соперничество между королями и привели к длительным расколам. Территория франкского государства, слабо связанная внутренними экономическими узами, распалась на три основные, относительно устойчивые части: Австразию,

Нейстрию и Бургундию. Земли между Луарой и Гаронной, получившие название Аквитании, обычно дробились между этими тремя королевствами, пока не обрели самостоятельность. Каждый из королей стремился объединить вокруг себя сторонников и подчинить своей власти соседние королевства. Местная аристократия и стоявшие во главе нее майордомы приобретали все большую силу, а королевская власть, искавшая у них поддержку, все больше слабела, пока наконец Пипин III Короткий, предки которого уже более столетия служили майордомами Австразии, в 751 г. не низверг последнего Меровинга и не занял его место, став родоначальником новой — Каролингской — династии.

Политическая власть Каролингов имела совсем иную идеологическую основу, нежели власть их предшественников. Хотя варварская традиция в значительной мере сохранялась, на передний план выдвинулся принцип королевской теократии, опиравшийся на идею харизмы государя. По мере укрепления королевской власти, усиления в ней публичного начала стали вновь актуальными идея возрождения (*renovation*) Римской империи и принцип «общего блага», интерпретированный применительно к новым условиям.

Свое воплощение эта концепция нашла в обряде помазания, воспринятого франками в середине VIII в. в связи со вступлением на престол Пипина Короткого. Для короля, не принадлежавшего к правящей династии, эта священная санкция имела исключительное значение, о чем свидетельствует тот факт, что Пипин прошел обряд посвящения трижды: сначала в ноябре 751 г. в Суассоне франкская знать по древней германской традиции подняла его на щит и громкими криками одобрения провозгласила королем. Затем, в том же 751 г., состоялась коронация по христианскому обряду: св. Бонифаций — уже от имени папы Захария (741–752) — возложил на Пипина королевскую корону; а в 754 г. церемония повторилась в Сен-Дени: на этот раз Пипин получил корону непосредственно из рук папы Стефана II (752–757), совершившего обряд помазания святым елеем и благословившего нового короля. С этих пор помазание стало основой ритуала королевского посвящения, и его принимали все без исключения франкские и в дальнейшем французские короли на протяжении целого тысячелетия (последним был Людовик XVI, вступивший на престол Франции в 1774 г.).

Это нововведение нашло свое отражение в королевской титулатуре. Если в 760 г. Пипин говорил, что «Божественное Проведение

помазало нас на королевский престол», то начиная с Карла Великого все европейские государи титуловали себя «королями милостью Божьей» (*gratia Dei rex*), тем самым декларируя законность своей власти.

Теократическая концепция государства разрабатывалась с конца V в. Понятие «королевская теократия» означает тесный союз и активное взаимодействие светской власти с духовной и предполагает главенство первой не только в светских, но и в церковных делах. В каролингскую эпоху Алкуин (*735–804), не только учитель, но и сподвижник Карла Великого, разделявший стремление последнего создать христианскую монархию в духе идей бл. Августина, добавил новые элементы: король должен обращать язычников в христианскую веру и, председательствуя на церковных соборах, участвовать в догматических спорах. Только таким образом король станет «миротворцем» — реализует мир, согласие и единодушие народа, вверенного ему Богом.

В правление Людовика I Благочестивого (814–840) концепция королевской власти получила дальнейшее развитие. Королевская власть стала восприниматься как установленный Богом институт и как должность/функция/служба (*regale ministerium*), которая реализуется через единый народ Божий. «Однако, — писал Иона, епископ Орлеанский, в своем трактате *De institutione regia*, — она может лишиться своего священного характера, если король не исполняет своей главной миссии — отправления божественного правосудия». Из этого следует, что харизма, которая окутывает королевскую власть посредством помазания, является скорее институциональной, чем личной. Она связана именно с «королевской должностью». По словам Ионы, «королевская функция» заключается в том, чтобы управлять и править народом Божьим справедливо и правосудно, чтобы народ мог познать мир и согласие. «Королевская должность» имеет своим началом милость Божью, передаваемую обрядом миропомазания, и конец, который наступит лишь тогда, когда будет реализован «совершенный мир» бл. Августина. Приближение этого конца связано с ценностями христианской морали: король должен жить простой, богобоязненной жизнью, править благочестиво, справедливо и милосердно — лишь в этом случае он имеет право называться королем, иначе же войдет в число языческих тиранов древности. Чтобы заслужить свой титул, король обязан надзирать за своими подданными, чтобы и они придерживались христианских ценностей, т. к.

король несет ответственность перед Богом за спасение вверенного ему народа. Таким образом, королевская власть является должностью, которая осуществляется через единый народ Божий.

Епископ Лионский Агобард около 817 г. писал в своем трактате, что король правит народом Божьим, который является мистическим телом Христовым, и потому должен слить воедино все племена и народы. Объединившись под властью одного благочестивейшего короля, этот единый народ будет управляться единым, всеобщим законом. Таким образом, идея единства и универсальности слилась со вторым принципом, на котором зиждилась Каролингская держава, — с идеей «общего блага» и «возрождения» Римской империи.

Вдохновляясь этими идеями, Карл Великий провозгласил себя императором и на Рождество 800 г. был коронован в Риме. В своих отношениях с папским престолом он делал акцент на королевской теократии. В 799 г. Карл писал Льву III (795–816): «Мне принадлежит защита Церкви Христовой силой оружия — вовне, против язычников. А вам, Святейший отец, следует, воздев руки к Богу с Моисеем, помогать вашими молитвами успеху моего оружия».

Имперская идея призывала к универсальной власти и в принципе была чужда патримониальности, т. к. по традиции империя была неделима. Наиболее яркое и успешное воплощение она нашла в объединительной политике Карла Великого, предполагавшей сохранение государственного единства и в дальнейшем. Но этому противоречила многовековая практика разделов, которую не удалось сломить, а также нараставший региональный сепаратизм. По Верденскому договору 843 г. созданная Карлом Великим империя распалась на три независимых королевства, в 855 г. их стало пять. Императорский титул больше не давал своему обладателю никаких реальных преимуществ, а его носитель затерялся среди слабых властителей Северной Италии.

Распад происходил не только на вершине государства, но и в основании. Вместе с формированием феодального землевладения закладывались основы иерархической структуры и вассально-ленных связей. Вассалов (*vassi regales*) имел не только король. Графы, маркграфы, епископы и аббаты, превратившиеся из королевских служащих в независимых хозяев своих обширных владений, также стремились завести своих вассалов (лат.: *vassi vassorum*; *vavasseurs*). Так как вассал приносил клятву верности прежде всего своему сеньору

и только потом королю, то сеньор превращался в своеобразную преграду между вассалом и агентами государственной власти или Церкви. Так, если было необходимо собрать войско, то сеньоры собирали каждый своих вассалов и сами приводили их к королю. К этому добавилось право сеньора самому судить своих вассалов, по крайней мере за мелкие правонарушения. К середине X в. Западно-Франкское королевство представляло собой конгломерат соперничавших между собой крупных феодальных владений, фактически самостоятельных перед лицом королевской власти. Сама королевская власть находилась в глубоком кризисе, и на протяжении столетия (888–987) трон оспаривали две династии — дряхлеющие Каролинги и набиравшие силу Робертины.

Общеплеменные собрания. Одним из пережитков эпохи военной демократии в Меровингском королевстве являлись общеплеменные собрания, которые уже в конце V в. проводились лишь в исключительных случаях, например для избрания Хлодвига королем над рипуарскими франками. Однако этих собраний уже не существовало во времена составления Салической правды (ок. 510 г.). Собрания свободных франков сохранялись лишь в сельских общинах, где довольно долго играли значительную роль в отправлении правосудия.

На рубеже V–VI вв. общеплеменные собрания были заменены *Мартовскими полями* (*Campus Martis*) — военным смотром ополчения, который проводился в начале весны и на который воины должны были явиться в полном боевом снаряжении. Военной службой были обязаны все свободные общинники; они сами себя экипировали и содержали во время похода. В период исполнения военной службы каждого воина защищал тройной вергельд в 600 солидов.

Мартовские поля дольше всего сохранялись в регионе компактного расселения франков — в Австразии; в Нейстрии же и Бургундии они исчезли вскоре после смерти Хлодвига. Но в конце VII в. Мартовские поля были возрождены во всем Франкском государстве: король созывал необходимое количество воинов через графов, которые и возглавляли отдельные отряды. В VII в. на военную службу призывались не только свободные франки-общинники, владевшие собственными земельными наделами, но также галло-римляне и свободные держатели чужих земель — колоны и прекарисы. К началу VIII в. зафиксировано участие в военных походах литов со своим господином. Уже в VI в. уклонение от военной службы было не

редкостью, за что в Рипуарской правде предусмотрен значительный штраф для тех, кто не явился к войску.

После бенефициарной реформы Карла Мартела конница во франкском войске заметно потеснила пехоту, и в 755 г. Мартовские поля были заменены *Майскими (Campus Maii)*, когда на пастбищах уже было достаточно молодой травы, чтобы прокормить лошадей. Каролингское войско, как и ранее, не было постоянным государственным институтом — по окончании кампании воин-работник возвращался к себе домой со своей частью военной добычи.

Карл Великий уделял много внимания своему войску, заботился о нем и не скупился на награды. Войску посвящены многие статьи капитуляриев, за долгие годы Карл усовершенствовал и отточил весь механизм призыва перед новой кампанией.

Когда решение о проведении военного похода было принято, назначалось место сбора и определялось необходимое количество воинов. Графы, получив королевские капитулярии, созывали ополчение, контролировали его вооружение и запасы продовольствия. Исключением не являлись и свободные люди, жившие в епископских владениях. Хотя сами духовные лица не участвовали в сражениях (им запрещалось проливать кровь), их отряды вели в бой специальные королевские агенты, замещавшие епископа или аббата в военных и юридических вопросах, — адвокаты (*advocatus, défensor, tuitor*; франц.: *avoué, défenseur, tuteur*). Но и они были обязаны находиться рядом: исповедовать умирающих, хоронить мертвых, проповедовать и обращать в христианство язычников. Специальные должностные лица, занимавшиеся военным призывом, — *эрибаны* (от старогерм. *heer ban* — военный призыв от франц.: *hériban*) — были обязаны взимать штрафы с опоздавших или не явившихся к месту сбора. Дезертиры обвинялись в преступлении против короля, за которое полагалась смертная казнь с конфискацией имущества.

К Мартовским полям была приурочена *Генеральная Ассамблея (synodus/conventus generalis, чаще всего placitum generale; франц. plaid général)*, на которую собиралась только светская и духовная знать, представлявшая «народ». Весенняя ассамблея считалась наиболее значительной и обычно была более многочисленной: на ней в обязательном порядке присутствовали графы и герцоги, епископы, управляющие королевскими поместьями — доместики, а также королевская дружина — антрустионы и, естественно, королевские

родственники и высшие должностные лица королевского дворца. На рассмотрение ассамблеи выносились самые важные государственные проблемы — вопросы войны и мира, отправление и прием посольств, новые законы, отчеты должностных лиц, назначения на высшие государственные должности, избрание епископов, пожалования земель и т. д.

Об ассамблеях Каролингской эпохи известно больше. Их также было две — весенняя (майская) и осенняя (чаще всего октябрьская), из которых первая была особо торжественной. Собрания обычно проходили на открытом воздухе или в случае непогоды в обширных залах. Большую часть правления Карла Великого (768–814) для ассамблей выбирались разные места, но после 800 г., когда двор осел в Аахене, они чаще всего проводились там. Людовик I Благочестивый (814–840), напротив, предпочитал свои резиденции в Компьене, Диденхофе и Ингельгейме.

На майскую ассамблею съезжалась вся военно-политическая и церковная элита государства — герцоги и графы, епископы и аббаты, королевские вассалы и подвассалы. Светские и духовные гранды обсуждали предложенные вопросы отдельно друг от друга.

На этой ассамблее рассматривалось положение дел во всем королевстве на текущий год, и, если верить Хинкмару, то, «что там было решено, никакое событие не могло заставить изменить, если только это не была настоятельная и общая для всего королевства необходимость» (гл. 29). По его же словам, «наиболее значительные светские и церковные гранды обсуждали и принимали решения; менее значительные [сеньоры] давали им свое согласие, иногда также совещались и утверждали эти решения, но не насильно и слепо, а своим собственным побуждением и умом» (гл. 30). Если император Карл отсутствовал на заседаниях ассамблеи, то участники задавали ему необходимые вопросы через посредничество дворцовых служителей или могли навестить его и свободно с ним беседовать или даже позвать на заседание (гл. 34–35).

Осенняя ассамблея проходила в более узком составе, чем весенняя, но была не менее важной. На нее собирались наиболее значительные гранды королевства и главные королевские советники. Они готовили работу будущей весенней ассамблеи и рассматривали вопросы, решение которых не терпело отлагательств. Эти решения хранились в секрете ото всех прочих вплоть до следующей Генеральной ассамблеи.

Принятые на ассамблеях решения материализовывались в распоряжения капитуляриев, которые рассылались по всему королевству для исполнения. Но большая часть решений оставалась в устной форме, озвученная во время заседаний и по германскому обычаю, одобренная громкими криками присутствующих.

Если Карл Великий имел достаточно власти, чтобы убедить или заставить собравшуюся на генеральную ассамблею знать принять удобное ему решение, то позднее уже ассамблея диктовала свои требования королям. Как следствие, она становилась неуправляемой; ее участники уже не совещались, а скорее заключали с королем своего рода договор об управлении государством. Важной вехой здесь стала ассамблея, проведенная в июне 877 г. перед походом на помощь папе, когда император Карл II Лысый (875–877) под нажимом светских и духовных грандов согласился с тем, чтобы во время его отсутствия королевством временно управлял *Совет верных (Consilium fidelium)*.

Последовавший за смертью Карла Лысого десятилетний период неразберихи, когда короли правили очень недолго и когда норманнские вторжения следовали одно за другим, подорвал устоявшийся ритм созыва ассамблей. Поскольку на них более не решались важные для всего королевства вопросы и не приходилось рассчитывать на военную помощь ослабевшей королевской власти, то их посещало все меньше грандов, и обычно заседали одни только епископы. Ассамблеи перестали созываться регулярно, а потом и вовсе исчезли.

Дворец. Истинным центром государственного управления в Меровингскую и Каролингскую эпохи являлся королевский дворец (*palatium, palais*), который в отличие от ассамблей функционировал постоянно. «Дворец — это не жилище, а известная совокупность людей, персонал приближенных, окружавших короля и при его перемещениях перемещавшихся вместе с ним»¹. В документах он назывался *palatium Regis, aula Regis, domus Regis, Regis comitatus*. Санкт-галленский монах Ноткер (†912) в «Деяниях Карла Великого» (II, 21) употребил и новое для своего времени выражение “*Curia Regis*”, которое станет преобладающим в Капетингскую эпоху. Формула *ad palatium venire* означала не «приехать в тот или иной королевский дворец», а «явиться туда, где находился король»; *servire vel militare in palatio* значило «находиться на службе у короля».

---

¹ *Фюстель де Куланж Н. Д.* История общественного строя древней Франции. Т. VI. Петроград, 1916. С. 389.

Вплоть до конца X в. королевский дворец представлял собой центральную власть в королевстве, хотя, конечно, не являлся центральным правительством в современном понимании этого слова. Он объединял не только королевскую фамилию и ее родственников, но также некоторое количество светских и духовных лиц, постоянно живших во дворце и называвшихся палатинами (*palatini, aulici; palatins, auliques*). Стать палатином помимо государевой воли было невозможно: король выбирал их — при безусловной верности, которой они все были ему обязаны, — исходя из их талантов и знаний. Все они пользовались особым покровительством короля и его милостями. По желанию короля они отправляли определенные должности (граф-палатин, сенешал, кравчий, канцлер и т. д.) и исполняли отдельные или постоянные поручения. Кроме того, дворец был своеобразной школой для знатных юношей, называвшихся «питомцами» (*nutriti, nutrici; nourris*), которые жили во дворце, воспитывались и обучались за королевский счет у своих наставников — дворцовых должностных лиц — и приобретали опыт государственного управления. Из этого питомника король черпал новые кадры своих администраторов и военачальников. В Меровингскую и Каролингскую эпохи карьера обычно развивалась в направлении от дворца к периферии — от разного уровня придворных должностей к посту графа, епископа или аббата крупного и богатого монастыря, потом, сделав круг, иногда возвращалась на высшие должности во дворце.

Отдельную группу палатинов образовывали *антрустионы* (*antrustiones* от герм. *Trustis* — верность и покровительство), или *лейды*. Это была военная элита, составлявшая королевскую дружину. Каждый из них приносил особую, личную клятву (*leudesamium*) «в руки короля», обязуясь быть верным ему душой и телом. Но лейды никогда не были личной охраной короля в современном понимании этого термина, или гвардией, появившейся гораздо позднее. Во время войны они становились главной ударной силой всего войска, «священным отрядом», сражавшимся рядом с королем, а в дни мира участвовали в управлении государством, исполняли ответственные поручения короля. Согласно Салической правде, вира за убийство антрустиона равнялась вире за убийство графа и составляла 600 солидов, т. е. в три раза выше, чем за свободного франка (гл. 41, § 1–3).

Обязанности палатинов были обширными и весьма изменчивыми согласно воле короля и неотложным нуждам королевства. Хроника Эйнхарда дает нам поразительные примеры поручений, казалось

бы, не имеющих никакого отношения к должностным обязанностям данного лица: так, кравчий отправляется с посольством к папе (781 г.); постельничему, конюшенному графу и графу-палатину поручается командование войсками (782); нотариий готовит флот (801); другой конюшенный граф командует военным флотом и возглавляет защиту Корсики от сарацинских пиратов (807); начальник дворцовых привратников отправляется в Италию вместе с юным королем Лотарем, чтобы «своими советами управлять как в доме, так и делами королевства» (822 г.); канцлер-аббат Хелизахар направляется в Испанскую марку для усмирения мятежа (827 г.). И, естественно, долг всех палатинов — участвовать в военных походах своего государя; именно поэтому в 778 г. префект Бретонской марки, сенешал и управляющий дворцом оказались в Пиренеях и сложили свои головы в Ронсевальском ущелье, прикрывая отступавшую королевскую армию.

Служба королю была не только почетной, но и доходной. Помимо доли в военной добыче должностные лица имели *honores*, т. е. определенную часть от доходов королевских владений на отправление своей должности. Кроме того, исполняя возложенные на них поручения, королевские посланцы и должностные лица во время передвижения по стране могли требовать от населения лошадей и продовольствие — хлеб, вино, мясо, а также пользоваться чужими пастбищами, т. е. все то, что позднее оформится в право постоя и прокорма (*gîte et procuration*).

Королевский совет. Наиболее приближенные к королю люди (*convivi regis* — сотрапезники) образовывали *Королевский совет* (*consilium Regis, conseil du roi*), постоянным ядром которого являлись должностные лица различных уровней. В число советников (*consilarius, conseiller*) входили ближние и дальние родственники короля, а также целый ряд людей, не являвшихся палатинами, но прославившихся своими знаниями, мудростью и благочестием. Последние прибывали ко двору время от времени по приглашению короля или по собственному желанию.

Однажды выбранных членов Совета обучали, чтобы они могли достойно участвовать в принятии решений. Будущих королевских советников искали среди должностных лиц: «Если среди прочих должностных лиц находился один, который прежде слушал, а потом давал советы и был достоин с честью заменить одного из советников, ему приказывали присутствовать при всех решениях и обращать

наибольшее внимание на дела, которые там обсуждаются, хранить тайну, учиться тому, чего он не знает, запоминая то, что приказано и установлено таким образом» (гл. 32).

Королевский совет созывался между ассамблеями по желанию короля, частично или целиком, по мере необходимости, для решения назревших или внезапно возникших проблем, для обсуждения перспектив. В этом собрании не существовало никакой специализации — все советники рассматривали все дела, которые предлагал государь. Они могли касаться внешней и внутренней политики, военных действий и заключения мира, выбора и назначения отдельных лиц на должности, а также частных интересов.

В компетенции Совета находились и все внутренние дела королевского дворца, которые не выносились на ассамблеи. Видимо, поэтому присутствие должностных лиц на королевских советах было обязательным, особенно апокрисиария и камерария, а в Меровингскую эпоху также майордома. Иногда случалось так, что некое внезапное событие требовало принятия столь срочных мер, что не было времени созывать советников, пребывавших вне дворца, и тогда решение возлагалось на должностных лиц дворца, которые должны были «согласно обстоятельствам и времени, либо решительным образом прекратить то, что происходило, либо по крайней мере указать средства беспрепятственно успокоить или удержать дело в неопределенности вплоть до назначенного времени» (гл. 32).

Должности. Для управления своими владениями государю были необходимы многочисленные слуги — верные и опытные, которые помогали бы ему в осуществлении властных полномочий в «центре» (во дворце) и по всему королевству. Сначала король выбирал их среди своих соплеменников-франков, но уже Хлодвиг стал привлекать бывших римских чиновников, вводя их в круг своих палатинов. Из числа последних выделялись *министеруалы* (*ministeriales*), или *доместики* (*domesticus, domestique*), которых король считал необходимыми помощниками. Он мог оставить их при себе во дворце или послать в отдаленное поместье управляющими — король и королевство (государство) были неразрывно связаны, даже слиты между собой.

Сведения о должностях, существовавших в Меровингскую эпоху, не отличаются полнотой — хроники и грамоты обычно упоминают только высших слуг короля — майордома (*major domus, gubernator palatii; majordome*), референдария (*referendarius, référendaire*), графа-палатина (*comes palatii, comte du palais*), камерария (*camerarius*,

chambrier), конюшенного графа (*comes stabuli, comestabulus; connétable*), маршала (*marescalcus, maréchal*), слугу в личных покоях/постельничего (*cubicularius*) и графов.

Должностные лица Каролингского времени благодаря Эйнхарду, Хинкмару и другим авторам известны лучше. Прежде всего следует назвать апокрисиария (*apocrisiarius, capellanus, custos palatii; apocrisiaire*), графа-палатина, камерария, архиканцлера (*archicancelarius, archichancelier*), мансионария (*mansionarius, maître du logis*), сенешала (*senescalcus, magister/praepositus regis mensae, princeps coquorum, dapifer; sénéchal*), кравчего (*buticularius, magister pincernarum; bouteiller*), а также служащих более низкого ранга — казначея (*sacellarius, trésorier*), привратника (*ostiarius, huissier*), эконома (*dispensator, dépensier*), хранителя посуды (*scapoardus, gardien de la vasseille*), ловчих (*venator, veneur*), сокольничего (*falconarius, fauconier*), бобрятников/охотников на бобров (*beverarius, chasseur de castors*), слуг на псарне/псарей (*bersarii, officiers des chiens*).

По словам Хинкмара, «следуя природе и значимости каждой должности для ее исполнения выбирали человека столь же благородного своим сердцем, сколь и телом, верного, образованного, скромного и сдержанного» (гл. 18). Кроме того, учитывалось происхождение претендентов, с тем чтобы они по возможности представляли все области королевства.

Как всякий знатный франк, король имел во дворце целую группу слуг, обеспечивавших его ежедневные потребности: один занимался столом своего господина и припасами к нему, другой отвечал за винный погреб, третий — за одежду и постель, четвертый — за лошадей и повозки и т. д. И еще один, стоящий над ними, организовывал и координировал работу этих слуг, а в случае надобности карал за провинности. Этот «старший по дому» — майордом (*major domus, gubernator palatii; majordome, maire du palais*) — нес на своих плечах главную ответственность — общее обеспечение насущных нужд всей большой королевской «фамилии», которая тем более не сидела на одном месте, а передвигалась из одной королевской вотчины в другую по всей стране. И каждую такую виллу-поместье майордом должен был приготовить к приему короля и его свиты, обеспечить поставки продуктов из окрестных доменов, организовать на месте работу многочисленных слуг более низкого ранга. Отсюда понятна важная роль майордома и та власть, которая логично вытекала из его положения при короле.

Григорий Турский в своей «Истории франков» впервые упоминает майордома в связи с событиями, относящимися к правлению Сигеберта I (561–575). Уже тогда должность майордома была весьма значительной — следующим шагом по иерархической лестнице могла стать епископская кафедра. Живший в VII в. Фредегар устойчиво называет должность майордома «почетной». Майордом выбирался королем и назначался на должность с одобрения генеральной ассамблеи.

Настоящий расцвет должности майордома пришелся на VII в. — эпоху малолетних королей и братоубийственных войн между тремя франкскими королевствами. Наделенный широкими полномочиями майордом остался без естественного контроля со стороны главы государства. Обладая огромными как личными, так и домениальными ресурсами, опираясь на собственных дружинников и многочисленную клиентелу, майордом постепенно забрал в свои руки управление государством, стал главой войска и настоящим хозяином королевства, практически заменив собой «бессильного» короля. Последний, утратив реальную власть, лишь подписывал эдикты и представлял на церемониях как символ королевства.

Династия Пипинидов — предков Каролингов — начиная с первой четверти VII в. более столетия занимала эту должность. Пипин II Геристальский (†714), в 687 г. победивший нейстрийцев в сражении при Тертри, стал полновластным хозяином всех трех франкских королевств и лишь для видимости посадил в них отдельных майордомов: в Бургундии — своих сыновей, в Нейстрии — зятя. Карл Мартелл (714–741) в 737–741 гг. благополучно правил вообще без короля. Его сын и преемник Пипин III Короткий (741–768) в 751 г. отбросил последние условности: он был избран королем по франкскому обычаю и с благословения папы римского помазан святым елеем по христианскому обряду. Со вступлением бывшего майордома на королевский престол эра всемогущих майордомов закончилась, ибо не стало «бессильных» королей.

По-видимому, уже Пипин Короткий, памятуя о печальной участи своих предшественников Меровингов, разделил всю совокупность обязанностей, прежде исполнявшихся майордомом, между тремя персонами: апокрисиарием, графом-палатином и королевой.

Основным помощником майордома в Меровингскую эпоху являлся *мансионарий* (*mansionarius, maître du logis*). В его обязанности и входил уход за королевскими виллами и мебелью, за расселением в них королевской семьи, палатинов и гостей. В этом ему помога-

ли помимо младших слуг (*junior*) сенешал, кравчий, ловчие, а также служба конюшенного графа.

После исчезновения должности майордома мансионарий, по всей видимости, перешел в прямое подчинение королевы, на плечи которой легли основные заботы интендантского характера. Во всяком случае Хинкмар говорит о том, что высшие должностные лица были равноправны между собой, зависели только от короля и — в некоторых случаях — от королевы, но по службе они все должны были сотрудничать и помогать друг другу (гл. 19).

Для обозначения главы королевской канцелярии на протяжении раннего Средневековья существовало несколько названий: референдарий (*referendarius, référendaire*), апокрисиарий (*apocrisiarius, apocrisiaire*), архикапеллан (*archicapellanus, archichapelain*), примicierий (*primicerius, primicier*) — только к IX в. окончательно утвердилось название архиканцлер (*archicancellarius, archicancelier*) и позднее просто канцлер (*cancellarius, chancelier*).

В Меровингскую эпоху *референдарием* называлось должностное лицо, которому поручалась забота о королевском перстне-печати. Название этой должности происходит от позднелатинского глагола *referendare*, в свою очередь восходящего к глаголу *refero* (докладывать, сообщать), и сначала обозначало, по-видимому, просто «докладчика», сообщавшего государю о состоянии дел во дворце и в королевстве. Он же отвечал за канцелярию и хранил архив. Под его началом находились писцы (*scriba*) и нотариусы (*notarius*); они со слов короля составляли грамоты, которые потом референдарий подписывал и скреплял печатью. Первоначально на эти должности назначались люди галло-римского происхождения, ибо только они сохраняли римскую культуру — грамотность и традиции императорской дипломатики, включая практику составления формуляров.

Кроме того, будучи особой приближенной, референдарий исполнял особо важные поручения короля или королевы, в том числе командовал войском. После отставки он вполне мог рассчитывать на пост епископа.

Термин *апокрисиарий* восходит к эпохе поздней Римской империи. Тогда это был чиновник императорского дворца, в обязанности которого входило разбирать споры между должностными лицами во дворце, отправлять посланцев и уведомлять просителей об ответах императора. От последней функции и произошло название его должности (греч. *Apocrisis* — ответ).

При Карле Великом его функции совершенно не соответствовали названию должности. Хинкмар сообщает, что со времени императора Константина I Великого (306–337) апокрисиарием называлось духовное лицо, занимавшееся при императорском дворе делами Церкви. Позднее — с крещением бывших варваров и образованием варварских королевств — папы римские направляли своих легатов — обычно дьяконов или священников — с такой же миссией ко всем дворам (гл. 14). В Каролингскую эпоху апокрисиарий, всегда выбиравшийся среди деятелей Церкви, отвечал за дворцовую часовню и возглавлял клир (гл. 16). Отсюда происходят два других названия той же должности: *архикапеллан* (от латин. *sarra* — плащ св. Мартина Турского) и *примицерий* (первое должностное лицо в церковном капитуле). Хинкмар называет его также «хранителем дворца» (*custos palatii, gardien du palais*) (гл. 14, 19). В ведении апокрисиария находилось все то, что касалось религии и церковной иерархии, а также вопросы взаимоотношений между канониками и монахами — т. е. все церковные дела, поступавшие в суд; и он же решал, какие из этих дел должны быть представлены для решения королю. Кроме того, по словам Хинкмара, именно он был духовным отцом всех палатинов: давал им совет и утешение, оказывал моральную поддержку, «отвращал от извращенного замысла или дурного поступка и указывал им путь спасения» (гл. 20).

Королевская церковь-капелла была весьма важной частью дворца. Среди прочих священных предметов и святых мощей в ней хранилась главная реликвия франкских королей — плащ св. Мартина, почитавшегося апостолом Галлии и особым покровителем династии. Священные реликвии ценились очень высоко — они охраняли государя и его приближенных в мирное время, следовали за ним на войну и приносили победу. Плащ св. Мартина служил знаменем еще при Хлодвиге, который в 507 г. в сражении при Вуйе приказал нести его перед войском и одержал победу над вестготами. Когда в 732 г. Карл Мартелл разгромил сарацин при Пуатье, «плащ св. Мартина увидел вал отступавших захватчиков». Без святых мощей не мог бы функционировать трибунал графа-палатина, т. к. на них приносилась судебная присяга. Кроме того, при капелле размещалась и дворцовая школа.

Помимо церковных дел в ведении апокрисиария находилась канцелярия, т. к. людей, хорошо знавших латинский язык, умевших на нем читать и писать, легче всего было найти среди священнослужителей.

Непосредственно за канцелярию отвечал *протонотарий* (*proto-notarius*), которому подчинялись писцы и нотариусы. Среди последних особо выделяется *канцлер* (*cancellarius*). В период Поздней империи так именовалось должностное лицо вроде привратника, стоявшее около решетки (от лат. *cancelli* — решетка), отделявшей простонародье от места, где сидели судьи; позднее — при Меровингах — он превращается в секретаря суда. При Каролингах термин «протонотарий» уступил место «архиканцлеру» для обозначения главы канцелярии. Эта служба приобрела особую важность при Карле Великом вследствие его интенсивной законодательной и управленческой деятельности, охватывавшей огромное государство, и соответственно обилия корреспонденции — некоторые документы составлялись в 17 и даже в 34 экземплярах. Теодульф, епископ Орлеанский (798–821) и поэт, оставил нам зарисовку работы канцелярии: старший писарь (*dictator*), увешанный табличками, нараспев читает текст, который записывает целая группа писцов. Протонотарий и нотариусы составляли королевские акты, апокрисиарий контролировал точность дат, распоряжений и формулировок, чтобы акты не давали повода для произвольного толкования. Когда акт был составлен и подписан, именно канцлер прикладывал к нему кольцо-печать. В его же ведении находился королевский архив (*archivum nostri palatii, archivum publicum, armarium; archives*), куда поступали «обязательные» экземпляры всех грамот и договоров, заключенных королем, — «четвертый экземпляр имеет наш канцлер» (Капитулярий 808 г.). При необходимости в архиве снимались копии с документов.

Ввиду таких широких и важных полномочий апокрисиарий всегда выбирался с особым тщанием. Все исполнители этой должности в эпоху Карла Великого и позднее были выдающимися прелатами. Протонотариями (канцлерами) также были крупные церковные деятели, получавшие в награду за службу богатые аббатства или епископства.

Писцы и нотариусы для королевской канцелярии подбирались весьма придирчиво: кроме умения облечь в латинские слова мысли государя и сформулировать принятые решения, кроме знания «тиронских нот» — средневековой скорописи, которой можно быстро записывать речь, они должны были хранить нерушимую верность суверену и держать в абсолютной тайне все, что им доверили, «не позволяя себе взяточничества и любви к наживе» (Хинкмар, гл. 16).

Граф-палатин, или *дворцовый граф* (*comes palatii, minister palatinus; comte du palais*), с начала Меровингской эпохи и до начала XI в. яв-

лялся весьма значительным должностным лицом, главной обязанностью которого была помощь королю в управлении государством. В эпоху «бессильных» королей (вторая половина VII — первая половина VIII в.) он находится в подчинении майордома. Основной задачей графа-палатина являлось отправление правосудия во главе дворцового трибунала, который рассматривал преступления, допущенные против государя или в которых были замешаны люди, находившиеся под покровительством короля.

В Каролингскую эпоху граф-палатин, сохранив судебную власть, приобрел часть полномочий, прежде принадлежавших майордому, а также исполнял отдельные наиболее важные поручения государя. Хинкмар говорит о том, что обязанности графа-палатина «бесчисленны» (гл. 21). Он занимался всеми светскими делами, но правосудие оставалось среди них важнейшим. Трибунал графа-палатина, у которого обычно было трое помощников, рассматривал дела высшей знати или преступления особой тяжести. Решение могло быть оспорено и апеллировано прямо к королю, за которым оставалось последнее, окончательное слово. Кроме того, суд графа-палатина являлся высшей инстанцией по приговорам, вынесенным графами на местах. Ни одно светское лицо не могло обратиться к королю прежде, чем граф-палатин, выслушав просителя, принимал решение о необходимости передать дело королю. Если же дело было сугубо тайным и король должен был узнать о нем раньше всех, то граф-палатин уведомлял короля о таком визите (гл. 19).

Для работы граф-палатин располагал обширным и обученным персоналом, занятым перепиской приговоров; перед рассылкой граф-палатин скреплял их особой печатью (*sigillum palatii*), которую сам и хранил.

От майордома к графу-палатину перешли функции управления дворцом, всеми его службами «жизнеобеспечения», которые получили названия *officia*, или *ministeria*. Каждая такая служба имела отдельного главу (*magister*) и подчиненных (*ministri*, или *juniores*). В IX–X вв. под его началом находились: ведомство сенешала (съестные припасы, хлебный дом, кухня); ведомство кравчего (вино); ведомство конюшенного графа (лошади и повозки); ведомство камерария (казна и финансы), а также личные покои короля, его развлечения — главным образом охота, которую организовывали ловчие и сокольники, — и охрана. При Людовике Благочестивом к ним добавилась служба привратников во главе со своим начальником

(*magister ostiariorum*), которая занималась организацией императорских аудиенций. Во время праздников граф-палатин указывал каждому из приглашенных место за столом, изгонял посторонних; именно он находится у королевского места.

В целом власть графа-палатина может быть сравнима с авторитетом регента или «маленького короля» (*subregulus*). Естественно, что на такую ответственную должность назначал лично король, выбирая из людей, не только преданных и испытанных в сражениях, но и славящихся справедливостью и знанием законов.

Должность *сенешала* восходит ко времени, предшествующему образованию «государственных структур». Старший слуга (герм. *Siniskalk*) в доме знатного франка, в Меровингскую эпоху он стал заведующим королевским столом и припасами (*senescalcus, magister/praepositus regiae mensae, princeps coquorum, dapifer; sénéchal*) под руководством майордома. При Каролингах сенешал перешел под начало графа-палатина и взял на себя часть обязанностей упраздненного майордома. В его ведении по-прежнему находились съестные припасы, хлебный дом и кухня. Вместе с кравчим и конюшенным графом он должен был подготовить каждую из королевских вилл к приему путешествующего двора — фактически он становится главой королевского дворца и воспитывавшихся в нем знатных юношей, обеспечивает жизнь всей «фамилии». Как и все палатины, сенешал должен был участвовать в военных походах своего государя. Правда, не удалось найти упоминаний о том, что сенешал возглавлял войско, но отмечена его почетная и опасная обязанность нести королевское знамя. Также он мог исполнять отдельные важные поручения своего господина.

Должность *кравчего* (*buticularius, magister pincernarum, pincerna regis; bouteiller*) имела столь же древнее происхождение, как и сенешальская. С самого начала на кравчем лежала забота о поставках вин в королевские подвалы. В Меровингскую эпоху он подчинялся майордому, а при Каролингах перешел под руку графа-палатина, сотрудничая с сенешалом, конюшенным графом и мансионарием в том, что касалось обеспечения едой и питьем королевской «фамилии», постоянно переезжавшей из одного поместья в другое. Как приближенный к королю палатин, кравчий выполнял и особые поручения государя.

Хотя с самого начала королева считалась управительницей королевскими покоем и хранительницей казны, на деле всем этим — под ее руководством — занимался именно *камерарий* (*camerarius, chambrier*). В его ведении находились государственные финансы, ко-

ролевские регалии и драгоценности, но также жилые помещения королевской фамилии, мебель, постель и платье; кроме того, камерарий заботился о приеме гостей и послов. Хинкмар сообщает, что камерарий занимался организацией королевских торжеств, он же принимал дары от вассалов и различных посольств, причем последние, согласно приказу короля, не должен был обсуждать с королевой (гл. 22). С начала Меровингской эпохи и позднее, вплоть до середины XII в., все это было тесно взаимосвязано, т. к. король хранил свою казну в запертой комнате, первоначально называвшейся *camera*, рядом со своей спальней. В подчинении камерария находился целый штат дворцовых слуг — хранителей посуды, платья, мебели, комнатных слуг, ключников, ведавших разного рода кладовыми, лекарей, цирюльников и т. д. Главным помощником камерария был *эконом* (*dispensator, depénsier*). Хинкмар упоминает также *келаря* (*sacellarius*), который, по-видимому, тоже был подчиненным камерария и непосредственно отвечал за сохранность казны; он же занимался составлением росписи доходов и расходов, податными списками.

С Меровингских времен известна должность *постельничего* (*cubicularius*) — доверенного слуги в королевской спальне (*cubiculum*), который должен был бодрствовать всю ночь, охраняя сон короля, а утром предложить ему горячую ванну (точнее, лохань, застеленную тканью от заноз) и полотенце. Промозглыми зимними ночами, если король ложился спать один, постельничий разделял с ним ложе, согревая своим теплом, — этот обычай сохранялся еще в XVII в. При Каролингах личная служба подле государя не мешала постельничим командовать войсками и исполнять другие важные поручения своего господина. При Людовике Благочестивом постельничих было несколько, и их возглавлял отдельный начальник (*magister cubiculorum*).

В Каролингскую эпоху, по всей видимости, под началом графа-палатина уже существовала должность *управляющего дворцом* (*gubernator palatii*), который непосредственно занимался внутренней жизнью дворца, приняв на себя часть обязанностей упраздненного майордома.

Конюшенный граф (*comes stabuli, comestabulus, connétable*), — как следует из латинского названия этой должности, с самого начала имел обязанности, связанные с конюшней и лошадьми, в том числе с королевскими каретами и повозками, на которых перевозили мебель во время многочисленных перемещений двора; конюшенный граф также помогал майордому и позднее сенешалу в заботах о королев-

ском столе: свозил припасы в амбары, подвалы и сараи. Как и все прочие должностные лица дворца, конюшенный граф исполнял поручения короля дипломатического или военного характера.

Обязанности *маршала* (франкск. *marhschalk* от герм. *marah* — лошадь и *skalk* — слуга) в этот период также сводились к присмотру за конюшней и уходу за королевскими лошадьми дома и в походе, прежде всего к их кормлению и ковке. В подчинении у маршала было несколько конюхов и кузнецов (франц. *maréchal-ferrant*). То, что уже в Меровингскую эпоху у королевы была своя конюшня и соответственно свой маршал, видимо, и породило традицию назначения двух маршалов одновременно. В это время маршал находился в подчинении у конюшенного графа. И позднее, когда конюшенный граф стал коннетаблем, маршал оставался его подчиненным вплоть до упразднения должности коннетабля в 1627 г.

Местная власть. Еще до завоевания Галлии у франкских племен существовало деление на округа и сотни (несколько сотен составляли округ). Подчинив территории бывшей Римской империи с уже сложившимся административным делением — племенные земли с центром в античном *ситэ* (*civitas, cité*), обычно укрепленном, где находилась местная администрация и религиозный центр, — франки оставили эту систему нетронутой на юге. На севере — за Луарой, где территории были слишком обширными и создавали трудности для эффективного управления и контроля, они были поделены на более мелкие части. Со временем и старые, и новые административные единицы стали называться графствами (*comitatus, comté*) или пагами (*pagus, pays*), в северо-восточной Галлии и зарейнских землях — гау (*Gau*). Система назначаемых (или сменяемых, или бенефициарных) *графов* — должностных лиц короля (*grafio, comes; comte*) начала складываться уже при Хлодвиге (486–511) и формально сохранялась во Франкском государстве до конца IX в. В июне 877 г. капитулярий Карла II Лысого, данный в Кьерзи-сюр-Уаз, законодательно установил наследственность графской должности.

Короли направляли в графства своих приближенных, доверенных людей. Франкские короли быстро наладили тесное сотрудничество с галло-римской знатью захваченных территорий, раздавая ей важные должности на местах. Достаточно сказать, что из 43 назначаемых графов, известных в VI в. к югу от Луары, более половины — 27 — были галло-римлянами. Более того, согласно эдикту короля Хлотаря II от

614 г., ни одно должностное лицо, начиная с графа и его подчиненных, не должно было назначаться в те области, где оно не имело владений. Таким образом, королевская власть добивалась, чтобы должностные лица своим имуществом отвечали за причиненный ущерб.

Граф (в VI в. на юге он еще назывался *praefectus* или *rector Provinciae*) являлся олицетворением короля на местах. От имени государя он осуществлял полную власть и королевское покровительство, отвечал за исполнение королевских распоряжений. В силу этих полномочий граф соединял в своем лице юридические, административные, финансовые и военные функции. Он надзирал за поступлением доходов от земель королевского фиска, за сбором пошлин, налогов и штрафов, контролировал монетную чеканку и обмен, мобилизовывал ополчение в своем округе и приводил его в королевскую армию.

Графства делились на более мелкие административные единицы — сотни (*centena, centaine*) или — на Юге — вигерии (*vicaria, viguierie*), во главе каждой стоял *центенарий*, или *сотник* (*centenarius, centenier*), или *викарий* (= заместитель; *vicarius, viguier*). Обычно граф сам произвольно выбирал этих людей, и они несли ответственность только перед ним, а не перед королем. Из других «сотрудников» графского аппарата лучше всего известна самая ненавистная для населения фигура — *сборщики налогов* (*exactor fisci, exacteur*). Они отвечали за сбор налогов и в случае недоимок то, что не сумели получить с податного населения, должны были внести в казну из своего имущества. Этот порядок был отменен королем Хильдебертом II (570–586). Каждый граф располагал и военным отрядом, являвшимся одновременно его свитой и охраной, а также исполнявшим полицейские функции. Но для преследования разбойников в границах сотни сотник мог призвать на помощь местных жителей, и тот, кто тотчас не явился, должен заплатить штраф в 5 солидов.

Граф обязан был поддерживать порядок на вверенной ему территории и, разъезжая по графству, вершить суд и расправу. В его компетенции находилось правосудие по обычному праву, которое отправлялось в рамках трибунала (*mallus publicus*). Такие судебные заседания под председательством графа (в этом случае он назывался *judex publicus*) проводились по очереди в каждой сотне/вигерии, относящейся к данному графству. Согласно германским традициям, все свободные люди были обязаны участвовать в заседаниях трибунала, который проводился на открытом воздухе, обычно на какой-нибудь возвышенности, которая называлась *malberg*, т. е. холм правосудия,

откуда и произошла латинизированная форма *mallus*. Это собрание, также по германской традиции, громкими возгласами подтверждало решение суда. Однако на практике трибунал ограничивался графом и его ассистентами, выбранными из числа свободных людей сотни, которые имели хорошую репутацию, — *добрые люди* (*boni homines*), или *рахимбурги* (*rachinburgius, rachimbourg*). Эти выборные судьи имели важное значение: они принимали участие в расследовании и допросах, чтобы составить собственное мнение по делу, и потом сообщали графу свое решение. Так как виновный должен был судиться по законам своего народа — галло-римским, франкским или бургундским, рахимбурги лучше, чем граф, ориентировались в различиях правоприменительной практики. Кроме того, именно они были обязаны утверждать результаты Божьего суда, или ордалий. Еще во второй половине VI в. сохранялась независимость рахимбургов от графа — последний не имел права явиться на заседание рахимбургов без их приглашения и не мог отказаться, если был приглашен.

Апелляционной инстанцией на решения графского суда являлся придворный трибунал графа-палатина. Штрафы и конфискации по делам, рассматривавшимся графским судом, поступали в доход королевской казны (*freta*) и самого графа.

Постепенно компетенция графского трибунала сужалась. В 614 г. эдиктом Хлотаря II из-под власти графа было выведено население церковных владений, которое теперь подлежало епископскому суду. Другая королевская привилегия передавала светским иммунистам право суда над зависимыми людьми в их собственных землях; сами же иммунисты подлежали суду придворного трибунала.

Каролингская эпоха полностью унаследовала систему территориальной власти в королевстве. После 800 г. Карл Великий провел преобразование самой структуры графств, которых стало около 400 и которые отчасти совпадали с прежними границами. Впрочем, графства не были приведены к какому-то среднему размеру: параллельно существовали как крошечные графства вроде Санлиса, так и огромные вроде Оверни. Как и ранее при Меровингах, граф — единственный и полномочный представитель верховной власти на местах — держал в своих руках все прерогативы государственной власти: администрацию, финансы, правосудие и военное дело. По крайней мере, с IX в. документально зафиксирована должность *вице-графа* (*missi-comes, vice-comes, vicomte*) (хотя она, вероятно, существовала и ранее) — заместителя графа, который исполнял его функции во вре-

мя отсутствия или болезни последнего. На отправление своей должности графы и вице-графы получали от короля обширные *honores* — узуфрукт от части королевского домена, обычно расположенного в том же графстве. Но вопреки традиции эдикта 614 г. Карл Великий старался направлять графов в те области, где они не имели собственных владений, чтобы личные интересы не возобладали над государственными. Время от времени он проводил «ротацию кадров», отзывая графов во дворец или назначая в другие, часто довольно отдаленные регионы. Более того, Карл предпочитал выбирать своих должностных лиц на места из числа людей, выросших и воспитывавшихся во дворце, из «питомника» дворцовой школы и требовал, чтобы графы регулярно приезжали во дворец с личными докладами и для участия в ассамблеях. Кроме того, графы должны были ежегодно присылать отчеты о своей деятельности, о проведении местных собраний и Майских полей.

Карл Великий позаботился и об улучшении правосудия на местах. *Mallus* был реорганизован — обязанность свободных франков участвовать в нем теперь ограничивалась тремя сессиями в год; произвольно выбранные судьи-рахимбурги были заменены постоянными заседателями — *скабинами* (*scabinus, échevin*), с тем, чтобы суд стал более профессиональным. Наконец, в 811 г. была введена некоторая специализация. На заседаниях трибунала по наиболее тяжким уголовным делам, за которые полагалась смертная казнь — убийство, воровство, разбой и поджог, граф должен был председательствовать лично и проводить его в своей «столице». За более мелкие правонарушения (до 3 солидов штрафа) в пределах своей подвластной территории мог судить сотник/викарий, а в землях, обладавших церковным иммунитетом, правосудие первой инстанции отправлял адвокат.

Созданный в последней четверти VIII в. институт *государевых посланцев* (*missus dominicus*) после 800 г. стал действовать более активно и регулярно. Императорские эмиссары (обычно их было двое — духовное лицо и мирянин — высокого социального положения) осуществляли реальную связь между центральной и местной властью. Перед отправлением в поездку они получали устные и письменные инструкции (Капитулярии посланцам). В их обязанности входило: разъяснение капитуляриев и контроль за исполнением заключенных в них распоряжений, проверка жалоб населения и при необходимости передача дел в суд высшей инстанции, т. е. надзор за графами на

местах и борьба со злоупотреблениями, часто возникавшими из-за долгого пребывания последних на должности. После проведения каждой инспекции государевы посланцы подавали императору отчеты. В 802 г. государевы посланцы получили и юридические полномочия — им по должности вменялось в обязанность параллельно с графами преследовать и предавать суду преступников и правонарушителей. За сопротивление действиям «посланцев» при выполнении ими королевских поручений следовало наказание вплоть до смертной казни.

Институт государевых посланцев просуществовал до последней четверти IX в. Сначала инспекции стали более редкими, в 843–864 гг. — уже нерегулярными, хотя еще охватывали все земли Западно-Франкского королевства. Сами посланцы теперь выбирались не из дворцовых должностных лиц, а из местной знати. После 864 г. король посылал уже одного-двух человек только по конкретному случаю, с конкретным поручением и в определенное место. После смерти Карла II Лысого (†877) этот институт, по-видимому, окончательно исчез.

Кроме государевых посланцев, наезжавших время от времени, за деятельностью графов присматривали местные епископы, которые также считались представителями публичной власти. Будучи обязанными участвовать в ежегодных общих собраниях, они информировали короля о положении дел в графствах и получали от него соответствующие указания.

Особыми зонами местного управления были марки, появившиеся только при Карле Великом и возглавлявшиеся *маркграфами* (*marchio, marquis*). Марки располагались на всех границах империи и были призваны прежде всего защищать внутренние области страны от набегов беспокойных и опасных соседей. Поскольку марки находились в отдаленных регионах, должность маркграфа была еще более ответственной, с более широкими полномочиями, чем графская, — вплоть до самостоятельного ведения военных действий и заключения перемирия. Обычно она поручалась особо доверенным лицам: например, известный своей преданностью Роланд до гибели при Ронсевале в 778 г. являлся «префектом Бретонской марки». Всего в правление Карла Великого было создано пять марок: кроме упомянутой Бретонской существовали Испанская, Фриульская, Паннонская (или Восточная) и, наконец, Датская марки. Кроме того, не имея формального статуса марки, таковыми по сути являлись гер-

цогство Сполето, Истрия и Нордальбингия, со временем слившаяся с Датской маркой.

После раздела империи Карла Великого понятие марки как военно-административного образования сохранилось и в восточной, и в западной ее части. Более того, марки разрастались, постепенно захватывая все побережье от устья Рейна до Сены и от Луары до Гаронны. На юге Испанская марка приросла еще двумя весьма обширными — Тулузской и Готской марками. Во Франции во второй половине IX — X в. маркграфства создавались из нескольких графств на окраинах, находившихся под угрозой главным образом норманнских нападений, начавшихся в 799 г.

Второй целью, которую преследовало создание марок особенно внутри страны, было стремление короля иметь на местах лично преданных ему людей для подавления мятежей знати. Но средство оказалось опасным — маркграфства в короткий срок и сами превращались в территориальные принципаты. Так, к востоку от бывшей Бретонской марки около 852 г. была создана Анжуйская марка для защиты королевства от бретонцев и норманнов; в 861 г. уже три обширных графства — Мэн, Тур и Анжу были отданы под управление Робера Сильного (861–866), родоначальника дома Капетингов, который титуловал себя *dux et marchio inter Sequanam et Ligerim* (герцог и маркграф между Сеной и Луарой). Норманнский вождь Роллон в 911 г. получил от Карла Простоватого приморские земли вдоль Ла Манша (будущее герцогство Нормандия), и его потомки еще в начале XI в. сохраняли титул *marchio Rothomagensis*, т. е. маркграфа Руанского.

Церковь. Католическая церковь вошла в систему Меровингского государства со всей своей весьма мощной античной традицией, которая подверглась лишь небольшому влиянию варварской среды. В течение VI и в начале VII в. произошла консолидация Церкви на различных ступенях иерархии: папа — на вершине, митрополиты — в рамках церковных провинций (митрополий) и епископы — во главе церкви в античном ситэ. Именно последние являлись естественными рамками общества в тот период, когда античный порядок уже был разрушен, а новый феодальный еще только складывался.

К концу VI в. высшее духовенство практически состояло на службе новому государству, т. к. епископы, назначавшиеся только с одобрения короля и часто выбиравшиеся из мирян — более того, из королевских лейдов, — стали частью административной системы и представителями публичной власти на местах.

Упадок королевской власти и расцвет местничества в конце VII — начале VIII в. разорвали прежде относительно единое церковное пространство в Галлии и привели к значительному ослаблению Церкви как государственного института.

В 743–747 гг. в Галлии по инициативе сыновей Карла Мартела — Карломана (741–747 †754/5) и Пипина Короткого была проведена церковная реформа, имевшая своей целью восстановление церковной иерархии с епископом в каждом городе и митрополитом в каждой провинции, а также укрепление ее связи с королевской властью. Последующие изменения галльской церкви проходили при активном участии сына Пипина Карла Великого. В последней четверти VIII в. были восстановлены церковные провинции, разрушенные во времена меровингской анархии. Для поднятия авторитета митрополит получил титул архиепископа (*archiepiscopus, archevêque*), который четко указывал на его верховенство над епископами своей провинции. Архиепископу предписывалось периодически проводить церковные соборы в своей провинции, созывая епископов всех входивших в нее диоцезов, и председательствовать на них, вести законотворческую деятельность и контролировать отправление церковного правосудия.

Ключевой фигурой в рамках диоцеза являлся епископ. Окруженный канониками, которые образовывали капитул диоцеза, он единолично отправлял властные полномочия — административные и юридические. Диоцез делился на небольшое количество архидьяконств, которые вобрали в себя бывшие общественные церкви предместий и бывшие частные церкви крупных доменов Меровингской эпохи. Стоявшие во главе них архидьяконы назначались епископом и были ответственны перед ним, аналогично тому как граф назначал сотников и викариев. Архидьяконы считались заместителями (*vicarius*) и служащими (*minister*) епископов, исполняли его поручения и отвечали перед ним за церкви своего округа. Они осуществляли и юридическую функцию, рассматривая и вынося приговоры по маловажным делам или передавая наиболее значительные казусы на суд епископского трибунала.

Архидьяконство делилось на деканства — округа еще меньшего размера, образованные вокруг бурга или церкви в предместье (*vicus*). При Меровингах эта же церковь обычно охватывала и прихожан ближайшей сельской округи. Теперь же в каждой деревне имелась своя церковь и свой священник. Пресвитер предместной церкви превратился в главу прихода и получил название декан (*decanus; doyen*).

Административная реформа франкской церкви потребовала больших усилий, особенно на низших ступенях иерархии, где необходимо было создать сотни архидьяконств, тысячи деканств и приходов. Тем не менее церковная организация постепенно проникала до самых низших сельских слоев каролингского общества, объединяя его и нивелируя этнические различия. Созданная при Каролингах церковная структура в дальнейшем не подвергалась существенным изменениям на протяжении последующего тысячелетия. После распада державы франков она сохранилась во всех королевствах-преемниках и через них была передана другим государствам, вновь созданным на восточных и северных окраинах Европы.

Священнослужители занимали важное место в королевском окружении, отправляли значительные должности во дворце, начиная с апокрисиариев, которые всегда выбирались из деятелей Церкви. До конца XIII в. королевская канцелярия была настоящей вотчиной клириков, ибо только они умели читать и писать на латыни. Немало выдающихся прелатов служило советниками короля, формально не занимая никакой должности, как, например, Сугерий, аббат Сен-Дени (1122–1151).

Начиная с конца V в. и на протяжении всего Средневековья Церковь оставалась важнейшей опорой королевской власти. Это особенно ярко проявилось в конце IX и в X в. — в период напряженного соперничества между Каролингами и Робертинами, в период дробления королевства на самостоятельные территориальные принципаты. Епископы Северной Франции дольше всех прочих крупных сеньоров королевства продолжали прибывать в курию по приглашению государя и с первыми признаками укрепления королевской власти в начале XII в. вернулись в Королевский совет.

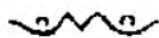
Королевская власть держала Церковь под своим неусыпным контролем. Рядом с каждым аббатом и епископом она ставила своего агента, замещавшего духовное лицо в военных и юридических вопросах (*advocatus, vice-dominus; vidame*)². Король в обязательном порядке участвовал в назначении епископов и аббатов. Хотя согласно церковному праву епископа избирал клир и паства диоцеза, а посвящал в сан митрополит или архиепископ, уже с меровингских времен король присвоил право утверждать это избрание. Каролингские ко-

---

² *Vice-dominus; vidame* — термин, принятый главным образом в Западной Франции, для обозначения должностного лица, аналогичного *advocatus*.

роли, получавшие божественное помазание, расширили эту прерогативу. Они могли трижды, на трех разных этапах, вмешиваться в процедуру избрания нового епископа. Избранный епископ должен был предстать перед королем и принести ему клятву верности, только после этого он мог быть посвящен. Совокупность светских функций и владений, прерогатив и привилегий, включая иммунитет, — все то, что обозначалось словом *episcopatus*, или *abbatia*, — являлась публичной должностью, аналогичной *comitatus*, которой король наделял по своему усмотрению, и в случае вакансии она возвращалась к главе государства. Ни Каролинги, ни последующие короли Франции никогда не отказывались от этих своих прав, которые позднее получили названия регалии (*regales*).

На протяжении нескольких столетий, последовавших за расселением франкских племен в Галлии, в обществе произошли значительные социальные и политические изменения, нашедшие свое отражение в создании и функционировании потестарных институтов, в новых принципах организации центрального и территориального управления. Меровингская эпоха представляет собой переходный период, когда происходило разложение племенных форм управления, частичное освоение римских традиций и активный синтез новых потестарных институтов. Каролингская эпоха, почти полностью избавившаяся от пережитков родо-племенных отношений, утвердила иерархическую структуру государственного устройства с параллельными светской и церковной вертикалями власти, взаимно переплетенными и увенчанными на вершине фигурой короля или императора. Несмотря на все потрясения и междоусобицы X в., основной структурный каркас государства оставался неизменным, и именно его унаследовали пришедшие к власти Капетинги.

Институты власти и должности во Французском королевстве в XI–XIII вв.

В конце X в. на престол Франции взошла новая династия — Капетинги, которым суждено было, возглавляя королевство целых шесть столетий, со временем превратить свой скромный домен — «Французский остров» (*Ile-de-France*) в могущественную европейскую державу. На долю первых представителей династии выпала особенно сложная задача — собрать распавшееся на независимые владения королевство, возродить престиж королевской власти, укрепить государственные институты — т. е. стать не формальными, а настоящими суверенами Франции. Эта великая задача в целом была решена к концу XIII в. Весь период XI–XIII вв. можно разделить на два этапа: 1) XI в. — феодальная анархия, завершившая распад королевства на территориальные владения; 2) XII–XIII вв. — время королей-пастырей и укрепления королевской власти.

Источники. Основными источниками по истории развития институтов государственной власти во Французском королевстве в XI–XIII вв. являются законодательные акты, в первую очередь королевские дипломы и ордонансы. В правление Капетингской династии, особенно в XI–XII вв., эти грамоты содержат исключительно ценный материал, который не встречался ранее и который исчезнет с укреплением королевской власти во Франции, — длинные списки свидетелей, подписывавших различные акты, с обозначением их должностей и титулов. Эти перечни сами по себе являются ценнейшим источником по изучению королевской курии, персональность состава и функций должностных лиц. Произведения нарративного характера, такие как сочинение Сугерия «Жизнь Людовика VI Толстого», труд Жана де Жуанвиля «Книга благочестивых речений и добрых деяний нашего святого короля Людовика» и Большие Французские хроники, составленные монахом Приматом в последней чет-

верти XIII в., содержат лишь отрывочные упоминания о некоторых должностных лицах, об их обязанностях и полномочиях.

Историография. Французские историки, как правило, исследовали государственное устройство Франции и его институты при прямых Капетингах в рамках обобщающих трудов, посвященных старому режиму в целом. Особым пунктом следует выделить работы Ш. Пти-Дютайи и Р. Фавтье, относящиеся именно к указанному периоду. Кроме королевских институтов интерес исследователей вызывает и формирование властных структур в отдельных сеньориях. С конца XIX в. появляются работы, в которых рассматриваются история и функционирование отдельных государственных институтов: Парижского парламента, канцелярии, местной власти, военной организации королевства и т. д. Во второй половине XX в. начинают разрабатываться и более узкие сюжеты — так, в частности, Ж.-Ф. Лемаринье исследовал состав королевской курии; деятельности королевской канцелярии особое внимание уделяют Р. А. Ботье и Р. Казелль; М. Сотель-Булэ занимается изучением суда пэров. Королевскому двору и придворным должностям посвящены работы Э. Бурассена, а также американского медиевиста Дж. У. Балдвина. В отечественной историографии следует отметить особый вклад Н. А. Хачатурян в разработку начальной истории французского Парламента.

Основные вехи политического развития. После смерти короля и императора Карла II Лысого в 877 г. и коротких правлений его сына и двух внуков Западно-Франкское королевство на столетие погрузилось в эпоху междоусобиц. Одна часть знати сохраняла верность потомку Карла Великого — Карлу III Простоватому, другая же, напротив, поддерживала молодых Робертинов. Только в 987 г., когда пресеклась прямая линия потомков Карла Великого, власть окончательно перешла к наследнику Робертинов в лице Гуго Капета (956–996).

У первого Капетинга не было того авторитета и той славной традиции, на которые до самого конца могли опираться Каролинги. Гуго Капет постарался закрепить престол за своими потомками, сделав своего сына Робера королем-соправителем (*rex designatus, roi designé*). Тем самым была заложена новая традиция, которая просуществовала до конца XII в. — Людовик VII был последним королем, в 1179 г. при жизни короновавшим своего единственного сына Филиппа II Августа (1180–1223). Эта практика окончательно разрушила устойчивый пережиток варварского обычая делить владения между всеми сыновьями-наследниками. Правило

старшинства при наследовании было установлено в первой трети XI в. В соответствии с ним старший из сыновей должен получать основную часть наследства (майорат), младшим же выделялись относительно небольшие уделы, которые с конца XIII в. стали называться апанажами (*apanagium, apanage*). Они должны были возвратиться в домен после смерти владельца или его прямых наследников. Этот порядок, впервые наиболее полно реализованный Людовиком VIII, останется фундаментальным законом королевства до конца XVI в.

Вступление новой династии на престол Франции (теперь уже Франции, а не Западно-Франкского королевства) никак не повлияло на политические процессы внутри королевства. В течение X–XI вв. происходило постепенное дробление публичной власти. X в. был эпохой крупных территориальных принципатов (герцогство Нормандское, герцогство Аквитанское, графство Вермандуа, графство Фландрия, «державе» Тибо Плута, графа Блуа, Шартра и Турени, и т. д.), выделившихся из Западно-Франкского королевства. Наиболее ярким внешним признаком узурпации регалии стала собственная монетная чеканка отдельных принцевов. В XI в. такому же распаду подверглись уже сами принципаты, и на самой нижней ступени упадка — около середины XI в. — власть опустилась на уровень сеньора в рамках отдельной сеньории.

Если во второй половине XI в. основной задачей короля являлось сохранение домена, защита его — не только собственно земель, но и разнообразных прав — от соседних сеньоров, то с конца этого столетия на первый план вышли консолидация коронных владений, обуздание своеволия королевских вассалов, прекращение междоусобных войн внутри домена, что в общих чертах будет завершено к 1180 г. При Филиппе Августе королевский домен увеличился в четыре раза, главным образом за счет отвоевания у Иоанна Безземельного Нормандии, Мэна, Турени, Анжу и Сентонжа.

Значительное расширение королевских владений, повлекшее за собой умножение числа прямых вассалов короны, увеличение финансовых поступлений в казну давали королю ощущение своего могущества, и отныне он мог реализовать на деле свои прерогативы верховного сюзерена (*dominus superior*). Начиная с Филиппа Августа все тверже укрепляется положение о том, что вся феодальная иерархия во Франции имеет своей вершиной короля, который «никому не может и не должен давать вассальной клятвы».

Впрочем, на протяжении XIII в. феодальная верность всех великих вассалов короны оставалась весьма условной и ненадежной, но Капетинги постепенно усиливали свой нажим на них. Короли отнюдь не стремились включить их в свой домен, но хотели поставить под контроль и заставить выполнять королевские распоряжения. К концу столетия власть короля охватывала большую часть территории Франции. Это особенно заметно в постепенном распространении названия «Франция» на все земли от Ла Манша до Средиземного моря вместо использовавшегося прежде «Галлия».

Вплоть до первой четверти XIII в. существенной проблемой оставался вопрос о легитимности Капетингской династии. Ее противники постоянно напоминали, что наследники Гуго Капета — узурпаторы на троне, отстранившие от него законное потомство Карла Великого. Так что возведение своего происхождения к Каролингам (по женской линии) на несколько столетий оставалось насущной политической и идеологической задачей.

Начиная с эпохи Филиппа II Августа заметно усилился интерес к основателю Каролингской империи. Мечтая возродить Францию в границах, которых достиг Карл Великий, молодой король даже приказал во время своей коронации нести большой меч Карла. Тогда же зарождается традиция соединять личность короля с образом Карла Великого и возвеличивать связанное с ним славное прошлое. Даже прозвище Филиппа II — Август, данное ему его капелланом и историографом Ригором (†1209) и сохранившееся в истории, ясно показывает стремление к императорской супрематии. В 1202 г. папа Иннокентий III своей декреталией провозгласил, что король Франции не признает над собой никакого светского авторитета. При Людовике IX будет заявлено: «Власть короля ни от кого, только от Бога да от него самого». Отсюда остался только один шаг до заявления о том, что король является «императором в своем королевстве», и это произойдет в 1300 г., в правление Филиппа IV Красивого.

Именно в XIII в. начинается рост и укрепление французского государства как монархии, предпринимаются активные действия по созданию соответствующего аппарата управления. Решающий шаг вперед сделал Филипп Август, его преемники, особенно Людовик IX, были не столь радикальны. Они лишь развивали, совершенствовали и постепенно модернизировали феодальные структуры, приспособлявая их к новым требованиям времени. Именно король становится тем центром, вокруг которого формируется монархиче-

ское государство, в котором домен и королевство должны слиться воедино.

Королевская курия. С X в. во Франции преемником генеральных ассамблей знати и «Совета верных» стал *Совет вассалов* (*Consilium vassorum*), собиравшийся при дворе каждого из сеньоров для решения вопросов, касающихся одного владения. В начале правления Капетингов Королевский совет вассалов принципиально ничем не отличался от прочих, т. к. в это время король Франции был всего лишь «первым среди равных» (*primus inter pares*).

Исследования Ж.-Ф. Лемаринье выявили интересные закономерности формирования королевской курии. До конца первой трети XI в. курия Гуго Капета (987–996) и Робера II Благочестивого (996–1031) еще сохраняла черты своей предшественницы каролингской эпохи. Хотя она объединяла преимущественно графов Иль-де-Франса и Орлеаннэ (т. е. королевского домена), на заседания приезжали и епископы, и некоторое количество аббатов; король еще не призывал ни шателенов (*castellanus, châtelain*)³, ни баронов⁴ — в них он пока не нуждался. Только в 1028 г. на заседаниях курии впервые отмечено большое количество шателенов, и на целых полвека именно они стали доминирующей силой. Епископы и особенно графы постепенно покидали королевскую курию, которая для них утратила значение. Пытаясь защититься от своих мятежных вассалов и нащупать социальную опору, король приглашал в курию все более мелких рыцарей, которые сильнее зависели от него, чем шателены, и даже горожан. Кроме того, король выделил и приблизил к себе некоторых сеньоров, которых он считал наиболее верными, и наделил их главными придворными должностями (сенешал, кравчий, камерарий, коннетабль), стремясь создать вокруг себя островок хотя бы относительной стабильности.

Людовик VI (1108–1137) на протяжении 40 лет своего правления⁵ прилагал огромные усилия к тому, чтобы королевская курия превратилась в высшую судебную инстанцию не только в рамках домена, но чтобы в нее обращались за помощью и правосудием духовные лица — аббаты и епископы, а также крупные светские сеньоры,

---

³ Шателен — сеньор-владелец или управляющий замком с подчиненной его власти округой, которая могла включать до 30 селений.

⁴ Барон — прямой вассал короля, не носивший никакого другого титула.

⁵ Он был назначен королем-соправителем около 1098–1100 гг.

имевшие споры с королевскими вассалами. Он стремился создать своей курии репутацию защитника всех обиженных и добивался исполнения судебных решений вплоть до применения оружия против пренебрегавших ими сеньоров.

Постепенное укрепление королевской власти в XII и особенно в XIII в. увеличивало и авторитет королевской курии, которая вернула себе функцию высшего апелляционного суда в королевстве по всем светским делам. К концу XIII в. она разделилась на три отдельных органа: собственно Королевский совет, суд пэров и Парламент.

Королевский совет (*curia regis, conseil du roi*) собственно и являлся «курией в функции совета» (*curia in consilio, la Cour en sa fonction de conseil*), так же как Парламент был «курией в функции отправления правосудия» (*curia in parlamento, la Cour en son assise de jugement*), а Счетная палата — «курией в счетно-финансовой функции» (*curia in comptis, la Cour en sa fonction financière de comptes*).

В XIII в., когда под властью короля уже находилось от 2/3 до 3/4 территории Франции, он не мог созывать на Совет всех своих вассалов — их было слишком много. И тогда король стал выбирать, кого пригласить, и тем легче делал это, чем сильнее становилась королевская власть. Теперь участие в заседаниях Совета стало обязанностью, а не правом приглашенных.

Состав Совета варьировался в зависимости от рассматриваемых вопросов, но два компонента в нем присутствовали обязательно: знать высокого ранга, включая принцев крови, и легисты. Последних — образованных, преданных и всем обязанных королю людей — он сам, по своей воле, ввел в курию и мог рассчитывать на их поддержку. Легисты прибывали на каждое заседание, входили в самый узкий круг Совета, из которого постепенно вытесняли знать.

Совет играл исключительно важную консультативную роль. Члены Совета излагали свое мнение — король принимал решение, т. е. король правил «в Совете» и «посредством Совета». В преамбуле к ордонансу 1374 г. Карл V писал: «Мы и наши предки всегда управляли и управляем всеми нашими делами посредством некоторого количества мудрых людей, клириков и светских». В компетенцию Совета входили три основные группы вопросов: высшее государственное управление, внутригосударственное администрирование и отправление правосудия.

На первом месте стояли важнейшие государственные дела, включая внешнеполитические. Именно в Совете королем решались воп-

росы войны и мира, обсуждались донесения послов; часто и сами посольства монарх принимал в своем Совете. Здесь же рассматривались королевские ордонансы. Такие Советы по делам управления обычно были *Малыми*, или *Секретными советами* (*Conseil estroit, secret*), собиравшимися каждый месяц, а то и чаще.

Второй функцией Совета была административная и тесно связанная с ней финансовая. Из Совета направлялась деятельность местной администрации во всем королевстве. Бальи и сенешалы могли занять свои посты только после обсуждения и одобрения их кандидатур в Совете, сюда же они направляли свои отчеты. Кроме того, Совет контролировал их финансовую деятельность.

Наконец, судебные функции Совета рассматривались как личное правосудие короля и были связаны с расследованиями, которые проводили особые служащие королевского отеля по жалобам и прошениям подданных. С этой целью была создана специальная служба, которая должна была принимать прошения, изучать их и докладывать королю. В XIII в. эта служба называлась *клерки — просители короля* (*clercs poursuivants le roi*); они располагались у дверей дворца, в котором жил король, готовые принимать жалобы и прошения. Сначала их было двое, потом стало восемь, и они получили название *начальники жалоб/докладчики прошений королевского отеля* (*maîtres de requêtes de l'hôtel-le-roi*), т. к. они рассматривали прошения и иногда сами выносили по ним постановления. Но некоторые вопросы они докладывали Совету, а тот принимал решения.

Король всегда имел право судить лично. Даже делегировав заботу о правосудии своим представителям, — т. е. доверив им часть «королевской должности» (*officium regis*), — он, тем не менее, по-прежнему сохранял за собой эти полномочия. Король судил в своем Совете, главным образом на сессиях с расширенным числом участников. Именно так появился Совет — орган правосудия, который в XIV в. получил название *Большого совета* (*Majus/Magnum consilium; Grand Conseil*). Таким же образом в середине XIII в. из курии возник Парламент.

Из курии вышли и *Генеральные штаты* (*les États généraux*), которые можно рассматривать как расширенную курию. Уже в конце XII — XIII в. король стал призывать ко двору не только своих светских и церковных вассалов, но и именитых горожан. Так, Филипп II Август, отправляясь в крестовый поход в 1190 г., собрал семь парижских горожан, известных своей честностью, чтобы они помогали его обычным советникам в заботах о казне. В 1263 г. Людовик IX выслушал мнение

жителей пяти городов Франции, прежде чем принял ордонанс о монете. Однако вплоть до конца XIII в. король созывал то своих светских и церковных вассалов, то горожан, но никогда не собирал вместе все три сословия. Впервые это произошло в 1302 г., и только это собрание можно считать первыми Генеральными штатами.

Королевский совет был чрезвычайно пластичным государственным институтом, и очень сложно дать ему четкое определение, ибо как только находится правило, так сразу появляется исключение из него. Однако именно эта гибкость и приспособляемость, по всей видимости, и составляли ценность данного института, особенно на протяжении длительного и сложного периода укрепления королевской власти.

Суд пэров. Традиция возводит создание *суда пэров* (*Curia parium, judicium parium; cour des pairs*) к эпохе Карла Великого. Некоторые историки считали, что он уже существовал в XI в. Однако в источниках нет никаких упоминаний о суде пэров Франции ранее 1216 г.

Этот судебный орган под председательством короля (*Cour du roi par pairs de France*) состоял из 12 пэров: шести светских и шести церковных, и каждая категория включала трех герцогов и трех графов. Светскими пэрами были герцоги Нормандский, Бургундский и Аквитанский, а также графы Фландрский, Шампанский и Тулузский. Церковными пэрами являлись герцог-архиепископ Реймский, герцог-епископы Ланский и Лангрский и три графа-епископа Бовэ, Нуайона и Шалона-на-Марне.

Круг вопросов, рассматриваемых судом пэров, ограничивался делами, связанными только с вассалами короля самого высокого ранга. Он собирался на заседания очень редко — не более шести-семи раз в период между 1216 и 1297 гг. Ни разу все пэры не явились на него в полном составе и не заседали исключительно в своем кругу. После 1297 г. суд пэров фактически прекратил свое существование: дела высших вассалов королевства перешли в ведение Парижского парламента, а сами пэры, утратив политическое значение, сохранили только личные привилегии. Король же, создавая по своей воле новых пэров Франции — например, в 1297 г. в их число вошли герцог Бретонский, герцог д'Анжу и граф д'Артуа, — постепенно значительно расширил этот узкий круг.

Парламент. Выделенный из курии около середины XIII в. *Парламент* (*Parlamentum, parlement*) являлся особым органом королевского правосудия, благодаря которому государь мог развивать юри-

дические прерогативы, усиливавшие его суверенность. Именно через правосудие король наращивал свое преобладание в королевстве.

Новый орган имел две основные черты: непрерывность и специализацию. Вплоть до середины XIII в. судебные заседания проводились лишь время от времени, в период созыва курии. Начиная со второй половины XIII в. королевская юстиция была организована как непрерывный процесс. Кроме того, король поставил во главе своих трибуналов профессиональных судей, так что судебные органы смогли работать постоянно и квалифицированно.

На протяжении веков королевская курия в своей судебной функции пребывала там, где находился король. Людовик IX от этого отказался и назначил *Судебной палате (Cour de justice)* постоянную резиденцию. Она расположилась на острове Сите, рядом с королевским дворцом и часовней Сент-Шапель, построенной в 1246–1248 гг., там, где ныне находится Апелляционный суд Парижа, называемый Дворцом правосудия. Судебная палата получила название Парламент — место, где говорят все вместе, т. е. дискутируют. Согласно сохранившимся спискам из тех, кто заседал в Парламенте с 1250 г., половину составляла знать, представители которой часто менялись, а вторую половину — легисты, работавшие на постоянной основе по много лет. Во втором поколении, около 1270–1275 гг., легисты уже заметно преобладали, а в третьем они, получившие за службу рыцарские титулы, уже начали вытеснять старую феодальную знать.

Ордонанс 1258 г. изменил порядок судебного разбирательства — преобладающей стала процедура расследования, которая включала заслушивание свидетелей, письменную фиксацию показаний, соби́рание и изучение досье; были отменены ордалии и судебные поединки, но только в пределах домена и только для дел, разбиравшихся королевским судом. Это наносило известный ущерб сеньориальному суду и поощряло апелляцию к королю и Парламенту.

Процесс проходил определенные стадии — сначала дело возбуждалось, потом его рассматривали одни судьи; в то же время другие служащие проводили расследование. Жалобы, адресованные в Парламент, особенно в случае апелляций, предварительно изучались в каждой инстанции еще третьими служащими. Эта специализация оказалась весьма полезной и в области уголовных преступлений. Таким образом пришли к разделению Парижского парламента на четыре Палаты, которые обособились друг от друга в конце XIII — начале XIV в.

Первой и наиболее значимой была *Большая палата* (*Grand'Chambre*), или *Судебная палата* (*Camera placitorum; Chambre des plaids*). В нее приносились иски, в ней выступали адвокаты, и она выносила постановления. В 1316 г. Судебная палата имела четырех президентов, 30 советников и подразделения внутри самой палаты. Второй была *Палата расследований* (*Camera inquestarum; Chambre des enquêtes*), изучавшая дела, которые ей присылали из Судебной палаты. Созданная при Филиппе IV, она очень быстро разрослась и в начале XIV в. разделилась на пять секций. Примерно в то же время появилась *Палата прошений* (*Camera requestarum; Chambre des requêtes*) и немного позднее *Уголовная палата*, или *Турнель* (*Tournelle*), названная так потому, что она размещалась в маленькой башне⁶ позади Судебной палаты.

Судебная компетенция Парламента характеризовалась двумя основными чертами — универсальностью и суверенностью. Парламент действовал во всем королевстве по крайней мере до середины XV в., когда были созданы провинциальные парламенты. Он разбирает дела и как первая инстанция, и как апелляционный суд. Как суд первой инстанции Парламент первоначально рассматривал все дела, касавшиеся вассалов короля. В этом он продолжал королевскую курию, которая имела точно такую же компетенцию. Но потом бальи и сеншалы, представлявшие короля на местах — «действовавшие вместо него», — получили право судить королевских вассалов от его имени. С 1278 г. они обычно признавались правомочными в первой инстанции. С этого времени только некоторые вассалы могли потребовать суда первой инстанции в Парламенте — высшие вассалы короны, которые специальной грамотой получали от короля привилегию *Commitimus*, названную так по первому слову текста: «Мы поручаем дела имярек нашему Парламенту...» Впрочем, эти привилегии могли распространяться не только на королевских вассалов.

Апелляция к Парламенту также стала его особой компетенцией и имела место только в двух случаях. С одной стороны, это касалось всех тех дел, которые королевская курия признавала за собой в силу королевского сюзеренитета, феодальной иерархии и апелляции сеньориальных судов в королевстве по иерархической лестнице. Кроме того, поскольку трибунал бальи был признан апелляционной инстанцией для сеньориальных судов в соответствующих бальяжах,

---

⁶ *Tournelle* (франц.) — башенка.

то Парламент принимал апелляции на приговоры, ранее вынесенные трибуналами бабли или прево Шатле в Париже, т. е. имела место апелляция второй степени.

Компетенция Парламента была суверенной, т. е. независимой, поэтому до конца Старого режима он назывался Верховным судом (*la Cour souveraine*). Так как король и, следовательно, его суд находились над всеми, то на королевскую курию нельзя было апеллировать в какой-либо другой суд королевства. Однако Парламент, выделившийся из королевской курии, в некотором роде отделился и от короля: король председательствует в своем Совете, но, как исключение, не председательствует в Парламенте; он судит в своем Совете, но, как исключение, не в Парламенте. В силу идеи о том, что персона короля является источником всякого правосудия, любой подданный всегда мог принести личное прошение королю, чтобы быть судимым им, и, следовательно, можно было обратиться к королю и потребовать от него правосудия. Иначе говоря, любой человек, недовольный решением Парламента, мог передать дело королю, в его Совет. Он подавал петицию через посредничество «начальников жалоб королевского отеля» и просил уведомить короля в его Совете об ошибке его Парламента и его патентной грамотой отменить — дословно «сломать» (*casser*) — постановление Парламента. Так возникла судебная кассация. Король в своем Совете, или, точнее, Совет без короля, обычно отменял постановление, не вникая в суть дела. Он возвращал дело в Парламент, чтобы там его снова рассмотрели и приняли решение с учетом кассации первого постановления. Таким образом из Королевского совета выделился *Кассационный суд (la Cour de cassation)*, который, не рассматривая дело по существу, отменял приговор в Апелляционном суде и возвращал его новому составу Судебной палаты.

Помимо судебных полномочий Парламент имел законодательную компетенцию. Его судебные постановления, имевшие частное значение, становились прецедентами и превращались в регламенты, которые приобретали общее значение и предписывались всем, — это были настоящие парламентские ордонансы. Они подлежали исполнению, если не встречали возражений со стороны короля.

Кроме того, Парламент регистрировал королевские ордонансы, и с XIV в. король обнародовал свои решения через Парламент. Они оглашались во время особых публичных аудиенций, а потом переписывались в регистр, который вел секретарь суда (*greffier*). Поэтому Пар-

ламент, так же как и канцлер, имел возможность делать замечания по тексту документа. Но король мог их обойти: он или посылал особую грамоту-распоряжение (*lettres de jussion*), приказывая зарегистрировать ордонанс, или же сам проводил судебное заседание (*tenir un lit de justice*). Он возвращался из Парламента в курию, занимал место на троне под балдахинном и «своими устами» приказывал секретарю суда зарегистрировать спорный ордонанс; секретарь обязан был исполнить.

Счетная палата. В ведении Королевского совета находился и надзор за финансовой деятельностью, которая весьма расширилась и усложнилась к концу XIII в. На местах бальи и сенешалы уже не справлялись с ней, и около 1292–95 г. в помощь им в каждом бальяже и сенешальстве была создана должность особого финансового агента короля — *сборщика* (*receptor, collecteur, receveur*). Эта дата не случайна — она совпадает по времени с конфликтом из-за десятины и первыми заметными ухудшениями качества монеты, предпринятыми Филиппом IV для пополнения казны. Сначала роль сборщика заключалась в получении королевских доходов, но уже с 1315 г. он стал ответственным за них. Еще немного времени спустя именно он занимается продажей с торгов отдававшихся на откуп налогов, контролирует откупщиков этих налогов, ежегодно проверяет соответствие откупных сумм взимаемым налогам. Функции сборщика множатся, усложняются и развиваются таким образом, что он практически уходит из-под власти бальи и становится подчиненным напрямую *Счетной палате* (*Camera comptorum regionum; Chambre des comptes le roy*).

Этот финансовый орган был создан около 1295 г. и стал вершиной финансовой администрации королевства. Понятно, что ее главой всегда являлся король — сначала король вместе с курией, потом вместе с Советом, выделившимся из курии, ибо финансовые проблемы очень часто были тесно связаны с общими проблемами управления, и Королевский совет не мог оставаться от них в стороне. Во второй половине XIII в. король окружил себя знатоками финансовых вопросов, которым поручил выверять счета своих должностных лиц. С этого времени в курии стали проводиться специальные заседания, на которых занимались счетами, — именно они назывались «курией в счетной функции» (*curia in comptis, la Cour en fonction de comptes*). На этих заседаниях доминировали профессионалы — банкиры, менялы, частные арендаторы королевских монетных дворов, получившие название *магистры* или *контролеры счетов* (*magistri curiae qui in comptis, magistri comptorum; maîtres des comptes*). Постепенно они

образовали в курии особую секцию, которая стала называться Счетной палатой. Свое окончательное юридическое оформление она получила с принятием статута в 1320 г.

Счетная палата отправляла две основные функции. Сначала она только проверяла счета. Со времени Филиппа IV (1285–1314) сборщики в бальяжах дважды в год — в июне и декабре — должны были представлять свои финансовые отчеты. Они клали их на стол, покрытый грубой и толстой шерстяной тканью (*bure*), которая и дала этому столу название «бюро» (*bureau*), впоследствии так же стала называться и комната, в которой находился этот стол. «Контролеры счетов» сверяли счета, полученные от сборщиков в бальяжах, со счетами, представленными казначеями, а также счета генералов финансов (*général des finances*), отвечавших за экстраординарные налоги, должность которых была введена в это же время. Сведения о реальных поступлениях в казну должны были совпадать с заявленными в счетах суммами. «Контролеры счетов» также проводили окончательный расчет и закрытие счета. Они могли вынести решение относительно того, кто этот счет вел, но сами никогда не вели фискальных тяжб.

Второй функцией Счетной палаты был контроль за доменом. Она надзирала за соблюдением неотчуждаемости домениальных владений, регистрировала патентные грамоты (*lettres patentes*), относящиеся к домену, и особенно грамоты, наделявшие апанажами принцев крови. Именно это право регистрации всех королевских ордонансов и грамот, касающихся домена и финансов, и соответственно право ремонстрации (*droit de remonstrance*), т. е. внесение замечаний и критика представленных на регистрацию документов, придавали Счетной палате особое значение.

В начале XIV в. Счетная палата получила дальнейшее внешнее развитие, из нее были выделены три новых органа: *Монетная курия* (*Cour des monnaies*)⁷, *Курия по экстраординарным налогам* (*Cour des aides*) и *Казначейская палата* (*Chambre du trésor*); в компетенцию последней перешли тяжбы по финансовым спорам. Но в целом, вопреки замыслу Филиппа IV, Счетная палата не стала крупным финансовым организмом, аналогичным судебному организму Парламента.

---

⁷ Монетная курия осуществляла верховный надзор за изготовлением и обращением монеты в государстве.

Должности. От своих предшественников Капетинги практически полностью унаследовали систему должностных лиц и служб; только местная власть осталась в руках ставших независимыми сеньоров. Значение королевских должностей в конце X — XI в. было столь невелико, что упоминания о них встречаются очень редко, за исключением архиканцлера, исправно визировавшего королевские дипломы. После большого перерыва первое упоминание о графе-палатине при дворе Робера II появилось в грамоте 1021 г., в 1043 г. в числе свидетелей впервые отмечены коннетабль и кравчий, в 1048 г. к ним добавились сенешал и камерарий, в 1060 г. мелькнет вице-камерарий (*subcamerarius, sous-chambrier*), а семь лет спустя — маршал. В начале XII в. в курии сформируется группа наиболее значимых должностных лиц — сенешал, камерарий, кравчий и коннетабль, за которыми закрепится название «великие официалы короны» (*grands officiers de la Couronne*). Эти четыре должностных лица с конца XI в. обязательно входят в Королевский совет и участвуют в решении всех основных вопросов, политических, административных и судебных, образуя вокруг короля «новую команду», своеобразное «правительство», без которого не был бы возможен дальнейший подъем королевской власти. Их подписи в грамотах заранее заготавливаются нотариумами как нечто обязательное, так что в последней трети правления Филиппа I (1060–1108) они подтверждают три четверти королевских дипломов. Таким образом, сенешал, кравчий, камерарий и коннетабль принимают решение в Совете, свидетельствуют его своими подписями в акте, а потом контролируют исполнение принятого решения. Именно эта возможность оказывать влияние на государственные дела поднимает престиж придворных должностей и делает их привлекательными для знати Иль-де-Франса более высокого ранга: должности стараются не только занять, но и передать членам своей семьи или по наследству.

В дальнейшем система придворных должностей будет развиваться и усложняться, выделяя все новые функции, которые потребуют своих исполнителей и организацию новых служб. С XIV в., когда сформируется целая система «великих» должностей, в число великих официалов короны войдут и другие лица — великий камергер, великий мэтр Франции, адмирал Франции и т. д.

Вплоть до середины XIV в. должностные лица короля за отправление своих обязанностей получали вознаграждения (*honores*), которые могли выражаться в узуфрукте земельных владений, в правах

на долю доходов от королевского домена или коронных прав, в различных привилегиях и подарках. С середины XII в. жалованье в виде определенных денежных сумм стали получать королевские бальи и сенешалы; постепенно к ним будут добавляться различные должностные лица при дворе, начиная с низших ступеней, и только во второй половине XIV в. король назначит жалованье в денежной форме великим официалам короны.

Должность апокрисиария, при Каролингах считавшаяся самой высокой, в течение X в. постепенно угасла — церковные владения приобрели иммунитет, и вместе с ним появился собственный суд епископа или аббата по административным и уголовным делам, которые рассматривал светский защитник церковного учреждения — *адвокат* (*advocatus, avoué*) или *видам* (*vice-dominus, vidame*); внутренними делами церковной жизни занимался суд церковного капитула во главе с викарием-официалом (*vicarius officialis, official*). Высшим судьей в вопросах веры и апелляционной инстанцией стал папа римский.

Канцелярия выделилась в самостоятельную службу, которую по-прежнему возглавляло духовное лицо. С начала Капетингской эпохи архиепископы Реймские, часто занимавшие должность *канцлера* на протяжении второй половины IX и в X в., иногда епископы Парижские будут носить почетный титул *Верховного канцлера* (*summus cancellarius, archicancellarius*). Реальный глава канцелярии получит название просто канцлер (*cancellarius*). Его первый помощник — старший клерк — *вице-канцлер* (*vicecancellarius*). В ведении канцлера останется придворная часовня во главе с капелланом, клириками и элემозинарием (*elemosynarius, иногда auricularius, aumônier*) — распорядителем королевской благотворительности. Поскольку неграмотность среди светской знати была обычным делом, канцлеру вменялось в обязанность громко читать Королевскому совету все акты, составленные нотариями. Потом король собственноручно ставил на них крест, который иногда дорисовывался в монограмму, и приказывал «нагревателю воска» (*chauffe-cuir*) нанести его на пергамент, чтобы канцлер мог оттиснуть королевскую печать.

В XI–XII вв. канцлер — «глашатай короля» — от имени последнего участвует в публичных церемониях, в ассамблеях знати; в отсутствие короля он председательствует вместо него в курии, участвует в назначении королевских чиновников. Изначальная обязанность канцлера — составлять королевские акты и свидетельствовать их подлинность — давала возможность вносить замечания и контроли-

ровать решения суверена. Из этого следовало, что только безусловно верный короне и королю человек, на которого тот мог всецело полагаться, был достоин занимать эту должность. Поэтому, когда Этьен де Гарланд, видимо, рассчитывая не только на свою 20-летнюю безупречную службу, но и на личную дружбу с королем Людовиком VI, превысил свои полномочия в ущерб регалии, он был немедленно снят с должности и лишен владений. Тогда кресло главы канцелярии оставалось вакантным более года, хотя канцелярия исправно выпускала королевские распоряжения и дипломы, — фактически ее возглавлял вице-канцлер. После смерти канцлера Гуго дю Пюизо в 1185 г. Филипп Август вообще не назначил канцлера, и должность оставалась вакантной на протяжении почти полутора столетий (официально восстановлена лишь в 1330 г.). Королевские грамоты в этот период несли формулу *cancellaria vacante* как напоминание о существовании должности, но обязанности начальника канцелярии исполнял старший из клерков, с начала XIII в. получивший название *хранитель большой королевской печати* (*custos magni sigilli Regis; garde du sceau royal*). Печать олицетворяла короля, и хранитель был с ним тесно связан, но иначе, нежели канцлер, — он был просто исполнительным чиновником на королевской службе, а не олицетворением суверена в публичных акциях. С 1227 по 1314 г. хранителей печати было двое. Когда Людовик IX (1226–1270) отправлялся в крестовые походы, то один из хранителей с «большой печатью» сопровождал короля в Святую землю, а другой оставался во Франции и пользовался печатью, называвшейся «в отсутствие большой печати».

На рубеже XII–XIII вв. было создано учреждение, позднее получившее название «Сокровищницы грамот» (*Trésor des chartes*), в котором собирались и хранились оригиналы всех актов и регистры. Ранее архив следовал за королевским двором в его перемещениях по домену и даже на войну. В конце правления Людовика IX «Сокровищница грамот» нашла постоянное пристанище в особой пристройке к Сент-Шапель на острове Сите.

До конца XIII в. должности канцлера и хранителей печати занимались исключительно церковнослужителями. В 1298 г. Филипп IV впервые назначил хранителем печати светское лицо — это был Пьер Флотт, легист и королевский советник, получивший в награду за службу рыцарский титул и замок Равель в Оверни; в 1302 г. он погиб в сражении при Куртре. С этого времени канцлером Франции с почти регулярной очередностью становилось то светское, то духовное лицо.

Вокруг канцлера концентрировался вспомогательный персонал, непосредственно проводивший подготовку и редактирование королевских распоряжений. Первоначально эта работа поручалась исключительно клирикам, но в конце XIII в. Филипп IV ввел в канцелярию дипломированных юристов, которых сам выбирал и назначал. В 1307 г. число людей в этой службе, называвшихся *секретарями-нотариями* (*notaires-secrétaires*), составляло 30 человек. Из них Филипп IV выбирал троих особо доверенных *клерков-секретарей* (*clercs de secret*), которые следовали за королем в его перемещениях, в то время как остальные пребывали во дворце. Эти трое исполняли секретарские обязанности на заседаниях Королевского совета, оформляли акты по единоличному решению монарха, его тайные письма (*letters closes*). Вскоре в компетенцию клерков-секретарей вошли: составление и подписание финансовых документов, ведение переписки с иностранными государями, надзор за административными делами в тесном контакте с канцлером и королем.

С учреждением Парижского парламента обязанности канцлера расширились — он получил право контроля за членами Парламента и в XIV в. стал его президентом. С этого времени двумя основными сферами деятельности канцлера являлись правосудие и канцелярия.

Граф-палатин, еще в начале XI в. сохранявший большое значение при дворе и заметно усилившийся после исчезновения должности апокрисиария, держал в своих руках высшую судебную власть в королевстве, а также функции управления дворцом, всеми его службами «жизнеобеспечения» — от финансов, пропитания и перемещения до охраны и развлечений. Крупные вассалы старались захватить столь влиятельную должность и сделать ее наследственной в своей фамилии. В начале 20-х гг. XI в. графом-палатином стал Эд II, граф Шампани, Блуа и Шартра, за потомками которого эта должность сохранялась вплоть до ее упразднения в начале XIV в., хотя уже в конце XI в. она превратилась в почетный титул.

В это же время начинается подъем должности *сенешала*, к которому перешла часть обязанностей бездействовавшего графа-палатина. В отличие от эпохи Каролингов теперь сенешал обозначался по преимуществу словом *dapifer*. К концу XI в. он вышел на первый план, заняв в придворной иерархии место сразу за родственниками короля. Сенешал стал главой всех слуг во дворце и всех служащих (прево) в домене; последних он инспектировал по несколько раз в год. Из его обязанности заботиться о домене вытекала защита владений

от внешних нападений и, следовательно, командование войском домена (*princeps militiae regis*) в то время, когда король командовал всем остом⁸. От графа-палатина к сенешалу перешли судебные функции: в отсутствие короля именно он председательствовал в курии, во время поездок по домену выслушивал жалобы на действия прево и от имени короля проводил на местах заседания апелляционного суда.

О вознаграждении за отправление сенешальской должности точных сведений нет. Однако можно предполагать, что сенешал получал определенные суммы из казны на покрытие расходов, вызванных его служебными поездками по домену для надзора и контроля королевских прево. При этом он, по всей вероятности, пользовался правом постоя и прокорма в королевских замках и аббатствах, в замках баронов. Как военачальнику ему должна была причитаться определенная доля в военной добыче, а как судье — часть от штрафов и конфискаций. И, наконец, королевские подарки, которыми государь награждал за верность и побуждал к ревностной службе, — ими могли быть не только драгоценные предметы или богатая одежда, но и доходы с определенных владений. Очень быстро сенешалы приобрели такую власть, что сам король едва не стал игрушкой в их руках. Филиппу I и Людовику VI потребовалось более двух десятилетий изнурительной борьбы со своими сенешалами — сначала из дома Рошфор-Монлери, потом с Гарландами, — чтобы подчинить их своей воле.

Последним сенешалом Франции, занимавшим должность с 1154 по 1191 г., был Тибо V, граф Блуа и Шартра. После его гибели в крестовом походе Филипп II Август никого не назначил на его место. Однако еще почти полтора века (последнее упоминание в документах в 1331 г.) в королевских дипломах отмечалось формальное существование должности сенешала формулой *dapifero nullo*.

В конце XII — начале XIII в. обязанности сенешала, так же как ранее майордома и графа-палатина, были расплывлены: военная функция целиком перешла к коннетаблю, хозяйственная служба и управление дворцом — к должностным лицам более низкого ранга во главе с *мэтром королевского отеля* (*magister hospitii Regis*), административно-судебные — к *бальи*, но в местном масштабе.

Во второй половине XIII — XIV в. присоединяемые к короне земли принесут свои сенешальские должности (сенешал Шампани, сенешал

---

⁸ Ост (*hostem, ost*) — войско всего королевства, отправлявшееся на большую войну или в крестовый поход.

Анжу, сенешал Нормандии и т. д.), которые так же, как королевский сенешал (т. е. сенешал Иль-де-Франса), превратятся в почетные титулы; реальная власть перейдет к губернаторам и наместникам короля.

Должность *кравчего* при Капетингах приобрела дополнительный вес — под его управление перешли все виноградники домена. А так как первоначальный домен короны находился в зоне виноградарства, то производство и продажа вина были важными статьями дохода. Эти функции преимущественно экономического характера привели кравчего к участию в финансовых делах королевства. В его подчинении находились начальники отдельных винных подвалов (*sommelier*) и *виночерпий* (*pincerna, scancionarius; échanson*), прислуживавшие гостям за столом.

Уже при Филиппе II Августе кравчий утратил ответственность за виноградники; из обязанностей ему остался лишь надзор за виночерпиями во время больших празднеств. Но кравчий по-прежнему был членом королевской курии и сохранял за собой вознаграждение за отправление должности — он имел долю от доходов, приносимых торговлей вином, а также часть от пошлин на Сене. Иногда король доверял эту должность своим любимым советникам. Генрих IV де Сюлли, принесший королю оммаж за должность кравчего в апреле 1317 г., соединил ее с председательством в Счетной палате (1316–1334), и этот дуэт сохранился до конца существования должности кравчего, упраздненной Карлом VII в 1449 г.

Должность *камерария* всегда была в ряду наиболее важных, в середине XI в. на недолгий срок (около 1047–1070 гг.) она вышла на первый план. Но на рубеже XII–XIII вв. обширное поле деятельности и ответственности камерария подверглось дроблению. В 1146 г., перед отправлением в крестовый поход, Людовик VII передал казну, за исключением своих личных драгоценностей, на хранение Ордену тамплиеров, где она оставалась полтора столетия.

В самом начале XIII в. от камерария отделился *казначей* (*thesaurarius; trésorier*), в ведении которого сосредоточились казна и регалии, переместившиеся из потайной комнатки рядом с королевской спальней в отдельное специализированное хранилище. Около 1187 г. казна была перенесена в Тампль, а в 1200 г. в башню Лувра. Королевские инсигнии, которыми пользовались во время коронации в Реймсе, заняли место в сокровищнице аббатства Сен-Дени. Первым казначеем Франции был финансовый советник Филиппа Августа, рыцарь-тамплиер Эмар (1202–1222), имевший ключи от всех семи

королевских сундуков с сокровищами; и еще семь казначеев хранили по одному ключу. В самом дворце оставались лишь специальные ящики-кассы с наличными деньгами для текущих расходов, которые были укрыты в разных потаенных местах. В 1295 г. Филипп IV забрал казну у тамплиеров и доверил ее светскому финансовому агенту — *хранителю казны (garde du Trésor)*. Сначала хранитель был один, и в 1299 г. его жалованье составляло 600 ливров в год; в начале XIV в. их стало несколько. В руках казначеев концентрировались все государственные финансы, они вели счета и сводили доходы с расходами. В начале XIV в. были предприняты первые попытки составлять перспективный годовой бюджет королевства.

Переход казны в руки особого хранителя сразу лишил веса должность камерария. Ему остались лишь украшения и драгоценности, золотая и серебряная посуда — все то, что в начале XIV в. перейдет в «серебряную» службу (*argenteria; argenterie*). Несмотря на эти перемены, должность камерария не исчезла, хотя уже с конца XII в. она фактически являлась почетным титулом, за которым не стояло ни обязанностей, ни политического влияния, хотя сохранялись традиционные привилегии, например заседания в Королевской курии и значительное должностное вознаграждение. В начале XIV в. она стала наследственным почетным титулом в роду сеньоров, с 1327 г. — герцогов де Бурбон, и сохранялась за ними вплоть до 1545 г., когда в октябре король Франциск I (1515–1547) упразднил саму должность и вернул короне связанные с ней владения.

Комнатные слуги (*valetti camerae, valets de chambre*), находившиеся в непосредственной близости к государю, постепенно приобретали все большее значение и в первой четверти XIII в. превратились в *камергеров (camberlanus, chambellan)*. Последние под руководством мэтра королевского отеля полностью отвечали за личные покои короля, надзирали за переездами, обеспечивали безопасность и соблюдение протокола; с середины столетия к их обязанностям добавились и финансовые функции. Один из камергеров, иногда с титулом *камерария короля (camerarius Regis; chambrier du roi)*, ведал личной казной государя (*caisse du roi*); он же с 1251 г. вел записи дворцовых расходов на специальных восковых табличках. В XIII в. служба камергеров превратилась в питомник королевских кадров, прежде всего административно-финансовых, и нередко становилась началом головокругительных карьер.

В конце столетия выстроилась целая лестница камергеров, занятая фаворитами: великий камергер (*camberlanus Franciae, grand chambellan*),

учрежденный в 1293 г., — первый камергер и просто камергер короля (последних могло быть несколько, обычно двое или четверо). Великий камергер, а в его отсутствие первый камергер хранил секретную печать короля и скреплял ею тайные письма государя. Войдя в круг великих официалов королевства, он наравне с ними подписывал королевские ордонансы и заседал в суде пэров. Ордонанс Филиппа IV от 1306 г. зафиксировал для первого камергера обязанность носить за королем его банньер⁹ (*bannière*), когда тот отправлялся к войску, в походе и сражении находиться рядом с ним, чуть сзади слева.

Королевский отель (*hospitium Regis; Hôtel-le-Roi*) при Капетингах включал всех должностных лиц и слуг, связанных с персоной короля. Во главе него стоял *мэтр королевского отеля* (*magister hospitii Regis; maître de l'Hôtel-le-Roi*), должность которого упоминается в документах с начала XIII в. Она выделилась из должности сенешала, остававшейся вакантной с 1191 г., и вобрала в себя его обязанности внутри дворца. Из должности камерария к мэтру королевского дворца перешла личная казна короля. Под началом этого должностного лица находились все дворцовые службы, которых в XIII в. насчитывалось шесть, и назывались они *министерствами* (*ministerium, métier*):

1) хлебный дом (*panetaria, paneterie*) во главе с *панетарием* (*panetarius; panetier*) покупал и привозил хлеб;

2) винные подвалы (*scantionaria, échansonnerie*) под началом главного виночерпия (*magister scancionarium; maître des échansons*) закупали, перевозили и хранили вино;

3) кухня (*coquina, cuisine*), возглавлявшаяся *кухмейстером* (*magister coquorum; maître des queux*), состояла из «общей» (*cuisine commune*) и «кухни королевского рта» (*cuisine de la bouche du roi*). Последняя, поставлявшая блюда для личного стола короля и его семьи, включала нескольких поваров, пирожника, бакалейщика, специалиста по соусам, особого повара для обжаривания мясных туш, знатока ароматических и лекарственных трав, а также множество второстепенных помощников и слуг;

4) фруктуария (*fructuaria, fruiterie*), кроме поставок фруктов обеспечивала дворец свечами, и среди ее служащих был специалист, делавший эти свечи из воска;

---

⁹ Банньер (от герм. *Ban* — знамя; *bannière*) — личное знамя короля, знак его власти военачальника.

5) конюшня (*scutifera, écurie*) под началом главного конюшего (*magister scutiferae, maître de l'écurie*) отвечала за королевских лошадей. В число ее служителей входили конюхи, кузнецы с помощниками, отдельные слуги при парадных конях короля, отдельные — при боевых, а также берейторы, фуражиры и отмериватели овса.

6) казна (*camera*). Ее главной составляющей являлась «касса дворца» (*caisse de l'Hôtel*), которая получала деньги на жизнеобеспечение всего отеля. Кассу возглавлял специальный клерк, с 1254 г. — один из камергеров. В 1257–61 гг. касса отделилась от казны, и последняя превратилась в службу отопления (*forraria, fourrière*), обеспечивавшую дворец водой и теплом; в ее ведении находилась заготовка дров. Она же занималась покупкой тканей и одежды, организовывала праздники, коронации и королевские похороны.

В 1315 г. появилась седьмая служба — «серебряная», которой был поручен надзор за всем, что находилось в пользовании короля и его окружения во дворце (мебель, драпировки, ткани, ковры, золотая и серебряная посуда, украшения и драгоценности). И кроме того, она же обеспечивала перевозку всего этого добра из одной королевской резиденции в другую, ибо замки не были меблированы и их убранство следовало за перемещениями двора. Начальник этой службы — *аргентарий* (*argentarius Regis; argentier de l'Hôtel*) — напрямую договаривался с поставщиками тканей и ковров, с ювелирами и краснодеревщиками. Он имел право делать эти покупки для дворца без визы казначея, предъявляя счета к оплате после приобретения вещи. Тогда же в «серебряную» службу из фурьерской перешла подготовка празднеств и публичных церемоний как демонстрация блеска королевской власти.

Обязанности мэтра королевского отеля были весьма обширны: помимо названных служб он распоряжался камергерами, главным ловчим с его помощниками (псарями, волчатником (*luparius, louvetier*), главным сокольничим), капелланом, элезинарием и клириками часовни, лекарем, хирургом-цирюльником и дворцовыми клириками-нотариями, а также конными рассыльными и перевозчиком на Сене, который должен был подгонять паром, доставлявший короля с одного берега реки на другой. Он же нанимал и контролировал мастеров различных специальностей, работавших для дворца и его обитателей, — портных, каменщиков, плотников и т. д. Первоначально мэтр отеля и оплачивал их услуги, выдавал жалованье служащим, платил по счетам поставщикам. С 1303 г. этим стала заниматься *Денежная палата* (*Chambre des Deniers*), выросшая из дворцовой кассы.

Весьма скромный еще при Филиппе Августе, Королевский отель насчитывал около 200 служащих при Филиппе IV Красивом и уже более 500 при его сыне Филиппе V Длинном (1316–1322), что отражало растущую общественную значимость короля — *Hôtel-le-Roi* становится как бы мерилom королевского величия. В начале XIV в. глава отеля получил титул *великий мэтр Франции* (*Grand maître de France*), а мэтров отеля (*maître de l'hôtel*) стало несколько. Некоторые по-прежнему возглавляли отдельные службы, другие же не столько занимались делами внутри отеля, сколько, будучи высокопоставленными чиновниками и доверенными лицами короля, исполняли его поручения.

Для поддержания порядка внутри разросшегося отеля назначалось особое должностное лицо, называвшееся *королем развратников* (*roi des ribauds*¹⁰) и впервые появившееся в документах в 1214 г. Этот чиновник исполнял функции наподобие полицейских: следил за порядком во время приемов и обедов, удалял от стола тех, кто не был к нему приглашен, фильтровал просителей. Он же был судьей во всех азартных играх в кости и в карты, в шутовских турнирах на палках (*bourdeaux*) — одном из любимых придворных развлечений — и по традиции получал по 5 су с каждой женщины в отеле, которая нарушила супружескую верность. С XIV в. к обязанностям «короля развратников» добавилось исполнение судебных решений великого мэтра Франции в отношении служащих отеля.

Важной составной частью отеля был персонал дворцовой охраны — *приевратники* (*ostiarum; huisseurs, portiers, concierges*). В 1192 г. была создана первая постоянная личная охрана короля — *сержанты*, или *массарии* (*servientes, sergents d'armes, или massarii, massiers*). Причиной тому стали грамоты, полученные Филиппом Августом из Палестины, которые предупреждали короля о том, что его злейший враг Ричард Львиное Сердце задумал подослать к нему убийц из секты исмаилитов-ассасинов. «Король для большей уверенности окружил себя телохранителями, вооруженными бронзовыми булавами и поочередно бодрствующими всю ночь подле его персоны», — сообщает нам Ригор. Все массарии происходили из благородных фамилий; они должны были охранять королевский отель в дни мира и его палатку во время войны; они служили пешими при дворе и конными в походе. Число массариев достигало 150–200 человек — цифра значительная для того времени, но службу они несли лишь по три

---

¹⁰ *Ribaud* (старофранц.) — развратный, бесчестный, порочный.

месяца, сменяя друг друга, так что возле короля всегда находилось не менее 30 человек, вооруженных кроме булав луками и полными стрел колчанами. Двое из них постоянно находились в дверях, еще четверо несли караул во время королевской трапезы. Массарии обладали привилегией иммунитета, подобно герольдам, и причинить им вред означало поднять руку на самого короля.

В правление Людовика IX к массариям добавилось несколько отрядов пехотинцев. Счета королевского отеля за 1234 г. зафиксировали появление арбалетчиков (*balistarii, arbalétriers*) во главе с начальником (*magister balistarii, maître des arbalétriers*), которые в количестве двух или трех дюжин сопровождали королевский кортеж.

Иногда в дни мира и всегда во время войны король окружал себя наемными рыцарями. Но в XI–XII вв. Капетинги довольствовались лишь горсткой оруженосцев, рыцарей и наемных сержантов. Вильгельм из Нанжи (†1301) в «Анналах правления Людовика Святого» перечисляет 130 рыцарей королевского отеля (*chevaliers de l'Ostel le Roy*) из самых знаменитых фамилий Франции, которые сопровождали короля в его путешествии в Тунис. Юридически же «гвардия отеля» была учреждена в 1271 г.

Конюшенный граф сохранял относительно скромное положение при дворе вплоть до середины XI в. Со времени Генриха I (1031–1060) на передний план выступают военные функции, прежде всего защита домена, и конюшенный граф превращается в *коннетабля*, оставив лошадей и повозки на попечение маршала. В конце столетия коннетабль входит в число четырех великих официалов короны, хотя до середины XII в. занимает среди них последнее место. Скупые сведения о первых известных нам коннетаблях показывают, что на эту должность выдвигались королевские вассалы довольно низкого ранга, иногда простые рыцари, чьи владения находились близ границы с враждебной тогда Нормандией.

Значение должности коннетабля постепенно возрастало в течение XII в., т. к. коннетабли стали частичным противовесом честолюбивым сенешалам, претендуя на командование войском королевского домена. Уже в начале правления Людовика VII (1137–1180) Матье I, сир де Монморанси (1138–1160), исполнял военные функции в походе как «держатель места короля» (*locum tenens Regis; lieutenant de roi*), т. е. его заместитель, и являлся главным военным советником. После упразднения должности сенешала в XIII в. коннетабль стал неоспоримым главой армии во время войны; с середины столетия

за ним закрепились привилегия возглавлять авангард армии под командованием короля.

В начале XIV в. регистр Парижской счетной палаты зафиксировал следующие прерогативы коннетабля: «Он находится над всеми, кто отправляется в ост, кроме персоны короля; и все герцоги, бароны, графы, рыцари, оруженосцы, солдаты, как конные, так и пешие, какого бы сословия они ни были, должны ему повиноваться; маршалы оста подчиняются ему и не могут, и не должны ни выступать в поход, ни давать сражения, если оно не вынуждено, ни созывать бана без разрешения короля или коннетабля; коннетабль должен отдавать приказы о сражении, выступлении в поход и обо всех расположениях войска; всякий раз, когда армия переходит с одного места на другое, коннетабль должен находиться слева от короля и идти перед воинами рядом с начальником арбалетчиков, и в той же “баталии” должны находиться маршалы; король, если он участвует в осте, не должен выступать в поход без приказа и совета коннетабля; коннетабль имеет ото всех солдат, пеших и конных, которые получают жалованье от короля, право на однодневную плату с тех пор, как они приняты на службу»¹¹. Кроме этой платы, согласно старинному обычаю, по большим праздникам в подарок от короля коннетабль получал плащи. Во время боевых действий он имел право на свою часть в военной добыче.

Кроме военных коннетабль обладал и судебными правами (*audiencia constabularii Francie*), которые первоначально, по видимому, распространялись только на людей его собственного отеля и слуг, а также на королевских массариев. Во время оста его юрисдикции подлежали все участники похода. В отличие от многих других должность коннетабля никогда не превращалась в синекуру, в почетный титул. Она всегда подразумевала если не военные дарования, то испытанную преданность, боевой опыт и безусловную личную храбрость в сражении. И не один коннетабль доказал это на поле боя. Во второй половине XIV в., начиная со знаменитого Бертрана дю Геклена (1370–1380), коннетабли станут первыми лицами государства после короля и принцев крови.

Должность *маршала*, который занимался главным образом королевской конюшней (в конце XI в. *marschalcie* — конюшня), считалась невысокой в XI и даже в XII в.; он числился среди служителей

---

¹¹ *Boutaric E. Institutions militaire de la France avant les armées permanentes. P., 1863. P. 269–270.*

(*servientes*) где-то на уровне виночерпия, повара, сокольничего, подписями которых обычно завершались списки свидетелей в королевских дипломах. Подъем маршальской должности отмечается с правления Филиппа Августа, наставником которого в воинской науке был рыцарь Робер Клеман, сир дю Мец-ан-Гатинэ (†1181), из старинного рода маршалов, насчитывавшего к тому времени более 100 лет наследственного маршалата. Три его сына также занимали этот пост; для старшего из них — Альберика (†1191) в 1185 г. была создана должность *маршала короля* (*mariscalcus Regis; maréchal du roi*). В 1223 г. должность маршала перестала передаваться по наследству. С этого времени маршал получал свою должность только милостью короля, но традиционно сохранял ее пожизненно, даже если из-за ран, болезней или старости не мог водить войско в поход. Ни длительный плен, ни тюремное заключение не лишали маршала его звания. Только немногие экстраординарные случаи заставляли нарушить этот порядок.

В 1270 г., отправляясь в Тунисский поход, Людовик IX (1226–1270) назначил двух *походных маршалов* (*maréchal de l'ost*), а при Филиппе IV впервые появился *маршал Франции* (*mariscalcus Franciae; maréchal de France*). В число обязанностей маршала входил надзор за дисциплиной в армии и за исполнением наказаний; внешним символом его власти тогда была простая палка, которая со временем превратится в маршальский жезл. Именно из требований поддержания дисциплины в армии, главным образом в наемных отрядах, а также из необходимости регулировать споры между военными из-за жалования, добычи и выкупа пленных возникла юстиция маршалов, которая отчасти переплеталась с правосудием коннетабля. Впервые *маршальская курия* (*curia marescallorum*) упоминается в тексте 1327 г., в котором говорится о том, что правосудие маршалов ограничено временем оста, что естественно, т. к. в эту эпоху не было постоянных наемных частей, кроме королевской охраны.

С созданием королевской гвардии (*la garde du roi*) в последней четверти XIII в. к ней перешли функции охраны королевской персоны. *Начальник арбалетчиков* получил новое поле деятельности. Объем его полномочий и количество воинов под его началом значительно увеличились. Теперь ему подчинялись пешие и конные арбалетчики, лучники и пехотинцы, т. е. все те, кто не входил в рыцарские «компании», а также инженеры, саперы, «артиллеристы», обслуживавшие военные машины, и обозники. Со временем начальника арбалетчиков вытеснит начальник артиллерии (*magister artilliatoris*;

maitre de l'artillerie), и полностью исчерпавшая себя должность будет упразднена Франциском I.

Еще одна важная и почетная военная должность, появившаяся только в первой четверти XII в., сначала носила название *знаменосца Святого Дионисия* (*signifer vexilli sancti Dionysii*), с XIV в. — *стража орифламы* (*garde de l'oriflamme*). Именно летом 1124 г. знамя св. Дионисия впервые было поднято с алтаря этого святого в аббатстве Сен-Дени перед началом большой войны с императором Генрихом V. Тогда его поднял сам король Людовик VI, но неизвестно, кто хранил и оберегал это знамя во время похода.

В течение XII–XIII вв. сложилась традиция, что это знамя, «данное Богом в великой тайне» и приносящее победу над врагом, поднималось только для защиты своей страны или для участия в крестовом походе, а не для набегов, мелких стычек и осад или для завоевания чужой страны и тем более не во время внутренних, гражданских войн. Оно развевалось над войском лишь в больших сражениях, считавшихся в эту эпоху чем-то вроде Божьего суда. За весь XII в. это имело место всего лишь четыре раза, в XIII в. — шесть или семь раз. По окончании похода орифламма всегда возвращалась на хранение в сокровищницу Сен-Дени. В сражении главной задачей стража орифламы было уберечь доверенную ему святыню от врага — она всегда носилась перед всеми другими знаменами и была очень уязвима, — ибо захват противником орифламы, так же как и королевского банньера, являлся зримым символом одержанной победы. Случалось, что орифламма погибала на поле боя вместе со своим стражем, как это произошло при Мансуре 8 февраля 1250 г. или при Монс-ан-Певель в 1304 г.

Вплоть до начала XIII в. Французское королевство, хотя и располагавшее приморским анклавом Монтрей-сюр-Мер, не обладало сколько-нибудь значительным участком морского побережья и не имело ни порта, ни флота. Это обстоятельство помешало Филиппу Августу после завоевания Нормандии захватить и Нормандские острова. Но, выйдя на морской простор, король принялся спешно создавать свой флот — первые операции морских судов Франции имели место уже в 1216–1217 гг. Командовал ими знаменитый пират на французской службе Эсташ Ле Муэн (1211–1217).

До конца XIII в. флот французского короля был практически полностью арендованным, т. е. нужное количество кораблей на определенный срок нанималось у частных лиц-судовладельцев, обычно у генуэзцев и провансальцев. Именно таким был французский флот

в двух крестовых походах Людовика IX и в Арагонском походе Филиппа III (1285). И первыми «флотоводцами», нанятыми в 1248 г., тоже были генуэзцы — Уго Леркари и Якопо ди Леванте.

Идею адмиралата как государственного института Людовик IX позаимствовал у своего младшего брата Карла д'Анжу, короля Иерусалима, Неаполя и Сицилии (1266–1285) и графа Прованского (1246–1285). В 1269 г. он принял ордонанс, устанавливавший для адмирала обязанность командовать королевскими кораблями без ограничения времени и предусматривавший регулярное жалованье.

Первоначально обязанности *адмирала* (*admiratus, admiraltus*; старофранц. *Amirail, amirant* от араб. *emir al-bahr* — господин моря; *amiral*) были скорее административно-финансовыми, нежели военными: он фрахтовал и покупал суда по поручению короля, снаряжал и вооружал их, снабжал продовольствием и водой, при необходимости организовывал ремонт и платил морякам жалованье. Для ведения счетов у адмирала имелся секретариат под началом клерка-капеллана. Кроме того, первые французские адмиралы обычно были хорошими штурманами и лоцманами, знавшими Средиземное море. В XIV в. появился и суд адмирала, аналогичный суду коннетабля и маршалов, — он разбирал споры о жалованье, о взятой добыче и найме матросов. Первые назначения на должность адмирала производились, лишь когда планировался морской поход, по окончании его должность упразднялась. С середины 90-х гг. XIII в. она стала постоянной, но ее название варьировалось так же, как и регион оперативной деятельности, пока к 1330-м гг. не утвердился *адмирал Франции* (*admiratus Regis; amiral de France*). При Филиппе IV адмирал встал в один ряд с коннетаблем и маршалами. Пожалованные ему прерогативы получили весьма пышное внешнее выражение — особую адмиральскую галеру с павильоном и фонарем на корме, почетный эскорт и особые трубные сигналы. Кроме того, адмирал имел право и на специальные знаки своего достоинства в дополнение к родовому гербу. Но все же до конца XV в. считалось, что война на море «плохо сочетается с благородством».

Местная власть. Вступление на королевский престол Гуго Капета стало вехой, официально обозначившей распад Западно-Франкского королевства на независимые территориальные владения-принципаты, во главе которых стояли герцоги и графы, давно превратившие должностные земельные пожалования в наследственную собственность. Королевский фиск сжался до раз-

меров домена, основу которого около 1000 г. составляли два графства — Парижское и Орлеанское, соединенные узким перешейком. В XI–XII вв. основными агентами короля на местах были *прево* (*praepositus, prévôt*), которые стояли во главе королевских поместий. Фактически прево являлся домениальным должностным лицом, главной обязанностью которого был сбор доходов с порученной ему части домена. В его подчинении находились *мэры* (*majior, maire*), иногда даже являвшиеся зависимыми людьми, которые собирали налоги и пошлины в отдельных деревнях. Прево осуществлял правосудие от имени короля на своей территории, но только в отношении сельского, неблагородного населения и не мог привлечь к суду даже самого мелкого рыцаря. Со временем из-под его власти вышли города, добившиеся коммунального самоуправления. Прево также мобилизовывал сельское ополчение в помощь королевскому войску.

До 1191 г. прево подчинялись королевскому сенешалу, который несколько раз в год совершал инспекторские поездки по домену, принимал от прево королевскую часть доходов, выслушивал жалобы на действия прево и от имени короля проводил заседания апелляционного суда на местах.

Социальное положение прево в XI–XII вв. было весьма скромным. Это должностное лицо назначалось королем по договору — должностные обязанности и должностные владения либо давались в лен, либо продавались в аренду с торгов, но в любом случае прево стремился передать должность сыновьям и превратиться в наследственного вассала короны.

Кроме прево в администрацию короля входили *интенданты*, или *консьержи* (*concierge* — хранитель, защитник), королевских замков, отвечавшие только за саму крепость и ее гарнизон; лесничие (*forestarius, forestier*), которые охраняли заповедные леса и организовывали охоту; *смотрители* (*vicarius, viatorius; voyer*), исполнявшие функции наподобие полицейских в больших городах и на королевских дорогах, а также мытари — должностные лица на таможенных заставах, взимавшие дорожные и иные пошлины.

Рост королевского домена, ставший особенно заметным со времени правления Филиппа II Августа, практически не отразился на престиже должности королевского прево. В 1190 г., перед отправлением в крестовый поход, Филипп Август поручил управление делами на местах королевским прево и *бальи* (*bajulus, bailivius; bailli* от *baille* — опека, покровительство), которые должны были представлять отсутствующему

государю донесения на злоупотребления прево. Через два года — после возвращения из Святой земли — Филипп Август уже направлял инструкции одним только бальи. Это новое должностное лицо, созданное по англо-нормандскому образцу, видимо, еще перед Третьим крестовым походом, произвело переворот в системе королевской администрации на местах. Бальи циркулировали по порученной их надзору группе превоств¹², проводили судебные заседания, взимали чрезвычайные королевские налоги, контролировали исполнение королевских указов, а в случае нарушений могли налагать на прево штрафы. Трижды в год король проводил особые заседания курии, на которых заслушивал отчеты бальи и отдавал им новые распоряжения.

Все новоприобретенные Филиппом Августом владения получали своих бальи, как это произошло с Нормандией, аннексированной у Иоанна Безземельного в 1203–1204 гг. Другие континентальные владения Плантагенета — Анжу, Мэн, Турень, Сентонж, Пуату и др. — не сразу вошли в домен, сначала в них были назначены *сенешалы* (*senescalcus capitalis*) — королевские агенты, которые одновременно являлись и крупными местными сеньорами. С 1218 г. сенешальства появились и на самом юге Франции (Ним, Безье, Бокэр, Каркассон, Тулуза и др.), но уже после 1222 г. и там сенешалами стали королевские чиновники.

Положение бальи и сенешалов приобрело окончательный вид во второй половине XIII в. До 1230 г. служебные поездки бальи проводились группами и произвольно, потом они были заключены в более жесткие рамки. После 1260 г., когда прево лишились части своих должностных полномочий, бальи превратились в «оседлую» администрацию на местах, что отразилось в появлении бальяжей как административных округов и в изменении названия должности: теперь вместо «бальи Монсеньора короля» (*bailli de Monseigneur le Roi*) они титуловались по местам своих резиденций — «бальи Амьена», «бальи Вермандуа» и т. д. Бальи и сенешалы одновременно исполняли четыре основные функции: административную, юридическую, финансовую (контроль за доходами, взимаемыми через прево, и передача их в казну) и, наконец, военную, т. е. призыв бана и аррьер-бана и приведение их к королевскому войску.

Суд бальи или сенешала (для Парижа — суд прево Шатле) являлся апелляционной инстанцией по делам, рассматривавшимся трибуналами прево или сеньоров, а также муниципальными судами городских

---

¹² Превоство (*prévôté*) — административный округ, возглавляемый прево.

коммун. Для духовных лиц и знати суд бальи был первой инстанцией, так же как и для дел, относившихся к категории королевских (т. е. касавшихся интересов короля или королевства). Сложность судебных процедур, принятых в римско-каноническом праве, привела к тому, что в трибунале бальи со временем произошла своего рода специализация: судебные обязанности были возложены на знатока этого вопроса из числа советников бальяжа — легиста, который ассистировал бальи во время заседаний. Этот технический помощник — *лейтенант бальяжа* (*locum tenens bailliviae, lieutenant du baillage* или, на Юге, *judex major, judex senescalli; juge-mage*) — принял эстафету, чтобы в XIV в. уже самому председательствовать на сессиях трибунала в окружении многочисленного вспомогательного персонала.

В новых экономических условиях в качестве вознаграждения за службу бальи получали не лены, а жалованье, и довольно значительное по меркам XIII в. Их обязанности были многотрудными и ответственными, но обычно кратковременными — во главе одного и того же округа чиновник находился 2–3 года. Если на бальи поступало слишком много жалоб, король приказывал проверить их и направлял в бальяж особого эмиссара — «обследователя-реформатора» (*reformator patriae generalis, comissarius pro reformatione patriae et correctae curialium deputatus; enquêteur-reformateur, visiteur*). Эта служба появилась еще при Людовике IX (около 1247 г.) и получила дальнейшее развитие при Филиппе III (1270–1285) и Филиппе IV (1285–1314). «Обследователи» имели мандат на расспросы населения, сбор жалоб на действия должностных лиц, включая самих бальи. Они имели широкие юридические полномочия — могли возвращать несправедливо взятые штрафы и конфискованное имущество, наказывать любого королевского чиновника вплоть до бальи, и их решения не подлежали обжалованию. Обычно «обследователи» посылались парами — светское лицо и клирик, подобно «государевым посланцам» каролингских времен. Людовик X (1314–1316) намеревался сделать их обследования регулярными — раз в три года, но не исполнил своего намерения.

К 1300 г. весь королевский домен был покрыт сетью из 23 бальяжей и сенешальств. Исключение составляло только виконтство Парижское, которое находилось в руках *прево Шатле* (*prévôt du Châtelet*), называвшегося так по месту его официальной резиденции. В 1252 г. он получил полномочия бальи, поскольку его юрисдикция распространялась на город Париж и окрестные превоства Пуасси, Сен-Жермен-ан-Лэ, Гонесс, Корбей и Шатофор. Бальи и сеншалы

стали по-настоящему действенной движущей силой в развитии и укреплении королевской власти, в установлении монархического порядка на местах; именно они воплощали в реальность идущие с самого верха импульсы королевских легистов. Это вполне понятно, т. к. большинство первых династий бальи происходили из мелкой провинциальной знати или горожан; в большинстве своем это были образованные люди, которые связали свою карьеру и свое продвижение по социальной лестнице с королевскими институтами.

В XI–XIII вв. дальнейшее развитие государственных институтов во Франции происходило на фоне укрепления королевской власти и территориальной консолидации королевства. Отдельные органы власти приобретают специализацию, все точнее очерчивается круг их обязанностей и полномочий. Эволюция самой потестарной системы происходит по пути разветвления и дробления функций, создания узкоспециализированных служб. Связанные с этими службами должности также не остаются неизменными: они получают новые прерогативы и утрачивают прежние, двигаются по иерархической лестнице вверх и вниз и отправляются лицами соответствующего положения. К отправлению государственных функций все более активно привлекаются лица относительно низкого социального уровня, начиная со средней и мелкой знати и заканчивая горожанами. Параллельно полностью ликвидируются или значительно ослабляются те должности, которые некогда обладали очень широкими властными полномочиями (граф-палатин, сенешал, камерарий) и которые в силу этого могли стать угрозой для королевской власти.

Потестарные институты во Франции в позднее Средневековье и раннее Новое время

Традиционные институты претерпевают значительные изменения в ходе централизации власти и объединения земель французскими королями в классическое и позднее Средневековье. Возникает потребность в расширении органов управления на местах и определении властных полномочий на присоединенных территориях, в том числе приобретенных силой оружия. Весь период существования сословно-представительной монархии характеризовался постоянными изменениями во властных структурах, формированием новых институтов и должностей, на которые оказывала влияние и политическая конъюнктура — Столетняя война, борьба феодальных группировок и др. В конце этого периода происходит окончательный распад королевской курии, в результате которого выделяются новые учреждения, формируются сословно-представительные органы, а самое главное — начинает складываться и структурироваться судебная система. Процесс этот еще был далек от завершения, поскольку окончательное оформление «классической» французской бюрократии с ее четкой иерархией должностей и рангов, а также создание государственных органов публичного управления произойдет уже в период утверждения абсолютизма.

В течение столетий монархи учреждали многочисленные должности, в результате чего образовалась довольно запутанная иерархия чиновников. При создании новых должностей прежние зачастую не упразднялись, хотя со временем теряли свою значимость. Новые должности и институты наслаивались один на другой, один и тот же государственный орган мог постоянно менять свое название и отчасти функции, некоторые функции даже дублировались.

Эпоха сословного представительства во многом подготовила формирование государственной машины «Старого порядка», действовавшей в стране вплоть до Великой французской революции. Властным институтам сословно-представительной монархии в отечественной литературе посвящены фундаментальные исследования Н. А. Хачатурян и С. К. Цатуровой. Н. А. Хачатурян в серии статей и в двух монографиях обратилась к истории сословной монархии, возникновению Генеральных штатов и формированию двух важнейших политических структур этого периода — армии и административно-финансового ведомства. В монографии С. К. Цатуровой, посвященной тем, кого обычно во Франции называли слугами короля, по определению автора — «офицеров власти», выявляется структура, политическая идеология, характер деятельности важнейшей легислатуры, имевшей не только судебное, но и политическое и административное значение, — парламентской судебной системы.

Начало процесса формирования новых потестарных институтов во Франции, как уже отмечалось, относится к периоду сословно-представительной монархии XIV–XV вв. В начале XIV в. появляется общегосударственный орган сословного представительства, что завершает процесс формирования сословной монархии. Оформление сословно-представительной монархии сопровождалось рядом реформ, важнейшим следствием которых являлось создание бюрократического аппарата *in ovo*. Этот процесс был связан прежде всего с эволюцией органов центрального управления: из королевской курии (*curia Regis*) вырастают Королевский совет (*Conseil du roi*), верховный суд, финансовое ведомство. Реорганизация управления на местах несколько отставала по темпам от центрального, и в XIV–XV вв. сохранялись восходившие к реформам Филиппа II Августа (1180–1223) территориально-административные округа и соответствующий штат чиновников — баляи, сенешали и прево. Главным изменением в этот период была постепенная замена феодальной вассальной службы оплачиваемой государственной службой; при этом штат управленческих служащих состоял из профессионально обученных чиновников и легистов — как правило, должностных лиц неблагородного происхождения.

Уже применительно к началу XIV в. можно говорить о передаче судебных функций королевской курии в пользу верховного суда Франции — Парижского парламента и одновременно об оформлении нового органа финансового управления — Счетной палаты

(*Chambre des comtes*). Как Парламент, так и Счетная палата формировались на представительской основе, для проведения их заседаний присутствие короля не требовалось. Высшим органом публичной власти являлся Королевский совет.

Королевский совет (*Conseil du roi*). Совет также возник как преемник распавшейся в начале XIV в. капетингской королевской курии. В Совете предполагалось присутствие короля, который именно там вершил правосудие и принимал ключевые решения. В этот период Совет начинает собираться регулярно, а с середины XV в. по нескольку раз в неделю. Состав Совета в XIV–XV вв. довольно сильно различался как по количеству его членов, так и по их социальному составу и во многом зависел от политики монарха. Так, если при Людовике X (1314–1316), Иоанне II (1350–1364), Карле VI (1380–1422) представительство высшей знати и принцев крови было значительным, то при Карле V (1364–1380) и Людовике XI (1461–1483), а прежде при Филиппе IV (1285–1314) больше мест занимали правоведы-легисты и прочие выходцы из третьего, неблагородного сословия. В период позднего Средневековья в Королевском совете начинают различаться Узкий совет (*Conseil étroit ou conseil des affaires*), или Тайный совет (*Conseil secret*), и более широкий Большой совет (*Conseil grand*). Уже при Карле V в Тайном совете насчитывалось всего 12 человек. В 1497–1499 гг. происходит разделение Большого совета: от него отделился независимый суд, занимавшийся конфликтами между чиновниками, а также делами, связанными с церковными бенефициями (он сохранил за собой название Большого совета). Однако король мог передать сюда любое дело, по своему усмотрению. После этой реформы уже со времени правления Людовика XII (1498–1515) совет получил возможность концентрировать свое внимание на политических вопросах и делах административного управления.

НОВЫЙ ХАРАКТЕР ВЛАСТИ И АДМИНИСТРАЦИЯ В ЭПОХУ СОСЛОВНО- ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОЙ МОНАРХИИ

Успехи централизации власти уже к концу XIII в. приводят к расширению аппарата государственного управления и, как результат, к постепенному оформлению слоя профессионального чиновничества. Процесс становления сословно-представительной монархии наглядно демонстрирует, что, с одной стороны, потестарные инсти-

туты расширяются численно и функционально, а с другой — складываются и развиваются судебные органы. Именно в этот период наблюдается возникновение новых властных элит и прежде всего достаточно замкнутой корпорации государственных служащих. Французское средневековое государство достигло своей зрелости, поскольку с XIV в. складывается особая социальная группа профессионалов, которая была предтечей будущей государственной машины, управлявшей страной вплоть до 1789 г. Типологическая характеристика этого слоя дает основание говорить о профессионалах в сфере властно-управленческих отношений: их деятельность требовала специальной подготовки и особых знаний, они были выходцами по преимуществу из верхушки третьего сословия, и именно служение королю и государству являлось основанием их аноблирования. К середине XV в. чиновничество предстает как особая корпорация, объединенная также единой политической позицией и правовыми представлениями в отношении королевской власти, государства и системы управления. Специфические условия развития — большая часть периода сословно-представительной монархии приходится на время Столетней войны (1337–1453), а длительное царствование душевнобольного Карла VI привело к новой вспышке феодальной анархии — только способствовали формированию собственных политических представлений чиновничества и выработке убеждения в том, что именно профессиональные чиновники являются подлинной опорой государства и королевской власти.

Генетически все институты центрального аппарата управления, как отмечалось, восходили к королевской курии. Процесс объединения страны, присоединения к королевскому домену все новых земель и даже провинций, усиление центральной власти и рост ее полномочий привели к выделению из нее трех институтов власти, соответствовавших трем основным функциям государственного управления. Законодательная власть была сконцентрирована в Королевском совете, финансовая — в Счетной палате и судебная — в Парижском парламенте. Следует отметить, что в представлении общества одной из важнейших функций королевской власти считалось осуществление правосудия, и зарождение чиновничества было связано прежде всего с судебной системой. Именно в сфере правосудия и правового управления и формируется государственный аппарат. Этот процесс по времени выходит за рамки существования сословной монархии и занимает весь XVI век. Королевская власть наделяет своих слу-

жителей — чиновников широкими судебно-административными полномочиями, более того, еще и финансовыми. Подобную ситуацию можно проследить на примере особых чиновников в провинциях — бальи на севере Франции и сенешали на юге. Сам факт, что эти должностные лица сочетали в своей деятельности столь разнообразные функции, свидетельствует о том, что управленческий аппарат находился в стадии становления. При этом следует отметить, что в провинции деятельность королевских чиновников зачастую не только не напоминала синекуру, но и была связана с опасностью для их жизни. В землях домена действовали прево, имевшие только административные функции.

Самой древней в королевстве была судебная иерархия, зародившаяся в эпоху первых Капетингов. Хотя существовало множество судебных институтов (частных, сеньориальных и пр.), на первый план выдвигаются королевские судебные чиновники, которые в большинстве регионов назывались прево. Прево обладал той же властью, что и бальи. Прево подчинялись сенешальствам и судебным округам (бальяжам). На практике бальяж и сенешальство были идентичными образованиями, и их насчитывалось около сотни. Помимо уже упомянутых судебных и административных полномочий они исполняли и ряд других важных функций: регистрировать и исполнять королевские эдикты и ордонансы, редактировать местные кутюмы, утверждать право домениальных неотчуждаемых владений и т. д. К концу XVI в. функции бальи (или сенешаля), который чаще всего принадлежал к родовому дворянству, свелись к тому, что он объявлял сбор местного дворянского ополчения (бан и арьер-бан) и сопровождал его к королевским капитанам, председательствовал на провинциальных собраниях, выбиравших депутатов на Генеральные штаты.

В подчинении у бальи находились президент бальяжа, гражданский лейтенант (эти должности часто совмещались), королевский лейтенант по уголовным делам, королевский лейтенант «короткой робы» (выполнявший полицейские функции), королевский прокурор, бальяжные советники, секретари суда и т. д. Как правило, эти чиновники также были местными уроженцами.

Эдикт 1552 г. придал примерно 60 бальяжам функции т. н. президиальных судов по гражданским и уголовным делам (*présidiaux*). Помимо продажи новых должностей, они должны были выступать апелляционными судами достаточно широкой компетенции. Целью

этого нововведения было повышение доступности правосудия для населения и существенная разгрузка провинциальных парламентов.

Парламенты. Политическое могущество власти, обретение ею публично-правового характера зависели от реализации ею своего права высшей судебной инстанции. Именно поэтому период сословно-представительной монархии — это время превращения королевского суда в высшую судебную и апелляционную инстанцию. Парижский парламент стал главным судебным учреждением страны. Эволюция королевской курии, утверждение системы королевских судов в итоге определили оформление системы провинциальных парламентов. Функционирование этой особой системы наглядно демонстрирует, каким именно образом шел процесс складывания институтов власти и их функционирования. Полномочия центрального Парламента — Парижского (а именно туда поступали кассационные жалобы после рассмотрения судами сенешалей, бальи и прево) отчетливо демонстрируют, что Парламент являлся высшим институтом, воплощавшим сам принцип верховной власти.

Сам характер и объем компетенции Парламента свидетельствуют о том, что в рассматриваемое время окончательного разграничения функций государственного управления еще не произошло. Формально Парижский парламент — это высший апелляционный суд, однако, как справедливо отмечает отечественный исследователь институтов власти сословно-представительной монархии С. К. Цатурова, одновременно он являлся «главным институтом реализации королевской власти».

Эволюция Парламента (возникшего в 1307 г.) в период сословно-представительной монархии была связана с предоставлением этому суду королевской властью все более широких полномочий. Королевский ордонанс 1345 г. устанавливал количество его советников и распределял их по трем палатам. Как передача ряда дел в исключительную компетенцию Парламента (*cas royaux*), так и право апелляции служили повышению его статуса, подчеркивали деятельность этих палат как самостоятельных органов королевской власти. Статус суда подчеркивался и тем, что определение *Lèse-Majesté* (оскорбление величества) касалось и должностных лиц: например, чиновник, выполнявший королевское поручение, считался не только представителем короля, но и носителем частицы монаршей власти. Парламент приобрел особое политическое значение благодаря своему особому праву регистрировать государственные акты. Именно с этим связа-

на его функция контроля за другими субъектами правотворчества государства, включая самого короля: Парламент проверял законность содержания полученного для утверждения документа. Право ремонстрации (столь раздражавшее французских королей периода абсолютизма), т. е. право представлять королю заключение о несоответствии какого-либо королевского акта законам королевства (и, как следствие, отказ его утверждать и придавать законную силу), свидетельствует не только о могуществе данной судебной корпорации, но и о том, что она оценивала законодательную и административную политику короны: именно Парламент решал судьбы королевских указов. Этому еще более способствовала нерасчлененность судебно-административных функций короны.

Естественно, что соединение столь многих полномочий привело к закономерному решению — чтобы избежать волокиты в решении дел, помимо центрального Парижского парламента были созданы парламенты в провинциях: семь парламентских судов, т. н. независимых палат (король делегировал им право вершить правосудие, рассматривая апелляции). Процесс создания провинциальных парламентов бурно шел в XV в. и завершился уже в эпоху абсолютной монархии изданием указа Генриха II (1553) о создании восьмого по счету Парламента в Ренне для Бретани. Первым был создан Тулузский Парламент (для Лангедока) в 1443 г., вторым — Гренобльский (для Дофине) в 1453 г., третьим — Парламент в Бордо (для Аквитании) в 1453 г., затем в Дижоне (для Бургундии), в Руане (для Нормандии) в 1499 г. и Эксе (для Прованса) в 1501 г. В период аннексии Савойи и Пьемонта был создан Парламент в Шамбери (с 1536 по 1559 г.). Характерно, что Парламент в Дижоне был образован буквально по следам политических событий — сразу же после гибели герцога Карла Смелого и возвращения бургундских владений короне в 1477 г. При этом сохранялись также старые герцогские и графские суды.

Юрисдикция Парижского парламента охватывала более трети территории королевства. Его судебные полномочия были весьма обширны, и противостоят ему могла только королевская воля. Превращение Парламента в ведущий институт королевской власти оказалось связано с превращением его в профессиональное учреждение уже в середине XIV в. Первоначально Парламент после сессии распускался, и король постоянно должен был набирать новых чиновников. Согласно ордонансам 1345 г. внутри Парламента оформляется группа профессионалов на постоянно действующей основе. К тому же Парламенту предоставля-

лось право самостоятельного отбора нужных ему людей. Сам состав палат определялся особой комиссией во главе с канцлером.

Институт парламентских чиновников становился все более многообразен, и каждая их группа имела свои полномочия. В XV в. Парламент состоял из трех палат: *Верховной (Grand chambre)*, *Следственной (chambre des enquêtes)* и *Палаты прошений (chambre des requêtes de Palais)*. К Парламенту также были добавлены восемь чиновников Палаты прошений короля (*chambre des requêtes de l'Hôtel*). Последняя дублировала, возможно, в целях контроля, Палату прошений парламента. Количество чиновников в Парламенте было к XV в. строго регламентировано. Во главе стояло четыре президента, 30 служащих Верховной палаты, 40 чиновников Следственной палаты; третья палата была самой малочисленной (в ней числилось всего восемь человек). К Парламенту относились и члены суда пэров (их было всего 12, из них шесть светских, шесть духовных): эта палата отвечала за осуществление суда над знатью, и хотя с течением времени стала архаизмом, просуществовала довольно долго. Указы короля принимали силу закона только после утверждения Палатой пэров.

Верховная палата выносила решения и приговоры, могла инициировать собрание всех должностных лиц Парламента для решения особо важных дел. Следственная палата, как явствует из самого названия, занималась расследованием дел и по его итогам выносила предварительное заключение, вносившееся на рассмотрение Верховной палаты. Палата прошений принимала, регистрировала и структурировала жалобы и апелляции от всех регионов. Первоначально гражданские дела не отделялись от уголовных, и только во второй половине XV в. появилась отдельная Палата уголовных дел (*Chambre criminelle*).

Важное значение приобретает институт *парламентских секретарей*. Особая группа секретарей отвечала за ведение протоколов. Если должность секретаря суда (*greffier*) сначала закрепляется за лицами, которые были обязаны вести протоколы заседаний, то с 1405 г. она становится прерогативой исключительно секретарей Парижского парламента. В XV в. имелось уже три секретаря с четко разделенными функциями: секретарь по гражданским делам, по уголовным делам и представлению прошений. Глава ведомства — секретарь по гражданским делам — имел большие полномочия: он отвечал за функционирование все разраставшейся судебной машины, организовывал регистрацию государственных актов (ордонансов), курировал назначение

других должностных лиц и активно участвовал в выборах фактического руководителя административного ведомства — канцлера.

Формирование финансового ведомства. Исходным моментом возникновения финансового аппарата, прошедшего долгий и сложный путь развития, стал процесс специализации аппарата управления в целом. Именно финансовое ведомство возникает и структурируется одновременно с судебным аппаратом. Первое свидетельство о выделении специального органа из королевской курии — *Счетной палаты (Chambre des comtes)* относится к 1309 г. Окончательное утверждение этого органа произошло к 1320 г. В период между этими датами начинает складываться штат финансовых чиновников. К ним относились *казначей (trésoriers)* и непосредственные *сборщики налогов (collecteurs)*. Шло оформление Счетной палаты как органа высшего контроля над всеми лицами, имеющими отношение к королевским финансам. После этого создается должность *суперинтенданта финансов*, который иерархически был поставлен выше двух казначеев. Согласно ордонансу 1320 г. вводилась также должность секретарей. В 1330-е гг. состав палаты увеличивается — секретарей насчитывалось от 12 до 19. Чиновничьи штаты разрастаются в связи со Столетней войной, когда палате передаются дополнительные функции. Большое значение имела передача Счетной палате права чеканки монеты. К середине 50-х гг. XIV в. появились особые чиновники, получившие право контролировать сбор и расходование налогов, которые были вотированы Генеральными штатами — *комиссары*, или *контролеры финансов (général des finances)*, и их помощники (элю). В 1390 г. происходит новая реорганизация — создается *Казначейская палата (Chambre des trésoriers)*. Она состояла из казначеев (3–4 человека), в функции которых входили инкассация и осуществление платежей королевского домена. В это же время контролеры получают статус государственных советников и сфера их обязанностей также четко регламентируется — сбор чрезвычайных налогов. Те из них, кто ранее руководил сбором налогов (контролеры-администраторы), составили *Палату косвенных сборов (Chambre des aides)*. Кроме того, был создан новый орган для осуществления контроля за финансами (*Cour des aides*). Последний осуществлял юстицию во всех вопросах, связанных с системой чрезвычайных налогов, и курировал деятельность местных чиновников по сбору налогов — элю (*élu*). Высшим органом юстиции в сфере финансов считался особый суд (*Cour des trésor*), подчинявшийся парламенту. Хотя делались

попытки ликвидировать эти институты (в 1462 г. Людовик XI на два года прерывает функционирование суда), их сохранение диктовалось перманентным ростом государственных налогов. В конце XIV в. была проведена реорганизация сбора налогов на местах, возникли новые финансовые подразделения — налоговые (податные) округа (*election*). В XV в. наблюдается рост их количества: так, к середине века их было 52, а к 1461 г. — уже 75. Это способствовало созданию более крупных образований в интересах фиска (*gouvernements*), а затем финансовых округов (*généralités*). Финансовый округ объединял несколько налоговых округов и имел свой штат во главе с *генеральными сборщиками*, или *контролерами*. Новое налоговое подразделение, таким образом, постепенно вытесняло старое деление страны. Финансовые округа сохранялись в течение долгого времени: уже во времена Людовика XIV они создавались в присоединенных областях (Франш-Конте). Генеральный сборщик (*receveur général*, позднее — *général des finances*) считался самым крупным чиновником после президента Парламента. Характерна эволюция назначения на эти должности — первоначально они были выборными: их избирал Парламент; позже правительство превратило их в государственных советников. Это привело к тому, что государственная финансовая администрация усложнилась, равно как усилился государственный финансовый контроль. Но поскольку финансовые злоупотребления — фактор постоянный, то и статус чиновников меняется: уже в 1517 г. корона запрещает чиновникам самим назначать сборщиков и рекомендует населению использовать выборных лиц. Главным результатом этих процессов в XIV–XV вв. следует считать оформление провинциальных парламентов. Процесс формирования высших органов государственного управления и новых институтов административной власти на местах относится к периоду позднего Средневековья.

ПОТЕСТАРНЫЕ ИНСТИТУТЫ В ЭПОХУ АБСОЛЮТНОЙ МОНАРХИИ

Властные институты и их полномочия во Франции XVI–XVII вв. претерпевают еще более значительные изменения по сравнению с предшествующим периодом в связи с реорганизацией средневековой системы и созданием ряда новых административных органов и бюрократии. Именно в это время создается та государственная

машина, которая управляла страной почти три столетия. Французская бюрократия оказалась наиболее мощной в Европе. Особое значение при изучении данного вопроса имеет проблема социальной репрезентации отдельных слоев в органах власти и постепенного оттеснения высшего дворянства от государственных учреждений и должностей. По данному вопросу, начиная с общей работы Р. Мунье, осуществлено немало исследований как юристов, так и историков, и в особенности в последние два десятилетия. В научной литературе история эволюции и функционирования французских потестарных институтов рассматривалась в двух аспектах: деятельность государственных учреждений и функционирование двора. Последнему также посвящен целый ряд работ, начиная с труда Н. Элиаса. В современной отечественной историографии эволюция государственных учреждений была освещена в исследованиях С. К. Цатуровой и для более позднего времени — Н. С. Копосова и В. Н. Малова. Историей эволюции двора на рубеже XVI–XVII вв. занимался В. В. Шишкин. Наконец, особое место занимает работа Т. Ю. Стукаловой, непосредственно посвященная архонтологии средневековой Франции.

Следует отметить, что в настоящее время даже терминология архонтологии в отечественной литературе еще не установилась. Французский термин *officier* — у нас переводился и как «оффисье» (В. Н. Малов), и как офицеры (С. К. Цатурова). До них вообще применительно ко всем государственным должностям употреблялся термин «чиновничество» (А. Д. Люблинская), а к штату двора — «придворные». Можно вполне согласиться с В. Н. Маловым, что термин «чиновники» не соответствует историческим реалиям Франции этой эпохи, даже для обозначения должностей государственного аппарата, и тем более некорректно его употреблять по отношению к служителям королевского двора. Поэтому представляется, что наиболее нейтральным для максимально общего определения «слуг короны» будет понятие «должностные лица короны». Именно этот термин и будет употребляться в дальнейшем как обобщающий. Термин же «оффисье» будет употребляться для той группы должностных лиц, которые покупали свою должность и передавали ее по наследству, а для общего обозначения назначаемых должностных лиц — понятие «комиссары». Сложности возникали и с русскими эквивалентами названий конкретных должностей, поскольку в русском языке большинство обозначений должностных лиц (в особенности лиц придворного штата) воспринято из немецкого языка (егермейстер,

шталмейстер, гофмейстер), и эти понятия не всегда совпадают с французскими по содержанию.

Процесс становления абсолютной монархии во Франции был достаточно долгим и шел с переменным успехом. В нашей литературе имеются различные точки зрения по вопросу периодизации становления абсолютизма во Франции. Для изучения архонтологического аспекта государственной системы Франции и ее эволюции представляется более приемлемой периодизация, предложенная В. Н. Маловым в его исследовании, посвященном деятельности Ж.-Б. Кольбера. Согласно этой периодизации на первую половину XVI в. приходится первый этап, когда административное управление и судебная система еще неотделимы друг от друга (отсюда и название — «судебная монархия»). В то же время формировались новые высшие органы власти, оформились структуры двора, шло проникновение во властные институты выходцев из третьего сословия — «дворянства мантии». Второй этап развития абсолютизма датируется второй половиной XVI в. — 30-ми гг. XVII в. и определяется В. Н. Маловым как «судебно-административная монархия» в связи с формированием разветвленного и иерархического административного аппарата. Процесс совершенствования различных властных институтов не прерывался даже в самых критических ситуациях, во время Гражданских войн второй половины XVI в. и Фронды. Третий этап характеризуется укреплением новых административных органов, которые концентрируют реальную власть в своих руках и устанавливают контроль над старыми государственными учреждениями («административно-судебная монархия»). По определению того же В. Н. Малова, этот процесс сопровождается ликвидацией ряда прежних высших государственных должностей. В обозначенную схему отчетливо вписываются все изменения в административной, судебной системе, а также в характере двора.

Уже в царствование Генриха II (1547–1559) могущество королевской власти, казалось, сомнений не вызывало, и феодальные кланы уже противостояли не королю, а сами боролись друг с другом за королевскую милость (Бурбоны, Монморанси и Лотарингский дом). Однако «дело коннетабля Бурбона» (спровоцированный короной судебный процесс после измены и бегства за границу этого принца крови в 1523 г.) показало, что политическая оппозиция вельмож далеко не изжита. Начавшиеся во второй половине столетия

Религиозные, или Гражданские, войны (иногда их называют Гугенотскими, 1559–1598 гг.) сопровождались постепенным падением авторитета королевской власти. Эти тенденции отчетливо проявились в конце царствования Генриха III (1574–1589), которому повиновались лишь отдельные провинции. Гражданские войны, по сути, выражали социально-политический кризис государства, разрешить который смогли короли новой, пришедшей к власти династии Бурбонов.

Далеко не укрощенная верхушка старого дворянства во главе с принцами крови и прочими «грандами» не раз выступала против абсолютизма и в XVII в. В царствование Генриха IV (1589–1610), в период регентства Марии Медичи (1610–1617) предпринимаются активные выступления знати против центральной власти и ее политики, чему способствовало сохранение религиозного противостояния католиков и гугенотов. При Ришелье, главном министре Людовика XIII (1610–1643), корона пыталась удерживать в повиновении родовитое дворянство — «дворянство шпаги» самыми жесткими мерами (показательные процессы и казни мятежников или нарушителей королевских эдиктов — графа де Шале (1626), графа де Бутвиля (1628), герцога де Монморанси (1632), маркиза де Сен-Мара (1642) и т. д.). Но эпоха регентства Анны Австрийской (1643–1651) снова продемонстрировала попытки знати восстановить свое прежнее положение (Фронда 1648–1653 гг.). Только в период самостоятельного правления Людовика XIV (1661–1715) наступает политическая стабилизация, завершается реорганизация государственной машины и окончательно структурируется двор, ставший в конце концов «ручным». Окончательное формирование новой властной системы и ее институтов, включая двор, связано с реформами Короля-Солнце 1661 г.

Характер должностей и их распределение. Само понятие «должность» (*office*) в этот период претерпевает заметные изменения и уточняется. Известный юрист XVII в. Луазо определяет ее как «достоинство, связанное с исполнением публичной должности» (*dignité avec fonction publique*), т. е. это служба королю и служба государству. Речь идет о королевских советниках и исполнителях установленных королем обязанностей. Первыми советниками короля в XVI в. по-прежнему считались главные коронные сановники или чины (*grands officiers de la couronne*). В ходе эволюции двора, развития его функций и увеличения числа должностных лиц начинается постепенное разделение коронных государственных и придворных

должностей, причем отраженное в массовом сознании. Эту тенденцию выразил известный юрист и памфлетист Ф. Отман, доказывая, что статус придворных и государственных должностей различается, поскольку назначение на высшие придворные должности осуществляется только королем. Соответственно главные должности короны имели, по его убеждению, иной, более высокий статус по сравнению с придворными: «Наши предки обособляли от них тех, кто являлся главными сановниками королевства и всего государства, прибавляя к их должностям гораздо более значительное определение — “Французский”».

Регламентом Генриха III 1582 г. была установлена иерархия высших должностей короны. Первое место в ней занимал коннетабль, второе — канцлер. Вслед за ними по значимости следовали должности «главный распорядитель французского двора», «главный камергер», «адмирал», «маршал», «главный шталмейстер» и, наконец, «командующий артиллерией».

Особенностью процесса формирования государственного аппарата во Франции являлась легализованная продажа должностей. Представление о почете, благородстве службы сохранялось, но нередко подданный оказывался облагодетельствованным доверием государя, подкрепляя его солидной суммой, направляемой лично королю. В силу этого он приобретал право распоряжаться должностью — продавать ее, передавать своему наследнику, т. е. она рассматривалась как часть фамильного имущества, как собственность. Именно в раннее Новое время возникает принцип наследственности и должностной преемственности, с которым был вынужден считаться даже Людовик XIV.

Тем не менее главные коронные сановники, равно как и носители высших придворных должностей, обычно назначались непосредственно королем из числа определенного круга — благородных семей Франции. Не покупались и не продавались высшие судебные должности первых президентов парламентов. Главные коронные чины приносили клятву непосредственно королю, а лица более низкого ранга приносили клятву не только королю, но и руководителю ведомства. Продажа и передача должностей в сфере правосудия или финансов совершались согласно определенному порядку. Высшие военные должности, такие как генерал-лейтенант, полевые маршалы, полковники, капитаны рот, квартирмейстеры и т. п. назначались указом короля и приводились к присяге.

Большинство высших должностных лиц короны, а также главные держатели должностей домов королевы и принцев крови, некоторые губернаторы провинций обладали собственным правом назначения на нижестоящие должности. Первые считались главами своих ведомств и соответственно могли набирать штат своих подчиненных. Так, главный камергер (обер-камергер, *grand chambellan*) набирал дворян королевской спальни — камер-юнкеров (*gentilshommes de la chambre*). Первый гофмейстер двора (*premier maître d'hôtel*) держал в своих руках подбор большинства должностных лиц в подчиненных ему службах, связанных с приемом пищи: хлебодаров, виночерпиев, служащих «кухни королевского рта» и общей кухни и т. д.; главный егермейстер набирал охотников и егерей и т. д. Должности были тесно связаны с социальной принадлежностью претендентов — одни предназначались только для знати, другие (пажи, конюшие, стрелки гвардии) для неродовитого дворянства; третьи (комнатные слуги, повара, аптекари, конюхи, псари, растопщики) — для простолюдинов, выходцев из третьего сословия. Главный распорядитель двора и руководители придворных ведомств лично представляли отобранных кандидатов королю и после монаршего одобрения последние получали официальное назначение, подтвержденное документом. Единственным исключением был командующий артиллерией (*grand maître de l'artillerie*), который лично назначал своих подчиненных без одобрения короля. Похожим путем формировался штат королевы, принцев и принцесс крови.

В провинциальном управлении губернаторы и наместники короля нередко сохраняли право назначать своих подчиненных, в том числе кастелянов городов, капитанов замков и крепостей.

Однако эта ситуация меняется с начала XVII в. Никто из высших сановников короны и двора не мог сам распоряжаться передачей важнейших должностей. Даже главный смотритель вод и лесов (*grand maître des eaux et forêts*) не мог лично назначать лесничих. Король закрепляет это право за собой. Но при этом и лица, стоящие во главе служб королевского дома, сохраняют право подбирать кандидатов на должности в своем ведомстве. Главный распорядитель французского двора ежегодно утверждал руководящий состав двора (с конца XVI в. достаточно формально), который, в свою очередь, представлял своих кандидатов на занятие придворных должностей на утверждение королю.

Двор как политическая элита. Двор в эпоху абсолютной монархии приобретает совершенно новый и особый статус: он не только

служит жизнеобеспечению королевской семьи и ее приближенных, но и приобретает важнейшую функцию репрезентации власти. Это проявляется в пышности двора, увеличении придворного штата с 300 человек в конце XV в. до 8000 человек при Людовике XIV, его новой организации, театрализации придворной жизни, концентрации вокруг двора всего культурного потенциала страны. Этот феномен активно подчеркивается и в исследованиях, посвященных двору, и даже в работах по истории искусства. По словам А. Фюретьера, писателя «Великого века», «роскошь двора демонстрирует могущество государя».

Королевская власть, наступая на вольности дворянства и лишая его политических привилегий, компенсировала утрату, привлекая его ко двору и предоставляя не только придворные должности, но и всевозможные пенсии и другие источники обогащения (скажем, право столоваться за королевским столом). Короля играет свита: и ее численность, роскошь жизни (игры, охота, маскарады, театр) — все способствовало подчеркиванию статуса личности короля. Об этом в немалой степени заботилась и идеология: уже в 1538 г. появляется формула: король — это Бог на земле. Если подобное утверждение поначалу вызывало некоторое удивление, то было общепризнанно, что король — наместник Бога на земле, власть его от Создателя; проводилась и идея о том, что французский король, как держащий свое государство от Бога, выше избираемого императора.

Король при подобных установках уже не являлся первым дворянином, хотя Франциск I, Генрих II и Карл IX подчеркивали свою идентичность с дворянством. В XVI в. не только король, но и весь королевский дом приобретают самый высокий, ни с чем не сравнимый социальный статус, а королевские дети именуются «детьми Франции». Именно в этот период старое обращение к королям *Altesse* (Высочество) начинает заменяться титулом «Величество» — *Majesté*. Окончательно оно утверждается при Генрихе III. При этом основным критерием статуса человека, находящегося в штате двора, считалась исключительно милость короля, которой были обязаны положением и должностями, хотя формально они предоставлялись за заслуги перед монархом и государством.

В течение XVI в. возрастало не только количество придворных должностей. Последние регулярно видоизменялись, оформляясь в конкретные службы двора, а определенные функции, ранее присущие одной конкретной должности, могли теперь перераспределяться

и передаваться другим держателям должностей. Так, должность главного церемониймейстера и должность главного камергера Генрих III, несомненно, создал своим регламентом не только из-за желаний систематизации и разграничения должностей, но и с целью урезать чересчур возросшее влияние герцога де Гиза, занимавшего высшую придворную должность. Придворный церемониал был разработан при Генрихе III и в дальнейшем изменялся довольно мало в зависимости от финансовых возможностей или личных склонностей королей.

Кроме того, на процессе эволюции двора сказывалась и смена династии. Так, при Генрихе IV, когда слились по сути два двора, совершенно разных по составу, характеру и численности штата и на каждую должность приходилось по несколько человек (ранее занимавших ее при разных дворах), королю пришлось «пристраивать» лишних претендентов. Был придуман необычный социальный ход — передавать должности для лиц неблагородного происхождения (камердинеров, дворецких, камеристок) дворянам. Разрешению ситуации способствовало и наличие правила, унаследованного от Валуа: чередование при исполнении обязанностей при дворе. Ранее ротация проводилась по истечении четырех месяцев службы, а со времени первых Бурбонов чаще — спустя квартал.

Двор как система должностей и служб. Исторически система придворных должностей оформлялась со времен Средневековья внутри т. н. королевского отеля, дома (*Hôtel du roi*), объединявшего всех без исключения должностных лиц (в том числе и слуг), служивших непосредственно монарху. Помимо большого двора (самого короля) существовали еще и малые — королевы, дофина, ближайших родственников. Так, в детском возрасте (шести лет) будущая королева Наваррская Маргарита де Валуа имела свой двор, насчитывавший около сотни человек, не считая штата конюшни (19 человек). В 1661 г. Людовик XIV окончательно преобразует старый королевский отель в *Королевский дом (Maison du roi)*, который, в свою очередь, подразделяется на военный и гражданский дома короля. Он включал в себя исторически сложившиеся службы. Во главе их стояли должностные лица самого высокого ранга (*chefs de charge*). Как отмечалось, все светские службы возглавлял *главный распорядитель французского двора* (эта должность выросла из должности средневекового майордома). За все вопросы, связанные с организацией спальных покоев короля, отвечал *главный камергер*, которому подчинялись *гардеробмейстер (maître de garde-robe)*, службу королевской

охоты возглавлял *главный егермейстер (grand veneur)*, королевской конюшни — *главный шталмейстер (grand escuyer)*, королевского стола — *главный хлебодар (grand panetier)*, *первый виночерпный (premier echançon)* и *первый кравчий (premier valet tranchant)*. К этим старинным высшим должностям при Генрихе III прибавилась новая должность — *главного церемониймейстера (grand maître des cérémonies)*. Следует заметить, что уже в XVI в. расширяется практика параллельного исполнения придворных и государственных (в особенности военных) должностей. Классическим здесь является пример исторического шевалье д'Артаньяна, который помимо того, что был капитаном королевских мушкетеров, являлся главным смотрителем королевских фазанов. Некоторые высшие придворные должности «оседали» в семьях высшей знати, когда дети и внуки наследовали посты отцов и дедов. Например, ряд потомков знаменитого соратника Жанны д'Арк Орлеанского бастарда, графа Дюнуа занимали должность главного камергера (герцоги Лонгвилли), а должность главного шталмейстера исполняли представители рода Бельгардов. Смена высших придворных сановников, как правило, происходила при новом царствовании. Иногда дележ начинался заранее. Известен скандал в конце царствования Франциска I, когда дофин (будущий Генрих II) начал заранее делить коронные должности между своими приближенными, чем и вызвал ярость отца.

Военный дом. Одновременно завершается оформление *Военного дома короля*, т. е. королевских телохранителей и лейб-гвардии. Первоначально в его состав входили две роты гвардейцев во главе с капитанами из числа высшей знати, затем их стало четыре, причем одна была шотландской. При Франциске I шотландцев возглавлял член королевского дома Шотландии Роберт Стюарт, женатый на тетке Екатерины Медичи; 25 стрелков шотландской роты составляли т. н. охрану рукава (*gardes de la manche*) — личную охрану, постоянно находившуюся при короле. Помимо этого, при Генрихе III состоял отряд «дворян вороньего клюва», состоявший из двух рот по 100 человек, просуществовавший до эпохи Людовика XIV, и отряд стрелков прево королевского отеля (80 человек). Помимо них вплоть до правления Генриха IV в военный дом короля входили только дворяне королевского отеля («почетный отряд дворян»), четыре гвардейские роты и швейцарцы (т. е. лейб-гвардия). Швейцарцы — это пеший отряд королевской сотни (*Cent-Suisses*) во главе с французским капитаном. Из всех рот королевских тело-

хранителей только швейцарская сотня была пешей, все остальные роты были конными.

Наконец, отдельное место в военном доме короля занимала стража ворот (*garde de la porte*) из 50 солдат во главе с капитаном. Этот отряд сменами по десять человек с алебардами в руках нес охрану перед дверьми королевских покоев и/или ворот королевской резиденции.

В дальнейшем появились подразделения лейб-гвардии, предназначенные для охраны монарха за пределами дворца: отряды тяжелой (*gens d'armes de la garde du Roy*) и легкой кавалерии (*chevaux-legers de la garde du Roy*), а также мушкетеры (*deux compagnies des mousquetaires à chevae*), подразделявшиеся на роту белых (кони были белыми) и, со времени Мазарини, роту черных мушкетеров (на вороных конях). Капитаном всех этих рот являлся сам король. Назначение на должности командиров этих элитных подразделений привлекало особое внимание, если даже в далекую Польшу принц Конде сообщал польской королеве (француженке) о том, что обошли назначением небезызвестного д'Артаньяна ради того, чтобы брат Кольбера командовал мушкетерами. Из своего военного дома король лично предоставлял королеве Франции 18 человек французских и шесть швейцарских гвардейцев.

Дом королевы. Одновременно формировался и *Дом королевы*, отличавшийся тем, что придворный штат в нем составляли и дамы, и кавалеры. Уже к концу XV в. дом Анны Бретонской составлял 90 человек, получавших жалованье за свою службу. Двор королевы возглавляла *гофмейстерина* (*dame d'honneur ou surintendente de la maison de la reine*), за ней следовали дамы различных рангов: *хранительница гардероба и драгоценностей королевы* (*dame d'atour*) и *фрейлины* (*filles d'honneur*) — незамужние девицы, проживавшие во дворце, наконец, придворные дамы (именовались просто *dames* или *autres dames*), находящиеся на королевском содержании или просто обладающие правом столования. Количество их варьировалось, а назначение не всегда зависело от королевы. Так, одно время высшую должность в доме Екатерины Медичи занимала герцогиня Буйонская (главным образом потому, что она была дочерью фаворитки короля Дианы де Пуатье). Фаворитка Людовика XIV маркиза де Монтеспан также заняла (в 1680 г.) высшую должность в доме королевы после изгнания своей предшественницы графини Суассонской (племянницы кардинала Мазарини Олимпии Манчини). На высшие должности могли рассчитывать представительницы самых знатных родов: например, во главе дома королевы

Марии-Терезы Австрийской, супруги Короля-Солнце, вначале стояла представительница суверенной княжеской династии, сестра герцога Мантуанского и польской королевы Анна Гонзага (супруга принца Пфальцского и известная в свое время фрондерка).

Структура двора отражала социальную структуру королевства. Естественно, как уже отмечалось, высшие должности доверялись только политической элите — принцам крови и титулованной знати. Вместе с тем в первой половине XVII в. наблюдается тенденция заполнять придворный штат представителями среднего и мелкого дворянства.

Главный распорядитель (grand maître de France) — высшая должность при дворе, являвшаяся к тому же коронной, т. е. лица, ее исполняющие, не могли быть смещены по желанию короля. Традиционно она предоставлялась представителям высшей аристократии, иногда и принцам крови. При Бурбонах ее занимали принцы крови — Суассоны и Конде: при Людовике XIII — его кузен граф Луи де Суассон, унаследовавший ее от отца, при Людовике XIV — принцы Конде, отец и сын. С конца XVI в. статус главного распорядителя после реформ Карла IX и Генриха III, желавших урезать амбиции и могущество герцогов Гизов, понижается: из номинального главы двора он становится равным еще трем другим официалам. Формально ему подчинялись гражданские королевские службы, внутри каждой из которой был обширный штат. Главный распорядитель ежегодно утверждал весь штат двора, принимая от имени короля клятву верности от руководителей служб, и представлял затем этот штат королю. В отсутствие главного распорядителя его заменял первый гофмейстер, в распоряжении которого находилось несколько ординарных гофмейстеров, служивших поквартально. Сначала в обязанности главного распорядителя входило возвещать об окончании царствования — именно он ломал свой жезл после смерти своего повелителя перед всем штатом двора, затем эта функция закрепилась за главным церемониймейстером.

Главный камергер, обер-камергер (grand chambellan с 1293 г.) первоначально отвечал за спальню короля (русская аналогия — постельничий). Его значение вырастает с 1545 г., после упразднения должности камерариев и возведения этой должности в ранг коронной. До регламентов Генриха III главный камергер руководил церемониями при дворе и очень обширной службой. В дальнейшем его обязанности изменяются, хотя остаются разнообразными: он отвечает за деятельность театров, сопровождает короля на заседания Генеральных штатов, где сидит на скамеечке у ног своего монарха. Именно он подает утром

рубашку королю, если отсутствует главный распорядитель двора. Под его началом находились служащие разных рангов и званий. Комнатная служба была многочисленной — в нее входили гардеробмейстер, четыре камер-юнкера, несколько ординарных камер-юнкеров — благородные лица, а также неблагородные — камердинеры, секретари, комнатные слуги, цирюльники, привратники, мебелировщики, художники, скульпторы и т. д. — все они часто именовались «камердинерами» (наиболее известным камердинером, по-видимому, можно считать великого драматурга Мольера). Должность главного камергера, которая с XV в. предоставлялась потомкам графа Дюнуа герцогам де Лонгвилям, а затем герцогам де Гизам, впоследствии закрепилась за герцогами Буйонскими из рода Ла Тур д'Овернь.

Должность *главного церемониймейстера*, обер-церемониймейстера (*grand maître des cérémonies*) была создана регламентом Генриха III в 1585 г. В его компетенцию входили подготовка и проведение всех торжеств. Прежде всего, он устанавливал порядок и «выстраивал» соответственно рангу присутствующих на любой церемонии, где участвовал король: крестинах, бракосочетаниях, коронациях, погребениях, приемах чрезвычайных и полномочных послов, всех официальных приемах при королевском дворе. Поскольку при бесчисленных местных спорах для организации и обеспечения порядка явно было недостаточно одного человека, то у него в подчинении имелся ординарный церемониймейстер, а также штат помощников, которые непосредственно допускали к королю всех принцев, принцесс, послов, приглашенных дворян, иностранных посланников и т. д.

Главный раздатчик милостыни (*grand aumônier de France*), носитель коронной должности, возглавлял всю группу духовных лиц, обеспечивавшую религиозную жизнь двора. Со временем эта должность приобретает уже не только церковный, но и политический характер. Так, Ришелье передал ее своему брату. При Людовике XIV главным раздатчиком был племянник римского папы Урбана VIII кардинал Антонио Барберини (которому после смерти дяди пришлось обосноваться за пределами Италии). Ему подчинялось несколько раздатчиков милостыни, капелланы, королевский духовник и многие другие. Как придворный епископ он крестил королевскую семью, их крестников, причащал их, венчал и т. д. В его обязанности входило освобождение заключенных по случаю празднеств в королевском доме. Он курировал также не только богоугодные заведения, но и Коллеж королевских лекторов и Наваррский коллеж. В церкви

духовные должностные лица всегда располагались по правую руку от короля, остальное духовенство находилось слева.

Главный прево дома короля (grand prévôt). Непосредственно поддержанием порядка в месте пребывания короля ведал главный прево Франции, юрисдикции которого подлежали служащие королевского дома. В подчинении у прево находились: два заместителя, королевский прокурор, стряпчий по гражданским и уголовным делам, секретари, нотариусы, исполнители судебных приговоров, наконец, отряд стрелков. При апелляции по гражданским делам последние выносились на Большой совет, в уголовных делах прево являлся верховным судьей.

Главный шталмейстер, обер-шталмейстер, конюший (grand esquier) отвечал за конюшни короля и давал клятву верности самому королю, являясь носителем коронной должности. Все прочие служители конюшен подчинялись ему: конюшие, 24 пажа, кучеры, фурьеры, почтальоны, даже кузнецы, конюхи, ветеринары — все они обслуживали 120 королевских лошадей. Эта должность чаще всего передавалась потомкам Лотарингского дома.

Под началом *главного егермейстера*, обер-егермейстера, ловчего (*grand veneur*) находились все служители, имеющие отношение к обычной охоте. Главный егермейстер был одним из наиболее важных должностных лиц короны, который всегда принадлежал к именитой знати. В его обязанности входила как организация королевской охоты, так и запрещение частным лицам охоты на оленей, коз, кабанов. Независимо от него существовали должности и соответствующие ведомства *главного распорядителя охоты на волков (grand louvetier)* и *главного сокольничего (grand fauconnier)*, уступающие ведомству главного егермейстера как по численности персонала, так и по уровню организации.

Государственный аппарат. Становление абсолютной монархии было в гораздо большей степени связано с изменениями в системе управления государством, сменой элит и началом перехода административного управления в руки вчерашних выходцев из третьего сословия. Именно в этот период при сохранении старых властных институтов создается новая система государственных органов, причем часть должностей продавалась, но важнейшие посты передавались правительством доверенным лицам путем назначения. Центральное управление осуществлялось при помощи ряда советов, из которых к концу рассматриваемого периода уже формируются будущие министерства.

Нетрудно выявить, что если в XVI в. — в эпоху становления аппарата управления абсолютной монархии — можно наблюдать постепенный вынужденный отход высшей знати от дел управления, но заменяли ее чаще представители родовитого дворянства, то в XVII в. во Франции на государственные должности назначались по преимуществу выходцы из третьего сословия. Как уже отмечалось, возникают целые кланы, которые распространяют свое влияние на различные сферы управления — классическими здесь можно назвать семьи Сегье, Кольберов, позднее Фелипо-Поншатренов. Первое из этих семейств предоставило короне помимо знаменитого канцлера Франции Пьера Сегье пятерых председателей Парижского парламента, 13 парламентских советников, двух генеральных адвокатов и т. д. При этом борьба за высшие должности в управлении по преимуществу велась уже между не старыми феодальными фамилиями или их клиентами, а выходцами из дворянства мантии.

В соответствии с обычаем должности создавались и упразднялись королем по его усмотрению, и соответственно распоряжался он ими по своей воле. С инициативой создания новых должностей обычно выступали финансовые чиновники (суперинтендант или генеральный контролер финансов), и подобная инициатива определялась чаще всего недостатком финансов в казне. Продажа должностей началась еще при Франциске I. В 1664 г. насчитывалось уже 45 тысяч различных должностей, большая часть которых покупалась выходцами из третьего сословия. Особое значение здесь приобретает система т. н. полетты, которую создал в 1604 г. Генрих IV, при которой должности превращаются в наследственные, но при условии ежегодной выплаты государству носителем должности определенной суммы (шестнадцатой части ее стоимости). Таким образом, государственная служба становится наследственной. Новый порядок вызывал всеобщее возмущение, но был так прост и удобен для власти, что сохранился до эпохи Французской революции. При этом продажа должностей и полетта имели не только финансовый, но и политический смысл — король получал должностных лиц, никак не связанных с клиентами вельмож. Купля-продажа должностей становилась первым этапом в смене политических элит: власть оказывалась в руках верхушки третьего сословия, а аристократия медленно, но верно оттеснялась от управления государством во всех сферах. В социальном плане это процесс приводил к консолидации специфического социального слоя — «дворянства мантии», анобли-

ровавшегося, получавшего налоговый иммунитет. Возвышение этой более профессиональной и лучше подготовленной к ведению государственных дел социальной группы (вопреки недовольству старой аристократии¹³) в конечном итоге и привело к становлению новой, по сути своей корпоративной и замкнутой, политической элиты.

Администрация, сформированная по подобному принципу, разумеется, была предана монарху (и это доказывала неоднократно, включая кризис 1580-х гг., когда некоторые должностные лица Парламента заплатили за это своей жизнью). Однако она, уже в силу того что носители должности либо покупали ее, либо получали по наследству, оказывалась дистанцированной и достаточно независимой от политических группировок и родовых кланов и даже от центральной власти (что доказывали «ремонтации» парламентов королю и их роль в событиях Фронды). Поэтому со второй половины XVI в. короли прибегают к использованию института «полномочных комиссаров короля», которые фактически противостоят оффисье, т. е. должностным лицам, вносящим пометку и передающим должность по наследству. Исполнение должности комиссаров отличалось от оффисье тем, что оно, во-первых, было ограничено во времени, а во-вторых, ее носитель имел чрезвычайные полномочия. Комиссары, а по сути инспекторы становятся эффективным инструментом управления государством, именно они создавали новую модель управления Францией. В итоге в течение рассматриваемого периода во Франции складываются две системы должностей, которые, несмотря на все противоречия между ними, взаимно дополняли друг друга в новой государственной машине.

Однако даже внутри первой системы («оффисье»), где должность получали благодаря ее покупке, было несколько исключений. Порядок не распространялся на высшие коронные чины.

Высшие административные должности абсолютной монархии. Формирование новой административной системы, как отмечалось, означало не только создание новых должностей короны, но

---

¹³ Рупором ее следует считать герцога Сен-Симона. Способ выразить свое презрение «выскачкам» часто был связан с неподобающим для «порядочного человека» поведением: так, дочери канцлера Сегье (вторым браком бывшей за герцогом де Вернеем, побочным братом Людовика XIII, и потому опережавшей по своему статусу знатных дам) вдогонку кричали: «Дорогу госпоже Шарлотте Сегье».

и эволюцию прежних. Из пяти старинных высших должностных лиц короны три сохранили свое значение на протяжении почти всего времени формирования новой государственной машины. К ним относились коннетабль (позднее маршал), адмирал Франции и канцлер.

По своей значимости в иерархии коронных должностей первым считался коннетабль, руководящий военной деятельностью государства, но с 1627 г. на первое место выдвигается канцлер, возглавлявший высшую гражданскую администрацию, прежде всего связанную с правосудием: канцлер — «глава Правосудия». *Канцлер Франции (chancelier de France)* считался первым чиновником королевства и главой системы правосудия королевства, в том числе и всех парламентов. Этой должности именно в XVI–XVII вв. придавалось особое значение, чему служили пышность, окружавшая ее носителя при исполнении обязанностей, равно как само разнообразие этих обязанностей. Канцлер осуществлял составление государственных актов, а кроме того, отвечал за королевские архив и библиотеку. Его первой обязанностью было скрепление королевских актов печатью — на всех государственных документах королевская печать могла ставиться только в его присутствии, соответственно он хранил печати короля. Последних было две — большая печать (король изображен на ней на троне, держащим скипетр и жезл правосудия) и малая, на которой изображен герб Франции под короной; кроме того, имелась печать дофина. Канцлер всегда хранил при себе ключ от ларца с печатями. Как первое должностное лицо королевства он выступал от имени короля на заседаниях Парижского парламента, на Генеральных штатах и ассамблеях нотаблей. Канцлер считался по праву руководителем королевских советов, поскольку в отсутствие короля возглавлял и проводил их заседания. Его роль в управлении до начала XVII в. была определена юристом Луазо в трактате об управлении, где канцлер назван «контролером и исправителем всех дел во Франции». Характерно, что в эту эпоху канцлер имел отношение к управлению финансами. Этот порядок нарушается в конце правления Генриха IV, когда суперинтендант финансов Сюлли становится наиболее приближенным советником короля. В дальнейшем статус канцлера восстанавливается, в особенности когда канцлером был Пьер Сегье. Но Сегье со временем стал мешать Кольберу и в 1661 г. был выведен из Верхнего совета, который отныне стал возглавляться королем. Однако он оставался во всех остальных советах и руководил Частными финансовыми советами. Тем не менее при Короле-Солнце значение этой должности уменьшается. Канцле-

ру подчинялся обширный штат, в его ведомстве служили чиновники четырех типов. Кроме того, ему подчинялась целая армия более мелких служащих от судебных секретарей до плавильщиков воска.

Пост канцлера никогда не занимали представители высшей титулованной знати. Не случайно Сен-Симон говорил, что канцлер, являющийся герцогом, — «это чудище». Одно такое чудище все же родилось — канцлер Сегье в 1651 г. был возведен в сан герцога. Должность канцлера давала ее носителю специальные доходы — для того чтобы поддержать ее статус. Она не могла, в отличие от многих других, ни продаваться, ни передаваться. Канцлер мог подать в отставку, лишиться должности только за преступление. Известен только один прецедент — канцлер Гийом Пуайе был осужден и лишен должности в 1545 г. Обычно при смене вместо канцлера назначался хранитель печати, как и в случае если канцлер по возрасту или по болезни не мог исполнять свои обязанности. Король сохранял за носителем титул и почести, но отбирал печати, которые либо хранил лично, либо назначал их хранителя (сама должность создана в 1551 г.). Несмотря на пожизненный статус, канцлер иногда мог впасть в немилость, и в этом случае его функции также переходили к хранителю печати. Иногда в роли хранителя печати выступали сами монархи. *Хранитель печати*, как и канцлер, считался высшим должностным лицом короны.

Коннетабль Франции (connétable de France) был командующим французской армией и хранителем королевского меча: «Все носящие оружие должны повиноваться ему»¹⁴. В эпоху абсолютизма особые военные прерогативы коннетабля и, в частности, право возглавлять войска могли создавать политические сложности. Коннетабль командовал армией и участвовал в организации ее финансирования, т. е. он был обязан заботиться о ее снабжении, распоряжаться расходами, размещением гарнизонов. Много позже знаменитый генеалогист и историк коронных должностей о. Ансельм заметит: «Коннетабль входит в самый секретный и узкий совет при короле, а королю не следует отдавать приказ о войне без совета коннетабля»¹⁵. Измена коннетабля Бурбона, который перешел на сторону главного противника Франции императора Карла V в 1523 г., определила в буду-

---

¹⁴ *Anselme P.* Histoire généalogique et chronologique de la maison royale de France, des grands officiers de la couronne et de la maison du Roi. P., 1664. V. 2. P. 59.

¹⁵ *Op. cit.* P. 57.

щем и частые вакансии этой должности, и принцип назначения на нее — короли руководствовались скорее лояльностью, чем полководческим талантом коннетаблей. После коннетабля Бурбона, как известно, эта должность долго была вакантной, и только в 1538 г. коннетаблем стал Анн де Монморанси (ум. в 1567 г.). Затем должность была свободна почти 30 лет (а именно эти 30 лет приходятся на кульминацию Гражданских войн), и в 1593 г. Генрих IV передает ее своему старому союзнику: второму сыну предшествовавшего коннетабля Анри де Монморанси. Следующий коннетабль (Люинь) вообще не отличался воинскими талантами, но был признанным фаворитом Людовика XIII. И только последний из носителей этой славной должности был действительно достоин ее, но шпагу коннетабля он получил не за военные подвиги, а за политическое предательство своих братьев по вере — протестантов: герцог де Ледигьер согласился перейти на сторону короля и в награду стал коннетаблем. После его смерти коннетаблей во Франции уже не было. Январский эдикт 1627 г. отменял эту должность, как и вторую, не менее опасную — должность адмирала, что было логично — при абсолютной монархии главнокомандующим считался монарх, а командующие на поле битвы как бы его замещали. Поэтому в данный период особо развивается институт маршалов.

Маршалы Франции (les maréchaux de France) первоначально подчинялись коннетаблю как командующему армией и исполняли те же функции командующих. Все они — военные профессионалы, о чем свидетельствует наличие в их среде выходцев из других стран, служивших своей шпагой французской короне. В отсутствие коннетабля на церемонии королевской коронации глава коллегии маршалов исполнял его обязанности — держал королевский меч. Количество маршалов выросло с 2 до 20 человек в 1704 г. Сохранилась и их особая юрисдикция: суд маршалов вместе с судом адмирала и судом вод и лесов образовывали суд Мраморного стола (напоминание о былом — главном зале Дворца правосудия, уничтоженного пожаром в 1618 г.). Впрочем, судили не лично коннетабль и маршалы, этим занимались профессионалы. Позднее возникает должность прево маршалов, носитель которой разбирал дела о военных преступлениях. В этом суде рассматривались не только дела «военнослужащих», но и преступления, совершенные против общественного порядка — бродягами, преступниками, действующими на больших дорогах, и даже виновниками эксцессов в публичных местах вплоть до нарушения

порядка в театрах. Кроме того, уже лично маршалы во главе со своим председателем судили в т. н. *Трибунале чести*, рассматривая конфликты между дворянами. Именно этот трибунал, созданный в 1602 г., вывел Мольер во втором акте своего «Мизантропа». Большинство маршалов также принадлежали к высшей знати (Монморанси, Люксембург, Виллеруа, Лорж-Монгомери, Тюренн). Однако воинская доблесть давала шанс на занятие этой должности и отдельным выходцам не только из высшего дворянства — примером могут служить маршал Гассион (1609–1647) и маршал Катина (1637–1712).

В исключительных случаях вводилась должность, скорее почетный титул, для лиц, многократно доказавших свой военный талант успехами на поле брани — главный лагерный маршал (*maréchal général des camps et armées du roi*). Его были удостоены только три человека: в XVII в. великий полководец Анри II де Ла Тур д'Овернь, виконт де Тюренн (в 1660 г.), в XVIII в. — герцог Клод де Виллар (в 1703 г.) и граф Мориц Саксонский в 1747 г. Естественно, маршалы имели помощников, лагерных маршалов, позднее военных интендантов, в обязанности которых входили прежде всего финансовые вопросы (выплата жалованья, взимание контрибуций) или пенитенциарные функции.

Подобно коннетаблю *адмирал Франции* (*amiral de France*) осуществлял всю полноту власти в морских делах и нес за них всю ответственность. В период мира он являлся как бы генеральным наместником короля, в годы войны возглавлял военно-морские силы. Однако если коннетабли исполняли свои обязанности полководцев непосредственно на поле битвы, то, за исключением Клода Аннебо, который разгромил англичан при острове Уайт (1545 г.), никто из адмиралов на деле не командовал флотом и морскими сражениями. А поскольку в приморских областях (Прованс, Бретань) имелись свои особые адмиралы, то власти, равной власти коннетабля, адмиралы Франции не получали. Должность адмирала во Франции в XVI в. связывалась с именем самого известного (и не за таланты флотоводца) изо всех французских адмиралов адмирала Колиньи, а его политическая деятельность вызывала большие опасения короны. Как и коннетабли, адмиралы считались опасными для власти короля из-за слишком больших полномочий. Тот же январский эдикт 1627 г. отменил должность адмирала, чувствительно задев при этом амбиции и доходы герцога Анри II де Монморанси, занимавшего эту должность с 1614 г. Оскорбленный вельможа закончит свою жизнь в 1632 г.

на эшафоте за вооруженный мятеж против короля и Ришелье, а в 1631 г. кардинал отнимет должность адмирала Бретани у герцога де Гиза и купит у Пьера Гонди должность командующего галерным флотом. Это было завершением длительного процесса, начатого Ришелье в 1626 г., по созданию новой должности *главного распорядителя, главы и суперинтенданта по морским делам и коммерции*. Ее занимали всего четыре человека. В 1646–1650 гг. ею владела вдовствующая королева-мать Анна Австрийская. В отличие от коннетабля должность адмирала была восстановлена при Людовике XIV, но ее передали в качестве синекуры двухлетнему ребенку, внебрачному сыну короля от Луизы де Лавальер герцогу де Вермандуа. С 1683 г. ему наследовал другой незаконный сын короля, граф Тулузский, а затем она перешла к сыну последнего, герцогу де Пантьевру (ум. в 1793 г.), который сумел сохранить ее до Французской революции.

Государственные советы. Центр тяжести в управлении в этот период переносится ко двору, точнее — в непосредственное окружение короля: именно из него рекрутировались члены государственных органов нового типа, различных советов. «Король в своем Совете», как видно по королевским указам, стал законодательной, исполнительной и высшей судебной инстанцией. Усложнение задач управления приводило к тому, что в старом Королевском совете создавались особые подразделения, которые также стали называться советами в соответствии с характером дел, которые на них выносились: новые органы возникали, рекрутируя свои кадры из представителей парламентских кругов. Все члены Парижского парламента считались «советниками короля» в его парламентском суде. Для того чтобы подчеркнуть связь между парламентом и королевскими советами, членов Совета обычно называли почетными советниками парламента. Однако в советы могли входить и другие лица, так что иной раз их состав напоминал прежнюю *curia Regis*, когда король проводил заседание Палаты правосудия.

Новые советы возникали непосредственно при короле. Вероятно, их коллегиальный характер выражал максимум, сформулированную еще в предшествующий период — носитель верховной власти правит один, только если он является тираном. Доверительное отношение монарха, согласно политическим теориям предшествующей эпохи, неизбежно приводит к тому, что он советуется с опытными лицами и принимает решение, основываясь на их мнении. К моменту появления советов их функции были еще не определены и не расчленены: они занимались политическими, административными и судебными

делами (хотя уже функционировали парламенты). Поэтому и названия совета часто менялись и не давали точного представления об их прерогативах — Королевский совет, Частный совет, Государственный совет. Только при Людовике XIV были четко сформулированы задачи различных советов и определена их структура в соответствии с направлением деятельности. Первоначальная неопределенность оказывала влияние на состав советов. Характер их деятельности предполагал назначаемость членов Совета. Во Франции многие лица традиционно имели право заседать в совете в соответствии со своими привилегиями: принцы крови, пэры, главные должностные лица короны — главные коронные чины (в т. ч. и носители придворных должностей). Помимо них в составе советов работали подготовленные чиновники. Такое широкое представительство приводило к тому, что Совет с трудом мог принимать решения, поскольку далеко не все заседавшие были наделены государственным умом и обладали нужным опытом.

Потому-то, а возможно, с учетом политического опыта короны борьбы со знатью в XV–XVI вв. начали сперва созываться, а затем и создаваться советы с узким составом. В этом случае все их члены назначались королем. Возглавлялся Совет монархом, без него не решались политические дела. Однако в случае, когда на заседание выносились судебные или административные вопросы, канцлер как высшее должностное лицо возглавлял Совет в отсутствие короля. Этот порядок был окончательно утвержден при Людовике XIV. Советы действовали согласно утвержденным правилам-регламентам, которые впервые были приняты в царствование Генриха II.

При Франциске I был создан Деловой совет, который стал называться Государственным советом. Следующим из официально установленных оказался Частный совет, чей регламент был утвержден в октябре 1557 г. Согласно решению 1563 г. создавался также Совет по финансам. В правление Генриха III (когда вообще регламентировалась не только государственная, но и придворная жизнь) советы реорганизовывались дважды (в 1578 и 1582 гг.). При Людовике XIII в 1611–1630 гг. было принято примерно 25 документов, имеющих отношение к реорганизации советов. Характерно, что при этих реорганизациях особое внимание отводилось управлению финансами. В 1615 г. появляется преемник Делового совета — Совет дел и депеш наряду с Советом финансов. Уже в 1661 г. при упразднении должности суперинтенданта финансов Людовик XIV создал Королевский

совет по финансовым делам. В 1616 г. возник Военный совет (*Conseil de guerre*), который вскоре прекратил существование и был восстановлен только в 1643 г. В его состав помимо короля, главного министра, государственных секретарей (статс-секретарей) входили маршалы Франции. Обычно же в советах заседали статс-секретари и их ближайшие сотрудники, а также главный министр, канцлер, государственные секретари (позже — государственные министры), высшее должностное лицо, ведавшее финансами (суперинтендант, а впоследствии генеральный контролер финансов), интенданты финансов, глава Королевского совета по финансовым делам, т. е. должностные лица, которые назначались монархом. В их работе также принимали участие государственные советники и докладчики (*maîtres des requêtes*). Но в советах имелись и служители, которые покупали свои должности. Последними ведали четыре секретаря по финансам. Так, в Частном совете было четыре секретаря и писца, все они имели помощников. Регламентом 1597 г. вводилась специальная должность адвоката Совета.

В *Королевском совете (Conseil du roi)* обсуждались государственные дела и готовились решения от имени короля. В течение XVI–XVII вв. Совет все более расширял свою компетенцию, но в итоге превратился по преимуществу в верховный орган королевского правосудия. Это сказалось даже на переименовании судов: вместо эпитета «верховный» (*souveraine*) стал употребляться термин «высший» (*supérieure*). Королевский совет являлся также высшим органом в решении административных, политических и судебных вопросов, касающихся всего королевства. Они могли приниматься по инициативе короля или в соответствии с предложениями, внесенными кем-то из министров или советников, а также на основании представленных Совету докладов. При Королевском совете имелись бюро, которые оформляли указы и постановления в полном соответствии с процедурой, разработанной юристами. Все постановления Совета всегда выражали волю короля, даже если он не присутствовал на заседании Совета. Менялась только формула постановления.

Состав и количество членов этого Совета часто менялись: некоторые лица являлись членами Совета по праву рождения (принцы крови, герцоги и пэры), других назначал король по собственному выбору. Последние были, как правило, видными королевскими чиновниками, прелатами, губернаторами, бальи. Численность Совета не была постоянной: при сильной власти Совет заметно сокращал-

ся, зато при слабых правителях, например при Франциске II и Карле IX, превращался в многолюдное и малоэффективное собрание. С течением времени Совет сделался техническим органом, довольно устойчивым и стабильным, который специализировался на разрешении вопросов, связанных с судопроизводством и финансами, причем в него получили доступ чиновники, принадлежавшие к «дворянству мантии», — выходцы из третьего сословия. Численность королевских советников, которых назначал только монарх по своему усмотрению, варьировалась в разные годы: от 10 до 20 при Франциске I, около 100 человек в 1572 г., 55 — в 1574 г., 33 согласно регламенту Людовика XIV 1673 г., наконец, 30–38 — в 1766 г. и 38 — в 1787 г.

Уже со второй половины XVI в. Королевский совет все более диверсифицировался в особые образования. Окончательно эта перегруппировка завершается в первой половине XVII в. Из него выделился в 1550–1650 гг. центральный орган власти — Государственный совет (*Conseil d'État*) с различными функциями, затем два совета, относящихся к политическим делам, кроме того, возникли еще (выше уже упоминались) два совета, связанных с финансами, и, наконец, совет чисто судебного характера. Кроме того, к советам относились различные бюро и комиссии.

Большой совет представлял собой верховную судебную палату, которая выделилась из Королевского совета. В него входили первый президент, президенты, генеральный прокурор, заместитель и его помощники. Особенность этого Совета состояла в том, что его юрисдикция распространялась на все королевство.

В *Частном совете* (*Conseil privé*), или *Совете по гражданским делам* (*Conseil des parties*), король лично вершил правосудие. Он был высшим судом в гражданских и уголовных делах между частными лицами. Частный совет был одновременно судебным и законодательным органом, хотя исполнял также судебные функции (аналог позднейшего кассационного суда), поскольку на нем принимались законы и постановления королевства в форме эдиктов, ордонансов и королевских грамот, которые канцелярия затем рассылала для исполнения судам и трибуналам. Со временем решения Частного совета по ряду вопросов стали обладать силой закона даже без регистрации в независимых палатах Парижского парламента. Первоначально в него входили принцы крови, герцоги и пэры, помимо них — государственные секретари, государственные советники и докладчики (последние две группы обычно и заседали в этом Совете). Члены

этого особого Совета, как правило, юристы, «советники короля в своих советах», со времени правления Генриха III стали называться государственными советниками. Часто его членами становились докладчики или председатели независимых палат.

Деловой, или *Малый совет* (*Conseil d'affaires*) вырос из Тайного совета или Узкого совета и играл большую роль на рубеже XVI–XVII вв. На нем под руководством короля обсуждались важнейшие вопросы политической жизни. Он представлял собой собрание ближайших советников из трех-пяти человек, которым доверялись наиболее значимые и тайные государственные дела. Подобные советы появились в XIV в., но регулярно их стали созывать при Франциске I. Их регламент еще отсутствовал, поэтому регулярно менялось и количество членов Совета, и его состав. Совет зависел от воли и выбора короля и мог действовать только в его присутствии. Король созывал его по своему усмотрению для личных консультаций. В XVII в. члены этого Совета стали «государственными министрами» и составили настоящее правительство, ведавшее секретными делами государства (ведение войн, заключение союзов, подписание договоров). Новые монархи, как правило, изменяли состав Совета. Так, был полностью изменен его состав при вступлении на престол Генриха II в 1547 г.: из прежнего Совета остались только секретари финансового ведомства. Характерно, что при этом из Совета были выведены принцы крови — король Наваррский Генрих д'Альбре и герцог Вандомский Антуан де Бурбон.

Верховный совет (*Conseil d'en haut*) — позднее название Делового совета. Этот совет по своим функциям был преемником Делового совета XVI в. и занял наиболее важное место в системе советов. Официальный статус верховного органа этот Совет (как и свое название) окончательно приобретает с начала министерата Мазарини (1643 г.), именно на его заседаниях принимались политические решения, связанные с задачами внешней и внутренней политики, а также с важнейшими финансовыми вопросами. С этого времени он четко структурируется, определяется его компетенция. Он часто называется Государственным советом. Его члены часто именуются «государственными министрами». Некоторые из них заседали там по должности — главные министры (кардиналы Ришелье и Мазарини), канцлер (возглавлявший Совет в отсутствие короля), суперинтендант финансов, государственный секретарь по иностранным делам. Прочие члены Совета назначались королем. Характерно, что при Людовике XIV представители высшей знати (даже королева-мать)

в этот Совет не приглашаются. Зато участвуют в его работе три государственных министра (Летелье, Фуке, Лионн), которых отобрал лично король. Правда, его состав в дальнейшем мог расширяться — в 1709 г. он насчитывал уже семь человек.

В царствование Людовика XIII развивается *Совет дел и депеш* (*Conseil d'affaires et dépêches*). В его обязанности входило рассмотрение вопросов, имеющих отношение к управлению внутренними делами королевства, в то время как Деловой совет ок. 1650 г. начинает заниматься исключительно внешней политикой. Как и в Деловом совете, члены Совета депеш либо являлись носителями определенных должностей, либо назначались короной. Название свое он получил из-за того, что среди прочего ведал корреспонденцией между правительством и властями на местах (губернаторами и интендантами). Первоначально его возглавлял канцлер, затем лично король. Собирался он два раза в неделю. В его состав входило не более 12 человек. Совет составляли канцлер (под чьим руководством он и работал), государственные секретари, суперинтендант (затем генеральный контролер финансов), несколько государственных советников (в основном докладчики) и министры.

Первый из финансовых советов — *Королевский совет по финансовым делам* (*Conseil royal des finances*) — возникает в результате соответствующего решения Карла IX. Совет по финансовым делам имел специализированный персонал и обладал правом регулировать всю финансовую политику короны, следить за взиманием податей, главным образом разверсткой талы. Поскольку управление финансами находилось в руках суперинтенданта финансов, то финансовые вопросы вплоть до времени Сюлли (сюринтендант в 1599–1610 гг.) решались в совете параллельно или с суперинтендантом или без него. После восстановления должности суперинтенданта Совет финансов сохранился, но изменил свой характер, получив название «Совет по делам государства и финансов» (*Le Conseil d'État et des finances*) с соответствующими функциями. Иерархически он стоял выше Делового совета. После отставки Сюлли была учреждена директория из трех государственных советников, которым и препоручалось все, что ранее входило в компетенцию суперинтенданта. Однако вскоре должность суперинтенданта была восстановлена и создан (в 1615 г.) Совет по управлению финансами, который и руководил финансовой политикой. Этот Совет приобретал в период правления Людовика XIII и малолетства Людовика XIV все большее значение, по-

скольку расширялась сфера его компетенции — он ведал всем, что имело отношение к налоговой и бюджетной политике, королевским доходам, повышению налогов и т. д.

В 1661 г. при окончательном упразднении должности суперинтенданта финансов Людовик XIV создал Королевский совет по финансовым делам во главе с королем и в составе докладчика (Кольбер) и трех советников. В Совете были представлены как выходцы из дворянства шпаги (один советник), так и дворянство мантии (два советника). Вводится строжайший контроль за расходами, и зарождается прообраз государственного бюджета. Совет по делам финансов первоначально собирался трижды в неделю, затем дважды.

Парламенты. Помимо советов функционировали и бывшие государственные учреждения, среди них весьма разветвленная система королевских судов. На вершине королевских судов стояли парламенты. Их насчитывалось девять, важнейшим среди них являлся Парижский парламент. В XVI в. Парламент оформился как особая корпорация и являлся высшей инстанцией королевского суда. К XVII в. в состав Парламента входила Верховная палата, Апелляционная палата, Палата прошений, а также Палата уголовных дел. Большая палата включала в себя первого президента, 10 президентов, 37 советников, 12 секретарей. В состав Апелляционной палаты входили 2 президента и 25 советников. В Палату по приему прошений входили 3 президента и 15 советников.

Парламенты имели и административно-надзорные функции. Члены Парламента были несменяемы, с начала XVI в. парламентские должности становятся наследственными. Состав их был своеобразен — это выходцы из третьего сословия, которые в результате аноблировались, в этой среде и формируется «дворянство мантии».

Политическая роль этого судебного учреждения определялась тем, что парламент присвоил право регистрации королевских указов (так, парламент Нормандии зарегистрировал Нантский эдикт спустя 12 лет после его издания) и отказывать в регистрации указов — т. н. право ремонстрации, которое вплоть до XVIII в. порождало немало столкновений между монархом и Парламентом. Именно этим объяснялось создание Большого совета (особой отрасли Королевского совета), куда отзывался ряд дел из парламентов. Парламент тем самым утрачивал часть своей компетенции.

Первому председателю (президенту) Парламента (который назначался лично королем) подчинялось 200 главных судов и судей.

Именно они считались вершителями королевского правосудия. В свою очередь, в их распоряжении находилось большое количество судебных чиновников. Только должностей судей и королевских сержантов насчитывалось около 20 тысяч человек. Кроме того, в судебных органах числились многочисленные адвокаты, стряпчие, судебные чиновники и исполнители. Большая часть должностей считалась покупной, и продавались они по высокой цене. Так, в XVI в. должность советника парламента стоила 100 тысяч ливров.

Должности центрального управления. Все лица, которые призывались королем на заседания Совета, первоначально относились к числу государственных министров. Отдельные министры могли получать звание «главного министра», как, например, Ришелье, Мазарини. Обычно первые министры концентрировали в своих руках несколько важнейших ведомств и имели несколько должностей. Так, Сюлли являлся государственным советником, суперинтендантом финансов, главным распорядителем артиллерии, суперинтендантом строений и фортификации и т. д.

Чин *королевского советника* (*conseilleur du roi*) носили лица, исполнявшие должности не самого высокого ранга в различных управленческих структурах. Представители высшей администрации согласно установлениям 1673 г. приобрели право носить звание «советник короля во всех советах» (*conseilleur du roi en tous conseils*). К этим лицам относились высшие должностные лица короны и королевского отеля, кавалеры ордена Св. Духа, высшие должностные лица на местах (губернаторы и генеральные наместники провинций), первые президенты парламентов, прокуроры и генеральные адвокаты Парижского парламента. Обычно его применяли к докладчикам и даже к лицам духовного звания (епископам). Подобное пожалование оформлялось особым постановлением короля, когда он хотел вознаградить кого-то за заслуги. Но чаще королевские советники назначались письмами-патентами, количество которых было ограничено. Окончательно разграничение между этими двумя типами сановников было проведено при Людовике XIV. С момента появления советов монархи стремились сократить их состав с целью повышения эффективности работы. Уже Генрих III определил их предельный количественный состав в 124 человека, оговорив, что они не должны собираться одновременно. В 1673 г. количество советников ограничивалось 30, из них 18 были постоянно работающими, а 12 заседали по семестрам. Выбирались они из трех социальных групп:

духовенства, дворянства шпаги и дворянства мантии. В дальнейшем основная часть рекрутировалась из дворянства мантии (докладчики и члены Верховного суда). Итог этой эволюции определился к 1673 г. — в составе 30 членов совета было три духовных лица, три — из дворянства шпаги, остальные принадлежали к дворянству мантии. Советники после назначения приносили клятву канцлеру.

Должность *государственных секретарей*, или *статс-секретарей* (*secrétaires d'État*), выросла из должности королевских нотариусов. Нотариусы первоначально регистрировали и заверяли решения Совета и акты Канцелярии. Купив должность королевского нотариуса, чиновник мог надеяться позднее стать секретарем, что давало дворянство. Четыре секретаря находились в привилегированном положении. До XV в. их называли «секретными чиновниками», а с XV столетия — финансовыми секретарями. Иногда они играли весьма заметную роль в политической жизни, как Флоримон Роберте при Карле VIII, Людовике XII и Франциске I. Практика XV в. — использование финансовых секретарей — чиновников, привела к тому, что в середине XVI в. часть секретарей, находящихся при короле для записи его распоряжений, становятся высокопоставленными чиновниками и именуются государственными секретарями. Ко времени вступления на престол Генриха II их было четверо. Согласно постановлению от 1 апреля 1547 г. между ними были распределены обязанности по ведению дел, связанных с отдельными иностранными государствами и французскими провинциями, которые они должны были курировать. С 1559 г. их стали называть государственными секретарями, позаимствовав само понятие у испанцев (так, государственным секретарем был Гомес да Сильва — министр Филиппа II Испанского). За каждым закреплялось ведение дел с какими-либо иностранными государствами и французскими провинциями. При Карле IX специализация определялась согласно характеру дел. В дальнейшем каждый из этих государственных секретарей (*secretaries des commandments et finances*) также отвечал за определенную сферу: один — за внешнеполитические дела, второй — за военное ведомство, третий — за состояние двора и столицы, четвертый — за вопросы, связанные с кальвинистской религией. Их значение в политических делах все более возрастало. Выбирались они королем из числа королевских секретарей или нотариусов.

Королевские секретари и государственные различались. При Генрихе III число последних стало ограничиваться тремя (1588).

Первоначально функция государственных секретарей заключалась в верификации и контрасигнации принятых решений в Королевском совете. Их подпись обязательно должна была подтверждать подлинность подписи короля, а также то, что решение принято королем и Королевским советом. Помимо подготовки решений, принятых на Совете, государственные секретари должны были также получать все документы относительно дел, имеющих отношение к Совету, и осуществлять делопроизводство. Кроме того, каждый из государственных секретарей нес ответственность за ведение дел с отдельными французскими провинциями. К концу XVI в. все более просматривается тенденция к специализации секретарей совета по иностранным делам и Военного совета. В 1594 г. Генрих IV передал Виллеруа (бывшему статс-секретарю Генриха III, в 1588 г. лишившемуся своей должности) дипломатические и военные дела (они были объединены вплоть до 1624 г.). При Ришелье в 1627 г. окончательно восстанавливается ведомство иностранных дел. При государственных секретарях имелись небольшие бюро, прообраз будущих министерств.

Государственные секретари были обязаны присутствовать во время церемонии подъема короля и в определенные часы должны были находиться рядом с ним. В Деловом совете и в Верхнем совете работали два статс-секретаря: государственный секретарь по иностранным делам в ранге министра и государственный секретарь как нотариус. Именно государственные секретари готовили проекты всех документов: королевских эдиктов, ордонансов, мирных договоров, союзных договоров вплоть до брачных контрактов членов королевской семьи. Характерно, что не только сами государственные секретари, но и их семьи хранили государственные бумаги и официальную переписку как свой семейный архив. Согласно регламенту 1588 г. при каждом государственном секретаре был один помощник (*commis*) и шесть ординарных секретарей (их назначал государственный секретарь и утверждал король). Согласно распоряжению Генриха IV помощник стал называться старшим помощником (*premier commis*), а секретари — помощниками. При государственном секретаре был один или два первых помощника. Более того, государственный секретарь назначал начальника секретариата, который руководил помощниками. Помощники подготавливали работу государственного секретаря.

Помощники канцлера назывались докладчиками (*maîtres des requêtes*). Они являлись членами парламентов, заседали в Большой палате, их статус находился между президентами и советниками.

В Королевском совете они представляли реляции о судебных делах и нередко о финансовых. В советах их роль все более возрастала, поскольку докладчики канцелярии помогали канцлеру систематизировать донесения и деловые отчеты, а их сообщения (подробные и зачастую аналитические) нередко определяли решение канцлера. Они были участниками трибунала под председательством канцлера по делам о превышении полномочий статс-секретарями, что могло приводить к отрешению от должности последних. Докладчики имели право участия в заседаниях Верхнего совета. С 1598 г. стал действовать возрастной ценз, и эту должность можно было получить только по достижении 32 лет. Помимо всего, докладчики заседали в суде по делам королевского дома, готовили доклады для членов Королевского совета, и, начиная с правления Генриха II, их направляли в качестве специальных посланников в провинции или в армию для различных расследований или просто для контроля за осуществлением правосудия, финансами и за соблюдением порядка. В какой-то мере они являлись предшественниками интендантов.

Поручения, исходящие непосредственно от монарха, исполняли *комиссары* короля (*commissaires du roi*). Их направлял Частный совет для выполнения ответственных миссий, с четко обозначенными правами и полномочиями. Комиссарами могли быть послы, государственные советники, хранители печати, суперинтенданты финансов, губернаторы и генеральные наместники в провинциях, наконец, интенданты провинций, которым давалось конкретное поручение. Комиссарами также являлись лица, назначенные на должности первого президента парламента и президентов палаты косвенных сборов. Отношение к комиссарам, наделенным особыми полномочиями, со стороны оффисье было резко негативным, и можно говорить о постоянной борьбе между этими двумя группами должностных лиц. Это отчетливо проявилось во времена Фронды, когда в 1648 г. Парижский парламент прямо потребовал упразднить институт интендантов. Комиссар рассматривался как королевский ревизор, а потому было необходимо, чтобы он имел на руках соответствующие правомочные документы, исходившие из канцелярии за подписью государственного секретаря и скрепленные большой печатью желтого воска. Власть его была строго ограничена содержанием данного документа. Из этих королевских посланников, как известно, возникнут интенданты в армии и в провинциях. Слово «интендант» вошло в обиход уже при Генрихе II — так называли тех, кто исполнял спе-

циальные поручения на обозначенной территории в определенный период времени.

Интенданты (intendants), точнее, интенданты правосудия, полиции и финансов появляются в середине XVI в., но уже с конца века этот институт распространяется предельно широко. Отчасти он вырос из института комиссаров, когда правительство начинает рассылать по стране своих чрезвычайных представителей. Они могли прибывать в провинции на время, указанное в их документах, а могли выполнять свои миссии по несколько лет. При Ришелье они утрачивают свои экстраординарные полномочия и становятся постоянными представителями правительства на местах. В отличие от других должностей они имели также финансовые полномочия. Для правительства их значение было связано с тем, что интенданты предоставляли в Париж объективную информацию и осуществляли контроль за местными властями. Особое значение приобретают армейские интенданты. Интенданты непосредственно назначались советами и являлись главной опорой королевской власти на местах.

Структура администрации финансов. Финансовая иерархическая структура была создана в XVI в. В 1522–1523 гг. канцлер Дюпра провел реформу центральной финансовой администрации. Кроме иных нововведений были созданы Сберегательное казначейство (*Trésoriere d'Epargne*) под руководством четырех казначеев Франции (*Trésoriers de France*), в ведении которых находились доходы от государственных земель, и четырех государственных казначеев (*Trésoriers généraux des finances*), занимавшихся прочими поступлениями. Эти чиновники назначались из числа крупных банкиров и деловых людей. Кроме этого, были созданы три счетные палаты, четыре палаты косвенных сборов (*cour des Aides*) и др. В 1561 г. вводится должность суперинтенданта финансов, в обязанность которого входило при участии Королевского совета формирование своего рода бюджета, где учитывались бы государственные расходы и доходы. Для сбора прямого налога (тальи) пришлось изменить административное деление страны. В основе финансовой администрации лежали созданные во второй половине века финансовые бюро казначеев Франции. В 1577 г. было создано 16 (затем их число увеличилось до 19) финансовых бюро, в каждое из которых входил один из казначеев Франции, ответственных за сбор тальи и налога на мосты и дороги. Кроме того, в состав финансового бюро входили государственный казначей, который отвечал за сбор остальных налогов, а также ге-

неральный сборщик из среды крупных финансистов. Позднее первые две должности были сведены в одну — генерального казначея (*Grand Trésorier*). Территории, где они исполняли свои обязанности, стали называть финансовыми округами (генералитетами, *généralité*), где занимались разверсткой прямого налога — тальи. Они стали основой нового административного устройства страны, которое позднее еще раз изменится в результате введения института интендантов. Ниже финансовых округов находились непосредственные центры сбора налогов — податные округа, или малые финансовые округа (*election*). В податных округах чиновники, которых называли «элю» (*élu*, дословно — «выбранные») распределяли талью между приходами, затем жители выбирали сборщиков, ответственных за собирание налога, которые, в свою очередь, передавали собранное приемщику тальи. Кроме того, процесс взимания налогов и налогообложения контролировался королевскими парламентами. В их составе существовали столичные и провинциальные счетные палаты по проверке финансовой документации, и палаты косвенных сборов, также ведавшие вопросами налогообложения. Именно в связи с усложняющимися финансовыми проблемами в XVII в. получает распространение институт интендантов и создается разветвленная сеть должностных лиц, которые призваны обеспечивать поступление налогов из провинций в казну. При Ришелье этот институт оттеснил на второй план прежние судебно-финансовые палаты, губернаторов и т. д. При развитой системе откупов налогов естественным следствием этого процесса было, как отмечала в свое время А. Д. Люблинская, «сращивание откупщиков с финансовым государственным аппаратом»¹⁶.

Суперинтендант финансов, сюринтендант финансов (Surintendant des finances) — глава финансового ведомства, в обязанности которого входило упорядочение и распоряжение расходами государства. Название должности окончательно регламентируется в 1561 г. Сама она появилась в результате развития должности интенданта финансов, созданной в 1552 г. Генрихом II. Из трех интендантов, назначенных тогда, один принимал участие в работе Частного совета и тем самым в иерархии оказывался выше остальных. Значение суперинтенданта все более возрастает со второй половины XVI в.

---

¹⁶ Люблинская А. Д. Французский абсолютизм в начале XVII века. М., 1965. С. 246.

В 1561 г. имелось сразу двое суперинтендантов. Регламент предписывал не только регулярные заседания Королевского совета по вопросам финансов (еженедельно), но и присутствие на нем суперинтендантов финансов и других должностных лиц финансового ведомства. Одним из наиболее выдающихся суперинтендантов Франции был Сюлли, крепко державший в руках руководство финансовой политикой при Генрихе IV. Периодически эта должность упразднялась, но затем снова восстанавливалась. В принципе ее укрепляло постоянное ведение войны, поскольку война требовала денег и суперинтендант должен был организовывать займы у финансистов. После Сюлли суперинтенданты в среднем задерживались на этой должности от двух до шести лет. Среди них наибольшую известность получил Партичелли д'Эмери, чья деятельность, обусловленная стремлением к личной наживе и взиманием крайне обременительных новых налогов, во многом усилила возмущение парижан в начале Фронды. В целом можно считать, что эта должность исполнялась со значительными перерывами и ее участь неразрывно была связана с судьбой Совета по финансовым делам. Последний суперинтендант Никола Фуке (занимавший свою должность с 1653 г.) был арестован 5 сентября 1661 г. по обвинению в хищении денежных средств и затем осужден. В сентябре 1661 г. по регламенту должность суперинтенданта была окончательно ликвидирована, и интендант финансов Кольбер вскоре стал генеральным контролером финансов.

Генеральный контролер финансов (Contrôleur général des finances) отвечал за королевские финансы во Франции после отмены должности суперинтенданта финансов в 1661 г. Сама должность была создана в апреле 1547 г., и ее исполняли два человека, в обязанности которых входила проверка расходов и доходов. Обычно на это место выбирались лица из числа интендантов финансов или докладчиков. Должность генерального контролера первоначально не имела отношения к управлению (что оставалось прерогативой финансовых интендантов или суперинтендантов), и обязанности генерального контролера были связаны только с проверкой. После ареста Фуке в 1661 г. Кольбер возглавил управление финансами, т. к. он являлся интендантом, а с 1665 г. стал генеральным контролером. С этого времени должность оказалась непосредственно связанной с государственным управлением, и обязанности ее носителя были самыми широкими среди административных лиц. Он руководил финансами, сельским хозяйством, индустрией, торговлей, а также состоянием мостов и дорог.

Генеральный контролер всегда был членом Частного совета (где, правда, появлялся редко), Совета депеш, Королевского совета по финансовым делам и позже — Королевского совета по делам торговли. Он обычно становился государственным министром и в этом качестве входил в Верхний совет. Кроме финансовых вопросов (управление казначейством, сбор налогов, чеканка монеты и т. д.) он фактически контролировал экономическое развитие страны в целом и в значительной мере управление на местах в провинции. Большинство провинциальных интендантов назначались по его предложению. Организация ведомства генерального контролера существенно отличалась от прочих. Оно было разделено на несколько бюро, генеральный контролер руководил только главным (казначейством); все остальные состояли под руководством финансовых интендантов. Кроме того, у генерального контролера имелись и помощники в лице интендантов по торговле (4–5 чел).

Финансовый интендант (Intendant des finances) — служащий финансового управления во Франции в эпоху абсолютизма. Должность возникает в 1552 г., когда создается комиссия для руководства субсидиями в связи с военными походами. В 1556 г. эти комиссары стали называться финансовыми интендантами. Интенданты входили в финансовое ведомство, но довольно часто один из них получал более высокий статус: его-то стали называть суперинтендантом финансов. Количество интендантов менялось: в середине XVI в. от трех до шести, спустя век их насчитывалось до 12, в 1661 г. их число вновь сократилось до трех. Каждый из них отвечал за определенный регион, к тому же нес ответственность за мосты, дороги, а иной раз и за сбор прямых налогов. Обычно интенданты по финансам выбирались из числа докладчиков, и почти все становились государственными советниками. Они пользовались широкими правами, по своему рангу приближались к государственным секретарям других ведомств. Однако в отличие от генерального контролера они не имели права непосредственно работать с королем.

Откупщики (fermiers). Система откупов была реорганизована в 1604 г. Сюлли. Он объединил все мелкие откупы и создал систему крупных откупов, что привело к появлению слоя финансистов, занимающихся исключительно сбором налогов. Откупщик мог просто-напросто купить любую должность — казначея, сборщика, контролера, поскольку в договоре, как правило, определялся срок откупа (6–9 лет). Откупщик возглавлял группу более мелких откупщиков,

которые на деле собирали налоги и пошлины. Откупщики в столице и на местах обычно по ряду обстоятельств являлись и казначеями. Финансовые органы управления разделялись на собственно финансовые и судебно-финансовые. К первым относилось, к примеру, Главное казначейство, Бюро по сбору «разовых налогов», ко второму — Счетная палата и Палата косвенных сборов. Продажа должностей и приводила к внедрению откупщиков в финансовый аппарат государства. Именно поэтому должности в финансовом ведомстве были наиболее дорогими. Характерно, что руководители финансового ведомства и суперинтенданты финансов всегда отмечали невозможность полного контроля за Главным казначейством.

УПРАВЛЕНИЕ НА МЕСТАХ

Новшества раннего Нового времени коснулись и управления на местах. Средневековые должности — бальи, сенешали, прево и губернаторы (административно-судебная компетенция которых была достаточно неопределенной) сохраняются, но начинают дублироваться и даже оттесняются на второй план. Особенностью управления на местах было сочетание губернаторов и полномочных представителей короля. Губернатор в своей провинции был настоящим королем, но губернаторства в это время (в XVI столетии их было 11–13) имели неопределенные очертания. Окончательно их территории формируются лишь к концу века, обретая более или менее четкие контуры, совпадающие с границами исторических провинций (Лангедок, Бургундия и др.). В центральной части королевства губернаторств не было вообще. Здесь еще оставались крупные феодалы (Неверы, Бурбон-Вандомы) и даже фактически удельные князья из правящей семьи (герцоги Алансонский и Анжуйский, герцогиня Беррийская; наваррские королевы — Маргарита Ангулемская, позднее Маргарита де Валуа), которые обладали правами губернатора. Чаще всего губернатором становился человек из высшего дворянства, которому предоставлялись поистине огромные полномочия, особенно при угрозе смут и недовольств. Губернатор вершил суд для наведения и поддержания порядка. Последнее заставляло его заниматься и общественным порядком в городе, что составляло компетенцию Парламента. В постоянных конфликтах губернаторов с парламентами, нередко при поддержке короля, последние выходили победителями. Губернаторы руководили военной администрацией и отвечали за

нее. Они также несли функцию надзора за всеми сторонами жизни провинции. Губернаторские должности традиционно передавались высшей знати и были наследственными. Но постепенно высшая знать отстранялась от власти, и не случайно во время Фронды герцоги Лонгвили требовали возвращения себе губернаторства в Нормандии. Постепенно компетенции провинциальных штатов и губернаторов (в особенности почетных) урезались. С XVI в. власть губернаторов дублируется генеральными наместниками (лейтенантами) короля, которые подчиняются лично монарху. Им передается, по сути, вся военная власть (командование местными гарнизонами и военными отрядами), артиллерия и т. п. В конце века появляются новые исполнители распоряжений верховной власти — интенданты.

Таким образом, потестарные институты во Франции XV–XVII вв. существенно эволюционировали и претерпевали серьезные изменения. При сохранении большинства властных учреждений, унаследованных от Средневековья, создается и структурируется новая система управления, при этом наблюдается перемещение реальной власти к новым институтам, а также отеснение от административных структур представителей старой аристократии. В какой-то мере утрата знатью участия в системе государственного управления компенсировалась тем, что аристократия представляла при дворе и занимала большую часть созданных в этот период придворных должностей.

Формирование институтов власти и должностей в средневековой Германии

История административного управления (*Verwaltungsgeschichte*) средневековой германской империи рассматривается в немецкой историографии как составная часть общей эволюции государственного устройства (*Verfassungsgeschichte*); достаточно хорошо изучены как история складывания отдельных институтов и должностей, так и процесс формирования общих понятий «должность» (*Amt*), «служба» (*Dienst*), «чиновничество» (*Beamtentum*). Система управления в Германии отличалась от французской и английской вследствие особенностей развития немецкого государства в высокое и позднее Средневековье. Незавершенность процесса феодализации, долгое сохранение пережитков племенной организации, особенности внутренней политики германских императоров, сильное влияние Церкви привели к тому, что на немецких землях в отличие от Франции и Англии так и не сложилось единого государства с наследственной монархией, процессы централизации протекали в рамках отдельных территорий. Это определило следующий ряд особенностей истории органов административного управления в Германии.

Развитие немецкой государственности в высокое и позднее Средневековье носило дуалистический характер: с одной стороны, сохранялись позиции королевской/императорской власти, номинально объединяющей империю, с другой стороны, росли самостоятельность и сила территориальных княжеств. Управление внешней политикой империи, осуществление судебной юрисдикции, решение общих финансовых, военных и административных задач обеспечивалось должностными лицами и учреждениями двора немецкого короля («Римского» короля), но на местах королевские должностные лица действовали лишь в домениальных владениях и в землях, относящихся к имперскому фиску. В территориальных княжествах

активно складывалась самостоятельная система управления, построенная по образцу королевской.

Процесс усиления независимости отдельных территорий империи, превращения их в самостоятельные государства сопровождался в XV–XVI вв. все возрастающим стремлением имперских сословий к институциональному оформлению империи, к созданию общеимперских органов сословного представительства, через которые они могли бы оказывать влияние на внутреннюю и внешнюю политику.

При выборном характере королевской власти в Германии и постоянном чередовании соперничающих династий (Габсбурги, Люксембурги, Виттельсбахи) со вступлением на трон нового короля аппарат управления обновлялся: по существовавшим правилам со смертью короля прекращались полномочия назначенных им должностных лиц. Относительный континуитет управления существовал лишь в домениальных землях и на низших канцелярских должностях среди «служащих»-профессионалов.

Все эти факторы повлияли на то, что в Германии на протяжении Средних веков так и не сложилось органов центрального управления — общеимперских судебных, финансовых и военных институтов. Появление в конце XV–XVI вв. имперских учреждений означало ограничение королевской власти, а не ее усиление, как это было во Франции и Англии, т. к. они находились под влиянием сословий. Придворные должности и учреждения феодального государства, осуществлявшие управление, не переросли в Германии в соответствующие специализированные министерства бюрократического государства раннего Нового времени, как это произошло в других европейских странах.

Структура государственного управления империи прошла долгий путь развития. Начав складываться в Каролингскую эпоху, она активно формировалась при Штауфенах в XII–XIII вв., но оформление ее основных институтов произошло лишь в середине XIV в. при Карле IV Люксембурге (1346/1347–1378). Более или менее законченный характер система управления приобрела лишь к XVI в. после «имперских» реформ Максимилиана I Габсбурга (1493–1519). Ее окончательное складывание приходится уже на время существования империи Габсбургов в Новое время.

Источники. Эволюция должностей и институтов управления от Каролингов до XVI в. нашла свое отражение в следующих важнейших источниках: “*De ordine palatii*” Хинкмара Реймского (ок. 882 г.) об

устройстве двора Карла Великого; Саксонском зеркале Эйке из Репгова (20-е г. XIII в.) и Швабском зеркале (1274–1275) об устройстве империи и королевских/императорских судебных органах XIII в.; Золотой булле 1356 г. императора Карла IV, законодательно утвердившей привилегии курфюрстов, права различных частей империи; в постановлениях Вормского рейхстага 1495 г. об «имперской реформе»; в различных «Правилах» (*Ordnungen*), регламентирующих деятельность создаваемых имперских и королевских учреждений XIV–XVI вв. Представление о структуре должностей и об управлении княжеского двора в XIII–XIV вв. дают Хроника Гизельберта Монсского, канцлера двора графов Хеннегауских с описанием придворных должностей; трактаты Эгидия Колонны (иначе Эгидия Римского; ок. 1243–1316 гг.) и «*Yconomica*» (ок. 1348–1352 гг.) Конрада из Мегенберга (1308–1378 гг.), повествующие об организации княжеского двора.

Средневековая римско-германская империя представляла собой объединение под властью германских государей трех королевств — Германии, Италии, Арелата (Бургундии), главным из которых была Германия, которая являлась объединением племенных, позднее территориальных княжеств Центральной Европы, включая начиная с высокого Средневековья Швейцарию, королевства Чехию и Венгрию. Королевства Италия и Арелат пользовались значительной самостоятельностью, власть германских государей над ними во многие периоды истории была номинальной. Высшим органом были собрания «имперских чинов»-сословий — ланд- и рейхстаги имперских светских и духовных князей, рыцарства, монастырей, городов. Градация «имперских чинов» Германии в высокое Средневековье была очень дробной, они объединялись в семь крупных имперских военных «щитов»-рангов. «Имперские чины» Германии играли определяющую роль при выборах короля/императора; их влияние на политику империи было наиболее сильным. В отличие от других европейских государств в римско-германской империи господствовал принцип выборности монарха, отдельные случаи наследования престола при сильных династиях в раннее и высокое Средневековье и при Габсбургах в Новое время, когда произошло фактическое утверждение принципа наследования, по традиции оформлялись как избрание: наследник должен был получить одобрение «имперских чинов». На трон мог быть избран как один из имперских князей, так и ино-

земный правитель, как, например, в случае с антикоролями периода «Междоцарствия» Ричардом Корнуэльским (1257–1272/1273) и Альфонсо X Кастильским (1257–1275).

Германские государи выступали, как правило, в трех ипостасях: они сохраняли свои домениальные владения (нередко передавали их сыновьям или другим близким родственникам), являлись немецкими королями, римскими императорами. Прерогативы, властные полномочия, задачи немецкого короля и императора не были четко разделены. Немецкие короли претендовали на императорскую корону уже с момента избрания. Титул императора они получали от папы в ходе императорской коронации. По традиции совершать ее полагалось в Риме, поход в Рим (*Romzug*) являлся в высокое и позднее Средневековье одной из обязанностей имперских вассалов. От момента избрания королем до коронации императором могли пройти годы; некоторые короли вообще не получали императорского титула, что не мешало им осуществлять императорские прерогативы. За период 962–1493 гг. в римско-германской империи не было императора в общей сложности около 266 лет.

Генезис политических и административных структур империи и немецкого королевства шел с X в., с перенесения империи Каролингов и соответствующего идеологического и политического комплекса задач в 962 г. при Оттоне I в Восточно-Франкское королевство. Решающим для складывания идеологической и политической системы империи, в том числе выработки титулатуры государей, и для формирования в рамках империи национального немецкого королевства стал период григорианской реформы и борьбы за инвеституру 1073–1122 гг.

Государственная титулатура. На протяжении всего Средневековья термины *regnum* и *imperium* нередко использовались в римско-германской империи как синонимы для обозначения государства, государственной власти, времени царствования государя; в народных языках им соответствовали термины *Reich* и *Königreich* (и их различные формы), также часто употреблявшиеся синонимично. В Восточно-Франкском государстве и затем в римско-германской империи термин *regnum* особенно во множественном числе (*regna*) употреблялся также в значении племенное герцогство, земля, страна (*lant*). В народных языках основным обозначением немецких областей империи было *die deutschen Lande (regna)* — «немецкие земли», «немецкие королевства». Термин *Deutschland*, указывающий на наличие представлений о единой стране, входит в оборот только в Новое время. Обозначение *rex*

Theutonicorum/Teutonicum имело прежде всего географический смысл и было результатом «взгляда извне», оно появилось в X в. в Италии как одно из следствий оттоновской политики и впоследствии распространилось в Германии, где, впрочем, еще долго не было представления о немцах как о едином народе и об их королевстве, — вытесняя унаследованную от Каролингов титулатуру *rex/imperator Francorum (orientalium)*. Оттоны развивали в своей политике не идеи национального государства, немецкой империи, но представления о сакральной империи, имеющей мировое значение. Их преемники на императорском престоле руководствовались теми же принципами, что зачастую приводило к невниманию к делам внутри Германии, предпочтению интересов империи интересам немецкого королевства.

В период борьбы императора Генриха IV и папы Григория VII сформировался термин *rex Romanorum* («король римлян»), вошедший в употребление с императора Генриха V. Его носили немецкие короли до императорской коронации. С Максимилиана I (1508) немецкие короли до императорской коронации стали именоваться *electus imperator Romanorum* — «избранный император римлян». Императоры носили при Оттонах титул *imperator augustus*, с конца X в. — *imperator Romanorum*, с XI в. — *Romanorum imperator augustus*.

В полемической борьбе эпохи григорианской реформы папские сторонники сформулировали радикальные идеи деперсонализации королевской/императорской власти, рассмотрения ее как должности, одной из основных задач которой является защита Церкви и ее главы — папы. Эти идеи способствовали разработке требований к государям, облеченным столь высоким достоинством, заложили основы для притязаний пап XIII в. на апробацию выборов и кандидатуры императора и повлекли за собой укрепление идей выборности немецкого короля/императора, а также представлений о том, что в период вакансии королевского престола имперские князья в своей совокупности могут представлять империю.

Прерогативы верховной власти. В области прерогатив и властных полномочий граница между королевской и императорской властью была размыта. К окончательно сложившимся в XII—XIII вв. королевским и имперским регалиям (первоначально — права короля/императора в отношении должностей и имущества имперской Церкви, позднее совокупность верховных и владельческих прав, структуры административных и судебных должностей, фискальных прав и имущества) формально относились сеньориальная

власть над имперскими князьями и рыцарством, охрана земского мира, пожалование привилегий, реституция инфамированных (восстановление в гражданских правах и возвращение доброго имени), узаконение незаконнорожденных, назначение публичных нотариев, утверждение усыновлений, присуждение докторской степени, пожалование дворянства и гербов, основание университетов и выдача им привилегий и др. Объем регалий в разных частях империи был различным. Так, в Италии, согласно Ронкальским соглашениям 1158 г., к имперским регалиям относились дороги, реки, таможни, чеканка монеты, доходы от солеварен и рыбного промысла, серебряные рудники, найденные сокровища, судебные штрафы, имущество лиц, виновных в государственной измене и преступлении оскорбления величества, право на транспортную повинность. В Германии к регалиям относились леса, охота, водные и сухопутные пути сообщения, мосты, переправы, плотины, побережья, горное дело, соляные промыслы, таможенные и рыночные сборы, чеканка монеты, выморочное имущество, защита иудейского населения, которое считалось подданными казны (*servi camerae imperialis*). Большая часть королевских и императорских регалий были предметом делегирования, передавались пфальцграфам и другим должностным лицам (см. ниже о большой и малой комитиве). В процессе формирования территориальных княжеств большая часть королевских регалий перешла в руки князей, что было отражено в Золотой булле 1356 г., передававшей монетную, таможенную, соляную, горную регалии и защиту иудеев имперским князьям. Вестфальский мирный договор 1648 г. распространил право владения этими регалиями и на низшие имперские чины.

Материальной опорой королевской и императорской власти в империи в раннее и высокое Средневековье была имперская казна, фискальные земли, а в позднее Средневековье и Новое время — королевский домен. В XII—XIII вв. шел процесс сокращения имперского фиска и перехода королевских/императорских прав и регалий к формирующимся территориальным княжествам, которому способствовала борьба династий Штауфенов и Вельфов внутри страны и борьба империи и папства. С середины XIV в. при Карле IV домениальные земли окончательно становятся опорой власти короля и императора. Прерогативами королевской власти остались сеньориальная власть над имперскими чинами, охрана земского мира, пожалование привилегий. Предложения об

укреплении материальной опоры короля/императора в Германии обсуждались в ходе дискуссий о реформе империи в начале XV в. Но только приобретение Максимилианом I «бургундского наследства», вошедшего в число домениальных земель Габсбургов, сделало возможным проведение сильной политики королевской и императорской власти.

Королевская курия. Управление империей со времен Каролингов осуществлялось королем через его *куру* (*curia regis*). В ее состав входили как придворные должностные лица, так и институты двора: придворная капелла, Королевский придворный суд, Королевский совет, хофтаги. Наиболее институционально оформленным органом двора была *Придворная капелла*. Во франкском королевстве она объединяла личных королевских капелланов, при Карле Великом к ее религиозным задачам прибавились еще и делопроизводственные функции, которые в VI–VIII вв. находились в ведении светского придворного должностного лица — референдария. Во главе капеллы стоял *архикапеллан* (*archicapellanus*) (сначала аббат, впоследствии епископ), осуществлявший со времен Каролингов руководство как богослужебной, так и канцелярской деятельностью капеллы. В его обязанности входило заверение королевских дипломов. Собственно канцелярскими делами занимался особый служащий, который мог обозначаться в источниках как *archinotarius*, *protonotarius*, *summus notarius* и *cancellarius*. Последнее обозначение, *канцлер*, и закрепилось за ним к X в. В Восточно-Франкском королевстве архикапеллан продолжал совмещать руководство религиозными и канцелярскими делами, а с Оттона I эта должность прочно оказалась в руках архиепископов Майнцских. По мере увеличения значимости канцелярского «отдела» капеллы архикапеллан как начальник канцлера приобретает титул *archicancellarius*, *эрцканцлера*, который к XI в. начинает употребляться чаще, чем собственно «архикапеллан». Во время итальянских походов Оттоны ставили эрцканцлерами для имперских владений в Италии североитальянских епископов, а во второй половине XI в. эта должность закрепилась за архиепископами Кёльнскими. В XI в. возникает и должность эрцканцлера для Арелатского королевства. В начале XIV в. она оказалась у архиепископов Трирских (с 1314 г. официальный титул *archicancellarius per Galliam*). Наиболее могущественным из эрцканцлеров был эрцканцлер «для Германии» архиепископ Майнцкий. Знаком эрцканцлерского достоинства в позднее Средневековье была носимая на серебряном

жезде королевская печать. Однако степень власти эрцканцлера в подчиненной ему капелле и канцелярии зависела от реального политического влияния лица, занимающего эту должность. Канцлер назначался королем, и лишь в периоды слабости королевской власти эрцканцлеры архиепископы Майнцские могли оказывать влияние на это назначение. Должностные обязанности эрцканцлера носили почетный, а не реальный характер и сводились к заверению особо важных государственных актов в торжественных случаях. Должность эрцканцлеров рано превратилась в почетный титул. Ее обладатели рейнские архиепископы хранили печати, получали доходы с канцелярии, имели преимущественные права при выборах немецкого короля и императора.

На практике руководство капеллой и канцелярскими делами с IX в. осуществлялось, как уже отмечалось, *канцлером*. Сам термин *cancellarius* первоначально был связан с областью судопроизводства. С IV в. им обозначали мелкую судебную должность, чье название происходит от решетки суда (лат. *cancelli*), в VI–VII вв. канцлерами называли судебных или графских писцов, в IX–X вв. — составителей документов в куриях духовных князей. При Оттоне I должность канцлера как руководителя делопроизводства приобретает твердую форму. Он формально подчинялся эрцканцлеру и заверял вместо него (*ad vicem*) документы. В отличие от референдариев времен Меровингов канцлер и его подчиненные назначались из числа низшего духовенства. В X–XI вв. клирики из королевской придворной капеллы также активно использовались в деле управления империей, королевским двором, часть их получала епископские кафедры и пополняла число вассалов императора. Борьба за инвеституру подорвала эту практику. В течение XI–XII вв. придворная капелла теряет свое прежнее значение.

В XII в. в связи с изменением в практике делопроизводства и ростом числа письменных документов увеличивается персонал канцелярии, выделяются должности *нотария*, *регистратора*, *сигиллятора*. Канцелярия становится самостоятельным учреждением при королевском дворе, появляется и сам термин *cancellaria*. С учреждением должностей эрцканцлеров для Италии и Арагонского королевства им формально были приданы собственные канцлеры и канцелярии, однако на практике основную делопроизводственную деятельность осуществляла канцелярия эрцканцлера для Германии, т. е. королевская Придворная канцелярия. После вхождения Сици-

лийского королевства в состав империи в XII в. императоры ставили собственных канцлеров и для Сицилии. Канцелярии образовывались не только по территориальному, но и по функциональному принципу: при королевском суде в раннее и позднее Средневековье существовали собственные канцелярии, подчиненные придворной. Специальной имперской канцелярии не существовало, ее роль играла Придворная канцелярия немецкого короля/императора, которая обозначается в источниках как «королевская/имперская канцелярия». Канцлер назначался королем, был его доверенным лицом и мог помимо своих основных функций выполнять различные поручения по делам империи. В XII в., как правило, эту должность занимали лица высокого духовного сана: она была связана с приором монастыря св. Сервация в Маастрихте, а руководство капеллой — с приором ахенского монастыря св. Марии. Повседневное же руководство канцелярией с императора Фридриха I осуществлял *протонотарий*, который с XIII в. носил титул *вице-канцлера*.

В XIV–XV вв. канцелярия хотя и была отделена от двора, но оставалась под контролем короля, несмотря на попытки архиепископа Майнцкого влиять на назначение канцлера. Степень близости канцелярии к королю и ее роль в имперских делах зависели от личности правителя. Например, про Фридрихе III Габсбурге (1440–1493) она воспринималась в основном как источник казны, и доходы с нее регулярно сдавались в аренду в 1464, 1464–1470, 1471–1475 гг. Ее ведущие должностные лица часто действовали как королевские советники, нередко возводились в епископское достоинство. С XIV в. персонал канцелярии приобретает более светский и профессиональный характер: в ее составе растет число мирян и образованных юристов, ученых и практиков (первым канцлером-мирянином стал в 1432 г. Каспар Шлик). При императорах Альбрехте II (1438–1439) и Фридрихе III в 1438–1439 и в 1442 гг. королевская/императорская канцелярия была разделена на «римскую» для империи и австрийскую придворные канцелярии для наследственных земель Габсбургов. Канцелярии были устроены по образцу канцелярии папской курии и поддерживали с ней тесные контакты.

Официальным главой имперской канцелярии был эрцканцлер архиепископ Майнцкий. В XIV в. в круг его задач стала входить подготовка вопросов, выносящихся на рейхстаги. Во главе канцелярии стоял королевский канцлер (*Hofkanzler*). Это мог быть дослужившийся до этого поста нотариус, как Каспар Шлик,

но чаще — назначенный королем епископ, не служивший до этого в канцелярии. Канцлер имперской канцелярии входил с XIV в. в состав королевского придворного совета, компетенцию которого в имперских делах было очень трудно разграничить с канцелярией. В случае отсутствия или занятости канцлера его обязанности исполнял вице-канцлер. Круг задач и влияние канцлера зависели от личности обладателя этой должности, сильными канцлерами были Иоганн Ноймаркский при Карле IV, Каспар Шлик при Сигизмунде (1410–1437), Альбрехте II и Фридрихе III. Персонал канцелярии (12–20 человек) делился на протонотариев (старшие писцы, нем. *Oberste Schreiber*), нотариюв (писцов, нем. *Schreiber*) и субнотариюв (младших писцов, нем. *Unterschreiber*). В состав канцелярии также входили регистратор, несколько сигилляторов, корректоров, таксаторов. С середины XIV в. из-за возросшего объема делопроизводства количество протонотариюв увеличивается до 3–5 человек. Как правило, это были образованные юристы из среды городского патрициата или низшего рыцарства. На рубеже XV–XVI вв. на место протонотариюв приходят *секретари*. Персонал канцелярии получал доход от бенефициюв, жалования и взяток, нередко были злоупотребления и кражи. Ход дел в канцелярии известен не до конца. Предположительно представленная петиция обсуждалась в Королевском совете и затем через специального *релятора* (нем. *Geschäftsherr*) передавалась в канцелярию. Там делался черновик грамоты и после одобрения регистрировался. Затем изготовлялся чистовик, к нему привешивались печати, и он выдавался после уплаты соответствующего сбора. С Карла IV в имперской канцелярии начинают вестись регистры исходящих документов по хронологическому и тематическому принципам.

В XVI в. имперская придворная канцелярия получает дальнейшее институциональное оформление. В 1519 г. император Карл V создал должность *имперского вице-канцлера* (*Reichsvizekanzler*), который формально подчинялся эрцканцлеру архиепископу Майнцскому и вел руководство канцелярией. Сначала в обязанности эрцканцлера входило назначение, а потом только выдвижение кандидатуры имперского вице-канцлера. Двадцатые годы XVII в. отмечены борьбой имперского вице-канцлера с австрийским придворным канцлером, стремившимся оказывать влияние на имперскую канцелярию. В 1559 г. Фердинанд I издал Постановление, регламентирующее работу имперской придворной канцелярии (*Reichshöfkanzleiordnung*).

Организация придворного хозяйства и эволюция придворных должностей. Обеспечение повседневных нужд короля и его окружения, а также административное управление империей, решение финансовых, военных, внешнеполитических задач, отправление юрисдикции проводилось королем/императором с помощью как духовных (капелланы, эрцканцлер, канцлер), так и светских должностных лиц или доверенных персон, близких ко двору (*familia regis, curia regis, palatini, aulici, domestici*). Придворные должности прошли долгий путь развития, более или менее законченный вид их структура получает лишь в середине XIV в.

В Аламманнской Правде (*Lex Alamannorum*) королевские придворные слуги (*seniscalcus, mariscalcus, cocus, pistor, faber, aurifex, spatarius, pastor porcarum, pastor ovium*) защищены повышенным вергельдом. Среди них особое положение занимают сенешал, «старший слуга» (*Oberknecht*), осуществляющий надзор за остальными слугами и рабами, и маршал, заведующий лошадьми. При дворе меровингских королей уже выделяются пять важных должностей: камерарий (*thesaurarius, cubicularius*), маршал (*comes stabuli*), кравчий (*pincerna*), сенешаль и майордом. Камерарий первоначально заботился об общем управлении дворцовым хозяйством, маршал — о содержании королевских конюшен и выездов, кравчий — о королевском столе и напитках, сенешаль осуществлял надзор за всей челядью. Возможно, сначала «майордом» был одним из обозначений сенешаля, но они начинают быстро различаться, майордом превращается в главу всей королевской свиты, наиболее могущественного приближенного короля. Также существовало много различных низших должностей: старший повар (*coquus*), привратник (*ostiarus*), нотариусы, врачи, гонцы.

Образцом для королевских дворов в Средние века стал двор Карла Великого. Хинкмар Реймский в своем сочинении “*De ordine palatii*” (ок. 882 г.) называет восемь светских придворных должностей, на которых лежала основная ответственность за управление дворцовым хозяйством (гл. 16): камерарий (*camerarius*), пфальцграф (*comes palatii*), сенешаль (*senescalcus*), кравчий (*buticularius*), маршал (*comes stabuli*), мансионарий (*mansionarius*-квартирмейстер), четыре старших егеря (*venatores principales*) и сокольник (*falconarius*). Наиболее влиятельными были камерарий и сенешаль. Камерарий подчинялся королю и королеве, вместе с королевой возглавлял общее ведение дворцового хозяйства, ведал всеми доходами и запасами, принимал ежегодные сборы с вассалов, рассчитывал будущие

потребности двора. Ему были подчинены *казначей* (*dispensator*) и *келарь* (*sacellarius*). *Сенешаль* был ответственен за общее управление двором, надзор над слугами, обеспечение королевского стола в избытке съестными припасами (он мог называться также *regiae mensae praepositus*). Вместе с *мансионариумом* — квартирмейстером он был ответственен за подготовку и снабжение всем необходимым местопребывания короля и двора во время разъездов по стране. В Капитулярии о поместьях сенешаль заведует также управлением королевским имуществом. *Маршал* смотрел за лошадьми, конюшнями и обеспечивал транспорт при королевских переездах. При Каролингах возрастает его значение в военных операциях как полководца. *Кравчий* уступает часть своих функций сенешалю, в его ведении остается работа о королевских погребях, как *magister pincernarum* он надзирал за подчиненными ему слугами и кравчими. Круг обязанностей *пфальцграфа* (*comes palatii regis*) при Меровингах и Каролингах практически не изменялся, за исключением временного подчинения майордомам. В задачи пфальцграфа входило надзирать за обеспечением двора продовольствием и помещениями, управлять доходами и расходами. Как руководитель всей придворной челяди в пфальце он осуществлял полицейскую власть. Но главные его функции заключались в осуществлении королевского судопроизводства. При Карле Великом пфальцграф возглавляет придворный суд и вершит дела именем императора, а при Людовике Благочестивом пфальцграф встал и во главе канцелярии королевского суда. Эта должность была ненаследственная и непожизненная. Также пфальцграфы активно использовались в управлении империей в качестве «государевых посланцев» (*missi dominici*). В королевствах Италии (801 г.), Аквитании (822 г.) и Баварском герцогстве (850 г.) появились собственные пфальцграфы. В X в. должности пфальцграфов возникли и в племенных герцогствах Восточно-Франкского королевства (Лотарингии, Швабии, Баварии, Франконии и Саксонии). Однако при Каролингах еще не сложилось системы главных должностей, не были четко разграничены их компетенции. Значение и влияние должностей могло меняться.

В X–XII вв. при дворах европейских государей, светских и духовных магнатов происходит выделение четырех главных должностей, определяющих всю структуру двора. Источников, позволяющих проследить развитие придворных должностей в Восточно-Франкском королевстве и в римско-германской империи, чрезвычайно мало. Упоминания о придворных должностях в X–XII вв. относятся по преимуществу не

к придворным, заботящимся о ежедневных потребностях короля, а к племенным герцогам, в чьих руках эти должности изначально имели характер почетной службы, символизируя их подчинение избранному королю, как вассалов сюзерену, и единство империи.

Первое упоминание о четырех главных должностях относится к X в. Видукинд Корвейский в «Деяниях саксов» пишет, что в 936 г. на торжественной трапезе в ахенском дворце по случаю коронации Оттона I четыре племенных герцога символически исполняли перед королем обязанности *камерария* (герцог Гизельберт Лотарингский), *трукзеса* (герцог Эберхард Франконский), *кравчего* (герцог Герман Швабский), *маршала* (герцог Арнульф Баварский). Следующее упоминание об этой почетной службе четырех герцогов встречается в Хронике Титмара Мерзебургского в рассказе о коронации Оттона III на Кведлинбургском хофтаге в 986 г. (трукзес — герцог Генрих Баварский, камерарий — герцог Конрад Швабский, кравчий — герцог Генрих Каринтийский, маршал — герцог Бернард Саксонский). Сведений о подобных должностях герцогов в XI в. нет, а от XII в. имеются отрывочные упоминания под 1114 г. в Хронике Эккехарда из Ауры, под 1184 г. в Хронике Арнольда Любекского, под 1199 г. в Хальберштеттской хронике. В 20-х гг. XIII в. Эйке из Репгова в Саксонском зеркале уже отмечает связь почетных должностей с наиболее могущественными имперскими князьями и с их участием в выборах короля (Земское право, кн. III, ст. 57, § 2: «При выборах императора первый голос принадлежит епископу Майнца, второй — Трира, третий — Кёльна. Среди светских первый при выборах пфальцграф Рейнский — имперский стольник [трукзес], второй — герцог Саксонский — маршал, третий — маркграф Бранденбургский — имперский камерарий. Имперский шенк [кравчий], король Чешский, не имеет права избрания, потому что он не немец»). Схожие данные содержатся в Анналах Альберта из Штаде и в Швабском зеркале.

Окончательное оформление и закрепление в имперском праве эти почетные должности (*Reichserzämter* — так называемые эрц-должности) получили в середине XIV в. в Золотой булле 1356 г. императора Карла IV. На торжественных трапезах по случаю коронации и больших праздниках король Чехии исполнял символические обязанности *эрцкравчего* (*archipincerna*), пфальцграф Рейнский — *эрцтрукзеса* (*archidapifer*), герцог Саксонский — *эрцмаршала* (*archimarescalcus*), маркграф Бранденбургский — *эрцкамерария* (*archicamerarius*). Семь могущественнейших имперских князей (кро-

ме вышеперечисленных три эрцканцлера, архиепископы Майнцский, Трирский, Кёльнский) имели преимущественное право при выборах короля. Особым влиянием они пользовались в конце XIV — первой половине XV в., когда в их руках находилось проведение «хофтагов без короля» и институт имперского викариата, перенесенный в Германию из Италии в XIII в. В Золотой булле 1356 г. Карла IV было закреплено право пфальцграфа Рейнского как *престолюблостителя* — *викария* (*provisor*) в отсутствие короля управлять западной частью империи, где было распространено франконское право (*in partibus Reni et Svevie et in iure Franconico*), и установлено право герцога Саксонского как второго провизора управлять восточными областями, где действовало саксонское право (*in illis locis, ubi Saxonica iura servantur*).

Об эволюции в высокое Средневековье «настоящих» придворных должностей, обеспечивавших управление дворцовым хозяйством и связь короля с империей, известно сравнительно немного. Если при Каролингах придворная служба стала считаться почетной и на место несвободной челяди приходили свободнорожденные и знатные лица, то при Саксонской династии и особенно при Штауфенах эти должности передаются в руки имперских министериалов. В XI–XII вв. наряду с четырьмя имперскими эрц-должностями при дворе немецкого короля/императора, а также при дворах духовных и светских князей выделяются четыре главные должности (трухзес, камерарий, маршал, кравчий).

С конца XII в. эти четыре должности при императорском дворе становятся наследственными (*Reichserbämter*) и находятся в руках имперских министериалов. Золотая булла 1356 г. закрепила формальное подчинение этих придворных должностей как вице-должностей четырем имперским эрц-должностям и их принадлежность родам фон Паппенхайм (*вице-маршал*, наследственный имперский маршал), фон Лимпург (*вице-кравчий*, наследственный имперский кравчий), фон Вальдбург (*вице-трухзес*, наследственный имперский трухзес), фон Фалькенштайн (*вице-камерарий*, наследственный имперский камерарий). Хотя эти должностные лица считались руководителями целого штата слуг, обеспечивающих повседневные потребности императорского двора, на практике их обязанности в XIII–XIV вв. также приобрели характер почетной службы и осуществлялись персонально только при особо торжественных церемониях. Ежедневное выполнение обязанностей трухзеса, камерария, маршала и кравчего совершалось низшими должностными лицами и слугами. Об этих

cottidiani ministri regalis curie, как называет их Золотая булла 1356 г., практически ничего не известно. Круг задач четырех главных должностей в высокое и позднее Средневековье по сравнению с Каролингской эпохой изменился: упало значение кравчего, трухзес уступил часть своих функций по управлению королевским имуществом камерарию, а по административному управлению двором — маршалу.

Наиболее важной среди четырех должностей считалась должность *трухзеса* — сенешаля (*Truchseß*, от староверхненем. *Trubtsazzo* «тот, кто возглавляет отряд», другие обозначения — *senescalcus*, *senescallus*, *dapifer*, *drossatus* (*Drost*)). Он осуществлял надзор за управлением дворцовым хозяйством и королевским и имперским имуществом, доходами с фиска, отвечал за обслуживание стола короля (*magister/praepositus regiae mensae*). В случае отсутствия господина трухзес был его викарием. В военном походе трухзес должен был вести авангардный отряд при наступлении и арьергард при отступлении, нести королевское знамя в бою. На торжественных церемониях с выходом императора трухзес нес меч. В Арелатском королевстве была своя должность трухзеса, пожалованная в наследственное владение дому де Турре, которая после присоединения бургундских земель к Франции перешла к французскому дофину.

Должность *кравчего* (*picerna*, *buticularius*, *scancio*; староверхненем. *Scenko*; *Schenk*, *Mundschenk*) была наименее важной среди четырех главных должностей и состояла в обеспечении напитками королевского стола. Часть своих функций по снабжению стола короля кравчий делил с трухзесом. Право эрцкравчего короля Чехии иметь наряду с тремя другими светскими обладателями эрц-должностей преимущественные права при выборах короля/императора оспаривалось и было закреплено только в Золотой булле 1356 г. Карла IV. На хофтагах и рейхстагах почетная служба эрцкравчего и вице-кравчего состояла в том, чтобы подъехать на коне к королевскому столу, спешиться и поднести королю разбавленное водой вино в серебряном кубке, после чего вице-кравчий получал коня и кубок в подарок.

Обязанности *маршала* (*marescalcus*, *marescallus*, *constabulus*, *comes stabuli*; средневерхненем. *Marschalck*, староверхненем. *Marahscalck* от *mare*, *marah* — лошадь) в высокое и позднее Средневековье состояли в заботе о безопасности короля, дисциплинарном надзоре за двором, организации внешнего хода хофтагов, а с конца XV в. по поручению императора и рейхстагов. На нем лежала ответственность за церемониал и осуществление юрисдикции во время заседаний

хофтага. На войне маршал был предводителем королевской конницы, а с XII в. и всего войска, отвечал за охрану королевского двора. Надзор за лошадьми и транспортом был возложен на подчиненных маршалу конюхов. Все эти функции осуществлялись маршалом королевской курии (*marescalcus noster, marescalcus regis, marescalcus imperii*; в Золотой булле 1356 г. *imperialis sive regalis curie marescallus*), подчиненным имперскому вице-маршалу. Согласно Золотой булле 1356 г., он мог замещать эрцмаршала и вице-маршала в повседневной деятельности. Обязанности эрцмаршала герцога Саксонского заключались в несении меча на торжественных церемониях. Должности маршалов существовали и при княжеских дворах, где они выполняли военные и полицейские функции, осуществляли связь князя с земскими сословиями (земский маршал *Landmarschall*). Символического исполнения службы маршала, заключавшейся в поддержании стремени (*officium mariscalci*) и ведении коня под уздцы (*officium stratoris*), требовали папы от императоров начиная с VIII в. (впервые Стефан II от Пипина в 754 г.).

Должность *камерария* (*thesaurarius, cubicularius, camerarius*) была развита слабее всего из четырех главных должностей, имела менее репрезентативный характер. В XI–XIII вв., так же как и при Каролингах, камерарий продолжал распоряжаться ведением дворцового хозяйства, его доходами и расходами, заведовал королевским гардеробом и сокровищницей. Он начал делить с трухзесом часть забот об имперском фиске (в состав имперского фиска входили королевский домен, имущество имперских церквей, имперские лены, иудеи как *servi camerae imperialis*). Именно функции казначея постепенно выдвигаются на первый план среди обязанностей камерария. В XIV–XV вв. значение должности камерария падает из-за отсутствия в империи института казначейства. Понятие казны — *camera imperii* начинает формироваться только в XV в. (отрывочные упоминания о *camera imperialis* проскальзывают при последних Штауфенах в первой половине XIII в.) и подразумевает не ведомство при дворе, а совокупность владений имперского фиска, имперских и королевских регалий и прав. Относительный подъем эта должность переживает лишь при Конраде из Вайнсберга (1370–1448), имперском камерарии Сигизмунда (1410–1437). При нем появляется должность *прокуратора фиска* для замены камерария в каждодневных заботах. Кроме него под начальством у камерария находились младший камерарий и писец. В коллегиальный орган с собственной канцелярией палата

казначейства превращается лишь при Максимилиане I (1493–1519). В 1496 г. в Иннсбруке он организовал австрийское казначейство (*Schatzkammer*) с компетенцией для наследственных земель Габсбургов и для всей империи. В 1499 г. был создан совет придворной палаты казначейства, состоявший из пяти членов.

К этим четырем главным должностям в XIII–XIV вв. добавились еще должности *имперского кухмейстера* (старшего повара, *magister coquinae*) и гофмейстера. Должность старшего повара появилась при королевском дворе в начале XIII в. и приняла часть возросших обязанностей по обеспечению продовольствием, надзору за поварами и кухонными слугами, ранее возложенных на трухзеса. В 1309 г. при королевском дворе была введена должность *гофмейстера*, появившаяся сначала во второй половине XIII в. при княжеских дворах Южной Германии. Гофмейстер быстро превратился в важную фигуру при дворе, он осуществлял общий надзор за остальными должностями, выполнял различные административные, политические и дипломатические задачи.

Управление делами империи, требующими быстрого разрешения, осуществлялось королем/императором с помощью специальных королевских посланцев и комиссий. Они ведут свое происхождение от каролингских «государевых посланцев» — *missi dominici*. В состав комиссий входили от одного до нескольких комиссаров (духовные и светские вассалы императора, придворные должностные лица). Комиссары действовали по мандату короля, пока не выполняли свое поручение. Особое значение комиссии и комиссары приобрели в XV–XVIII вв. при проведении различных реформ европейскими монархами. На основе делегированных полномочий развиваются также институты *имперских легатов* в Италии и придворных пфальцграфов. Имперские легаты (*imperatoriae maiestatis legatus, imperialis aulae legatus, totius Italiae legatus, sacri imperii in Italia legatus*) были при Штауфенах в XI–XIII вв. уполномоченными императора в Северной и Средней Италии и обладали очень широкими, сравнимыми с императорскими административными, политическими, судебными полномочиями.

Королевская/императорская юрисдикция. Осуществление различных видов королевской/императорской юрисдикции связано с должностями пфальцграфа (старший палатинат) и придворного пфальцграфа (младший палатинат). Должность *придворного пфальцграфа* (*comes [sacri] palatii*) появилась в середине XII в., когда императоры стали делегировать часть своей юрисдикции в Италии,

так называемые резерватные права — комитиву (*comitiva*), в форме привилегий светским и духовным сеньорам. Законченную форму эта должность приобретает при Карле IV, особенно активные пожалования комитивы совершались после Максимилиана I уже в Новое время. Объем передаваемых полномочий каждый раз специально оговаривался. С Рупрехта (1400–1410) различаются большая и малая комитивы. Малая комитива ненаследственная, ограничена территориально, включала в себя право назначения публичных нотариусов, узаконения внебрачных детей, объявления совершеннолетия, утверждения усыновлений, право *restitutio famaе* и право действовать в делах завещания и опеки. С Карла IV к ним прибавились права присуждения докторской степени, пожалования гербов горожанам. Большая комитива была наследственной, территориально не ограниченной. Она охватывала все права малой комитивы, а также право назначать придворных *вице-пфальцграфов* (*iudices ordinarii*), выдавать грамоты о жаловании дворянства и герба, а с XVI в. и право жаловать имперские привилегии для университетов.

Должность *пфальцграфа* в высокое Средневековье сохранила схожие функции с каролингским временем, но на первое место вышли судебные полномочия и право замещать короля/императора в суде или в делах империи. Пфальцграф Рейнский являлся имперским престолоблюстителем, вел заседания в королевском суде под председательством короля, имел преимущественные права при выборе императора. На протяжении XIII в. должность пфальцграфа исчезает в Баварии, Саксонии, Швабии, и со второй половины XIII в. в империи фактически остались только пфальцграф Рейнский и придворные пфальцграфы.

Отправление юрисдикции являлось важнейшей частью королевской власти в Средние века. Как уже упоминалось, королевские судебные полномочия со времен Меровингов находились в основном в руках пфальцграфа. По возможности без вмешательства короля пфальцграф должен был решать в последней инстанции дела, поступающие со всей империи к королевскому двору. Он председательствовал на заседаниях королевского суда (*curia regis*) (кроме особо важных случаев, когда председательствовал сам король), устроенного по тем же принципам, что и сеньориальные курии, и состоящего из князей, графов-заседателей — королевских вассалов. До конца Средневековья королевский суд не имел постоянной резиденции и был связан с личностью короля/императора и его местопребывани-

ем. Компетенция королевской курии была очень широкой и точно не определенной. В нее входили гражданские и уголовные дела, придворный суд действовал также как высший ленный суд и как высшая инстанция в делах между различными членами империи. С середины XV в. с развитием апелляционного судопроизводства в германской империи суд короля приобрел и функции высшей апелляционной инстанции. В XIII в. делаются первые шаги в институциональном оформлении королевской курии, а должность пфальцграфа все более приобретает характер почетного титула. На Майнцском хофтаге 1235 г. император Фридрих II Гогенштауфен (1198–1250) реорганизовал королевский суд, создав должность постоянного профессионального придворного судьи — *юстициария* (*iusticiarius curiae*, *Hofrichter*) по сицилийскому образцу. Во главе королевского суда стоял король, заседания вел юстициарий, назначавшийся королем практически пожизненно из числа князей или баронов. В состав суда входили также *заседатели* и собственная канцелярия из одного-двух *писцов*. С Рупрехта (1400–1410) появляется должность *прокураторов*. Специальное юридическое образование было, как правило, только у писцов-нотариев. В обязанности юстициария входило разбирать жалобы, поступающие в императорский суд, осуществлять защиту имперского мира, карая уголовные преступления и вынося приговоры о государственной опале, способствовать записи права. Неподвластны ему были лишь дела, касающиеся имперских князей и высшей юрисдикции, которые оставались в ведении короля и пфальцграфа Рейнского. Служба юстициария, а также подчиненных ему судебных писцов оплачивалась из конфискованного имущества подвергнутых государственной опале.

Компетенция королевского суда распространялась на всю территорию империи, а с Карла IV и на наследственные владения королей. В XV в. значение королевского суда постепенно падает. С Фридриха III (1440–1493) его компетенцию в делах империи все более оспаривает императорская судебная палата. В 1451 г. императорский/королевский суд прекратил свое существование.

На его место встала Императорская/Королевская *судебная палата* (*Kammergericht*), впервые упомянутая в источниках под 1415 г. при Сигизмунде (*iudicium camerae*). Понятие *camera* — (палата) обозначала здесь близость к королю, совокупность королевских прав, а не связь с казначейством. Она действовала наряду с королевским судом, но как личное отправление королевского правосудия больше зависела

от короля. Судебная палата не имела постоянного местопребывания и кочевала с королевским двором по империи. Компетенции Судебной палаты и королевского суда не были четко разграничены, можно лишь сказать, что к наиболее важным делам, разбиравшимся в палате, относились споры между имперскими князьями, дела высшей юрисдикции и апелляции. В Судебной палате впервые стали привлекаться к работе образованные юристы (особенно со второй половины XV в.), все возрастающее влияние на судопроизводство оказывало имперское (римское) право в отличие от королевского суда, судившего в основном по обычному праву. Первоначально Судебная палата состояла из нескольких королевских советников, заседавших под председательством короля или его заместителя — *судьи Королевской палаты (Kammerrichter)*, а также нескольких писцов-нотариев, гонцов, прокураторов имперских областей и городов, адвокатов. Судебная палата не имела собственной канцелярии и печати, ее документация шла через имперскую придворную канцелярию. При императоре Сигизмунде в 1421 г. была введена должность королевского *фискального прокуратора*, который принял функции «прокурора» в делах, касавшихся королевских прав в империи (например, уголовное преследование «преступления оскорбления величества»). Фискальные прокураторы назначались из числа образованных юристов, получали часть денег от судебных штрафов и пользовались не меньшим влиянием, чем королевские советники. С 1442 г. при Фридрихе III Судебная палата приобретает статус высшего имперского суда. В 1464 г. постоянным судьей палаты назначается епископ Ульрих Пассауский, а в 1470 г. — архиепископ Адольф Майнцский. С именем последнего связаны проекты реформы палаты в 1471, 1486–1487, 1495 гг., приведшие к прекращению ее деятельности.

На Вормсском рейхстаге 1495 г. в результате проводимой под нажимом сословий т. н. имперской реформы королевская судебная палата была реорганизована в имперскую Судебную палату, сохранившую прежнее название, но представлявшую собой уже новый институт. Имперская судебная палата (*Reichskammergericht*) была органом сословного представительства и ограничения судебной власти и юрисдикции короля/императора. Согласно «Правилам Судебной палаты» (*Kammergerichtsordnung*) 1495 и 1521 гг., она считалась высшим имперским судом, не зависящим от короля. Местом пребывания палаты был определен Франкфурт-на-Майне, однако заседания проводились и в других городах (в 1497 г. в Вормсе, в 1501 г. в Нюрнбер-

ге, в 1503 г. в Регенсбурге, с 1527 г. в Шпейере, с 1688 г. в Веймаре). Заседания Судебной палаты проходили по трем судебным коллегиям — Сенатам. В ее компетенцию входили разбор в первой инстанции жалоб и исков имперских сословий и отдельных персон к империи, во второй инстанции — рассмотрение апелляций от территориальных судов. В XV–XVIII вв. Судебная палата конкурировала с органом императорской юрисдикции Имперским придворным советом. Судопроизводство осуществлялось в основном по имперскому (римскому) праву. На содержание Имперской судебной палаты был введен специальный налог «общий пфенниг».

Во главе палаты стоял назначаемый королем *судья палаты*, который представлял в суде персону короля и нес ответственность за общее функционирование суда. В отсутствие судьи его функции выполняли *assessorei generosi sive illustres*, которые вскоре стали участвовать в ведении дел и со второй половины XVI в. назывались *президентами*. Они, так же как и судья, должны были принадлежать к числу имперских князей, графов или баронов. С распространением Реформации были введены квоты на участие в Судебной палате католиков и протестантов: с 1648 г. император должен был предлагать сословиям на утверждение католических и протестантских президентов и католических заседателей. Приговор выносился 16 (потом 25) заседателями — *ассессорами* (шесть от курфюрстов, два от наследственных земель Габсбургов: Австрии и Бургундии, восемь от имперских сословий (с 1648 г. от имперских округов)). Канцелярия Судебной палаты была подчинена Имперской канцелярии и находилась под влиянием эрцканцлера архиепископа Майнцского. С 1530 г. эрцканцлер назначал на важные канцелярские должности *руководителя канцелярии (Kanzleiverwalter)*, протонотариев, нотариев, а назначение секретарей, копистов и слуг проводил руководитель канцелярии. Имперская судебная палата функционировала и в Новое время и прекратила свое существование лишь в 1806 г.

Королевский совет. Важнейшим органом осуществления управления был *Королевский совет*, обладавший также и судебными полномочиями. В раннее и высокое Средневековье о его составе и деятельности известно очень мало. В отличие от совета вассалов — хофтагов и рейхстагов — придворный совет состоял из нескольких (около шести) приближенных короля и высших должностных лиц двора. Компетенция совета не была четко определена ни функционально, ни территориально. Он мог решать задачи административного управле-

ния, внешней политики, судебной юрисдикции, заниматься делами двора, наследственных земель короля или всей империи. Первые попытки институционального оформления Совета относятся к первой половине XIII в., когда император Фридрих II учредил Коронный совет для управления Германией на период регентства своих сыновей Генриха (VII) и Конрада IV. Приблизительный состав Совета известен только для периода позднего Средневековья. С XIV в. в него входили гофмейстер, камерарий, маршал, канцлер, а также советники и секретари (например, при Карле IV их было 182), которые могли использоваться и как королевские посланцы — комиссары. Совет был поставлен над имперской канцелярией и тесно связан с ней.

В целом до конца XV в. Совет оставался очень неопределенным органом без постоянного числа членов. Только в период реформ императора Максимилиана I начинается институциональное оформление Совета. «Правило» (*Hofratsordnung*) 1497–1498 гг. устанавливало ежедневные заседания и вводило принцип большинства в принятии решений. В XVI в. при императоре Фердинанде I («Правило имперского придворного совета» 1559 г.) усилились судебные функции Совета. Он ведал пожалованием ленов и привилегий и как последняя апелляционная инстанция для всех дел, находящихся в юрисдикции императора как верховного судьи, конкурировал с имперской Судебной палатой. Его компетенция распространялась на всю территорию империи, включая имперскую Италию, но не на наследственные земли Габсбургов. Имперский придворный совет стал органом персонального императорского правосудия в противоположность судебной палате, контролируемой сословиями, хотя существовали и некоторые ограничения. Например, с 1648 г. император был обязан включать в состав Совета протестантов. В XVII–XVIII вв. имперский Придворный совет становится органом, где подданные могли обжаловать незаконные действия территориальных князей. Совет осуществлял также защиту иудеев.

Как уже отмечалось, в империи так и не сложилось общегосударственных судебных, военных и финансовых ведомств. Защита империи была возложена на имперские округа (*Reichskreise*), которые должны были выставлять определенное количество солдат и обеспечивать им жалованье. Квоты для отдельных сословий (*Simplum*) были определены в имперском регистре (*Matrikel*) 1521 г. (всего 20 тысяч пехотинцев и 4 тысячи всадников). Общеимперского *Казначейства* также не существовало. Финансовым управлением имперского фиска

и королевского двора ведал камерарий. Сбор санкционируемого рейхстагом с XV в. имперского налога («общего пфеннига») на содержание Судебной палаты, рассматривавшегося как «имперская помощь» императору, осуществлялся специально создаваемыми для этого комиссиями под общим надзором назначаемого рейхстагом должностного лица (*Reichspfennigmeister*). В конце XV — начале XVI в. сословиями было предпринято несколько попыток создать общеимперский административный орган, ограничивающий власть императора и обладающий императорскими полномочиями в его отсутствие. Проект «Имперского правления» (*Reichsregiment*) был представлен архиепископом Майнцским Бертольд фон Хеннеберг-Рёмхильдом на Вормсском рейхстаге 1495 г., но не прошел из-за сопротивления императора Максимилиана I. Решение о создании «Правления» было принято в 1500 г. на Аугсбургском рейхстаге. «Правление» собралось и заседало в Нюрнберге в 1501–1502 гг. под председательством короля или назначенного им заместителя. «Правление» было сословно-представительным органом, в его состав входило 16 (потом 20) человек (семь курфюрстов, один духовный и один светский имперский князь, представители Австрии и Бургундии, прелатов, графов, имперских городов и по одному представителю от шести созданных имперских округов). Решения принимались по принципу большинства. Компетенция «Правления» была схожей с полномочиями рейхстага (особенно в финансовой области). При отсутствии короля/императора в период вакансии престола «Правление» обладало правом решать все дела империи, представлять империю во внутренней политике и на международной арене, правом созывать Рейхстаг. После двух лет безуспешной работы «Правление» было распущено. Попытки собраться в 1507, 1512, 1521–1522 гг. заканчивались неудачей из-за разногласий между сословиями, противодействия императора, отсутствия правовых предпосылок для действия учреждения такого типа.

Империя и имперские должности в раннее Новое время

Империя вступила в раннее Новое время с характерной двойственной структурой управления: территориально-княжеская власть венчалась короной, с собственными институтами власти в наследственных землях. Оба полюса были слишком сильны, чтобы сдвинуть вековое противоборство в чью-либо сторону. Современные немецкие историки именуют этот период временем «уплотнения» (*Verdichtung*) социально-политических процессов, высокой динамики общественной жизни, позволившей династии Габсбургов создать в Империи мощный плацдарм в виде австрийских княжеств и выйти из опасного кризиса времен Фридриха III (1440–1493). Время властно требовало тесного взаимодействия с имперскими сословиями: только так династия могла сохранить реальный вес среди своих подданных. В правление Максимилиана I было реорганизовано управление наследными землями, а на Вормсском рейхстаге 1495 г. совместными усилиями императора и курфюрстов были заложены основы общеимперских учреждений: введен «вечный земский мир», учрежден Камеральный суд, позже создан Имперский придворный совет и судебные округа.

Но XVI в. готовил новые испытания. Император Карл V, став хозяином двух корон, распылил свои силы, постоянно отсутствовал в Империи, и созданные прежде институты оказались без должного контроля. Поделив сферу правительственных обязанностей в 1522 г. со своим братом эрцгерцогом Фердинандом, будущим императором Фердинандом I, Карл тем самым переложил на него и бремя ответственности за судьбы престола в самой Германии. Сложилась парадоксальная ситуация: Габсбургам вновь приходилось «внедряться» в Империю из ее юго-восточного угла, из австрийских владений. Другая проблема заключалась в резком расширении всего массива

подвластных земель: в 1526 г. Габсбурги получили сразу две короны, Венгрии и Богемии. Приходилось приспособлять управление к новым владениям, не упуская из виду и Империю. Предстояла сильно затянувшаяся по времени перестройка административного аппарата. И здесь в дело вмешивалась третья, пожалуй, самая разрушительная сила: Реформация и религиозный раскол. Стали распадаться старые, казалось, испытанные временем внутренние скрепы сословного мира, начался процесс «конфессионализации», формирования новых религиозно-культурных общностей, сопровождавшийся противостоянием враждебных религиозных лагерей и тяжкими потрясениями, самым разрушительным из которых стала Тридцатилетняя война. В таких условиях важнейшей задачей для католической династии было не только предотвратить сползание к религиозной войне, но и выработать модель управления, которая бы устраивала и протестантов, и католиков. Была предпринята уникальная не только в немецкой истории, но и, возможно, в истории Европы перестройка властных институтов, призванных стать инструментом межсословного компромисса. Вестфальский мир восстановил основополагающий механизм управления Империи и обеспечил стабильное будущее — в сущности до конца ее истории.

Чтобы описать формальную сторону деятельности институтов, должностей и функций, понадобится всего несколько страничек. Они в большинстве случаев не менялись с момента возникновения. Но важность имела как раз не формальная сторона, а тесная связь с менявшимися условиями, взаимовлияние общества и институтов в разных, подчас драматичных обстоятельствах. Как сословная иерархия, не будучи «государством» в категориях современной политологии, Империя не знала и не могла познать субсистемного членения на «власть и общество». Современные немецкие исследователи уже отметили необходимость широкого «социального» угла зрения на систему управления: повсюду речь шла о компромиссе и взаимодействии сословий и короны, предполагавшей патронаж, протекцию, наличие родственных связей, землячеств, эффективное использование правовых рычагов, доставшихся от Средневековья. Управление Империей принадлежало венценосцу вкупе с сословиями, оно никогда не мыслилось исключительно однополярным. Соответственно и воля сословий, выражавшаяся на форумах разного уровня, от Рейхстага до съездов курфюрстов или окружных конгрессов, так или иначе была связана с управлением самой Империи. Потому мы не

в силах провести строгое различие между представительными функциями и управлением, между делами, ограниченными внутренней общественной сферой и сферой публичной. Рейхстаг, равно как и прочие институты представительства, не может быть отделен от властных структур и также заслуживает внимания в контексте поднятой темы. Такова была особенность Империи.

Источники. Эта же особенность предопределяет фонд источников. Напрасно искать ответ на вопросы о задачах вновь созданных имперских учреждений и должностей в рескриптах только лишь имперского двора: они были, но не формировали всю основу, в большей мере влияя на управление наследных земель. Точкой отсчета всегда выступали общеимперские соглашения. Ключ к пониманию деятельности конкретных правительственных инстанций, их функционального предназначения лежит в них. Три акта сословного согласия определили работу имперских институтов XVI—XVII вв.: решения Вормсского рейхстага 1495 г., Аугсбургский религиозный мир 1555 г. и Вестфальский мирный договор 1648 г. Этот последний важен своей составляющей — Оснабрюкским договором (*instrumentum pacis osnaburgensis*), регулировавшим отношения сословий с короной, т. е. собственно имперскую часть Вестфальского мира. Он весьма подробно разъяснял статус и работу имперских учреждений в послевоенной Германии. Все три были пронизаны духом согласия и желанием непременно сохранять старый добрый обычай. Не случайно некоторые историки полагают Вестфальский мир лишь возрождением с некоторыми коррективами Аугсбургского соглашения 1555 г.

ИМПЕРИЯ И КОРОНА

Внешние параметры. Основу Империи, как и в Средние века, образовывала вертикаль иерархии: громоздкая пирамида сословных чинов венчалась короной. Ее невозможно выразить категориями «территориальной государственности»: подданство Империи определялось ленной зависимостью, безотносительно к местоположению самого лена. Потому бессмысленно говорить о границах в современном понимании. Так, например, Швеция, получив по Вестфальскому миру балтийские города Империи, должна была посылать на Рейхстаг своих депутатов, поскольку сами эти города сохраняли статус имперских. И точно так же пусть формально, но в делах Империи обязан был участвовать и король Дании — ее ленник по голштин-

ским землям. К тому же один и тот же ленник мог обладать двойным и более подданством — от императора и других монархов.

Довольно частые династические разделы и альянсы усложняли картину, дробили и видоизменяли комплекс ленно-правовых полномочий. Потому внешние контуры Империи оставались подвижными. Уступая в одних направлениях, императоры стремились укрепиться на других. Многое здесь определялось интересами правящей династии и давлением «внешних» сил. Переход короны к Габсбургам в XV в. неизбежно превращал блок их наследственных земель — Австрию, позже Богемию (после 1621 г.) и Венгрию (в 1686 г.) — в важнейшую сферу территориальных интересов. Постоянная угроза со стороны Османской империи побуждала заботиться о юго-восточных границах, совпадавших с границами не только собственно Империи, но и христианского мира. В правление Максимилиана I (1493–1519) добавились хлопоты с нидерландским наследством, доставшимся этому венценосцу от брака с дочерью бургундского герцога Карла Смелого Марией. Возросло и присутствие Империи в Италии — второй брак Максимилиана делал его хозяином Миланского герцогства. Итальянские лены отныне были важной составляющей имперской политики Габсбургов.

Новые обретения соседствовали с утратами. В 1499 г. Базельский мир вывел из сферы имперской юстиции швейцарские кантоны. Династический раздел между наследниками императора Карла V, отрекшегося от престола в 1556 г., отдал Нидерланды мадридской ветви Габсбургов, хотя Империя еще некоторое время обладала там верховным патронажем. Тогда же в ходе Ливонской войны (1558–1583) прекратил существование ливонский филиал Немецкого (или Тевтонского) ордена, самый дальний вассал короны: земли его были поделены в 1561 г. между Речью Посполитой, Данией и Швецией.

Согласно Вестфальскому миру 1648 г. Империя лишилась эльзасских земель и трех епископств — Мец, Туль и Верден, отошедших к Франции. Позже, в 1680–1681 гг., к ним добавился и имперский город Страсбург, вынужденный признать сюзеренитет французской короны. Лишь в начале нового века Утрехтский мир вновь вернул Вене Северную Италию и Южные Нидерланды — казалось, ситуация возвращалась к временам Карла V.

Император сохранял статус первого монарха Европы и второго лица в христианском мире после папы. Религиозный раскол никак не отразился на его месте в европейской иерархии. Как и в позд-

нее Средневековье, императоры оставались главными патронами Церкви. Вопреки всем коллизиям XVI в. они считали защиту интересов христианского мира своей главной задачей. Во многом, если не решающим образом, это предопределило их позиции в отношении протестантизма и в деле защиты Европы от турецкой угрозы.

Выборы и выборные капитуляции. Со времен Средневековья императоры сохраняли статус выборных монархов. Ничего не меняло здесь и постоянное пребывание Габсбургов на престоле с 1438 г. Только высшие чины Империи — курфюрсты, т. е. князья-выборщики, имели право избирать нового государя: текст Золотой буллы 1356 г. закреплял эту процедуру. В течение месяца после кончины императора архиепископ Майнцкий как декан, т. е. глава курфюршеской коллегии, был обязан информировать других курфюрстов о смерти императора и призвать явиться для избрания преемника во Франкфурт. Назначенный как место выборов собор св. Варфоломея в течение еще одного месяца должен был стать ареной предвыборных дискуссий. Голосование следовало с соблюдением принципов иерархического старшинства: первыми подавали голоса князья Церкви, курфюрсты Трира и Кельна, далее — светские выборщики. Архиепископ Майнцкий выражал свое мнение последним, тем самым формально не влияя на мнение остальных. Результаты определялись простым большинством, т. е. для избрания было достаточно четырех голосов. Допускались и выборы одного из присутствующих курфюрстов в том случае, если за него голосовало трое его коллег и он сам в качестве правомочного выборщика. Впрочем, подобного рода прецедентов в раннее Новое время не было, и лишь один раз в 1519 г., судя по всему, в рядах курфюршеской коллегии нашлись решительные голоса в поддержку курфюрста Саксонии Фридриха III Мудрого как альтернативной фигуры габсбургскому кандидату. Но отказ самого Фридриха участвовать в борьбе за престол погасил напряженность.

Подобного рода процедура свершалась все 16 раз — от выборов Карла V в 1519 г. до Франца II в 1792 г. Однако из них в семи случаях речь шла еще о выборах наследника при «живом императоре» (*vivente imperatore*). Так, Фердинанд I был избран римским королем в 1531 г., за четверть века до отречения старшего брата. Сын его Максимилиан II — в 1562 г., за четыре года до кончины отца. Рудольф II, в свою очередь, получил титул римского короля в 1575 г. в преддверии смерти отца. Точно так же сын Фердинанда II, будущий Фердинанд III, удостоился избрания в последний год жизни предшественника в 1636 г., а, в свою очередь, его сын получил поддержку курфюрстов в 1653 г. незадолго

до смерти отца. Статьи Золотой буллы прямо не исключали подобной процедуры: уже в конце XIV в. таким образом был избран Венцель II Люксембург, а в 1486 г. и будущий император Максимилиан I при жизни отца Фридриха III. В шести из этих семи случаев кандидаты представляли старших сыновей предшественников. Но это никоим образом не ущемляло принцип свободных выборов курфюрстов и не могло свидетельствовать в пользу тенденций к учреждению наследственной монархии. Избранники получали титул *Римского короля*, сопряженного с древней традицией патронажа над апостольским престолом и считавшегося необходимой правовой предпосылкой к имперской коронации.

В меньшей мере с избранием Римского короля и императора оставался связан вопрос апостольской санкции, т. е. подтверждения правомочности избранника папской волей, выраженной в коронации с участием папы или папских уполномоченных. Уже текст Золотой буллы не указывал на прямую необходимость папского подтверждения выборов. Сама процедура выборов, предусмотренная буллой, и практика раннего Нового времени уверенно указывали на решающий приоритет самих свободных выборов, не ставившихся ни в какую зависимость от мнения главы христианской церкви. Лучше всего это выражалось в избрании и коронации, как двух разнесенных по времени различных актов, и символически — в двух разных пространствах места выбора и места коронации. Венчание следовало в течение трех недель после избрания. Местом коронации должен был служить Ахен, но в нем в раннее Новое время состоялись лишь две церемонии: в 1520 г. (коронация Карла V) и 1531 г. (коронация Фердинанда I). В 1562 г. коронация Максимилиана происходила во Франкфурте — там же, где состоялись и выборы. В XVII в. избирали и короновались помимо Франкфурта в Аугсбурге и Регенсбурге, что во многом определялось условиями военных лет. В XVI в. мы сталкиваемся и с последним примером папской коронации императора: им стало венчание Карла V в 1526 г. в Болонье. Отныне апостольский престол выражал свое мнение лишь через своих представителей в этом церемониальном акте. Участвовавшие в выборах князья Церкви голосовали как подданные Империи, т. е. как имперские чины в статусе выборщиков. Их место определялось в первую очередь имперской иерархией, а не позициями в структурах Церкви.

Новое время яснее и точнее обозначило взаимозависимость словесного общества и носителей высшей власти. Водворение мира с конца XV в. и постепенная, растянувшаяся на столетия консоли-

дация сословной элиты сделали зримым образ Империи как коллективной корпорации чинов. Соответственно и отношения с короной рассматривались все в большей мере как отношения цельного корпоративного сообщества с его главой: позиции обоих полюсов обретали ясные контуры. Именно под таким углом зрения следует рассматривать возникновение т. н. выборной капитуляции, своего рода свода обязательств, на соблюдение которых присягал вновь избранный монарх. Впервые мы слышим о ней в 1519 г. при избрании Карла V. Само же название впервые зазвучало в 1558 г. при выборах Фердинанда I. Первоначально, как о том можно судить по тексту 1519 г., речь шла о довольно хаотичном перечне обязательств, предъявляемых короне. Отдельные разделы (т. н. капитулы, от лат. *capitula*, отсюда и название самого документа — «капитуляция») содержали требования материально обеспечивать курфюрстов во время выборов, не нарушать их привилегии, поддерживать мир в соответствии с постановлениями 1495 г., наконец, не использовать в решении внутримперских проблем иноземную вооруженную силу.

Тексты последующего времени становились все более объемными. При этом, однако, каждый новый документ отражал и точку зрения на текущие события, был привязан к конкретной ситуации. Особенно показательной в сравнении с предшествовавшими выглядела выборная капитуляция Леопольда I 1659 г. В порядке приоритетов перечислялись обязанности монарха как защитника, «адвоката» Святой Церкви и апостольского престола, гаранта Золотой буллы 1356 г. и положений Вестфальского мира 1648 г., наконец, прав и привилегий курфюрстов и отдельных чинов. Вперемежку значились статьи, требовавшие не использовать вооруженные силы Империи за ее рубежами, передавать выморочные лены без согласия курфюрстов кому-либо, поддерживать конкордат с Римом, не позволяя, однако, вмешиваться тому в имперские дела. Сословия обязывали своего избранника также поддерживать интересы имперских чинов в конфликтах с Францией, всячески ограничивать французское влияние в западном секторе Империи и притом воздерживаться от участия в продолжавшейся тогда франко-испанской войне. Скрепляя капитуляцию своей печатью, император явно осознавал меру ответственности перед сословиями. Сама капитуляция превращалась в своеобразный свод основных законов Империи, в юридическую базу имперской политики.

Князья всегда опасались чересчур сильного влияния курфюрстов. Тревоги лишь усилились в пору религиозного раскола, когда Курфюр-

шеская коллегия с католическим большинством могла превратиться в рупор лишь одной партии. Дарование курфюршеских регалий католическому герцогу Баварии в 1648 г. подтверждало опасения. Потому князья, особенно протестанты, давно настаивали на придании выборным капитуляциям строгого начала. Содержание их должно было оставаться постоянным, не меняясь по прихоти курфюрстов. В 1648 г. под давлением князей и согласно восьмой статье Оснабрюкского договора вопрос о будущем выборных капитуляций должен был быть передан имперской сословной ассамблее. Однако Рейхстаг, открывшийся в 1663 г. в Регенсбурге, так и не смог прийти к окончательному решению. Курфюрстам удалось с успехом противостоять княжеским нападкам, и дело сдвинулось с мертвой точки лишь в XVIII в. Курфюршеской коллегии удалось закрепить ведущую роль, предоставленную Золотой буллой. С другой стороны, сохранялась возможность менять содержание капитуляций, что было на руку как сословиям в целом, так и императору, к выгоде для себя получавшему шанс настаивать на изменениях. Естественно, столь вариабельная конструкция никак не вписывалась в нормы государственности XIX и XX вв. На этом основании историки-юристы последующих поколений, как уже говорилось, отказывали Империи в «государственном начале». Критика кажется совершенно неисторичной: Империя сохраняла самобытный уклад и использовала тот механизм власти, который представлялся наиболее эффективным в деле сохранения внутреннего единства. Выборные капитуляции содержали обязательства перед основополагающими правовыми нормами прошлого и требованиями текущего дня. Тем самым юридически всегда сохранялись предпосылки эффективного взаимодействия сословий и монарха, не нарушавшего традицию.

Сама капитуляция не была связана с процедурой выборов. Уже в 1519 г. уполномоченные Карла V во Франкфурте настаивали на том, что будущая присяга не станет условием выбора. Подобный взгляд сохранился и в последующем. На практике отсутствие связи воплощалось в двух разнесенных по времени актах избрания и подписания самой капитуляции. Так, выборы Карла V состоялись 28 июня 1519 г., а текст капитуляции был подписан 3 июля. Считалось, что выборный монарх лишь по собственной воле подписывает капитуляцию, но сама она никак не затрагивает его полномочия и достоинство. Символически это выражалось в обращении самого государя «Мы обязаны и желаем...», указывавшего на единство интересов его и курфюрстов.

Прерогативы короны. Права короны определялись долгой традицией и в целом не пережили в XVI–XVII вв. существенных изменений. Они, как и прежде, распадались на сферы отношений с христианским миром и собственными подданными, что соответствовало иерархичному пониманию самой Империи и места ее главы в ряду европейских монархов. Будучи собственно членом Церкви через таинство миропомазания, император становился защитником ее и ее главы — папы. Выше уже говорилось о том, как использовали императоры эти полномочия в XVI–XVIII вв.

Как глава сословной иерархии император оставался верховным сувереном. Его статус не смогли поколебать ни соглашения с сословиями конца XV в., ни религиозный мир в Аугсбурге 1555 г., ни Вестфальские статьи 1648 г.: во всех них не ставился под сомнение верховный статус короны, о «территориальном суверенитете», имея в виду права сословий, еще не было и речи. Все имперские чины, включая князей, имперских графов, баронов, рыцарей, городские и сельские общины, какими бы позициями они ни обладали в рамках собственных владений, всегда признавали юридическое верховенство короны. Потому разговор о «распаде» Империи на якобы «самостоятельные государства» в XVII–XVIII вв., особенно после 1648 г., выглядит явной натяжкой.

Современники сводили полномочия престола в две группы: одну, бывшую в исключительном ведении императора (*jura caesareae reservata*), и другую, содержащую ограниченные права престола (*jura caesarea limitata*), т. е. осуществление которых следовало лишь по согласованию с ведущими сословиями, главным образом курфюрстами.

К числу исключительных прерогатив относились все не обусловленные выборными капитуляциями. Среди них — жалование выморочными ленами, право представления «препозиции» (т. е. запроса) Рейхстагу, организация почтовой службы, назначение нотариусов, представление камерального судьи и заседателей имперского камерального суда, назначение председателя и членов имперского Придворного совета, дарование привилегии университетам, выдача академических степеней и титулов, представление Империи во внешних делах, утверждение опекунов, объявление совершеннолетия, узаконивание внебрачного потомства.

Воплощением имперского старшинства оставалось право аноблирования и интитуляции, т. е. возведения в дворянство и предоставления титула. Ни один из подданных короны, обладатель имперских ленов, не мог вступить во владение без санкции императора. Для

этого требовалось подтверждение ленной службы, чаще всего воплощавшееся в акте публичной инвеституры. Она стала неотъемлемой частью собственно имперской репрезентации в раннее Новое время. Особенное значение публичная инвеститура приобрела в эпоху Реформации, становясь символом сословного единства вопреки религиозному расколу. Так, например, во второй половине XVI в. через нее проходили курфюрсты Саксонии — признанные вожди лютеранского лагеря. Сами же Рейхстаги превращались в место массового приношения присяги. Властители Империи обретали превосходную возможность наглядно демонстрировать свою власть и главенство.

Дарование сословных привилегий не только выступало символом старшинства, но с успехом использовалось в деле формирования надежных партнеров среди собственных подданных. Помимо предоставления собственно прав на дворянство император имел возможность наделять т. н. правом палатината заслуженных ученых, писателей, художников, представителей духовенства. Смысл этих привилегий заключался в возможностях его обладателя именем короны выдавать академические звания и степени коллегам по цеху. Кроме того, носители «палатината» обретали часть дворянских прав, в том числе на владение рыцарскими ленами. Фактически формировалась прослойка «уполномоченных» престола среди неблагородных слуг.

Лишь в исключительных случаях право аноблирования передавалось отдельным князьям, как, например, баварским Виттельсбахам. Кроме того, им могли пользоваться обладатели *имперского викариата* (*Reichsvicariate, vacante imperio*) на отрезке времени от кончины предшественника и до избрания нового императора. Викариатное право принадлежало курфюрсту Пфальцскому по землям швабского права, т. е. для Верхней Германии, и курфюрсту Саксонии по землям саксонского права, т. е. для Нижней Германии.

Разумеется, сословные прерогативы императора затрагивали интересы его непосредственных ленников. Потому раздача титулов рыцарям или горожанам требовала весьма осторожного, тактичного отношения к их господам. Чаще всего выдача дипломов следовала после предварительных консультаций с князьями, в подданных которых числился тот или иной кандидат на дворянство. Но последствия все же были значительны: с 1582 и до конца Империи в 1806 г. только имперское княжеское сословие пополнилось 160 новичками. Тем самым император получал возможность создавать внушительную группу союзников, проводников собственных интересов в разных частях Империи.

Конечно, реальная значимость этих креатур была различна. Но в любом случае мы можем говорить о высоком авторитете императорской воли, о «символическом капитале» императорской власти.

Важным рычагом императорского влияния оставались прерогативы в семейной сфере элиты. Император мог утвердить или возобновить на новых условиях тот или иной союз между двумя или более княжескими домами, как, например, «братские соглашения», предусматривавшие передачу выморочных ленов от одной стороны другой в случае пресечения мужского колена. Назначение опекунов, особенно в княжеские дома, также открывало дорогу для собственных интересов. Юных княжеских отпрысков можно было воспитывать при собственной резиденции и из них выковать верных короле будущим династиям. Использовали и досрочное объявление совершеннолетия. В 1518 г. таким образом был признан правомочным властителем Гессена знаменитый впоследствии ландграф Филипп Великодушный — решение, вытекавшее из заинтересованности Максимилиана I в надежном союзнике в чересчур беспокойном центральнонемецком регионе.

Наконец, император сохранял право патронажа над Церковью, позволявшее ему назначать сразу же после коронации на первые вакантные каноницкаты своих кандидатов. Кроме того, правда, не всегда, но пользовались правом переводить на церковное содержание нуждающихся мирян.

Блок «ограниченных прав» касался, несомненно, более значимых внутриимперских дел. Император не мог без согласия курфюршеской коллегии и Рейхстага объявить войну и заключить мир с иностранной державой, принимать те или иные законы, утверждать приговоры Камерального суда и взимать налоги с имперских чинов. В 1648 г. «ограниченный» характер всех этих полномочий был зафиксирован во втором параграфе Оснабрюкского пакта и остался основополагающей нормой вплоть до отречения Франца II в 1806 г.

ИМПЕРАТОРЫ ИЗ ДОМА ГАБСБУРГОВ. СТИЛЬ ПРАВЛЕНИЯ, ДВОР И ПРИДВОРНЫЕ ДОЛЖНОСТИ

Императоры. С 1438 г. корона принадлежала династии Габсбургов. Семейные традиции, свойственные позднему Средневековью, всецело отразились в практике правящего императорского дома. Вплоть до 1564 г. в ходу были династические разделы, выделявшие

младшим отпрыскам самостоятельные княжества в структуре общего владетельного массива. Так возникали, дробились вновь и угасали многочисленные побочные ветви. Фердинанд I в 1564 г. еще раз поделил наследство между тремя сыновьями: помимо Нижне- и Верхнеавстрийских владений теперь выделилась Штирия, Каринтия и Крайна, принадлежавшая отныне эрцгерцогу Карлу и его потомкам с центром в Граце (Штирийская ветвь), и Тиролезское герцогство, в котором правил ставший впоследствии знаменитым меценат и собиратель эрцгерцог Фердинанд. Он скончался без законных наследников в 1595 г. (внебрачный сын его Карл получил специально выделенное для него графство Бурггау в Передней Австрии), а Тироль позже вернулся в общий домен.

Максимилиан II порвал со старым обычаем: он завещал своим наследникам лишь титулярные апанажи, по сути — кормления с отдельных областей, не связанные с владетельными правами. Шаг императора, несомненно, диктовался правительственной мудростью: многочисленные сыновья в случае предоставления удельных прав попросту могли раздробить на мелкие части внушительный наследственный блок. С другой стороны, пустые титулы подтолкнули сыновей к поиску серьезного территориального подспорья, что спровоцировало в годы правления Рудольфа II (1576–1612) знаменитую «распря братьев». Младший брат императора эрцгерцог Матнас сперва отважился вмешаться в нидерландскую авантюру, мечтая о наместничестве в восставших против испанцев провинциях, а позже, потерпев фиаско, выступил непосредственно против Рудольфа. Развернувшаяся на многие годы внутрисемейная смута повлекла новые передел наследства, отказ Рудольфа в пользу Матнаса от австрийских земель, а потом от Венгерской и Богемской короны. Противостояние, сильно подрывавшее авторитет династии, закончилось лишь со смертью самого Рудольфа в январе 1612 г. Кончина, в свою очередь, бездетного Матнаса в 1619 г. выдвинула на передний план Штирийскую ветвь, в лице Фердинанда II (1619–1637) занявшую престол.

Окончательно вопрос престолонаследия был откорректирован лишь Прагматической санкцией 1713 г. Согласно ее положениям отныне в случае пресечения мужского колена корона наследовалась по женской линии в зависимости от степеней родства.

Воззрения императоров на свои обязанности, правительственные концепции, сам стиль правления предопределялись условиями эпохи. Религиозные потрясения XVI в. и кровавую драму Тридцатилетней

войны следует отнести к безусловно самым значимым импульсам. Для венценосцев, начиная с Максимилиана I вплоть до Рудольфа II и Матнаса, типичным было влияние позднегуманистической культуры, глубокая религиозность, сочетавшаяся с интеллектуальной увлеченностью в духе постижения гармонии мира и служившая, как считалось, целям «общего блага». Уже Максимилиан I ощущал себя космополитическим арбитром, ответственным за поддержание христианского миропорядка на основе личного благочестия и уважения принципов «общего блага». Внук его Карл V руководствовался в первые годы своего правления концепцией италоцентризма канцлера Меркурино Гаттинары, большого поклонника великого Эразма Роттердамского. Реализация ее поставила Карла в состояние перманентного конфликта со всеми соседями, включая папу, и дорого обошлась императорским интересам в самой Германии. Но Карл до самого конца смотрел на себя как на верховного гаранта мира, обязанного восстановить рухнувшее единство Церкви и отстоять Европу от посягательств османов. И точно так же его наследники — младший брат Фердинанд и племянник Максимилиан II — хлопотали о мире, будучи готовыми дать место под общей крышей даже иноверцам-лютеранам — целиком в соответствии с пониманием собственных задач как защитников всехристианского согласия.

На пике «конфессиональной эпохи» от императора требовались прежде всего качества религиозного бойца. Таков был идеал для Фердинанда II и — правда, в меньшей мере — его сына Фердинанда III, которому оба старались соответствовать. Война и кипучая деятельность уплотняли общение с высшей совещательной инстанцией — Тайным советом и в еще большей мере — с ключевыми фигурами собственного окружения, такими как Ульрих фон Эггенберг или Максимилиан фон Траутманнсдорф. Неизбежно возрастала и роль духовников, подобных Мартину Бекану и иезуиту Вильгельму Ламормэну, хотя их влияние на принятие конкретных решений не может быть подтверждено документально и, скорее всего, носило характер лишь существенной, но все же одной из составляющих. Сама модель правления, правда, не становилась от этого более персональной: она лишь резче выделяла круг доверенных лиц.

Габсбурги сумели сохранить лучшие в Европе традиции семейной солидарности. Перед нами, за редким исключением, многодетные семьи, не знавшие больших раздоров. В их истории раннего Нового времени не было темных и тем более кровавых пятен. Распря братьев в царствование Рудольфа II осталась лишь эпизодом.

Двор: должности и церемониал. Со времен образования Священной Империи сохранялась главная особенность организации двора германских монархов: существовал двор императора как совокупность собственно имперских должностных лиц, и двор собственно короля Германии как хозяина наследственных земель. Если императорский двор как таковой всегда был «атомизирован», распылен по владениям отдельных династий — обладателей должностей и предстал в цельном виде лишь в рамках надворных съездов (*Hoftage*), а позже — *Рейхстагов*, то двор короля выступал постоянно функционирующей, зримой величиной, состоявшей из личного хозяйства и административного аппарата. Именно его мы будем иметь в виду в этом разделе.

Габсбурги в XVI в. стремились сблизить свой двор со сферой управления Империей и новыми инкорпорированными землями, сделать его более «имперским», что наложило характерную печать на развитие институтов и должностей. До начала XVI в. он мало чем отличался от дворов прочих территориальных властителей. Заимствование Максимилианом I элементов бургундской придворной организации и преобразования, задуманные в присоединенных землях, повлекли перемены. Они выразились в более строгом разграничении отраслевого управления и во все более энергичном размежевании личного хозяйства и административной сферы. В этом смысле правы те историки, которые полагают, что в эпоху Максимилиана I имперские земли оказались сильнее, чем прежде, вовлечены в развитие институтов, свойственных западному региону, давно уже сложившихся и апробированных во Франции, Бургундии или Англии. Но совершенно неверно из этого делать вывод об ущербности имперского пути: исторические условия Германии долгое время делали попросту ненужными нововведения подобного рода. Тяжелое наследие отца, амбициозность сына, широкая династическая политика, начавшиеся длительные войны, наконец, борьба с сильной сословной оппозицией требовали нового импульса.

При дворе Максимилиана I была введена роспись штатов и создана придворная бухгалтерия, упорядочившая размеры и выплату жалованья. За год до своей кончины в 1518 г. он распорядился довести до конца начатые преобразования, отраженные в т. н. «*Инсбрукском уложении*» (*Insbrucker Libellum*). На основании этого документа мы в сущности впервые можем говорить о структуре и численности двора.

В дальнейшем штаты регламентировались специальными королевскими указами, чаще всего именуемыми «*Надворными уложениями*»

(*Hofordnungen*). Фердинанд I создал ту модель двора, которая стала основой для последующих Габсбургов. Формально придворные штаты распускались после кончины монарха. Новый государь был обязан издавать и новые придворные уложения, регламентирующие и корректирующие работу слуг и должностных лиц, — традиция, сохранявшаяся до конца Империи. На деле, впрочем, часто наблюдалось перемещение отдельных лиц и даже целых групп придворных покойного государя ко двору его наследника. Кроме того, уже в XVI в. сложилась гибкая система всевозможных поощрений, денежных пенсий и почетных должностей, позволявшая формально сохранять на местах слуг своих предшественников. Это служило одной из причин постоянного, хотя и не всегда быстрого, роста придворных штатов, их разбухания.

Строго говоря, нельзя говорить о дворе как о внутренне цельном органе. В соответствии с давней сословно-иерархичной традицией мы никогда не видим собственно «один» двор государя. Он всегда носил сложносоставной, «композиционный», вид. Рядом с собственно двором императора находился двор его супруги, наследников престола, наследниц и многочисленных родственников. У всех у них были свои придворные штаты, и все они управлялись собственными регламентами, хотя и утверждаемыми самим королем. Совершеннолетние наследники или супруга имели право назначать на должность в свой двор, но только с согласия, пусть и формального, самого государя. Право императора вмешиваться в придворные штаты родственников обозначало и юридическое старшинство «большого» королевского двора перед остальными. Количество автономных, «малых» дворов напрямую зависело в таких условиях от числа наследников.

Численный состав относительно хорошо прослеживается с упомянутого уложения 1518 г. В нем перечислено 450 человек, включая стражников, советников, секретарей и личных слуг. По подсчетам А. Колера, двор Фердинанда I в 1526–1527 гг., в период его наместничества в Германии, насчитывал 360 персон. В 1554 г. в канун восшествия на имперский престол он увеличился до 550 человек. В то же время штаты наследника, будущего Максимилиана II, состояли из 325 персон. В год смерти Максимилиана II в 1576 г. его двор по численности едва ли превосходил двор отца — ок. 530 человек. Спустя 100 лет произошел настоящий скачок: в царствование Леопольда I его окружение уже насчитывало примерно 1000 служащих. Ближе к середине XVIII столетия эта цифра удвоилась: двор Габсбургов, бесспорно, был самым многочисленным в землях Империи.

Как уже говорилось, с начала XVI в. резче, чем прежде, разграничивались личное хозяйство и административный аппарат. Это, впрочем, не означало отсутствия единой иерархии. Двор образовывал лестницу чинов и званий, привычную для других южнонемецких дворов с некоторыми заимствованиями под влиянием Бургундии, касавшимися, впрочем, в большей мере административного хозяйства и церемониала. Причем в этой последней сфере подражание Бургундии сменилось при Фердинанде I испанским влиянием.

Штаты личного хозяйства распались на три ступени должностей. Верхушку образовывали обладатели высших придворных постов. Первое место среди них занимал *главный гофмейстер* (*Obersthofmeister, Obristhofmeister*, позднесредневековая лат.: *magister curiae, summus magister curiae*), возглавлявший придворные штаты и надзиравший за всем личным хозяйством государя. За пределами его компетенции оставались лишь высшие административные инстанции — Придворный совет и Тайный совет, хотя по должности он обязан был участвовать в работе всех этих учреждений. Сам пост уже в XVI в. обладал оттенком почетной представительности, а в XVII в. превратился в синекуру — под рукой у гофмейстера находился целый штат заместителей. Центральной фигурой среди них был *главный камерарий* (*Oberstkämmerer, obrist camrer*, позднесредневековая лат.: *magister cubiculariorum*), в чем, по мнению некоторых историков, выразилось бургундское влияние, поскольку в других немецких княжествах камерарии подчинялись гофмаршалу, а при бургундском дворе они, напротив, обрели второе место после гофмейстера. Должность камерария, прежде ответственного за сокровищницу и государево жилье, теперь преобразовалась в распорядителя по делам всех королевских резиденций, смотрителя личных покоев государя, его гардероба. Ему подчинялась вся дворцовая челядь, привратники, врачи и ювелиры. Камерарий обязан был организовывать весь годичный цикл придворной жизни, начиная от выездов государя в провинцию или Империю до отправления династических торжеств и приемов. Ему поручалась закупка произведений искусства, изготовление драгоценностей и представление подарков придворным и иноземным представителям. Столь важные обязанности и рост двора требовали непрерывного увеличения штатов помощников, из которых позже в XVII в. выросла служба *камергеров*. Камерарию непосредственно подчинялись главы пяти ведомств. На плечи *главного гофмаршала* (*Obersthofmarschall, Obristhofmarschall*) ложилось все

материальное обеспечение штатов и резиденции вплоть до пошива платья, заготовки дров и свечей. Он надзирал за дворцовой охраной (трабантами), профосами, фурьерской и квартирмейстерской службами. Его считали ответственным за поддержание надлежащей дисциплины среди придворных, он обязан был пресекать конфликты, расследовать и докладывать о всевозможных нарушениях. *Главный шенк* (*Oberstschenk*) управлял столованием государя и следил за винным погребом. *Главный кухмейстер* (*Oberstküchenmeister*) курировал королевскую кухню, *главный шталмейстер* (*Oberststallmeister*) возглавлял конную службу, а *главный егермейстер* (*Oberstjägermeister*) был ответственен за различные охотничьи мероприятия. В начале Нового времени под началом этих должностей разворачивались целые штаты слуг, а сами должности все больше утрачивали рабочий характер. Они превращались в хорошо оплачиваемые, очень престижные и почетные должности.

Под управлением начальников ведомств располагался штат придворных *юнкеров* (от нем. *Jungherr* — молодой дворянин, молодой наследник), под которыми до конца XVI в. иногда понимали вообще всех зачисленных на службу дворян. Собственно на юнкерскую должность можно было попасть по достижении совершеннолетия, которое приравнивалось к способности носить оружие (*wehrgemacht*). При дворе вступление во взрослый возраст сопровождалось церемониалом, сильно напоминавшим возведение в рыцарство: либо сам государь, либо лицо, его замещающее, перед собранием придворных вручали дееспособному дворянину клинок. В зависимости от подчиненности штатам различались гофюнкеры, камерюнкеры, ягдюнкеры и т. д. Присутствие их при дворе, как правило, имело обязательный характер. Самую низшую ступень в благородной иерархии двора занимали *пажи* (от лат. *pages*), несовершеннолетние отпрыски дворянских семейств, как и юнкеры, подчиненные отдельным ведомствам (гофпажи, камерпажи, штальпажи, ягдпажи и т. д.). Впрочем, юнкерская и пажеская службы пожизненно не прикрепляли ко двору. Как и в остальных крупных немецких княжествах, габсбургский двор выступал своеобразной школой дворянской молодежи: в *пажи* и *юнкеры* часто зачисляли по ходатайствам собственных сословий или иноземных дворов. Вручение оружия отнюдь не гарантировало прыжок в юнкерский разряд: необходимы были вакансии, а сроки службы предварительно обговаривались с ходатаями. По истечении их дворянин теоретически обязан был вернуться домой.

Личное хозяйство — зримая ипостась харизмы государя. Растущие штаты, высокое жалованье, пышный церемониал превращали габсбургский двор в классический образец церемониально-аристократического двора по классификации Ф. Бауэра. Впрочем, в основе здесь лежали все еще средневековые традиции, свойственные прочим немецким княжествам.

Иную картину дает административный аппарат. Придворный совет, Канцелярия, позже — Тайный совет возникли во многом под влиянием бургундской практики в том виде, в каком ее застал молодой Максимилиан в последней четверти XV в. В 1497–1498 гг. в наследных землях был конституирован *Придворный совет (Hofrat, Consilium aulica)*, схожий по своим параметрам с королевскими советами других стран и выросший из давнего обычая консультаций с высокопоставленными чиновниками двора. Помимо бургундских корней свою роль сыграло и огромное желание молодого императора поскорее заполнить совещательный орган, которому было бы под силу разбирать общеимперские дела. Кроме того, проиграв сословиям в схватке за Камеральный суд, в котором у короны оказался минимум представительства, император хотел передать новой инстанции часть судебных полномочий. Не привыкшие к столь огромным задачам сословия просили оставить за Советом лишь дела наследственных земель, но государь остался непреклонен, напомнив в 1510 г., что Австрия — это тоже часть Империи и ее представители обязаны делить места с чинами других имперских земель. Согласно упомянутому Инсбрукскому уложению 1518 г. в состав *Надворного совета* входила по меньшей мере 21 персона, в том числе канцлер, гофмейстер, шатцмейстер и другие чины. Имена же и число надворных советников в первые годы правления Фердинанда I как наместника Германии нам неизвестны. Некоторая ясность наступает лишь с 1526–1527 гг., с появления целого ряда указов, регламентирующих состав двора. Советниками числились обладатели тех же должностей, что и при Максимилиане, общим числом до 20 человек.

Поворотным моментом стал 1559 г., когда после восшествия Фердинанда на имперский престол Совет был окончательно преобразован в *Имперский придворный совет (Reichshofrat, Consilium imperiale)*, тем самым узаконив его статус общеимперского учреждения. Впрочем, в нем, как и раньше, разбирались дела наследственных австрийских земель, что придавало всему органу своеобразный двойственный характер. Но еще важнее было окончательное утверждение за Советом

судебных полномочий. Тем самым была достигнута заветная цель короны: укрепить свои позиции верховного судьи для имперских сословий — то, чего лишь в половинчатой форме удалось добиться Максимилиану I. К тому же состав Совета назначался только императором.

Полномочия Совета неоднократно корректировались, в частности, Оснабрюкскими статьями 1648 г., но всегда сохраняли основное ядро. Совет выступал высшей инстанцией по вопросам имперских ленов: в нем подлежали улаживанию все споры относительно наследования выморочного имущества и статуса собственности. Своим решением он мог легитимировать внебрачных детей имперских чинов с разрешением вступать в наследство родителей. Сверх того, в Совете разбирались все спорные дела, связанные с раздачей имперских привилегий, титулов, дворянских дипломов и гербов, что в совокупности отражало всю сферу полномочий собственно императорской власти. Совет также выносил решения по уголовным делам имперских сословий, если они не были связаны с нарушением земского мира.

Для XVI в. был весьма показателен стиль работы этого органа: он, строго говоря, занимался не столько сугубо правовым исследованием вопроса, сколько улаживанием самого конфликта. Важность для него имело вынесение приемлемого для споривших сторон решения, выработка компромисса, что особенно было важно императорам «эпохи Аугсбургского мира», стремившимся избежать любого обострения внутри Империи. Не случайна была и критика в адрес Совета со стороны юристов разных религиозных лагерей, считавших процедуру выработки итогового вердикта не всегда законной. Тем не менее гибкий механизм работы привлекал подданных, разувверившихся в волоките Камерального суда, создавал определенную притягательность. Репутацию повышала и сама процедура работы: Совет инициировал назначение особых комиссий для исследования обстоятельств дела на местах. Комиссары занимались сбором всей информации, а не только доказательств по какому-либо конкретному пункту. Итоговое решение выносилось лишь после ознакомления с обстоятельными реляциями комиссаров. Деятельность Камерального суда, напротив, выглядела несравненно более громоздкой: по каждому случаю здесь уполномочивался местный судья, сильно зависимый от властей, работа которого ограничивалась лишь сбором доказательств.

Судебные функции, впрочем, не вытесняли совершенно правительственных. Совет продолжал давать рекомендации по

административно-политическим вопросам, но в гораздо большем объеме они отходили теперь Тайному придворному совету.

В ходе Тридцатилетней войны протестантские сословия неоднократно упрекали Совет в предвзятости и «карманности» и требовали ограничить его деятельность только имперским регионом. Фердинанд II в 1620 г. вынужден был пойти на уступки: наследственные инкорпорированные земли изымались из сферы его компетенции. В конфессиональном отношении Совет, однако, оставался рупором католической партии: чаще и охотнее к его услугам прибегали католические подданные короны. В вестфальских статьях протестанты добились паритетного представительства всех конфессий и, кроме того, настояли на поднадзорности его особой ревизионной комиссии по аналогии с той, которая согласно Аугсбургскому религиозному миру 1555 г. назначалась для проверки деятельности Камерального суда. Император вынужден был пойти на попятную и в этом вопросе, но реально деятельность этой комиссии значилась лишь на бумаге. Равенство конфессий также не было соблюдено: протестанты были здесь в меньшинстве и в XVIII в. Император слишком дорожил своим детищем, чтобы жертвовать им даже в относительно спокойное время после 1648 г. Ныне историки все меньше склонны говорить о конкуренции между двумя главными судами Империи: в целом оба учреждения: и Надворный совет и Камеральный суд — дополняли друг друга и вносили свою лепту в укрепление внутреннего мира.

Совет состоял из *президента* и *заседателей*, число которых росло: в середине XVI в. их насчитывалось от 12 до 18, в 1659 г. — 24, в 1711 г. — 30. Собрание делилось на *скамьи «дворян»* и *«ученых»*, под которыми, собственно, следовало подразумевать неаноблированных юристов. Но уже в XVII в. состав Совета был представлен только дворянами, включая дипломированных юристов, получивших низший дворянский титул.

Финансовые дела разбирались Казначейством, *Надворной камерой* (*Hofkammer, Camera aulica*). Максимилиан I создал ее для наследственных земель: в 1494 г. — для Тироля, в 1495 г. — для Нижней и Верхней Австрии. Но развить из новых инстанций общеимперский орган, занимавшийся сбором налогов с имперских чинов, не удалось ввиду того, что собственно само имперское налогообложение ограничивалось преимущественно лишь финансированием военных кампаний (т. н. общий пфенниг) и содержанием нескольких верховных институтов (Камеральный суд), для чего не требовался посто-

янный орган. Кроме того, сословия всегда рассматривали взносы как выражение своей доброй воли и резко противились централизации денежного хозяйства. Карл V, вынужденный постоянно дробить свои усилия между двумя коронами, не мог продвинуть дело вперед, и функции Казначейства ограничивались лишь австрийскими землями. Фердинанд I старался упорядочить его работу. В 1527 г. своим пражским указом он определился со штатом: во главе казначейства значился *генеральный шатцмейстер* (*General Schatzmeister, Tavernicus, magister tavernicorum*) – им был тогда давний знакомец государя, опытный и хитрый хозяйственник Ганс Гофманн. У него в подчинении числился один *камеральный советник* (*Hofkammerrat*), *хофпфеннигмейстер* (*Hofpfennigmeister*) и «камер-секретарь» (*Kammer Sekretär*). В 1568 г. должность шатцмейстера была заменена *президентом камеры* (*Kammerpräsident*). Впрочем, дело с централизацией ведомственной работы даже в наследных землях продвигалась с трудом. Раздел 1564 г. повлек учреждение аналогичных инстанций в Граце и Инсбруке, лишь формально подведомственных Вене, на деле же сильно зависимых от тамошних династов. Особенно это касалось присоединенных королевств и прежде всего Венгрии, где стремление сохранить внутреннюю автономию было всегда особенно сильным. «Распря братьев» внесла дополнительный хаос: эрцгерцог Матнас по мере расширения подвластного ему массива территорий создавал там в сущности параллельные органы управления, в том числе и свое Казначейство, ведавшее доставшейся ему частью Австрии. Положение с финансами было настолько тяжелым, что в 1613 г. потребовалась целая программа реформ. Впрочем, стабилизация хотя и последовала, но на старой почве: на протяжении всего XVII в. сохранялось территориальное дробление, и венский камерпрезидент мог лишь доводить до региональных казначейств распоряжения государя. Те же передавали организацию денежных вопросов местным властям и дожидались их вердикта, реально ограничивая свои полномочия бумажной подотчетностью Вене. Изменения проявлялись лишь в разбухших штатах и в отраслевой специализации. Первоначальный секретариат теперь стал *Канцелярией надворной камеры* (*Hofkammer – Kanzlei*), которая с Фердинанда II состояла из трех «экспедиций»: по делам Империи и Нижней Австрии, Богемии и Венгрии. Единого и согласованного во всех своих частях финансового управления Габсбургам до XVIII в. создать так и не удалось.

В указе Фердинанда от 8 февраля 1527 г. впервые упомянута должность президента *Тайного совета*: им значился тогда епископ Тренто Бернар фон Клес. Историки обычно считают эту дату днем рождения знаменитого учреждения. В его состав при Фердинанде входило шесть человек: канцлер, гофмейстер, гофмаршал, верховный канцлер Богемской короны и позже, судя по сообщениям итальянских дипломатов, оба престолонаследника — эрцгерцоги Максимилиан и Карл, которых стареющий император привлекал, видимо, в целях совершенствования правительственных навыков у сыновей. Круг дел, подлежавших обсуждению, ограничивался первоначально династическими и внешними проблемами исключительной важности. Впоследствии состав Совета все время варьировался. До Фердинанда II он не превышал восьми советников. При Фердинанде число советников явно выросло: в 1628 г. мы видим уже 15 членов, в 1636 г. — 20. Совет назначался государем, и в основе назначений лежали персональные решения, но почти все участники были тесно связаны с придворной и административной службами, включая церковную стезю. Леопольд I с 1664 г. озаботился реорганизацией этой важнейшей инстанции, и в 1669 г. она была преобразована в *Тайную конференцию (Geheime Konferenz)*, причем первоначально ее состав ограничивался только тремя членами, а позже был расширен до 13.

Как и любое другое придворное учреждение, Совет функционировал лишь при жизни монарха: он распускался после его смерти, хотя наследник мог включить в новый состав и старых членов. Круг обсуждавшихся вопросов охватывал прежде всего «международные», династические проблемы, к которым постоянно добавлялись отношения с собственно имперскими княжескими дворами и дела, касавшиеся управления наследными землями. Так, после кончины Рудольфа II Тайный совет и его глава знаменитый Мельхиор Клезль вынуждены были разрабатывать концепцию финансовой реформы в видах оздоровления сильно пошатнувшегося денежного хозяйства короны. Династические коллизии, раздел 1564 г., позволивший сформировать вокруг родственных династов свои совещательные органы, наконец, затяжной конфликт Матнаса с Рудольфом в начале XVII в. отрицательно сказывались на работе этой важнейшей инстанции: в конкуренции с императором Матнас собрал вокруг себя в сущности свой собственный Тайный совет, во главе которого был поставлен Клезль; однако последний лишь по временам мог присутствовать на Совете и возглавлять его работу.

В отличие от Имперского придворного совета, деятельность которого была строго регламентирована, Тайный совет носил персональный характер. По мнению лучшего знатока леопольдинской Тайной конференции С. Зинеля, ее и вовсе нельзя считать некоей самостоятельной инстанцией: по своему составу и режиму работы она всегда оставалась плодом монаршего произвола. Разумеется, последнее слово было за государем, но сам Совет постоянно выступал полем столкновения личных амбиций и точек зрения. Клики и группы формировались преимущественно по признакам землячества, родства или патронажа вокруг сильных личностей. Так, при Фердинанде II тон задавали сторонники Ульриха фон Эггенберга, личного друга императора, «эггенбергская клика», куда входили аббат Кремсмюнстера Антон Вольфрад, президент Военного совета Рамбальдо Коллальто и глава австрийского Казначейства Иоганн Баптист Верда фон Верденберг. С 1633 г. она уступила место людям из окружения престолонаследника, будущего Фердинанда III. Первую скрипку среди них играли Максимилиан фон Траутманнсдорф, Вильгельм Славата и Гундакер фон Лихтенштейн. Как и в остальных сферах придворной жизни, в ходу было совмещение должностей: тот же Траутманнсдорф с 1637 г. состоял директором Тайного совета, будучи одновременно оберстгофмейстером императора. Лишний раз подтверждается мифичность институционального плюрализма при дворах XVII в.: до отраслевой автономии было еще очень далеко. Лучше всего это иллюстрируется персонализацией самой власти, резко возросшей после Тридцатилетней войны: ответственность за важнейшие решения возлагалась не на «институты», а на узкую группу придворных, в руках у которых сосредоточивались все ключевые посты. Конечно, здесь можно увидеть проявления «абсолютистской тенденции», но с очень важной поправкой: в Империи «абсолютистская» ипостась не имела ничего общего с каким-то новым качественным скачком самой власти. Тенденцию хорошо иллюстрирует история Совета в XVII в. Внешне все решения принимались коллегиально, но сам Совет все время эволюционирует в сторону сужения своего «активного ядра». С 1628 г. и особенно с 1652 г. все чаще проходят совещания узким кругом, в т. н. *депутациях* при участии двух-четырех самых доверенных лиц. При Леопольде «депутации» обрели твердый статус. Отныне они обязаны были предварительно обсуждать и готовить все вынесенные на решение Совета вопросы.

В 1556 г. мы встречаем и первое упоминание о *Придворном военном совете* (*Hofkriegsrat, consilium bellicum*) — высшей совещательной ин-

станции по военным вопросам. Инициатором вновь был Фердинанд I, а не Карл V, обреченный разрываться между двумя монархиями. Постоянная турецкая угроза, непрекращавшиеся столкновения на дунайском пограничье вынуждали Фердинанда всерьез задуматься над обороной подвластных ему земель. Потому само учреждение задумывалось первоначально именно как главный штаб по борьбе с османами. Совет планировал кампании и осуществлял управление войсками, а также ведал всеми вопросами обеспечения армий в мирные годы. Но очень скоро обнаружилась необходимость в координации с региональными силами, особенно с властями и сословиями инкорпорированных владений, находившихся под непосредственным ударом турок. Так, после династического раздела 1564 г. был учрежден еще один Совет в Граце, призванный следить за положением дел на границах Хорватии и Славонии и в сущности подконтрольный штирийским Габсбургам. Также обзавелся собственным *военным присутствием (Kriegsstelle)* в Инсбруке Тироль, долгое время остававшийся самостоятельным массивом в структурах австрийских владений. Все они формально подчинялись Надворному военному совету, на деле же сильно зависели от местных властей. Достичь единства было нелегко, особенно учитывая особый статус венгерских владений, где комплекс военных вопросов был поднадзорен палатину и местным сословиям. Лишь постепенно Габсбургам удалось консолидировать военное управление, чему немало способствовало укрепление их позиций в наследственных землях в ходе Тридцатилетней войны. Другой проблемой, вставшей самым острым образом с XVI в., было финансирование войск, требовавшее тесных межведомственных усилий. Приходилось работать прежде всего с Надворным казначейством в Вене, казначействами подвластных земель, особенно Венгрии (*Ungarische Kammer, Camera hungarica*), и Надворной канцелярией. Споры вращались вокруг извечной проблемы: Совет требовал все больших расходов, а казначейства стремились их всячески ограничить. Тяжкий опыт войн XVII в. заставил Габсбургов разрубить гордиев узел: в 1697 г. была создана своего рода межведомственная комиссия, *депутация по общественным, хозяйственным и военным делам (Deputation des publico-oekonomico-militaris)*, куда входили главы всех трех ведомств и которая выработала концепцию создания и содержания единых вооруженных сил подвластных Габсбургам земель.

Во главе Совета стоял председатель, ключевыми фигурами в его составе были *начальник арсеналов (Obristzeugmeister)*, надзиравший за крупнейшими базами и складами военного имущества в Граце, Лайбахе

(Любляна), Триесте и Праге, а также *начальник крепостей и ответственный за фортификационные работы (Bauperintendent)*, позже подчиненный *верховному комиссару по вопросам военного строительства (Obristbaukommissar)*, местом пребывания которого с 1560-х гг. стала Вена. *Главный провиантмейстер (Obristproviantmeister)* ведал продовольственным снабжением, наймом — *главный мустермейстер (Oberstmustermeister)*, а оплатой — *кригсцальмейстер (Kriegszahlmeister)*. Фердинанд III ввел должности *президента и вице-президента Совета*. Кроме того, по окончании Тридцатилетней войны, в 1650 г., был создан пост *генерального военного комиссара (Generalkriegskommissar)*, призванного контролировать все вопросы интендантской службы и готовить годовую смету расходов, которая потом передавалась на рассмотрение финансовым учреждениям. При Совете функционировала *Надворная военная канцелярия (Hofkriegskanzlei, Cancellaria Bellica)*, занимавшаяся текущим делопроизводством и состоявшая из секретарей, регистраторов, экспедиторов и переводчиков.

Во главе Совета с самого начала стояли боевые офицеры, имевшие опыт многолетних кампаний, часто из незнатных фамилий. С середины XVII в. президентами Совета оказывались первоклассные стратеги, такие как Раймонд Монтекукколи в 1668–1691 гг. или принц Евгений Савойский в 1703–1736 гг.

Громоздкий механизм военных ведомств в целом выдержал испытание Тридцатилетней войной — самой тяжелой пробой сил за всю историю Габсбургов раннего Нового времени. Был соблюден баланс интересов сословий инкорпорированных земель и короны даже после подавления чешского восстания в 1620 г. Избавившись от балласта многочисленных промежуточных звеньев, «военных комиссариатов» военных лет, распущенных после 1648 г., Габсбурги смогли содержать пусть небольшую, но все же постоянную армию. В 1650–1651 гг. она состояла из 5000 сабель и 14 500 ружей полкового состава, размещенных большей частью по пограничным крепостям. К концу века численность возросла до 100 000 чел.

Военный бюджет XVI в. состоял на две трети из средств Богемской короны и на треть — из австрийских. Постановления 1697 г. исчисляли годовое финансирование в 12 млн гульденов, из которых львиная доля — 4 млн — приходилась на Венгрию. Но создание собственных войск ничего не меняло в дуалистичной основе самой имперской военной машины: собственно от имперских сословий Габс-

бургии, как и прежде, получали, пусть и на реорганизованной основе, строго определенные квоты контингентов.

Текущее делопроизводство сосредотачивалось в *Надворной канцелярии* (*Hofkanzlei, Cancellaria Aulica*), работе которой бургундский опыт Максимилиана придал более стройные формы. Карл V всю свою жизнь выступал пленником многочисленных канцелярий и секретариатов, учреждаемых и ликвидируемых по мере усложнения задач короны. Фердинанд, обреченный защищать интересы германо-австрийского сектора семейной державы, заложил будущее именно австрийской традиции. Громадный круг династических и владетельных проблем влек стремительное разбухание штатов. К 1556 г. его Канцелярия распадалась на несколько *секретариатов*. Самыми важными из них были по делам австрийских наследственных земель, собственно Империи, Испании, Бургундии, Франции. Еще один секретариат ведал сношениями с апостольским престолом. Формально отдельные канцелярии занимались администрацией корон Богемии и Венгрии. Реально же их старались как можно теснее привязать к австрийским владениям. В 1637 г. в росписи штатов Фердинанда II они даже не были упомянуты, фигурировали лишь *богемская и венгерская экспедиции* (*Expeditio bohemica, Expeditio hungarica*) в составе Австрийской канцелярии.

В первые годы правления Фердинанда I вроде бы давала о себе знать былая средневековая традиция: Канцелярия управлялась клириком, епископом Бернаром фон Клесом. После его кончины в 1539 г. Фердинанд решил не замещать собственно пост канцлера. Вместо него была введена должность *вице-канцлера*, отправлявшаяся профессиональными юристами. Первым из них при Фердинанде стал Георг Гингер фон Роттенэкк, специалист в области канонического права и патристики. Его сменил на этом посту в 1544 г. выпускник Тюбингенского университета без дворянского диплома Якоб Йонас, а в 1558 г. преемником его стал уроженец Ульма знаменитый Георг Зельд. К тому времени Зельд уже состоял в должности имперского вице-канцлера, получив назначение от Карла V еще в 1547 г. Тем самым Королевская и Имперская канцелярии соединились теперь в одном лице. Отныне речь шла собственно об Имперской канцелярии и канцеляриях Богемии и Венгрии. Фердинанду удалось совершить весьма тонкую операцию, совместить важнейшие должности Империи и короны. От успеха ее зависела и степень контроля над имперскими землями: покойный император Карл оставался «чужим»

венценосцем для Германии, Фердинанду предстояло искусно «срастить» владения династии с Империей. Во многом это ему сделать удалось.

Имперская канцелярия (Reichshofkanzlei) во главе с вице-канцлером отныне и наряду с Имперским придворным и Тайным советами стала важнейшим каналом влияния короны на имперские земли. До начала XVII в. пост вице-канцлера контролировался дипломированными юристами из горожан. Императору было важно иметь здесь своих людей, поскольку вице-канцлеры готовили проекты, обсуждаемые на Рейхстаге, и были посредниками на переговорах курфюрстов и сословий. На смену уже упомянутому Зельду в 1563 г. пришел Иоганн Баптист Вебер, верный помощник Фердинанда I и его сына Максимилиана II. Опытные юристы, вице-канцлеры всячески стремились поддержать компромисс между престолом и религиозными партиями. С начала XVII в. эту должность замещают потомственные дворяне, причем в регистре имен начинают преобладать непосредственные подданные Габсбургов. Это был знаковый рубеж: в условиях растущей нестабильности императоры стремились «одомашнить» столь значимую должность, посадить на нее надежных ленников короны. Имперская канцелярия потихоньку превращалась в кузницу опытных юристов и администраторов, преданно служивших престолу. Она сохранила структуру секретариатов, число которых и численный состав постоянно варьировались. Особое место занимал испанский секретариат — вплоть до конца правления Карла VI. Родство с мадридской короной и заинтересованность в испанской силе, особенно на полях Тридцатилетней войны, заставляли венских Габсбургов всегда очень внимательно следить за происходившим на Пиренеях.

Как и в прочих надворных ведомствах, практиковалось совмещение должностей: последний канцлер, епископ Клес, был, как мы помним, одновременно главой Тайного совета. Через канцлера и вице-канцлера шла вся важнейшая корреспонденция, касавшаяся имперских вопросов и состояния дел в наследственных присоединенных землях, он представлял регулярные доклады своему государю, состоял в Тайном совете и имел мощнейшие рычаги влияния на правящий курс.

В 1620 г. была выделена отдельная *Австрийская канцелярия (Österreichische Kanzlei)*. Как уже говорилось, Фердинанд II, идя навстречу сословиям, ограничил компетенцию Имперского Надворного совета только землями Империи. Тем самым Австрийской канцелярии отошли и все судебные прерогативы, включая функции

высшего апелляционного суда. Центр тяжести в принятии главных решений, касавшихся всей Империи, окончательно сместился в Тайный совет, Имперский Надворный совет и в Имперскую канцелярию.

Как нельзя лучше двор Габсбургов отражал стремление опереться на надежную клиентелу среди низшего и высшего дворянства. Его история XVI—XVIII вв. — история постоянно менявшихся фракций. При дворе Фердинанда I нашлось место друзьям детства — испанцам и нидерландцам. Позже они будут вытеснены австрийцами и чехами, особенно в правление Рудольфа II. Императоры-штирийцы вновь широко откроют двери австрийцам, уроженцам западноимперских земель и итальянцам, всегда, однако, оставляя подле себя надежную группу католиков из Богемии. Конфискация земель мятежных чешских дворян и испомещение на них новой интернациональной клиентелы — блестящий правительственный шаг, позволивший укрепить позиции в инкорпорированных землях. Так, в первой половине XVII в. венский двор превратился в настоящий сплав региональных и национальных групп. Управление ими не только помогало компенсировать недостаточную эффективность правительственных инстанций, но и ясно указывало на важность и подчас ведущую роль протекции, социальной стратегии в сравнении с бюрократическими усилиями. Император не мог превратить курфюрстов в простых титулованных слуг при его утреннем туалете, зато служба при его дворе была пределом мечтаний для многих из благородных ленников имперских князей.

Развитие властных институтов в землях Габсбургов в XVI—XVII вв. хорошо показывает проблематичность строгих суждений. В механизме их функционирования и в самих задачах трудно сыскать резкий разрыв с поздним Средневековьем. В эпоху Карла V династии было важно сохранить прочный плацдарм в самой Империи, не дать «соскользнуть» на периферию в условиях резкого расширения подвластных территорий. Интеграция осуществлялась с опорой на старое наследие, в формах, привычных сословному обществу той поры: речь шла не о расширении компетенций самого государя или подконтрольных ему учреждениях и не о централизации в категориях политологии XIX в. Перед нами картина постоянных компромиссов между властью и подданными, между королем и сословиями инкорпорированных королевств и им же как императором и Империей в целом. Они приспособлялись к особенностям регионов и ситуации и создавали эффект своеобразной «многоукладности». Здесь не видно проблесков «абсолютизма», если под таковым подразумевать модель В. Рошера

полуторавековой давности, здесь нет ясно выраженного движения в сторону «современной государственности» — мы не видим ни одного критерия, который бы говорил об отделении власти от общества. Религиозный раскол и Тридцатилетняя война заставляли мобилизовать силы и содействовали укреплению власти в наследственных землях и инкорпорированных королевствах, отчасти подтверждая тезис И. Бурхардта о государствообразующей функции войны. Но это не делало власть более публичной, скорее, напротив, вынуждало договариваться с региональными элитами. Взаимозависимость династии и местных элит наглядно представала в облике венского двора XVII в. Карин Макхарди недавно предложила именовать державу Габсбургов «координирующим государством», смещая акцент с развития институтов на способность договариваться с элитой. Во всяком случае, термин представляется лучшим, нежели разного рода «ранние» или «конфессиональные абсолютизмы». Перед нами лишь слегка откорректированная модель предшествующих столетий. И в этом нам видится особенность «государственного» развития всей Центральной Европы: она — самодостаточная зона, со специфическими условиями и общественными структурами, отличными от тех, которые имелись в западных регионах. Стадиально ее развитие едва ли подходит под «образцовый» стандарт централизованных монархий. Рубежи Средневековья и Нового времени здесь гораздо более туманны.

ИМПЕРСКИЙ ПОЛЮС

Коллегия курфюрстов. Собственно численность имперских словий, хотя и варьировалась в раннее Новое время, но в незначительных границах. Матрикулы Вормсского рейхстага 1519 г. сообщают нам о 383 обладателях этого статуса. В середине XVIII в. их насчитывалось 273, а в 1792 г. перед самым концом самой Империи известный правовед Иоганн Стефан Пюттер составил список из 294 леннообязанных короны. Разные факторы влияли на их число: опала, отчуждение лена, вымирание обладателей. Причем далеко не всегда жалование имперским леном влекло представительство ленников на ассамблеях и место в соответствующей курии. Из упомянутых 160 интитуляций с 1582 по 1806 г. в период между 1653 и 1754 гг. лишь в 19 случаях «новоиспеченные» князья добились представительства на рейхстаге: верный знак не только консерватизма всей имперской организации, но и сознательного нежелания старой

элиты разбавлять свои ряды выскочками, интересы которых подчас шли вразрез со старой фалангой.

На фоне незначительных перемен еще резче выступала стабильная первооснова, сама иерархия, увенчанная коллегией выборщиков императора — *курфюрстами*. Состав коллегии, ясно определенный текстом Золотой буллы, заметно изменился в XVII–XVIII вв. Как важнейший институт, она оказалась под ударом религиозного раскола и первые изменения претерпела в годы Тридцатилетней войны. В 1623 г. Фердинанд II жаловал герцога Баварии Максимилиана правами на Верхний Пфальц, что автоматически означало и переход к Виттельсбахам курфюршеского достоинства, поскольку Фридрих V Пфальцский оказался в опале еще в 1619 г. из-за своей поддержки чешского мятежа. Габсбургам не удалось, однако, решительно закрепить выгодное для себя предприятие (после перехода курфюршества к Баварии у католиков оказалось прочное большинство в самой коллегии). По Вестфальскому миру Пфальц был восстановлен в своих правах, но и Бавария не лишилась курфюршеских регалий. Так впервые возник прецедент расширения состава коллегии до восьми выборщиков. Причем кальвинистскому Пфальцу была дарована и новая почетная имперская должность, поскольку Бавария сохранила старый чин трухзеса (т. е. стольника) Империи. В 1692 г. возник новый прецедент с дарованием курфюршества Дому Вельфов в лице протестантской Ганноверской линии. Впрочем, это несколько не ослабляло католические позиции, ибо Пфальц с 1685 г. принадлежал новой пфальц-нойбургской католической ветви. Протестанты по-прежнему располагали лишь тремя голосами.

Буря реформационных лет наложила печать на работу коллегии. Преодоление открытой конфронтации между католиками и протестантами достигалось прежде всего по линии постоянных консультаций между курфюрстами. Аугсбургское соглашение 1555 г. они могли по праву рассматривать как результат собственных усилий. Вопреки, казалось бы, очевидным религиозным разногласиям позиции коллегии укрепились. Это выразилось в практике курфюршеских соглашений безотносительно к представительству на Рейхстагах. Они получили наименование *курфюршеских объединений (kurverein)*, причем духовные курфюрсты формировали даже свое особое рейнское объединение. Уже в начале XVI в. курфюрсты заявили о своих полномочиях на съезде в Гельнхаузене в 1502–1503 гг. В 1558 г. на Франкфуртском съезде в очень напряженной атмосфере передачи императорских регалий Фердинанду курфюрсты выступили с совместным заявлением, в котором

подчеркивали незыблемость своих сословных прав (*Unio electoralis novissima*). В начале следующего века, когда стала очевидной неспособность Рейхстага погасить религиозные разногласия, император перенес обсуждение важнейших вопросов в Курфюршескую коллегия. После того как в 1613 г. окончательно рухнули надежды оживить Рейхстаг, только курфюрсты оставались последними гарантами мира. С 1613 по 1640 г. *курфюршеские съезды (Kurfürstentage)* по сути подменили собой всеимперскую ассамблею. Это было, впрочем, удобно и Габсбургам, и князьям: в условиях войны требовалось принятие скорых решений по самым острым вопросам. Императору удавалось до конца 20-х гг. получать поддержку от курфюрстов и даже повлиять на состав коллегии, как в случае с баварской инвеститурой 1623 г. Но в целом курфюрсты никогда не упускали свой шанс сохранить лидерство в рядах имперских сословий. Более того, они быстро и резко реагировали при любых попытках задеть интересы чинов. Так было в 1630 г., когда император вынужден был под их давлением уволить своего главнокомандующего Валленштейна и отложить полномасштабную реституцию владений католической церкви. Более того, тогда Фердинанду II не удалось даже заручиться согласием на выборы своего наследника Римским королем. Некоторые историки считают, что именно эти события поставили крест на «абсолютистских» амбициях Габсбургов в Тридцатилетней войне. Но даже возобновление деятельности Рейхстага в 1640 г. нисколько не отодвинуло на задний план курфюрстов: после войны в 1652 г. они еще раз провозгласили неприкосновенность своих прав. Княжеская курия Рейхстага так и не смогла поколебать их лидерство.

Курфюрст Майнцский оставался *эрцканцлером Империи*. Его главным церемониальным правом оставалась коронация новоизбранного императора, по которому, впрочем, ему пришлось в XVI в. вступить в спор с курфюрстом Кельнским. Дело окончилось в 1654 г. соглашением о разграничении полномочий: этим правом могли пользоваться оба на территории своих епархий (т. е. в Ахене и Франкфурте). За их пределами (т. е. в Аугсбурге и Регенсбурге) устанавливалась очередность. Реальные возможности эрцканцлера получили особо важное значение в эпоху религиозного противостояния. От его позиции и мнения зависело очень многое в судьбах монархии. Здесь проявлялись главные функции эрцканцлера как представителя короны: он предлагал кандидатуры на пост вице-канцлера, вел работу всех курфюршеских и имперских сословных собраний, зондировал почву относительно мнения чинов, обсуждал с императором целесообразность

тех или иных запланированных короной акций, мог по согласованию с короной их модифицировать и выступать со встречными предложениями. Однако в условиях географической удаленности от «имперского ядра», все более возраставшей напряженности, особенно после организации Евангелической унии и Католической лиги, в его руки часто переходила инициатива переговоров с коллегами по корпорации. Эрцканцлер Империи все явственнее превращался во влиятельный и очень активный фактор, особенно в западном секторе Империи. Еще заметнее это проявилось после 1648 г., в эпоху, когда Майнцскую кафедру занимал энергичный Иоганн Филипп фон Шенборн (1647–1673).

Должностные обязанности, по традиции остававшиеся за коллегами курфюрста Майнцкого, не претерпели никаких изменений в раннее Новое время. Лишь только курфюрст Пфальцкий после Тридцатилетней войны вынужден был делить *викариатное право* с новоиспеченным курфюрстом Баварии. Собственно, сам имперский викариат и превращал курфюрстов Саксонии, Пфальца, а после 1648 г. и Баварии в ключевые фигуры Империи. Вплоть до выборов нового государя к ним как к викариям по соответствующим землям отходили имперские прерогативы раздавать церковные пребенды, жаловать имперскими ленами (кроме княжеских), возводить в дворянское достоинство и даровать титулы, узаконивать наследников. Правда, все эти акты нуждались в последующем утверждении нового императора.

Впрочем, гораздо более значимой стала их роль как главных представителей интересов имперских сословий после распада Рейхстага, в рамках курфюршеских съездов. Прямые и тесные контакты с престолом позволяли эффективно отстаивать свои интересы. С другой стороны, возрастала роль курфюрстов на уровне регионального управления — в имперских судебных округах, коль скоро им принадлежало руководство самими округами по наследственным землям, в них расположенным. Особенно это проявилось в годы Тридцатилетней войны: курфюрсты подкрепляли свои интересы не только материальными ресурсами собственных владений, но внушительной группой окружных сословий — сателлитов.

Рейхстаг. Как и в позднее Средневековье, Рейхстаг оставался ассамблеей сословной элиты, своеобразной витриной сословного общества Священной Империи.

XVI–XVII вв. не внесли новых акцентов в саму систему представительства: как и прежде, Рейхстаг выступал рупором элиты, его подчеркнута аристократичный профиль резко бросался в глаза

в сравнении с представительными органами других монархий. «Политическим институтом» в смысле государственного учения он не был и не мог быть, поскольку основывался на сословно-корпоративном фундаменте. Рейхстаг представлял Империю как совокупность ленников и не был некоей бюрократической инстанцией между короной и чинами. Он сам был Империей. Потому важно не упускать из виду его социальный состав, его практику как форума элиты: на Рейхстагах решали династические вопросы, готовили помолвки и брачные партии, справляли именины и дни рождения, охотились, обменивались слугами, обзаводились протекцией и связями. Он оставался местом общения и формой социальной жизни сословий.

Ядро ассамблеи формировали две курии, или скамьи: курфюрстов и имперских духовных и светских князей. На рубеже XV–XVI вв. постепенно сложилось и представительство имперских городов. Контуры городской и княжеской курии до поры до времени были достаточно размыты: многие городские общины целенаправленно стремились добиться представительства на Рейхстаге, выходя тем самым из-под контроля местной княжеской власти. Проблема представительства, таким образом, сильно зависела от расклада сил на уровне регионов. Быть занесенным в имперский матрикул, т. е. в число тех сословий, которые представляли себя на Рейхстаге, означало добиться и прямого имперского подданства. Споры шли и вокруг княжеского представительства: сильные территориальные государи не склонны были допускать на Рейхстаг своих соседей, ленное подданство которых постоянно оспаривалось. Особенно острым вопрос стал в первой половине XVI в., когда было введено налогообложение на войну с турками: способ уплаты подати, непосредственно в императорскую Казначейскую палату или опосредованно, через княжескую казну, стал и проверкой правомочности отдельных династий числиться в имперском матрикуле.

И все же в век Реформации Рейхстаг предстал в уже сложившейся форме с явно доминирующим княжеским ядром. Во главе курфюршейской скамьи стоял архиепископ Майнцкий. Работу *княжеской скамьи* возглавляли эрцгерцог Австрийский и архиепископ Зальцбургский. Курфюрст Майнцкий как эрцканцлер руководил всей работой форума. Созыв Рейхстага мог быть инициирован только короной, правда, с предварительного согласия курфюрстов, что было закреплено в выборной капитуляции 1519 г. С курфюрстами же обговаривались сроки и место проведения Рейхстага. Император формулировал также и во-

просы, выносимые на обсуждение: т. н. препозицию. Она, впрочем, могла варьироваться в зависимости от встречных пожеланий сословий.

Ход обсуждения соответствовал давней традиции куриальных дискуссий, в чем лучше всего воплощалось корпоративное начало. Предложенная императором тема обсуждалась сперва отдельно — в куриях курфюрстов и князей. При голосовании каждый князь имел столько голосов, сколько непосредственно имперских ленов представлял, а каждый прелат — сколькими имперскими духовными княжествами владел. Кроме того, у каждого был еще один голос как чина княжеской скамьи (*virilstimmen*). Во второй половине XVI в. в рамках княжеской курии сформировалось и представительство имперских графов. Они образовывали две скамьи: графов Швабии и Веттерау. Все они обладали голосами как имперские князья, а каждая скамья к тому же имела еще и коллективный «голос курии» (*kuriatstimme*).

За переговорами в куриях следовали дебаты между самими куриями. Городская скамья здесь находилась явно на вторых ролях, поскольку князья и курфюрсты могли и вовсе не ставить ее в известность о ходе дискуссии: она участвовала лишь на завершающем этапе, выражая свое мнение по предложенному проекту. Иногда окончательное решение принималось и без учета пожеланий городов. Мнение курфюрстов и князей оставалось решающим. Итоговый проект отправлялся императору или его уполномоченному. В случае если корона находила ответ чинов неудовлетворительным, она могла санкционировать продолжение дебатов. В любом случае решения Рейхстага вступали в силу только после согласия императора.

Как и в истории других имперских институтов, так и в истории Рейхстага видны серьезные перемены, вызванные бурной эпохой религиозных разногласий и конфликтов. Внешне история его распадается на два этапа: на первом с 1495 г. (т. е. с Вормских постановлений) до 1653–1654 гг. мы видим нерегулярные созывы с разной частотой по отдельным царствованиям. Всего насчитывалось 40–50 ассамблей, причем подавляющее большинство собиралось, особенно после 1555 г., в Аугсбурге или в Регенсбурге. На втором, когда были приняты знаменитые постановления о создании постоянного представительства, т. н. вечного Рейхстага, — с 1654 до 1806 г. — сословное представительство оседает в Регенсбурге. Здесь постоянно функционировал комитет сословий, который разбирает текущие дела. Исчезла тем самым необходимость постоянных созывов общих ассамблей. Таково было решение, разработанное в статьях Оснабрюкского договора, решение, направлен-

ное прежде всего на поддержание постоянного диалога с короной, дабы не допустить в будущем ослабления сословного полюса в напоминание о кризисе начала XVII в. Если на первом этапе по окончании работы каждого Рейхстага принимались отдельные «постановления», обретавшие по согласованию с короной силу имперского закона, то на втором исчезла сама почва для подобных постановлений. На смену им пришли т. н. имперские резолюции, скреплявшие вердикт сословного комитета и короны. Они лишь вкраплялись в непрерывную линию имперского законодательства и не выступали результатом отдельных актов сословно-императорского компромисса.

Более значимыми были внутренние перемены, вызванные Реформацией и ожесточенной борьбой двух, а позже (с учетом кальвинистов) и трех сословных группировок. Аугсбургское соглашение 1555 г. лишь оформило компромисс, но оставило все курии Рейхстага разобращенными по религиозным признакам. Только в середине века Рейхстагу удалось поправить положение: последовательное апеллирование к его мнению как к высшей переговорной инстанции Империи позволило курфюрстам и Габсбургам, особенно Фердинанду, еще раз сплотить имперские сословия. Кризис был временно преодолен.

Во второй половине XVI в. Рейхстаг постоянно выступал барометром стабильности Империи. Габсбурги сознательно поощряли его инициативу и охотно поддерживали переговорный процесс: и протестантам, и католикам было выгодно сотрудничество, соответствовавшее до поры их собственным интересам. Об этом говорит и необыкновенная плотность в работе форума: никогда он не созывался столь часто, как в правление Максимилиана II и Рудольфа II. В то же время сложность работы требовала серьезных подготовительных мероприятий, следствием чего стало распространение практики т. н. сословных комитетов — особых комиссий, выбиравшихся чинами для решения тех или иных вопросов. С ними сотрудничал престол, ключевые позиции в них играли по-прежнему курфюрсты.

Положение стало резко меняться к худшему на исходе века. С одной стороны, развал общеимперских органов, прежде всего Камерального суда, вроде бы позволял активизироваться именно Рейхстагу: часть сословий предлагала передать ему функции высшей судебной инстанции. Но, с другой стороны, в самом Рейхстаге зрел антагонизм между радикальными группировками католиков и протестантов во главе с Баварией и кальвинистским Пфальцем. Судебные полномочия Рейхстага оказались обусловлены все более слабым внутренним согласи-

ем. Протестанты всегда были в меньшинстве — и в курфюршеской, и в княжеской курии, что подталкивало их вождей к самым радикальным акциям. В 1608 г. ими был сорван очередной Рейхстаг в Регенсбурге. Вновь созванный в 1613 г. форум также не пришел к согласию и был распущен без принятия каких-либо постановлений. С тех пор до 1640 г. рейхстаги не собирались вовсе: отчасти их функции, как уже говорилось, отошли к курфюршеским съездам. Лишь перспектива полного хаоса в Империи и военного поражения побудила Габсбургов возобновить его деятельность: по сути переговоры в Мюнстере и Оснбарюке напоминали работу «распыленного» Рейхстага, в ней участвовали все непосредственные чины короны. Вестфальский мир узаконил постоянную деятельность сословного представительства. Но военные годы не прошли даром: именно тогда курфюрсты в полной мере смогли ощутить свою реальную мощь и влияние. Попытки княжеской курии ограничить их полномочия провалились, Рейхстаг вышел из войны с окрепшей курфюршеской олигархией.

Вместе с тем Оснабрюксий договор зафиксировал и новый механизм в разрешении религиозных вопросов. Теперь в случае возникновения споров, затрагивавших вопросы веры, прибегали к практике «раздела по частям» (*itio in partis*). Смысл заключался в том, что решение принималось не куриальным голосованием (протестанты по-прежнему были в меньшинстве), а делением на католическую и протестантскую половины форума. Протестантскую группу (*corpus evangelicorum*, включая кальвинистов) возглавлял курфюрст Саксонии, католические сословия (*corpus catholicorum*) — курфюрст Баварии. Обе части обязаны были договариваться друг с другом вплоть до «полюбовного соглашения» (*amicabilis compositio*). Такой механизм исключал острую конфронтацию, но предусматривал тяжелейший переговорный процесс. Впрочем, во многом страх перед хлопотными дебатами заставлял обе стороны воздерживаться от громких заявлений: на деле принцип *itio in partis* практически ни разу не был применен.

Имперский камеральный суд и судебные округа. Вормсский Рейхстаг 1495 г., провозгласив общеимперский мир, навсегда запретил межсословные распри и узаконил высший судебный орган Империи. Сословия уже давно добивались ее умиротворения, но боялись оказаться под жестким давлением короны и потому с начала XV в. стремились учредить независимую судебную инстанцию. Максимилиан I уже с конца 80-х гг. вынужден был вплотную заняться обсуждением этого вопроса. Император, как и чины, прекрасно осознавал необходимость в создании

суда, но он никак не хотел делиться прерогативами в пользу подданных. Князьям же важно было удалить будущее судебное присутствие от наследственных земель Габсбургов, сделать его подконтрольным сословиям. Итогом стал компромисс: летом 1495 г. по окончании Рейхстага император утвердил первый устав суда, в котором отразились пожелания и чинов, и короны. Отныне он именовался *Имперским камеральным судом* (*Reichskammergericht*, иногда в источниках: *Cammergericht*) в отличие от старого княжеского Камерального суда Габсбургов, названного так, поскольку он имел постоянное присутствие при особе государя, т. е. при его покоях. В октябре во Франкфурте Максимилиан лично открыл его работу, введя в должность судьи своего давнего друга франконца Эйтеля Фридриха фон Цоллерна. Так возник в сущности первый общеимперский институт, призванный обеспечить земский мир.

Однако скоро обнаружилась нехватка средств к содержанию нового детища, с условиями по этому поводу шли нескончаемые споры, и в 1499 г. работа суда была приостановлена. Лишь спустя годы, в 1507 г., Максимилиану удалось нормализовать его деятельность. Но продолжалось скитание по городам Империи: «посадить» суд в наследственных землях было нельзя, а пребывание его в любом другом городе Империи ложилось на город столь тяжким бременем, что пугало руководство общин. Так, по очереди эстафету прибежищ принимали Франкфурт, Вормс, Шпейер, Эссlingen. Лишь при Карле V в 1527 г. суд наконец обретет долгий покой в Шпейере. Там он оставался вплоть до 1689 г., когда чудовищные опустошения, учиненные французами в войне за Пфальцское наследство, вынудили вновь и в последний раз поменять пристанище: он перебрался в маленький гессенский городок Вецлар, где и оставался до 1806 г.

Аугсбургский Рейхстаг 1547–1548 гг. упорядочил его финансирование: впредь каждый имперский чин, занесенный в имперский матрикул, обязан был в два срока (на весеннюю и осеннюю франкфуртские ярмарки) уплачивать строго установленный взнос. В 1654 г. было принято решение собирать взносы сперва в отдельных округах и оттуда направлять имперскому сборщику налогов во Франкфурт-на-Майне.

Уже статьи первого уложения 1495 г. выдавали напряженное противостояние короны и регионов. Реальные полномочия возглавлявшего это учреждение *камерального судьи* были ограничены: судья не вел заседания и не выносил приговоры, он лишь открывал и закрывал сессии и надзирал за самим процессом, его функции были скорее пред-

ставительскими. В торжественных случаях он восседал под балдахином с геральдическими знаками Империи и сжимал в правой руке черный церемониальный жезл, врученный первому председателю еще самим Максимилианом в 1495 г. Настоящая работа ложилась на плечи 16 судебных заседателей, или *асессоров*. Они делились на две скамьи: «ученых» и «дворян». На первой сидели дипломированные юристы, лиценциаты или доктора, на второй — представители благородного сословия без дипломов, причем два заседателя должны были принадлежать к высшему дворянству, ибо замещали самого судью. Число их определялось не требованиями судопроизводства, а интересами сословий и короны. Каждый курфюрст имел право предлагать по одному асессору, к ним добавлялись кандидаты других имперских чинов, в то время как император выставлял лишь двоих — от имперской Бургундии и от наследственных австрийских земель. Введение в 1500 г. первых шести судебных округов с правом представительства от каждого округа вполне естественно превращало суд в форум сословных кандидатов: их было 14 из 16. К тому же сам судья, как было упомянуто, хотя и назначался короной, но имел чисто представительские полномочия. В 1555 г. число заседателей было увеличено до 24, за счет того что каждый судебный округ обязан был наряду с юристом послать и одного представителя от имперского рыцарства. Новое уложение 1654 г. еще раз расширило состав суда до 50 персон, из которых уже половина назначалась имперскими округами. Это говорило лишь о победе сословий, коль скоро сами округа формировали непосредственные имперские чины.

Ассесоры образовывали ядро, но сам суд обслуживал по тем временам внушительный аппарат чиновников. К их числу относились прежде всего *прокуроры* и *адвокаты*, трудившиеся над исследованием самих прецедентов и представлявшие интересы сторон в судебном состязании. На них ложилась вся черновая работа по подготовке собственно процессов. Отдельный штат был представлен *нотариусами*, обязанными вести корреспонденцию и регистрировать судебные постановления. Работа эта была весьма ответственна, поскольку в ходу была система исчерпывающих письменных реляций по каждому случаю, а кроме того, любое заявление сторон оформлялось в письменном виде и подлежало самостоятельному изучению. Все это требовало аккуратности в учете и хранении документов. При суде имелась и собственная канцелярия. Над ней надзирал архиепископ Майнцский в качестве эрцканцлера, повседневную же работу вели собственно канцлер и штат подчиненных ему секретарей. Главные их обязанности

заключались в ведении официальной корреспонденции с имперскими чинами и короной, а также в хранении архива Камерального суда.

Растущее число исков требовало внутренней реорганизации. На Аугсбургском рейхстаге 1530 г. было принято решение в связи с увеличением числа заседателей свести их в два сената во главе с самостоятельными председателями. Они выступали заместителями камерального судьи. В период успешного функционирования суда число самих сенатов порой увеличивалось до четырех. Но постановления 1654 г. окончательно узаконили двухпалатное учреждение.

Цель суда — защищать мир в землях Империи. Подразумевалось в первую очередь пресечение межсословных распрей и практики «кулачного права». Напрямую решением этих проблем занимались с 1500 г. судебные округа. Но практическая деятельность самого суда непосредственно касалась этой главной задачи. Суд обязан был рассматривать любые иски, так или иначе затрагивавшие интересы имперских чинов, если последние не находили разрешения на уровне территориальной юстиции. Иными словами, любой подданный имперского сословия, включая крестьян и горожан, имел право инициировать процесс. Непременным условием, правда, становилось вынесение вердикта судами нижних инстанций, с которыми не был согласен истец. Исключение делалось лишь для непосредственных подданных короны: они могли напрямую обращаться в имперский суд. Территориальные князья уже давно стремились создать судебный иммунитет для своих подданных, логика развития отдельных княжеств влекла формирование цельной судебной системы на уровне регионов, ограничившей возможность апелляции к «внешним» инстанциям. Текст Золотой буллы уже фиксировал за курфюрстами право запрета на апелляции для подданных — *privilegium non appellando*. Суду приходилось считаться с этим правом, но на деле при благосклонном молчании короны к производству принимались дела и от территорий с правом ограниченной апелляции.

Кроме того, Камеральный суд разрешал конфликты между равными по сословию — имперскими графами, имперскими духовными князьями и имперскими светскими князьями, а также занимался фискальными вопросами, связанными с различными правонарушениями в системе налогообложения. Принимались к рассмотрению и дела, затрагивавшие компетенцию местных судов и законодательства, как, например, в случаях, когда княжеская власть наносила, по мнению истцов, ущерб обычному праву и вводила всевозможные юридические новшества.

Несомненно, суд играл большую роль в системе отношений между короной и ее непосредственными ленниками. Довольно широкие полномочия создавали возможность вмешиваться в территориальную юстицию, тормозить рост княжеской власти. Императоры раннего Нового времени прекрасно видели выгоды, заключающиеся в судебных компетенциях. Хотя сословия и контролировали большинство мест, все же сама работа суда предполагала наличие единства, внутреннего согласия, профессиональной солидарности, обеспечивавших высокий авторитет. Даже в период нового витка напряженности в Империи на исходе XVI в. была опротестована лишь малая толика всех судебных постановлений.

Впрочем, и это учреждение не миновали испытания XVI–XVII вв. Реформация расколола корпус заседателей по религиозному признаку. Император Карл V пытался использовать ситуацию к своей выгоде, стремясь сохранить за католическими асессорами большинство мест и тем самым, правда, косвенно, повлиять на работу суда. Парадоксальным образом религиозная борьба создавала возможность сделать суд более зависимым от императора. Аугсбургские постановления 1555 г. провозгласили принцип паритета, но на деле среди асессоров всегда было больше католиков. Но источником настоящей беды стали отнюдь не внутренние разногласия. Решения Аугсбургского рейхстага предусматривали организацию т. н. *ревизионной комиссии*, которая должна была регулярно проверять работу суда. Лишь только после заключения комиссии судебные постановления подлежали исполнению. Сама комиссия состояла из имперских князей, наполовину из протестантов, наполовину из католиков. Деятельность ее протекала вполне безмятежно до тех пор, пока один из членов комиссии архиепископ Магдебургский, будучи лютеранином и сыном бранденбургского курфюрста, не отказался слагать с себя духовный сан католического прелата, что требовалось по условиям 1555 г. Возник громкий скандал, католики грозились бойкотировать сессии комиссии, тем же отвечали протестанты, в случае если архиепископ будет выведен из ее состава. Император Рудольф после долгих колебаний решил все же поддержать католических единоверцев, тем более это соответствовало букве имперского закона. В ответ протестанты привели в исполнение свои угрозы и комиссия перестала собираться. Работа суда оказалась фактически сорвана. Попытки реанимировать его или даже передать его компетенции особым комиссиям Рейхстага также провалились. Понадобилось почти полвека драматичных потрясений, прежде чем по окончании Тридцатилетней войны в 1654 г. деятельность суда была

возобновлена. Принятые тогда постановления гораздо тщательнее и осторожнее отнеслись к уязвимым религиозным пунктам.

Еще одним детищем максимилиановских реформ стало создание судебных округов. Современникам было ясно, что эффективность земского мира проистекала из лояльности регионов. Иными словами, будущее Империи зависело от стабильности на уровне территорий. В 1500 г. по обоюдному согласию сословий и короны территория Империи была поделена на шесть округов, к которым в 1512 г. добавилось еще четыре. Географически они охватывали большие исторические массивы. Северный сектор включал в себя территории Нижнесаксонского округа. В Центральной Германии располагались Верхнесаксонский и Франконский округа. На юге, охватывая наследственные земли Габсбургов, тянулись Бургундский, Швабский, Баварский и Австрийский, а западные земли, расположенные вдоль Рейна, были включены в состав Нижнерейнско-Вестфальского, Верхнерейнского и Рейнско-курфюршеского округов. Поначалу окружная система напрямую была связана с деятельностью имперского правительства, созданного при Максимилиане в 1500 г., но малоэффективного в силу крайней разобщенности интересов представленных в нем чинов. Первые округа еще не были судебными в полном смысле слова, а скорее выборными: от каждого должны были выбираться по одному представителю «от рыцарства, докторов и лиценциатов» для имперского правительства. С 1507 г. было решено выбирать в тех же округах и по одному представителю для имперского суда.

По мере того как идея и практика общеимперского правительства уходили в прошлое, все более весомой становилась роль округов как гарантов земского мира. Решающие перемены произошли в 1521–1522 гг., когда был принято новое уложение о порядке исполнения судебных постановлений имперского правительства. Округам был придан прочный институционный каркас, началась их история как собственно административно-судебных частей Империи. Дополнительным толчком стала и постоянная турецкая угроза. Округам надлежало быстро и эффективно принимать решения по запросам короны, которые касались в первую очередь формирования воинских контингентов и финансирования военных операций. Они становились своеобразными фискальными ячейками Империи.

Уже после Тридцатилетней войны округа окончательно легли в основу имперской военной организации, когда в 1681–1682 гг. при Леопольде I было принято первое военное законодательство в исто-

рии Империи. Оно предполагало формирование единой армии за счет окружных контингентов общей численностью в 40 тысяч мушкетов и сабель. Самый большой контингент, почти в 20 %, приходился на долю наследственных земель Габсбургов. Тогда же были созданы окружные военные кассы с самостоятельными бухгалтериями, обеспечивавшими генералитет и офицерский состав. Так, после долгих проб и экспериментов, тянувшихся от позднего Средневековья, сложился наконец механизм всеимперской мобилизации. Он дополнился на исходе века уже упомянутыми распоряжениями по наследственным землям. В итоге сложился двуединый военный организм войск наследственных земель и имперских сословий. При всех недостатках, громоздкости аппарата и недостаточной эффективности он оставался главной опорой во всех крупнейших испытаниях — от турецких войн Леопольда I до коалиционных войн Франца II.

Территория каждого округа в обязательном порядке охватывала владения одного или нескольких имперских князей. Центральным органом управления здесь становились *Окружные съезды (Kreisetag)*, представлявшие владельцев всех непосредственных имперских ленов. Съезды принимали решения по всем текущим вопросам и полномочны были выбирать окружное руководство. Каждый представленный чин обладал одним голосом. В качестве *окружных начальников (Kreiseoberst)* как правило, фигурировали и старшие по статусу имперские князья. Помимо них назначались также советники, представители собственно окружного начальника, канцелярия, управляющие кассой и архивом. В южных округах с пестрой мозаикой духовных и светских ленов часто избирались два руководителя — князь церкви и светский чин. Понятно, что состав съездов напрямую зависел от количества чинов округа: сравнительно малочисленные курии на севере резко контрастировали с многолюдьем южных съездов. Так, например, Швабский округ собирал на своих ассамблеях свыше 100 представителей, в то время как Франконский, Баварский и Нижнесаксонский — немногим более 20.

Структуры территориального управления Империей выдержали кризисы XVI–XVII вв. Они внесли свой вклад в поддержание единства обширных регионов и в целом выступили проводниками интересов короны. Разумеется, были сбои. В ходе Тридцатилетней войны региональное представительство зачастую выступало средством словесной оппозиции. Так, например, в 1625 г. потерявшие надежду на спасение от давления со стороны католического блока протестантские чины Нижнесаксонского округа избрали своим протектором короля

Дании и тем самым «вскрыли» Империю изнутри, впуслав в ее пределы иноземные войска. Позже подобные демарши предпринимались в Центральной Германии в годы шведского военного присутствия. Но медленное оздоровление правительственных институтов, наметившееся после возобновления работы Рейхстага в 1640 г., стало ощущаться и в округах. Уже накануне подписания Вестфальских трактатов энергично обсуждалась тема возобновления диалога между короной и регионами. Император прекрасно видел выгоды консолидации: округа по сути выступали единственным механизмом контроля над близкими и дальними частями Империи. Оснабрюкские статьи 1648 г. окончательно закрепили окружную систему. Габсбурги сохранили важнейший канал влияния на своих подданных.

Что мы видим в итоге? Империя уцелела в кризисах раннего Нового времени, она оставалась мощным фактором европейской истории. Огромную роль в сохранении внутреннего единства сыграли учреждения, созданные на исходе Средневековья. Они стали результатом осознанной необходимости, когда сложилась «патовая ситуация» (Ф. Пресс) в отношениях между сословиями и короной, когда обе стороны уже не могли добиться большего за счет друг друга. На рубеже веков был переброшен мост, связавший интересы Габсбургов и региональных сил. Достроенный и укрепленный в XVI в., он не рухнул под тяжкими ударами раскола и Тридцатилетней войны. Императору удалось приспособить правительственные структуры к менявшимся условиям. Империя не стала ближе к государственной модели XIX в., а наследственные земли Габсбургов не обрели государственной унификации Нового времени. Но Габсбурги смогли остаться «в Империи», не растеряв своего наследства.

В конечном счете перед нами — уникальность именно имперской модели: и статус императора, и придворные учреждения, и региональные структуры постоянно оставляли место для интересов и носителей высшей власти и сословий. Сохранялось пространство собственного созидания: территориальные силы могли укреплять собственный фундамент, но корона всегда обладала шансами вмешаться в региональную конъюнктуру. Так складывался баланс, умение учитывать интересы сторон. Культурное наследие Центральной Европы очень хорошо отразило этот парадоксальный дуализм: великолепие немецких резиденций не смогло затмить имперского блеска Вены.

Центральные органы управления в немецких территориальных государствах XVI в.¹⁷

XVI в. принадлежит важное место в развитии немецкой государственности. Историческое своеобразие Германии заключается в том, что это развитие происходило там на территориальном, а не на общенациональном уровне. Рост и упрочение территориальных государств в XVI в. в наибольшей степени выразились в интенсивном строительстве и институциональном оформлении органов государственного управления.

Источники и историография. С конца XV в. при дворах немецких территориальных государей в резко возрастающем количестве начинают издаваться уставы (*Ordnungen, Instructionen*) различных органов управления и должностей. Они охватывают двор территориального государя, Придворный совет, канцелярию, финансовое ведомство, Духовный совет, местные административные органы. Примечательно, что на первых порах нормотворческие акты в большинстве случаев издавались в составе Придворных уставов (см. издания А. Kern, М. Hass¹⁸). Со временем в ходе дифференциации сфер управления уставы стали издаваться отдельно для каждого специализированного органа: судебно-административного, финансового, духовного. Отдельную большую группу источников составляют церковные уставы протестантских княжеств, изданные в многотомной

---

¹⁷ Работа выполнена при поддержке РАН в рамках программы фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук «Власть и общество в истории».

¹⁸ Здесь и далее при названии имен авторов см. список литературы в конце книги.

серии, основанной Эмилем Зелингом. Уставы часто переиздавались и дополнялись. Благодаря уставам органы управления приобретают нормативное регулирование, установленные правила функционирования сообщают им устойчивость, определенность и в конечном итоге жизнеспособность.

Интерес немецких исследователей к истории государственного управления (*Verfassungs und Verwaltungsgeschichte*) территориальных государств, особенно Бранденбурга-Пруссии, заметно усилился начиная с последней трети XIX в., выразившись в ряде крупных публикаций и обзорных работ (*S. Isaacsohn, M. J. Neudegger, M. Mayer, M. Hass*). Такие крупные историки государства, как *O. Hintze* и его ученик *F. Hartung*, стремились рассматривать историю институтов управления не как вспомогательную дисциплину государственного права, но в тесной связи с социально-экономическими процессами эпохи. В 1930-х гг. появились первые монографические исследования по истории органов управления отдельных территориальных государств (*F. Gundlach, I. Kothe*).

Число специальных исследований об управленческих институтах территориальных государств резко увеличилось после Второй мировой войны, когда территориальные государства начали рассматриваться как истоки современного немецкого федерализма. Отличительной чертой исследований неизменно оставались в высшей степени характерные для немецкой исторической школы широкий охват и основательность проработки источников (*W. Ohnsorge, K. Blaschke*).

Исследования последних десятилетий отмечены новыми проблемными подходами. Через призму истории управления рассматриваются вопросы развития и социальной мобильности отдельных общественных и профессиональных слоев (*M. Lanzinner, G. Franz*), объектом пристального анализа с привлечением просопографического метода исследования становятся управленческие элиты (*W. Berhardt, H. Noflatscher*), углубленно исследуются отдельные сферы управления (*U. Schirmer*) и влияние конфессионального своеобразия на развитие органов управления (*V. Press*). Тем не менее историкам остается еще большое поле для приложения их сил, лежащее в сфере привлечения новых пластов рукописных источников и обобщающего сравнительно-исторического метода.

Двор территориального государя и придворные должности.
Строительство органов управления территориальных государств про-

исходило в рамках княжеского двора, который представлял собой сложившийся в эпоху Средневековья вокруг личности государя властный и представительский центр, организационно представленный ответственными должностями, службами, определенными механизмами принятия решений. В XVI в. территориальный государь и его двор, в предыдущие века странствовавшие от одного замка к другому, окончательно приобретают оседлость. Во всех княжествах складываются резиденции как постоянное местопребывание государя (*wesentlicher Sitz*) и его двора, например: Мюнхен — в герцогстве Баварском, Кёльн на Шпрее (часть современного Берлина) — в курфюршестве Бранденбургском, Штуттгарт — в герцогстве Вюртембергском, Дрезден — в герцогстве (с 1547 г. — курфюршестве) Саксонском.

Концентрация территориальной власти в одном постоянном центре существенно способствовала организации институтов управления и росту самого двора. В самом деле, в течение XVI в. численность двора немецких государей лавинообразно увеличивается: например, двор Виттельсбахов в Мюнхене, насчитывавший в 1508 г. 162 человека, увеличился к 1591 г. до 700 человек, двор курфюрста Бранденбургского в Кёльне на Шпрее достигал в середине XVI в. 450 человек.

Лица, служившие и в значительной степени жившие при дворе, можно подразделить на две категории. К первой относились собственно придворные (*Hofstaat*), лица дворянского происхождения, в том числе из родовитого дворянства, осуществлявшие рыцарскую службу своему государю и составлявшие его двор и свиту. В источниках они называются *Diener, adliges Hofgesinde, Gesellicht* или собирательно: *Grafen, Herren, Adel*. Во вторую категорию входили собственно служащие, занятые регулярной работой в сферах управления княжеством. Кроме этого, при любом дворе находилось большое число придворной челяди (*Hofgesinde, gemeines Hofgesinde, Mägde und Knechte*), работавшей в бесчисленных технических службах, обеспечивавших жизнедеятельность двора.

Между собственно придворными и служащими управления княжеством не было четкого разделения, как не были еще разделены и сами сферы придворного и государственного управления: высшие должностные лица двора одновременно могли быть заняты в органах управления всем княжеством.

Двор территориального государя имел строгую иерархическую структуру, его должности сформировались в эпоху Средневековья по образцу императорского двора, ключевыми из них, как известно,

традиционно были четыре главные должности: *маршал* (*Marschall*, *Marschalk*), *камерарий* (*Kämmerer*), *стольник* (*Truchseß*), *кравчий* (*Schenk*, *Mundschenk*). В XVI в. при немецких дворах продолжали существовать должности со всеми четырьмя перечисленными названиями. Однако реальное содержание каждой из них уже сильно отличалось от первоначального.

Со второй половины XIII в. при немецких дворах возникает должность *гофмейстера*, который отвечал за порядок при дворе, председательствовал в придворном суде, возглавлял все придворное хозяйство. К середине XV в. гофмейстер становится главным придворным должностным лицом. Его задачи слишком велики, поэтому нередко они распределяются между несколькими лицами, так появляются верховный гофмейстер (*Oberster Hofmeister*), земский гофмейстер (*Landhofmeister*), осуществлявший связь с сословиями, гофмейстер государя, гофмейстер государыни, гофмейстер принцев.

В XVI в. на первое место при некоторых дворах снова выдвигается должность маршала (герцогство Саксонское, ландграфство Гессенское, курфюршество Бранденбургское), в других же главным должностным лицом двора продолжает оставаться гофмейстер (герцогство Баварское, герцогство Вюртембергское, курфюршество Пфальцское).

Представление о деятельности носителя высшей придворной должности — в данном случае *маршала* — дает Устав двора курфюрста Бранденбургского Иоахима II от 1537 г. Мы видим, как далеко отстоит эта деятельность от первоначальных задач маршала, некогда пекшегося главным образом о вооружении и лошадях, свите своего господина и военных походах. В XVI в. маршал курфюрста Бранденбургского является главным администратором двора в Кёльне на Шпрее.

В его руках находится полицейская власть при дворе, он разбирает все проблемы придворных, пресекает и разбирает их стычки, задерживая зачинщиков. Маршал взимает штрафы за нарушение придворного устава, в том числе за уклонение от службы, которая предполагала и участие придворных в церковных службах, общих трапезах, ожидании выхода курфюрста и т. д.

Маршал осуществляет надзор за конюшней, действуя через маршала по фуражу (*Futtermarschalch*). Здесь не только дань традиции, но и отражение того обстоятельства, что лошади продолжали оставаться важнейшим элементом жизнеобеспечения двора. По числу лошадей придворные и служащие подразделялись на одно-, двух-,

трехлошадников (*Ein-, Zwei-, Dreirosser*) и т. д. Количество лошадей определяло важность должности.

В ведении маршала находилась и самая трудоемкая, хлопотная и затратная сфера деятельности любого двора: подготовка и проведение ежедневных трапез с несколькими сотнями участников. Маршал проверяет чистоту и качество пищи, он распределяет придворных по столам в порядке, соответствующем их сословному и должностному статусу. Маршал ударом своего посоха дает знак к началу трапезы. Он контролирует, чтобы к столу не допускались посторонние, чтобы пища не выносилась, ежедневно проверяет счета кухни, винных погребов и т. д. Маршал опирался на поддержку домового гофмейстера (*Haushofmeister*) и домового фогта (*Hausvogt*) и многочисленной челяди.

Наряду с управлением двора маршал принимал самое активное участие в государственных делах: принимал послов, вел переговоры, возглавлял дипломатические миссии. Маршал занимал ведущее положение среди советников и следил за их работой, он докладывал на аудиенциях курфюрсту проекты решений совета. Выдающимся маршалом курфюрстов Бранденбургских в 1530–1540 гг. был Адам фон Тротт, прославившийся как умелый дипломат, например, в переговорах со Шмалькальденским союзом, где курфюрсты Бранденбургские занимали примирительную позицию между протестантскими князьями и императором. Адам фон Тротт обладал и качествами маршала в первоначальном смысле: он лично возглавлял войско курфюрста в венгерском походе 1542 г.

В тех территориальных государствах, где высшим должностным лицом двора был *гофмейстер*, его функции примерно соответствовали описанным выше задачам деятельности маршала при дворе курфюрстов Бранденбургских. В этом случае маршал был помощником и заместителем гофмейстера. В резиденциях, где положение гофмейстера было второстепенным, его должность в течение XVI в. продолжала терять свое значение: очень часто гофмейстерам поручалась организация воспитания и образования детей государя, например, при дворе курфюрстов Бранденбургских и Веймарском дворе герцогов Саксонских.

Должность *камерария* в ее традиционном значении практически исчезает при территориальных дворах XVI в. Аналогичным немецким понятием *Kämmerer/Kammermeister* обозначаются теперь должности служащих структур финансового управления, притом замещавшиеся почти всегда лицами недворянского происхождения. Наряду с этим корень *Kammer* присутствует и в названиях

ряда должностей, носители которых осуществляли свою службу в покоях государя (*Kammer, Gemach*). Речь идет о доверенных советниках, личных секретарях, пажах государя (*Kämmerer, Kammererrat, Kammersekretär, Kammerknabe*).

Такие придворные должности, как *стольник (Truchseß)*, *кравчий (Schenk)*, *предстоятель кухни (Küchenmeister)*, *конюший (Stallmeister)*, *охотничий (Jägermeister)*, *привратник (Türknecht)*, в XVI в. встречаются повсюду при немецких дворах. Однако они почти всегда носят характер почетной службы, их носители исполняли соответствующие символические действия в придворных церемониальных актах. Эти должности поэтому часто превращались в наследственные, а их названия становились составной частью имени. Действительную же службу по обслуживанию стола государя, его погребов, кухни, конюшни, охоты и внутренних покоев несли нетитулованные слуги.

Хотя местом, где возникли институты центрального управления, был двор территориального государя, свое происхождение они ведут не от главных придворных должностей. Зародыши учреждений по управлению страной находились в княжеском совете и канцелярии.

Центральный судебно-административный орган: Совет территориального государя. Начиная с XII–XIII вв. в немецких грамотах уже упоминаются советники (*consilarii*), влиятельные лица из земского дворянства или министралов, собиравшиеся от случая к случаю и служившие князю советом, исполнением поручений, участием в княжеском суде. Превращение Совета в постоянный орган управления относится к концу XV в. Тогда уже различались советники, постоянно пребывающие в княжеской резиденции (*wesentliche Räte, tägliche Räte*), и советники, вызываемые по необходимости (*Räte von Haus aus*). В источниках встречаются следующие названия этого органа: Совет (*Rat*), Придворный совет (*Hofrat*), Княжеский совет (*fürstlicher Rat*), Верховный совет (*Oberrat*) и Правление (*Regiment*), Правительство (*Regierung*), Правительство страны (*Landesregierung*).

Ранее всего Совет сложился в Австрии. В 1490 г. эрцгерцог Максимилиан основал коллегиальное правительство в Тироле (*Regiment*). В 1497 г., уже как германский император, он в рамках имперских реформ создает *Придворный совет (Hofrat/Hofregiment)*, который предназначался как для дел империи, так и для австрийских наследственных земель и имел успех преимущественно именно в отношении последних. Опыт Максимилиана получил важное значение как

образец для других немецких территориальных государств. Так, под его прямым влиянием в 1499 г. был издан Устав Придворного совета курфюрста Саксонского Фридриха Мудрого, который перед этим долгое время находился при императорском дворе. Коллегия советников как центральный институт управления в ландграфстве Гессен была организована в 1522 г. по саксонскому образцу и весь XVI в. официально называлась *Statthalter, Kanzler und Räte*. Австрийское влияние прослеживается и в герцогстве Вюртембергском, где в период оккупации Габсбургами (1520–1534) австрийская администрация создала центральный орган управления (*Regierung*), принципы которого герцог Кристоф сохранил в созданном им в 1553 г. Верховном совете. Институциональное оформление Придворного совета в герцогстве Баварском относится только к 1551 г., хотя упоминание о советниках герцога часто встречается в источниках и прежде. Правила работы придворных советников содержит и Устав двора курфюрста Бранденбургского Иоахима II от 1537 г. Примеры можно было бы продолжить — Совет как центральный орган управления в XVI в. был создан во всех территориальных княжествах.

Несмотря на некоторые местные особенности, деятельность Совета как центрального судебно-административного органа, организация и принципы его работы повсюду очень схожи. Это объясняется общим образцом для устава Совета, интенсивными контактами между дворами территориальных государств, не в последнюю очередь через переходивших на службу от одного князя к другому ученых юристов. Важным было и то, что везде создание центральных органов управления имело одну и ту же цель: укрепление власти государя.

В XVI в. управленческая функция власти еще не мыслилась отдельно от судебной. Для территориального государя управлять — это значило вершить суд. Поэтому его Совет или Правительство прежде всего были судебным органом. Придворные уставы определяют эту задачу Совета как «дела партий (*partheien, parteisachen*)». Правда, во всех крупных территориальных государствах с конца XV в. уже существовали верховные суды (*Hofgericht, Oberhofgericht, Kammergericht*), созданные вследствие получения от императора привилегии судебного иммунитета. Совет не подменял Верховный суд княжества, в совете разбирались в основном прошения, жалобы и некоторые спорные дела. Причем целью советников было примирить конфликтующие стороны, свести дело к мировому соглашению, компромиссу.

Административные задачи касались дел княжеского правления. В бранденбургском Уставе 1537 г. Иоахим II называет их «наши дела (*unsere sachen*)». Имеются в виду: территориальное законодательство, выдача привилегий и пожалований, ленные дела, надзорно-распорядительная деятельность в отношении органов местного управления — амтов.

Члены Совета назначались лично государем, их число в XVI в. постоянно растет. Так, Совет баварского герцога в середине века состоял из 17 советников, в конце века их было уже 42. Советники делились по образцу имперского суда на заседателей рыцарской скамьи (*Ritterbank*), из дворянского сословия и на заседателей ученой скамьи (*Gelehrte Bank*), докторов и лиценциатов права. В последней группе повсюду решительно преобладали служащие бюргерского происхождения. Именно они составляли элиту управления в XVI в. Некоторые из них учились в итальянских университетах, в основном в Болонье и Падуе, но большинство получали образование на родине. Не случайно в этот период многие территориальные государи основывают собственные университеты, ставшие кузницей кадров для органов управления: Ингольштадт/Бавария — 1472 г., Виттенберг/Саксония — 1502 г., Франкфурт-на-Одере/Бранденбург — 1505 г., Марбург/Гессен — 1527 г.

Председателем Совета был либо высший чиновник двора, маршал или ландгофмейстер, последний, например, в Баварии и Вюртемберге, либо канцлер, как в Саксонии (Альбертинская линия), Гессене, Бранденбурге.

Канцлер был руководителем канцелярии и ключевой фигурой во всем управлении. Он надзирал не только за работой канцелярии, но и за службой советников, докладывал государю на аудиенциях о важных делах, по менее значительным принимал решения сам. Канцлер подавал государю на подпись и заверял документы. Исторически должность канцлера развилась из должности главного писца канцелярии (*protonotarius*), хранителя печати. Известным атрибутом канцлера был перстень-печатка государя, который он носил на цепочке вокруг шеи. С этим атрибутом изображены, например, все бранденбургские канцлеры XVI в. на дошедших до нашего времени портретах. Канцлеры должны были «верно и только по повелению государя употреблять его печать и печатку». Важно подчеркнуть, что на протяжении всего XVI в. пост канцлера в Саксонии (Альбертинская линия), Бранденбурге и Вюртемберге занимали лица исключи-

тельно бюргерского происхождения с университетским образованием. Компетентность и профессионализм становились для государя важнее, чем родовитость.

Канцлер участвовал во всех важных переговорах с сословиями внутри страны, нередко его посылали для важных миссий за границу или он сопровождал в поездках государя. Как правило, канцлеры определяли политику государства, были причастны ко всем значительным политическим решениям. К таким относились, например, Симон Фадей Экк (*Simon Thaddäus Eck*), канцлер баварский с 1559 по 1574 г. или Ламперт Дистельмейер (*Lampert Distelmeier*), канцлер курфюрстов Бранденбургских с 1558 по 1588 г. Когда канцлер всецело посвящал себя делам «высокой политики», для непосредственного руководства канцелярией вводился пост вице-канцлера.

В уставах и инструкциях даются четкие рамки деятельности Совета. Он собирается по будним дням ежедневно. Рабочий день советников почти везде начинается ранним утром, с шести утра — летом и с семи утра — зимой, продолжается до обеда в 10 часов и возобновляется после обеда на срок, который потребуют дела, вплоть до 16–17 часов. Пропускать часы службы запрещается под угрозой штрафа.

Придворный совет действовал как коллегиальный орган, что не только давало возможность обсуждать вопросы разносторонне, но и препятствовало сосредоточению власти в одних руках. Председатель Совета вел заседания и следил за порядком работы. Статьи уставов и инструкций регламентируют работу советников во время заседаний совета. За докладом по обсуждаемому вопросу (*Proposition*), который мог сопровождаться содокладом другого члена Совета (*Relation*), следовало обсуждение. В обязательном порядке и поочередно опрашивалось мнение всех без исключения советников, нельзя было перебивать говорящих, повторять уже сказанное. Не допускались перепалки и стычки во время дискуссий. Говорить нужно было коротко, внятно и только по делу. Решения принимались большинством голосов, в важных и сложных вопросах запрашивалось мнение государя. В XVI в. государь сам уже редко присутствовал на заседаниях Совета, отделение его личности от рутины каждодневных дел Совета свидетельствовало о процессе бюрократизации в сферах управления.

Характерно, что некоторые уставы содержат признаки специализации внутри Совета. Инструкция Совету баварского герцогства от 1551 г. содержит требование без нужды не загружать ученых советников простыми делами, дабы они могли сосредоточиться на делах

большой важности и спорных (*gross wichtig und zweifelnlich*). Ученым советникам, в свою очередь, поручается заранее прорабатывать сложные вопросы по сводам права и докладывать Совету при рассмотрении дела в особой реляции.

Канцелярия. В заседаниях Совета принимали участие секретари и писцы, они вели протоколы заседаний и записывали решение. По баварскому Уставу Придворного совета 1573 г. на заседании полагалось быть по меньшей мере двум секретарям и одному писцу. Исторически Канцелярия являлась тем учреждением, где ранее всего стали работать профессионалы и на регулярной основе, в этом смысле она справедливо считается зародышем всей системы управления территориального государства. Канцелярия работает в те же часы, что и советники, в ней на основании решений совета не только изготавливаются, но и копируются в особые регистры все документы: привилегии, подтверждения, закладные, продажи, договоры с условиями, письма и т. д. Персонал Канцелярии (*Kanzleiverwandte*) состоит из секретарей, писцов, регистраторов, посыльного и канцелярской прислуги. После канцлера в Канцелярии на первый план выдвигаются секретари, их значение неуклонно увеличивается. Каждый из секретарей ведет определенный, строго очерченный участок работы Канцелярии, распределяя задания по переписке между писцами. Так, по Канцелярскому уставу курфюршества Саксонского от 1547 г. из пяти секретарей каждый должен вести документацию одного определенного административного округа курфюршества, специальный секретарь назначался и для оформления ленных дел.

Поскольку в Канцелярии хранились важные документы, ее дверь всегда должна была быть закрытой для посторонних, никому без разрешения государя или канцлера не разрешается смотреть в регистрах привилегий и других документов, делать оттуда выписки или вносить туда собственные записи. Все советники, входящие в Канцелярию, должны оставлять своих личных слуг за ее пределами. Ночью несколько слуг или молодых писцов должны были ночевать в канцелярии и сторожить ее.

Роль территориального государя в управлении. Тайный совет. Отмечая большое значение создания коллегиального судебно-административного органа управления, исследователи предостерегают от переоценки его роли как института власти (M. Klinkenborg, G. Oestreich, K. Dülfer). Хотя Придворный совет самостоятельно выполнял большое количество каждодневной рутинной работы, вне

его компетенции оставались принципиальные решения финансовой и церковной политики, внешняя и династическая политика. По этим вопросам, которые по терминологии XVI в. назывались «тайными делами», территориальный государь принимал решения сам, предварительно обсудив их в кругу лично подобранных доверенных и компетентных советников. Подобный способ правления известный немецкий историк G. Oestreich назвал «личным правлением немецких князей (*das persönliche Regiment der deutschen Fürsten*)» и считал его типичной формой правления в XVI в.

Постепенно формируются структуры и должности властного центра вокруг государя, их обозначения содержат слово *Kammer* (покои, палата государя): Личная канцелярия государя (*Kammer-Kanzlei*), доверенные советники (*Kämmerer, Kammerräte*), личные секретари (*Kammer-Sekretäre*), писцы Личной канцелярии (*Kammer-Schreiber*). Сюда поступает конфиденциальная почта государя, здесь составляются важнейшие документы. Особый вес и влияние на политику приобретают каммер-секретари, например Франц Курц (*Franz Kurtz*), многолетний каммер-секретарь герцога Кристофа Вюртембергского (1550–1568) или Симон Бинг (*Simon Bing*), которого называли «пером» Филиппа, ландграфа Гессенского (1518–1567). Властный центр вокруг государя, позже названный Тайным советом, первоначально имел размытую структуру, неопределенный график заседаний (собирались по мере надобности), протоколы велись не всегда, сфера деятельности была нечеткой, что нередко приводило к вмешательству в компетенцию других управленческих структур и неразберихе.

Начало институционального оформления Тайного совета в немецких княжествах относится к последней трети XVI в., но заметно раньше он был образован при дворе Габсбургов (1527), затем следовали курфюршество Саксонское (1574), Бавария (1582), курфюршество Бранденбургское (1604). В придворной иерархии Тайный совет стоял выше всех других структур управления, и его указания были обязательны к исполнению. Развитие этого института было выражением растущей единоличной власти государя, на его заседаниях князь мог быть свободен от влияния сословий и действий коллегиальной солидарности Придворного совета или финансовых служащих.

Повсеместное распространение Тайного совета в структурах управления относилось к XVII–XVIII вв. и отражало развитие абсолютизма в немецких территориальных государствах. Тайный совет получает всю полноту политических и административных задач, именно

он явился тем институтом, из которого затем развились система современного управления в форме специализированных министерств.

Центральные финансовые органы. Названия центральных органов управления финансами также имеют в своем составе слово *Kammer*, связанное в данном случае с понятием *camera* (лат.), *chamara* (древненем.) — помещение в покоях князя, часто со сводами, в котором хранились особенно ценные вещи: дорогое оружие, драгоценные украшения, наличные деньги в золотых и серебрянных монетах и т. п. Название *Kammer*, применительно к институтам финансового управления XVI в. — Казначейская палата, в различных территориальных государствах получало разную стилистическую окраску: *Kammerkollegium* (Коллегиум казначейской палаты), *Raitkammer* (Счетная палата), *Schatzkammer* (Сокровищница), *Hofkammer* (Придворная казначейская палата), *Kammerrat* (Совет казначейской палаты), *Rentkammer* (Казначейская палата).

До XVI в. задачей принимать и записывать доходы с имений княжеского домена, княжеских регалий, различных сборов обладал служащий, который обычно назывался казначей (*Rentmeister*, от *Rentei* — казна), казначей страны (*Landrentmeister*) или писец страны (*Landschreiber*). Право отдавать распоряжения о расходовании средств из казны княжества имел либо сам государь, либо высший чин двора и Княжеского совета (гофмейстер/маршал). Во второй половине XV в. в дополнение к названным получает распространение должность камермейстера, которую занимают лица преимущественно бюргерского происхождения. Камермейстер вплоть до первой половины XVI в. единолично ведал княжеской казной, проверял счета местных органов управления. В его подчинении было несколько младших служащих, в том числе один-два писца. Все они занимались главным образом ведением счетов, не участвуя в консультациях и принятии решений финансово-политического характера. Последние происходили в кругу советников государя.

Такое примитивное управление финансами уже не соответствовало потребностям укрепляющихся территориальных государств. Рост и утверждение территориальной власти требовали дополнительных громадных расходов на строительство органов управления и оплату служащих, на представительские расходы, включая содержание двора и строительство резиденций, наконец, на наем и содержание пешего войска, существовать без которого в век религиозных военных союзов в Германии и турецкой опасности было немыслимым для

всякого сколько-нибудь значительного княжества. Создание центральных финансовых органов в XVI в. было попыткой ответить на новые вызовы времени.

Создание центральных финансовых органов происходит в рамках процесса дифференциации функций управления. Из членов Придворного совета выделяются советники для исполнения специальных задач финансового управления. Передовыми здесь опять были Габсбурги. В начале 1498 г. император Максимилиан основывает Придворную казначейскую палату (*Hofkammer*) как центральный финансовый орган для империи и австрийских наследственных земель: «Чтобы всякое время все доходы наши и расходы отменно знать». В 1527 г. эрцгерцог Фердинанд заново создает Придворную казначейскую палату для наследственных австрийских земель. Это был коллегиальный орган во главе с председателем, несколькими камеральными советниками, кассиром и секретарями, наделенный контрольными и даже плановыми функциями. В герцогстве Саксонском все финансовые службы были объединены в Казначейскую палату (*Rentkammer*) в 1524 г. В герцогстве Вюртембергском коллегиальный институт управления финансами — Казначейская палата (*Rentkammer*) — сформировался под австрийским влиянием во время оккупации Габсбургов (1520–1534) и свое окончательное оформление получил в 1553 г. Тенденция к выделению финансового органа управления наблюдается и в ландграфстве Гессенском с появлением в 1530-е гг. в Совете государя камеральных советников; в полной мере финансовое ведомство (*Rentkammer*) сложилось здесь в 1568 г. В Баварии герцог Альбрехт V издает Инструкцию к созданию Совета казначейской палаты (*Kammerrat*) в 1550 г. Напротив, в курфюршестве Бранденбургском финансовые функции управления в XVI в. еще не сосредоточены в самостоятельном коллегиальном органе. Устав двора курфюрста Иоахима II от 1537 г. содержит информацию лишь о казначее (*Rentmeister*), который получает и регистрирует все денежные поступления, организует проверки домениальных владений курфюрста и обращается за указаниями к советникам курфюрста.

Задачей Казначейской палаты было охватить своим надзором все сельскохозяйственные имения и лесные угодья княжеского домена, локальные хозяйственные органы и административные службы, через которые в казну поступают доходы от различных княжеских регалий и монополий: таможенной, горной, соляной, пивной, а также подотчетных князю налогов, выплат различных денежных обязательств,

долгов и т. д. Казначейская палата проводила регулярные проверки счетов подотчетных хозяйств и служб, через нее в кассу территориального государства стекались все денежные доходы и контролировалось поступление натуральных сборов, в первую очередь для снабжения двора. Казначейская палата вела выплату жалованья служащим, совершала платежи по всем государственным нуждам и долгам государя.

Численность Казначейской палаты в XVI в. была сравнительно невелика. Так, в Австрии в 1527 г. этот орган состоял из пяти членов: казначея (председатель), двух камеральных советников, двух кассиров, которым были приданы несколько секретарей. В герцогстве Вюртембергском в 1545–1546 гг. Казначейская палата насчитывала восемь сотрудников: камермейстера (председатель), шесть камеральных советников, одного бухгалтера; в их подчинении были один секретарь и четыре писца. Число членов Совета казначейской палаты в герцогстве Баварском во второй половине XVI в. колебалось от четырех до шести, не считая секретарей и писцов. Среди служащих Казначейской палаты еще более, чем в Придворном совете, доминирует бюргерский элемент, что, в сущности, представляется вполне естественным, ибо профессиональные качества, требовавшиеся в работе с финансами, соответствовали умениям бюргерства, а не дворянства.

В сфере управления финансами с наибольшей яркостью проступает и проблема отношений территориального государя с земскими сословиями, в XVI в. еще претендовавшими на существенное влияние в финансовой политике. Именно тогда совершается переход от финансирования государства и двора из средств княжеского домена и регалий к финансированию преимущественно из налогов, которые вотировали сословия, обсуждая и принимая соответствующие решения на земских сословных собраниях (*Landtage*). При этом во многих княжествах сословия брали сбор налогов и контроль за расходованием налоговых средств в собственные руки, основывая независимые сословные органы по сбору и управлению налогами, например Кредитный фонд (*Kreditwerk*) в курфюршестве Бранденбургском или Сословная касса (*Landschaftskasse*) в герцогстве Вюртембергском.

Сословия повсеместно приветствовали создание центральных органов государственного финансового управления, небезосновательно видя в них орудия борьбы с безхозяйственностью и расточительностью государя. Князья, со своей стороны, старались ограничить влияние сословий на финансовую политику, предпочитая иметь

в Казначейской палате специалистов, не интегрированных в сословные связи земского дворянства. В большинстве княжеств территориальная власть в течение XVI в. постепенно приобретает контроль над сословиями и утверждение налогов становится рутинной.

Казначейская палата повсюду работала на постоянной основе в те же часы, что и судебно-административный совет государя. Она была коллегиальным органом. Заседания велись под председательством главы палаты — каммермейстера или президента, причем опрос мнений часто велся не по чинам, как в Совете государя, но первыми просили высказываться специалистов, обладающих знаниями и опытом по обсуждаемому вопросу. Решения (*Decreta cameralia*) принимались большинством голосов и обязательно протоколировались. В инструкции 1572 г. баварской Казначейской палате встречается упоминание о кворуме: для принятия решения требовалось присутствие не менее 50 % членов палаты. Наблюдается специализация сотрудников: из пяти членов баварской Казначейской палаты, не считая председателя, трое должны были заниматься текущими делами по управлению герцогскими имениями и денежными средствами, а двое — внешнеэкономическими связями и особыми поручениями. Кое-где финансовые органы включали в себя «счетные скамьи (*Rechenbänke*)» со служащими, занимавшимися исключительно проверкой счетов подведомственных учреждений.

Наряду с писцами, ведшими учет поступлений средств (*Kammerschreiber*), в финансовых органах повсюду имелся также так называемый писец от противного (*Gegenschreiber*), фиксировавший расходы и тем самым исполнявший функции контроля. В некоторых государствах, например в Австрии, перед Казначейской палатой ставилась и задача составлять смету ожидаемых на следующий год доходов и расходов, что являлось первыми попытками подготовки бюджета и вместе с тем своеобразным анализом с целью найти возможности увеличения доходов. Во второй половине XVI в. в финансовых органах многих территориальных государств появляется должность каммер-прокуратора — ученого юриста для правового обеспечения интересов домена и регалий государя, сопровождения имущественных сделок, ведения спорных дел, наказания за злоупотребления служащих.

Кардинальной задачей Казначейской палаты было хозяйственное управление местными органами, различными хозяйственно-административными единицами территориальной власти, проверка счетов их деятельности, разбор поданных на них жалоб. В процессе

дифференциации функций хозяйственного управления в XVI в. в центральных органах появляются специальные служащие, курирующие амты. Так, в 1577 г. при дворе курфюрста Бранденбургского назначается советник по амтам (*Amtsrat*), заведующий всем домениальным хозяйством; это начинание стало ядром, из которого несколько позже возник орган управления амтами (*Amtskammer*).

Местные органы возникли некогда как опорные пункты княжеской власти на базе домениальных владений, они взимали доходы домена в денежном выражении, в виде натуральных податей и отработок, расширяя свое влияние в процессе роста территориального господства князя. Помимо фискальной местные органы управления осуществляли низшую судебную и полицейскую власть. Они вершили суд первой инстанции, контролировали заработную плату и цены, меры и вес, следили за соблюдением спокойствия и порядка. В XVI в. области, подотчетные территориальной власти, еще часто перемежались обладавшими правами иммунитета землями церкви, дворянства и городов.

Для германских территориальных государств характерна пестрота и разнообразие в названиях местных органов управления. Наиболее часто встречающееся, почти универсальное название — это *Amt* (дословно: служба, управление), *Pflege* (дословно: попечение, надзор) или *Gericht* (суд). Соответственно главу или служащего органа локальной власти называли *Amtmann*, *Pfleger* или *Richter*, иногда также *Hauptmann* или *Vogt*. Некоторые другие названия подобных должностей отражают их исторически сложившиеся специальные функции: *Keller* (учетчик податей), *Kastner* (сборщик натуральных податей, в некоторых регионах — носитель судебных и административных функций), *Zollner*, *Mautner* (сборщик таможенных и других сборов), сборщик налогов (*Schösser*), посыльный с поручениями (*Landreiter*), лесничий (*Heidereiter*, *Forstmeister*), управляющий рыбными садками (*Seemeister*) и т. д.

В некоторых территориальных государствах сложилась система промежуточных органов среднего звена, игравших посредническую роль между местными и центральными органами управления. Например, герцог Альбрехт IV после объединения Верхней и Нижней Баварии (1504–1505) разделил страну на четыре фискальных округа с центром в Мюнхене, Ландсхуте, Бургхаузене и Штраубинге. Они надзирали за финансами и судопроизводством в амтах подотчетных им регионов. Каждый из четырех региональных административных

центров возглавляло правительство. Его руководителем в Мюнхене был ландгофмейстер двора, в Ландсхуте и Штраубинге вицтум (*Viztume*, от *vice-dominus*), а в Бургхаузене — хауптман. В каждое правительство входил канцлер как глава канцелярии, дворянские и ученые советники, а также казначей (*Rentmeister*). Правительство в Мюнхене помимо обычных функций в своем округе обладало правами контроля и надзора в отношении всех четырех региональных органов управления. Органы регионального уровня, так называемые округа (*Kreise*), имелись также в курфюршестве Саксонском и курфюршестве Бранденбургском (в каждом по пять округов). Образцами для последних были имперские округа. Административные служащие округов (*Landvögte, Hauptleute*) контролировали подотчетные амты, обеспечивали безопасность дорог, собирали ополчение.

Государственные органы управления церковью. Еще до начала реформационного движения в Германии светская власть заметно продвинулась в установлении контроля над церковью. Например, герцоги Баварские, заручившись согласием из Рима, в 70–80-е гг. XV в. предприняли первые визитации монастырей страны. Территориальные государи зачастую владели патронатом в отношении многих церковных приходов, а следовательно, решающим образом влияли на назначение священников, замещение мест в конвентах монастырей и выбор аббатов, распределяли пребенды, обеспечивавшие существование духовенства. Судебная автономия служителей церкви была ограничена, многие церковные учреждения в своей хозяйственной деятельности были интегрированы в сферу ответственности органов местной власти — амтов. Духовенство нередко входило в систему земских сословий территориального государства.

Реформационное движение поставило территориальную власть перед необходимостью значительно большего вмешательства в дела церкви. При этом действия протестантских государей были легитимированы учением Лютера о светской власти, государи же католические опирались на право крайней необходимости для защиты порядка в церкви и ее имущества, согласованное с Римом. Активные действия территориальной власти выразились прежде всего в проведении энергичных и всеобъемлющих визитаций, т. е. инспекций церковных институтов. В протестантских землях визитации проводились с целью учета церковных имуществ, а также проверки и поддержки формирующегося евангелического духовенства. На католических

территориях визитации имели целью устранить злоупотребления клира и избавиться от его нерадивых представителей или священников, подпавших под влияние реформационных идей. Уже в 1520-е гг. визитации начались, например, в курфюршестве Саксонском и герцогстве Баварском, десятилетием позже этому примеру последовало герцогство Вюртембергское, а в 1540 г. — курфюршество Бранденбургское и т. д. Примечательно, что и протестантские, и католические визитационные комиссии состояли преимущественно из светских служащих территориального государя, в том числе ученых юристов.

Именно в ходе визитаций складывались государственные органы управления церковью. Их юридическое основание было закреплено Аугсбургским религиозным миром 1555 г., установившим право территориальных государей определять конфессиональную окраску и церковное устройство своей страны (*cuius regio eius religio*). Структуры церковного управления в протестантских княжествах нашли свое отражение в Церковных уставах, как, например, «Большой церковный устав (*Große Kirchenordnung*)» 1559 г. герцогства Вюртембергского, «Устав визитаций и консистории (*Visitatio und consistorialordnunge*)» 1573 г. курфюршества Бранденбургского, Церковный устав 1580 г. курфюршества Саксонского и т. д. Особенно большое значение как образец для других территориальных государств получил Вюртембергский церковный устав.

Центральным органом церковного управления стал коллегиальный орган, в большинстве случаев называвшийся консисторией (от лат. *consistorium* — совет, собрание), например, в Саксонии, Бранденбурге и др. В Вюртемберге этот орган получил наименование Церковный совет (*Kirchenrat*). Он состоял наполовину из евангелических теологов, наполовину — из светских служащих государя, ученого юриста (адвоката), иногда — бухгалтера, нескольких секретарей и писцов. В ведении консистории/Церковного совета лежали главные вопросы церковной жизни, которые условно можно разделить на два крупных блока: 1) вопросы вероисповедания (богослужение и таинства, контроль за чистотой веры, кадровые и судебные решения в отношении духовенства и учителей, противодействие сектам, раздача стипендий); 2) второй блок задач заключался в управлении секуляризованным церковным имуществом во всех его многообразных проявлениях: надзор за церковными поместьями, спорные имущественные дела, распределение церковных доходов (*Kirchenkasten*) для оплаты жалованья священнослужителям, финансирования

школ, стипендий, земского университета, образовательных и благотворительных учреждений.

Одной из важнейших форм деятельности консистории/Церковного совета продолжала оставаться организация визитаций для контроля за ситуацией на местах, исполнением принятых решений. Главной опорой в визитациях служили местные органы церковного управления. Так, в определенный округ, соответствовавший границам амта — локальной единице территориальной администрации, назначался суперинтендент (от лат. *superintendens* — надзирающий), духовное лицо с надзорными функциями в отношении местного духовенства и церковных учреждений. Суперинтендент собирал информацию о том, как служат и проповедают священнослужители, их моральном облике и поведении, жизни церковной общины, аморальных проявлениях в поведении людей, работе учителей и учебе учеников, в особенности стипендиатов, и т. д. Суперинтендент подчинялся консистории. В Вюртемберге между суперинтендентами и центральным органом существовала промежуточная структура — четыре генеральных суперинтендента, которые вместе с Церковным советом образовывали собиравшийся два раза в год Синод для обсуждения итогов визитаций. Структуры церковного управления в протестантских княжествах возглавлял территориальный государь, получивший тем самым статус «высшего епископа (*summus episcopus*)».

Хотя католические территориальные государи, естественно, не могли брать на себя полномочия епископов, устройство и функции их органов управления по церковным вопросам обнаруживают много сходного с деятельностью лютеранских консисторий. Созданный уже в 1557 г. Духовный совет (*Religion Rath/Geistlicher Rath*) в герцогстве Баварском также состоял как из представителей духовенства, так и из герцогских советников, последние даже долгое время численно преобладали. Важную роль в их деятельности играли визитации, во время которых с помощью служащих герцогских амтов они проверяли деятельность и правоверность священников, подбирали кандидатов на церковные должности, вели дознание по делам сект и отпадения от католической веры. И здесь много внимания уделялось сфере образования, которая с середины XVI в. находилась в руках ордена иезуитов, визитаторы следили за деятельностью учителей, учебной стипендиатов, проверяли содержание учебников. Члены Духовного совета также контролировали хозяйственную деятельность монастырей. В 1560-е гг. аппарат управления герцогства Баварского

на всех уровнях подвергся жесткой чистке по вероисповедальному принципу. Сочувствовавшим реформационному вероучению пришлось либо вернуться в лоно католицизма, либо эмигрировать. Подобная картина наблюдалась и в протестантских государствах: и там присутствие среди служащих приверженцев другой конфессии (католиков) стало немыслимым.

Создание в XVI в. органов государственного управления церковью как в протестантских, так и католических княжествах явилось важным фактором укрепления территориального государства и консолидации структур его управления.

Прием на службу, оплата труда, социальное возвышение. Принятие любого кандидата на службу государя, независимо от важности поста, сопровождалось строго определенной процедурой и письменным оформлением, почти идентичным во всех территориальных государствах. Прежде всего поступающий на службу давал присягу или клятву (*gelobt und Eyde gethan, geschworen*) верности государю, телесно выражая свою клятву воздеванием кверху руки с простертыми пальцами. Присяга письменно оформлялась и скреплялась подписями.

Акты назначения служащих косвенным образом отражают представления о требуемых качествах кандидатов на должность. Кандидат характеризуется в грамотах следующими качествами: любезный (*lieber*), верный (*getreuer*), достойный (*wirdiger*), мудрый (*fürsichtiger*), благочестивый (*andechtiger*), высокоученый, если речь идет об обладающем университетским образованием и ученой степенью (*hochgelehrther*). Его услуги называются предупредительными (*willige*), надежными (*getreue*), усердными (*fleissige*), неустанными (*unverdrossene*).

В актах назначений оговаривается и срок службы: от одного года до пожизненного назначения. Ежели одна из сторон пожелает расторгнуть назначение, то она обязана за полгода предупредить об этом другую. Во всех назначениях присутствует формула, которая гласит, что принимаемый на службу взял на себя обязательство «служить нам с готовностью, послушанием и верностью, всякое время изо всех своих сил печься о нашей пользе и недопущении нам вреда». Далее он обязуется до смерти («до гроба») хранить в тайне все, что ему было доверено по службе, и никому не говорить того, что может нанести вред государю и его владениям. Поступающий на службу обязуется не брать подарков от заинтересованных в его благосклонности лиц,

дабы не нанести вреда стране, обязуется не делать на службе послаблений для друзей.

Значительное место в актах о назначении служащих уделяется вопросам вознаграждения за службу. Вознаграждение было разнообразным и осуществлялось в разных формах. Прежде всего оно включало в себя заработную плату наличными деньгами (*Dienstgeld oder Besoldung*). Не менее важной частью вознаграждения служили всякого рода льготы и пожалования, которые частично также находят свое отражение в актах о назначении.

Всем служащим центральных органов управления и двора полагалось питание при дворе (*essen und trincken, mael, speys und trangk*), а также придворное платье (*hofleidung*). С середины века в некоторых актах о назначении питание заменяется выплатой денег (*Kostgeld, Tischgeld*). Новое придворное платье полагалось один или два раза в год, оно сильно различалось для разных категорий служащих и являлось выражением социального статуса сотрудника.

Многие категории служащих также освобождались от некоторых земских налогов, все служащие центральных органов княжества и их семьи находились в прямой юрисдикции государя и были неподсудны городским судебным органам резиденции.

В некоторых случаях в актах принятия на службу назначаемому в будущем гарантировалась более высокая должность, когда она станет вакантной. По-видимому, практика «ожидания места» была очень распространенной. Как известно, и бранденбургские канцлеры Иоганн Вейнлебен (1541–1558) и Ламперт Дистельмейер (1558–1588) долгие годы служили советниками и считались кандидатами на пост канцлера, прежде чем занять его.

Часто практиковалась такая форма вознаграждения за службу, как пожалование амта в управление или сдача амта на откуп за определенную сумму. В Баварии стало привычной практикой, что когда советник с положением оставлял службу по старости, то ему даровался в управление один из амтов, доходы с которого поступали в его полное распоряжение. Получить амт в управление мечтали многие служащие еще в период своей активной деятельности.

Высшие служащие получали в свое распоряжение определенное число слуг и лошадей, работники амтов — натуральные выплаты в виде зерна или других продуктов, с которыми они имели дело. Большую роль играли княжеские пожалования за особые заслуги

в виде ежегодных и экстраординарных денежных выплат, пожалование домов в резиденции и поместий в стране.

Стало обычной практикой то, что государь оплачивал образование сыновьям видных служащих в университете. Делалось это с помощью стипендий из средств конфискованных в процессе Реформации церковных имений. Подобной привилегией в середине XVI в. воспользовались, например, Иоганн и Иоахим Вейнлебен, сыновья бранденбургского канцлера Иоганна Вейнлебена, учившиеся во Франкфурте-на-Одере.

Княжеская служба предоставляла наиболее успешным шансы для социального возвышения. Наибольшей социальной мобильностью обладали служащие — выходцы из бюргерской среды. В течение XVI в. динамика роста численности служащих бюргерского происхождения повсюду превосходит темпы прироста численности дворян, занятых в центральных органах власти. Количество бюргерских советников с университетским образованием в Баварии XVI в. вдвое выше, чем выходцев из среды дворянства, а имеющих ученую степень — выше в 10 раз! Но даже и бюргерские советники без университетского образования дают примеры головокружительной карьеры. Они находили себе применение в финансовом управлении. Например, мюнхенский бюргер Карл Кёк начал свою карьеру секретарем Альбрехта V в 1548 г., затем он служил в таможенном управлении Вассербурга, где собрал такой опыт и развил свои способности в финансово-хозяйственном управлении, что со временем стал незаменимым финансовым советником герцога. Со временем Кёку были пожалованы несколько поместий, а в 1571 г. он получил потомственное дворянство.

Нередкие случаи аноблирования высокопоставленных служащих бюргерского происхождения были известны и в других территориальных государствах, например в курфюршестве Бранденбургском. Так, в 1530 г. на Аугсбургском Рейхстаге императором по представлению курфюрста Иоахима I был возведен в дворянское достоинство канцлер Вольфганг Кетвиг. Другой случай аноблирования связан с именем личного секретаря Иоахима II Эразма Зейделя (Erasmus Seidel), который получил дворянство в 1550 г.

Тем самым было положено начало складыванию нового слоя служилого дворянства в Германии (*Dienstadel*, аналогичное *noblesse de robe*). XVI в. был поистине веком бюргерства в истории органов управления в немецких территориальных государствах. Оно сыграло

роль как бы закваски в начальный период развития государственных учреждений. Ситуация изменилась в XVII в., когда главное место в сферах центрального управления стало играть дворянство. Это оказалось результатом двух взаимонаправленных процессов: аноблирования бюргерства, с одной стороны, и развития в среде дворянства обычая давать своим детям академическое образование — с другой.

***

В XVI в. в немецких территориальных государствах произошло институциональное оформление органов центрального управления. При этом обозначился ряд новых принципов в их работе, характерных для институтов управления Нового времени. Речь идет о следующих важных характеристиках.

- Стабильность времени и места (*stabilitas temporis et loci*). Центральные органы управления создаются не по случаю, не на время, чтобы потом быть снова распущенными, но работают регулярно в постоянной резиденции государя.
- Ярко выраженная централизаторская функция: местные органы власти управляются из единого центра.
- Определенность: учреждения работают по определенным в уставах и инструкциях правилам, в соответствии с установленной процедурой обсуждения, принятия и осуществления решений, с определенным составом служащих.
- Коллегиальность в работе, приметы профессиональной солидарности служащих.
- Письменное оформление всех этапов управленческой процедуры. Уставы и инструкции определяют обязательность протоколов, оформления решений в письменные акты, ведения регистров и т. д.
- Профессионализация управления. Работа в сфере управления становится профессией. Она, прежде всего на высших должностях, требует специального образования. Элиту управления составили т. н. ученые советники (*gelehrte Räte*), дипломированные юристы, знатоки римского права.
- Дифференциация, специализация органов управления. Выделяются группы сотрудников или институты с определенной компетенцией (например, административной, судебной, финансовой), обозначая начатки системы «ведомств» (*Ressortsystem*).

- Смена сословно организованной группы советников подотчетными только государю органами управления, которые действуют как инструмент его власти. Советники присягают на верность лично государю, обязуясь не служить никому иному, подотчетны государю, находятся у него на жалованье.

Создание органов центрального управления в немецких территориальных государствах XVI в. явилось решающим шагом на пути от средневекового управления «по случаю (*Gelegenheitsverwaltung*)» (Макс Вебер) к законченным бюрократическим структурам будущих эпох. Новые институты управления стали в XVI в. важным инструментом укрепления власти государя на этапе перехода от дуалистического сословного государства к абсолютистской форме правления.

Властные институты и должности в средневековой Англии

АНГЛОСАКСОНСКИЙ ПЕРИОД

Политический строй англосаксонских королевств, несмотря на сходство с другими германскими государственными образованиями, обладал определенным своеобразием, обусловленным длительным сохранением родоплеменных пережитков и замедленным становлением феодализма.

Уитанагемот. Англосаксонский конунг являлся прежде всего военным предводителем, избиравшимся из представителей определенного рода сначала *фолькмотом* (англ. *folk moot* — народное собрание), а позднее — *уитанагемотом* (англ. *witenagemoot* — совет мудрых). Уитанагемот собирался в среднем два-четыре раза в год для решения важнейших вопросов внешней и внутренней политики королевства. В его состав входили: король (иногда с королевой и сыновьями), епископы и аббаты крупнейших монастырей, представители родоплеменной знати (*элдормены* — англ. *ealdorman, eorl*; лат. *dux*)¹⁹, важнейшие должностные лица двора (*тэны*) и наиболее знатные из королевских дружинников (*гезиты*), о которых речь пойдет чуть ниже.

Общее число уитанов в англосаксонских королевствах колебалось от 15 до 30, в объединенном королевстве их насчитывалось около 100. Без совета и согласия уитанов не вводились экстраординарные поборы, не могли решаться вопросы о войне и мире. Согласие уитанов было необходимо даже в том случае, когда король хотел сделать земельные пожалования кому-то из приближенных. Уитанагемот

---

¹⁹ В переводе «Церковной истории народа англов» Беда Достопочтенного, сделанном королем Альфредом, термином «элдормен» обозначаются все представители власти: *subregulus, primus dux, dux regis, princeps, tribunus, patricius, praepositus, optimas, major natu, satrap*.

являлся верховным судом, в котором судили высокородных лиц, подлежащих исключительно королевской юрисдикции, а также рассматривали как уголовные, так и гражданские дела, не получившие удовлетворяющего стороны решения в судах низших инстанций. Уитаны избирали королей и оказывали влияние на избрание прелатов. Более того, хотя начиная с VIII в. королевская власть осмысляется как власть, данная Богом, уитаны могли низлагать неугодных им правителей. К началу IX в. наметился переход к наследственной королевской власти, при этом сохранилось обязательное утверждение нового государя Советом уитанов. Несмотря на усиление королевской власти, которому в значительной степени способствовало объединение англосаксонских королевств под властью правителей Уэссекса, уитанагемот сохранил за собой ряд важнейших функций.

Королевский двор. Как и на континенте, в Британии центром сосредоточения постепенно зарождающихся в рассматриваемую эпоху органов государственного управления был королевский двор. Двор был неразрывно связан с персоной короля, поскольку именно монарх определял его местонахождение (согласно английскому обычному праву территория двора ограничивалась радиусом 12 миль вокруг того места, где находился король). Королевских министералов этого периода можно условно разделить на две группы: *гезитов* (англ. *gesith* — товарищ; лат. *comes, comes regis, comites*) и *тэнов* (англ. *then, thegan, thegn* — слуга, мальчик; лат. *minister, minister regis*). В англосаксонской литературе «гезиты», как правило, обозначают воинов, сопровождающих военного вождя, живущих в его доме или по крайней мере получающих от него вознаграждение за свою службу. Отряд гезитов имел не только король, но и все военные вожди, а также представители родоплеменной знати (эрлы). Среди гезитов особенно почетными являлись должности личного оруженосца короля (англ. *waepen-bora, swyrd-bora*; лат. *armiger, spatarius*) и знаменосца (лат. *signifer*). В латинских документах VIII в. гезиты часто именуются *optimas* — «лучшими людьми», что свидетельствует об их высоком социальном статусе. Помимо многочисленных дружинников-гезитов особу короля и королевские покои защищали избранные *охранники* (англ. *thingamenn*, от *thingamannalip* — *thegnung, thenung, thening* — служба; лат. *ostiarius* от *ostium* — вход, дверь). Высокий статус гезитов объяснялся той важной функцией, которую они выполняли в обществе, ведь защита подданных и сохранение мира в королевстве считались важнейшей задачей государя на протяжении всего Средне-

вековья. После Датского завоевания в источниках можно встретить упоминания об особой личной вооруженной охране короля (*huscarls*, *housecarles*). Дружинники жили при дворе, ели за королевским столом. После Нормандского завоевания функции начальников *huscarls* стали выполнять *коннетабли* (*constables*).

Между тем, сколь бы ни был высок статус королевских дружинников, ведущие позиции в зарождающейся королевской администрации, безусловно, занимали не воины, а «слуги». Все придворные именовались тэнами, при этом все они имели разный, хотя и трудно различаемый современными исследователями, статус. Как свидетельствует Ассер, биограф короля Альфреда (X в.), «слуги короля (лат. *regis satellites*) были весьма разумно разделены на три когорты таким образом, чтобы первая группа оставалась и служила при королевском дворе день и ночь в течение месяца, когда месяц заканчивался, приходила вторая группа, а первая отправлялась по домам»²⁰. За службу тэны получали от короля награду, выражавшуюся, как правило, в земельных наделах. Близость к персоне короля повышала и социальный статус тэна, что нашло отражение в более высоком вергельде, защищавшем его жизнь. Согласно законам общинник-кэрл, пожелавший стать тэном, должен был иметь по меньшей мере пять гайд земли. Но одной земли было недостаточно, поскольку ко времени правления короля Эдгарда (958–975) статус тэна стал наследственным. После Датского завоевания слово «тэн» перестает обозначать исключительно слуг короля, выделенных из общей массы подданных и обладающих привилегированным статусом в обществе: в это время термином «тэн» обозначают всех свободных подданных без исключения.

Придворные должности. Говоря об организации жизни двора и королевского хозяйства, следует отметить, что в Англии никогда не существовало должности, аналогичной майордому франкских королей. И хотя сам термин *major domus* изредка встречается в текстах, за ним, как правило, скрывается доверенное лицо королевы, помогающее ей управлять хозяйством и слугами. Гораздо чаще для обозначения этого, безусловно, важного должностного лица употребляются англосаксонские термины — *oferealdorman* (англ.) или «элдормен всего ее хозяйства». Подотчетность *оферэлдормена* непосредственно королеве препятствовала его превращению в главу администрации

²⁰ Monumenta Historica Britannica/Ed. H. Petrie and J. Sharpe. L., 1848. P. 495.

всего королевства. Конечно, некоторые духовные или светские лорды порой могли сосредоточивать в своих руках огромную власть, но сама должность майордома так и не возникла.

Большое влияние на королей оказывали упоминаемые в эпических произведениях *мудрецы* (англ. *thyle*; лат. *oratores*). Это были личные советники — самые влиятельные и заметные придворные в англосаксонскую эпоху. В отличие от собиравшихся несколько раз в год уитанов, являвшихся скорее свидетелями королевской воли, чем реальными советниками, *тили* были призваны реально помогать государю принимать решения по всем важнейшим вопросам. Мудреца не следует путать с поэтом-певцом (англ. *scop*; лат. *poeta, vates*), хотя искусство слагать и исполнять песни и пользовалось при дворе большим почетом. *Скоты* не только развлекали короля и его гостей на пирах, но и были хранителями исторических преданий. Они также могли принимать участие в воспитании королевских детей.

В конце IX в. начинают встречаться упоминания о трех из четырех ключевых придворных должностей: камерарии, кравчем и стольнике (дапифере). Следует подчеркнуть, что ни одно из этих должностных лиц не обладало каким-либо политическим могуществом за пределами двора. По всей видимости, должности камерария и кравчего возникли значительно раньше других, поскольку упоминание о них встречается уже в «Беовульфe».

К сфере деятельности *камерария* (англ. *chamberlain*; лат. *camerarius*) относились прежде всего личные покои короля и все, что в них находилось, включая одежду, драгоценности, личное вооружение короля, документы и т. д. В англосаксонскую эпоху при дворе короля обычно было несколько камерариев, разделявших между собой различные обязанности: например, *raif-thegn* (*hraegelweard, hraegelthegn*) был ответственен за королевский гардероб; *burthegn* (лат. *cancellarius, scriniarius*) являлся непосредственно хранителем покоев, а также находящегося в них сундука с королевскими документами; *постельничий* (англ. *bed-theng*; лат. *cubicularius, custos cubile*) прислуживал государю в спальне. Постепенно эти обязанности становятся отдельными должностями, а их исполнители — лицами, подотчетными главному камерарию.

Одной из важнейших обязанностей камерария было хранение королевской казны. Первоначально ответственность за казну могла лежать на жене конунга и ее доверенном элдормене. Королевские драгоценности хранились в сундуках непосредственно в монаршей

опочивальне или прилегающих к ней покоях. Начиная со времени правления Кнута Великого, т. е. с первой половины XI в., большая часть королевской казны находилась в Винчестере, где за нее нес ответственность особый, не обязательно подчиненный камерарию, тэн (англ. *bower-thegn, hordere*; лат. *cellarius*). Однако известно, что даже Эдуард Исповедник (1042–1066) держал сундук с драгоценностями непосредственно в своей спальне.

Из подчиненных камерарию тэнов особое положение занимали находящиеся в непосредственной близости от короля постельничие. По всей видимости, на эту ответственную должность назначались прежде всего королевские фавориты. Уже в англосаксонскую эпоху влияние постельничих на политику было поистине исключительным: они были главными неофициальными советниками короля. После Нормандского завоевания должность камерария стала наследственной в доме Веров. Вильгельм I (1066–1087) пожаловал Альберту де Веру титул *magistrum camerarium totius Angliae in feodo hereditary tenendam*. Последним камерарием в этом семействе был Генри де Вер (1593–1625), 18-й граф Оксфордский. Со временем данная наследственная должность превратилась в почетное звание, поэтому неудивительно, что для управления королевскими покоями понадобилось учредить новую должность — королевского камерария (лат. *camerarius Regis*; англ. *King's chamberlain*).

Первые упоминания о почетной должности *кравчего* (англ. *butler, bearer, byrel*) можно найти в англосаксонских эпических поэмах. При этом в них в качестве кравчих часто выступают не только мужчины-тэны, но и женщины — жены и дочери конунгов. В обязанности кравчего входила не только подача напитков, но и присмотр за винными погребами.

Самые ранние упоминания о должности *стольника* датируются первой половиной X в. (правление королей Этельстана и Эдмунда). Для обозначения этой должности используются как производные от древнеанглийского слова «блюдо» — *disc-thegn; discifer*, так и латинский термин *dispensator* и производное от слова «трапеза» (*daps*) — *dapifer*. В сферу деятельности стольников-дапиферов, которых обычно при дворе было несколько, входила организация королевских трапез, присмотр за кладовыми и обеспечение хозяйства всем необходимым. По всей видимости, до Нормандского завоевания обладатели этой должности не были особо важными фигурами при дворе, поскольку упоминания о них в королевских грамотах встречаются весьма редко.

В первую очередь дапиферы заведовали королевским столом и припасами. В подчинении у них находились все слуги, связанные с кухней, поставкой и охраной продовольствия (*praevisores*). В конце англосаксонского периода исполнитель должности стольника нередко обозначался не как дапифер, а как *сенешаль* (лат. *seneschallus*) или *стюард* (*steward* от англ. *stig* — холл, зал и *weard* — опека, попечение). Синонимичность понятий «дапифер» и «сенешаль» сохранялась по крайней мере до конца XI в. Например, при дворе Вильгельма II Рыжего (1087–1100) находился некто Удо, мажордом короля, которого также именовали сенешалем или дапифером.

При Эдуарде Исповеднике, когда организация жизни английского двора испытала на себе значительное нормандское влияние, из подчиненных дапиферу-стюарду должностных лиц особое влияние приобрели *ловчие* (лат. *venatores regis*) и *сокольничие* (лат. *accipitrarius*), в обязанность которых входила не только организация королевской охоты (фактически охота была единственным светским удовольствием, от которого Эдуард не мог отказаться), но и поставка дичи на королевский стол.

В отличие от континентальных государств в англосаксонских королевствах должности, связанные с королевской конюшней, не занимали важного места в придворной администрации. Над многочисленными *конюхами* (*horse-thegn*; лат. *minister equorum*) низкого статуса стоял королевский тэн — *hors-thegn* (лат. *summus minister equorum*). В законах Уэссекского короля Ины (688–726) упоминаются также особые слуги короля, связанные с конной службой, — *horswealh*. Предположительно это были верховые гонцы, в обязанность которых входила доставка королевских писем и указов.

Возвышение должностных лиц, ответственных за конюшню, началось лишь после датского завоевания. При датчанах глава конюшни, как правило, именовался не *hors-thegn*, а *сталлер* (*stallere*; лат. *stabularius, comes stabuli*). При английском дворе должность сталлера впервые встречается в хартиях Кнута (ок. 1032). В источниках, относящихся к правлению Эдуарда Исповедника, эта должность упоминается довольно часто, но только в официальных документах. Вероятно, этимология слова сталлер восходит не к латинскому *stabulator*, а к древнескандинавскому *stallr*, значение которого ближе к современному английскому слову *stall* (стойло). Это слово имеет общегерманское происхождение и весьма отдаленно связано с латинским *stabularius*. В Норвегии в XIII в. сталлер совмещал несколько функ-

ций: он был глашатаем короля во время публичных церемоний, главой и судьей дружинников, отвечал за лошадей и другие королевские средства передвижения. Какие из этих функций были у английского сталлера — неизвестно. Существует предположение, что сталлер мог исполнять и функции военного командира. Одновременно на службе находилось несколько сталлеров (двое или даже четверо, среди которых один мог считаться главным). Во время правления Эдуарда Исповедника, когда при английском дворе усилилось влияние нормандских традиций, наряду со сталлерами появляются упоминания о маршалах. После Нормандского завоевания упоминания о сталлере исчезают окончательно.

До IX в. в источниках не встречается свидетельств существования в англосаксонских королевствах даже рудиментов королевской канцелярии. Вместе с тем от этого периода до нас дошел огромный корпус королевских хартий, что позволяет предположить существование специальных клерков или даже целого скриптория при королевских дворах. Впрочем, первые упоминания о *scriptorium* относятся к X в. Следует отметить, что печати, скреплявшие королевские хартии, в этот период были вислыми и двухсторонними (как на папских буллах), а не односторонними, приложенными к листу (как на французских и имперских документах). С эпохи Кнута Великого можно проследить биографии некоторых клириков, которые начали карьеру писцами при королевском дворе, а закончили — епископами и аббатами.

АНГЛИЙСКОЕ КОРОЛЕВСТВО В XI–XV вв.

Вскоре после победы в битве при Гастингсе (14 октября 1066 г.) нормандский герцог Вильгельм был коронован английской короной. Свое право на трон Англии Вильгельм основывал не на завоевании, а на родстве с Эдуардом Исповедником и на согласном с обычаями избрании. Возглавляемый архиепископом Йоркским уитанагемот признал Вильгельма законным королем. Желая снискать поддержку населения, Вильгельм клятвенно обещал «соблюдать добрые законы и обычаи времен короля Эдуарда». Это обещание будут повторять и преемники Вильгельма. Вместе с тем Нормандское завоевание не могло не внести определенные изменения в систему управления государством и структуру английской администрации. При этом необходимо подчеркнуть, что, поскольку Англия и Нормандия оставались независимыми друг от друга в политическом плане, эти

территории продолжали управляться по отдельности. Этот принцип раздельного управления действовал даже после того, как по договору в Бретиныи (1360) английский король получил континентальные земли в суверенное владение. Разница в организации управления территориями, законах, обычаях и традициях не означала отсутствия влияния континентальной системы на островную. Начало преобразований английской администрации по подобию нормандской было предпринято еще Эдуардом Исповедником, много лет проведенным при нормандском дворе, но основные изменения были произведены в правление Вильгельма I и Генриха I (1100–1135). В планы государей из новой нормандской династии не входило упразднение древних английских учреждений и должностей.

Подобно другим странам Западной Европы эпохи Средневековья, в Англии вплоть до конца XV в. разделение должностей на придворные и государственные было более чем условным. В любой момент вся сложная система взаимоотношений высших и низших должностных лиц могла оказаться сведенной к простой схеме: в эпоху Средневековья административная система состояла из короля и подданных, при этом статус и степень вовлеченности последних в государственные или придворные дела всецело зависели от воли монарха. Говоря об эволюции многих важнейших административных институтов и должностей из придворных в государственные, следует отметить, что порой она могла занимать несколько столетий.

Королевская курия. Курия нормандских герцогов, о которой известно довольно мало, по всей видимости, была очень похожа на курию Капетингов: в ней были те же должностные лица со сходной компетенцией. В Англии же курия Вильгельма Завоевателя и его потомков сочетала традиционные англосаксонские и нормандские черты. Важно отметить, что слово *curia* имело весьма широкое содержание: оно применялось не только к чрезвычайным собраниям (подобно уитанагемоту, *Великий совет* — *Magnum Consilium* созывался три раза в год), но также и к постоянному совету короля, так называемой *Малой курии*. В источниках слова *curia* и *consilium* часто употребляются в качестве синонимов. Несомненно, англичане смотрели на участников Великого совета как на преемников уитанов (в источниках встречаются термины *witan* и *sapientes*). Подобно уитанагемоту, королевская курия состояла из постоянно меняющегося числа лиц, приглашенных непосредственно королем: королевских родственников, приближенных, должностных лиц, представителей Церкви,

светских сеньоров и случайных участников. Избранные королем из числа придворных члены Малой курии — стюард, батлер, канцлер, казначей (камерарий), коннетабль и подчиненный ему маршал — возглавляли судебную, финансовую и военную службы.

Как типичная феодальная курия, Малая курия английского короля представляла собой по сути два учреждения: высшую судебную (*Королевскую курию* — *Curia Regis*) и высшую финансовую (*Палату шахматной доски* — *Court of the Exchequer, Exchequer*, лат. *Curia Regis ad Scaccarium*²¹) инстанции. При этом вплоть до начала XIII в. судебная и финансовая функции курии — важнейшего административного органа двора и всего королевства — были тесно переплетены.

Юстициарий. Во главе *Curia Regis* и *Curia Regis ad Scaccarium* стоял король или замещавший его *юстициарий* (лат. *justiciarius totius Angliae*) — в документах эта должность часто встречается в соединении с прилагательными «верховный» или «главный» (лат. *summus, capitalis*). Юстициарий действительно являлся главным помощником короля, его заместителем во время частных и продолжительных отлучек на континент. Следует отметить, что эти периоды могли длиться несколько лет: например, Вильгельм I отсутствовал в Англии четыре года подряд — с 1076 по 1080 г., а Генрих I дважды покидал королевство на год и дважды — на два года.

Впервые должность заместителя (франц. *viceroi*; лат. *vicarious, procurator*), впоследствии получившего название юстициария, была учреждена в марте 1067 г. Вильгельмом Завоевателем сразу для двух доверенных лиц: для брата короля епископа Байе Одона и преданного соратника Вильгельма Фиц-Осборна. В отличие от других приближенных короля, например архиепископа Кентерберийского Ланфранка, только эти заместители пользовались в отсутствие государя всей полнотой королевской власти. При Генрихе I роль управляющего королевством с 1123 по 1126 г. выполнял канцлер Рожер, епископ Солсбери, которого современники именовали «вторым после короля» (*secundus a rege*). Впрочем, назначение на эту экстраординарную должность означало всего лишь большое доверие со стороны короля, но не полное отсутствие контроля. Находясь в Руане или

²¹ Название казначейства связано с системой подсчета поступающих в него денежных сумм. Столы в палате были покрыты клетчатым сукном, на котором в определенном порядке раскладывались и передвигались столбики монет, что напоминало игру в шахматы.

Кане, король благодаря четко налаженной службе доставки важных донесений был проинформирован о делах в Лондоне или Винчестере не хуже, чем если бы он пребывал в Йорке. На практике король получал донесения и отдавал распоряжения по делам, касающимся Англии, независимо от того, назначал ли он регента перед отъездом в Нормандию или нет.

Самые ранние упоминания о должности верховного юстициария относятся к правлению Генриха II (1154–1189). Первыми юстициариями были Роберт, граф Лестер, и сэр Ричард де Люси; после смерти Лестера в 1168 г. де Люси один занимал эту должность до своей отставки в 1178 г. Только через год король смог подобрать достойного человека на столь высокую должность — им стал Ранульф де Гланвиль, который оставался на этом посту вплоть до конца правления Генриха II. За время пребывания Гланвиля на посту юстициария Англии им, а точнее, под его руководством, был создан полный свод английских законов и обычаев “*De Legibus et Consuetudinibus Regni Angliae*”. Вплоть до конца XII в. титул юстициария весьма редко встречается в хартиях, к кому же в этот период данную должность могли исполнять несколько приближенных одновременно. Порой в отсутствие короля члены его семьи также могли претендовать на формальное регентство без всякого назначения.

Во второй половине XII в. в связи с длительными отлучками королей из Англии полномочия юстициария значительно расширились: в его руках оказалось заведование всеми судебными и финансовыми делами в стране. Но даже в этот период одного желания короля доверить управление государством своему избраннику могло быть недостаточно. В 1190 г. незадолго до отплытия в Палестину Ричард I (1189–1199) назначил юстициариями епископа Или Уильяма Лонгшампа, исполнявшего ранее обязанности канцлера Аквитании, а потом и канцлера Англии, а также епископа Дарема Гуго Пьюсета. В отсутствие короля Лонгшамп, являвшийся к тому же еще и папским легатом, на какое-то время сумел сосредоточить в своих руках почти абсолютную власть, что, разумеется, вызвало недовольство могущественных магнатов, избравших лидером младшего брата Ричарда принца Джона (Иоанна Безземельного), и иерархов Церкви, предводителями которых были сводный брат короля Джеффри, архиепископ Йоркский, и уже упомянутый выше Гуго, епископ Дарема. Через полтора года после назначения на пост юстициария Лонгшамп был вынужден отдать оппозиционерам королевскую печать

и бежать на континент. Примечательно, что следующего юстициария Ричард I назначил, находясь в Леванте, им стал архиепископ Руана Вальтер де Кутанс. Назначение нормандского прелата на должность юстициария Англии наглядно свидетельствует о том, что в этот период управление государством организовывалось исключительно по принципу личностных предпочтений монарха. Позднее, в 1193 г., будучи уже пленником германского императора, Ричард назначил еще одного юстициария — нового архиепископа Кентерберийского Губерта Вальтера, заслужившего уважение короля во время III Крестового похода. Последний не только оставался в этой должности на протяжении пяти лет, но и смог передать ее в 1198 г. своему протеже Джеффри Фиц-Питеру. Вплоть до своей смерти в 1205 г. Губерт Вальтер, занявший после ухода с поста юстициария должность канцлера, продолжал играть важнейшую роль в королевской администрации. Согласно легенде, рассказанной знаменитым хронистом середины XIII в. Мэтью Пэрисом, узнав о его смерти, король Иоанн (1199–1216) воскликнул: «Теперь, слава Богу, я наконец король и повелитель Англии!» Этот анекдот хронист повторяет, повествуя о кончине Джеффри Фиц-Питера в 1213 г.²² Разумеется, нет никаких оснований предполагать, что Иоанн Безземельный на самом деле говорил или думал нечто подобное, поскольку оба официала занимали свои должности исключительно благодаря благосклонности короля. Впрочем, эти истории свидетельствуют о том, что постепенно в сознании современников люди, занимающие столь высокие административные должности, стали восприниматься в качестве силы, ограничивающей королевский произвол. Примечательно, что назначенный юстициарием еще Иоанном в 1215 г. в разгар его конфликта с баронами верный королю Герберт де Бург сохранил эту должность вплоть до 1232 г., возглавляя также казначейство и королевский суд.

Малолетство Генриха III (1216–1272) и его неспособность к самостоятельному правлению привели к наметившемуся еще в предыдущий период превращению экстраординарной должности юстициария в постоянную. Это тем более показательно, что параллельно с возглавлявшим королевскую администрацию юстициарием существовал правивший за Генриха регент и протектор королевства (лат. *rector regis et regni*) Уильям Маршал. Фактически в этот период

²² *Matthew Paris. Historia Anglorum/Ed. F. Maden. L., 1866–1869. Vol. II. P. 104; Chronica Majora/Ed. H. R. Luard. L., 1872–1883. Vol. II. P. 559.*

в Англии произошло раздвоение власти, поскольку персону короля представляли одновременно два человека — регент и юстициарий. Тем не менее даже после того как в 1227 г. было официально провозглашено совершеннолетие короля, который с этого момента начал править самостоятельно, Герберт де Бург не сложил с себя обязанности главы администрации. Более того, сместив в 1232 г. вызвавшего его недовольство де Бурга, не собиравшийся покинуть пределы Англии Генрих III сразу же назначил нового юстициария — Стефана Сеграйва. Вместе с тем именно в этот период функции юстициария как связующего и координирующего звена администрации окончательно перешли к Королевскому совету. В отличие от раннего Средневековья в XIII в. Королевский совет состоял не просто из доверенных лиц монарха, но прежде всего из высших официалов. Последним юстициарием, со смертью которого в 1265 г. эта должность прекратила свое существование, был сэр Хью Деспенсер.

Кроме экстраординарной должности юстициария все остальные должности и службы относились к постоянным. О структуре английского королевского двора эпохи классического Средневековья и об иерархии придворных должностей довольно полное представление дает составленный в начале 1136 г. для короля Стефана (1135–1154) (возможно, последним казначеем Генриха I Нигелом, епископом Или) документ, известный как “*Constitutio Domus Regis*” («Организация королевского двора»), представляющий собой список основных должностных лиц при дворе с указанием причитающегося им вознаграждения за службу. Согласно этому документу королевское придворное хозяйство было разделено на пять главных департаментов, возглавляемых соответственно канцлером, сенешалем-стюардом (стольником-дапифером), батлером (чашником), камерарием и коннетаблем. На постоянной службе при дворе находилось по крайней мере 100 человек. Еще Генрих I установил точный размер платы, полагающейся придворным, попытавшись таким образом ограничить полный произвол в этом отношении, царивший во время правления Вильгельма II Рыжего (1087–1100). Но проблема коррупции осталась, и поиск решения приводил к появлению отчетов и контролеров. Вместе с тем фиксированная заработная плата свидетельствовала об определенной иерархии должностей при дворе. Самым высокооплачиваемым должностным лицом был канцлер, получавший 5 шиллингов в день независимо от того, выполнял ли он свои обязанности при дворе или за его пределами. За канцлером шли сенешали или

стюарды (обычно их было четверо), непосредственно отвечавшие за организацию придворного хозяйства, батлер и камерарий — все они получали 5 шиллингов, находясь при дворе, и только 3 шиллинга — за его пределами. Коннетабли получали 1 шиллинг и 2 пенса при дворе и 2 шиллинга — вне двора.

Канцелярия, секретариат, королевская капелла. Титул канцлера (лат. *cancellarius*) был впервые введен в употребление Вильгельмом Завоевателем, хотя определенные аналоги этой должности существовали и при дворе англосаксонских королей. Первоначально на должность канцлера назначался духовник короля — конфидент во всех делах государя. В этих случаях влияние канцлера на короля могло быть практически неограниченным. Впрочем, управление государством канцлером было скорее исключением, чем правилом, поскольку традиционно канцлер сопровождал короля во всех его поездках. В период классического Средневековья смещенные со своих постов канцлеры получали «повышение», занимая епископские и архиепископские кафедры. Напротив, к концу Средневековья епископы и архиепископы «повышались» до должности канцлера. Занятие этой должности обуславливалось особым доверием короля, и поэтому она всегда была сменяемой.

Помимо личного капеллана короля (франц. *chef de la Chapelle le Roi*), в подчинении которого были все служащие капеллы, канцлер был королевским секретарем, составлявшим королевские указы, письма и другие документы, он также являлся хранителем Большой королевской печати (лат. *magnum sigillum*). Эта функция делала должность канцлера чрезвычайно важной, поскольку Большой печатью скреплялись все указы и документы, имевшие общегосударственное значение, посольские грамоты и официальные послания короля к иностранным государям. Вместе с тем для использования Большой печати канцлеру требовалось распоряжение (до начала XIV в. обычно в устной форме) короля или юстициария. Во время отлучек канцлера за пределы двора Большая печать передавалась на хранение второму человеку в канцелярии — *вице-канцлеру* (лат. *vice-cancellarius, subcancellarius*), непосредственному главе скриптория.

Постепенно канцлер из секретаря короля превратился в государственного секретаря. Эта метаморфоза способствовала утрате канцлерами классического и позднего Средневековья функций духовного наставника короля. В 1340 г. Эдуард III (1327–1377) впервые назначил канцлером мирянина — сэра Роберта Буршье.

Канцлер вел всю переписку короля с казначеем и участвовал в заседаниях казначейства. В канцелярии оформлялась вся исходящая от королевского двора официальная документация. За небольшую плату в канцелярии также составлялись «по форме» любые поступающие на королевское имя прошения и заявления от населения. К 1200 г. в различных отделениях канцелярии стали копироваться наиболее важные документы, которые сшивались в длинные свитки (*Charter, Close, Fine, Gascon, Liberate, Patent, Scotch, Scutage, Treaty Rolls*). Являясь крупнейшим архивом официальных документов, королевская канцелярия была тесно связана с органами правосудия. Впрочем, канцелярия не только отвечала на запросы различных судебных инстанций: целый ряд вопросов относился непосредственно к сфере деятельности канцлерского суда.

Канцелярия выполняла также ряд фискальных функций: многие хартии привилегий и иммунитетов, некоторые указы и предписания оформлялись после уплаты определенной пошлины. В середине XIII в. появилась специальная должность сборщика пошлин, возглавившего в канцелярии особый департамент (*Hanaper Department*). Ежегодно канцлер представлял в казначейство свиток, содержащий не только роспись всех взимаемых канцелярией пошлин, но также детальный отчет обо всех официальных назначениях, скрепленных Большой печатью.

Уже при Вильгельме Завоевателе в подчинении у канцлера находилось восемь клерков. К концу XII в. он располагал уже довольно разветвленным бюрократическим аппаратом. Среди помощников канцлера на первом месте стоял его непосредственный заместитель, затем шли хранители свитков и глава скриптория (лат. *clericus magister scriptoria; scriptor Rotuli de cancellaria*), в подчинении у которых находились писцы, миниатюристы, восковых дел мастера и т. д. Согласно ордонансам 1380-х гг. в королевской канцелярии было около 100 клерков разного статуса. На протяжении всего Средневековья канцелярия сохраняла тесную связь с королевским двором: обычно канцлер и его основные помощники переезжали вслед за королем. Вместе с тем публично-правовой характер канцелярии требовал более четкой ее локализации. С XIV в. канцелярия оседает в Вестминстере. Однако, несмотря на появление постоянного «офиса», служащие канцелярии продолжали рассматриваться как придворные: еще в 1333 г. задержавшийся по королевским делам в Вестминстере клерк получил дополнительную плату «за несение службы вне двора».

Начиная с Иоанна Безземельного, английские короли все чаще стали скреплять часть документации *личной печатью* (лат. *parvum/privatum singillum*). Делалось это главным образом потому, что хранящаяся в непосредственной близости от короля (первоначально за хранение личной печати был ответственен *контролер королевского Гардероба* (англ. *controller of the Wardrobe*)), эта печать всегда была под рукой. Ею скреплялись королевские распоряжения и указы, отправляемые канцлеру и другим официалам (на основании этих документов канцелярия или казначейство выдавали патенты и мандаты, скрепленные Большой печатью королевства или печатью казначейства), обращения к духовным лицам и университетам и т. д. Постепенно (к началу XIV в.) личная печать короля также стала отделяться от персоны государя, приобретая статус Малой государственной печати. Первым хранителем личной печати короля, имя которого дошло до нас, был Питер де Риво, получивший в 1232 г. пожизненно должности хранителя Гардероба, камерария, хранителя придворной казны (англ. *treasury of the Household*). Именно при нем была организована придворная канцелярская служба (наподобие канцлерской). В 1311 г. лорды потребовали от Эдуарда II (1307–1327) учреждения особой придворной должности — хранителя Малой государственной печати. Эта должность существует и в настоящее время.

Превращение личной печати в Малую государственную привело к появлению т. н. секретных печатей королей для скрепления частных писем. В 1377 г. хранитель личной печати короля получил статус королевского секретаря, в подчинении которого находилось несколько клерков. Вплоть до XVI в. королевский секретарь был не более чем рядовым придворным, компетенция которого не касалась дел королевства. В его обязанности входила исключительно частная переписка короля.

Королевская палата, Гардероб, Казначейство. Если непосредственно перед Нормандским завоеванием финансовая администрация была сосредоточена главным образом внутри двора, то уже к началу XII в. организация королевских доходов и расходов превратилась в самую разветвленную сферу администрации. В англосаксонский период хранителем королевской казны чаще всего выступал камерарий, но уже в середине XI в. при дворе существовало три финансовых подразделения Королевской палаты, каждое из которых обладало собственным штатом. Первым и важнейшим департаментом двора, возглавляемым верховным камерарием (англ. *master*

chamberlain; лат. *major camerarius*) и его помощниками, являлись личные апартаменты короля (лат. *camera regis*). Вторым департаментом стала Палата курии (лат. *camera curie*), ведавшая доходами и расходами всего двора, также управляемая одним или двумя камерариями. Наконец, третьим подразделением стала Сокровищница (англ. *Treasury*; лат. *Thesaurus*), управляемая первоначально двумя камерариями казны (англ. *chamberlains of the treasury*), а впоследствии казначеем (англ. *treasurer*; лат. *thesaurarius regis*), равным по своему рангу верховному камерарию Палаты. Впрочем, необходимо помнить, что в этот период границы между ведомствами, отвечающими за персональные траты короля, обеспечение двора и государственный бюджет, были если и не условными, то довольно зыбкими.

Вскоре после восшествия на престол Генрих I перенес основную часть казны из королевских покоев в независимую от двора сокровищницу в Винчестере, положив таким образом начало формированию *Казначейства* (англ. *Exchequer*; лат. *Scaccarium*), как отдельного от двора государственного института. В 1135 г. Стефан Блуаский в ордонансе "*Constitutio Domus Regis*", непосредственно касавшемся организации жизни двора, официально закрепил отделение Казначейства от придворного хозяйства. Вместе с тем немалая часть королевских сокровищ продолжала храниться в личных покоях государя. Развитие Казначейства как «публичного», общегосударственного финансового ведомства неизбежно увеличило значение *camera curie* как «личной» финансовой службы короля, «второго казначейства», постоянно функционировавшего при государе. Являясь частью управленческого аппарата, *camera curie* всегда обладала значительной политической силой. Близость к королю, собственные финансовые ресурсы, наличие компетентного штата делали ее действенным инструментом реализации королевской воли и желаний. Светские слуги, а вскоре и клирики, появившиеся при дворе из-за увеличения объема финансовой отчетности и секретарской работы, являлись доверенными лицами короля. Главной обязанностью камерариев и их подчиненных оставалась забота о персональных нуждах монарха, ответственность за его личное имущество и сокровища, а также распоряжение расходами на содержание двора.

Говоря о структуре *camera curie*, следует отметить, что уже в конце XI в. она сама делилась на *Сокровищницу* (англ. *Treasury*) и королевский *Гардероб* (англ. *Wardrobe*; франц. *Garderobe*; лат. *Warderoba*, *Vestiarium* (в континентальной терминологии)). Последний являлся

хранилищем драгоценной одежды, регалий и украшений, дорогой посуды, оружия и прочих ценных вещей королевского обихода. В период гражданской войны середины XIII в. и в ходе захватнических войн в Уэльсе, Шотландии и Ирландии Гардероб фактически превратился в военное придворное ведомство. Поскольку в периоды активной внешней политики военным целям была подчинена финансовая система и управление королевства, то Гардероб постепенно стал административно-финансовым центром всего государства. Он получал прямые выплаты из Казначейства, заведовал снабжением и финансовым обеспечением двора и армии короля во время военных кампаний.

Если сразу после Нормандского завоевания Сокровищница продолжала оставаться источником финансирования всего двора, то со временем, примерно к середине XII в., Гардероб перетянул на себя данную функцию. Но и это не означало, что камерарии окончательно перестали быть распорядителями королевских доходов. В Палате остались исключительно личные средства короля, не связанные с обычными повседневными расходами двора. Следует отметить, что к повседневным расходам относились даже пожертвования Церкви и милостыня бедным. Личные средства король мог потратить на себя, покупая украшения, книги, соколов, подарки друзьям, даря деньги слугам и т. д. Ежегодно Палата получала из Казначейства определенную сумму. Другими источниками финансирования являлись доходы от королевских маноров, вакантных бенефициев и держаний лиц, находящихся под королевской опекой, продажи городских хартий, судебные штрафы, выкупы пленных и т. д. Нередко короли передавали личные средства на государственные нужды для покрытия расходов, с которыми Казначейство не справлялось (чаще всего для финансирования военных кампаний). Например, кампания 1368–1371 гг. была профинансирована во многом за счет личных средств короля. Обычно деньги, передаваемые в Казначейство или Гардероб из Палаты, обозначались как заем, который требовал возмещения.

С XII в. *хранитель Гардероба* (англ. *keeper of the Wardrobe*; франц. *le tresourier de la Garderobe*) стал выполнять функции, которые ранее принадлежали казначею королевских покоев (англ. *master chamberlain*). Согласно ордонансу Эдуарда I от 1279 г. он занимал самое высокое положение среди королевских слуг. Вместе со стюардом он должен был каждый вечер встречать глав отдельных департаментов и принимать их отчет, а ежегодно — счета всего дворцового хозяйства. Часто хранитель Гардероба в этот период именуется «казначеем двора» (англ.

treasurer of the Household; франц. *le tresourier de la cour*). С начала XIV в. в связи с постепенным снижением роли Гардероба в административно-финансовой деятельности двора его хранитель передает часть своих административных функций по контролю за управлением дворцовым хозяйством верховному стюарду и часто фигурирует как его «товарищ» без привязки к собственному департаменту.

Ежегодно или по окончании срока службы хранитель Гардероба посылал отчет в Казначейство. Уже при Генрихе III (в 30-е гг. XIII в.) появилась должность клерка, предоставляющего в Казначейство свиток с контрольными расчетами расходов (*counter-roll*), произведенных в Гардеробе (этот отчет предоставлялся для проверки отчета хранителя). При Эдуарде I это важное должностное лицо именовалось *контролером Гардероба* (англ. *controller of the Wardrobe*; франц. *le contreroullour de la Garderobe*). Первоначально указанные функции исполнял один из секретарей департамента, который и хранил отчет. В конце XIII в. при Эдуарде I за ним было окончательно закреплено название контролера (*le contreroullour*), тогда же у него появились личные секретари (*clerks*). Уже в этот период положение контролера носило двойственный характер: с одной стороны, он подчинялся главе Гардероба, с другой — он должен был контролировать его деятельность. Это неизбежно превращало ревизионные обязанности контролера в чисто формальные.

Основной задачей контролера была проверка запасов всех субдепартаментов, количества и качества поставляемых продуктов и подготовка докладов о вскрытых нарушениях стюарду и казначею департамента. Каждый понедельник он должен был инспектировать все хозяйственные службы, сравнивая остатки провизии и разного рода материалов с тем, что поступило, и с тем, что было израсходовано. Это делалось для того, чтобы пресечь возможное воровство слуг. Кроме того, он должен был контролировать цены, по которым закупалась провизия для двора, проверять ежегодные отчеты субдепартаментов и на их основе представлять в Казначейство собственный ежегодный отчет о расходах двора. Именно под его контролем в Счетную палату поступали выделенные департаменту средства.

Контролер также отвечал за архив Гардероба, в котором хранились не только документы Гардероба, но и некоторые государственные бумаги из канцелярии и Казначейства, по разным причинам туда попавшие. В XIII в. контролер был главой секретариата Гардероба и хранителем личной королевской печати. При Эдуарде I он фактически возглавлял королевский секретариат, что, естественно, сказалось

на росте его влияния. В его подчинении находились семь клерков и несколько посыльных. Со временем обязанности контролера расширились: он стал отвечать за сохранность архива Гардероба и всего двора. С падением влияния Гардероба в начале XV в. контролер теряет секретарские функции, но его контрольно-финансовая деятельность переносится на весь хозяйственный департамент двора.

Непосредственным заместителем контролера был *пристав Гардероба*, который, как правило, именовался *клерком специй* (англ. *clerk of the spicery*; франц. *le clerk de lespycerye*), вместе со своими помощниками (франц. *le subclerk ou le second clerc de lespicerie*, *le sergent soubz Ussher de la Garderobe*, *le porter de la Garderobe*, *le esquier frutier*, *le sergeaunt chandelere etc.*) он отвечал за охрану и перевозку некоторых видов продуктов (например, фруктов), столовых приборов, скатертей, воска, свечей и других ценностей из Гардероба. Вместе с хранителем Гардероба он регулярно проводил проверку расходов двора на продовольствие.

Конец XIII — середина XIV в. — эпоха возвышения Гардероба, в этот период почти все важные должностные лица королевства начинали карьеру в качестве клерков данного департамента. Хранитель и контролер Гардероба являлись важными государственными должностями — оба часто вовлекались в государственную административную работу. Третьим по важности должностным лицом в Гардеробе был *казначей-кассир Департамента дворцового хозяйства* (*cofferer* — от англ. *coffer* — сундук, казна; франц. *le cofferer*; лат. *coffrarius*). Формально он являлся хранителем наличных сумм, отпускаемых на содержание департамента из Казначейства, и выплачивал из этих средств жалованье королевским слугам. Как и другие подотчетные верховному стюарду посты, должность казначей-кассира возникла в структуре королевского Гардероба в период его административно-финансового могущества в XIII в. Первоначально он был личным секретарем хранителя королевского Гардероба. Тесная конфиденциальная связь казначей-кассира с главой департамента делала его действительным заместителем руководителя Гардероба. Ему было доверено хранение части архивов и отчетов департамента. Но уже в конце XIII в. казначей-кассир выступает как официальное лицо двора, утверждаемое королем и ответственное за реальное составление годовых отчетов. В ордонансе 1318 г. впервые упоминаются его личный секретарь и два клерка «счетного стола» (франц. *deux clerks de la table dacompte*), которые впоследствии стали основой для формирования специальной Счетной палаты двора.

Казначеем-кассиру подчинялись клерки, приставы и их помощники, а также хранители подчиненных гардеробов королевы и принцев. Он также выполнял обязанности хранителя Гардероба в его отсутствие и лично отвечал за ключи от сундуков с деньгами и таллиями²³. В XIV–XV вв. казначей-кассир нес ответственность и за ежедневные проверки расходов субдепартаментов. Именно он представлял их сметы на заседании конторы и выдавал средства на повседневные расходы. Его собственные траты должны были проверяться ежеквартально, но на практике это происходило раз в год.

Среди подчиненных казначеем-кассиру клерков наибольшим влиянием пользовались *секретари Счетного стола* (франц. *clerkes de la table dacompte*); в одном ордонансе 1445 г. их значится двое. Они вели все дела, протоколы заседаний, а также передавали распоряжения вышестоящих должностных лиц. Именно им руководители различных хозяйственных служб ежедневно представляли свои отчеты о расходах (англ. *breivements*). Клерки обрабатывали их: переписывали, корректировали, подсчитывали и заносили в общий свод расходов департамента за прошедший день, который хранился в Счетной палате. Кроме того, они должны были ежемесячно составлять отчет об общем потреблении продовольствия на основе сведений обо всех партиях товаров, поставленных в различные субдепартаменты двора. В конце каждого года (до дня св. Илария — 14 января) секретари составляли сводный отчет о расходах двора, который казначей-кас-

---

²³ *Tally* — ваучер, по которому выплачивались деньги. Таллия представляла собой деревянную полоску (около 8 дюймов), один конец которой был просверлен (для ношения в связке), сумма денег указывалась посредством глубоких зарубок (разной длины), сделанных на обеих сторонах. Это было необходимо для того, чтобы даже неграмотный человек мог сосчитать полагающуюся сумму денег. После произведения выплаты таллию разрубали пополам вдоль ее длины: одну половинку оставлял себе шериф (или другой получатель денег), вторая хранилась в Казначействе для ведения отчетности. Когда на Пасху шерифы привозили деньги в Казначейство, им также выдавали таллию с указанием уплаченной ими суммы (*memoranda tally*), при этом также изготавливали еще одну таллию (*combustion tally*) с указанием суммы, которую необходимо вычесть из уплаченной по причине неполновесности монеты. Через полгода шериф, привезя новую порцию денег, также предоставлял обе таллии для подведения итогового расчета. Эти таллии играли столь важную роль в глазах современников, что этим термином изначально именовали само Казначейство.

сир должен был сдать в Казначейство. В случае невыполнения этой задачи им грозила потеря всего квартального жалованья. Также под угрозой потери квартального жалованья они были обязаны предоставлять лично королю ежеквартальные сведения о расходах двора.

Подобно канцелярии, Гардероб всегда сопровождал короля во всех его поездках, поэтому он никогда не мог оказаться «за пределами двора». Вместе с тем организация хозяйства, ее административная часть предполагала постоянную связь Гардероба с Лондоном или Вестминстером (где хранились счета, книги, архивы). Поэтому неудивительно, что некоторые клерки Гардероба были вынуждены совершать разъезды и пребывать *extra curiam*.

Как уже отмечалось, в эпоху правления Эдуарда I Гардероб был главнейшим финансовым органом Англии, превосходя по важности Казначейство. Именно в XIV в. обостряются конфликты между Казначейством и Гардеробом — государственной казной и казной короля. После победы оппозиционных баронов над Эдуардом II в 1324 г. был принят Вестминстерский ордонанс, направленный на усиление контроля Казначейства над финансовыми расходами Гардероба. Этот ордонанс закреплял правило, по которому все доходы короны должны были сначала поступать в Казначейство и лишь оттуда распределяться по инстанциям. Деньги Гардероб получал из казны, все другие источники поступления денег именовались «иностранными». Хранитель Гардероба должен был давать отчет казначею по поводу всех находящихся у него ценностей. Также декларировалось, что хранители королевских конюшен (англ. *the keepers of the king's stud*), хранитель Великого гардероба, сборщик пошлин из канцелярии (англ. *hanaper*), поставщики замков и королевский батлер в будущем должны отчитываться непосредственно перед Казначейством, а не перед Гардеробом. Несмотря на эти ордонансы, при Эдуарде III хранители Гардероба продолжали предпринимать попытки получать доходы непосредственно от налогов, минуя Казначейство.

К концу XIII в. из Гардероба в отдельное подразделение выделился Великий гардероб (англ. *the Great wardrobe*) — хранилище одежды, тканей, специй, воска, мехов и т. д. С 1361 по 1666 г. (т. е. до Большого лондонского пожара) он постоянно располагался в большом здании за замком Бэйнард, рядом с собором Св. Павла и набережной Темзы. С XIV в. Великий гардероб стал подчиняться непосредственно Казначейству, при этом клерк Великого гардероба продолжал рассматриваться как одно из главных придворных должностных лиц. Одновременно

с Великим гардеробом выделился Частный гардероб (англ. *the Privy Wardrobe of the Robes*) — хранилище вооружения и боеприпасов (размещался в Тауэре). Его возглавлял хранитель мантий (англ. *gentleman of the Robes*). Кроме секретаря, йомена, в штат входили портные и чистильщики. Наконец, немаловажную роль в дворцовом хозяйстве играл Спальный гардероб (англ. *Wardrobe of the Beds*), который обеспечивал изготовление, хранение, чистку и стирку белья для королевской постели. В это же время, т. е. к концу XIII в., наметилось выделение в отдельные структуры Гардероба королевы, позднее — Гардеробов королевских детей. Поскольку крупнейшие бароны всегда копировали королевскую модель администрирования хозяйства, в этот же период появляются частные Гардеробы баронов.

Являясь одной из важнейших придворных должностей, должность верховного камерария (лат. *magister camerarius totius Angliae*), который впоследствии именовался лордом великим камергером (англ. *Lord Great Chamberlain*), очень быстро стала наследственной. В середине XII в. она была передана графам Оксфордским и сохранялась за ними на протяжении многих веков. То же самое произошло с должностями верховного стюарда, маршала и коннетабля двора. Они были закреплены за определенными графскими титулами и носили почти исключительно почетный и церемониальный характер. Их обязанности исполнялись только во время важных государственных церемоний, таких как коронация, и не были сопряжены с какой-либо специфической сферой административной деятельности. Например, лорд великий камергер прислуживал монарху во время его облачения в день коронации, а также епископам и пэрам во время церемонии возведения в достоинство.

Реальную работу в королевских покоях, как и в предыдущий период, продолжали выполнять несколько камергеров (или камерариев), которым подчинялись другие слуги. Камергеры были, как правило, людьми рыцарского достоинства. За свою службу при дворе они наделялись землей и получали различные привилегии. Увеличение штата двора и более строгое разграничение полномочий и обязанностей слуг способствовало развитию внутренней иерархии департамента. Если при Эдуарде I камергерами могли именовать всех членов данного департамента, то начиная с правления Эдуарда II так стали называть исключительно старших камергеров королевских покоев. Йоркский ордонанс 1318 г. рассматривает камергера королевских покоев как третье лицо в придворной иерархии вслед

за стюардом, а также хранителем королевского Гардероба. Камергер имел одинаковое с ними жалованье и сопровождение (рыцаря и трех оруженосцев). С XIV в. он становится одним из постоянных членов Королевского совета.

В конце XIV — XV в. должность главного камергера приобретает все большее политическое значение. Именно через него осуществлялся доступ к королю, он также разбирал петиции на имя монарха. Нередко он выступал связующим звеном между королем и парламентом, мог быть членом регентского совета, как, например, в период малолетства Ричарда II. Высокое положение должности зависело от способности занимавшего ее лица контролировать королевскую казну, доступ в королевские покои и прохождение писем на имя монарха. С 1429 г., когда был составлен первый официальный порядок следования степеней достоинств и должностей (*Order of all States of Warship and Gentry of England*), пост королевского камергера давал преимущество занимавшим его лицам среди представителей того же достоинства. В XVI в. высокий статус управляющего Королевской палатой закрепляется в титулатуре должности (лорд-камергер — англ. *Lord Chamberlain of the King's Household*).

Непосредственно в подчинении камергера находились все слуги короля в его личных покоях: привратники, охранники, постельничие и т. д. Количество придворных сквайров варьировалось в зависимости от пожеланий и нужд государя: например, в конце правления Эдуарда III (в 1366–1367 гг.) их было 63 человека, а при Ричарде II (в 1395–1396 гг.) уже 168. Существовала определенная ротация сквайров: в составленной в 1479 г. «Черной книге» Эдуарда IV сказано, что из 40–60 сквайров, состоящих на королевской службе, одновременно должны прислуживать государю 20: они должны были сопровождать персону короля повсюду, прислуживать ему за столом и в других местах.

Таким образом, к концу XIII в. при королевском дворе существовало четыре главных финансовых департамента: Палата, Гардероб, Великий и Частный гардеробы. В отличие от них возникшее при Генрихе I Казначейство (англ. *Exchequer*; лат. *Scaccarium*) являлось государственным финансовым институтом. В 1118 г. в королевском указе впервые используется термин «бароны казначейства» (англ. *barons of the Exchequer*; лат. *barones de Scaccario*) для обозначения должностных лиц, входящих в состав Казначейства. На протяжении

всего XII в. главные должностные лица Казначейства подчинялись непосредственно камерарию.

Первое упоминание о *казначее* (франц. *le tresorer*, лат. *thesaurarius regis*) относится к 1126 г. (первым казначеем стал Нигел, племянник упомянутого выше Рожера епископа Солсбери — капеллана и канцлера Генриха I, при короле Стефане на этом посту его сменил другой племянник епископа Солсбери — Адельм). Сын первого казначея Ричард Фитц-Найджел (или Фитц-Нигел) также на протяжении нескольких лет был казначеем. Его перу принадлежит первый трактат об управлении английским государством — “*Dialogus de Scaccario*”, ставший главным источником для изучения Казначейства эпохи Генриха II. Так же как и на должность канцлера, казначеями назначались, как правило, духовные особы. В XV в. на должность казначея стали все чаще и чаще назначаться миряне: сначала простые рыцари, потом бароны и наконец с середины века — графы. При Генрихе VIII титул казначея королевства звучал как *lord treasurer, lord high treasurer*. В 1558 г. была учреждена должность канцлера Казначейства (англ. *chancellor of the Exchequer*). В отличие от лорда казначея (члена палаты лордов), канцлер казначейства был членом палаты общин.

Сокровищница оставалась в Винчестере до правления Иоанна Безземельного, в XIII в. она была перенесена в Вестминстер, где и собирались бароны два раза в год — на Пасху и в Михайлов день. Уже при Генрихе I по инициативе канцлера Рожера утвердилась практика ежегодных финансовых отчетов шерифов в Казначействе и систематическое копирование этих отчетов в свитки (лат. *Magnum rotulum Scaccarii vel Magnum rotulum pipae* или англ. *Pipe Roll*). Казначейство делилось на две палаты: верхнюю — аудиторскую (*Upper Exchequer*) и нижнюю — поступлений (англ. *Treasury of Receipt, Exchequer of Receipt*).

Важную роль в работе нижней палаты играл клерк Казначейства, фиксировавший поступление денег и запечатывавший полученные мешочки с деньгами. Следующими в иерархии были два подчиненных камерарию рыцаря, хранившие ключи от сундука и отвечавшие за взвешивание монет после их подсчета. Вместе с клерком Казначейства они отвечали за выдачу денег по королевскому указу или предписанию баронов Казначейства. Эти трое сопровождали казначея в его поездках в Сокровищницу из Вестминстера в Винчестер. К более низким должностям относились весовщики, плавильщики и чеканщики. Наконец, существовал еще и *изготовитель талли* (англ. *tally-cutter*).

На заседания верхней палаты также приглашались канцлер, казначей, камерарий, коннетабль и маршал или их представители.

Судопроизводство. Принципиальной вехой в истории английского судопроизводства стало правление Генриха II. До проведенных им реформ основная масса тяжб разбиралась или в сеньориальных судах, или в куриях графства, или сотни (последние также нередко находились под властью пользующихся иммунитетом лордов). Как и во Франции, в Англии королевская курия являлась высшей судебной инстанцией. Традиционно в ней разбирались дела, затрагивающие интересы государя, тяжбы между непосредственными держателями короны, а также апелляции на приговоры судов низших инстанций.

Эволюция королевской курии из суда чрезвычайного, разбирающего очень небольшое число дел, в ординарный, доступный всем свободным подданным королевства, наметилась еще при Генрихе I. Именно этот государь утвердил деление королевства на специальные округа, в которые посылались группа королевских *разъездных судей* (лат. *judices itinerantes, jusitae errantes*). Пришедшая в упадок в период войны Стефана Блуаского и Матильды, эта практика была восстановлена и получила дальнейшее развитие при Генрихе II. Председательствуя в судах графств, королевские судьи автоматически превращали разбирательства в заседания королевской курии. При этом, что особенно примечательно, традиционный сакрально-формалистический обрядовый процесс (известный по германским правам) заменялся на инквизиционный, с расследованием дел через присяжных. Любой свободный человек мог за определенную плату получить приказ короля (англ. *breve, writ*) на расследование его дела в королевском суде. В случае отсутствия денег или нежелания нести судебные расходы человек мог обратиться к старой сакрально-формалистической процедуре, продолжавшей применяться в местных судах. Впрочем, согласно судебным ассизам Генриха II целый ряд гражданских (прежде всего иски, связанные с землей) и уголовных (особо тяжкие преступления) дел автоматически попадали в разряд *placita coronae*, т. е. были подсудны исключительно королевскому суду. Дела вилланов и других несвободных людей продолжали рассматриваться исключительно в манориальных куриях их сеньоров.

С конца XII в. наметилось, а век спустя утвердилось окончательно разделение судебных функций королевской курии между несколькими инстанциями. В 1178 г. создается главная королевская курия (лат.

capitalis curia Regis) в составе пяти правоведов (двух клириков и трех мирян), которые и вершили суд именем короля. Позднее этот суд получил название *Суда королевской скамьи* (англ. *Court of King's Bench*; лат. *Bancum Regis king's Bench*). Поскольку этот суд был неразрывно связан с персоной государя и, следовательно, мог менять свое место расположения, путешествуя вслед за монархом, бароны, а с XIV в. Парламент неоднократно обращались к королям с просьбами установить для него постоянное место пребывания. Лишь в XV в. Суд королевской скамьи окончательно осел в Вестминстере. В состав суда входило в разное время от трех до пяти судей (*justiciarii*), старший из которых со времен правления Эдуарда I именовался верховным судьей Англии (лат. *capitalis justiciarius ad placita coram rege tenenda*). В отличие от верховного юстициария, должность которого была упразднена в 1265 г., верховный судья уже не играл роль королевского наместника в государственных делах, но представлял короля исключительно в сфере правосудия. Независимой от этого суда инстанцией оставалось только Казначейство в Вестминстере. Важно отметить, что *Суд казначейства* (Палаты шахматной доски) не только вел дела, связанные с вопросами о сборе доходов, но также принимал к рассмотрению споры между частными лицами.

К сфере выделившегося из курии в конце XII в. *Суда общих тяжб* (англ. *Court of Common Pleas*; лат. *Commune Bancum*) относились гражданские дела между свободными подданными английской короны, не затрагивающие права короля. Огромное количество исков привело к тому, что уже Эдуард I запретил разбирать в этом суде иски на сумму менее 40 шиллингов, оставив их в ведении местных судов. Однако на практике этот запрет был малоэффективным. Поэтому в дальнейшем короли пытались решить проблему загруженности суда за счет увеличения числа судей: если при Генрихе III их было трое, то при Генрихе VI — уже восемь человек.

Начиная с XIV в. параллельно с судами общего (англ. *common law*) права возникает канцлерский *Суд справедливости* (англ. *equity*), появление которого связано с практикой апеллирования к королю по искам, отклоненным в общих судах по каким-то формальным причинам. Король через канцлера оказывал помощь просителю в порядке «милости»: фактически дело получало разбирательство не по праву страны, а по «справедливости» и без присяжных заседателей. Канцлер вызывал ответчика в свой суд *sub poena*, т. е. под страхом штрафа, и применял тюремное заключение к лицам, уклоняющимся от выполнения его решений.

С XIV в. высшим судом в Англии стал *Парламент*, точнее, палата лордов, разбиравшая жалобы на решения судов общего права и суда канцлера, а также рассматривающая некоторые уголовные дела в качестве суда первой инстанции. Палата лордов вела дела по обвинению своих членов в государственной измене (англ. *high treason*) и тяжких уголовных преступлениях (англ. *felony*), а также процессы против высших должностных лиц королевства, обвиненных в злоупотреблениях. В последних случаях обвинение («импичмент») возбуждалось палатой общин, выполнявшей функции жюри присяжных заседателей, как представительницей всех графств.

Стюарды и Департамент дворцового хозяйства. Внутренняя структура управления жизнью королевского двора в эпоху Средневековья во многом определялась замковой архитектурой. Основными элементами любой резиденции были покои (англ. *chamber*, лат. *camera*) и холл (англ. *hall*). Личные покои государя (впрочем, как и большинства других феодалов), как правило, находились на втором этаже, что отразилось в названии департамента — англ. *upstairs*. Холл, располагавшийся на первом этаже здания (соответственно — англ. *downstairs*), объединял хозяйственные службы и заполнялся низшими слугами. С ростом потребностей феодала, с улучшением домашнего комфорта, увеличением количества слуг развивалась внутренняя архитектурно-пространственная планировка покоев и холла, получавшая и институциональное закрепление. Покои достраивались определенным количеством вспомогательных комнат и личных покоев для господина и его семьи. Вокруг холла, в свою очередь, формировались различные хозяйственные службы. Покои и холл являлись не просто архитектурными элементами дворца — они определяли внутреннюю дифференциацию придворных: покои заполнялись преимущественно знатью и рыцарями, холл — представителями средних и низших сословий.

В сравнении с организацией управления королевскими покаями структура департамента дворцового хозяйства (англ. *Household below stairs* — букв. «Двор нижнего этажа»), или просто *Хаусхолда* (*Household*), была более развитой и сложной. Внутренняя организация Хаусхолда соответствовала трем основным функциям: хозяйственному и продовольственному снабжению двора; финансовому обеспечению Хаусхолда; надзору за поведением слуг и придворных.

Первоначально штат слуг был невелик и выполнял исключительно хозяйственные обязанности. Один из первых ордонансов, регулировавший придворный порядок, изданный при Стефане Блуаском

(1135 г.), сообщал, что слугами Королевского холла руководили *сенешаль* (франц. *seneschal*), именуемый в ряде документов стюардом (англ. *steward, stiweard*, от староанг. *stih* — холл и *weard* — хранитель), и *виночерпный* (англ. *master butler*). Они имели равные статус и жалованье. Первый руководил приготовлением и поднесением блюд для королевского стола, а второй заведовал хранением вина и разливал его за столом. Им подчинялись низшие слуги, часть из которых получала жалованье и стол, а другая только стол (например, работники скотобойни)²⁴. Аналогичные хозяйственные функции слуг холла подтверждались ордонансом Эдуарда I 1279 г.²⁵

Выделение Королевского холла в особый хозяйственный департамент с привязанными к нему службами (субдепартаментами) окончательно произошло в начале XIV в. Этот процесс был зафиксирован в серии ордонансов Эдуарда II 1318 и 1323 гг. В них закреплено структурное и функциональное разграничение покоев и холла. Каждый департамент имел собственный штат и руководство, которое не должно было вмешиваться в управление другим департаментом.

Наибольшего влияния Хаусхолд достиг в XIV–XV вв., когда Королевский холл стал центром общественной жизни двора и государства в целом. Его штат значительно увеличился, а функции усложнились. Возникла необходимость в учреждении особых служб для контроля над возросшими расходами департамента на продовольственное и материальное обеспечение двора, выплату жалованья его слугам, для надзора за деятельностью слуг. В это же время высшие должностные лица холла получили определенное политическое влияние при дворе и были освобождены от решения чисто хозяйственных вопросов. Руководители департамента оставили за собой только общее управление делами Хаусхолда, передавая повседневный контроль за его деятельностью своим заместителям и клеркам. Поскольку руководители департамента непосредственно имели дело с придворными финансами и были в определенной степени близки к монарху, то на эти посты претендовали прежде всего представители английской аристократии.

---

²⁴ Constitutio Domus Regis//English Historical Documents/Ed. D.C. Douglas. 2nd ed. 8 vols. L., 1966–1981. Vol. 2. P. 454–460.

²⁵ The Household Ordinance of 13 November 1279//English Historical Documents. Vol. 3. P. 581–586.

В XV в. прекращение традиции совместных трапез короля и его слуг привело к тому, что отпала необходимость в содержании большого количества стольников (англ. *sewers*), привратников (англ. *porters*), приставов (англ. *marshalls of the Hall*), посыльных (англ. *messengers*) и других слуг, входивших в состав холла. Королевский холл стал одним из рядовых субдепартаментов дворцового хозяйства (наряду с кухней, пекарней, винным погребом и др.). Его штат к 1478 г. был сокращен наполовину и подчинялся лорду-стюарду не напрямую, а через Гофмаршалскую контору и Счетную палату Хаусхолда.

Вскоре после Нормандского завоевания глава Королевского холла — *главный сенешаль*, или *стюард Англии* (лат. *seneschallus totius Angliae*), приобрел статус первого королевского слуги. Все назначения при дворе делались непосредственно королем или же от его имени главным стюардом и хранителем Гардероба. Пост главного стюарда предоставлял занимавшему его лицу преимущество в порядке следования среди всех пэров того же достоинства. Уже при Генрихе II Плантагенете должность стала наследственной. Пост был разделен между графскими домами Лестеров и Норфолков. Деление сохранялось до коронации Генриха III, когда должность в качестве почетного титула была передана графу Лестеру, который заплатил Норфолку выкуп в качестве компенсации за ее потерю. Звание стюарда Англии (англ. *Steward of England*) стало рассматриваться как дополнение к титулу графа Лестера, а позднее, после осуждения Симона де Монфора (1265 г.), перешло к графам Ланкастерам. Этот титул передавался среди Ланкастеров до тех пор, пока один из них не взошел в 1399 г. на престол под именем Генриха IV и не соединил его с короной. С этого момента должность лорда Верховного стюарда Англии (англ. *Lord High Steward of England*) учреждалась только на время коронаций и других торжеств.

Впрочем, стоит еще раз подчеркнуть церемониальный характер должности главного стюарда. В 1227 г. насчитывалось пять королевских стюардов, которые и занимались реальным управлением двором. Достаточно трудно определить их статус, положение при дворе и характер распределения обязанностей. В течение XIII в. их количество сократилось до двух. В ордонансе Эдуарда I 1279 г. один из них фигурирует как «главный стюард», а второй — как «другой стюард»²⁶.

²⁶ The Household Ordinance of 13 November 1279//English Historical Documents. Vol. 3. P. 581–586.

С 1293 г. королевский Хаусхолд управлялся уже одним стюардом. Возможно, одной из главных причин сокращения числа стюардов стало возрастание военной роли всего двора в период завоевания Шотландии и Уэльса. Именно с этого времени королевский стюард утверждается в качестве светского главы придворного штата в противовес другим высшим должностям двора, занятым служителями Церкви, и становится членом Королевского совета.

Основные обязанности королевского стюарда были зафиксированы в ордонансе 1279 г. Впоследствии они лишь развивались и уточнялись. Совместно с казначеем стюард должен был осуществлять финансовый контроль над расходами двора, составляя ежедневные отчеты. Он проверял годовые расходы всего двора, в том числе королевского Гардероба и винного погреба. Как и во Франции, в Англии стюард был главой всех придворных слуг, он также отвечал за снабжение двора всем необходимым²⁷. Однако в отличие от континента деятельность стюарда не распространялась за пределы двора. Во Франции начиная с XI в. сенешали были главными министрами и командующими королевскими войсками. В Англии стюарды даже не участвовали в заседаниях Казначейства, правда, главный стюард был постоянным членом Королевского совета, обладателя этой должности также регулярно приглашали в Парламент.

Кроме административно-хозяйственных обязанностей за стюардом закрепились полицейские функции при дворе. Суд стюарда двора появился в конце правления Эдуарда I в рамках общего процесса становления двора как особой административной системы. Он имел собственный штат, отчетные записи (*rolls*), специальную процедуру. Являясь главой дисциплинарного суда Хаусхолда (англ. *court of the verge*; лат. *Curia virgae palatii domini regis*), стюард прежде всего разбирал дела по нарушению финансово-хозяйственного порядка при дворе, штрафуя виновных за чрезмерные траты и расходы придворных служб. Стюард также имел право уголовной и гражданской юрисдикции над королевскими слугами, где бы двор ни находился. С середины XIV в. суд стюарда, призванный охранять тишину и спокойствие «в резиденции короля и ближайших окрестностях», а также разбирать жалобы на слуг Хаусхолда и поставщиков двора, стал независим от Суда королевской скамьи. Апелляции на его пригово-

---

²⁷ The Household Ordinance of 13 November 1279//English Historical Documents. Vol. 3. P. 584.

ры могли направляться только на имя самого короля. Во время путешествия короля по провинциальным резиденциям полномочия суда переносились на их территорию, что часто было причиной недовольства и жалоб местных жителей в Парламент, поскольку юрисдикция придворного суда главенствовала над всеми другими судами.

Исполнение дисциплинарных распоряжений и приговоров лорда-стюарда находилось в сфере ответственности *королевского пристава* (англ. *king's usher*, франц. *le chivaler chief ussher*) и его помощников — *приставов Королевского холла* (англ. *knights marshalls of the Hall*; франц. *les chivalers marchals de la Sale*). В обязанности приставов входила охрана двора от проникновения посторонних лиц. Согласно ордонансу 1318 г. никто из слуг не должен был содержать жену или другую женщину при дворе. Приставы обязаны были следить за этим и ловить проституток (трижды пойманная при дворе отправлялась под арест на 40 дней). В подчинении у пристава холла (рыцаря) находился сержант (франц. *serjeant; servins*), выполнявший обязанности церемониймейстера (англ. *harbinger*, лат. *marescallus hospitator*), и йомен (франц. *valet*, лат. *valettus*), надзиравший за арестованными членами холла.

Согласно статуту Эдуарда III *пристав Суда королевской скамьи* (лат. *marescallus banci regii*, франц. *marshkal du Banc du Roy*) возглавлял особую придворную тюрьму (*Marshalsea*) и заботился о поддержании порядка и спокойствия во дворце. Отчасти его функции пересекались с обязанностями королевских привратников и королевской стражи, но именно судебный пристав должен был совладать с нарушителями и преступниками благородного происхождения. Первоначально согласно статуту Эдуарда III он сопредседательствовал с лордом-стюардом в суде, отвечал за проведение церемоний и определял порядок доступа к королю. Позднее судебный пристав вошел в штат холла, сохранив за собой чисто полицейские функции. Должность пристава Суда королевской скамьи просуществовала до 1849 г. Судебные приставы, в обязанность которых входит подготовка выдержек из обвинительных актов и прошений, существуют в Великобритании до сих пор.

Обеспечение двора продовольствием находилось в ведении двух подотчетных стюарду служб: пекарня и винный погреб составляли одну, кухня — вторую. Кухня, в свою очередь, делилась на кладовую, птичник, судомойню и соусную. Штат кухни составлял несколько десятков человек, причем около одной трети (поварята, кухонная прислуга) не оплачивались, а перебивались различными разовыми выплатами, подачками и приработками. Во главе этого субдепарта-

мента стоял *старший клерк королевской кухни* (франц. *le chief clerk, clerk-contreroullour*). Он проверял качество продуктов, поступающих из кладовых, представлял ежедневные и ежемесячные отчеты стюарду, отвечал за качество и количество приготовленных блюд. Во главе пекарни и погреба также стоял клерк, отчитывавшийся каждый вечер перед стюардом и хранителем Гардероба в расходах хлеба, вина и эля.

Во главе каждого из подчиненных стюарду департаментов стоял сержант (во второй половине XIV в. их было около 20). Поскольку структура дворцового хозяйства подразделялась на королевские покои и холл, соответственно для кухни и для погреба существовало по два сержанта: один отвечал за покои, другой — за холл. В ряде других больших департаментов также было по два сержанта: например, в холле было два сержанта-пристава, отвечавших за поставку дров и тростника, а также следивших за порядком; из двух сержантов-маршалов один контролировал порядок рассаживания в холле, другой выполнял обязанности глашатая. К четырем главным департаментам (кухне, маршальской службе, погребу и хранилищу специй) также были приписаны клерки, отвечающие за документацию и контроль за расходом продуктов. Самый большой департамент — маршальский состоял из 100–200 грумов и валетов, а также троих сержантов. Некоторые низшие хозяйственные службы не имели в своем штате ни сержантов, ни клерков — за них отвечал клерк одного из главных департаментов. К числу последних относились склад свечей и воска, погреб для хранения пива и эля, кладовая для мясных продуктов и дичи, королевский птичий двор и королевская скотобойня, посудомоечная и ряд других.

В XIII–XIV вв. появилась должность *королевского торгового надсмотрщика* (англ. *clerk of the Market*; франц. *le clerc de marche*), который инспектировал рынки вокруг резиденции короля или на пути продвижения двора, особенно те из них, на которых делались запасы для двора или где королевские слуги покупали продукты для себя. Он хранил эталоны мер и весов и при их помощи контролировал проведение торговых операций, а также рассматривал споры между английскими и иностранными купцами. Он имел право накладывать определенные штрафы на нарушителей. Причем за нарушения, обнаруженные у нескольких торговцев, штрафу мог подвергнуться весь город. Таким образом, через королевского торгового надсмотрщика монарх выступал как гарант честной торговли.

Одним из важнейших хозяйственных субдепартаментов двора являлась интендантская контора (англ. *Acatry* от старофранц.

achatour — закупщик, покупатель). В ее обязанность входила закупка продовольствия на рынке, прежде всего мяса и рыбы, и его первичное хранение до распределения по специальным кладовым. Во главе конторы стояли два сержанта и клерк.

Многие из подчиненных стюарду слуг не относились ни к одному из департаментов: врачи, менестрели, сокольничие, егеря, посыльные, лучники и военные сержанты. Большинство из этих должностных лиц имели непосредственный доступ к персоне короля и могли пользоваться его особым расположением.

В 1370-е гг. Гардероб тратил около 80 фунтов ежегодно на содержание королевских собак (50–70) и псарей (15–20). Псари получали 1,5–2 пенса в день. Соколиная охота была занятием более дорогим и более престижным, чем псовая. Сумма, затрачиваемая Гардеробом на королевских охотничьих птиц в XIV — начале XV в., обычно не превышала 200 фунтов, но в 1367–1368 гг. Эдуард III потратил на это развлечение более 600 фунтов. При дворе Эдуарда III было 50–60 различных охотничьих птиц. На службе состояло около 40 сокольничих (лат. *falconarii*), которые получали по 2 пенса ежедневно. Главный сокольничий получал 1 шиллинг в день и находился в ранге сквайра. Птицы располагались в королевских питомниках в Чаринге и Вестминстере, хранитель питомника всегда назначался самим королем. Птиц тренировали на протяжении всей их жизни: для этого их отсылали за пределы двора в королевские маноры.

Маршальская служба. С воцарением королей из нормандской династии в Англии появилась должность коннетабля (англ. *constable*; лат. *comes stabuli, constabulatus*). Впрочем, вплоть до середины XII в. английские коннетабли существенно отличались от своих французских «коллег». Дело в том, что в Англии коннетаблей было очень много, поскольку так именовались не только командиры отдельных военных частей, но также главы гарнизонов крепостей и командиры кораблей (лат. *constabularia navigii Regis*). Только в период правления Стефана появляется *constabularia* как родовая, наследственная должность, обладатель которой именовался лордом великим коннетаблем (англ. *lord high constable*). До 1373 г. должность принадлежала де Боэнам, в 1380 г. она в качестве дочернего приданого Мэри де Боэн перешла к Генриху Болингброку, будущему Генриху IV. От Ланкастеров должность перешла к Стаффордам: вместе с этим родом должность прекратила свое существование в 1521 г. В обязанности коннетабля входил контроль за милицией графств и войсками

ополчения. Командование войсками было исключительной прерогативой самого короля или предоставлялось избранным им лицам по особому распоряжению.

Маршальская служба традиционно была связана с лошадьми и транспортом. В XII в. во главе ее стоял *magister marescallus* (лат.), который позднее будет именоваться *маршалом Англии* или *графом-маршалом*. Довольно быстро должность маршала стала наследственной, что отразилось в родовой фамилии ее обладателей — Маршал. В подчинении главного маршала находились лица, ответственные за содержание определенного количества лошадей, заготовку фуража и т. д. (лат. *marescalcia*, *marescalcia avium*, *marescalcia mensurae Regis*). В Англии довольно рано вошло в традицию именовать командующего королевскими войсками маршалом, независимо от того, носил ли он этот титул в действительности: например, под 1214 г. хронист Мэтью Пэрис отметил, что король Иоанн назначил Уильяма Солсбери маршалом (лат. *marescalcus*) в своих войсках.

Подобно главным клеркам других департаментов двора, главный клерк маршальской службы вел свиток, в который он заносил все денежные поступления и расходы, а также фиксировал заработную плату, причитающуюся каждому члену департамента за день работы. Разумеется, плату никогда не выплачивали ежедневно или вообще регулярно: время от времени главный клерк подводил баланс и вручал тому или иному лицу билль, после чего выплата денег происходила в Гардеробе или в Казначействе. Главный клерк был ответственен не только за выплату жалованья, но также за расход сена, овса, соломы, упряжи и других вещей, необходимых для лошадей, экипажей и их обслуги.

К маршальской службе были приписаны два сержанта: один сопровождал короля, чтобы вести его коня; второй был ветеринаром. В подчинении у этих сержантов находились конюхи, йомены, каретники и т. д. В 1334 г. служба включала 13 йоменов и кузнецов, 20 возниц и столько же верховых для сопровождения экипажей, 54 поводыря для вьючных лошадей, 108 верховых.

Адмиралтейство. Островное положение Англии испокон веков подразумевало особое внимание правителей к мореходству и кораблестроению. Еще в раннее Средневековье купец, трижды переплывший с товарами через море, удостоивался ранга тэна. Флот был не только единственным средством для поддержания экономических и политических связей с континентом, но и средством поддержания мира в подвластных английскому королю землях. Не случайно еще

в конце IX в. Альфред Великий начал подготовку к борьбе с датчанами со строительства огромного флота (около 100 кораблей).

Между тем фактически на протяжении всего Средневековья военный флот рассматривался главным образом как средство для перевозки сухопутной армии. При этом важно отметить, что число непосредственно принадлежавших короне судов во все времена было крайне невелико. Например, известно, что подготовку к первой экспедиции во Францию в 1415 г. Генрих V начал именно со строительства королевского военного флота. В результате было построено всего около 10 кораблей. Остальные суда король получил за счет корабельной службы подданных, которая заключалась в предоставлении государю прибрежными городами на определенный срок готовых к бою кораблей, укомплектованных необходимым числом людей. Если предоставленных судов было недостаточно, король мог дополнительно нанять или чаще всего подвергнуть аресту и на время реквизировать принадлежавшие купцам и рыбакам корабли без какого-либо возмещения убытков владельцев. В мирное время наблюдалась обратная тенденция — купцы также могли брать в аренду королевские суда. Превращение купеческого судна в военное не требовало серьезной перестройки. До начала XVI в. сама конструкция кораблей не предполагала размещения боевых орудий, поэтому при столкновении враждебных судов сражение велось лучниками и арбалетчиками, располагавшимися на специальных надстройках — кастлях. Эти надстройки были, собственно, единственным отличием торгового корабля от военного.

Во время экспедиций ответственность за флот возлагалась на назначаемых *адмиралов* (франц. *amiral*; англ. *admiral*; лат. *admirallus*). Впервые должность адмирала упомянута рядом с именем Уильяма де Лейбурна в грамоте Эдуарда I 1297 г. В обязанности адмирала входил контроль над небольшими эскадрами, посылаемыми ежегодно «охранять моря». Обычно собирались две отдельные эскадры для Северного моря, а также для Ирландского моря и Ла-Манша. В 1540 г. в название должности было внесено определенное изменение: Джон Расселл был записан как лорд Великий адмирал (лат. *magnus admirallus*). Помимо администрации флота лорд-адмиралу подчинялись военные офицеры, которых он назначал лично или через вице-адмиралов, а также суд Адмиралтейства (назначение судей тоже было прерогативой адмирала).

Единственным должностным лицом, отвечавшим за поддержание немногочисленных королевских кораблей, их починку и обе-

спечение всем необходимым, за создание доков, постройку или наем складов, обеспечение корабельных смотрителей и т. д., был *клерк кораблей* (англ. *clerk of the ships*). Сама должность прослеживается со времен Иоанна Безземельного. Клерк не нес ответственности за корабли, пока они находились в море, где за них всецело отвечали их *управляющие* (англ. *master*) и корабельные экономы. Управляющий был вторым человеком на корабле после капитана, имевшего власть над матросами и солдатами и осуществлявшего общее руководство экспедицией. Управляющий заботился о сохранности корабля во время похода и о порядке на судне. Капитан мог арестовать любого офицера или матроса на корабле, кроме управляющего.

В эпоху классического Средневековья существовала еще одна важная должность, связанная с морской службой короне, — наделенный судебными полномочиями *хранитель побережья* (англ. *keeper of the coast*, лат. *custos orarum*). Назначения на эту должность делались непосредственно королем. Со второй половины XIV в. упоминания об этих должностных лица прекращают встречаться. С этого времени судебные функции перешли под контроль адмиралов Севера, Юга и Запада. Во второй половине XV в. появляется Суд адмиралтейства.

Быстрый рост флота в первой половине XVI в. повлек увеличение и разветвление бюрократического аппарата, что привело к созданию в 1546 г. *Совета по морским делам* (англ. *Council of Marine Causes or Marine Council; Council for Our King's Fleet, Our Ship's Causes Council*, с XVII в. — *Navy Board*). Председателем этого Совета, выполнявшего роль своего рода посредника между советом и лордом-адмиралом, стал вице-адмирал или лейтенант, глава военно-морского вооружения (англ. *master of the naval ordnance*). В сферу деятельности Совета по морским делам попали все аспекты военно-морской деятельности, исключая непосредственное руководство военными операциями и снабжение продовольствием. Совет не имел ежегодного бюджета, но в руках его офицеров была полная свобода действий над теми денежными средствами, которые выделялись Казначейством. Этот Совет представлял собой не столько коллегиальный орган, сколько объединение должностных лиц, несших индивидуальную ответственность за отдельные аспекты морской администрации. Единственная коллективная функция, отраженная в патентах, состояла в подписании отчетов друг друга.

Королевские вооруженные сержанты (личная охрана короля). Вплоть до конца Средневековья основные принципы организации охраны персоны короля не претерпели значительных изменений по

сравнению с англосаксонской эпохой. При королевском дворе всегда находилось определенное количество рыцарей (обычно 40–45 человек, в середине XIII в. — до 100), готовых сразиться за своего государя. Несмотря на то что эти рыцари, как правило, занимали разного рода придворные и административные должности, им предписывалось иметь соответствующую их статусу военную экипировку и вооруженную свиту (оруженосцев, пажей, слуг), а также в случае необходимости выставлять обговоренное количество конных и пеших воинов. Даже клерки, которые были, за редким исключением, священниками, во время военных кампаний должны были выставлять определенное количество воинов. Таким образом, военный контингент двора подразделялся на придворных с их свитой и собственно постоянную *королевскую охрану* (англ. *knights and esquires of the household*, с XIV в. — *knights of the Chamber*; франц. *dez valletz de la Chamber*). Это разделение, внешне изменяясь, просуществовало вплоть до начала Нового времени.

Важнейшей военной структурой двора являлась небольшая группа *сержантов-латников* (англ. *sergeants-at-arms*; франц. *les sargeantz d'armes*). По ордонансу 1279 г. их было 20, а по ордонансу 1318 г. — 30 человек. В обоих ордонансах рыцари упомянуты поименно, чего удавалось только лицам, занимавшим высокое положение и важные должности при дворе. После подавления крестьянского восстания 1381 г. Ричард II увеличил число своих сержантов до 90 человек, что, по мнению современников, было чрезмерно. Регулярно (в 1390, 1394, 1397 гг.) Палата общин требовала от короля сокращения числа сержантов и возвращения к правилам ордонанса 1318 г. В 1397 г. Ричард снова попытался серьезно модифицировать королевскую охрану: для этого он нанял 300 чеширцев, разделив их на семь отрядов (лат. *vigilia*), которые сопровождали короля повсюду днем и ночью (эта мера была крайне непопулярна при дворе и в народе). После очередного заговора против Генриха IV в 1400 г. приближенные также советовали ему значительно увеличить королевскую охрану, но, судя по всему, никаких серьезных мер в этом направлении не было принято.

МЕСТНАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ

Шерифы. Особое место королевские министералы занимали в медленно складывавшейся местной администрации. Основу территориальной организации Англосаксонской Британии на протяжении

всего раннего Средневековья составляли сотни, заданные еще родоплеменной структурой. Главным органом самоуправления сотни было *сотенное собрание* (англ. *hundred-gemt, hundred-moot*), на котором разбирались и решались уголовные и гражданские дела, возникавшие между сельскими общинами и, следовательно, выходявшие за пределы сельских сходов. Во главе сотни стоял избранный собранием *старшина* (англ. *hundreds-ealdor, hundredman*). Первые указания на появление должностей, связанных с необходимостью представлять персону короля на местах, относятся к рубежу VII–VIII вв. До этого времени король лично управлял народом и лично творил правосудие, благо размеры сложившихся после англосаксонского завоевания королевств были весьма невелики.

Самые ранние свидетельства раздела англосаксонских королевств на особые административные округа – шайры (англ. *scir*), которые в русском языке принято называть графствами, относятся к правлению Альфреда Великого (871–900). Изначально слово *scir* означало «должность», что свидетельствует в пользу предположения о том, что деление страны на графства было инициативой королевской власти. Вплоть до середины XII в. в Англии было всего семь графств, границы которых в основном совпадали с границами древних англосаксонских королевств. Во главе каждого графства стояли утвержденные королем и уитанагемотом *элдормены*. Элдормены возглавляли ополчение и председательствовали в народном собрании (англ. *folk moot, shire moot*), созываемом два раза в год. После Нормандского завоевания произошло постепенное замещение англосаксонского титула элдормена латинским словом *comes*.

Рядом с элдорменами находились назначаемые королем *геретыфы*, представлявшие центральную власть на местах. *Gerefa* (лат. *praefectus*) – очень общий термин для обозначения любого доверенного человека крупного землевладельца. Первые упоминания о королевских геретафах относятся к законам Ины: этим термином обозначался человек, взимающий причитающиеся королю штрафы. Начиная с VIII в. геретыфы или префекты часто упоминаются в королевских грамотах в качестве свидетелей. Во времена Альфреда у короля было много геретов: одни стояли во главе шайров, городов или населенных пунктов, другие управляли королевскими поместьями. Несколько раз в источниках встречаются упоминания о *главном геретефе* (англ. *heah-gerefa*). По всей видимости, это была главная должность в королевстве. Чаще всего назначенный на нее человек должен был управлять крупнейшими го-

родами или областями (такими важными, как Нортумбрия или область Дэнло). В англосаксонских королевствах главный герефа был аналогом каролингского маркграфа (нем. *markgraf*). Во времена Кнута Великого на эту должность был назначен эрл Уэссекса и Кента Годвин, при Эдуарде Исповеднике — сын Годвина Гарольд, ставший впоследствии последним англосаксонским королем. Существует предположение, что должность главного герефы была прототипом должности юстициария при королях Нормандской династии.

Герефы шайров, со временем превратившиеся в *шерифов* (англ. *sheriff*), осуществляли надзор за правосудием, отвечали за поддержание правопорядка во вверенных им областях (в их обязанность входил розыск преступников и расследование преступлений), собирали полагавшиеся короне регулярные и экстраординарные налоги и штрафы, контролировали оформление торговых сделок, наблюдали за торгово-ремесленной деятельностью и чеканкой монеты и т. д. Шериф также должен был следить за тем, чтобы землевладельцы графства с доходом, превышающим 20 фунтов (позднее 40 фунтов) в год, принимали рыцарский статус. Сами шерифы или назначенные ими балифы также отвечали за управление королевскими поместьями и манорами.

В эпоху смутного времени борьбы за английский престол между Стефаном Блуаским и дочерью Генриха I Матильдой произошло существенное ослабление центральной власти. В этот период графам удалось сосредоточить в своих руках максимальную власть. Стремясь привлечь на свою сторону наибольшее число магнатов, Стефан существенно увеличил количество графов: за время своего правления он сделал 19 назначений. Быстро осознав все преимущества новой политики, Матильда также начала создавать новые графства. В этот период граф перестает быть просто почетным титулом, превращаясь в военного и административного главу своего графства (англ. *omitatus*). Именно ему подчиняются шерифы и местные юстициарии. Некоторые из новоиспеченных графов прежде были шерифами и сохранили за собой эти должности после получения титула. Взойдя на английский престол в 1154 г., Генрих II начал проводить политику, направленную на ослабление власти местных магнатов и усиление централизации. С этого времени шерифы постепенно занимают лидирующие позиции в графствах, председательствуя в судах и собраниях. Отныне именно на них ложатся обязанности по защите графства: сбор ополчения, поддержание крепостей, дорог, снабжению войск и т. д.

К середине XIV в. в Англии существовало 27 шерифств (англ. *sherievalties*) и два палатината. Пять шерифств (Ланкастер, Вестморленд, Ратленд, Корнуолл, Вустер) держались на правах лена и передавались по наследству. Наследственные шерифы (могущественные лорды королевства, находившиеся в родстве с королевской фамилией, такие как граф Ланкастер, граф Уорик, герцог Корнуолл) не сами выполняли свои обязанности, а представляли казначею и баронам казначейства вице-шерифа. В этих шерифствах шериф нередко выполнял обязанности сенешаля графства. Шерифство Лондона и Мидлсекса управлялось двумя выборными шерифами. Остальных шерифов назначал король. Одиннадцать шерифов назначались в одно графство, десять — в два (Бедфорд и Бэкингэм; Эссекс и Хартфорд; Норфолк и Суффолк; Ноттингэм и Дерб; Оксфорд и Берк; Шроп и Стаффорд; Сомерсет и Дорсет; Суррей и Суссекс; Уорвик и Лейстер). Шерифом Дарема был палатин-епископ, шерифом Честера — палатин-граф (этот титул, как правило, даровался старшему сыну короля). Согласно ордонансу 1311 г. шерифов назначал Королевский совет, в котором обязательно должны были присутствовать канцлер и казначей. В случае отсутствия канцлера шерифов назначали казначей, бароны Казначейства и судьи королевской скамьи. Согласно этому ордонансу шериф получал назначение, скрепленное Большой печатью королевства.

Вступая в должность, шериф приносил в Казначействе клятву верно служить королю, защищать законы и людей во вверенном ему графстве. В начале XIV в. лондонцы, воспринимавшие своих шерифов как муниципальных должностных лиц, настойчиво добивались права самим принимать присягу на верность. Вступив на престол в 1327 г., Эдуард III даровал Лондону право принимать присягу и контролировать деятельность своих шерифов, за исключением финансовой отчетности. Шерифы занимали должность, пока король не назначал их преемников. Частая смена шерифов была традиционным явлением. Для XIII в., прежде всего для эпохи правления Генриха III, типичным было назначение на должности шерифов лиц, занимающих ключевые позиции в королевской администрации. В этот период 30 из 37 шерифств принадлежали пожизненно главным куриалам, одно держал бывший хранитель королевской казны, Лондон и Мидлсекс были выборными, остальные — наследственными. Разумеется, ни один из куриалов не мог самостоятельно выполнять обязанности шерифа во вверенных ему областях, назначая подотчетных себе вице-шерифов. В 1340 г. был издан статут, запрещающий шерифам занимать должность более года.

Одним из главных требований к кандидатам на должность шерифа было, помимо честности, обладание землями и держаниями, которыми шериф мог бы ответить перед королем и народом за свои деяния. По социальному статусу шерифы принадлежали к рыцарскому сословию, при этом более половины из них были сквайрами.

Дважды в год (на следующий день после Пасхи и после Михайлова дня) шерифы лично должны были являться в Казначейство с собранными деньгами и финансовым отчетом. Только болезнь или исполнение особого королевского поручения могли служить для шерифа оправданием его неявки с отчетом. Но даже в этом случае в специально назначенный день шериф должен был явиться в Казначейство с удовлетворительным отчетом. Опоздание на один день грозило ему штрафом в 100 шиллингов, что повторялось на второй и третий день, не явившийся на четвертый день шериф должен был предстать перед королевским судом.

Для успешного выполнения всех указанных обязанностей шериф имел в своем подчинении ряд помощников (лат. *ministri*), среди которых обязательно был его главный заместитель — вице-шериф, а также писарь, казначей, тюремщик, сержанты, балифы сотен, разъездные балифы, констебли замков и городов. Шериф лично нес ответственность перед королевским судом за деятельность назначенных им балифов.

Управляющий выморочными фьефами (*escheator*). В отличие от многих других должностей, возникших в Средние века и благополучно существующих в настоящее время, должность управляющего выморочными фьефами исчезла с концом эпохи феодализма. В обязанности управляющего входил контроль за доходами казны, поступавшими от держаний, владельцы которых умерли без наследников; от фьефов малолетних вассалов, не способных нести военную службу, принадлежавших королю до времени их совершеннолетия (наследники мужского пола считались совершеннолетними в 21 год, женского — в 14 лет); от вакантных церковных бенефициев и конфискованных маноров.

Сама должность управляющего появилась в конце правления Генриха II, когда сведения обо всех выморочных фьефах (англ. *escheats*) из разных графств были сведены в один свиток. В феврале 1236 г. была учреждена должность главного управляющего всеми выморочными манорами и бенефициями к северу от р. Трента (лат. *escheator ultra Trentam*), позднее подобная должность появилась и для южных областей. Подобно шерифам *escheators* были подотчетны Казначейству. Впрочем, в 1275 г. функции *escheators* были переданы шерифам. Однако уже в

1283 г. должности *escheators* областей к югу и северу от Трента были восстановлены. Согласно ордонансам 1311 г. король назначал *escheators* во время заседания Парламента или же, до собрания Парламента, — в Королевском совете. Согласно парламентским свиткам *escheators* должны были сменяться ежегодно и назначаться из уважаемых людей графств, с доходом с земли не менее 20 фунтов в год. В правление Эдуарда II количество *escheators* было увеличено до восьми. Наконец, в 1341 г. Эдуард III назначил всех шерифов *escheators* во вверенных им областях.

Сборщики пошлин. В 1275 г. Эдуард I утвердил первые регулярные пошлины на экспорт шерсти, овчины и кож. Согласно королевскому постановлению, «в крупнейшем городе каждого графства, где есть порт, два человека должны быть избраны для хранения одной половины печати, и один, назначенный королем, он должен хранить вторую половину печати, и они должны поклясться держать ответ перед королем». Пошлины за ввоз в Англию иностранных вин традиционно взимал королевский батлер. Администрация таможи базировалась в главных портах, а также в стапельных городах (Ньюкасл, Йорк, Линкольн, Норидж, Лондон, Винчестер, Эксетер и Бристоль), где иностранные купцы продавали и закупали свои товары. В каждом порту обязательно было два сборщика, один контролер, один сыщик, человек, отвечающий за взвешивание товаров. Иногда специальные сборщики и контролеры назначались для сбора мелких налогов (англ. *petty custom*) и субсидий.

Сборщики (англ. *collectors of customs*) выбирались горожанами, контролер назначался королем. Как правило, по королевскому указу шериф, мэр и балифы города избирали подходящих кандидатов для вакантной должности, после чего созданная королевскими комиссарами коллегия из 12 членов жюри утверждала одного из кандидатов. Избранное лицо в назначенный день являлось в Казначейство для получения соответствующих мандатов. В сборщики чаще всего избирали известных торговцев. Сборщики древних пошлин обычно назначались патентными письмами, выданными Канцелярией и скрепленными Большой печатью. Сборщики новых пошлин назначались Казначейством, патент скреплялся печатью Казначейства. Все сборщики предоставляли отчеты в Казначейство.

Представляющий короля **контролер** назначался патентным письмом, скрепленным Большой печатью. Контролеры занимали свою должность до тех пор, пока это было угодно королю, нередко пожизненно. В XIV в. контролеру (королевскому клерку) строго запрещалось

лось передавать свои полномочия кому бы то ни было, т. е. у него не было в подчинении никаких лиц: он сам осуществлял все подсчеты, сам же вел свиток.

Ответственный за взвешивание товаров *тронаджер* (англ. *tronager*, от *tron* — городские весы) назначался патентным письмом, подтвержденным предписанием, скрепленным Малой печатью. Как и контролер, он был чаще всего мирянином (йоменом или клерком) и его должность не предполагала владение грамотой.

В обязанности *сыщика* входил розыск контрабанды. Согласно протоколам сыскной службы Саутгемптона, «сыщик должен был хорошо знать море, корабли и моряков, смело встречать шторма и злобные шайки, умело разыскивать контрабандные товары, как бы ловко они ни были спрятаны».

Лица, ответственные за налогообложение и сбор налогов. До 1334 г. в Англии не соблюдался главный принцип современного налогообложения, заключающийся в том, что устанавливают (англ. *taxer*) и собирают (англ. *collector*) налоги разные лица. В 1334 г. были приняты определенные меры для обеспечения честных подсчетов налогов: с этого времени этими подсчетами должен был заниматься «духовный лидер области» (аббат, приор, декан кафедрального собора) вместе с королевским клерком, не ответственным за сбор налогов. Главные таксаторы и сборщики назначались в каждое графство или округ (например, Лондон, Йорк, Ньюкасл-на-Тине и Хантингтон в XIV в. приравнивались к графству). Прежде чем приступить к исполнению своих обязанностей, оба должностных лица приносили клятву перед казначеем и баронами Казначейства оценивать добро подданных королевства честно и справедливо и собирать налоги в соответствии с выданными им инструкциями без страха и упрека, не брать ничего, кроме налогов, и предоставлять в том полный отчет. В подчинении у главного таксатора той или иной области находилось 4–6 человек, избранных им из «лучших людей» той местности. Шерифы и другие «важные лица графства» получали инструкции содействовать оценщикам и сборщикам.

Некоторые особенности государственного управления в Южной Италии

Как и сегодня, в Средние века Южная Италия представляла собой культурно-политический регион с судьбой, довольно резко отличавшей ее от североитальянских земель. За тысячелетие приблизительно с 500 по 1500 г. здесь менялись не только племена или царствующие династии, но целые цивилизации: германцы, Византия, арабы, норманны, императорская династия Гогенштауфенов, французы, испанцы. Каждая из них наложила свой отпечаток на формирование институтов власти. Иногда сложившееся в результате Сицилийское королевство Фридриха II, к середине XIII в. объединившее под властью одного сильного монарха все исторические области к югу от Лацио, называют «образцом» средневекового этатизма, государственного рационализма, провозвестником современных бюрократий. Однако даже об этой наивысшей точке развития неправомерно говорить как о *системе* государственных институтов, ибо она все же была лишена собственной надличностной механики, оставалась слишком неустойчивой и зависимой от политической конъюнктуры, настроения государя и личностей придворных. Это не снимает необходимости изучать особенности функционирования здесь как власти в целом, так и отдельных должностей как на длительных временных отрезках, так и на отдельных синхронных срезах. Именно с таких методологических позиций мы предлагаем не систематическую историю, но ряд очерков из истории государственного управления в Южной Италии.

ВИЗАНТИЙСКИЙ ПЕРИОД

Около 597 г. лангобарды взяли Капую и чересполосицей подчинили себе часть южноитальянских земель. В то время под властью Константинополя, в целом мало интересовавшегося итальянскими

территориями и не способного сражаться на два фронта, оставались Венецианская лагуна, Романья, север Анконской марки, узкий коридор вдоль виа Армерина, шедшей с севера к Риму, отчасти сам Рим с прилегающими землями вплоть, на юге, до устья Гарильяно, герцогство Неаполитанское, включавшее полуостров Сорренто и г. Амальфи, побережье Апулии и Калабрии. Во время юстиниановых завоеваний Сицилия считалась собственностью императора и по его законодательству управлялась *претором*, а в конце VII в. была превращена в фему с юрисдикцией на часть Калабрии²⁸. Отныне византийский *стратиг* единственной фемы «Сикелия» был важным участником политической жизни италийских земель, а после падения Равеннского экзархата в 751 г. стал основным фактически полномочным представителем василевса.

Состояние войны и явный перевес сил в пользу лангобардов в Южной Италии постепенно привели к милитаризации общественной жизни. Это хорошо видно по политической лексике того времени. Слово *numerus* (в смысле «войскового соединения») применяется равнозначно с *civitas*, а *tribunus* из командующего таким подразделением превращается в главу города (известны, например, подобные трибуны Отранто и Сипонто в Апулии). В Комаккьо синонимично используются понятия *miles* (воин) и *cives* (гражданин). В Неаполе совокупность горожан называется *pars militiae*. Военные стали правящим классом, точнее, правящий класс, в том числе местный, милитаризировался.

В то же время уже Прагматическая санкция (554), изданная Юстинианом после победы над готами «по просьбе Вигилия, достопочтенного Римского папы», возлагала большие светские административные полномочия на Церковь в лице епископов. Вместе с крупными местными землевладельцами (*primates*) они должны были выбирать провинциальных наместников с судебными полномочиями (*iudices provinciarum*). Здесь, как и в других странах, Церковь стала крупным землевладельцем — с той особенностью, что в этой экспансии ее поддерживала власть василевса, нуждавшаяся в сохранении более или менее устойчивого администрирования опустевших, разоренных земель хотя бы ради пополнения фиска. Очевидно,

²⁸ Именно в это время название «Калабрия», в античности относившееся к нынешней Апулии, было перенесено с каблука на носок Апеннинского сапога, прежде называвшийся Бруттием.

что епископат комплектовался в основном из тех же самых местных латифундистов, умелых администраторов, под покровительство которых переходили землевладельцы помельче. Так, например, св. Лев Чудотворец (VIII в.), прежде чем стать епископом Катании, управлял владениями Равеннской церкви. И среди всевозможных арендаторов церковных земель мы также постоянно встречаем *milites, tribuni, magistri militum, notarii* и других гражданских чиновников.

Значение стратига Сицилийской фемы не спасло остров от арабского завоевания, прошедшего довольно быстро в середине IX в. Тогда же многие лангобардские сеньоры, наследники уничтоженного Пипином и Карлом Великим Лангобардского королевства, по примеру самого значительного из них, князя Беневенто, стали вербовать наемников среди африканских и испанских арабов. В результате вся Южная Италия на время была отдана на милость немилосердных арабских банд. Если на о. Сицилия Аглабиды создали новое государство со своей системой администрации, впрочем, не слишком хорошо известной, если на континенте, в г. Бари, в середине IX в. также несколько десятилетий просуществовал независимый эмират, то в целом присутствие арабов на христианских землях расшатало и без того непрочные основы администрирования как греческих, так и лангобардских земель. Сказать о них что-то конкретное фактически невозможно.

Как бы далека ни была Южная Италия от берегов Босфора, Византия не могла себе позволить просто наблюдать, как она превращается в базу возросшего морского могущества Ислама. В конце IX столетия часть Южной Италии была отвоевана. Вождь этой быстрой успешной операции, Григорий, был человеком скорее гражданским, чем военным. Войдя в отвоеванный Бари, один из главных городов Апулии, этот «императорский протоспафарий и баюл христоролюбивого господина» (нам еще предстоит увидеть, как мало отношения к реальным административным функциям имели подобные титулы) отправил местного *гастальда* и представителей городской знати в Константинополь для принесения присяги. Тем самым он показал, что греки пришли сюда не для бескорыстной помощи и восстановления власти лангобардских сеньоров, а для того, чтобы остаться²⁹. Было восстановлено фемное устройство во главе со стратигом. Несмотря на то что Сиракузы, древняя столица фемы «Сикелия», осталась в руках арабов,

---

²⁹ Von Falkenhausen V. I bizantini in Italia//Bizantini in Italia. Milano, 1982. P. 47ss.

стратиг восстановленной фемы продолжал именоваться сикелийским вплоть до середины X в., когда Византия признала поражение, и фема с центром в Реджо была переименована в Калаврийскую.

Фемы были к тому времени традиционным наименованием византийских провинций, управлявшихся стратигами. Их определенная автономия гарантировалась т. н. «стратиотика ктимата» (στρατιωτικὰ κτήματα), т. е. земельными наделами, которыми земледельцы наделялись взамен военной службы, «стратии». Чтобы избежать злоупотреблений со стороны стратига, он по закону Льва VI (886–912) не мог быть родом из вверенной ему фемы, его полномочия ограничивались тремя-пятью годами, после чего он переводился в другую фему или на иную должность. Стратигу Сикелии-Калабрии приходилось обеспечивать оборону Калабрии, строптивного, стремившегося освободиться от византийской опеки Неаполя и Отранто от постоянных нашествий арабских пиратов. Судя по «Сикуло-сарацинской хронике» X в., его усилия были почти напрасны.

В 892 г. византийский генерал Симватикий взял «столицу» лангобардов Беневенто: на завоеванных территориях возникла фема Лагувардия (иначе: Лонгивардия), включившая земли Апулии и Базиликаты. Местные лангобарды ненавидели греков, поэтому совсем скоро стратиг Варсакий перебрался в Бари, который из недавней столицы эмирата превратился на два столетия в главный византийский город Южной Италии. Стратиг обосновался в Бари во дворце Преторион (иначе — «императорском дворце», «дворце катепана»), стоявшем на месте нынешней знаменитой базилики св. Николая. Из Беневенто же византийцев изгнали, и там обосновался новый герцог. 27-я глава написанного в 948–952 гг. трактата «Об управлении империей» Константина Багрянородного весьма путано (и, кажется, намеренно путано) излагает историю и устройство фемы Лагувардия, включая в нее реально независимые «принципаты» и «архонтии», большие и малые политические объединения, возникавшие в то время в Южной Италии вокруг крупнейших городов³⁰.

Эта двусмыслица типична для византийской политической мысли, но за ней стоит и реальность политической жизни региона: размытость и подвижность границ, непостоянство объединений, часто возникавший вакуум власти делают сложной для историка

---

³⁰ *Константин Багрянородный. Об управлении империей*/Ред. Г. Г. Литаврин, А. П. Новосельцев. М., 1991. С. 100–101.

реконструкцию не то что системы, но хотя бы каких-то особенностей управления в этих протогосударствах.

В Лангобардской феме наряду с установленными греческими продолжали жить лангобардские институты власти. Основной административной единицей в лангобардских княжествах и герцогствах в VIII–IX вв., по-видимому, был *гастальдат*, но мы почти ничего не знаем о его реальной деятельности. Гастальды были одновременно домениальными агентами и административными представителями беневентского государя, что отразилось в использовании по отношению к ним терминов *actus* и *judiciaria*. Однако если в управлении герцогскими концессиями их роль очевидна, то следов их общественной, судебной деятельности не сохранилось³¹. Гастальды назначались чаще всего из лично близких герцогу людей, но иногда и из местной аристократии, которая, особенно в Кампании, стремилась к наследованию этой должности. Важной базой управления землями были такие факторы, как непосредственная связь государей со средними и мелкими землевладельцами, а также общеевропейский феномен, известный в историографии по немецкому термину *Eigenkirche*, «собственная церковь». Сеть епископата и церковная иерархия были развиты здесь слабо, поэтому приходы находились в сильной зависимости от светских властителей, выполняя за эту поддержку ряд административных функций.

Между реальной Лагувардской фемой и лангобардскими княжествами не было четких границ, но все же самые плодородные равнины и плоскогорья, Капитаната (совр. провинция г. Фоджа) достались византийцам, став надолго камнем преткновения. Несмотря на явные противоречия, две системы управления сосуществовали: лангобардские князья иногда обращались за военной и дипломатической помощью к стратигу, а Константинополь милостиво наделял их титулами, введя «варваров» в развитую имперскую номенклатуру, что, видимо, тешило их самолюбие. В X в. князь Салерно Гваймарий II и Ландольф, сын Атенольфа I, князя Капуи и Беневенто, стали *патрикиями*, *префектурой* Салерно Мансон — *снафарокандидатом*. Нередко такие титулы получали как латинские, так и греческие епископы Апулии.

Церковная жизнь не могла не стать предметом особой заботы новой власти. Потеря Сиракуз, древней столицы фемы «Сикелия», была

---

³¹ *Martin J.-M. La Pouille du VIe au XIIe siècle. R., 1993. P. 226–234.*

оплакана греческими поэтами и монахами. Взамен в ранг митрополита были возведены епископ Реджо Калабрии, епископ Отранто (Апулия), создана новая митрополия Санта Северина (Северная Калабрия). Все они были подчинены непосредственно константинопольскому патриарху, и это не могло не привести к конфликту с Римской курией. Понтификам удалось удержать за собой некоторые другие диоцезы Апулии, например Таранто. Борьба юрисдикций не могла не сказаться на всех сторонах жизни южноитальянских земель. Православная литургия вместе с имперской идеологией навязывалась новым итальянским подданным Византии, включая иудеев, для укрепления византийского управления, с точки зрения василевса и его окружения, она была даже важнее греческого языка.

Церковь Апулии формально по большей части подчинялась Римской курии, за исключением Отранто, Галлиполи и Кастро. Юрисдикция епископов была строго территориальной: латинский епископ во многих случаях должен был управлять греческими монастырями и приходами. Характерно, что в Кампании, Молизе и Апулии не было митрополий, все диоцезы подчинялись напрямую папе. Византийская традиция государственного управления требовала по возможности, совпадения административной столицы фемы с ее духовным центром. Наверное, поэтому в 953 г. впервые упоминается архиепископ Канозы и Бари, пребывающий в Бари. Папа имел слабое влияние на замещение епископских кафедр в феме Лагувардия, которые даже не платили ему обязательную для всего Запада десятину. И возведение Бари в ранг митрополии явно было делом Восточной империи, поскольку лишь в 1025 г. курия юридически признала свершившийся факт. И это несмотря на то что архиепископ служил по-латински и вслед за ним — весь архидиоцез!

Во второй половине X в. Южная Италия стала ареной противостояния двух достойных друг друга соперников, имевших вполне четкие представления о прерогативах своих Римских империй: Никифора II Фоки и Оттона I Великого, в 962 г. венчавшегося в Риме императорской короной. И хотя византийские источники молчат о вторжении германских рыцарей на греческие территории, не случайно в 970 г. впервые встречается новый титул *катепана Италии* (*κατεπάνω Ἰταλίας*). В византийской административной номенклатуре IX в. этот термин обозначал начальника военного соединения (соединенные вместе слова *κατά* и *ἐπάνω* означают «над», «выше», «сверх»), а в X в. так стали называть военных наместников, ставившихся во главе крупных окраин,

например Месопотамии. Наличие в титуле «Италии» будило ассоциации с древним Италийским экзархатом, а может быть, и с недавним *Regnum Italicum* короля Адальберта, находившегося под протекторатом Константинополя и как бы узурпированного новоявленным германским императором. В связи с этим становится понятным, почему столь неудачным было посольство Лиутпранда Кремонского, понятно недовольство василевса, считавшего вторжение западных рыцарей на территорию фемы оскорблением *его*, византийской, «Италии»³².

Вновь основанный катепанат заменил Лагувардскую фему, а нынешняя Калабрия осталась самостоятельной административной единицей. В константинопольской табели о рангах, составленной в 971–975 гг., катепан оказался на 29-м месте, стратиг Калабрии — на 62-м. Ясно, что за появлением претенциозного титула стоял план василевса по созданию настоящей италийской провинции, защищенной как от притязаний западного императора, так и от нашествий сарацин, план, не сбывшийся по целому ряду причин. Преемники Никифора, в том числе и достойный его Василий II Болгаробойца, видимо, уже не отправляли туда своих лучших чиновников: не случайно первые катепаны были по столичной иерархии *анфипатами патрикиями*, а около 1000 г. — всего лишь *протоспафариями*.

Вообще, кроме катепанов и стратигов лишь высшее финансовое, военное и судебно-полицейское руководство формировалось из византийцев. Заместителями стратигов и катепанов по общим делам служили *эк-просопу* (буквально: «от лица кого-то», «заместители») и *комиты*, в военных делах — *турмархи* и *доместики* на высшем уровне, *топотириты* — на более низком, в качестве командующих подразделениями и комендантов крепостей. Все эти термины и стоящие за ними должности — довольно древнего, константинопольского происхождения, известны как по византийским военным трактатам, так и по табели о рангах, надписям на печатях и другим свидетельствам, но в Южной Италии реальное соотношение их рангов и властных полномочий могло меняться от случая к случаю.

Средние звенья пополнялись из местной знати. Лангобардские землевладельцы вступали в византийскую администрацию ради общественного престижа и ради государственной поддержки своих частных

---

³² *Лиутпранд Кремонский*. Отчет о посольстве в Константинополь. Гл. IV–VI/Ред., пер. И. В. Дьяконова. М., 1996. С. 126–127.

владений. Другие же, например иноземцы, наоборот, через административную карьеру обзаводились главной «феодалной» ценностью — землей. Так складывался новый лангобардско-византийский правящий слой, в целом неоднородный, непредсказуемый и не слишком преданный Константинополю. Типичным его представителем был Мело-Измаил, «видный горожанин Бари», поднявший не увенчавшееся успехом, но симптоматичное само по себе восстание против Византии. Симптоматичность его была, в частности, в том, что Мело повел на штурм не только местных, но и норманнов, о которых нам вскоре предстоит говорить.

Несмотря на такую неустойчивость, власть катепанов умела демонстрировать силу и эффективность. Например, катепан Войоанн не только победил восставших в битве при Каннах, но и за десять лет своего правления укрепил новыми городами и замками северную часть Апулии, не случайно получившей название Капитанаты (современники знали, что правильно произносить «Катепаната», но элементарная метатеза, возможно, дала рождение всем известному слову «капитан».

НОРМАННЫ. СИЦИЛИЙСКОЕ КОРОЛЕВСТВО

Появившись в Южной Италии в начале XI в., норманнские рыцари-наемники могли убедиться в слабостях своих первых работодателей: византийцев и лангобардских князей. Здесь нет возможности подробно рассматривать историю завоевания норманнами итальянского юга. Ограничусь ключевыми датами. В 1059 г. в г. Мельфи папа Николай II при посредничестве аббата Монте Кассино Дезидерия примирился с норманнами и инвестировал Роберта Гвискара Апулией, Калабрией и Сицилией, последнюю еще нужно было отвоевать у арабов. В том же году Гвискар взял Реджо, Бари сдался в 1071 г. На этом закончилась эпоха катепанов, власть Византии прекратила свое существование на территории Италии³³. Тогда

---

³³ Смею высказать предположение, что одним из источников должности капитана народа (*capitano del popolo*) в североитальянских коммунах, по крайней мере этимологически, мог быть именно греческий титул «катепан», собственно и означающий «глава», а не слово *caput*, как это иногда считается. В XII в., когда византийская власть уже прекратила свое существование в Италии, норманнский адмирал Стефан был также «магистром-капитаном» Апулии. До «катепана-капитана» мог дослужиться и городской глава — баюл (*baiulus*, бальи во французской традиции). (Martin J.-M. Op. cit. P. 820–821).

же, в последней четверти столетия, постепенно сдались сицилийские мусульмане.

В рамках юрисдикции новой, сильной и совершенно «заграничной» власти оказались территории, управлявшиеся согласно довольно различным традициям, народы, говорившие и, что немаловажно, молившиеся на трех языках: латинском, греческом и арабском. Большую силу и экономическое значение в жизни Южной Италии уже при арабах приобрели многочисленные, монолитные и преуспевающие еврейские общины³⁴. Эпоха норманнов в Южной Италии интересна, собственно, тем, что эти рыцари, которые, распространившись по всей Европе, если верить Марку Блоку, «привозили» с собой феодализм³⁵, здесь, на Юге, смогли создать особую государственность, особые методы управления, вобравшие в себя опыт сразу нескольких цивилизаций. На некоторое время их эксперимент удался, и возведение подвластных норманнам земель в ранг королевства в 1130 г. — главное доказательство быстро утвердившегося международного престижа графской династии Отвилей. Норманнское Сицилийское королевство, «земля трех языков» (*terra trilinguis*), стало для историков нашего времени своего рода «государством-моделью», прообразом рационального современного государственного устройства³⁶.

Смысловым эпицентром высшей административной организации Сицилийского королевства при норманнах стала т. н. *dohana, duana*. Этот термин сохранился в итальянском и французском и стал обозначать таможенную. Восходит же он к арабскому *diwan*. Изучение функций этого «дивана» интересно прежде всего необходимостью сопоставления документов на арабском, греческом и латинском языках³⁷. Диван не был единым учреждением. В палерм-

---

Такое «кочевание» названий должностей между Севером и Югом было обычным явлением в жизни Апеннинского полуострова.

³⁴ *Bresc H.* Arabes de langue, Juifs de religion. L'évolution du judaïsme sicilien dans l'environnement latin, XIIe-XVe siècles. P., 2001.

³⁵ *Блок М.* Феодальное общество. М., 2003. С. 184–185.

³⁶ *Marongiu A.* Uno 'stato modello' nel medioevo italiano. Il regno normanno-svevo di Sicilia // Critica storica. Vol. 2. 1963. P. 379–394.

³⁷ *Takayama H.* The Financial and Administrative Organization of the Norman Kingdom of Sicily // Viator. Vol. 16. 1985. P. 129–155. Id. The Administration of the Norman Kingdom of Sicily. Leiden; N. Y., 1993; *Johns J.* The Royal Dîwân: Arabic Administration in Norman Sicily. Cambridge, 2002.

ском королевском дворце, как это бывало и в других странах, располагались *ad-diwān al ma'mūr* (буквально «королевское управление» или «Великий диван») и «секретный диван», *dohana de secretis* с юрисдикцией на Сицилию и Калабрию. Глава дивана, «секрет», назывался по-латински *secretarius*, по-арабски *as-sahib*, а почетно также — шейх или, по-гречески, «герон», что-то вроде «старейшины». *Ad-diwān al ma'mūr* ведал королевскими землями, земледельцы платили налоги финансовым инспекторам согласно джаридам, *jarida* (лат. *platea*), государственным описям людей и земель, составлявшимся протонотарием. Эти описи действовали не только на королевских землях, но и на территориях феодалов по отношению к тем жителям, которые не были зарегистрированы в *jarida* баронов или церковных приходов.

Dohana de secretis ведала рутинной и специальными вопросами земельного администрирования: межевания, поземельных сделок, взаимоотношений королевских земель и баронских поместий на Сицилии и в Калабрии. В г. Салерно, в Кампании, около 1160 г. была образована *dohana baronum*, диван баронов, названный так потому, что в нем преобладали местные бароны, как бы континентальное ответвление сицилийской системы. В его компетенцию входило обеспечение местных нужд управления: королевских пожалований, распространение и проведение в жизнь указов, судебные функции. Скорее всего, она заменила и ранее существовавший созданный Рожером II институт *провинциальных камерариев* во главе с *магистром-камерарием*, отвечавший за сбор налогов.

Таким образом, управление Сицилийским королевством не было ни регулярным, ни единообразным. Если на острове и в близлежащей Калабрии вассалы короля и церкви не были помехой для прямого административного контроля за подданными, то в других лежащих севернее землях он нуждался в посредничестве вассалов, баронов, зачислявшихся в «каталог баронов» (*catalogus baronum*), одно из немногочисленных, но важнейших свидетельств существования в Южной Италии феодальных отношений³⁸. Норманнская монархия как система управления строилась на традиционно феодальных принципах, но она сумела воспользоваться и византий-

³⁸ Этот уникальный свод, созданный в 1150 г. и переработанный в 1167–1168 гг., сохранился почти чудом. *Catalogus baronum*/Ed. E. Jamison. R., 1972; *Cuozzo E. Catalogus baronum. Commentario.* R., 1984.

ским, и арабским опытом. Джариды были просто переняты от арабов, в Калабрии такие же описи делали греческие нотариусы. «Секретный диван» был творением норманнов, *diwan al ta'mur* — продолжением предшествующей арабской традиции.

Диван баронов был компромиссом с дезорганизующим началом — феодальной вольницей Апулии и Кампании, завоеванной норманнами довольно хаотично и не слишком основательно. Но он же стал и орудием умиротворения и усиления контроля из центра, частью административных преобразований королевской власти, добившейся больших успехов в унификации жизни южноитальянского общества в целом. Для обеспечения королевского мира около 1140 г. здесь начинают разъезжать *юстициарии*, вначале государевы посланцы, а впоследствии, к концу столетия, управители сформировавшихся на месте бывших независимых княжеств провинций: герцогство Апулия было разделено на такие округа, как Капитаната, Терра ди Бари и др., древнее княжество Капуя вошло в обширную Терра ди Лаворо (букв. «Земля труда», преимущественно, конечно, сельскохозяйственного, возможно, восходит к античному топониму «Либурия»). *Юстициарии* рекрутировались из баронов, непосредственных вассалов короля. Они отвечали за правосудие, расследование всех уголовных преступлений и преступлений оскорбления величества, по-нашему — идеологическими вопросами. Вильгельм I распространил юстициариат на Сицилию.

На местном уровне, в городах и сельских общинах, администрирование и сбор налогов при поддержке судей и нотариусов осуществляли назначавшиеся сверху баюлы, которые иногда могли получать, по доброму, уже устоявшемуся обычаю, лестные титулы вроде катепана Апулии, стратига Кампании или Мессины. Сама система управления городами, в целом подконтрольная государству, получила в поздне-норманнское время название баюлат (*baiulatio*). Специальные фискальные чиновники помогали баюлам в сборе важнейших налогов: *платеарии* отвечали за самый тяжелый из них, *plateaticum* («площадной», взимаемый с перевозки и реализации товаров), *портуарии* соответственно за всевозможные портовые сборы. Иногда городские фискальные службы объединялись в *dohane* по сицилийскому образцу, откуда, видимо, значение «таможни».

Чтобы завершить эту картину, несколько слов следует сказать о реформировании феодального мира. На ассамблее в Сильва Марка (1142) Рожер II принял статут, согласно которому все сеньо-

ры были поделены на три категории: графов, баронов и рыцарей. Графы могли иметь своих вассалов и воинов на жалованьи, но они были выведены из центрального управления в пользу «семейных» (*familiars*, согласно византийской номенклатуре), ближайших приближенных, не всегда родственников, составивших Королевский совет. Графы, как и бароны, должны были получать королевское разрешение на брак. Эта норма позволяла государству контролировать формирование линияжей и, следовательно, предотвращать сепаратизм на местах. Редко одной графской династии удавалось удержать за собой управление каким-нибудь графством дольше двух поколений. Вне графств король назначал своих коннетаблей, иногда из тех же юстициариев. В кризисные годы Вильгельм I направлял в континентальные провинции капитанов с расширенными полномочиями. Вильгельм II подчинил эти земли власти великих коннетаблей и магистров юстициариев: графов Танкреда из Лечче и Рожера из Андрии. В такие моменты они становились настоящими вице-королями Апулии и Терра ди Лаворо. Это свидетельствует о том, что норманнская монархия воспринимала их как особые территории, констатировала их отличие от Сицилии и Калабрии. Государство было почти что «федеративным». Да и аристократия была приручена лишь поверхностно, ее глухое сопротивление сразу дало о себе знать в период междуцарствия, перехода власти от Отвилей к Штауфенам, несовершеннолетия и затем отсутствия Фридриха II в Сицилии (ок. 1190–1220).

Эмир, *αμῆρας*, *amiratus*, адмирал. Одна из поучительных страниц в истории сосуществования межнациональных традиций государственного управления в Норманнской Сицилии — возникновение должности, известной каждому школьнику: адмирал. Много страниц было исписано для того, чтобы объяснить происхождение этого термина, обозначающего сегодня командующего эскадрой. Находили что-то вроде «морского командующего» (*amir al-bahr*), «водного начальника» (*amir al-ma*), «командующего транспортным флотом» (*amir ar-rahl*), потому что были уверены, что за окончанием «-ал» обязательно должен стоять арабский артикль, к которому можно было подставить любое приглянувшееся слово. Такая «лингвистика» ничего не объяснила. Очевидно, однако, что греки и латиняне передавали словами *αμῆρας*, *amiratus* арабский титул «эмир» (изначально вообще «начальник»). Первый авторитетный историк арабской Сицилии Микеле Амари понял, что трансформацию *αμῆρας/amiratus* в современное

«адмиралтейство» следует искать «в особых условиях публичного управления Норманнской Сицилии»³⁹.

В «Деяниях Роберта Гвискара» Вильгельма Апулийского от 1072 г. содержится такое свидетельство:

Роберт в царственный град с победой вернулся, а некий Рыцарь, тезка его, править остался в Палермо.
В нем сицилийцы себе с тех пор обрели адмирала⁴⁰.

Перед нами первое упоминание *адмирала*, *amiratus* (будем использовать это понятие условно) в контексте норманнского завоевания и освоения Южной Италии. Это, несомненно, норманнский рыцарь, возможно, родственник Гвискара, который получил военную власть над только что сдавшейся столицей мусульман. Условием этой сдачи после пятимесячной осады было сохранение за арабами основных религиозных и общественных прав и распоряжений. Новый «эмир» должен был стать гарантом порядка, закрепить победу, в то время когда треть острова еще находилась в руках противников (Ното, последний крупный очаг сопротивления, сдался только в 1091 г.). Никаких сугубо гражданских функций он, как и его ближайшие преемники, не выполнял.

На этом начальном этапе норманнской государственности, до обретения статуса королевства, сицилийско-калабрийский двор представлял собой триумвират, состоявший из *логофета*, *протонотария*, или *протокамерленга*, и *адмирала*. Очень трудно реконструировать реальное распределение их функций. *Протонотарий*, исходя из названия должности, скорее всего, возглавлял графскую канцелярию. Южноитальянский *логофет* лишь много позже сравнивается в государственной значимости со своим могущественным константинопольским прототипом, скорее всего, норманны вначале просто заимствовали известный им термин византийской номенклатуры.

Об адмиралах же на заре XII столетия количество сведений увеличивается. Крупным человеком при графах Рожере I, его жене и регентше Аделаиде и при молодом Рожере II, будущем могущественном

---

³⁹ *Amari M.* Storia dei musulmani di Sicilia. Vol. III. Catania, 1937. P. 365–368. (1-е изд. 1854–1872).

⁴⁰ *Reginam remeat Robertus victor ad urbem/Nominis eiusdem quodam remanente Panormi/Milite qui Siculis datur amiratus haberi. Gesta Roberti Wiscardi. III. Vers. 341–343/Hg. D. R. Wilmans//MGH. SS. Bd. 9. S. 272.*

короле, был *адмирал* Христодул, благочестивый калабрийский грек, за какие-то заслуги пожалованный Алексеем Комнином титулом *протонобилиссима*⁴¹. Он входил в высший графский совет, который уже тогда старался ориентироваться на византийский опыт. Характерно, однако, что в сицилийских актах Христодул всегда называется *адмиралом* и почти никогда *протонобилиссимом*, наверное, из своеобразного антивизантийского патриотизма или даже ревности. Напротив, в провизантийском, антинорманнском г. Амальфи (Кампания) нам известны в это время три протонобилиссима, несколько *патрикиев*, *протоспафарии*, *вестиарии*, *протовестиарии*, *дисипаты* и *антипаты*. Византийская чиновная номенклатура была для Южной Италии фактором международной политики, а не только системы управления, если учитывать особую боль василевсов из-за потери южноитальянских земель.

Достойным преемником Христодула был министр Рожера II Георгий Антиохийский, создатель знаменитой палермской церкви Санта Мария дель Аммиральо (известной также как Марторана, по имени основательницы близлежащего бенедиктинского монастыря). Здесь в нартексе можно видеть изображение чиновника у ног Богородицы, а по соседству — короля Рожера, коронуемого Христом⁴². Георгий отличился в некоторых морских операциях, что и привело к историографическому недоразумению: что могло быть более логичным, чем объяснить этими военными успехами основное назначение его поста, а в самом Георгии видеть первого современного адмирала, командующего эскадрой? Такое видение лишено исторических оснований⁴³. Ничего удивительного в том, что государственный чиновник руководил военными действиями на суше или на море, в Средневековье не было, и норманнская Сицилия не была исключением. Георгий достиг

---

⁴¹ *Нобилиссим* был древним византийским титулом, который, как и многие другие, к XI в. девальвировался, что привело к типичному тогда наращиванию приставок превосходной степени, вплоть до абсурдного «протонобилиссимупертатос»! Василевсы традиционно использовали раздачу таких званий в дипломатии, чтобы польстить самолюбию «варваров» или привлечь их на свою сторону.

⁴² Варварская реставрация XIX в. искалечила тело коленопреклоненного адмирала, превратив его благородное деяние в черепаший панцирь, но сохранила нетронутым лицо, в котором, конечно, не следует видеть «портрет».

⁴³ *Ménager L.-R.* Amiratus — 'Αμηνράς. L'émirat et les origines de l'amirauté. XI–XIII siècles. P., 1960. P. 48ss.

высшей степени, *адмирала адмиралов* (*amiratus amiratorum*), до того, как ему были поручены военные действия, а его преемник, не менее талантливый, но менее удачливый адмирал Майон Барийский, вообще не держал в руках оружия. Сицилийский адмирал XII в. был не военачальником, а именно государственным гражданским чиновником.

Георгия величали также *архонтом архонтов*. В Сицилии греческие нотариусы называли архонтами местных должностных лиц, городских и общинных магистратов. Иногда они говорят о придворных архонтах, противопоставляя их архонтам земельным. Одним словом, современники использовали как арабскую, так и византийскую традиции, чтобы выразить то достоинство и ту реальную власть, которыми наделил Георгия король: он был, выражаясь современным языком, премьер-министром. Это подтверждается и арабскими источниками, которые не случайно по аналогии называют Георгия визирем. Влияние Георгия было столь велико, что, когда в 1151 г. его не стало, Рожеру II, который, по свидетельствам современников, созывал умнейших и лучших людей со всех концов средиземноморского мира, нечем было заменить своего министра. Впрочем, он успел возвысить до ранга канцлера не менее замечательного человека: Майона из Бари, а Вильгельм I сделал его адмиралом адмиралов (1154).

Как и Георгий, Майон был, что называется, чистым государственным, правда, местного происхождения⁴⁴. Но в отличие от Георгия у него за спиной не было столь сильного государя. Его бурная, но короткая карьера по-своему показательна. Она демонстрирует нам слабость государственности и рациональных способов управления перед лицом феодального общества. После нескольких лет лавирования между интересами государства и поднявшей голову при слабом монархе феодальной знати Майон был убит. Чтобы разрядить страсти, Вильгельм I не придумал ничего умнее, как поставить на

---

⁴⁴ Сохранился интересный, почти забытый памятник его личной религиозности: комментарий на «Отче наш», посвященный его сыну, Стефану, при жизни отца также носившему титул адмирала, что явствует из посвящения. Это небольшая рукопись, написанная крупным красивым почерком, с титульным листом, украшенным изящным орнаментом в византийском стиле, который главенствовал в сицилийской живописи норманнского времени. Насколько мне известно, это первый комментарий на «Отче наш», написанный мирянином, и вообще одно из первых средневековых дидактических сочинений, созданных вне церковной среды. Рукопись хранится в Париже, в Национальной библиотеке. BnF n.a.l. 1772.

его место человека странного для этой роли, но своего в среде феодальной оппозиции: Генриха Аристиппа, архидиакона Катании, последнего сицилийского адмирала адмиралов. Он более известен в истории науки, чем по своей государственной деятельности. И действительно: примерно через год, как только недовольство улеглось, король предпочел избавиться от Генриха, уморив в палермской тюрьме. Должность адмирала адмиралов прекратила свое существование. Причины тому — в самой силе этой должности и, позволю предположить, в несоответствии природе общественных отношений в Южной Италии. Один проницательный и хорошо информированный современник, оставивший замечательную хронику под псевдонимом Гуго Фальканда, не случайно писал в те годы о завистливой враждебности (именно так в данном случае следует переводить термин *invidia*), которую все общество питало к этой должности, несмотря на явную неординарность ее носителей.

Централизаторские устремления Рожера II зиждились на личной харизме короля и на его умении подбирать талантливых чиновников. Однако такой «этатистский», рациональный подход к управлению, во многом перенятый столетие спустя его внуком Фридрихом II, не мог, видимо, не вызвать реакции, феодальной по своей природе. Но не только. Среди врагов королевской власти следует указать города — в этом отличие норманнской и позже штауфеновской монархий, не сумевших найти компромисс с этой новой силой. Вместе с тем многонациональный фон, на котором зародилась и развивалась монархическая модель Рожера II, постепенно из более или менее гармоничного симбиоза превратился в источник социально-политической неустойчивости и религиозной нетерпимости. Сицилийское королевство и палермская королевская канцелярия сохраняли делопроизводство на трех языках (латинском, греческом и арабском), но жизнь подданных все больше «латинизировалась».

Возможно, реагируя на недовольство и чаяния элиты, во второй половине XII в. власть сама вынуждена была свернуть свои амбиции. Королева Маргарита окружила себя советом из высших прелатов и представителей знати, дюжина значительных графств была роздана им. Ради сохранения единства страны пришлось опереться на феодальный мир, одновременно не дав ему излишней вольности, и пожертвовать унаследованным от Рожера арабо-византийским государственным аппаратом, воспринимавшимся знатью, отчасти справедливо, как виновник крушения ее могущества. Не удивительно, что с

1161 по 1177 г. в Сицилии нет ни одного адмирала, но и королевская власть вплоть до Фридриха II не могла похвастаться былым величием. При последних Отвилях *amiratus* стал почетным званием, достойным завершением государственной карьеры, *dignitas* в большей степени, чем *officium*.

Может несколько шокировать, что мы уделили столько внимания этой должности, так и не очертив ее четких компетенций. Было бы, однако, непростительным анахронизмом и, может быть, даже непониманием природы власти навязывать распорядок там, где его не было и не должно было быть. Адмирал не заменял протонотария, логофета, верховных судей, юстициариев, но разделял с ними часть их функций, в том числе судебных. Чиновник получал место и обязанности не в связи с особым полученным им образованием или «профессиональной» компетенцией — это придет позже, с созданием Неаполитанского университета (1224). Судебные функции высшего чиновника тоже были связаны не с его конкретной компетенцией, а с авторитетом, которое общество придавало его посту.

Однако вспомним, что из сицилийского «амирата» все же возник современный адмирал, т. е. высший морской офицер. В конце норманнской эпохи, на рубеже XII–XIII вв., нам известны адмиралы, сочетавшие руководство флотом с общегосударственными функциями. Например, Гвалтьеро из Модики был «адмиралом королевского флота, магистром королевского секретного дивана и дивана баронов». Флот не был регулярной военной силой, так же как не было и регулярной армии, поэтому такие совпадения функций рано считать правилом. Флотилии создавались от случая к случаю и никакой постоянной иерархии и организации в них быть не могло.

Понадобилось появление особой личности моряка, чтобы его личная слава слилась со «славой» этого государственного титула. Таким легендарным капитаном в конце XII в. стал Маргарит. Нося титул адмирала королевского флота Сицилии, он отличился в восточном Средиземноморье в морских битвах с сарацинами и с византийцами (прелюдии IV Крестового похода). Его знание морей поражало воображение современников, хронист Роджер Хоуденский, квалифицируя его, не случайно играл словами: между *admiralis Margaritus* и *admirabilis Margaritus* («удивительный»). Маргарит, этот полукорсар, получиновник, благотворитель монастырей родной Мальты, входил в число ближайших советников, «семейных» при последних норманнских королях. Такой чиновник был полезен, но, как всегда, опасен: в

чем-то заподозренный новым властителем Юга Генрихом VI Штауфеном, он был выслан в Германию, потом вроде бы выпущен, но к прежним функциям уже не вернулся.

Характерно, что, сам того не желая, своей славой он окончательно, а не временно связал понятие адмирала с морем. Генуя первой переняла эту эстафету у Сицилии: под 1226 г. «Генуэзские анналы» упоминают первого «адмирала победоносного генуэзского флота». К 1245 же году иерархия генуэзского флота утвердилась. Великая морская республика не замедлила вернуть Сицилийскому королевству эстафету: все адмиралы флота Фридриха II Штауфена (1220–1250), императора Священной Римской империи и короля Сицилии, были генуэзцами. Фридрих II был крупным законодателем, и, как и во многих областях государственной жизни, его нормы относительно должности адмирала, принятые в 1239 г., стали основополагающими для европейской традиции⁴⁵.

МОНАРХИЯ ФРИДРИХА II

Фридрих II Гогенштауфен, наследник Сицилийского королевства по матери, Констанции Отвиль, вошел в историю как один из великих государственных реформаторов зрелого Средневековья, «первый современный человек на троне» (Ницше), интеллигент и непримиримый борец с папством. Молодой Буркхардт начал свое знаменитое исследование культуры Возрождения в Италии с описания штауфеновской бюрократии, «государства как произведения искусства»⁴⁶. Максимализм оценок великого историка очевиден, Сицилийское королевство, реформированное Фридрихом II после 20 лет анархии, вовсе не было совершенным, первым «современным» государством, как это часто хотела представить патристически настроенная историография Италии и Германии. Исследования последних двух десятилетий показали мифологичность такой трактовки. Однако нельзя отрицать, что, восприняв и переосмыслив норманнскую традицию администрирования,

---

⁴⁵ *Capitula pertinentia ad officium ammiratie* стали первой в истории регламентацией должности адмирала. Они были приняты после долгого отсутствия адмирала в администрации Сицилийского королевства (*Huillard-Bréholles J. L. A. Historia diplomatica Friederici II. T. V. P. 577–583*).

⁴⁶ *Буркхардт Я. Культура Возрождения в Италии. М., 1996. С. 9–10.*

Штауфен во многом оказался у истоков современных принципов управления государством.

Фридрих II стал королем Сицилии в четырехлетнем возрасте, потеряв отца и мать (1197–1198) и получив папу Иннокентия III в регенты и опекуны. Сицилийское королевство формально превратилось в лен курии, что, несомненно, отразилось на политическом мировоззрении молодого короля и повлияло в дальнейшем на его политику, направленную на создание абсолютно самостоятельной, независимой от Церкви, всесторонне развитой системы управления именно здесь, в родовом гнезде Отвилей. В Германии, напротив, будучи римским королем и императором, он предоставил и городам, и феодальным сеньорам серьезные автономии и управлением фактически не занимался. Для достижения престижнейшего императорского титула юному Фридриху II, уже включившемуся в управление Сицилией, пришлось на восемь лет (1212–1220) отбыть в Германию. В первое двадцатилетие XIII в. феодализм, что называется, взял реванш над навязанным норманнами «этатизмом»: при временщиках, толпившихся вокруг трона, во всех областях королевства возникли многочисленные самозванные графства. Характерно, что все эти новые элементы стремились обзавестись и титулами устоявшейся королевской бюрократии вроде капитана, юстициария и т. п. Один могущественный временщик, Гульельмо Каппароне, придумал себе титул «хранителя короля и магистра-капитана». Однако безвластие привело к глубокой децентрализации государства, полному разрушению центральной фискальной администрации, отделению острова от континента. Местные сеньоры, ввязавшись в усобицы, стали создавать собственные административные структуры, точнее, их жалкое подобие, необходимые для финансирования бесконечных войн.

Такова была ситуация на Юге в 1220 г., когда в декабре император вернулся в королевство⁴⁷. Свои представления о государственном устройстве он изложил уже через несколько дней в Капуанских ассизах и через год — в Мессинских постановлениях. Его целью было восстановление добрых обычаев времен Вильгельма II, т. е., в его представлении, централизованной монархии образца до 1189 г., основанной на лично связанной с короной администрации,

---

⁴⁷ *Martin J.-M.* L'administration du Royaume entre Normands et Souabes// Die Staufer im Süden. Sizilien und das Reich/Hg. Th. Kölzer. Sigmaringen, 1996. S. 113–140.

способной противостоять центростремительным действиям земельной знати.

Королевская канцелярия. Активным переустройством Сицилийского королевства в 1220-х гг. Фридрих II поставил перед Великой курией (так он называл свой «госаппарат») новые масштабные задачи. Отзыв (ревокация) привилегий временщиков и самозванцев, связанные с ней делопроизводство и переписка потребовали увеличения персонала канцелярии. Если в Германии у Фридриха II, тогда еще римского короля, работало несколько писцов, то сразу после возвращения в Сицилию пришлось нанять 16 новых нотариев, с 1223 г. это число продолжало расти, хотя мало кто из них оставался надолго. Индивидуальные карьеры таких средних чиновников прослеживаются редко. Большинство из них были выходцами из некрупной кампанской знати или из горожан. В Кампании, в г. Капуя существовала тогда знаменитая школа *ars dictaminis*, искусства деловой переписки и латинской стилистики. Именно созданная этими образованными нотариями особая куриальная латынь, умело смешивавшая классическую цicerоновскую ясность со средневековой витиеватой образностью, создала европейскую славу сицилийского двора. Не удивительно также, что многие из них стали первыми итальянскими поэтами сицилийской поэтической школы. Документы штауфеновского делопроизводства, дипломы Фридриха II вместе с «частной» перепиской его чиновников, войдя в т. н. «Письмовник Петра Винеяского», стали образцами для подражания при королевских дворах, в епископских канцеляриях и в самой Римской курии⁴⁸.

Наиболее успешные из сотрудников канцелярии достигали высот власти, иные довольствовались в награду феодальными пожалованиями. Не менее половины из них подписывались званием магистра, это значит, что они учились в университетах (Болонском или, с 1224 г., Неаполитанском), некоторые обладали не только литературным

---

⁴⁸ Более или менее полным и надежным изданием государственных актов Сицилийского королевства при Штауфенах остается: *Huillard-Bréholles J. L. A. Historia diplomatica Friderici II. 8 vv. P., 1852–1861.* Лишь несколько лет назад мюнхенский институт *Monumenta Germaniae Historica* начал давно запланированное критическое переиздание этого свода. Частную переписку нотариев см.: *Huillard-Bréholles J. L. A. Vie et correspondance de Pierre de la Vigne. P., 1865; Nicola de Rocca. Epistolae/Ed. F. Delle Donne. Firenze, 2003.*

(точнее, риторическим), но и юридическим образованием и зачастую участвовали в управлении и дипломатических миссиях. Новшеством по отношению к норманнскому времени было активное привлечение клира, что противоречит устоявшемуся в историографии представлению об антиклерикализме императора и созданной им государственной машины. Член канцелярии Гвидо из Каравате входил в придворную капеллу. Император понимал важность их присутствия для налаживания сотрудничества с курией, особенно в редкие моменты мира (перед подготовкой Крестового похода 1228–1229 гг. и в середине 1230-х гг.). Но и в более сложное время они оставались на своих местах.

Формально руководство канцелярией до 1221 г. находилось в руках одного из олигархов междуцарствия — канцлера Вальтера Пальяры. После него новый канцлер не назначался, но известно несколько протонотариев, камерарий Риккардо, логофет Андрей и хранитель императорской печати аббат Казамари Иоанн. Все они сыграли важную роль в управлении королевством в 1220-х гг., хотя и сложно говорить о четком распределении функций. В начале столетия диван продолжал свое существование, но потерял межобластное, общегосударственное значение, ограничившись финансовым контролем над Сицилией и Калабрией. В 1219 г. он был разделен между двумя секретами: один находился в Палермо и ведал Западной Сицилией, другой — в Мессине, занимаясь соответственно восточными землями острова и, с помощью камерариев, Калабрии.

Финансовое управление. Фридрих II построил финансовое управление государством на местах на основе баюлата, рекрутировавшегося главным образом из зажиточных горожан. Баюлы подчинялись камерариям и высшим камерариям (*magister camerarius*), представлявшим верховную власть в крупных областях вроде Апулии. Они были представителями местной южноитальянской знати и торговой элиты и подчинялись непосредственно императору (за исключением калабрийских, подчинявшихся Мессине). Их основной задачей стало воплощение в жизнь программы отзыва привилегий, т. е. материальное и правовое укрепление центральной власти, управление королевскими доменами, контроль за выполнением баронами их вассальных обязательств, за регулярным поступлением десятины, полагавшейся церковным приходам. В гражданских процессах камерарии выступали апелляционной инстанцией в судах, проводившихся в городах баюлами. Типичным, очень близким к императору и его семье камерарием был Риккардо, женившийся на представительни-

це рода Отвилей. Он ведал делами двора (и, более узко, «палаты» императора, *camera*, откуда название должности) с 1212 по 1239 г., но, видимо, с перерывами. Он отвечал и за организацию праздников, финансовое обеспечение не отличавшихся скромностью нужд императора, его многочисленных амбициозных архитектурных и оборонительных проектов, военным жалованьем, займами и их погашением. Несомненно, Риккардо располагал большим профессиональным штатом сотрудников, о которых, правда, известно слишком мало, а для делопроизводства прибегал к помощи нотариев канцелярии.

Судопроизводство. Третьей инстанцией Великой курии наряду с канцелярией и палатой стал *верховный суд*. Он существовал и при норманнах, но Штауфен придал ему более строгую общегосударственную иерархическую структуру: коллегия из четырех-пяти верховных судей, *justitiani*, возглавил *верховный юстициарий*. Энрико ди Морра, владевший землями в районе Авеллино в Кампании в течение 20 лет (1222–1242), был доверенным лицом государя, выполнял, помимо судебных дипломатические поручения и представлял персону императора в областях королевства. В конце 1240-х гг. его сменил Риккардо ди Монтенигро (недалеко от Монте Кассино, на севере Кампании), переживший на этом посту смерть Фридриха II, затем Конрада и убитый в уособице в 1256 г.

Возвышение роли судей в управлении государством естественно повлекло за собой рост престижа возрожденной юриспруденции, усилило нужду в политически благонадежных юристах. То было время бурного развития этой науки — как основанной на рецепции римского права цивилистики (т. е. гражданского, светского права), так и канонистики, т. е. церковного права. Именно в этом культурно-политическом контексте как государственную реформу следует рассматривать создание в 1224 г. университета в Неаполе (*studium generale*), считающегося иногда, не совсем корректно, первым *государственным* университетом Европы в отличие от якобы свободных от государственной опеки университетов Парижа, Болоньи и т. д. Действительно, университет получил, согласно учредительным хартиям, значительную финансовую поддержку власти, но взамен этого строгая система экзаменов, по крайней мере по медицине и праву, была связана с участием королевских чиновников. Университет, конечно, был задуман прежде всего как кузница профессиональных кадров для аппарата, что, однако, не обязательно предполагало уменьшение интеллектуальной свободы в изучении свободных искусств,

богословия, наук о природе, того же права. Тому доказательство — творчество Фома Аквинского, выпускника этого университета и выходца из знатного лангобардского графского рода, породнившегося с императором и давшего ему несколько верных придворных⁴⁹.

Одним из организаторов университета был знаменитый итальянский юрист Роффредо из Беневенто, профессор гражданского права, бывший также, что характерно, придворным судьей и дипломатическим представителем Великой курии. Однако и как чиновник, и как преподаватель он работал с перерывами, часто удалялся на научный покой в родной Беневенто, позволял себе сотрудничать даже с папской курией и гвельфскими городами севера. Его университетские курсы лекций, *Questiones sabbatinae* и *De ordine judiciario* (этот последний в какой-то мере отражает юридические казусы из Беневенто), пестрят изысканными оборотами, стихами, которые, несомненно, привлекали к нему студентов. Литературное мастерство в сочетании с профессионализмом юриста должно было импонировать и вкусам любителей замысловатой риторики и литературным упражнениям латинистов Великой курии.

Карьера Роффредо прослеживается по изданным и неизданным источникам лучше, чем у многих его коллег, но, скорее всего, она отражает общую тенденцию: даже чиновники, сохранявшие верность престолу в сложных перипетиях итальянской политики первой половины XIII в., редко шли ровным путем, *cursus honorum*. В силу зачастую не известных нам причин важные государственные должности оказывались вакантными на годы, следовательно, они не были незаменимыми. Почти научная рационализация, бюрократизация, отчасти монетаризация управления все же не предполагали постановки его на прямые рельсы повседневной, устойчивой государственной рутины. Функции распределялись, как это было и в других странах, по-прежнему *ad hoc*, в зависимости от личных качеств каждого чиновника, от его личных связей внутри королевства и за его пределами, от его принадлежности миру или клиру, от отношения к нему императора, наконец, от внешнеполитической конъюнктуры. Посланником ко двору понтифика мог быть назначен как епископ, что логично, так и человек совершенно светский вроде Петра Винейского или Фаддея Свесского. И авторитет таких южноитальянских чиновников как

---

⁴⁹ Подробнее об университете и его роли в культурной и политической жизни Сицилийского королевства см.: *Воскобойников О. С. Душа мира. Наука, искусство и политика при дворе Фридриха II. М., 2008. С. 44–63.*

при штауфеновском дворе, так и среди кардиналов, ничуть не уступал авторитету высших церковных иерархов королевства. Что еще более странно, на первый взгляд Римская курия умела ценить даже таких подозрительных чиновников императора, как астролог Михаил Скот или философ и переводчик Феодор Антиохийский. И астролог, и философ (возможно, по аналогии с арабскими хакимами) были именно чиновниками двора, поскольку участвовали в управлении.

Карьеры Петра Винейского и Фаддея Свесского (Сесса Аурунка) хорошо демонстрируют значение высших государственных должностей в глазах южноитальянского общества и государя. Петр, пожалуй, самый знаменитый исторический персонаж Сицилийского королевства после самого Фридриха II. Лучший латинист капуанской школы, активный участник поэтического кружка, фигура, если угодно, «проторенессанская», он находился у подножия трона фактически все время правления Штауфена, с начала 1220-х до 1248 г. Нося звание протонотария, он не занимался рутинным делопроизводством, но писал своим характерным стилем самые важные государственные антипапские и антигвельфские манифесты, личные письма государя, выполнял сложнейшие государственные миссии (при заключении брака Фридриха II с английской принцессой, на I Лионском соборе, где император был объявлен не только отлученным, но и низложенным). Став одним из верховных судей, он также не участвовал в регулярных заседаниях но был наряду с Фаддеем, верховным судьей, высшей апелляционной инстанцией, поскольку в 1230–1240-х гг. никто не был обличен столь высоким доверием государя.

Это многое объясняет в государственном устройстве: протонотарий Великой курии, верховный судья, наконец, логофет Сицилийского королевства (т. е. буквально «законодатель» или «законоговоритель») — почетные звания, а не функции, дарованные государем в благодарность за верность и заслуги перед троном (Петр был из незнатных). Так они и воспринимались элитой, что вовсе не делало власть подобных чиновников номинальной, напротив! Однако и продолжительность такого полета напрямую зависела от расположения императора: в 1248 г., во многом трагическом для королевства и лично для императора, Петр Винейский был обвинен в измене, арестован и через год то ли умерщвлен, то ли покончил жизнь самоубийством. Уже хронист Салимбене считал эту историю одной из важнейших политических ошибок и несчастий великого государя, а Данте посвятил ей несколько замечательных и исторически точных строк:

Я тот, кто оба сберегал ключа
От сердца Федерика и вращал их
К затвору и к отвору, не звуча,
Хранитель тайн его, больших и малых.
Неся мой долг, который мне был свят,
Я не щадил ни сна, ни сил усталых.
Развратница, от кесарских палат
Не отводящая очей тлетворных,
Чума народов и дворцовый яд,
Так воспалила на меня придворных,
Что Август, их пыланьем воспылав,
Низверг мой блеск в пучину бедствий черных.
Смятенный дух мой, вознегодовав,
Замыслил смертью помешать злословью,
И правый стал перед собой неправ.

(«Ад» XIII 58-72. Пер. М. Л. Лозинского)

Данте был не просто знаком с творчеством сицилийского чиновника, в том числе с его письмами из тюрьмы, проникнутыми библейскими и боэциевскими образами. Он изучал жизнь двора Фридриха II, и его свидетельство имеет значение исторического источника. Логофет умел бесшумно (политически тактично?) «отворять и затворять» сердце императора, был единственным сведущим во всех его тайнах. Проимперски настроенный Данте намекает и на апостола Петра, ключника рая. Вынужденный осудить своего героя за самоубийство на адские муки (Петр Винецкий превратился в дерево без листвы), поэт оправдывает его как верного придворного, ставшего жертвой банальных придворных интриг. Бессонница и «силы усталые» были вознаграждены: личное состояние логофета было огромным, не говоря уже о влиянии на внутреннюю и внешнюю политику королевства и империи, по переписке известно несколько его протее в центральном аппарате, письменно засвидетельствовавших ему свою благодарность. Однако внезапное падение его с политического олимпа не оставило следов его семьи в дальнейшей истории южноитальянских земель. Зато остался т. н. «Письмовник Петра Винецкого», известный в сотнях рукописей, ставший школьным учебником риторики и вообще хорошей латыни для многих поколений гуманистов и чиновников всей Европы.

Переменчивость личных судеб не должна скрыть от нас важность государственных начинаний Фридриха II: наделяя особыми полномочиями и доверием верховных юстициариев и судей, он всячески старался предоставить монополию гражданского и уголовного судопроизводства юстициариям провинций в противовес феодальным и церковным судам. На спорных территориях, особенно в Северной Италии, эта политика приводила к настоящей конкуренции между несколькими судебными инстанциями и *volens nolens* способствовала быстрому развитию правовой культуры Италии в целом. Бок о бок с юстициариями, в основном представителями рыцарского сословия и знати, стали работать *профессиональные* юристы, выпускники университетов (не только Неаполитанского). И эти разночинцы, как показывают некоторые примеры, могли рассчитывать на довольно многообещающую карьеру, зачастую не только на юге, но и в северных коммунах. Сознвая новаторство этих начинаний, император всячески способствовал такому развитию, шедшему отчасти вразрез с социальными условиями южноитальянских земель, потому что видел в нем единственную надежную основу притязаний центральной власти на особую роль в жизни подданных. В этом новшестве, ставшем известным всей Европе, Фридрих II, конечно, предвосхитил некоторые особенности государственности Нового времени.

***Властные институты,
должности и звания
в Римской церкви
с V в. до конца XVII в.***

ЭПОХА РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Римский епископ, за которым закрепился титул папы, являлся архиепископом Римской церкви, т. е. митрополитом церковной провинции, центром которой был Рим. Под его митрополичьей юрисдикцией находился ряд епископий в пригородном районе Рима, Центральной Италии, на Корсике и Сардинии. В разные времена их количество менялось, а в раннее Средневековье насчитывалось около 90 диоцезов, среди них — епископства Анконы, Ассизи, Беневенто, Лукки, Перуджы, Пизы, Пистойи, Пьяченцы, Римини, Сиены, Сполето, Урбино, Фаэнцы, Феррары и Флоренции. Прочие раннесредневековые города Италии входили в компетенцию митрополий Равенны, Аквилеи и Милана.

Со второй половины VII в. до второй половины IX в. происходит оформление папства как собственно местного, римского, института власти, так и западноевропейского. Это происходит в ситуации разрыва с Византийской империей, который, правда, не предполагал отказ от имперской идеологии и традиции, и сближения с Франкским государством, обеспечившим защиту от лангобардов и способствовавшим созданию папского государства в Центральной Италии — Папской области.

Резиденция папы размещалась в подаренном Константином Великим папе Сильвестру I Латеранском дворце, который получил эпитет «священный» (*sacrum palatium Lateranense*) при императоре Оттоне I (962–973). Здесь же находились Латеранская базилика (Спасителя, с VII в. — Св. Иоанна) и здания, занятые папской администрацией и всеми подчиненными церкви городскими службами. Со времени папы Сергия I (687–701) Латеранский комплекс име-

новался «патриархией» (*patriarchium*), а в IX в. стал употребляться термин «дворец» (*palatium*).

Соперничество римской аристократии и латеранских чиновников за контроль над выборами папы закончилось изданием декрета Римского синода 769 г., по которому мирянам запрещалось участвовать в выборах, а круг кандидатов сводился к верхнему слою римского клира — титулярным пресвитерам и диаконам-регионариям Римской церкви. С этого момента формально борьба между аристократией и клиром сменилась внутренним противостоянием в Латеране. При этом большинство пап, занимавших престол в VIII и IX вв., по-прежнему были знатного происхождения.

Каролинги никогда не притязали на старое имперское право утверждения папских выборов. Однако они изменили их порядок (816): в выборах вновь принимали участие «все римляне». Попытки Николая I и Иоанна VIII во второй половине IX в. вернуться к практике декрета 769 г. не увенчались успехом. Это удалось лишь Николаю II в середине XI в., и с тех пор право выбора верховного понтифика неизменно являлось прерогативой высшего римского клира.

Клир можно условно разделить на две группы: священнослужителей, в обязанности которых входило совершение церковных служб и обрядов, и администраторов, ведавших канцелярскими и хозяйственными делами. В его состав не принимались женщины, неграмотные, осужденные и калеки. Хотя доступ в клир был открыт для мужчин всех возрастов, часто карьера клирика начиналась еще в его отроческие годы, когда благочестивые родители посвящали свое чадо церкви. Для продвижения по иерархической лестнице существовали возрастные ограничения (субдиакон — минимум 20 лет, диакон — 25, пресвитер — 30) и осуществлялся принцип последовательности в прохождении церковных степеней (чтец — экзорцист — аколит — субдиакон — диакон — пресвитер). Высшие иерархи церкви избирались, как правило, из числа старейших и опытнейших представителей клира.

Церковная организация Римской митрополии. Город Рим в раннее Средневековье был слишком крупным социальным организмом для того, чтобы окормляться лишь силами римского епископа, поэтому он разделялся на ряд приходов, центрами которых являлись *титулярные церкви (tituli)*. Большая их часть (20 из 28 во второй половине VIII в.) была основана еще до царствования императора Константина Великого. В каждой титулярной церкви служили два

или три *пресвитера*. Они отправляли епископские функции: разрешали кающихся, с конца VII в. крестили детей и новообращенных во время всенощных бдений на Пасху и Пятидесятницу, совершали евхаристические литургии. Старший являлся *первым пресвитером* (*presbyter prior*). Титулярные пресвитеры объединялись в коллегию и составляли особый слой в Римской церкви — *пресвитериат*. Старейший (по возрасту либо по сроку посвящения в сан) пресвитер всех титулярных церквей Рима становился архипресвитером Римской церкви и главой коллегии.

Важнейшей обязанностью римского пресвитериата была служба в римских базиликах, или «патриарших» церквях: Св. Петра, Св. Павла, Св. Лаврентия, Св. Марии (*Santa Maria Maggiore*) и Спасителя в Латеране. Папа Симплиций (468–483) ввел практику совершения титулярными пресвитерами ежедневных литургий в базиликах. Окончательно эта система сложилась во второй половине VIII в., когда пресвитеры 28 титулярных церквей распределялись в четыре базилики, а семь пригородных епископов (Остии, Альбано, Палестрины, Порто, Сильва Кандиды, Габий и Веллетри) отправляли мессы в Латеранской базилике, т. е. в приходе самого папы. Некоторые из римских монашеских обителей именовались «монастырями базилик», т. к. их братия там прислуживала. Римский епископ мог совершать богослужение как в базиликах, так и в титулярных церквях. С VIII в. епископы и пресвитеры из римских базилик назывались *кардиналами* Римской церкви (*presbyteri et episcopi cardinales*, вероятно, от слова *cardo* — дверная петля). Их номинация всегда оставалась сугубо папской прерогативой, несмотря на попытки принудить понтифика испрашивать согласие у всего кардинальского корпуса.

Согласно традиции папа Фабиан (236–250) разделил Рим на семь районов, в которые назначались диаконы, субдиаконы, нотари, к V в. — дефенсоры и с конца VII в. — аколиты. Для каждого звания формировалась отдельная *коллегия* (*schola*), подобная коллегии титулярных пресвитеров. Она возглавлялась старейшим представителем соответствующего звания, которого называли *примицерием* (*primicerius*). Глава коллегии диаконов-регионариев являлся *архидиаконом* Римской церкви и фактически вторым после папы лицом в Римской церкви, распорядителем церковных владений. Когда папа умирал, архипресвитер, архидиакон и примицерий нотариев составляли регентский совет до выборов нового верховного понтифика.

Изначально семь *диаконов*, называемых регионариями, управляли церковным имуществом и осуществляли благотворительную деятельность в своих районах. В связи с тем что в VI в. диаконы стали выполнять разнообразные поручения папы, в том числе и за пределами Рима, число членов их коллегии возросло до 19 человек. Они часто становились ректорами «патримония Св. Петра» (земельных владений Римской церкви) или посланцами папы. Диаконы-регионарии были независимы от титулярных пресвитеров и сами входили в состав пресвитериата. По декрету 769 г. им было предоставлено право активно участвовать в выборах папы и баллотироваться в качестве претендентов на папский престол. С конца VIII в. диаконов-регионариев часто называют *диаконами-кардиналами*. В титулярных же церквях служили диаконы, не связанные с районной системой.

Нотарии-регионарии (*notarii* или *scrinarii*) некогда являлись своего рода официальными историографами, «верно собирающими деяния мучеников». Позже в их обязанности входило ведение церковной документации. Подобно диаконам, они часто становились советниками или посланниками папы. Нотарии отбирались из числа клириков (в большинстве случаев субдиаконов). Примицерий нотариев возглавлял папскую *канцелярию* и *архив* (*scrinium*), находившиеся при папе Дамасе (366–384) в базилике Св. Лавра (*in Prasina*), а в V в. расположившиеся близ входа в Латеранский дворец. Ни один из примицериев нотариев в отличие от глав коллегий пресвитеров и диаконов не стал папой. В VIII в. их место в канцелярии занял *библиотекарь* (*bibliothecarius*), на пост которого с 829 г. назначались не только римские клирики, но даже и пригородные епископы.

Папская канцелярия и архив. В архиве хранились собрания (регистры) папских посланий, соборные постановления, записи папских решений, книги отчетности по папским земельным владениям, коллекции книг. Некоторые же важнейшие документы (например, франкские дарения или исповедания веры пап) помещались близ могилы Св. апостола Петра. Старейший из сохранившихся каталогов папских архива и библиотеки относится лишь ко времени Бонифация VIII (1294–1303), но известно, что регистры папских посланий начали составляться в канцелярии папы еще с IV в. Древнейший оригинал целого письма принадлежит папе Пасхалию I (817–824). Самый ранний дошедший до нашего времени регистр (вернее, его часть) составлен в VIII в. из посланий папы Григория I (590–604).

В VII в. для нужд папской канцелярии были собраны и включены в особую коллекцию (*Liber diurnus*) около 100 формул различных документов. Туда вошли образцы петиций об обмене или аренде папских владений, разрешений на посвящение, строительство или ремонт культовых сооружений, просьб о предоставлении реликвий святых, извещений о епископских вакансиях, выборах, объединении кафедр, актов дарения, продажи или обмена рабов, приглашений епископов на синод в Риме, распоряжений об оказании содействия папским курьерам, инструкций ректорам, актов дарования паллиев и т. д. В папской канцелярии до XI в. использовался папирус, вышедший из употребления в Европе, и был выработан особый римский шрифт.

Папская казна. Особой сферой управления являлись финансы. Из папской казны, пополнявшейся за счет дарений прихожан и доходов от церковных владений, проводились не только щедрые раздачи населению или оплата строительства в Риме, обеспечивавшего работой римских бедняков, часть денег шла на выкуп пленных христиан и выплату жалованья клирикам. В 20-е гг. VI в. традиционная четвертая часть церковных доходов, отчислявшаяся на оплату клира, составляла 3000 солидов в год.

Первое упоминание о важнейшем финансовом чиновнике в папской администрации — *казначее* или *аркарии* (*arcarius* от *arca* — казна) относится ко времени папы Пелагия I (556–561). Казначейми назначались клирики (чаще всего диаконы, но, например, папа Агафон (678–681) сам ведал финансами). Под управлением аркария состояли *акционарии* (*actionarii*), т. е. сборщики податей.

Папский бюджет появился при папе Захарии (741–752). Ежедневными расходами папы ведал *сакелларий* (*sacellarius*), своего рода кассир, впервые упоминающийся при папе Сергии I (687–701) и постепенно приобретший большее значение, чем казначей. Во время торжественных процессий сакелларий также принимал петиции, направляемые папе, и время от времени отправлялся посланником к франкскому двору. Сакелларием обычно становился один из старших нотариев.

Земельные владения Римской церкви. Патримоний Св. Петра (т. е. владения Римской церкви) сложился при папе Геласии I (492–496). Тогда была составлена счетная книга (полиптик), употреблявшаяся еще и в IX в. При папе Григории I в патримоний Св. Петра входили 15 областей: в Галлии — небольшие владения близ Арля и Марселя (последнее упоминание в 613 г.); в экзархате Африка — земли в Северной Африке, сохранявшиеся до арабского завоевания, острова

Сардиния и Корсика; в Иллирике — небольшие владения около города Салоны и в Превалитане; в Италии — Коттийские Альпы, земли на Сицилии, в Кампаньи, Лукании и Бруттии, Апулии и Калабрии, Самнии, Сабинии, Пицене (утрачены уже при Григории I), близ Аппиевой дороги, в Тоскане, Равенне и Истрии. В первой половине VIII в. патримоний Св. Петра в Лации, Кампаньи и Тусции значительно увеличился, и появились новые владения близ Лабикийской дороги.

Все папские патримонии управлялись *ректорами (rectores)*, назначаемыми папой. Эта система сложилась ко времени понтификата Пелагия I (556–561). Существовала традиция принесения клятвы ректорами на могиле Св. Петра. Отправляясь во вверенные ему владения, ректор получал подробные инструкции и рекомендательные письма местным епископам и имперским чиновникам, а также арендаторам и колонам на папских землях. В обязанности ректора входили сбор ренты и ее пересылка в Рим, заключение арендных договоров, защита угнетенных, помощь беднякам и содержание *домов призрения (xenodochia)*, надзор за выборами епископов, контроль за соблюдением церковной дисциплины и осуществление наказаний за ее нарушение, принятие мер против еретиков. Ректоры вели счетные книги и отсылали свои отчеты в Рим.

До Григория I управляющими патримония могли быть и миряне, и местные епископы, и клирики из Рима. Григорий Великий вверял управление патримонием римским клирикам из числа нотариев, субдиаконов, диаконов и дефенсоров (известны два ректора-пресвитера и епископ). С этого времени ректор стал рассматриваться как представитель и наблюдатель папы на местах. В пределах Италии смена ректоров осуществлялась через несколько лет. Им запрещалось вмешиваться в компетенцию епископов. Наиболее важными и крупными владениями Римской церкви являлись земли на Сицилии. Здесь было два ректора. Резиденция старшего находилась в Сиракузах, младшего — в Палермо. В VII в. на две части был разделен патримоний в Кампаньи (Неаполь и Гаэта).

Папский двор. Из придворных должностей в Риме с середины VII в. известен пост *вестарария (vestararius)*, ведавшего папским облачением, сосудами и прочей богослужебной утварью. Он же осуществлял общий надзор за церковным имуществом в Риме.

Впервые при папе Агафоне (678–681) упоминается *номенклатор (nomenclator* или *adminiculator)*, придворный церемониймейстер, ответственный за соблюдение протокола при папском дворе:

предварительную работу с просителями и прошениями, представление петиций на рассмотрение папы, распорядок папских аудиенций и обнародование папских решений. Эту должность занимал нотариус-регионарий. В начале VIII в. у него появился помощник (*ordinator*). Впоследствии номенклатор надзирал за благотворительной деятельностью.

Однако самым важным лицом при папском дворе являлся *майордом* (*vicedominus*) Латеранского дворца, стоявший во главе всех придворных чиновников, именовавшихся «придворными судьями» (*judices palatini*). Этот пост возник в 545 г., когда папа Вигилий, отправляясь в Константинополь, оставил пресвитера смотрителем дворца. Лишь при Григории I должность становится постоянной, и ее занимает, как правило, диакон, хотя впоследствии на нее назначаются даже епископы. В отсутствие папы майордом ведал всеми делами в Риме. Под его началом находился ряд дворцовых служащих: *базиликарии* (*basilicarii*), *целлерарии* (*cellerarii*), *кубикулярии* (*cubicularii*), *кустоды* (*custodes*) и *мансионарии* (*mansionarii*). Функции перечисленных должностных лиц не вполне ясны. Кубикулярии, например, были личными служками папы и сопровождали его во время переездов. Обычно ими становились мальчики из знатных фамилий. Кубикулярии могли впоследствии достичь самых высоких должностей в папской администрации, а некоторые избирались и папами. Вероятно, одной из функций майордома был отбор и воспитание клириков из знатных семейств. Мансионарии во время праздников перевозили литургические книги и сосуды на место богослужения, проводимого папой. В историографии выдвижение майордома связывается со стремлением пап уравновесить власть архидиакона Римской церкви, одного из самых видных лиц, становившегося как правило, папой вплоть до времени Григория I.

«Книга римских понтификов» (*Liber pontificalis*) называет всех высших чинов латеранской администрации, в том числе и администрации районов, «цветом клира», «цветом церкви» и «церковной знатью» (*proceres cleri, proceres ecclesiae, optimates ecclesiae*).

Подготовка клира велась в коллегиях, хотя не все будущие папы получали образование в Латеране (Адриан I, Николай I). Клирики незнатного происхождения получали доступ в папскую администрацию через *коллегию певчих* (*schola cantorum*, или *orphanotrophium*). Таким образом, латеранские чиновники вращались в администрации с молодых ног, приобщаясь к традициям, восходившим к III в., обеспечивавшим преемственность и стабильность в Римской церк-

ви. У всех пап за плечами оставался опыт долгой церковной службы (ок. 20 лет), в течение которой они занимали как духовные, так и административные должности в Римской церкви.

До Григория Великого присутствие мирян при папском дворе было обычным явлением. Григорий I заменил их монахами, однако уже в VII в. последних вытеснили из папской администрации клирики. Правда, при папе часто состоял *советник по судебным делам* (*consiliarius*), обычно сведущий в праве мирянин. Он мог привлекаться и для консультаций по церковным вопросам. Время от времени вокруг разных пап складывался круг советчиков, безусловно, влиявших на его политику (так было на протяжении всей остготской эпохи и позже во время схизмы «трех глав», т. е. в V в.).

Папские посланники. Особого дипломатического корпуса при папском дворе не было, а дипломатические миссии доверялись клирикам разных степеней. Наиболее почетной была должность *апокрисиария* (*apocrisiarius* или *responsalis*), т. е. постоянного представителя папы в Константинополе. Резиденция этого посланника располагалась во дворце Галлы Плацидии. В его обязанности входило не только представительство папы при дворе императора, но и председательство на соборах, проходивших в отсутствие папы. Ряд пап до своего избрания занимали именно этот пост, благодаря чему завели самые разнообразные связи в столице империи. При охлаждении отношений между Римом и Константинополем должность апокрисиария становилась до такой степени рискованной, что часто не могли найти желающих ее занять.

Гражданские учреждения. После того как в VII в. прекратилось снабжение Рима зерном за государственный счет, церковь взяла на себя обязанности государства и распределяла продовольствие из собственных закромов. Тогда же в Риме возник институт, который назывался *диаконией* (*diaconia*, в Неаполе и Равенне он появился раньше) и копировал восточные образцы подобных учреждений, о чем свидетельствуют греческие или восточные имена святых покровителей римских диаконий. Главная их задача заключалась в снабжении бедных городских слоев продовольствием. Первые диаконии располагались в зданиях бывших продовольственных станций (*stationes annonae*). Персоналом в диакониях (в конце VIII в. их было 18) стали монахи, поэтому здесь вскоре возникли монастыри, наделенные землями и доходами, необходимыми для исполнения их обязанностей. Основателем диаконии мог быть мирянин, но чаще

это делала церковь. Почетную должность назначаемого папой главы диаконии, *диспенсатора* (*dispensator*) или *патера* (*pater*), мог занимать как мирянин, так и клирик. В начале IX в. через диаконии получал помощь весь Рим. Кроме диаконий церковь содержала дома призрения, госпитали для бедных и странников.

Дефенсоры обеспечивали защиту прав Римской церкви и угнетенных (бедных, вдов, сирот) в суде. До Григория I ими, как правило, становились миряне, а со времени Григория Великого — только клирики низших степеней. Формулы назначения не очень ясно определяли функции дефенсоров, и те выполняли самые разнообразные поручения пап.

От византийской администрации остался *наместник* (*dux*) Рима, подчиненный экзарху до тех пор, пока существовал экзархат. В 743 г. этот чиновник уже назначался папой, а сам пост просуществовал до 778–781 гг. Во главе римского гарнизона стоял *начальник* (*superista*), а Рим был разбит на 12 или 14 военных округов (*scholae*) во главе с патронами. Между 778 г. и серединой IX в. не сохранилось никаких сведений о римской армии или милиции.

Пост высшего судебного чиновника в Риме, префекта города, исчез в конце VI в., а затем неожиданно снова возник при папе Адриане I (772–795): теперь он назначался папой, а его компетенция ограничивалась уголовными делами, все же гражданские дела были переданы в ведение церковного суда. В судебных трибуналах могли председательствовать наместники Рима и консулы (почетный титул судебных чиновников), исполнявшие также и полицейские функции.

ЭПОХА ВЫСОКОГО И ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

До конца понтификата Григория VII (1073–1085) структура папской администрации, сложившаяся в предыдущий период, не менялась, хотя объем ее полномочий расширялся. Решения синодов Римской церкви, проходивших в базилике Св. Иоанна Латеранского и Латеранском дворце с участием клириков из разных европейских земель, стали регулярно доводиться до сведения западных церквей и обретали обязательный характер для всего западного христианского мира. Если поначалу происходили обсуждения вопросов, по которым следовало вынести постановление, то вскоре главной задачей участников синода стало простое одобрение подготовленных заранее до-

кументов. В конце XI в. эти собрания были заменены консисторией, еженедельной сходкой кардиналов, и генеральными соборами, где рассматривались вопросы вероучения, дела церковной дисциплины и управления, в том числе и т. н. *causae maiores* (т. е. серьезные дела, которые требовали вынесения решения папой), поступавшие из разных европейских диоцезов.

Папский двор, называвшийся *Римской курией* (*curia Romana* — термин, возникший при папе Урбане II (1088–1099)), реорганизовывался по образцу королевских курий (*curia regis*) Северной Европы и норманнской Сицилии. Церковные реформы XI в. предполагали модификацию церковного управления по аналогии с секулярными правительствами. К 1250 г. курия приобретает тот облик, который она сохранит с некоторыми изменениями до XVI в., а папское государство становится самой настоящей монархией. Но папы претендовали на гораздо более выдающуюся роль в средневековом мире. Они короновали императоров, выступали третейскими судьями в спорах королей и формально могли отменять законы светских властей. Канонисты утверждали, что папа обладает «полнотой власти» (*plenitudo potestatis*), к которой лишь причастны светские правители. Более того, на Западе папа олицетворял собой христианскую церковь. В связи с этим возникли различные образы верховного понтифика: «викарий Христа» (епископы становятся «викариями апостолов»), «священник-царь по чину Мелхиседекову», «царь царей» и т. д. Риму принадлежала супрематия над всеми западными церквями: папа являлся главой западного христианского мира не только по религиозным, но также по судебным, административным и дисциплинарным вопросам. Среди толкователей канонов в XII в. преобладала точка зрения, что сам папа не подлежит компетенции суда, если только он не грешит против веры и не совершает смертного греха.

Кардиналы и их коллегия. Папы-реформаторы XI в., освободившись от опеки римской аристократии, превратили кардиналов из участников литургического действия в своих ближайших соратников. При Александре II (1061–1073) кардиналы-епископы и кардиналы-пресвитеры составляют совет при папе и выступают в роли свидетелей, заверяющих папские решения. Но лишь со времени Иннокентия II (1130–1143) подписи кардиналов стали обязательным атрибутом папских дипломов.

Декрет 1059 г. дал кардиналам-епископам право на предварительное избрание папы, которое впоследствии одобряет весь клир. Правда, этот порядок так, кажется, и не был введен в действие, но с момента выбо-

ров Урбана II (1088–1099) обе категории кардиналов избирают папу. В 1090 г. к ним присоединяются кардиналы-диаконы. Однако лишь III Латеранский собор (1179) официально провозгласил всех кардиналов единственными выборщиками папы и одновременно отверг принцип единогласия при выборах папы, сменив его на принцип «большой и более внушительной части» (*maior et sanior pars*, т. е. 2/3 или большинства голосов). С этого времени папы практически всегда избираются из состава *коллегии кардиналов* (термин «коллегия», *collegium*, впервые появился в 1150 г., наряду с ним использовались: *universitas*, *conventus*, *coetus*, *capitulum*). Главой коллегии кардиналов являлся епископ Остии, его заместителем был епископ Порто.

После выборов папа облачался в пурпурную мантию (*sappa rubea*) и перед входом в Латеранский дворец восседал по очереди на двух креслах (*curules*, с конца XII в. — *sedes porphyreticae*). На первом он получал связку из семи ключей и семи печатей, на втором — скипетр, символы власти над Латеранским дворцом и папскими владениями. Затем после посвящения в сан кардиналом-епископом Остии (с XIV в. главой коллегии кардиналов) он короновался тиарой (*camelaucum*, *phrygium*), которая с середины XI в. увенчивалась одной короной, в XIII в. — двумя, а с XIV в. — тремя (*triregnum*).

Кардиналами называли высших клириков и в некоторых других крупных западных церквях (например, Равеннской), но в XII в. это звание осталось только в Риме. Тогда между категориями кардиналов сохранялось лишь церемониальное различие (например, очередность занятия мест в консистории). Кардиналы получили право носить красную шляпу как символ своего сана. Теоретически их коллегия состояла из 53 членов, но на практике их было гораздо меньше, так как некоторые титулярные церкви обходились без приоров, а другие объединялись под управлением одного кардинала-пресвитера. В 1159 г. насчитывалось 30 кардиналов, в 1187 г. — 19, при Григории IX (1227–1241) — от 18 до 20. Право их номинации принадлежало папе, но он, как видно, не часто им пользовался. Большинство кардиналов были итальянцами, хотя среди них появились и чужеземцы. Финансовыми делами коллегии кардиналов ведал *камерленг* (камерарий, *camerarius*), избранный из состава коллегии. Сюда поступала часть доходов папской казны от выплат за дарование паллия и конфирмацию епископов, сборов «гроша Св. Петра» и платы, поступавшей из государств, которые признали сюзеренитет Римского престола.

С формальной точки зрения звание епископа приравнивалось к кардинальскому. Правда, до середины XII в. кардинал, избранный епископом за пределами римской провинции, покидал коллегия, и тем самым фактически признавалась неравноценность санов. Но уже при Александре III (1159–1181) прелат мог одновременно быть и кардиналом, и епископом неримской провинции, подобно Конраду Виттельсбахскому, архиепископу Майнца, ставшему кардиналом-пресвитером Сан Марчелло. Во времена Климента III (1187–1191) кардиналы-пресвитеры и кардиналы-диаконы в случае поставления епископами оставляли свои титулярные церкви, но не членство в коллегии.

Кардиналами являлись епископы следующих городов пригородного района Рима: Остия (с 1150 г. объединена с Веллетри), Порто-Санта Руфина (бывшая Сильва Кандида, с 1120 г. объединена с Порто), Альбано, Сабина (Тиволи), Tusculum (Фраскати) и Пренесте (Палестрина). Кроме них — 28 кардиналов-пресвитеров, которые, как и епископы, еще в VIII в. назывались *хебдомадариями* (*hebdomadarii*), потому что совершали «еженедельные» службы в римских базиликах, и 19 (к концу XI в. — 18) кардиналов-диаконов: 12 диаконов-регионаров и семь служащих в Латеранской базилике *дворцовых диаконов* (*diaconi palatini*), один из которых являлся архидиаконом Римской церкви. Со времен Пасхалия II (1099–1118) каждый кардинал-диакон управлял одной диаконией в Риме. В документах XI в. иногда появляются кардиналы-субдиаконы, коллегия которых состояла из семи дворцовых субдиаконов, семи субдиаконов-регионариев и семи субдиаконов коллегии певчих. На богослужении папы в Латеранской базилике присутствовали все кардиналы, а их литургические функции определены в трактате «Описание святилища Латеранской церкви» (*Descriptio sanctuarii Lateranensis ecclesiae*, 1073–1100 гг.).

С XIII в. в коллегии кардиналов распространилась практика назначения отдельных ее членов протекторами религиозных орденов и римских религиозных учреждений. Первый *кардинал-протектор* ордена появился в 1223 г. при основании ордена францисканцев, а затем подобными протекторами обзавелись и другие ордена. Эти кардиналы лоббировали интересы ордена в курии или защищали отдельных членов ордена, которые жаловались на произвол своих начальников. Кардинал-протектор назначался папой по просьбе орденского начальства.

Генеральный собор. Папские *генеральные соборы* (*concilia generales*) развились из синодов Римской церкви и имперских со-

боров, созываемых императором и обсуждавших церковные дела в империи. Они собирались под председательством папы часто как реакция на какой-либо политический или церковный кризис. Здесь не только обсуждались внешнецерковные проблемы (ереси, крестовые походы, взаимоотношение церковных и светских властей), но также издавались организационные и дисциплинарные декреты (основание епископий, их превращение в архиепископии, установление конкретных границ церковных владений, канонизация святых и т. д.). Папа созывал соборы, оповещал епископов и определял выступающих по главным вопросам. В ходе работы создавались комиссии *экспертов* (*virī periti*) для изучения той или иной проблемы. Декреты же, вероятно, заранее разрабатывались в курии. Папа мог издавать их и без одобрения соборов. Генеральный собор в отличие от римского синода не был наделен судебными полномочиями, все же жалобы поступали на рассмотрение в консисторию.

Судебные институты до авиньонского периода. Канонисты признавали папу в качестве *iudex ordinarius omnium*, т. е. судьи первой инстанции, к которому можно было апеллировать непосредственно, минуя всех остальных «ординарных» судей, и чье решение в то же время не подлежало обжалованию. Все судебные дела решались в консистории, т. е. в совете кардиналов под председательством папы. В 40-е гг. XII в. родилась практика поручения дел одному или нескольким кардиналам, *аудиторам* (*auditores*), которые затем рекомендовали вердикт папе. Приблизительно тогда же в коллегии кардиналов появились магистры, т. е. клирики, сведущие в теологии и юриспруденции. Из числа юристов курии были избраны последние четверо пап XII в.

Рост числа обращений в Рим был связан с укоренившейся практикой отправлять на рассмотрение папы споры о церковной собственности. Римская курия издавала решения папы относительно рассмотренных дел. Часто они излагали суть вопроса только на основании петиции. Главное внимание уделялось тому, чтобы вынесенный вердикт не противоречил церковному праву, и при этом, как правило, не проводилось никакого расследования. Чаще всего проситель должен был сам добиваться того, чтобы это постановление было исполнено. Правда, в 1205–1206 гг. в курии появляется судебное заседание для рассмотрения возражений сторон (*audientia litterarum contradictarum*). Для курии система апелляций являлась значимым источником пополнения доходов, ибо предусматривала плату за услуги и подарки куриальным служащим.

В середине XI в. зарождается институт *делегированных судей* (*iudices delegati*) — прелатов или канонистов, назначавшихся для рассмотрения отдельных судебных дел на местах. При Александре III (1159–1181) было установлено, что их юрисдикция превосходит компетенцию ординарных судей и митрополитов. К ним можно было обращаться на любых этапах судебного разбирательства. Делегированные судьи выносили в основном третейские решения. Со времен Целестина III (1191–1198) папский легат не мог изменить их приговора, но должен был его утвердить и исполнить.

И тем не менее тяжущиеся предпочитали решать свои споры в Риме, ибо, во-первых, обращение в курию сразу давало преимущество просителю, а во-вторых, папский вердикт по делу являлся окончательным. Для папства же это было лишней возможностью защитить церковь от давления светской власти и при отсутствии регулярной законодательной деятельности высказаться по поводу законности того или иного решения. Со времени Александра III (1159–1181) папы создают новое право, которое основывается на декреталях, изданных по конкретным делам. С 1180 г. появляются их частные коллекции (в основном английского происхождения). В 1226 г. Гонорий III (1216–1227) предписал курии руководствоваться подобным собранием (т. н. «Пятое собрание»). А вскоре была составлена и утверждена универсальная коллекция, известная под названием «Свод канонического права» (*Corpus juris canonici*, 1234 г.), который использовался вплоть до 1917 г., когда она была заменена новым пересмотренным изданием.

Судебные инстанции в авиньонскую эпоху. При авиньонских папах действовало несколько судебных учреждений.

1. *Консистория* (*consistorium*) являлась высшей апелляционной инстанцией. Отсюда дела отправлялись делегированным судьям или в другие суды курии.

2. *Трибуналы* под председательством кардиналов представляли собой суды, инициированные папой по определенным делам со специально установленным кругом полномочий судей. Как правило, на этих заседаниях не выносилось окончательного решения, а рассмотренные материалы передавались для окончательного вердикта папы.

3. В *суде Роты* (*Sacra Romana Rota*, до 1336 г. — *Audientia sacri palatii*) слушания дел проводили специальные аудиторы. Этот пост впервые появляется в 1216–1217 гг., и его занимает какой-либо видный юрист, например, Синибальдо Фиески, будущий папа Иннокентий IV

(1243–1254). Во время его понтификата было создано два комитета постоянных аудиторов. Дела поступали на их рассмотрение от папы или от главы канцелярии. По окончании слушаний аудитор должен был сообщить о своих заключениях коллегам, и тогда большинством голосов выносилось окончательное решение. Персонал суда состоял из нотариев, пристава и хранителя печати.

4. *Апостолический трибунал* налагал церковные наказания (отлучения, интердикты и пр.) или прекращал их действие, а также предоставлял разрешения на заключение брака. Этот трибунал возглавлял *великий пенитенциарий*, назначавшийся из числа кардиналов-епископов или пресвитеров. Ему было подчинено от 12 до 18 *малых пенитенциариев* (*penitentiarii minores*).

Канцелярия Римской церкви. В первой половине XI в. секретариа-том, или канцелярией, Римской церкви (само название «канцелярия» известно с 1180 г.) руководит *канцлер*, которым преимущественно становится кардинал-пресвитер или кардинал-диакон. Полное описание функций главы канцелярии было дано папой Николаем III в 1278 г., когда пост канцлера уже был заменен *вице-канцлером*:

- 1) контроль за исходящей корреспонденцией и составлением регистров;
- 2) установление подлинности документов;
- 3) заверение своей подписью всех исходящих актов (в случае болезни вице-канцлера деятельность канцелярии приостанавливалась);
- 4) оповещение просителя о решении, принятом в консистории;
- 5) сопровождение папы во всех переездах.

Канцлеры, как правило, занимали свой пост пожизненно, если не избирались папами. Как канцлеры, так и впоследствии вице-канцлеры действовали только с санкции папы.

По подобию ремесленных цехов при Иннокентии III (1198–1216) была организована коллегия писцов и введена должность корректора, в обязанности которого входило исправление ошибок в грамотах и наблюдение за тем, чтобы они были составлены по всем правилам.

В период пленения пап в Авиньоне папская канцелярия состояла из семи подразделений соответственно производимым операциям: разбору прошений, изучению кандидатов на получение бенефиция, приготовлению проектов писем, созданию окончательного варианта на пергаменте, исправлению писем, скреплению их печатью и, наконец, внесению их копий в регистр.

Папская казна до авиньонского периода. С 1099 г. известно о существовании в курии финансового ведомства, камеры (*camera*), во главе с *камергером* (*camerarius*, камерленг). Оно создавалось по образцу подобного учреждения в Ключийском монастыре. Камергер объединил функции архидиакона (у которого остались литургические обязанности), аркария и сакеллария. Он стал главой папского хозяйства и заместителем папы по всем гражданским вопросам как в городе, так и в патримонии. Время от времени в источниках появляются два камергера. Им не обязательно даровалось кардинальское звание, хотя этот пост занимали преимущественно именно кардиналы. При этом, например, в XII в. папскими финансами некоторое время ведали представители ордена тамплиеров. Камергеры в отличие от канцлеров часто покидали свой пост со смертью папы.

В 1192 г. камергер Ценций (Ченчио Савелли, будущий папа Гонорий III) составил «Книгу цензов» (*Liber Censuum*), оценку папской собственности и доходов. Согласно этому источнику, из-за границы в папскую казну поступали выплаты (*census*) от аббатств, непосредственно подчиненных папе, а также королевств и княжеств (норманны, Каталония и Арагон, Сардиния и Корсика, Португалия, Англия и Ирландия (1213), Шотландия, Хорватия и Венгрия), признавших вассальную зависимость от римского престола, в том числе и «грош Св. Петра» (Англия, Ирландия, Швеция, Норвегия, Дания, Венгрия и Польша). Кроме того, в некоторых местах проводились единовременные добровольные сборы в пользу папы. В целом папская казна получала менее 5 % ежегодного дохода Ричарда Львиное Сердце с его английских владений.

Папская казна после Авиньона. В авиньонской администрации штат *апостолической камеры* (*camera apostolica*) и функции камергера расширились. Он назначался папой из числа епископов. В его основные обязанности по-прежнему входил контроль над сборщиками податей и бюджетом папского двора. Камергер ведал чеканкой монеты на монетном дворе. Кроме того, он составлял инструкции для легатов, нередко выполнявших обязанности сборщиков «ценза», и вел от имени папы переписку с европейскими монархами. В ведении камергера состояли *секретари* (*secretarii*) для составления этих посланий. Все спорные финансовые дела рассматривались специальными чиновниками камеры — *аудитором*, *вице-аудитором* и *прокуратором*. К концу XII в. в коллегии кардиналов был свой собственный камергер.

Папский двор. Для содействия папе и кардиналам в исполнении их литургических функций в курии существовала папская капелла. Кроме того, на манер светских дворов папе прислуживал многочисленный персонал: *эконом* (*dapifer*, позже — *senescalcus*), *виночерпный* (*pinserna*), *келарь*, *коннетабль* (*comestabulus*) и его помощники — *маршалы* (*marescalci*), *привратники* (*hostiarii*) и пр. Под непосредственным контролем папы находились замки на границах папского государства (*castra specialia Ecclesiae*), где иногда располагался гарнизон под командованием папского викария (например, капеллана) или хозяина замка, вассала Римской церкви.

Авиньонский двор папы насчитывал 300–400 и более человек. Две трети составляли служащие в основных отделениях камеры, канцелярии, судебных и пенитенциарных инстанциях. К началу XVI в. это число возросло до 2000 человек в связи с широкой практикой продажи должностей, в особенности при Сиксте IV (1471–1484). Тогда появляются посты без всяких полномочий. Камергер должен был выплачивать их держателям ежегодный доход с продажной суммы. Эти должности назывались «вакабилии» (*vacabilia*, т. е. место, которое может оставаться и незанятым), их полный оборот осуществлялся каждые 15 лет. Особенно выгодным делом была продажа этих постов клирикам, откуда те вскоре продвигались наверх.

Папским двором по-прежнему управлял майордом, который принадлежал к числу «дворцовых прелатов» (*prelati palatini*). Помимо майордома в их круг входил *папский камергер*, ведавший распорядком дня понтифика и принимавший петиции, *аудитор*, являвшийся советником папы по богословским вопросам и по тем делам, которые выносились на обсуждение консистории, а еще и обладавший судебными полномочиями, и *магистр священного дворца* — штатный ватиканский богослов-доминиканец.

Папские легаты. Со времен Григория VII пропагандистами идеи папского примата в Европе являлись папские легаты. В XI–XII вв. они еще не подразделялись на разные категории и назывались в посланиях пап «римскими легатами», «легатами апостольского престола» или «нашими легатами». В начале XII в. возник термин «*легат со стороны (папы)*» (*legatus a latere*), который употреблялся наряду с *викарием* (*vicarius*), что могло обозначать одновременно и легата, и местного представителя Римской церкви. Со времени папы Александра III (1159–1181) *legatus a latere* — кардинал, тогда как *legatus missus* (легат-посланник) — как правило, папский капеллан или суб-

диакон. В XII в. легаты, назначенные Римским престолом из числа местных прелатов, назывались «архиепископами-легатами» и обладали более широкими полномочиями, чем *legati nati* XIII в. Часто они же выступали в роли делегированных судей, а также защищали права и имущество стороны, апеллирующей в Рим, пока рассматривалась петиция. С XIII в. легаты разделялись на три категории: *legatus a latere* — легат со стороны папы, посылаемый с самыми важными миссиями и обладавший максимально широкими полномочиями, *legatus missus* — легат-посланник с более ограниченными полномочиями (часто пересылка папских посланий), *legatus natus* — почетный титул местного архиепископа. Тогда же появились представители европейских монархов при курии — прокуроры.

Любой папский легат был подотчетен только папе и председательствовал на соборах во вверенной ему провинции даже в том случае, если уступал в звании архиепископам и епископам. Он мог низлагать епископов (последний случай — в 1143 г.). Каждая церковь или монастырь должны были предоставлять кров и пищу (*procuratio canonica*) папскому легату с довольно многочисленной свитой, ограниченной III Латеранским собором 1179 г. 25 персонами.

ЭПОХА РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

В XVI в. Римская курия обретает структуру, сохраняющуюся в общих чертах на протяжении всего Нового времени. Перемены в конфессиональном облике Европы и новая реформа католической церкви, запущенная Тридентским собором, требовали большего, чем прежде, разделения полномочий и функций папских чиновников, а также создания большего числа постоянных учреждений, которые занимались бы определенными духовными и светскими проблемами. В XVI–XVII вв. в управлении делами Римской церкви по-прежнему важную роль играют родственники папы. Эта практика непотизма, восходящая к XV в., в некоторой степени компенсировала папам нехватку той династической солидарности, которой могли располагать другие государи Европы.

Римская курия и конгрегации. Количество кардиналов, оставшееся небольшим на протяжении Средневековья, увеличилось до 70 при Сиксте V (1585–1590) на манер 70 старейшин Израилевых: шесть кардиналов-епископов, 50 кардиналов-пресвитеров и 14 кардиналов-диаконов. В 1514 г. папа Лев X официально утвердил

превосходство кардиналов над архиепископами и епископами. Сикст V реорганизовал Римскую курию, опираясь на опыт своих предшественников. Еще в 1542 г. при папе Павле III в курии появляется комиссия в составе шести кардиналов с особыми полномочиями. Это была *Священная канцелярия (Sanctum Officium)*, высшая инстанция по всем вопросам веры (в особенности борьбы с ересями, схизмами и отступничеством). Священная канцелярия стала прообразом конгрегаций кардиналов. В 1564 г. Пий IV создал Соборную конгрегацию для исполнения и толкования декретов Тридентского собора, а Пий V в 1571 г. — Конгрегацию индекса для цензуры литературы и составления «Индекса запрещенных книг», а также Конгрегацию по делам епископов. И наконец, Сикст V конституцией “*Immensa aeterni*” 22 января 1588 г. провозгласил организацию 15 конгрегаций, которые отныне выполняли функции консистории. Это были следующие конгрегации:

- 1) священной инквизиции;
- 2) знака благодати;
- 3) возведения церквей и подготовки решений консистории;
- 4) снабжения и процветания светских владений Церкви;
- 5) священнных обрядов и церемоний;
- 6) оснащения флота для защиты церковных владений;
- 7) индекса запрещенных книг;
- 8) исполнения и толкования декретов Тридентского собора;
- 9) облегчения бед церковного государства;
- 10) университета римских исследований;
- 11) по делам религиозных орденов;
- 12) по делам епископов и других прелатов;
- 13) по ремонту дорог, мостов и водоснабжения;
- 14) издательства Ватикана;
- 15) по делам светских владений Церкви.

Священная канцелярия под председательством пап венчала новое устройство курии. Конгрегации формировались не только из числа кардиналов. Технический персонал Священной канцелярии состоял из ассессора, комиссара-доминиканца и его заместителя, двух помощников-доминиканцев, фискальных адвокатов, нотари-ев, квалификаторов, подразделяющих те или иные сомнительные мнения на разряды (еретические, сомнительные, ложные, скандальные и пр.). Конгрегация пропаганды веры, созданная в 1622 г. для

миссионерской деятельности, включала 13 кардиналов, двух прелатов, секретаря и консультанта.

Количество конгрегаций не было фиксированным. Помимо этих крупных «священных» конгрегаций при папской администрации действовали конгрегации, имевшие более низкий статус. Эта система просуществовала до конституции Пия X *Sapienti consilio* 1908 г.

Пий IV конституцией *In eligendis* (9 октября 1562 г.) установил порядок управления Римской церковью в период выборов нового папы. Коллегия кардиналов брала на себя все административные функции. *Кардинал-камерленг* и три других кардинала (епископ, пресвитер и диакон), составлявшие *capita ordinum*, занимались текущими делами. Каждые три дня, пока заседал конклав, эта комиссия обновлялась. Она не обладала папской юрисдикцией, поэтому не могла решать стратегические вопросы (менять систему выборов папы, издавать папские постановления и т. д.).

Кардиналы-протекторы. В XV в. складывается институт представительства интересов европейских государств в Римской курии. Этот процесс тормозился неоднократными решениями пап о том, чтобы кардиналы не принимали протекцию того или иного светского владетеля или государства. Впервые звание *кардинала-протектора* государства или нации, назначавшегося папой, появилось в 1464 г. Не все государства пользовались этой возможностью. Существовали кардиналы-протекторы империи, наследственных земель австрийского дома, Франции, Кастилии и Вест-Индии, Арагона, Сицилии, Неаполя, Фландрии, Португалии, Савойи, Польши. У Венецианской республики, которая состояла в тесных сношениях со Святым престолом, не было своего кардинала-протектора. Одной из основных его официальных обязанностей было представление кандидатов в епископы и аббаты в консистории, за что он получал «приношение» (проценты с налога на бенефиций). Кардинал-протектор действовал в сотрудничестве с посланником соответствующего государства в Риме.

Секретарь Тайной камеры и кардинал-непот. В XVI в. в папской администрации было две соперничавшие друг с другом центральные фигуры, сферы компетенции которых пересекались, — *секретарь тайной камеры* (до Павла IV — *secretarius domesticus*, прообраз современного статс-секретаря), фактический глава папского правительства, и *кардинал-непот*, имевший собственную канцелярию. И тот и другой были личными помощниками папы. Их существование фактически вне коллегии кардиналов и их выбор лично

папой свидетельствовали об укреплении единоличной власти Римского понтифика после поражения сторонников соборного управления католической церковью.

Кардиналом-непотом становился близкий родственник папы, и тот обычно поручал ему секретные политические миссии. Он руководил папской дипломатией и рассылал инструкции папским нунциям, сменившим средневековых легатов. Кардинал-непот координировал деятельность курии и фактически выступал в роли посредника между кардиналами и верховным понтификом. Масштабы его полномочий зависели от его способностей и воли папы.

Папский секретариат, преобразованный при папе Иннокентии VIII во второй половине XV в., состоял из 30 писцов (*abbreviatores*), которые составляли проекты документов, идущих на подпись папе. Его главой являлся тайный секретарь (*secretarius intimus*). На рубеже XVI–XVII вв. этот секретариат был разделен на два подразделения: Секретариат посланий и Секретариат посланий к светским государям.

Тогда же завязывается конкуренция между кардиналом-непотом и тайным секретарем, который время от времени занимает в этом тандеме лидирующие позиции и постепенно превращается в статс-секретаря, сфера компетенции которого будет окончательно установлена лишь в начале XIX в. Все началось с тайного секретаря Карло Борромео (с 1560 г.), сам же термин «статс-секретарь» впервые появляется в бумагах венецианского посланника в 1578 г., а в официальном документе Ватикана — в 1605 г. Источники, имеющие отношение к самому секретариату, утверждают, что функции статс-секретаря той эпохи были довольно значительны: он читал письма, в том числе и те, которые были адресованы кардиналу-непоту; затем отправлял их своим секретарям (пяти или шести), те составляли резюме посланий, которые статс-секретарь подавал на рассмотрение папы; обсудив дело с понтификом, он передавал его для изучения в надлежащих учреждениях, которые предлагали секретариату определенное решение вопроса; секретариат оформлял проект ответа, который подписывал кардинал-непот. Кроме того, папа мог использовать статс-секретаря для сообщения с той или иной конгрегацией. Благодаря тому что в секретариат стекались все отчеты, прошения и жалобы, глава канцелярии располагал полной информацией о состоянии церковных дел, о многочисленных доходах и владениях церкви и соблюдении дисциплины клиром. Статс-секретарь занимался подбором персонала для служб папского дворца и канцелярии.

Тем не менее вплоть до папы Иннокентия X (1644–1655) непотизм оставался важнейшим механизмом административного устройства Римской церкви, а статс-секретарь в конкуренции с кардиналом-непотом довольствовался вторыми ролями. Дело в том, что широта вышеприведенных полномочий главы канцелярии часто оказывалась таковой лишь на бумаге, а практика свидетельствовала о всевластии кардиналов-непотов. Со времени Иннокентия X статс-секретарь (тогда Джакомо Панчироли) начинает выходить на передний план. Этому способствовало то, что при трех папах: Иннокентии X, Александре VII (1655–1667) и Клименте IX (1667–1669) — эту должность занимали люди выдающихся способностей, да и сами папы спокойно обходились без помощи своих родственников. Однако это не означает, что тогда статс-секретари раз и навсегда заняли ведущие позиции в папской администрации. Окончательно отказался от практики непотизма папа Иннокентий XII в 1692 г.

Должности и потестарные институты во Флоренции

Флоренция являлась самым крупным городом итальянской провинции Тосканы, хотя и уступала в XII–XIII вв. по величине и численности населения Милану — центру Ломбардии. С XI в. основу социальной структуры общества, как и в других итальянских городах, составляли *гранды* (*nobiles*, ит.: *grandi, gentiluomini*) — представители древних родов феодального происхождения, обитающие в городе, и торгово-ремесленное население — *пополаны* (*cives* — горожане, ит.: *popolo*). Гранды сохраняли признаки феодальной знати — земли и замки в округе, башни в городе, объединялись в родовые кланы — консортерии (ит.: *consorteria* — большая семья или родовая группа, включающая зависимых лиц, клиентов и вассалов), но в то же время состояли членами цехов, занимались различными видами экономической деятельности, были связаны с выборными формами власти. В 1293 г. пополаны одержали политическую победу над грандами. Было принято новое законодательство — Установления справедливости (ит.: *Ordinamenti della giustizia*), согласно которым гранды почти полностью отстранялись от управления государством (сохранялось их членство в Совете коммуны).

В XIII в. сложилась цеховая система в составе 21 цеха, став фактором, определяющим социально-политические отношения в городе на протяжении двух столетий. Семь старших цехов объединяли «жирный народ» (ит.: *popolo grasso*) в отличие от «тощего народа» (ит.: *popolo minuto*) — членов младших цехов.

Историография. Политическая история Флоренции, города-республики с заметными тенденциями популанской демократии, в значительной степени изучена начиная с XIX в. В первую очередь следует отметить труды Г. Сальвемини и Н. Оттокара, в которых первостепенной задачей являлись исследования социальных проблем, но значительное внимание уделялось политическим институтам. Большой вклад внесли монографии Н. Родолико, посвященные раз-

витию флорентийской демократии в XIV в., но скорее с точки зрения понимания предпосылок восстания чомпи. Нельзя не отметить книгу Д. Марци, в которой детально исследовался штат постоянных должностных лиц — канцлеров и нотариусов. Она выделялась не только основательностью, но и оригинальностью подхода: объектом внимания автора являлись не столько социальные противостояния, сколько созидающая государство бюрократическая работа и пути политических компромиссов. Особая ценность работ американского историка Д. Брукера, хотя изучение потестарных институтов не является в них основной задачей, состоит в том, что в них показан не только механизм функционирования правящих структур, но и реализация его действия в политической повседневности городского сообщества, проявляемая в оценках, настроениях и поведенческих стереотипах граждан. Аналогичные подходы воплотились в монографии итальянского историка С. Бертелли, исследующего динамику развития олигархических форм правления в XIV — первой трети XV в. Наконец, изданный в 1981 г. трехтомный труд Г. Гвиди полностью посвящен всестороннему изучению становления и функционирования системы политических органов и правовых институтов флорентийского государства до начала XV в. (1415), включая структуры власти как в городе, так и в контадо. В конце XX в. объектом анализа американского исследователя Д. Наджеми стала эволюция избирательной системы города на Арно в XIV–XV вв., в которой автору удалось четко выделить основные этапы и отразить их специфику. Для второй половины XV — первой трети XVI в. вряд ли можно назвать монографический труд, специально посвященный изучению потестарных институтов, подобно трехтомнику Г. Гвиди. В начале XX в. А. Анцилотти, затем Н. Рубинштейн, позже австралийские историки Д. и Ф. Кент, анализируя политические процессы, уделили значительное внимание системам и органам управления медичейского периода.

Источники. От периода XI–XII вв. почти не сохранилось аутентичных источников, на основании которых можно воспроизвести политические структуры города. Известные хроники относятся к более позднему времени и требуют критического подхода. Документальные источники до 80-х гг. XIII в. сохранились не полностью и, как правило, не представляют собой документов первостепенной важности. С конца XIII в. и далее в распоряжении исследователей оказывается разнообразная масса источников: тексты Установлений справедливости и законодательных статутов 1323–1325, 1328, 1355,

1415 г., протоколы заседаний приората, постановления особых комиссий (*balie* — балии), инструкции, избирательные списки, официальная переписка и др. Исключительно богат и ценен материал нарративных источников: анналы, хроники, дневники (*diarii*), мемуары (*ricordi, ricordanze*), политико-моральные и политико-правовые трактаты, политические вирши и поэмы, частные письма и др.

С некоторой степенью условности можно выделить следующие этапы политического развития Флорентийской республики. Принято начинать отсчет с периода консульского правления (1115–1207), затем выделяется этап преобладания у власти иноземных должностных лиц, когда одновременно формировались и органы автономного пополанского правления (1207–1282). Далее (1282–1382) следует период пополанской коммуны с заметными демократическими тенденциями. Затем наступает республиканский этап с явно выраженными олигархическими тенденциями (1382–1434). Переход к иной форме государства осуществлялся медленно, революционные потрясения начались в конце периода республики медичейского режима (1434–1530), когда стали усиливаться тенденции перехода к принципату. В 1532 г. возникло герцогство Тосканское — территориальное государство с монархической формой правления, или принципат.

РАННЕКОММУНАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ КОНСУЛОВ (1115–1207)

Коммуна во Флоренции возникла в 1115 г.: после смерти маркизы Матильды город больше не знал над собой власти духовных или светских феодалов. В 1173 г. император Генрих VI, сын Фридриха I Барбароссы, утвердил право Флоренции на коммунальную юрисдикцию.

Во Флоренции XII в. складывалась типичная для других городов система раннекоммунального управления, которая включала три основные составляющие: народное собрание свободных и полноправных горожан *Парламенто* (ит.: *Parlamento*), избираемое путем сложных двухступенчатых выборов, узкий *Совет доверия* (*Senato di centum boni homines*, ит.: *Consiglio della Credenza*) и *консулов* (*Consules, Priores*, ит.: *Consoli*), олицетворяющих исполнительную власть и выполняющих основные потестарные функции.

Парламенто, быстро утрачивающее регулярный характер, избирало городские магистраты и наделяло их исполнительной властью,

принимало решения о мире, войне и вступлении в союзы, правах гражданства и других нормах коммунальной жизни.

Но столь обширная ассамблея не могла упорядоченно функционировать, поэтому возникла нужда в более узком представительстве — *Совете крэдэнца*, куда входили 100 человек. Их важнейшей функцией являлись надзор и контроль за главными носителями исполнительной власти — *консулами*, которые должны были получать подтверждения своих решений на Совете крэдэнца. Члены этого Совета вырабатывали формулу готового постановления или законопроекта для обнародования на Парламенто. Окончательные резолюции, провозглашенные народом на Парламенто, обязательно утверждались подписями советников крэдэнца. Этот Совет выражал интересы доминирующих слоев города, каковыми во Флоренции тогда являлись гранды.

Консулы в составе сначала шести-восьми, потом двух, избираемые на один год из фамилий грандов, являлись первой стабильно правящей политической структурой, поддерживающей единство коммунального сообщества. Исполнительную и отчасти законодательную власть консулы осуществляли с определенными ограничениями: не могли принимать важного решения без обсуждения на Совете крэдэнца, в котором они председательствовали, и последующего окончательного утверждения на Парламенто. Консулы обладали военными, судебными и юридическими полномочиями, ведали дипломатическими отношениями, управляли коммунальным фиском, им принадлежало право высшего командования городским ополчением. *Капитаны* городской милиции от каждого округа и *знаменосцы* (*Vexilliferi*, ит: *gonfalonieri*) — предводители городского ополчения — подчинялись консулам. Ими назначались представители младшей администрации, среди которых особенно значимыми являлись посты *Казначейства* (*Camera Communis Florentie*) — формирующейся системы коммунального фиска (*Camerarii camere comunis*, *Camerarius deputatus ad restitutiones praestantiarum*, *Officiali gabellarum*), которые ведали поступлениями в городскую казну и статьями расходов. В XI в. преобладал ежегодный прямой налог (*fodro*) — 26 денариев с очага или фамилии, позже, в XII в., в городе преобладали косвенные налоги (*gabelle*). Консулами назначались должностные лица, отвечавшие за продовольственное снабжение (*Offitiales annonae*, ит: *ufficiali sul'annona*, *ufficiali sulla grascia*, *ufficiali sul'abbondanza*), необходимые при частых продовольственных кризисах. Они каждый год рассчитывали потребности населения города и определяли

нужды в соотношении с предполагаемым урожаем, а также учитывали имеющиеся в наличии припасы, имели право устанавливать цены на продовольствие и проводить протекционистские меры, обеспечивая нужды всех жителей города.

СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ КОММУНАЛЬНЫМ ОБЩЕСТВОМ В XIII в. (1207–1282): ИНОЗЕМНЫЕ ДОЛЖНОСТНЫЕ ЛИЦА

Институт подеста́. Вступление коммуны в новый этап политического развития было обусловлено усилением экономического значения пополанских элементов, созданием первых общественно-политических ассоциаций «народа», а также кризисом режима аристократической коалиции, разделившейся на гвельфов и гибеллинов. В таких условиях консулы, выражающие интересы господствующего слоя местной элиты — флорентийских грандов, перестали эффективно обеспечивать целостность и стабильность коммунального общества. Возникла нужда в беспристрастных арбитрах, судьях и миротворцах.

К 1280 г. складывается аппарат из трех главных должностных лиц — чужеземцев: подеста́, капитан — хранитель мира, которого затем стали называть капитан народа, и экзекутор справедливости⁵⁰.

С 1207 г. во Флоренции вводится должность иноземного правителя — *подеста* (*Rettor, rector civitatis, Potestas*, ит.: *Podestà*) как арбитра и гаранта политического равновесия в борьбе между грандами и пополанами, гвельфами и гибеллинами, фракциями и кланами, осуществляющими кровавые вендетты по нормам родового права. Лица, избранные коммуной на должность подеста, приводили с собой «фамилию» (ит.: *famiglia* — в значении «свита»), в которой обязательно находились шесть ученых судей (*Iudices potestatis Florentie*), возглавляемых главным или сопровождающим судьей (*Iudex collateralis potestatis Florentie, um.: giudice collaterale*), нотариий по ведению «Книги изгнанных» и 24 булавоносца (*Berrovarii iudices*, ит.: *berrovieri*). Согласно статутам 1323–1325 гг. в штате подеста не могли состоять его сыновья и братья.

---

⁵⁰ Во Флоренции, как и почти во всех коммунах, консульская власть с 1193 по 1212 г. чередовалась с правлением подеста: в периоды относительного внутреннего единства у власти стояли консулы, а при обострении межфракционных противоречий призывали подеста.

Подеста принадлежали исполнительные, контролирующие и судебные полномочия, которые начиная со второй половины XIV в. сосредоточивались главным образом в сфере гражданской юрисдикции. Подеста были обязаны действовать строго в границах автономного коммунального законодательства. Они надзирали за всеми городскими магистратурами, а также руководили гражданской, карательной и фискальной юстицией, контролировали распределение налогов, поддерживали общественный порядок, часто возглавляли коммунальное войско. Но полномочия подеста ограничивались и, в свою очередь, контролировались избираемым горожанами Советом подеста, в котором он председательствовал.

Подеста должен был придерживаться специального регламента, предлагаемого городом: не мог покидать городских стен в течение срока своей должности без разрешения граждан, не мог приобретать недвижимость в городе и контадо. По окончании годового срока полномочий деятельность подеста подвергалась строгой ревизии со стороны коммуны, по этой причине они вносили залог в городскую казну, а если его сумма не покрывала необоснованных затрат, то бывший правитель оставался в городе в качестве заложника. В XIII в. появились особые трактаты-инструкции, условно названные «Учебники подеста»⁵¹, доказывающие, что он рассматривался как главный носитель власти.

Капитан народа. Сильное экономически и сплоченное в социально-политическом отношении пополанство испытывало потребность в должностном лице, обязанном отстаивать интересы народа против грандов. В 1250 г. во Флоренции возникла должность *капитана народа* (*Capitaneus et defensor populi Florentini*, ит: *Capitano del Popolo*), главная функция которого состояла в том, чтобы возглавлять городское ополчение, организованное по территориально-административному принципу. Как и *подеста*, он не мог принимать никаких важных решений без опоры на *Совет капитана народа* (*Consilio domini capitanei et populi*), в котором он председательствовал. Из Совета капитана народа полностью исключались гранды. Капитан народа также имел свой штат (*famiglia*), включающий судью по гражданским и уголовным делам, судью по фискальным делам, судью по габеллам, шесть нотариев, восемь кавалеров (рыцарей), 24 булавоносца. Капитан народа контролировал систему компаний

---

⁵¹ Во Флоренции к таковым относится книга Брунетто Латини «Сокровище».

народа, ночной дозор и пожарную службу. Со второй четверти XIV в. он ведал главным образом уголовной юстицией. В остальном права, обязанности и ограничения полномочий капитана народа совпадали с теми, которые характеризовали должность подеста.

Исполнитель правосудия и другие иноземные должностные лица. Должность исполнителя правосудия (*Executor ordinamentorum iustitie populi Florentini*, ит.: *Esecutore di giustizia*), введенная во Флоренции с 1306 г., была вызвана к жизни теми же причинами, что и пост капитана народа. Исполнитель правосудия не мог происходить родом из Тосканы. Его основными полномочиями являлись контроль за соблюдением Установлений справедливости 1293 г., защита пополанов и низших слоев населения от грандов, осуществление надзора за тюрьмами, *писцами, нотариями, кассирами, контролерами весов и мер*. Со второй четверти XIV в. исполнителю правосудия вменялось в обязанность исполнение полицейских функций. Он также должен был возглавлять ревизии деятельности подеста и капитана народа.

Затем возникли и другие мелкие должности иноземных чиновников: *судья по апелляциям* (*Iudex appellationum et nullitatis*, ит.: *Giudice delle appellagione*), *судья по вопросам имущества мятежников* (*Iudex super ex bannitis et condempnatis et rebellibus*), *судья по вопросам продовольствия* и др. Согласно статутам 1415 г. сокращались и точно определялись функции власти подеста, капитана народа, исполнителя правосудия, что свидетельствовало об утрате прежнего значения их власти.

Кандидаты на должности должны были являться гвельфами, проживать не ближе чем за 60 миль от Флоренции, находиться в возрасте не менее 36 лет. Претенденты на пост подеста должны были к тому же иметь титул виконта, графа, рыцаря или степень доктора, при этом не состоять на службе у какого-либо господина и не являться вассалом какого-либо монарха или барона. Капитанами народа могли быть только пополаны. Голосовали за каждого по отдельности в особом избирательном собрании и отбирали четыре кандидатуры. Если все они отказывались вступить в должность, находили четырех следующих. Для процедуры избрания чужеземных должностных лиц с середины XIV в. выбирали 16 синдиков (*Sindici*, ит.: *sindachi*) — выборщиков, которым полагался свой нотариус. Выборы должны были произойти в течение 30 дней под угрозой очень большого штрафа для синдиков. На все чужеземные должности распространялась система

«запретов» (*devetum*, ит.: *divieto*), т. е. данные подеста, капитан, исполнитель правосудия, могли вторично занять эти должности во Флоренции лишь по истечении десяти лет, затем — 20 лет, для менее значимых иноземных должностных лиц запрет устанавливался на 5 лет.

Совет коммуны и *Совет народа*. Совет подеста с 80-х гг. XIII в. стал называться *Советом коммуны* (*Consilium domini Potestatis et Communis Florentini*, ит.: *Consiglio del Comune*). Туда избирались на четыре месяца 300 человек (число членов менялось), обеспечивающих генеральный (полный) состав Совета. Совет коммуны представлял все сообщество, поэтому туда всегда избирались и гранды. После 1293 г., когда были приняты антимагнатские Установления справедливости, число грандов в Совете коммуны было ограничено. Совет коммуны являлся законодательным органом, выносящим окончательную резолюцию по важнейшим вопросам внутренней и внешней политики, подвергая голосованию предварительные решения, принятые *Советом народа*. Специальные функции Совета коммуны заключались в том, что он избирал коллегии синдиков, когда это было нужно, принимал решения о возмещении ущерба, причиненного пожарами, утверждал коммунальные расходы, если они превышали заранее установленный уровень. До 1396 г. Совет коммуны созывался по воле подеста, а с 1396 г. — по распоряжению Синьории. В XIII в. Совет подеста во главе с самим подестой стали называть «Большой коммуной», поскольку эта система органов должна была действовать в интересах всего городского сообщества, включая как пополанов, так и грандов, продолжающих играть значительную роль в военных делах и внешней политике.

Совет капитана народа, который с 80-х гг. XIII в. стал называться Советом народа (*Consilium domini Capitanei et Populi Florentini*, ит.: *Consiglio del Popolo*), имел такую же структуру, что и Совет подеста. С 1285 г. в Совете капитана народа не могли быть представлены гранды. По реформе 1328 г. в его состав входило 300 человек (число членов менялось), все пополаны и гвельфы. Председательствовал капитан народа. Как законодательная структура, Совет народа выносил предварительное решение по важнейшим вопросам внутренней и внешней политики. После этого постановления передавались для окончательного голосования и утверждения в Совет коммуны. Специальные функции Совета народа состояли в том, что до 1328 г. именно этот орган избирал значительную часть общественных должностей. Совет народа представлял не все коммунальное общество, но лишь его пополанскую часть, поэтому система власти, состоящая

из капитана народа и Совета народа, куда не допускались гранды, стала называться в XIII в. «Малой коммуной». До 1396 г. Совет созывался по распоряжению капитана народа, затем Приората — верховного органа исполнительной власти коммуны.

В ведении этих Советов находились важнейшие полномочия: они принимали решения по частным петициям, что делало их близкими к социальным низам, решали вопросы о выдаче наград, привилегий и прав гражданства, о правах и свободах коммун, зависимых от Флоренции.

В XIV в. наметилась тенденция к тому, чтобы эти Советы становились законодательными органами при Синьории — коммунальном правительстве, что означало упадок значимости иноземных должностных лиц в политической структуре города.

***

Система организации городского сообщества, в котором четко стали обозначаться противоречия между грандами и пополанами, складывалась главным образом во второй половине XIII в. Она включала три составные части: компании народа, создающиеся по топографическому принципу, цехи (по профессиональному принципу), и партию гвельфов — политико-идеологическое объединение граждан.

Компании народа. Компания народа (*Sotietas populi Florentini*, ит.: *Compagnia del Popolo*) включала свободных и полноправных граждан одной территориально-административной единицы — гонфалона (с 1250 г.), обязанных участвовать в создании отряда городского ополчения. До 1343 г. территория Флоренции была разделена на шесть частей (ит.: *sestiera* — 1/6 часть города), состоящих из 20 более мелких территориально-административных округов — гонфалонов (ит.: *gonfalone* — знамя, хоругвь)⁵². Гранды не могли состоять в компаниях народа. Во главе компании народа, ежемесячно сходящейся на общем собрании, находились директивные исполнительные органы: *гонфалоньер компании* (*Vexillifer sotietatum populi Florentini*, ит.: *Gonfaloniere di Compagnia*); *вымпелносоцы* (*penonerii*, ит.: *penponieri*), *Совет гонфалона* (ит.: *Consiglio di compagnia*), куда входили: *нотарий компании*; *мудрые* (*Sapientes*, ит.: *Savi*) — избранные компанией народа лица, ведавшие распределением налогообложения в границах гонфалона; *казначей* (*camerarius sotietatum populi*, ит.: *camarlingo* или

⁵² Этим словом обозначался одновременно и отряд народного ополчения, формирующийся в пределах данного гонфалона.

camerlengo, от ит. *camera* — казна, касса); *ночные дозорные* (ит.: *custodi notturni*); *пожарная служба* (ит.: *ufficio del fuoco*). Согласно Установлениям справедливости, если какого-либо гражданина оскорблял гранд, то гонфалоньер компании был обязан защитить его с оружием в руках, если нобиль убивал пополана, вся компания выступала с оружием и производила вендетту вместе с консортами убитого. С 1343 г., когда город был разделен на четыре кварты, гонфалонов стало 16 и соответственно 16 компаний народа. Компании народа исполняли функции восстановления внутреннего порядка в случае мятежа, организовывали ночную охрану города и противопожарные меры. Пожарная служба ведала предотвращением и ликвидацией пожаров, а также устройством праздничных иллюминаций. Ночные стражники назначались гонфалоньером компании, с 1325 г. — только из членов младших цехов на шесть месяцев.

Компания народа, связанная системой взаимопомощи и круговой поруки, выполняла важнейшую политическую функцию: готовила список кандидатов от данного гонфалона для избрания на внутренние и внешние должности. Членами компании народа становились свободные лица от 15 до 70 лет, вписанные в реестр граждан города. Они не могли быть грандами, гибеллинами, находиться на подозрении в том и другом. Финансы компании находились в ведении казначея коммуны, чтобы не допустить злоупотреблений со стороны гонфалоньеров компаний — своеобразный элемент системы «сдержек и противовесов».

Цехи как политические организации. Участие цехов в политической жизни имело свои этапы. С 1282 по 1341 г. явно преобладали старшие цехи. Но в этот период значительную роль играли *цеховые уполномоченные* (*capitulum artium*, ит.: *capitulum*) пяти средних цехов, которые призывались *приорами* (главными должностными лицами Синьории) для решения наиболее важных государственных вопросов, они же широко участвовали в избрании состава *Синьории*. В 1342 г. герцог Афинский предоставил значительное количество мест в Синьории младшим цехам (три места из восьми). С 1343 по 1348 г. членам средних и младших цехов, интересы которых часто совпадали, принадлежало большинство мест в этом учреждении. После восстания чомпи (1378–1382) снова обозначился явный перевес в пользу младших цехов, т. к. все посты были разделены поровну с 1 сентября 1378 г. После переворота 1382 г., положившего конец правлению «тощего народа», возникло преимущество старших цехов, в 1387 г. лишь два приора из восьми избирались от младших цехов.

Цехи имели следующую структуру: верховным органом являлся *Большой, или Генеральный, совет цеха*, директивным — *уполномоченные, или консулы* цехов, контролирующим — *Совет синдиков (Statuari)*, исполнительными — казначей цеха (*камарлинг*), *нотарий, секретари, канцлеры по матрикулам* (цеховым спискам), *курьеры*. Особое место занимали: иноземец — контролер производства (ит.: *ufficiale forestiero*), обладавший правом наложения штрафа за плохую работу; должностные лица, отвечавшие за организацию праздников; контролеры мер, весов и качества окраски тканей. Важнейшей политической функцией цехов являлось составление особого избирательного списка кандидатов на должности.

Партия гвельфов как политическая организация. Партия гвельфов являлась третьей общественной структурой, созданной по политико-идеологическому принципу. Важную роль в управлении она стала играть с 1267 г., просуществовав до 1768 г. Могущество партии обеспечила функция управления экспроприированным имуществом бежавших и высланных из Флоренции гибеллинов. На период с 1358 по 1378 г. приходится апогей политического влияния гвельфов, начало которому положил закон (1358), освобождавший эту ассоциацию от контроля со стороны коммунальных структур. Руководящие органы партии получали право обвинить или заподозрить любого гражданина в гибеллизме без всякого вмешательства Синьории. Осужденный высылался из города, а его имущество конфисковывалось, подозреваемый подвергался «аммонциям» (ит.: *ammonizione* — предупреждение), т. е. лишался политических прав: имя его вычеркивалось из избирательных списков, он не мог занимать государственные должности. Особенность партии гвельфов состояла в том, что именно в этой структуре гранды сохранили свое значение: если они являлись членами партии, то могли занимать высшие должности в ее органах управления.

От партии гвельфов составлялся отдельный избирательный список на коммунальные посты. Ее представители участвовали в принятии всех важных решений наряду с Синьорией, Советами, цеховыми уполномоченными. Во главе партии стояли *капитаны партии (Capitanei Partis Guelfe)*, которым были подчинены *приоры партии*. Капитаны партии опирались на узкий *Совет доверия партии* (ит.: *Consiglio di Credenza della parte guelfa*) в составе 16 членов партии, в важных случаях собирали также *Генеральный совет партии* в составе 100 человек.

Реформы 1378 г. поставили партию гвельфов под контроль коммунальных органов, уничтожив ее диктат над обществом. С 1382 г. начался упадок партии как политического института: постановление 1393 г. гласило, что «гибеллинов во Флоренции больше не существует». Полномочия партии отныне сводились к представительским и символическим функциям.

Первые органы пополанского управления. В период преобладания власти иноземных должностных лиц, со второй половины XIII в., начали формироваться органы автономного пополанского управления. В 1250 г. было введено подобие первой конституции (*primo popolo*), фиксирующей победу пополанства и утверждающей Малую коммуну во главе с *капитаном народа* и *Советом капитана народа*. Для усиления Малой коммуны был также утвержден узкий *Совет старейшин — анцианов* (*Boni viri civitatis Florentie*, ит.: *anziani* — старейшины), позаимствованный из политического опыта Болоньи, куда избирались 12 членов. С XIV в. *Совет старейшин* перестал существовать. Они заседали в особом дворце — Барджелло и решали вместе с *капитаном народа* важные дела, касающиеся интересов пополанства, по сути дела — важнейшие вопросы внутренней и внешней политики коммуны. После 1293 г., когда пополаны одержат окончательную победу, зафиксированную Установлениями справедливости, Малая коммуна подвергнется быстрой модификации, поскольку потребность в ней уменьшится.

ЭТАП ПОПОЛАНСКОЙ КОММУНЫ С ПРЕОБЛАДАНИЕМ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ (1282–1382)

Приорат. Структура органов пополанского правления приняла завершённый характер только в конце XIII в., когда полностью определилось экономическое и социально-политическое преобладание народа над знатью. Усиление позиций цехов обусловило стремление их представителей к участию в системе государственной власти. В 1282 г. была впервые основана *Коллегия приоров* (*Priores artium*, ит.: *Priori*) трех старших цехов, затем их число увеличилось до шести. Тогда же появилась должность *капитана — защитника цехов* (*Defensor artificium et artium*, ит.: *Difensore delle arti*), предводителя особого цехового ополчения, предназначенного для дополнительной охраны нового политического порядка. Установления справедливости

1293 г. не только провозгласили *Приорат* главным государственным органом, но и способствовали превращению его в эффективно действующую структуру верховной власти: выбирались два приора на два месяца. Они должны были быть не только вписаны в матрикулы цехов, но и реально заниматься ремеслом или торговлей, не могли иметь рыцарского звания. Для конкретного лица, уже состоявшего на посту приора, устанавливался двухлетний запрет (*divieto*) на повторное занятие этой должности⁵³.

Приоры и гонфалоньер справедливости составляли Приорат (*Offitio dominorum priorum et vexillifer iustitie*) — основу главной властной структуры республики Флоренции, ее правительства — Синьории. Весь срок полномочий (два месяца) они должны были постоянно находиться в Палаццо Веккьо (Старый Дворец) на государственном обеспечении. Возрастной ценз для выборов в Приорат возрастал: в конце XIII в. — 30 лет, с 1394 г. — не младше 45 лет. Функции приоров и гонфалоньера справедливости были широки и неопределенны, особенно в первой половине XIV в. Они являлись главным исполнительным органом власти, но обладали также и законодательной инициативой — правом выдвигать петиции (проекты реформ) и статуты, передаваемые на голосование сначала *Совета народа*, затем — *Совета коммуны*. Приорат имел контролирующую власть, распространяющуюся на чужеземных должностных лиц и другие структуры государства, вплоть до смещения, если они нарушали коммунальные законы. Важнейшей функцией являлось управление внешней политикой и право участия в разработке основного избирательного списка. В области финансов Приорат представлял на утверждение Советов подобие государственного бюджета, а также обладал инициативой пересмотра фискального законодательства.

Частая сменяемость Приората не способствовала преемственности в политике и эффективному отбору наиболее компетентных и способных администраторов, создавая множество проблем, которые отчасти пытались решить за счет «Инструкций приорам» (со второй половины XIV в.), в которых фиксировались их права и обязанности, порядок официальных процедур, комментарии к использованию законов.

С начала XIV в. значение и функции Приората возрастали: по статутам 1325 г. приорам было дано право лишать должности подеста,

---

⁵³ В 1295 г. законодательство было смягчено: приорами могли стать лица, вписанные в цех, но живущие на ренту (ит.: *sciooperati* — рантье).

капитана народа и исполнителя правосудия. С этого времени Приорат окончательно стал высшим органом власти Флорентийской коммуны. Приоры избирались по территориально-цеховому принципу: с 1343 по 1378 г. выбирались восемь приоров, по два от каждой картьеры, из них два — от младших цехов, три — от средних, три — от старших. Реформирование Приората происходило в период от 1378 по 1387 г. С 1 сентября 1378 г., когда установился режим «тощего народа», избирали пять приоров от 16 младших цехов, четыре от семи старших цехов и рантье. После государственного переворота 1382 г. соотношение постепенно менялось в пользу старших цехов: в 1387 г. избирали шесть приоров от старших цехов, два — от младших и средних. Приорат и гонфалоньер справедливости перестали существовать в 1532 г.

Гонфалоньер справедливости. Должность *гонфалоньера справедливости*, возглавившего приорат и избираемого только из пополанов, была основана в январе 1293 г. согласно Установлениям справедливости. Гонфалоньер справедливости (*Vexillifer Iustitie*, ит.: *Gonfaloniere della Giustizia*), хотя и возглавлял Приорат, являлся «первым среди равных» между приорами и даже получал одинаковую с ними плату за службу. Он не мог быть родственником или консортом никого из приоров, вступающих одновременно с ним в должность. Ему предоставлялся отряд из 1000 человек и 1000 строительных рабочих для разрушения замков грандов. Гонфалоньер должен был избираться по очереди от старших и младших цехов, с 1382 г. — только от старших цехов.

Гонфалоньер справедливости представлял республику во всех официальных процедурах. Он ведал имуществом Приората согласно инвентарной описи: знаменами, гербами, комплектом вооружения, землями и крепостями, принадлежащими коммуне, хранил ключи от городских ворот. По понедельникам, средам и пятницам в Приорате принимали граждан: в аудиенциях участвовало не менее четырех приоров, private беседы запрещались. Приоры и гонфалоньер пользовались статусом неприкосновенности и имели право ношения оружия на срок полномочий, во время которого их нельзя было привлечь к ответственности, арестовать и подвергнуть пыткам, за исключением доказанного обвинения в убийстве или пролитии крови. Неприкосновенность распространялась на один год после завершения должности по обвинениям, связанным с государственной службой. Лица, наносящие ущерб или оскорбление должностному лицу или членам его семьи, несли двойную или тройную кару.

Шестнадцать гонфалоньеров компании. С начала XIV в. объединение гонфалоньеров компании стало все активнее участвовать в жизни государства. Окончательное превращение этой структуры в политический орган, видимо, произошло только с середины XIV в.⁵⁴, когда *Шестнадцать гонфалоньеров компании* (*Vexilliferi societatum populi Florentini* или *Offitium Gonfalonierorum Societatum*, ит.: *Sedici gonfalonieri di compagnia*) стали вторым после Приората авторитетным органом Флоренции, судя по титулу «почтенные» (*Venerabili*). Срок пребывания в этой должности — шесть месяцев, с 1324 г. — четыре месяца, запреты такие же, как и для приоров. Возрастной ценз — 25 лет, с 1389 г. — 30 лет. Сначала гонфалоньеров компании выбирали только из представителей старших цехов, с 1343 г. — поровну от старших и младших цехов, с 1348 г. — 2/3 от старших, 1/3 от младших, с 1378 г. девять — от младших, семь — от старших, затем соотношение менялось в пользу старших цехов: с 1387 г. — 12 от старших, четыре — от младших цехов.

Функции гонфалоньеров компании состояли в том, что они привлекались Синьорией к решению всех важнейших государственных дел вместе с приорами и гонфалоньером справедливости. Собираясь отдельно от Приората, они обсуждали его решения, затем публично высказывали мнение своей коллегии. У них имелись свой нотариий и пропосты (*Prepositus*, ит.: *proposto*) — заранее назначенные докладчики по обсуждаемым вопросам, которые собирали гонфалоньеров при надобности в Палаццо Веккьо, поскольку они там не проживали, постоянно находясь среди своего гонфалона. У каждого гонфалоньера имелся один *нунций* (ит.: *nunzio* — посольный, посланец), которому выплачивалось жалованье из казны. Магистрат Шестнадцати гонфалоньеров компании был аннулирован в 1531 г.

Двенадцать добрых мужей. В 1321 г. был основан еще один высший орган власти — *Двенадцать добрых мужей* (*Offitium duodecim bonorum virorum*, ит.: ***Dodici Buonuomini***). Коллегия Двенадцати добрых мужей принимала участие в обсуждении и решении всех важных государственных проблем. Приорат сам стремился расширить круг облеченных властью, чтобы распределить ответственность среди многих персон. Срок полномочий — шесть месяцев, с 1328 г. — четыре месяца, запреты те же, возрастной минимум — 30 лет. До 1343 г. Двенадцать добрых мужей избирались только из членов старших цехов, с 1343 г. —

---

⁵⁴ В статутах 1319–1322 гг. гонфалоньеры компании уже фигурируют отчасти как политический орган.

поровну от старших и младших, с 1348 г. 2/3 — от старших, 1/3 — от младших, с 1378 г. — пять от старших, семь — от младших, с 1387 г. девять — от старших, три — от младших. Приорат не принимал никаких важных решений без этих двух коллегий. Коллегия Двенадцати добрых мужей сохранилась и в XVI в., пережив другие высшие магистраты.

Приорат во главе с гонфалоньером справедливости, Шестнадцать гонфалоньеров компании, Двенадцать добрых мужей составляли правительство коммуны Флоренции — Синьорию. В обиходе граждане называли эти посты «старшие должности». Исполнение этих должностей считалось до конца XV в. очень почетным делом, придавало вес и авторитет в обществе, являлось предметом гордости потомков и в последующие века.

Канцлеры и нотариусы коммуны. Проблема преемственности и компетентности в работе Синьории решалась за счет штата более или менее постоянных служащих. Среди судей и нотариусов Синьории выделялись два основных поста: канцлер (*Cancellarius comunis Florentie*, ит.: *Cancelliere*) и *нотарий риформаджони* (*Notarius Reformationum comunis et populi Florentini*, ит.: *Notaro delle Riformazioni*). Нотарий риформаджони хранил документацию, зачитывал информацию на заседаниях Синьории, регистрировал отсутствующих, при избирательных процедурах предоставлял для голосования черные и белые бобы, собирая их по окончании избрания. Он воплощал для многих граждан образ судьбы, поскольку именно ему вменялось в обязанность извлекать жребии с именами кандидатов из избирательных сумок. Канцлер республики заведовал Канцелярией Синьории (*Offitio Cancellarie Comunis Florentie*), руководил составлением протоколов и публичных речей, деловой и дипломатической перепиской государства. Эта должность приобрела особое значение со второй половины XIV в. В ведении этих чиновников находился целый штат: в записях 1352 г. упомянуты 17 курьеров, 18 сборщиков податей (*Exactorigabellarum, prestantie*), 39 нотариусов и др. Деятельность этого персонала в некоторой мере обеспечивала стабильность и частично компенсировала слабость, присущую системе кратковременного дилетантского правления Синьории. Именно из этого слоя профессиональных управляющих формировались кадры бюрократической прослойки⁵⁵. Но Флорентийская коммуна не являлась бюрократическим государ-

⁵⁵ Среди них известны выдающиеся имена, например знаменитые мыслители и гуманисты Колуччо Салютати и Леонардо Бруни.

ством: отсутствовали даже такие признаки, как чиновничий аппарат в сфере внешней политики и постоянный дипломатический корпус, миссии при иностранных государствах осуществляли сами горожане — судьи или нотариусы, богатые купцы и городские нобили.

Практики и Призванные. С другой стороны, проблемы некомпетентности членов флорентийского правительства, избираемых на короткие сроки, но вынужденных решать множество разнообразных и сложных вопросов жизни города-государства, пытались решить за счет созыва по решению Синьории особых консультативных совещаний — *Практик* (ит.: *Pratica*) или экспертных комиссий, формируемых на время для изучения и обсуждения специального вопроса. В Практиках принимали участие представители Приората и коллегий Синьории, Советов, а также *призванные* (*Sapientes Communis*, ит.: *Richiesti*). Призванными становились лица, пользующиеся репутацией «мудрых», т. е. обладающие опытом управления и имеющие длительную практику в определенной сфере политики или экономики. Практики, усложняющие и без того громоздкий государственный аппарат, мало способствовали ускорению решений, но давали возможность использовать разнообразный опыт, накапливаемый способными политиками и администраторами.

Чрезвычайные органы власти. Во Флоренции XIV–XV вв. в критических случаях созывали народное собрание Парламентов. Его целью являлось создание краткосрочных экстраординарных комиссий, которые назывались *балии* (*Balie*, ит.: *Balìi*, от *Balia* — власть, господство), для выполнения специальных функций в течение небольшого промежутка времени: реформировать избирательные списки, проводить в жизнь новые законы по коммунальным расходам, собирать займы, решать вопросы войны и мира.

Со второй половины XIV в. появляется тенденция к созданию долговременных чрезвычайных коллегий, обусловленная межфракционным и межклановым противостоянием, часто сопровождаемым вооруженными столкновениями. В 1372 г. создали коллегия *Десять свобод* (ит.: *Dieci di Libertà*), функции которой состояли в том, чтобы примирять враждующие кланы и фракции (Риччи и Альбицци) и предотвращать возникновение политических сект. Затем эта коллегия стала контролировать правосудие, защищать индивидуальную свободу граждан, охранять интересы налогоплательщиков от несправедливого обложения. В 1378 г. основали *Восемь гвардии*, или *Восемь безопасности* (ит.: *Otto di Guardia*), своего рода магистрат государственной безопасности с целью охраны режима от посягательств и заговоров. Возникнув как

временный орган, Восемь гвардии стал постоянно действующей коллегией, одной из самых могущественных в коммуне. Во время войны с папским престолом (1375–1378) возникла коллегия *Восемь войны* (ит.: *Otto di Guerra*), которая приобрела особую значимость в первой половине XV в. под названием *Десять войны* (ит.: *Dieci di Guerra*).

Младшие должности в коммунальном управлении. Во Флоренции все должности, кроме постов в Приорате, а также в коллегиях Шестнадцати гонфалоньеров компании, Двенадцати добрых мужей и чрезвычайных магистратах, считались низшими (младшими). В это число, за небольшим исключением, входили посты по управлению контадо и дистретто: подеста, *капитаны стражи* (*Capitanei custodiae*), *коменданты* (*Castellanes*), судьи (*Iudices*), избираемые из граждан Флоренции, как правило, на один год. Эти посты считались не очень почетными, хотя большую часть избираемых на эти должности коммуна сразу же производила в рыцари, а их властные полномочия зачастую были весьма велики. Множество младших должностей занимали и в самом городе: в канцелярии, налоговом и финансовом магистратах, в комиссиях по распоряжению государственным имуществом, продовольствием, дорогами, мостами, монетой, в благотворительных братствах и т. д. Запреты на эти должности были ослаблены, а доступ к ним облегчался для «тощего народа». Особую роль среди этих постов играли очень важные органы, регулирующие экономическую жизнь города: торговая палата и одновременно трибунал — *Совет шести по торговле* (*Sex Consilarii Mercantie*, ит.: *Sei di Mercanzia*), ведающий торгово-обменными отношениями и рассматривающий тяжбы между купцами, постепенно формирующий торговое право; и служащие Монте — управляющие созданного в 1343 г. банка государственного кредита Монте⁵⁶ (ит.: *Ufficiali del Monte*, от *montare* — накапливать

---

⁵⁶ С XIII в. в налоговой системе города, где преобладали косвенные налоги — габеллы, стали вводиться кадастры, содержащие оценки недвижимого имущества (*estimo, libra* — оценка имущества), и определявшие фискальную способность отдельного индивида. Они позволяли мелким производителям-ремесленникам в городе избегать тяжести налогового бремени, поскольку у них было невелико недвижимое имущество. Это побудило коммуну прибегать к прямому налогообложению в виде публичных займов (*prestanza*), лежащих на плечи тех, кто обладал ликвидными капиталами, — богатых торговцев, менял, цеховых ремесленников. Частые займы привели к созданию банка государственного кредита (*Monte*).

деньги), чаще всего гарантирующего 5 % годовых, поэтому привлекательного для всех, кто хотел вложить капитал без риска.

Избирательная система. Избирательная система Флоренции отличалась громоздкостью и сложилась окончательно только в 1355 г. Решающим этапом ее формирования стали статуты 1328 г.

Процесс избрания на должность делился на пять последовательных фаз. Первую фазу можно назвать условно «составлением избирательных списков» (*reductiones*, ит.: *recata* — избирательный список — специфический термин, не имеющий точного аналога в русском языке). Гонфалоны, цехи, партия гвельфов составляли путем прямого голосования три основных списка достойных избрания кандидатур, куда помещались имена граждан Флоренции, истинных гвельфов, членов цехов, не банкротов. Для внесения кандидатур в первоначальные списки создавались три избирательные комиссии: от партии гвельфов, от 16 гонфалонов, от цехов. Во все три комиссии входили помимо соответствующих должностных лиц специальные выборщики — *arroti* (ит.: *arroti* — термин, не имеющий точного аналога в русском языке). Нотарии Приората сверяли эти три готовых списка и те имена, которые встречались во всех трех, отбирали для старших должностей, оставшиеся — для остальных постов. В результате возникали сводные списки кандидатов на каждую должность.

Вторая стадия называлась «голосование» — «вото» (*scriptinium*, ит.: *voto* — голос на выборах). Для ее проведения создавалась специальная комиссия: Приорат, Шестнадцать гонфалоньеров компании, Двенадцать добрых мужей, консулы 21 цеха и 80 (затем 100) арроти из наиболее уважаемых людей в городе. Обсуждение начиналось со списка на должность гонфалоньера справедливости. Зачитывалось имя, из зала удалялись родственники и консорты этого кандидата, монахи-францисканцы обходили присутствующих с чашками, куда члены комиссии бросали черные или белые бобы, затем чашка накрывалась листком с именем кандидата.

Потом наступала третья стадия — «секретная фаза». Специально избранные в качестве секретных должностных лиц (ит.: *Ufficiali segreti*) два чужеземных монаха считали бобы в каждой чашке, «секретный нотариус» записывал результат в особую тетрадь. Заполнив, ее тотчас же отдавали на хранение в монастырь Санта Кроче братьям-миноритам, где она находилась постоянно, чтобы сверять имена кандидатов с теми, которые находились в сумах.

Для четвертой «фазы аккопьяторов» (*imborsatio*, ит.: *imborsazione*) выбирали коллегию особых должностных лиц (по четыре человека от каждой картьеры) — аккопьяторов (ит.: *Accoppiatori* в букв. пер. — «соединенные попарно», возможно, имелось в виду их четное число). Они, поклявшись хранить тайну, получали «Секретную тетрадь», отбирали сначала всех, кто набрал 2/3 или более голосов. Имена таких кандидатов на старшие должности аккопьяторы выписывали на маленькие пергаментные карты (ит.: *cedole* — жребии), которые раскладывали по соответствующим сумкам: для каждой должности готовились четыре сумки — по одной от каждой картьеры. Фаза аккопьяторов являлась основным фильтром в избирательной системе Флоренции.

Затем наступала заключительная стадия вытягивания жребия из сумки (*extractio*, ит.: *tratta*) — торжественная процедура в присутствии приоров и их коллегий. Нотарий риформаджоне вытягивал из сумы жребий и зачитывал имя. Если у присутствующих не было отводов, кандидат получал должность. Если он оказывался политическим изгнанником, банкротом, осужденным, жребий разрывался. Если отвод носил временный характер (отсутствие лица в городе), жребий сбрасывался обратно в суму. Многие современные исследователи полагают, что это вытягивание не только символизировало вмешательство божьей воли, указывающей на наиболее достойных, но и гарантировало от всяких проявлений фаворитизма, клиентелы и сервиллизма, т. е. являлось демократическим элементом в политической системе коммуны.

РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ЭТАП С ЯВНО ВЫРАЖЕННЫМИ ОЛИГАРХИЧЕСКИМИ ТЕНДЕНЦИЯМИ (1382–1434)

В 1382 г. режим «тощего народа», получившего некоторые преимущества после восстания чомпи (1378), был свергнут. Во Флоренцию вернулись изгнанники 1378 г. — активные деятели партии гвельфов в прошлом, стремящиеся свести счеты со сторонниками павшего режима и требующие возмещения убытков; с другой стороны, «тощий народ» стремился одержать реванш. Баляя 1382 г., избранная Парламенто, выработала решения, направленные на усиление значения Синьории как главного органа управления, устранение опасности

возрождения могущества гвельфской партии, исключение политического экстремизма и свертывание политических прав младших цехов, хотя они сохранили некоторую долю участия во всех структурах государственного управления⁵⁷. Выделение правящей элиты и сужение ее состава происходило постепенно. Среди факторов, маркирующих этот процесс, следует отметить три наиболее важных: список Зерцало (1397), список Привилегированных (1406) и введение Сумочки (1387). Список Зерцало (ит.: *Specchio*) — реестр лиц, имеющих задолженности по уплате коммунальных налогов, которые не допускались к государственным должностям и не заносились в избирательные списки. Сумочка (ит.: *Borsellino*) — дополнительная избирательная сума в добавление к основной (ит.: *Borsa generale*), в которую попадали жребии с именами наиболее уважаемых и авторитетных лиц, отбираемых только гонфалоньером справедливости и четырьмя специально избранными членами старших цехов. Два приора из восьми стали вытягиваться из этой Сумочки. Список Привилегированных (ит.: *Beneficiati*) содержал имена членов старших цехов, которые (или их предки) платили налоги без перебоев в течение 30 лет и постоянно занимали государственные посты. Если тот, чье имя вытягивалось из основной суммы, отсутствовал или получал отвод, его заменяли кандидатом из списка Привилегированных. Кроме того, в XV в. членов особых коллегий начали избирать только из списка Привилегированных: например, в 1411 г. так был избран специальный Совет двухсот для обсуждения и рассмотрения новых законопроектов.

Вторым обстоятельством, отличающимся от прежнего порядка правления, являлась вызывающая тревогу в обществе тенденция к созданию чрезвычайных коллегий и продлению срока их полномочий. Самую важную роль играла коллегия *Десять войны* (1388), созданная накануне войны с Джан Галеаццо Висконти (1390–1402). Она управляла ведением военных действий, наймом кондотьеров, а также имела чрезвычайные полномочия устанавливать новые налоги и принудительные займы, диктуемые потребностями войны. С 1424 по 1447 г., во время войн с Филиппо Мария Висконти, Десять войны приобрели особые полномочия по руководству внешней по-

---

⁵⁷ Выдающуюся роль в деятельности этой чрезвычайной коллегии сыграл канцлер коммуны Колюччо Салютати, обнаруживший способность вести конструктивный диалог с различными социальными слоями.

литикой, что ослабляло власть Синьории. Чрезвычайными коллегиями делалось немало полезного для государства, но они усложняли и без того запутанный и медленно действующий аппарат управления. Благодаря этим коллегиям определенный круг лиц постоянно пребывал у власти. Когда заканчивался срок полномочий в Синьории или ординарном комитете, представителя правящей элиты немедленно избирали в какую-либо из чрезвычайных комиссий.

В итоге в первой четверти XV в. во Флоренции складывался слой политической олигархии, в котором выдающееся место занимали Никколо д'Уццано, Джино ди Нери Каппони, Мазо и Ринальдо дельи Альбицци, отличающиеся энергией и незаурядными способностями к управлению государством⁵⁸. Они сумели добиться после 1400 г. относительного гражданского мира, расширить территорию государства: включение Ареццо и Пизы, обладавшей удобным выходом в море, позволило снизить налоговое бремя в самой Флоренции, перенеся его частично на население подчиненных городов. Введение в 1427 г. единого унифицированного налогового кадастра, учитывающего движимое и недвижимое имущество, упорядочило налоговую систему. Но олигархическое управление во Флоренции не приобрело стабильности, характеризующей политическое устройство Венеции. Правящий слой флорентийского общества отличала частая смена фамилий, ротация внутри социальных элит, отсутствие сословной замкнутости, сильное стремление к социально-политической эскалации снизу. Эти факторы препятствовали складыванию патрициата как сильной и обособленной правящей группы.

РЕСПУБЛИКА МЕДИЧИ: ТЕНДЕНЦИИ ПЕРЕХОДА К ПРИНЦИПАТУ (1434–1530)

К 30-м гг. XV в. внутри флорентийской олигархии усилилось соперничество за политическое преобладание между фамилиями Альбицци и Медичи, завершившееся победой фракции Медичи. Установился режим влияния Козимо Старшего (1434–1464) на властные структуры республики. Внешне в устройстве государства почти ничего не изменилось: все органы власти сохранились. Основная задача первых Медичи — поместить на главные посты своих сторон-

---

⁵⁸ Уже с XVI в. этот период стали называть «золотым веком флорентийской олигархии».

ников и доверенных лиц, не аннулируя прежнее устройство. Козимо Медичи и его наследники не имели никаких официальных полномочий и титулов, утвержденных императором, а также постоянных должностей. Их правление не обходилось без репрессий: противники Козимо Медичи в 1434 г. были высланы из города. Но в политике Козимо и его потомков превалировали другие методы воздействия на общество, позволяющие им в дальнейшем обойтись без кардинальной перетасовки фамилий, составляющих слой правящей олигархии, расширяемый за счет включения имен новых людей. Влияние Козимо Старшего распространялось благодаря кредитам банка Медичи и матримониальным союзам: посредством сложной брачной стратегии враги превращались в друзей и родственников. При Лоренцо Великолепном добавилось воздействие на общество двора, отличающегося ренессансными признаками, и часто проводимых массовых зрелищ. Медичи умели вести диалог с городскими низами: они ослабили роль списка Зерцало и допустили несостоятельных налогоплательщиков к ряду низших коммунальных должностей (1446). Симпатии низов позволяли на народных собраниях избирать в балии сторонников Медичи, а частый созыв Парламенто создавал эффект повышения политической активности «тощего народа», выгодно контрастирующий с порядками олигархического периода. Балии превращались в инструмент контроля над избирательными списками и обеспечивали их сторонникам постоянное пребывание на ключевых постах.

Козимо, зная наиболее уязвимые фазы избирательного механизма, манипулировал избирательной системой, добиваясь, чтобы его сторонники преобладали в Коллегии аккопьяторов. Достигнув этого, он стремился усилить полномочия этой избирательной комиссии и продлить сроки ее действия: Коллегия аккопьяторов, созданная в 1434 г., пробыла в должности пять лет вместо обычных шести месяцев. Аккопьяторам время от времени предоставлялось право «наполнять сумки рукой», т. е. открытым голосованием самостоятельно определять, сколько жребиев поместить в сумки и на какие именно должности, или переложить из ранее сформированных сумок в новые, производя таким образом тайную «чистку сумок» от имен противников Медичи. Когда в обществе поднимался ропот против вопиющих нарушений избирательных норм, прежние законы на время восстанавливались, что имело место в 1441, 1449, 1455 гг., но избирательные суммы уже были наполнены именами сторонников Медичи.

Это лавирование продолжалось все 30 лет, пока Козимо негласно находился у власти. Нарушения всегда имели предел: за 30 лет в Синьорию ни разу не был избран кандидат, имени которого не содержалось в избирательных списках; поэтому аккопьяторов было трудно обвинить в прямых беззакониях, хотя все более сужался круг имен, отбираемых из списков в суммы, а антимедичейцы лишались доступа к постам. Коллегия аккопьяторов, ранее исполнявшая скорее технические функции, становилась очень влиятельным орудием власти Медичи. Только в 1466 г., подавив попытку заговора, Пьеро ди Козимо (1464–1469) установил 20-летний срок действия новых медичейских норм избрания на должности⁵⁹, и Коллегия аккопьяторов стала институциональным органом. Состав аккопьяторов ежегодно переизбирался, что явилось уступкой традиции: флорентийцы отрицательно воспринимали комиссии с несменяемым составом, считая их признаком тирании.

Лоренцо Великолепный (1469–1492) продолжал деформацию механизма действия важнейших политических институтов, до 80-х гг. поддерживая почти в неизменном состоянии структуру правящих органов. При Медичи повышалось значение нескольких чрезвычайных органов: Восьми гвардии и Десяти войны, в руках которых концентрировалось и управление внешней политикой. Руководство финансами все больше сосредоточивалось в руках служащих лиц Монте. Эти структуры постепенно приобретали исполнительную власть и надстраивались над Синьорией. Официальные лица Монте и Совет шести по торговле, являясь профессиональными легистами, начали оттеснять на второй план цеховую юрисдикцию, предопределив упадок цехов как политических ассоциаций.

Новые структуры власти в медичейской республике. Производимые изменения до 80-х гг. не отличались значительными масштабами. В 1458 г. был создан *Совет ста* (ит.: *Consiglio dei Cento*) с целью ослабления напряженности в обществе, усилившейся в связи с недовольством выборными махинациями. Его функции заключались в том, чтобы санкционировать выборы, одобрять или отклонять постановления, относящиеся к выборным спискам и процедурам. Совет ста, став первой инстанцией для принятия важных законов, быстро приобрел и новые функции, прежде исполняемые балии, — избрание служащих Монте и Восьми гвардии. Прочие

---

⁵⁹ В 1486 г. этот срок был продлен еще на 20 лет.

сферы по-прежнему регулировались Советом народа и Советом коммуны. Совет ста не имел власти утверждать законы без согласия других советов, а его состав традиционно сменялся каждые шесть месяцев. Республиканский принцип сменяемости состава магистратов доставлял Медичи много хлопот, поскольку приходилось действовать в условиях доступа к власти относительно широкого слоя горожан.

Более существенные изменения в сфере законодательной власти произошли при Лоренцо Медичи. В 1471 г. был создан *Главный совет* (ит.: *Consiglio Maggiore*), которому он доверил важнейшие функции — утверждение наиболее важных постановлений, тогда как *Совет ста*, *Совет народа* и *Совет коммуны* отошли на второй план. В состав Главного совета входили 40 граждан, избираемых Синьорией и пятью аккопьяторами, а также по 50 граждан, отбираемых от каждой картьеры указанными 40 советниками, в чем выражалась тенденция к замыканию избирательной системы. Главный совет решал вопросы о наказании мятежников, санкционировал новые налоги, одобрял решения, касающиеся должностных лиц. Если к нему присоединялся также Совет ста, то обходились без окончательного решения Совета народа и Совета коммуны.

Лоренцо Медичи в 1480 г.⁶⁰ создал еще один коллегиальный орган, который являлся наиболее надежным средством монополии его власти — *Совет семидесяти* (ит.: *Consiglio dei Settanta*), сначала с пятилетним сроком действия, который затем пролонгировался еще на столько же времени. Его состав формировался путем очень сложной трехступенчатой процедуры. Члены Совета семидесяти избирались пожизненно, вакантные посты замещались самими советниками, а сфера его компетенции не имела четких ограничений. В нее входили: процесс составления генерального списка на все должности, превращающий этот Совет в постоянную Балию; функции надзора за Монте и налогами; подготовка окончательных вариантов актов и законопроектов для их последующего обсуждения на других советах; формирование коллегии аккопьяторов и магистрата Восьми гвардии из состава Совета семидесяти. Из членов этого Совета в определенных случаях в течение года могли выбирать приоров и гонфалоньера справедливости на каждые два месяца. При Совете семидесяти находились две постоянные коллегии: *Восемь пратики*

---

⁶⁰ После подавления заговора Пацци и войны с папой Сикстом IV.

(ит.: *Otto di Pratica*), занимающаяся вопросами внешней политики и наймом войск, и *Двенадцать прокураторов* (ит.: *Dodici Procuratori* — от *procuratore* — поверенный), которые управляли финансами республики и занимались вопросами налогообложения. Состоящие в них должностные лица назначались только из состава Совета семидесяти. Это приводило к тому, что в руках Совета семидесяти сосредоточился контроль над избранием на должности и большая часть законодательной власти.

Совет ста только санкционировал решения Совета семидесяти, вотируя законы, касающиеся Монте, введения новых налогов и реформ правящих магистратов. Таким образом, эти советы обладали учредительной и нормативной властью в республике. Право окончательного утверждения принадлежало Главному совету. Аппарат, создаваемый Лоренцо Медичи, постепенно освобождался от отживших форм: прекратилось создание чрезвычайных коллегий — балий, поскольку в них отпала надобность с созданием Совета ста и Совета семидесяти, уходили в прошлое созывы Пратик и обращение к Призванным.

С одной стороны, новые советы позволяли сужать полномочия Советов народа и коммуны, в которых Медичи чаще всего сталкивались с оппозиционными настроениями. С другой стороны — давали возможность не раздражать общество действием комиссий с чрезвычайными полномочиями, состав которых далеко не всегда был послушен, потому что утверждался основными законодательными советами, и избегать созыва Парламента, контроль над мнением которого требовал значительных усилий.

При этом политическое устройство Флоренции не утрачивало республиканских признаков и после 1480 г. Две древние коллегии — Совет коммуны и Совет народа продолжали действовать. Они утверждали остающиеся вне компетенции Совета ста и Совета семидесяти дела и санкционировали выборный состав Совета ста, продолжали принимать и рассматривать петиции от частных лиц, решали вопросы о наградах и привилегиях, о предоставлении прав гражданства и обо всем, что касалось цеховых корпораций, а также прав, обязанностей и администрации подчиненных коммун. Но их полномочия становились в большей степени второстепенными.

Многие современные исследователи считают, что у Козимо Старшего, Пьеро Подагрика и Лоренцо Великолепного не было намерения установить во Флоренции тиранический режим, поскольку они

в большей мере идентифицировали себя с республиканским обществом и комплексом пополанских ценностей⁶¹.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОРГАНЫ В ПЕРИОДЫ СВЕРЖЕНИЯ ВЛАСТИ МЕДИЧИ (1494–1512, 1527–1530)

В попытке государственного переворота 1465 г., направленного против Пьеро ди Козимо Медичи (Пьеро Подагрик), физически немощного, но умного политика, был предложен проект реформ Никколо Содерини, предусматривающий восстановление прежнего регламента избрания на должности. В нем была впервые обоснована идея реформы «по венецианскому образцу»: пожизненный пост гонфалоньера справедливости, Главный совет как основной законодательный орган. Этот политический идеал будет использован в дальнейших попытках реставрации республиканских порядков.

Подобная попытка была предпринята в 1494–1512 гг., после изгнания сына Лоренцо Великолепного Пьеро де Медичи (1492–1494), неудачливого и недальновидного правителя. Значительную роль при этом сыграл идейный вдохновитель реформ, приор доминиканского монастыря Сан Марко Джироламо Савонарола, выдвинувший проект политических преобразований, хотя и не чуждый венецианскому образцу, но учитывающий демократические традиции флорентийского общества. Вся основная политическая структура осталась такой, какой была до 1434 г., включая избирательную систему: в частности, жребии с именами членов Совета вытягивались из закрытых сумок. Полнота законодательной власти переходила к Главному совету (более 3000 членов), созданному на венецианский манер, что, по мнению Савонаролы, должно было укрепить республиканские устои и положить предел возвышению оптиматов. Однако попытка превратить столь многочисленный Совет в основной законодательный орган государства оказалась не совсем удачной: в нем вскоре проявились усиливающиеся противоречия между аристократическими фамилиями и городскими низами; очень остро встала проблема кворума, поскольку невозможно было регулярно собирать Совет в полном

---

⁶¹ Есть сведения, что незадолго до смерти Лоренцо Великолепный стал мечтать о пожизненной должности гонфалоньера справедливости, но письменные источники, прямо подтверждающие это, отсутствуют.

составе; он оказался неэффективным как совещательный орган при Синьории, особенно в секретных делах. Нужда в более узком Совете заставила избирать из состава Главного совета 80 граждан в качестве консультативной структуры. Совет восьмидесяти (ит: *Consiglio degli Ottanta*) утверждал назначение послов и контролировал наем войск. Домедичейский конституционный порядок был восстановлен с некоторыми изменениями, хотя число граждан, имеющих доступ к управлению, расширилось. Медичейские Совет ста и Совет семидесяти не функционировали.

Насколько оправданной являлась эта реставрация? Прежний строй к концу XV в. изжил себя в условиях создания территориального государства и упадка цехов — главной опоры коммунальных структур. Доказательством этого тезиса может послужить сохранение сильных позиций чрезвычайных исполнительных органов в период 1494–1512 гг. и повышение роли юристов: при Синьории была создана *Коллегия аудиторов* (ит.: *auditori* — судьи) для рассмотрения и толкования законов, к которой быстро перешли функции высшей полиции. Сохранила свое значение и коллегия Десяти войны, хотя после 1494 г. она стала называться *Десять свободы и мира*, но осталась оплотом оптиматов, по-прежнему занятых внешнеполитической деятельностью и войной. В эпоху реформ 90-х гг. XV в. ее полномочия несколько ограничили: важнейшие вопросы войны, мира и найма войск нельзя было решать без одобрения Совета восьмидесяти и Синьории.

Недовольство многих горожан новой налоговой политикой и принуждением к практике религиозной аскезы привели к казни Савонаролы в 1498 г. Вместе с реставрацией прежних республиканских порядков вернулись и их слабые стороны, особенно трудно переносимые в условиях Итальянских войн и определенной привычки общества к тому, что многие проблемы города решали Медичи за счет своего банка и личных связей. Стремление избавиться от недостатков республиканского правления стало причиной дальнейшей модификации его на венецианский лад — введения пожизненной должности гонфалоньера справедливости, подобно венецианскому дожу. Пожизненный пост гонфалоньера справедливости занял Пьеро Содерини (1502⁶²–1512), ставленник в большей степени народа, нежели оптиматов, избранный полным составом Главного совета:

⁶² Закон, утверждающий эту реформу, был издан 25 августа 1502 г.

кандидатуры, получившие более половины голосов⁶³, подвергались вторичному, затем третьему и окончательному голосованию. На пост утверждался тот, кто при третьем голосовании набрал наибольшее число голосов. Пьеро Содерини, опираясь на народ и средние слои общества, пошел по пути расширения демократии, что вызывало недовольство оптиматов, которые хотели иной модели по венецианскому образцу: создания Сената как постоянно действующего органа для ограниченного круга знатных лиц.

1527–1530 гг. — последняя попытка реставрации республики во Флоренции и оживления политической активности пополанских слоев. Основные потестарные структуры 1494–1512 гг. — Главный совет и выделяемый из него Совет восьмидесяти — были восстановлены. Создание *Коллегии сорока* (ит.: *Quarantia* — от *quaranta* — сорок), в свою очередь избираемой из состава *Совета восьмидесяти*, которой вместе с главами важнейших чрезвычайных магистратов передавались дела высшей уголовной юрисдикции, свидетельствовало о расширении социальной базы судебной власти. Но этот режим пал по причине враждебного противостояния между оптиматами и народом.

Главы партии оптиматов способствовали возвращению Медичи во Флоренцию. В августе 1512 г. испанские войска Священной Лиги вернули их в город как частных лиц. Кардинал Джованни Медичи (папа Лев X, 1513–1521) созвал Парламенто для легитимации своей власти и назначил Балию (1512–1527), утвердившую новый порядок. Цель Джованни Медичи — не установление тирании, а возрождение режима Козимо Старшего и Лоренцо Великолепного, судя по инструкции, адресованной его племяннику Лоренцо ди Пьеро⁶⁴ (1513–1519). 16 сентября 1512 г. вследствие вооруженного переворота и захвата Палаццо Синьории власть перешла в руки медичейской *Балии пятидесяти* (ит.: *Bailia dei cinquanta*), которая произвела назначение на все ключевые посты: она избрала состав Синьории и связанных с ней коллегий, Десяти балии, Восьми гвардии, Двадцати аккоппьяторов, чтобы производить дальнейшие выборы в Синьорию. Выборы осуществлялись открытым голосованием, причем члены балии могли назначать на должности и тех, кто не прошел при

---

⁶³ Достаточно было получить на один голос больше половины имеющегося состава.

⁶⁴ Сын изгнанного в 1494 г. Пьеро Медичи, которого будущий папа назначил управлять городом.

голосовании, за их «достоинства, добродетели и пригодность», что утверждало у власти оптиматов — сторонников Медичи.

Совет семидесяти и Совет ста, назначаемые Синьорией, были реставрированы в ноябре 1512 г. Совет семидесяти сохранил функцию выборов Двенадцати прокураторов, к которым переходила задача подготовки законодательных актов, а также коллегии Восьми практики с прежними полномочиями. Та же комиссия из 20 аккоппьяторов формировала Совет ста, который вотировал постановления, касающиеся выборов, вопросов о налогах, реформ Монте, специальных комиссий, назначаемых для решения проблем, связанных с подвластной территорией. Совет народа и Совет коммуны, избираемые Синьорией, были восстановлены главным образом для поддержания видимости республики. Их функции ограничились рассмотрением частных и коллективных петиций, практикой милосердия и реформами администрации внутри городов и местечек контадо и дистретто. Разница с предыдущим медичейским режимом заключалась в способах реализации политической практики: Лоренцо ди Пьеро, а затем Джулиано Медичи (1519–1527) не заботились о соблюдении республиканского антуража.

В 1530 г. республика пала окончательно под натиском войск Карла V. Балия постановлением от 17 февраля 1531 г. предоставляла Алессандро ди Джованни Медичи⁶⁵ (1530/1531–1537) наследственное право замещения всех должностей в городе и его округе. Императорским эдиктом (май 1531 г.) Алессандро назначался пожизненным и наследственным «главой» города. В июле 1531 г. начался демонтаж Синьории: постановлением балии был аннулирован магистрат Шестнадцати гонфалоньеров компании. Новый правитель с помощью *Коллегии двенадцати реформаторов*, в которой состоял и Франческо Гвиччардини, в апреле 1532 г. создал принципиально новый государственный аппарат: вместо Синьории и ее магистратов появились *Совет двухсот* (ит.: *Consiglio dei Dugento*) и *Сенат сорока восьми* (ит.: *Senato dei Quarantotto*), избираемый из состава Совета двухсот, причем членство в обоих органах являлось пожизненным. Сенат в определенной степени заменил Совет семидесяти: он избирал магистраты особой важности, назначал главных должностных лиц в земли флорентийского доминиона, выдвигал из своего состава

⁶⁵ Алессандро Медичи был убит во Флоренции в ночь с 6 на 7 января 1537 г.

Коллегию двенадцати аккопьяторов, формировал единственный уцелевший от прежней системы магистрат — Двенадцать добрых мужей. Кроме того, установили *Высший магистрат* из четырех советников *герцога*, пребывающих на должности три месяца, которых следовало избирать из состава *Сената*. Верховную государственную власть передали *герцогу*. Прерогативы *Синьории* перешли к Восьми пратики. Полностью принцип абсолютизма утвердился, как полагают, только в период правления герцога Козимо I.

Лоренцо ди Пьеро, Джулиано, Алессандро Медичи, затем Козимо I, как и все последующие герцоги, — представители другой генерации семьи Медичи. Они оторвались от пополанского корня: находились в родстве с королевскими фамилиями и обладали герцогскими титулами, прочно войдя в высшие ранги европейской знати. Они стали основателями новой формы государства — Принципата, утвердившегося в Великом герцогстве Тосканском и знаменующего превращение города-коммуны в территориальное государство.

Милан: должности и потестарные функции

В XII–XIII вв. Милан был одним из крупнейших городов Италии: согласно хронисту Бонвезину де Рива, в 1288 г. в городе проживало 200 тысяч человек, 40 тысяч мужчин были способны носить оружие, а также там обитали 1620 юристов и нотариусов. Эти данные, хотя и преувеличенные, доказывают значимость и могущество города.

Историография. Во многих работах общего характера уделяется значительное внимание организации управления, потестарным органам и механизму их функционирования в коммунальный период: Ф. Джанани изучал самый ранний этап правления консулов; А. Висконти, Ф. Ланцани, Дж. Кёниг в трудах, посвященных коммунальному периоду миланской истории, давали подробную характеристику политическим органам. Эти историки высоко оценивали институт подеста, как властную структуру, проводящую весьма прогрессивный политический курс, поэтому первую половину XIII в. они считали вершиной расцвета коммунальной демократии.

А. Висконти важное значение придавал государственным органам, формирующим централизованное государство при Джан Галеаццо Висконти, указывая на долговременность созданных герцогом потестарных структур. В историографии, посвященной политической истории Милана, большее место закономерно отводится деятельности и личностям синьоров династий Висконти и Сфорца, нежели потестарным институтам. Но имеются специальные исследования потестарных структур периода синьории. В работах Р. Маргаролли показан порядок действия органов, ведающих внешней политикой; К. Чиполла раскрыл функции финансовых систем Милана. Особенно следует выделить монографию К. Санторо, в которой специально изучаются органы управления в Милане на пути от синьории к принципату в период династии Сфорца.

Источники. Традиция летописания в Милане начинается очень рано: к материалам хроник XI–XII вв. в XIV–XV вв. добавляется значительный корпус документальных и правовых источников: тексты договоров, редакции статуты, дипломатическая переписка, документы, составленные в канцеляриях Висконти и Сфорца, герцогские грамоты, переплетенные в обширные тома, завещания герцогов, апологетические сочинения миланских гуманистов (А. Лоски), инструкции, составленные для должностных лиц Тайной канцелярии, и другие источники.

В политической истории Милана можно выделить следующие стадии: со второй половины XI в. до 1240 г. — коммунальный период, подразделяемый на два этапа: 1045–1186 г. — правление консулата; 1186–1240 гг. — правление подеста и других иноземных должностных лиц. Второй период — синьориальное правление, в котором выделяются три этапа: 1240–1277 гг. — пополанская синьория Торриани; 1277–1450 гг. — синьория Висконти с преобладанием аристократических тенденций. Третий этап: 1450–1535 гг. — синьория Сфорца, перерождающаяся в принципат.

МИЛАН ПЕРИОДА КОММУНЫ (1045–1240)

Особенности социальной структуры Милана во многом определялись тем обстоятельством, что город сохранял значение военно-стратегического пункта, связывавшего Заальпийскую Европу с Италией. Поэтому сильные позиции в нем удерживала феодальная знать. И хотя Милан являлся крупным центром ремесленного производства оружия, шерстяных и шелковых тканей и находился на пересечении путей транзитной торговли, в нем не сложилась развитая цеховая система: отсутствовали корпорации мелких торговцев и ремесленников. Развитию же политических функций цехов препятствовал с XIV в. синьориальный режим, превращая их в подобие фискальных структур.

Городские феодалы — капитаны (*capitanei, primi milites*, ит.: *capitani*) к началу XI в. объединялись вокруг архиепископа, являющегося представителем императора и главой законодательной власти города-государства, управляющего церковными и светскими феодами, ведающего внешней политикой и председательствующего на правительственных ассамблеях. Городские капитаны, восходящие к

родам каролингской и оттоновской знати, подвизались в политической, административной и юридической сферах; владея укрепленными башнями, опирались на многочисленные отряды вассалов; и именно им как военным предводителям принадлежала заслуга в победах над императором Фридрихом I.

Очень активную роль в Милане коммунального периода играли многочисленные объединенные в крупные консортерии вальвассоры (*valvassores, secundi milites*, ит.: *valvassori*) — городские рыцари, которые до 1037 г., в отличие от капитанов не имели права наследственного владения своими бенефициями.

В XI в. набирали силу пополаны (*cives, viri, populares*), все больше вытесняя капитанов из системы управления городом. С конца XI в. (1085) за пополанами было узаконено наравне с капитанами и вальвассорами право участия в избрании архиепископов и членство в Совете, ограничивающем власть церковного главы. Граждане объединялись в соседства (*vicini*, ит.: *vicinanza*) ворот (территориально-административная единица города), которые призывались к различным политическим и административным делам в городе.

В первой половине XI в. в ходе коммунальной борьбы против епископов появились политические ассоциации миланских горожан. Окончательно они сложились к концу XII в., отразив разделение городского населения, в отличие от Флоренции, по сословно-социальному признаку. Капитаны и крупная знать объединились в ассоциацию *Креденца консулов* (*Credentia consulum*, ит.: *Credenza dei consoli*), которая создала для защиты своих интересов в 1201 г. военную компанию Смелых (*Societas Galiardorum*, ит.: *Gagliardi*). Во главе Креденцы консулов находился избираемый из ее представителей Совет.

Вальвассоры, некоторые капитаны и крупные купцы, занимающие должности в городском управлении, в 1035 г. основали сообщество *Мотта* (от лангобардского *gemot* — лига, конфедерация, ассамблея), отличающееся социальной гетерогенностью, которое также носило военизированный характер. Руководил этой ассоциацией Совет во главе с выборным старейшиной — *анцианом*. Эта Мотта во второй половине XII — XIII в. все чаще примыкала к пополанам. Упадок Мотты начался с 1338 г., когда из нее выделилась организация купцов-сукноделов.

В 1198 г. возникла *Креденца св. Амвросия* (ит.: *Credenza di S. Ambrogio*) как пополанское сообщество горожан, противостоящее капитанам. Туда входили вначале только ремесленники, а с XIII в. —

и некоторая часть вышедших из Мотты купцов. Креденца св. Амвросия представляла своего рода Малую коммуну, объединяющую пополанство и избирающую судей для решения частных споров, которая возглавлялась *Советом ста*. Пополанская партия противопоставила нобиям вооруженное объединение *Сильных* (*Societas Fortium*, ит.: *Forti*)⁶⁶. Вооруженные группы Смелых, Сильных и вальвассоров являлись средством давления на коммуну и создавали угрозу гражданской войны.

Советы из представителей каждого сообщества объединялись в *Генеральном Совете*, в состав которого иногда входило до 1000 членов. Но эти советы не являлись субъектами правления и не имели четких полномочий, поскольку их власть зависела от воли составляющих их партий, что являлось причиной крайней аморфности законодательной власти.

Коммунальные структуры власти в период консулата (1045–1186). Коммуна утверждалась в середине — второй половине XI в., как результат ожесточенной коммунальной борьбы (30–70-е гг. XI в.) и последующего компромисса социальных слоев: в этом Милан лет на 50 обогнал другие города Италии. В 1045 г. была выработана первая коммунальная конституция, но только в 1098 г., после соглашения между народом и знатью, окончательно победила коммуна с ее основными признаками автономного политического организма: полнота законодательной власти, собственное войско, самостоятельная внешняя политика, система органов раннекоммунального управления. Полномочия власти между императором Священной Римской империи и Миланской коммуной были разграничены по условиям Констанцкого мира (25 июня 1183 г.). Император признал следующие привилегии коммуны: права на гражданскую и криминальную юстицию, формирование городской милиции, владение фортификациями, свободу вступлений в альянсы и лиги. У монарха остались права на утверждение выборных от народа консулов и судей по апелляциям, на взимание специальных налогов для снабжения своих войск.

Главным органом коммунальной власти являлось *Народное собрание* (*Concio*, *Colloquium*, ит.: *Arengo* — место, площадь, собрание, термин не имеет точного аналога в русском языке), подобное флорентийскому Парламенту, в котором принимали участие свободные

---

⁶⁶ В бою они охраняли карроччо — символ коммунального могущества и единства в виде повозки, влекомой впереди войска быками.

и полноправные граждане от 14 до 70 лет. Уже в первой половине XII в. оно утратило регулярность и собиралось для того, чтобы оповестить народ о важнейших политических событиях: объявлении войны, заключении мира, вступлении в союзы.

С 1167 г., когда Милан возродился после разрушения войсками Фридриха I Барбароссы, главным законодательным органом коммуны стал *Генеральный совет* (*Assamblatorium Generale, Consilium Generale*, ит.: *Consiglio Generale*) в составе 900 человек⁶⁷, формируемый по топографическому признаку. От каждого из шести территориально-административных округов по числу городских ворот в него избирались по 150 человек. Среди них были представлены три сословия: капитаны, вальвассоры и пополаны. Этот орган в XII в. играл важную роль, заменяя *Аренго*: помимо исполнения законодательных функций он производил избрание на должности, создавал высшие магистраты, выносил окончательное решение по самым главным вопросам. Но широта ассамблеи препятствовала постоянному руководству коммуной, поэтому из состава Генерального совета в первой половине XII в. стал избираться узкий Совет крещенца.

Административные полномочия после 1167 г. все более сосредоточивались в руках *Совета крещенца* (*Consilium Credentiae*, ит.: *Consiglio di Credenza*), члены которого, представляющие три сословия, постоянно находились при *консулах*. Советники должны были готовить проекты решений по всем насущным вопросам, чтобы выносить их на Генеральный совет для окончательного утверждения, они контролировали действия консулов, управляли коммунальным фиском и ведали внешнеполитическими отношениями. В XIII в. стала заметна тенденция к аристократизации Совета крещенца, выражающаяся в преобладании в нем капитанов — крупных нобилей.

Высшими должностными лицами, осуществляющими исполнительную власть, военные и судебные функции, в Милане являлась *Коллегия консулов* (*Consulatus civium*), избрание которых окончательно утверждали Генеральный совет и император сроком на год. Выборы консулов осуществлялись состоящими в должности консулами, которые назначали особых персон, избирающих коллегиям выборщиков от трех сословий граждан. Консулы председательствовали в Генеральном совете и Совете крещенца,

---

⁶⁷ Число членов Генерального совета не являлось постоянным в первой половине XII в.

а также являлись главнокомандующими городских войск. Их число в Милане постоянно колебалось. Полагают, что записи формул клятв консулов коммуне, фиксирующие локальные обычаи, составили первоначальное ядро коммунального законодательства. В Милане большинство консулов избирали из числа нобилей, но также нотариев и наиболее уважаемых купцов и ремесленников. Со временем в Коллегии консулов выделились *консулы юстиции* (*consules causarum*), рассматривающие споры между гражданами по вопросам собственности и денежных интересов. Аренго, Генеральный совет, Совет креденца и консулы составляли систему Большой коммуну, поскольку в ней были представлены все городские сословия.

После 1167 г. в коммунальном сообществе повысилась роль пополанских слоев вследствие притока в город новых поселенцев. Их значение подтверждается тем, что с 1198 г. к Генеральному совету стала присоединяться пополанская организация Креденца Св. Амвросия, утверждающая в политической сфере интересы цеховых мастеров и купцов. В конце XII в. Креденца Св. Амвросия избирала постоянный орган — *Коллегию консулов купцов* (*consules mercatorum*, ит.: *consoli di mercanti*) в составе шести человек на год. Они контролировали систему мер и весов, чеканку монеты, опекали находящихся в пути купцов, поддерживали в порядке дороги и мосты. Этот трибунал разбирал споры в торговых делах и тяжбы между кредиторами и должниками. Креденца Св. Амвросия, консулы купцов и капитан народа представляли в Милане Малую коммуну, отличающуюся от флорентийской большей аморфностью вследствие неразвитости цеховой системы и локальных объединений пополанства.

С середины XII в., а особенно активно с 1267 г. наряду с основными органами коммуну разрастался штат выборных коммунальных должностей, к которым можно отнести консулов юстиции, консулов купцов, а также *Коллегию консулов по управлению подвластными территориями* (ит.: *Consoli delle fagge*. *Fagge* — от лат. *facta* — урок, поручение), усиливающуюся по мере роста миланского дистрикта, разделенного на шесть частей (*fagge*), где эти должностные лица исполняли судебные, фискальные и административные функции. Возросло значение административного аппарата в составе *каницлера, нотариев, писцов, казначея, оценщиков и ревизоров*; а также низших должностных лиц — *управляющих мельницами и продовольственными припасами, надзирателей ворот и тюрем, стражников*. Для оплаты этих должностей вводились особые налоги.

Войско было представлено городским ополчением (*milites*), которое состояло из пеших и конных бойцов, а позже добавились специализированные войска — лучники и арбалетчики. Коммунальное войско сохраняло свое значение во внутренней политике города как политический институт.

Период правления подеста в Миланской коммуне (1186–1240⁶⁸).

Усиление пополанских слоев в Милане, как и во Флоренции, вызвало обострение противоречий между народом и нобилем, что обусловило нужду в иноземном должностном лице — *podesta* (*rector civitatis*), миротворце, стоящем над партиями и локальными интересами. Долгое время институт оставался неустойчивым, перемежаясь с правлением консулов. Первых подеста в Милане назначал Фридрих I Барбаросса, предавая им высшую юридическую и административную власть, что вызвало недовольство консулов и всех граждан, потому что эти наместники не соблюдали местных обычаев и присваивали ресурсы города в пользу императора. В 1186 г. миланцы добились того, что отныне подеста не назначался императором, но выбирался всеми гражданами как представитель коммунальной власти на один год из дружественной коммун той же партийной (гвельфской или гибеллинской) ориентации, какой придерживался в этот момент Милан, но отдаленной на расстояние не менее 50 миль. Подеста должен был происходить из знатного дома и быть не моложе 35 лет. Был установлен 15-дневный срок после окончания полномочий для отчета подеста и ревизии его правления. Для избрания подеста объединялись советы, возглавляющие ассоциации Креденца консулов, Мотта, Креденца Св. Амвросия.

Обязанности подеста состояли в том, чтобы провозглашать приговоры, наказывать виновных, председательствовать на законодательных советах республики, руководить городской милицией, объявлять войну и заключать мир, т. е. единолично исполнять функции правосудия и политические полномочия консулов, которые становились при нем простыми советниками. Подеста персонифицировал все коммунальное управление, являясь одновременно чужеземным графом и высшим гражданским магистратом. По статуту 1211 г. он получал важные фискальные функции: составление кадастра или «Эстимо» (ит.: *estimo* — оценка имущества), т. е. инвентарной описи

---

⁶⁸ Дата 1240 г. обозначена условно как начало нового режима — пополанской синьории.

имущества граждан с целью определения их фискальной платежеспособности. Кадастр обозначал тенденцию к уравниванию налогового распределения. Власть подеста ограничивалась Советом креденца, с которым он решал важные дела, касающиеся отчуждения коммунального имущества или назначения должностных лиц. Значение Генерального совета падало: его созывали в случае чрезвычайных обстоятельств для утверждения жизненно важных решений. Иногда для усиления собственной власти подеста присваивали право созыва Аренго.

С 1186 по 1214 г. правление подеста чередовалось с периодами власти консулов: 12 раз правила Коллегия избранных из нобилей консулов, 13 раз — иностранный подеста, четыре раза — три консула от основных политических сил города, в 1212 г. — 12 подеста-миланцев. Лишь с 1214 г. эта структура приняла относительно устойчивую форму единовластного правления, когда подеста Уберто ди Витальбо (Виальта) поделил поровну городские должности и места в советах между нобилиями и пополанами. Неустойчивость власти подеста в Милане объяснялась силой и единством капитанов, не разделенных по партийному признаку, как во Флоренции.

В первой половине XIII в. власть подеста достигла в Милане пика могущества, о чем свидетельствуют статуты 1225 г., запрещающие трем сословным ассоциациям создавать автономные структуры власти и выбирать собственных подеста или консулов, что стабилизировало внутривластную ситуацию, так как подеста, представляющие волю всей коммуны, перестали зависеть от игры сословных фракций. Это позволило им провести демократические реформы: гарантировать права горожан на владение недвижимостью за городом, ограничить произвол феодалов; утвердить права коммуны на назначение должностных лиц в контадо; уравнивать знать и пополанов в доступе к должностям (1214), кодифицировать древние коммунальные обычаи (1216). Подеста Бруназио Порка, которому традиция приписывает эту самую раннюю в Италии кодификацию коммунального права, оставил о себе память в истории города еще и тем, что в административном центре коммуны — Бролетто — начал строительство нового коммунального Палаццо.

При подеста развивался штат коммунальных должностей: коллегия *Шести консулов* (ит.: *Sei consoli*), избираемая на один год и состоящая в равных долях из капитанов, вальвассоров и пополанов, которая с 1225 г. была полностью подчинена подеста. При этих магистратах концентрировались постоянные должностные лица: кан-

цлер, писцы, нотариусы советов, судьи, казначей коммуны и учетчики, производящие переписи населения и «Эстимо». Функции Шести консулов были четко определены: исполняя судебные полномочия, они избирали судей, заседающих вместе с ними, и назначали подеста в подвластные Милану города. По окончании срока годовых полномочий консулы получали постоянное звание *консулов юстиции* и права специальной юрисдикции в городе и контадо. Войско пока оставалось городским ополчением — компании приходов и легионы ворот. В случае войны коммуна нанимала рыцарей.

Институт подеста стал приходить в упадок в Милане во второй половине XIII в., о чем свидетельствует убийство в 1258 г. Бенно деи Гоццадини из Болоньи, обвиненного во взяточничестве.

ПЕРИОД СИНЬОРИАЛЬНОГО РЕЖИМА В МИЛАНЕ (1240–1450)

Пополанская синьория Торриани (1240–1277). Наряду с усилением полномочий подеста возрастало значение пополанства: во второй четверти XIII в. пополаны стали преобладать в коммунальном управлении. Поражение Милана в битве при Кортенуово (27 ноября 1237 г.), нанесенное войсками императора Фридриха II, стало поводом к изменению организации коммунальной власти. Отступавшим от Кортенуово ополченцам дал приют Пагано делла Торре, миланский гражданин и феодальный синьор, гвельф и опытный политик. Этим гуманным жестом рыцарь, вкладывающий средства в торговлю и производство тканей, заложил предпосылки для синьориального правления дома Торриани. В 1240 г. пополанская ассоциация избрала Пагано делла Торре (1240–1247) капитаном народа и Креденцы Св. Амвросия для защиты народа от давления знати. Пагано провел в жизнь налоговые реформы в пользу пополанства и городских низов, лишив феодалов многих регалий. Так в Милане возникла синьория — политическая форма города-государства, основанная на сочетании единоличного правления синьора с полномочиями коммунальных структур и сопровождающаяся внешнеполитической экспансией.

После смерти Пагано делла Торре его племянник Мартино делла Торре (1247–1263) был избран капитаном народа, а затем провозглашен *анцианом коммуны* и *синьором народа* (ит.: *signore del popolo*). Защищая интересы народа, Мартино отменил на 10 миль вокруг Милана феодальную юрисдикцию и добился равномерного распределения

налоговых тягот между представителями церкви, знати и народа. Укрепляя налоговую систему как основной домен своего влияния, он овладел правом высшего контроля над публичным фиском и процессом снабжения города продовольствием, в котором были задействованы только пополаны. Правитель установил новые фискальные органы, обладающие большими полномочиями: *Ведомство кадастров* (*Officium inventariorum*, ит.: *Ufficio dei catasti*), которое занималось описью всех объектов недвижимости, прежде всего феодальных владений, а также *Ведомство таксы* (*Officium fodrorum*, ит.: *Ufficio del fodro*), взимающее прямой налог с очага в контадо, и *Ведомство габелл* (*Officium gabellarum*, ит.: *Ufficio di gabelle*), ведавшие сбором косвенных и прямых налогов в городе. Опора на пополанско-вальвассорское большинство в коммуне позволила ему закрепить политическое лидерство своей семьи.

Власть Торриани сочеталась с сильными полномочиями чужеземных подеста и капитанов, роль которых возрастала вследствие внешнеполитических сложностей и обострения борьбы между народом и знатью (1253–1258). Мартино делла Торре, обремененный единоличной ответственностью, налагаемой синьориальной властью, и желающий уменьшить риск в сложных внутри- и внешнеполитических условиях, разделил свои полномочия, доверив власть над войском избранному на пять лет *генеральным капитаном* Оберто Пелавичино (Паллавичино), который присвоил часть других прерогатив и оказался сильным соперником Филиппо делла Торре (1263–1265), брата Мартино, вынужденного призвать Карла Анжуйского для защиты от капитана.

Союза с Анжуйцем придерживался также Наполеоне (Напо) делла Торре (1265–1277), получивший от коммуны полномочия назначать исполнительных должностных лиц, а также дополнительные прерогативы: командование городской милицией, распоряжение общественным имуществом и доходами. Для легитимизации синьориальной власти Напо делла Торре принял в 1273 г. от Рудольфа Габсбургского пост *имперского викария* (*vicarius imperialis*) в Милане вместе с правом суда в последней инстанции и помилования, издания норм, идущих вразрез с коммунальными статутами, введения чрезвычайных налогов, объявления войны и заключения мира. При Филиппо и Наполеоне делла Торре, опирающихся на ассоциации народа и имперские регалии, Милан достиг вершины процветания пополанской синьории Торриани.

Но представители семьи дела Торре не добились окончательной победы синьориального режима: для руководства войсками они нуждались то в генеральном капитане, то в помощи Карла Анжуйского, не смогли осуществить полный контроль над сельской округой. Эти правители опирались на пополанское объединение Креденца Св. Амвросия, ослабленное в конце 50-х гг. выходом из него представителей богатого купечества, недовольных понижением цен на зерно. Опыт реставрации пополанской синьории в лице Гвидо дела Торре (1302–1310) оказался неудачным, потому что он, ища поддержки пополанства, не утверждал себя в качестве синьора, отказавшись «ради любви к народной свободе» от всех должностей, кроме поста капитана народа, поэтому не сумел централизовать власть и не предложил конкретной политической программы. В январе 1277 г. Торриани в первый раз были разгромлены войском миланской знати в битве при Дезио, а Наполеоне дела Торре заточили в клетку в одном из замков под Комо. Окончательное же поражение Торриани потерпели в 1310 г.

На смену Торриани к власти в Милане в 1277 г. пришли Висконти, синьория которых продолжалась до 1450 г. В начальный период своего правления (1277–1378) Висконти⁶⁹ провели ряд реформ властных структур. На этом этапе они опирались на коммунальный аппарат управления, медленно надстраиваясь над ним и постепенно подвергая реформированию его отдельные сегменты. Синьория утверждалась в процессе замены принципа выборности должностных лиц системой назначений, а также в превращении гражданских ассоциаций коммуны (Мотта и Креденца Св. Амвросия) в чисто формальные организации, лишённые политического влияния. Функции Генерального совета свелись к легитимизации власти очередного синьора и предоставлении ему титулов капитана народа или синьора народа.

Архиепископ Оттоне (1277–1287), являющийся лидером партии миланской гибеллинской знати, совместил в одном лице две высшие власти — церковную и светскую. Он сам назначил главных должностных лиц из числа своих сторонников, а также начал реформу статута коммуны с целью урезания коммунальной демократии. Архиепископ распустил утратившие влияние на политическую власть

---

⁶⁹ Согласно висконтианской легенде, патриотизм рода, проявившийся при защите Милана в 1162 г., привел к тому, что Фридрих I лишил эту фамилию титулов и феодалов, казнив 63 ее представителя. Оставшиеся стали называться не «графами» (*conti*), а «виконтами» (*visconti*).

ассоциации Мотта и Креденца Св. Амвросия. Он усиливал синьориальную власть, опираясь на жизненно важную для коммуну систему снабжения города продовольствием. При нем был создан в 1279 г. новый институт исполнительной власти — *Трибунал снабжения* (ит.: *Tribunale di provvisione*) из 12 должностных лиц под председательством *викария снабжения* (ит.: *vicario di provvisione*). Эта магистратура существовала до 1796 г. и достигла величайшей значимости, обретая в XV в. статус муниципальной городской управы. Советы по-прежнему функционировали, но под полным контролем Оттоне Висконти. Титул капитана народа и синьора он предоставил на пять лет (1278–1283) маркизу Гульельмо да Монферрато, главнокомандующему сильного войска, сократив как коммунальную свободу, так и авторитет феодальной знати.

Маттео Висконти (1287–1302, 1310–1322), племянник Оттоне, получил титулы капитана народа с полномочиями изменять статуты и одновременно подеста, которому предоставлялся целый штат секретарей и судей (1287), а затем в 1294 г. — имперского викария. Но попытки Маттео расширить права персональной юрисдикции привели к его свержению восставшим народом в 1302 г. На восемь лет вернулись Торриани, а Висконти отправились в изгнание. В 1310 г. Висконти удалось вступить в Милан с помощью императора Генриха VII Люксембурга, провозгласившего Маттео Висконти в 1317 г. *господином и генеральным правителем* (*dominus et rector generalis Mediolani*). Опасаясь народного возмущения и сильной гвельфской оппозиции, Маттео Висконти стал восстанавливать традиционные коммунальные структуры: подестат, узкий Совет креденца и Генеральный совет из 1200 членов, покорных Висконти, но состав этих органов назначал синьор. Политику отца старался продолжать его сын Галеаццо Висконти (1322–1327).

Адзоне ди Галеаццо Висконти (1327–1337) укрепил власть, добившись в 1330 г. у Генерального совета коммуну звания пожизненного синьора Милана. Это дало ему право полной юрисдикции, законодательную власть и полномочия управления всеми коммунальными коллегиями. Поскольку при нем расширилась подвластная Милану территория, куда вошли города Павия, Бергамо, Бреша, Кремона, Лоди, Пьяченца и др., Адзоне сосредоточился на организации управления в контадо, стремясь превратить конгломерат земель в единое государство. Он сам назначал подеста в качестве своих наместников, а также новых должностных лиц — *референдариев* (*referendario* — от: докладчик, референт), облеченных финансово-фискальными и кон-

тролирующими прерогативами. Он упрочил контроль над законодательной властью: по его инициативе произвели систематизацию законов коммун и корпораций, а также городов контадо. С этого времени многие из них действовали в неизменном виде до 1755 г.

После смерти Адзоне Висконти власть перешла к братьям его отца: Лукино, известному полководцу (умер в 1339 г.), и Джованни Висконти (1339–1354), архиепископу Милана, который «шпагой достиг папства», за что его порицал Данте. Военная реформа Джованни Висконти состояла в замене городского ополчения наемным войском (кондоттой), что позволило ему присоединить Парму, Тортона, Алессанрию, временно распространив власть на Болонью и Геную (1353). Наемное войско оказалось действенным институтом укрепления синьориальной власти, несмотря на его опасность в мирное время и ненадежность в период войны. Джованни лишил коммунальные ассоциации автономии, хотя и обеспечивал курс экономической стабильности.

Правление его племянников Галеаццо II (1354–1378), которому досталась западная часть территорий со столицей в Павии; и Бернабò (1354–1385), утвердившегося в восточных областях со столицей в Милане, воинственных, жестоких, алчных, обнаружило тенденции к тирании. Бернабò Висконти, обожавший псовую охоту, создал новый орган власти — *Псовое ведомство* (ит.: *Uffucio dei cani*). Несколько сотен собак были розданы для содержания гражданам Милана, которые каждые две недели отчитывались за них перед этим ведомством. В случае гибели собаки того, кто содержал ее, казнили. Джан Галеаццо⁷⁰ (1378–1402), сын Галеаццо II, стал соправителем Бернабò и женился на его дочери ради громадного приданого. В 1385 г. он совершил переворот, коварно захватив и заточив Бернабò с двумя сыновьями.

При Джан Галеаццо Висконти, обладавшем организаторским талантом, проницательностью и методичной последовательностью, завершился процесс централизации управления и возникло подобие единой административной системы. Как и его предшественники, он добился двойной легитимизации власти: от народа Милана получил титул капитана народа, от Венцеслава Люксембурга, короля римлян, — титул герцога (1395).

---

⁷⁰ Он принял титул графа Вирту, получив в приданое от жены Изабеллы Французской, дочери Карла V, графство Вертю в Шампани. По созвучию его называли «граф доблести», поскольку по-итальянски *virtu* — доблесть, благородство.

С 1396 г. синьору принадлежали законодательные, исполнительные и судебные полномочия в области гражданской и уголовной юрисдикции, право вводить новые налоги, объявлять войну, заключать мир. Но одобрение граждан было необходимо в случае принятия важнейших актов, которые обязательно подписывались представителями коммун, почти утратившей право выборности, но при этом защищенной от феодалов, полностью лишенных герцогом судебно-административных прав. Так, он приказал уничтожить все феодальные замки, не потребные для обороны государства, категорически запретив частным лицам постройку укреплений без его разрешения. Церковь также ему подчинялась в делах получения бенефициев и конфискации монастырских земель, клирики подпадали под гражданскую юрисдикцию и облагались экстраординарными налогами.

Джан Галеаццо сохранил Генеральный совет в составе 900 человек, но редко созывал его для ратификации постановлений, оставив за ним незначительные избирательные функции. Правитель сам издавал директивы административного управления, которые под руководством канцлера коммун собирались в кодексы — источники норм для аналогичных казусов.

Основой городской администрации стал Трибунал снабжения, в составе которого два юриста и иноземный викарий снабжения, возглавляющий структуру, назначались герцогом. Оставшиеся члены магистрата выбирались Генеральным советом. Помимо чисто административных полномочий Трибунал снабжения исполнял судебные функции в пределах городского законодательства. Таким образом, коммунальная власть свелась к административным вопросам, находившимся в компетенции этой коллегии.

Джан Галеаццо создавал централизованную государственную систему, большая часть структур которой действовала до реформы 1755 г., а некоторые и теперь сохраняются. В начале своего правления он основал два новых центральных органа: *Тайный совет* (*Consilium Secretum*, ит.: *Consiglio Segreto*) и *Совет правосудия* (*Consilium Justitie*, ит.: *Consiglio di Giustizia*). Состав Тайного совета в числе 12 человек герцог назначал каждые два месяца. Этот основной законосовещательный орган существовал до конца XVIII в. С 1398 г. Тайный совет ведал политическими и военными вопросами, дипломатической службой, а также выполнял функции судебного трибунала по особо важным делам. Совет правосудия являлся распорядительным

органом, помогающим герцогу править, а также ведал экономикой и финансами: в его состав входила администрация казначейства. Функции между этими двумя советами нелегко разграничить: Совет правосудия занимался гражданскими делами, Тайный совет — вопросами государственной безопасности. Герцог регулировал подачу апелляций в Тайный совет, обладая правом их отклонения. В 90-е гг. XIV в. эти органы фактически заменили Генеральный совет.

При этом правителе усиливается система государственного казначейства, называвшегося в Милане *Магистрат поступлений* (доходов) (ит.: *Magistrato delle entrate*), подразделявшегося с 1392 г. на две части: одна ведала ординарными поступлениями во главе с *магистром доходов* (ит.: *maestro delle entrate*), другая — экстраординарными во главе с *магистром экстраординарных поступлений* (ит.: *maestro delle entrate straordinarie*). Казначейство возглавлялось *генеральным распределителем доходов*, при Джан Галеаццо — крупным и способным финансистом Никколо Диверси из Лукки, опирающимся на банк Борромеи — ведущую банковскую фирму Милана в XV в. Финансами подчиненных Милану городов управлял *генеральный референдарий* (ит.: *referendario generale*), который назначал туда референдариев для сбора налогов. Финансовое ведомство строго учитывало доходы общества, взяв под жесткий контроль торговые корпорации, но запрещало отдавать на откуп налоги и пошлины, которые взимались непосредственно государством. Изобретательная протекционистская политика финансового ведомства способствовала экономическому развитию миланского государства.

Повысилось значение давнего коммунального института — Коллегии консулов купцов, теперь называвшейся *Камера купцов*, которая обладала правами широкой юрисдикции в торговле города, контадо и за их пределами: трибунал ведал статьями импорта и экспорта, контролировал транзитные пути, назначал торговых консулов вне миланского государства, регулировал наемный труд.

При Джан Галеаццо Висконти возникли новые структуры исполнительной власти, в частности *Ведомство переписки* (ит.: *Officie delle bollette om bolletta* — расписка, квитанция), выполняющее функции почты и паспортной службы с правом цензуры, которое успешно наладило почтовую связь на территории герцогства, но в то же время контролировало частную переписку. Слабой стороной государства Висконти являлось отсутствие полицейского ведомства. Ополчение горожан и вассалов полностью вытеснилось наемными войсками.

С 90-х гг. Джан Галеаццо почти не покидал Павии, сосредоточив реальную власть в очень узком кругу доверенных лиц⁷¹ и нескольких способных секретарей, в том числе Франческо Барбавара, занимающихся тайной дипломатией. Секретари-гуманисты идеологически оправдывали внешнеполитическую экспансию герцога, ведущуюся путем военных захватов (1389–1402), стремлением к созданию единого централизованного государства в Италии, хотя в своем завещании (1388) Висконти, подобно феодальному владельцу, разделил территорию вновь созданного государства на три части между своими сыновьями⁷².

После смерти Джан Галеаццо выяснилось, что созданная им бюрократия являлась мощной, но недостаточной опорой власти. Отсутствовал единый свод законов, без которого государство оставалось конгломератом городов, бургов и замков, регулируемых местными статутами и держащихся за локальные привилегии и традиции, пронизанные духом партикуляризма. В 1402 г. развалилась финансовая система, затем распалось на части само государство при бессилии *Регентского совета*, назначенного герцогом при несовершеннолетнем наследнике Джованни Мария. Совет девятисот и избранные им *синдики* коммуны передали управление гибеллину Фачино дель Кане (1407–1412), жестокому кондотьеру, оказавшемуся разумным властителем. После его смерти единственным правителем Милана стал Филиппо Мария (1412–1447), сын Джан Галеаццо и последний герцог из династии Висконти, в незаурядной личности которого воплотился тип итальянского ренессансного правителя. Сохранив прежние структуры власти, Филиппо Мария правил, опираясь на кондотьеров. Ведя бесконечные войны, он сумел восстановить государственную систему, созданную отцом.

Амброзианская республика (1447–1450). Войны первой половины XV в. вызвали экономический упадок в миланских землях, став-

---

⁷¹ Среди них: прелат Пьетро ди Кандия, Никколо Спинелли, кондотьер Якопо дель Верме, финансист Никколо Диверси (в конце 90-х гг. он был обвинен в измене, но успел бежать).

⁷² Верховная власть передавалась старшему сыну Джованни Мария (1402–1412). До его совершеннолетия должен был управлять Регентский совет во главе с матерью наследника Катериной. Второму сыну Филиппо Мария завещалось графство Павия. Третьему, бастарду Габриэле Мария — Пиза и Крема.

ший причиной государственного переворота, произведенного сразу после смерти Филиппо Мария группой придворных гуманистов и юристов в составе Тривульцио, Босси, Лампуньяни и др., провозгласивших в Милане Золотую Амброзианскую республику. Трибунал снабжения, как главный муниципальный городской орган, избрал *Совет 24 капитанов и защитников свободы коммуны* (ит.: *Consiglio dei Capitani e dei difensori di libertà*) в качестве главной исполнительной власти и установил сложный порядок выборов для формирования Совета девятисот, к которому переходили высшие законодательные полномочия и право утверждения Совета капитанов каждые два месяца. Слабость этой политической системы состояла в том, что состав Совета 24 капитанов быстро сменялся, а государство оказалось в руках Совета девятисот, раздираемого противоречиями между аристократической (гибеллинской) и пополанской (гвельфской) партиями. Уже через две недели республиканская эйфория в осажденном венецианским войском городе пошла на убыль вместе с налоговыми поступлениями. Блестящие проекты реформ придворных интеллектуалов на деле свелись к насильственному займу в 200 тысяч дукатов, за уклонение от которого полагалась смертная казнь. Поэтому многочисленное народное собрание предоставило синьорию над герцогством кондотьеру Франческо Сфорца, остановившему наступление венецианцев (1448).

СИНЬОРИЯ СФОРЦА (1450–1535): ТЕНДЕНЦИИ ПЕРЕХОДА К ПРИНЦИПАТУ

Франческо Сфорца (1450–1466) сначала распорядился раздать хлеб голодающему народу, а затем торжественно вступил в город. Этот воин после захвата Милана стал весьма миролюбивым правителем. В отличие от правителей Висконти Сфорца не стремился к экспансии, возможно, потому, что ощущал слабую легитимность своей позиции, базирующейся только на титулах, предоставленных народом. Он вернулся к органам власти, функционирующим при Джан Галеаццо Висконти, распустив структуры Амброзианской республики.

В Милане оставались традиционные коммунальные магистраты, прежде всего Совет девятисот, хотя и созываемый по воле герцогов, но сохраняющий авторитет в городском сообществе. Совет девятисот осуществлял первоначальную легитимизацию очередного

герцога, легализировал наиболее важные и трудные для исполнения инициативы синьоров, официально провозглашая их в Бролетто народу и тем самым формально узаконивая их в глазах горожан. Совет девятисот исполнял эти функции до 1518 г.

В Милане сохранились должности выборных подеста и консулов, исполняющих судебные функции, которые свелись к чисто представительским обязанностям: хранение судебных мантий и других формальных знаков отличия, участие в торжественных процедурах. В городах и приходах, подчиненных герцогству, подеста и капитаны правосудия удерживали традиционные полномочия: власть подеста ограничивалась фактически только гражданской юстицией, капитана правосудия — уголовной. Но их деятельность контролировалась назначаемыми герцогами *комиссарами*, обладающими широкими прерогативами.

Административные функции Трибунала снабжения, основанного в 1279 г., при Сфорца были существенно расширены. Он по-прежнему состоял из викария, утверждаемого герцогом, и 12 членов, избираемых Генеральным советом девятисот посредством часто меняющихся и всегда очень сложных процедур. К компетенциям этого органа относилась организация общественных работ, снабжение столицы продовольствием, полицейские функции, повлекшие за собой затем и судебные полномочия. При Сфорца наконец создаются специальные полицейские структуры в виде важной должности *Капитана запрета* (ит.: *Capitano del divieto*), совмещавшего функции по охране порядка и контроль над запасами продовольствия. Трибунал распоряжался судьями, контролирующими дороги, воды, таможенные сборы, запасы провианта, кассирами и счетоводами, управляющими коммунальными финансами. Генеральные викарии, назначаемые герцогом, исполняли инспекторские функции и контролировали всех должностных лиц.

Прежде всего Франческо Сфорца возродил учрежденные Висконти Тайный совет и Совет правосудия. Синьор и эти два совета представляли законодательную власть. Именно Тайный совет регулировал весь ход дел в государстве, от внутренней безопасности до организации публичных церемоний. Совет правосудия, назначаемый из опытных юристов, разбирал гражданские дела. Состав обоих советов определялся непосредственно герцогами.

Система финансовых органов также была позаимствована из опыта предыдущего правления. Магистрат поступлений по-прежнему подразделялся на две части. Но было усилено значение главы Казна-

чейства — *генерального казначея* (ит.: *tesoriere generale*), при котором находился многочисленный штат адвокатов и фискальных синдиков. Контролирующими органами, проводящими ревизии, являлись генеральные викарии. Казначейство функционировало, опираясь на кредиты флорентийских банкиров Медичи и Спини. Сфорца продолжили протекционистскую политику Висконти, заботясь о снабжении города зерном из контадо.

Сфорца стремился к стабилизации власти на местах, поскольку во второй половине XV в. Миланское герцогство являлось самым большим из государств Италии площадью в 20 тысяч кв. км (почти вся Ломбардия), а число обитателей составляло 1 120 000. Должностные лица, назначаемые Сфорца в подвластные города и контадо, делились на военные чины — коменданты (*castellani*) и стражники (*conestabili*), состоящие в охране ворот городов и крепостей, и гражданские — комиссары (*comissari*), исполняющие политические функции, подеста, облеченные судебной властью, референдарии, курирующие поступление налогов, сборщики налогов (ит.: *esattori*) и казначеи. Все эти лица получали регулярное жалованье, многих обязательное производили в рыцари, но некоторые должности уже принимали наследственный характер.

Полагают, что Франческо Сфорца довел до совершенства систему местного управления, но она имела и слабые стороны. Правом назначения казначеев, референдариев и сборщиков налогов обладали и руководители герцогского Казначейства, которые для пополнения казны просто продавали посты тому, кто больше предложит, — практика, порицаемая Козимо Медичи Старшим, другом Франческо Сфорца, опыт которого миланский правитель ценил: не напрасно на должность подеста в Милан и контадо часто приглашались политики и знатоки права из Флоренции. Города и крепости контадо интегрировались в экономическую систему и превращались в единый государственный организм — будущее Ломбардское государство. Но юридическая унификация не была достигнута: на границах оставались независимые феодалы; города продолжали владеть традиционными коммунальными привилегиями и свободами.

Главным органом управления и исполнительной власти при Франческо Сфорца стала *Тайная канцелярия* (ит.: *Cancellaria segreta*), непосредственно от него зависящая. В формировании этого бюрократического аппарата огромную роль сыграл Франческо (Чикко, как его все называли в Милане) Симонетта из Калабрии (1410–1480), выдающийся

организатор и администратор⁷³. Тайная канцелярия контролировала всю административную систему государства, ведала дипломатической, деловой и личной перепиской, причем Чикко Симонетта составлял наиболее важные письма к папам и монархам. Впервые во время правления Франческо Сфорца при Тайной канцелярии создается более или менее стабильный корпус дипломатов и послов. Канцлер регулировал работу всех служб, осуществляя непосредственный надзор над подчиненным персоналом, строго следя за сохранением государственных секретов и быстротой исполнения. В 1453–1465 гг. он составил подробную должностную инструкцию для всех служащих Тайной канцелярии, включая писцов и привратников.

Франческо Сфорца и его последователи искали опоры и среди городских низов, о чем свидетельствует предоставление ряду мелких ремесленных специальностей права на создание собственных цехов. Герцог должным образом оценивал политическое значение культуры, покровительствуя гуманистам Франческо Филельфо, Пьеру Кандидо Дечембрио, выходцу из Византии Константину Ласкарису; создавал богатую библиотеку в Павии; щедро финансировал общественные постройки.

Монархические тенденции стали более заметными при сыне первого Сфорца Галеаццо Мария⁷⁴ (1466–1476), который не произвел никаких нововведений административного плана, опираясь на уже имеющиеся центральные и периферийные органы. При нем повышается значение двора, поскольку значительную роль в государстве играет лицо, занимающее главный придворный пост, — *распорядитель расходов герцога* (ит.: *Spenditore Ducale*). Деятельный и предприимчивый Готтардо Панигарола⁷⁵, в течение 30 лет, начиная с 1470 г., исполнял эту должность, окруженный многочисленным штатом, чтобы удовлетворять все нужды герцогов и их двора. В области внутренней политики вершил дела канцлер Чикко Симонетта,

---

⁷³ Чикко, начавший службу у молодого кондотьера Франческо Сфорца, был высоко им оценен. В 1444 г. он назначил его своим канцлером и секретарем. Симонетта обладал хорошей юридической компетенцией.

⁷⁴ Галеаццо Мария был убит в церкви Св. Стефана руками трех молодых заговорщиков-аристократов, побуждаемых ненавистью к тирании, под влиянием гуманиста Кола Монтано.

⁷⁵ Он принадлежал к знатному миланскому роду, преданному Франческо Сфорца. Готтардо также состоял членом Тайной канцелярии.

негласно возглавлявший Тайный совет и официально управляющий Тайной канцелярией. Именно его влиянию приписывают удачную протекционистскую политику, экономически защищающую активное население от внешней конкуренции, способствующую культивации риса в контадо и ирригационным работам, покровительствующую купцам и производителям дорогих тканей.

После убийства Галеаццо Мария Сфорца его вдова Бона Савойская, регентша при семилетнем Джан Галеаццо II Сфорца (1476–1494), опиралась на канцлера Чикко Симонетта. Желая обрести поддержку в советах, она увеличила число членов в обоих за счет доверенных лиц: состав Совета правосудия возрос с 4 до 19 членов, Тайного совета — с 29 до 39. Но в ее политике заметна тенденция к сужению круга лиц, облеченных законсовещательной властью. Из Тайного совета сначала была выделена особая коллегия из десяти членов, чтобы в рабочем порядке решать текущие дела. Затем, когда Тайный совет несколько раз не поддержал ее решения, Бона создала подобие *Высшего государственного совета* (1477–1480), называемого официально *Сенат* (ит.: *Senato*), куда ею назначались доверенные члены Тайного совета, кондотьеры войск и послы от наиболее влиятельных государств и лиг. Сенату предоставлялись огромные полномочия над всеми верховными магистратурами, в том числе над Тайным советом. Члены Сената назначались на самые ответственные должности в Милане.

В 1480 г. власть узурпировал Лодовико Моро (1480–1500), дядя Джан Галеаццо II, который управлял миланским государством с 1480 г. как регент, а с 1494 г. — как герцог. При опоре на Тайный совет с измененным составом Лодовико Моро удалось путем династических браков упрочить внешнеполитическое положение герцогства. В 1489 г. он женил герцога Джан Галеаццо II на Изабелле Арагонской, дочери короля Неаполя, а через два года сам женился на Беатриче д'Эсте, дочери герцога Феррарского. Он поддерживал все ту же монархическую тенденцию к сужению власти, усиливая бюрократические структуры, особенно Тайную канцелярию с широкими полномочиями власти, постоянно находящуюся при персоне герцога и представляющую подобие правительства. Ее структура была усовершенствована разделением на четыре отдела (*branche*). Во главе отдела, ведающего политическими делами, стоял *генеральный секретарь* (ит.: *segretario generale*), имеющий самый многочисленный штат; вторым отделом руководил секретарь по делам церкви и церковного имущества; финансовый отдел возглавлял секретарь,

контролирующий поступления в герцогскую казну, расходы по снабжению двора, назначения на должности, надзирающий за лицами, состоящими на платной службе у государства; секретарь судебного отдела занимался криминальной юстицией. Секретарей назначал герцог. Канцелярия непосредственно руководила Казначейством, Соляным двором, Монетным двором, санитарной службой города. При Лодовико Моро начинает складываться принципат — монархическое правление абсолютистского толка.

В 1499 г. Лодовико Моро бежал из осажденного войсками французского короля Людовика XII⁷⁶ (1498–1515) Милана, где вспыхнуло восстание. Французы включили Ломбардию в состав королевского домена. Тайный совет заменили Сенатом, куда вошли представители дворянско-купеческой олигархии и французы. Исполнительная власть сосредоточилась в руках наместника французского короля. В 1500 г. попытка Лодовико Моро отвоевать герцогство силами швейцарских войск закончилась тем, что он умер пленником в заточении во Франции.

Попытки реставрации власти над миланским государством при сыновьях Лодовико Сфорца характеризовались сочетанием монархических тенденций и реанимации коммунальных институтов ради опоры в городском населении. При Массимилиано Сфорца (1513–1515) был создан магистрат *Хранителей государства*⁷⁷ (ит.: *Conservatori dello stato*), получивший значительные полномочия, но плохо управляющий из-за разногласий между советниками. Массимилиано опирался на Трибунал снабжения, которому были предоставлены широкие компетенции в делах фискальных и полицейских. Викарий снабжения, житель Милана, стал главой гражданского правления. Выборы этих магистратов производились 150 выборщиками, избираемыми гражданами, которым предоставлялось право самим определять способ избрания. В 1515 г. Милан был снова захвачен французскими войсками короля Франциска I (1515–1522).

---

⁷⁶ Людовик XII рассматривал Милан как часть своего домена, поскольку он являлся внуком герцогини Валентины Висконти, дочери Джан Галеаццо.

⁷⁷ Идею этой властной структуры он почерпнул из завещания своего отца Лодовико Моро, датированного 1498 г., в котором предписывается введение такой коллегии, которая должна была наставлять и поддерживать сыновей герцога.

Франческо II Сфорца⁷⁸ (1522–1535), получивший Милан при посредстве императора Карла V Габсбурга, правил, ища совета опытных и мудрых секретарей. Он восстановил и реорганизовал должность, существовавшую при Франческо Сфорца, — *Магистрат здоровья* (ит.: Magistrato della sanità) — подобие ведомства здравоохранения, которое осуществляло санитарные и противоэпидемийные мероприятия, владело правами юрисдикции в подведомственных сферах.

Иноземцы, поочередно захватывавшие город, опирались на административную автономию Миланской коммуны, в которой окончательно победили аристократические тенденции. Граждане имели право выбирать все должности Трибунала снабжения, синдиков, казначея и др., а также определять способы избрания, по традиции используя систему многоступенчатых выборов, главным звеном которой являлись 150 (с 1518 г. — 60) выборщиков — по 25 от ворот. Эти 150 выборщиков предоставляли Франциску I, затем наместнику императора, два реестра: список из трех имен, из которых король определял викария снабжения, и перечень из 36 имен (потом из 18 имен), из которых он отбирал десять членов в состав Трибунала снабжения, два юриста выделялись королем из отдельного списка юрисконсультов. После 1531 г. состав узкого Совета не избирался, а назначался королем или наместником, должности в нем стали пожизненными. Так сложился замкнутый аристократический режим герцогства Ломбардского.

---

⁷⁸ Его власть являлась скорее номинальной.

Система управления Венецианской республики в VII–XV вв.

Венецианская республика всегда была и в наше время остается востребованным объектом исследования. Причин тому множество, и одна из основных — удивительная стабильность административной системы, сложившейся в конце раннего Средневековья и просуществовавшей вплоть до завоевания Венецианской лагуны войсками Наполеона. Произошедшие с ней за весь этот немалый период времени изменения, обусловленные различными факторами и имевшие в ряде случаев достаточно явные аналоги в других государствах Апеннинского полуострова, не коснулись ее основ, что было случаем для Италии по-настоящему уникальным. Сильная и работающая система власти, минимум внутренних потрясений и тонкое чувство уместности того или иного действия как основной инструмент внешней политики превратили Республику св. Марка в одно из сильнейших государств Европы эпохи Возрождения, которому в первой половине XVI в. было, по мнению ряда исследователей, вполне по силам возглавить объединение Италии — сложнейший процесс, необходимым условием которого являются внутренняя прочность государства-гегемона и его неоспоримый авторитет во внешнеполитических отношениях. Величие Венеции было во многом связано с созданной в Средневековье (в основном в XII–XIII вв.) системой колоний, ставших для метрополии неиссякаемым источником экономических богатств и фактором, благодаря умелой политике сводившим к нулю любую вероятность социального напряжения.

Рецепту долговечности административной системы Венецианской республики посвящено множество монографий самых уважаемых исследователей. Неоднократно работы такого рода становились откликом на современные авторам процессы; в частности, одним из периодов активного изучения этой тематики стала вторая половина

XIX в. — эпоха Рисорджименто, когда в Италии существовала осознанная потребность в новых политических ориентирах, способных свести на нет конфликты в рамках молодого государства и дать пример для подражания на будущее. В первой половине XX в. общий приоритет социально-экономической проблематики исследований привел к смещению центра тяжести изучаемых проблем в сторону специфики патрициата как торгово-экономической элиты венецианского общества, обеспечившей себе неоспоримую гегемонию во власти. Начиная со второй половины прошлого столетия основной акцент в изучении этой темы плавно перешел на различные аспекты социологического характера, ставящие во главу угла сложение определенной модели общества (с характерными фиксированными традициями, способами артистического самовыражения и т. д.), обеспечившей стабильность политических институтов; эта тенденция в целом характерна и для историографии наших дней.

Источники. Источники, из которых можно почерпнуть сведения об административных институтах Венецианской республики, многообразны. В первую очередь это постановления самих органов управления, главным образом, Большого совета, Сената, Совета десяти, решения магистратур и т. п. В основном, они находятся в архивах (в частности, в Государственном архиве Венеции, *Archivio dello Stato di Venezia*), но часть их опубликована; так, с 2004 по 2008 г. итальянскими исследователями было осуществлено масштабное издание регистров венецианского Сената с 1340 по 1354 г. в десяти томах. Большое количество документов было опубликовано в прикладных монографиях отечественных и зарубежных специалистов. Наибольшую ценность с этой точки зрения представляют многотомные издания XVIII–XIX вв., где можно найти полные тексты разнообразных документов по внутренней и внешней политике, экономике и культуре Венецианской республики. Во-вторых, огромное значение в рамках этой тематики имеют хроники, написанные как в самой Венеции (Мартино да Каналь, Марино Санудо, «История Венеции» Франческо Сансовино и другие хроники XVI в.), так и в других городах и регионах, в Италии (к примеру, падуанская хроника Галеаццо и Бартоломео Гатари) и за ее пределами. Наконец, нельзя игнорировать широчайший пласт художественного материала, который предоставляют нам венецианское изобразительное искусство, архитектура, литературное творчество; с его помощью можно получить более полное представление об образе власти, сложившемся в венецианском менталитете, уяснить

ключевые аспекты понимания сути деятельности административных институтов и имиджа властей предрержащих.

Как представляется, при описании органов системы управления Венецианской Республики важно не только охарактеризовать их основные функции, но и показать основные этапы эволюции, подчас неочевидные по причине отсутствия какой-либо социальной реакции на них. В рамках данного обзора правильно остановиться на ключевых административных институтах, рассмотрение которых позволит выработать подходы и к другим, более локальным и узко-специализированным элементам системы. Кроме того, необходимо сказать несколько слов о социокультурном феномене «венецианского мифа» как о важном факторе венецианского механизма власти как внутри государства, так и за его пределами.

После распада Римской империи и окончательного утверждения варваров в Италии юго-восточная часть Апеннинского полуострова и практически все побережье Адриатического моря остались под властью Византии. Центром владений наследников Рима в этой области стал город Равенна, где располагалась резиденция византийских наместников — экзархов; итальянские территории, принадлежавшие Византийской империи, вошли в историографию под именем Равеннского экзархата. Венецианская лагуна, расположенные в ней острова и близлежащие прибрежные земли также находились в ведении этого территориально-административного образования, отдельными регионами которого управляли подчиненные экзарху военные командиры.

Помимо военных властей существовали власти церковные, представленные на местах через разветвленную сеть архиепископств, епископств, церковных приходов. Распад Римской империи и кризис ее светских институтов стали для церковной администрации мощным стимулом к развитию. И в политическом, и в психологическом плане представитель церкви казался простому населению более надежным представителем его интересов, нежели военный командир. Таким образом, во многих регионах Италии, как на территориях, заселенных варварами, так и за их пределами, сложилась любопытная система двоевластия. Венецианская лагуна в данном случае не была исключением. Следует отметить, что в процессе становления и укрепления венецианских светских институтов представители церкви не утрачивали своего влияния. Вопрос о положении церкви и ее взаимоотношениях с центральной политической властью Венециан-

ской Республики по причине своей сложности и многообразности не может быть детально раскрыт в рамках данного исследования. Для нашего обзора необходимо подчеркнуть, что в период раннего Средневековья в Венеции практически на равных действовали два центра власти: светский (военные командиры, «дуки») и церковный (епископы), причем представители церкви удерживали сильные позиции даже на фоне возрастающего влияния избираемых жителями светских правителей.

Дожи. Рассказ о системе управления Венецианской республики правомерно начать именно с фигуры *дожа*, находившегося по своему статусу на самой вершине политической иерархии и являвшегося потому олицетворением мощи и величия Светлейшей. Открывая обзор ретроспективой становления должности дождей, мы, во-первых, соблюдем многовековую историографическую традицию, а во-вторых, наметим ряд ориентиров, имеющих большое значение для понимания специфики венецианских административных институтов и, следовательно, являющихся ключевыми для последующих этапов исследования.

В процессе исторического развития Венецианского государства институт дождей претерпел существенную эволюцию: из обладателя практически всей полноты власти, фактического монарха, коим дож был в раннее Средневековье и в особенности в IX–XI вв., он постепенно превратился в фигуру символичную, но лишенную самостоятельности в государственных решениях. Таким образом, в системе управления самого стабильного государства Средневековья дож является знаковой, но в то же время не центральной фигурой. Его высокое положение было не столько реальной кульминацией структуры политических институтов Республики св. Марка, сколько ее философской квинтэссенцией. Дожд не был единоличным правителем и не обладал самостоятельностью в принятии политических решений; особый акцент в данном случае должен быть сделан на его авторитете. Принимая во внимание это обстоятельство, мы можем сразу уяснить интересное и очень характерное для Венеции сосуществование «виртуальной» («демонстративной», или «мифической», т. е. вписывающейся в контекст т. н. венецианского мифа, о котором далее) и «актуальной» политической реальностью. Исследование эволюции полномочий венецианских дождей и характера репрезентативности их политического веса поможет нам задать систему координат, на которой впоследствии будут представлены и другие органы управления Венецианской республики.

Точная дата восшествия на престол первого в венецианской истории дожа учеными не установлена; тем не менее можно с уверенностью говорить о том, что институт дождей сложился уже в самом начале исторического развития Венеции, во времена ее относительной автономии, впоследствии трансформировавшейся в независимость. Как уже было сказано ранее, после распада Римской империи Венецианская лагуна, как и ряд других территорий Апеннинского полуострова, оказалась в сфере юрисдикции византийского наместника (экзарха), управлявшего подвластными ему землями из Равенны. На местах управление осуществляли его ставленники, главы размещенных там военных гарнизонов, именовавшиеся чаще всего дуками (от лат. *dux, ducis*). Первые упоминания о дуках относятся к VII в. В то время их власть имела четкую и преобладающую военную составляющую, своим статусом они были обязаны постоянным войнам и нестабильному положению, и о дожах в более позднем понимании этого термина применительно к VII–VIII вв. говорить неправомерно. Тем не менее уже в то время был заложен ряд фундаментальных принципов дожеской власти, первым среди которых является принцип выборности. В то же время в регионе активно формировались структуры церковного управления, о которых мы уже упоминали выше; сферы полномочий не были четко разграничены, что зачастую приводило к путанице и конфликтным ситуациям. Интересно, что отголоски этих противоречий сохранились и в современной историографии: упомянутое в хрониках имя «Паулициус», которое, по мнению ряда историографов, принадлежало первому венецианскому дожу, могло образоваться по причине простого выпадения центральных слогов в надписи Paulus Patricius, однозначно указывавшей на то, что носитель имени был представителем церкви⁷⁹.

В этот период в характере взаимоотношений между Византией и ее итальянскими территориями произошли существенные изменения. Важным событием в этой связи стал запрет почитания икон, инициированный императором Львом в 726 г. и распространявшийся в том числе на византийские владения в Италии. Иконоборчество вызвало на Апеннинах огромный резонанс и стало причиной ряда антивизантийских восстаний, в ходе которых звучали призывы к реставрации системы ценностей Римской империи. На фоне

---

⁷⁹ Cessi R. Venezia ducale, I. Duca e popolo. Venezia, 1963. P. 96.

обострения противоречий в некоторых регионах Италии, пока еще находящихся под юрисдикцией Византии, спешно формировались военные отряды и проводились выборы их предводителей; в большинстве случаев они именовались дуками. В Венеции главой ополчения был избран местный житель по имени Урсус, кандидатура которого получила одобрение большинства участников народного собрания. Важно отметить, что даже после того, как ситуация относительно стабилизировалась и византийцы сумели укрепить свои пошатнувшиеся было позиции, они не предприняли никаких попыток оспорить результаты выборов и оставили Урсуса в должности предводителя войска и фактически правителя в Венецианской лагуне.

Если в решениях византийцев был расчет на скорое изменение положения дел, он оказался верным: спустя некоторое время Урсус погиб в результате заговора и у власти оказались оппозиционные ему военные командиры. В эти годы в северо-восточной части Апеннин было неспокойно; не удивительно поэтому, что на островах Венецианской лагуны нашли прибежище многие беглецы с материка, по различным причинам оказавшиеся в конфликтных отношениях с византийскими властями. Все это оказывало значительное влияние на расстановку сил в борьбе за власть. Около 742 г. в Венеции произошло восстание, в результате которого ставленник экзарха был пойман и ослеплен, а предводитель восстания по имени Урсус Деусдедид был избран правителем (дукой, или дожем). За время своего правления Урсус Деусдедид провел немало реформ, направленных на упрочнение автономии Венеции; в числе прочих действий был осуществлен перенос столицы венецианского поселения из Читтановы в Маламокко, подальше от византийских гарнизонов. Впрочем, спустя 13 лет после прихода к власти Урсус был свергнут и по уже известному печальному сценарию ослеплен и затем убит. Та же участь в скором времени ожидала и его противника, также не сумевшего справиться с военной оппозицией; эти события могут служить яркой иллюстрацией неспокойного положения дел в Венецианской лагуне в конце VII — начале VIII в.

В 751 г. лангобарды завоевали Равенну, тем самым положив конец существованию Равеннского экзархата. Венецианцы никоим образом не вмешивались в эту борьбу, благоразумно ожидая выгодных для себя последствий. События середины VIII в. еще более упрочили автономию Венеции, хотя она и оставалась в составе Византии

вплоть до конца X в.⁸⁰ Между 764 и 765 гг. дожем был избран Маурицио Гальбайо, знатный землевладелец, известный и влиятельный человек. Необходимо отметить, что его избрание было осуществлено не всеобщим собранием, а специальным Советом представителей. Таким образом, был создан важный прецедент, благодаря которому система выборов дожа приобрела тот вид, который подробно описан историографами более позднего периода истории Венецианской республики.

Оформление всех элементов политического акта выборов дожа и превращение его в почитаемую традицию заняло еще немало времени; данный процесс, как представляется, в целом завершился к XIII в. В это время в обиходе уже активно использовалось слово *doge* или на венецианский манер *doxe*. Проводя сравнение полномочий дожа XIII в. и его предшественников-«дуков», следует отметить ряд сходств и различий. К рассматриваемому периоду уже окончательно закрепились традиции, согласно которым полномочия дожа осуществлялись пожизненно. Вторым важным обстоятельством являлся выбор дожа из среды патрициев, т. е. знатных венецианских граждан.

Говоря о различиях, необходимо отметить изменение спектра реальных полномочий дожа. Если дука периода раннего Средневековья был полноценным и дееспособным военным командиром, обладавшим широкой самостоятельностью при принятии решений, то со временем эта автономность была значительно сокращена за счет набравших силу магистратур, а в отправлении полномочий дожа большее внимание стало уделяться церемониалу, призванному подчеркнуть особое положение дожа как высшего должностного лица мощного, независимого, но в то же время справедливого и политически сбалансированного государства. Вне всякого сомнения, харизма дожа и его лидерские задатки часто становились подспорьем для проведения в жизнь именно тех решений, сторонником которых он являлся: достаточно вспомнить события второй четверти XV в., когда дожу Франческо Фоскари удалось настоять на возобновлении активных действий Венеции на материке, после того как, осуществив первые завоевания, Республика остановилась, словно замерев в ожидании и стараясь оценить последствия произошедших изменений. Дожи про-

---

⁸⁰ В X в. Венеция была уже сильна настолько, что могла оказывать реальную помощь Византии в борьбе с норманнами и арабами, за что, в частности, получила в 1082 г. от императора Алексея I Комнина широкие права беспошлинной торговли в Константинополе и ряде регионов империи.

должали играть активную роль в военных конфликтах; в качестве примера можно привести, помимо ряда возглавленных ими морских завоевательных экспедиций известные события 1381 г., вошедшие в историю под названием войны в Кьодже. Тогда Венеция оказалась на грани поражения в войне, которую вели против нее, объединившись, Генуя, Падуя, Верона и Милан; враг почти проник в лагуну, захватив ключевую крепость на подходах к ней (именем этой крепости назван и весь военный конфликт). Дождь Андреа Контарини призвал тогда на защиту Венеции практически все ее население; благодаря всеобщей мобилизации в кратчайшие сроки атаку удалось отбить, и Республика была спасена⁸¹. Тем не менее к XIII в. и далее система венецианских политических институтов была уже достаточно развита, и ряд полномочий дожа был передан соответствующим магистратам. Продолжая оставаться во главе политической иерархии по своему статусу, хранителем атрибутов власти и олицетворением несокрушимости республиканского могущества, присутствуя в этом качестве на дипломатических переговорах и обсуждении ключевых вопросов внутренней и внешней политики, принимая иностранных послов и участвуя в решении ключевых государственных вопросов, дож являлся венцом венецианских институтов, сама суть которых была выражена в строгом воспрепятствовании чрезмерной персонификации власти.

Это важное обстоятельство следует отметить отдельно: действительно, вопрос «личности в истории» применительно к Венецианской Республике не слишком актуален. Наличие ярких полководцев и расчетливых чиновников не прибавляет ему остроты: на страницах венецианской истории, заполненных датами и событиями, имена отступают на второй план. В масштабных историографических работах XVIII–XIX вв., по превалирующим тогда законам жанра отводящих особое место личностям, своей энергией и талантомдвигающим государство к успеху и достатку, биографические разделы — самые слабые, и писателю редко (за исключением, пожалуй, глав о художниках XV–XVI вв.)

---

⁸¹ Эти события показательны еще и тем, что в качестве достойного командира венецианских войск Большим советом была одобрена кандидатура Веттора Пизани, находившегося тогда под стражей из-за предыдущего поражения Венеции от генуэзцев; Пизани получил внушительную поддержку в отличие от Таддео Джустиниана, кандидатура которого выдвигалась дожем, и возглавил в итоге оборону лагуны.

удается убедительно доказать правомерность подобных приоритетов. Книги, целиком построенные по этому принципу, к примеру «Дожи» Андреа Да Мосто⁸², выглядят чересчур претенциозно (если только не представляют собой жизнеописание в богатом контексте современных событий, как, например, монументальный труд *“Le vite dei dogi”* Марино Санудо). В истории Венецианской республики личность стоит за политическим институтом, а не перед ним; все, что можно сделать в данной ситуации, — прославлять соответствующий институт, с которым связаны имя и карьера. Так в историю вошли имена дожа Мартино Да Каналь, написавшего историю Венеции на французском языке, Марино Фальера, совершившего попытку государственного переворота, Франческо Фоскари, активно поддерживавшего идею венецианской экспансии на Апеннинском полуострове, и т. д. Важно помнить, что дож — это не проекция высшей власти, а должность, от других должностей отличающаяся атрибутикой и номинальным статусом, но по своей природе им идентичная. Подобное обстоятельство стало, вероятно, самым надежным препятствием к узурпации власти и превращению Венеции в синьорию наподобие тех, что повсеместно возникали в Италии со второй половины XIII в.⁸³ Несмотря на то что избрание дожа было событием с достаточно предсказуемым исходом и эту должность часто занимали представители одного и того же семейства, ее эволюции в направлении единоличного правления был поставлен непреодолимый психологический барьер, заключающийся в самой процедуре выборности. В этой связи терял актуальность и вопрос «источника власти», столь важный для итальянских государств времен противоборства гвельфов, сторонников папы римского, и гибеллинов, отдававших приоритет императору⁸⁴. Система управления Венецианской республики являлась полностью автономным механизмом, доступ к которому имел относительно обособленный круг людей — венецианский патрициат,

---

⁸² Полное название этой книги звучит так: *Da Mosto A. I dogi di Venezia nella vita pubblica e privata*. Milano, 1977.

⁸³ В том числе и непосредственно по соседству: в Падуе в начале XIV в. установилась власть рода Каррара, в Вероне чуть ранее бразды правления захватили в свои руки представители семейства Скалигеро.

⁸⁴ Эта проблема достаточно остро встала перед венецианцами лишь в период территориальных завоеваний на Апеннингах, когда в составе владений Республики на материке (т. н. венецианская терраферма) оказался ряд городов, прежде управляемых по императорской грамоте.

полноправные граждане Венеции. Тот факт, что на посту дожа оказывались представители достаточно узкого круга венецианских патрициев, совершенно не противоречил идее Республики: политическая свобода здесь была уделом именно патрициев, Республика понималась здесь как «не-тирания», а не как «политическая свобода для всех». Гарантом соблюдения интересов государства выступал в данном случае самый сложный комплекс социокультурных аспектов, получивших выражение как в должности дожа, так и в других магистратурах.

Большой совет. Большой совет — еще один базовый элемент системы управления Венецианской республики. В отличие от должности дожа этот институт не уникален: подобные советы существовали на Апеннинском полуострове практически повсеместно и претерпели схожие изменения в процессе эволюции политических режимов сначала к коммуне, а затем к синьории. У истоков венецианского Большого совета находилось всеобщее собрание жителей — *Аренго*. Этот орган управления появился в Венеции еще в эпоху византийского господства и обладал совещательными функциями при императорском наместнике. В процессе постепенного обретения автономии, а затем и независимости народный совет не утратил своих функций, а, напротив, укрепился в роли одной из основных венецианских магистратур. В компетенции Большого совета находился практически весь комплекс государственных вопросов вне зависимости от их специфики; кроме того, Большой совет осуществлял такую важную операцию, как выбор дожа.

Интересно проследить трансформацию этого представительного органа власти. Изменения, произошедшие с Большим советом с течением времени, были связаны не столько с его функциями, сколько с его составом: постепенная и поступательная аристократизация этого органа управления привела к тому, что к XII–XIII вв., в эпоху крестовых походов, он уже значительно отличался от бывшего всенародного собрания, и его участники в подавляющем большинстве являлись представителями знати. В 1143 г. был учрежден Совет старейшин (Совет мудрых), что означало на практике существенное ограничение полномочий народного собрания: отныне помимо выборов дожа оно могло лишь утверждать уже принятые старейшинами решения. В 1172 г. появился Малый совет, или Совет дожа: он представлял группу патрициев из шести человек, в компетенцию которых входило осуществление контроля за действиями дожа, что на практике означало серьезное ограничение его власти. Глава

Малого совета имел право замещать дожа в случае его отсутствия или каких-либо происшествий. Спустя некоторое время к шести советникам добавились еще три представителя Кварантии (о ней — далее), образовав, таким образом, т. н. Светлейшую Синьорию. По причине образования Малого совета и вследствие значительной разницы в числе участников Совет мудрых стал именоваться Большим советом. Вскоре за ним была закреплена функция выбора дожа, а роль народного собрания была сведена к формальному одобрению принятых законопроектов. Вследствие этого Большой совет, по сути происходящий из народного собрания, в определенный момент оказался его главным антиподом, более практичным органом власти, которому в итоге и было отдано предпочтение. Закрепление форм нового Большого совета происходило на протяжении всего XIII в. В 1207 г., при доже Пьетро Зиани, количество членов Большого совета было определено цифрой 35; выборы их, прежде осуществляемые народным собранием, были доверены специальной коллегии из трех человек, которая помимо этого проводила выборы других магистратов, будучи выбираемой, в свою очередь, из трех выборных округов.

С развитием Венецианской республики как независимого государства усложнялась и система его политических институтов: очевидно, что один орган управления был не в состоянии справиться со всем комплексом возникавших вопросов. В конце XII в. была учреждена *Кварантия*, особая коллегия, первоначально состоявшая из 40 выборщиков дожа и занимавшаяся юридическими вопросами. В середине столетия (1255) появился *Совет испрошенных* (*Consiglio dei Rogati, или dei Pregadi*), в котором участвовали высшие должностные лица венецианской системы управления. Решения по наиболее важным вопросам принимались совместно Большим советом, Малым советом, Советом испрошенных и Кварантией. Число заседающих в Большом совете постепенно росло, и к последней четверти XIII в. их было уже 100. Соответственно увеличилось и количество выборщиков: со временем их стало четыре, затем шесть. Усложнилась и структура этой коллегии: появились выборщики, действующие в течение года для замены чиновников и перевода их из одной коллегии в другую, и те, которые собирались по наиболее важным поводам. Рост количества участников Большого совета повлек за собой путаницу в их избрании: часто возникала ситуация, при которой избиралось чрезмерное количество советников в соответствии

с представленными кандидатурами. В то же время необходимо вновь отметить тот факт, что все они, несмотря на их количество, принадлежали к сравнительно узкому кругу венецианских патрицианских (знатных) семейств. Таких семейств было около 30: их генеалогические древа уходили корнями в эпоху Римской империи, их предки стояли у истоков венецианской истории. В числе прочих назовем семейства Контарини, Дзордзи, Дандоло, Морозини, Фальер, Тьеполо, Градениго, Бадозэр; эти фамилии, без сомнения, известны всем, кто так или иначе занимался историей Венецианской республики.

По существу, в XII–XIII вв. активными действиями представителей этих самых патрицианских семейств была произведена незаметная и в то же время очень важная, революционная по своему содержанию реформа: реальные рычаги управления государством перешли от дожа в распоряжение представительных органов власти. С одной стороны, политическая трансформация такого рода могла привести к концентрации управленческих функций в руках какого-либо одного семейства, т. е. к синьории. С другой стороны, однако, все патрицианские семьи оказались по отношению к власти в равных условиях, что гарантировало оперативность отклика на любое злоупотребление, а следовательно, служило надежной гарантией политической стабильности. Важным обстоятельством было отсутствие у какого-либо из семейств даже теоретической возможности добиться юридического оформления своего приоритета: любой шаг в этом направлении мог быть легко обнаружен и пресечен. Единственной лазейкой, по сути дела, мог стать именно принцип наследования власти: предпосылки к этому были, т. к. во власти — в различных магистратурах — одновременно могли находиться несколько представителей того или иного семейства, и принцип их чередования иногда воспроизводил (хоть и непреднамеренно) механизм передачи власти из поколения в поколение. Ряд практических предложений в этой связи был выдвинут в последней четверти XIII в., вызвав активную полемику реформаторов и консерваторов: предметом спора был даже не столько сам факт наследования мест в органах управления в патрицианской среде, сколько возможность расширения Большого совета за счет новых советников, ранее к знати не принадлежавших. В феврале 1297 г. дож Пьетро Градениго предложил в качестве эксперимента составить Большой совет на шесть месяцев из тех, кто заседал в нем в течение последних нескольких лет. Все те, кто остался на этот период в Большом совете, были представителями знатных

семейств, чьи предки выступали в ранге советников на протяжении многих столетий. Вследствие этого произошла т. н. серрата («закрытие») Большого совета: процесс дальнейшего его расширения за счет новых семейств был остановлен.

Таким образом, к XIII в. Венеция окончательно стала олигархической республикой — государством, в котором право занятия административных должностей было прочно связано с принадлежностью к патрицианскому роду. Многим постановка критерия знатности во главу угла при организации системы управления может показаться тупиковым вариантом, исключающим какую-либо ротацию, интеллектуальное омоложение, смотрящим в прошлое, а не в будущее. Однако эти соображения справедливы только в случае малой репрезентативности; спецификой венецианской олигархии было то, что слой патрициата был сравнительно широк. В скором времени после «серраты» Большого совета число его членов (в совокупности с Советом испрошенных, Кварантией и Малым советом) было доведено до 900; к 1340 г. их стало 1212. Население Венеции в то время с достаточной высокой степенью точности могло быть оценено примерно в 100 тысяч жителей; следовательно, в Большом совете заседал один из почти 82 жителей Венеции, что может считаться достаточно высоким уровнем представительности. Новая расстановка сил в обществе получила окончательное завершение в первой четверти XVI в. составлением т. н. Золотой книги, в которую были вписаны патрицианские семейства, имеющие право принимать участие в управлении государством на основании наследования, передачи полномочий и статуса из поколения в поколение. Тем не менее патрициат не потерял способности реагировать на социальные процессы, т. к. сам в определенной степени был им подвержен: так, в XVI–XVII вв. первыми симптомами экономического упадка Венеции стали случаи разорения ряда патрицианских семейств по причине истощения прежних источников дохода.

Большой совет был одним из символов Венецианской республики, олицетворением принципа патрицианского правления и органом управления с наибольшим количеством участников. Вне всякого сомнения, это не могло благоприятно отразиться на его мобильности; в процессе трансформации венецианской административной системы был учрежден ряд новых органов управления, которые вкупе с существовавшими ранее были призваны осуществлять руководство в пределах более узкой специализации.

Совет испрошенных (Сенат), Кварантия, государственные магистратуры. Система управления Венецианской Республики включала в себя множество магистратур — коллегиальных институций, компетентных в какой-либо области политической, экономической и социокультурной жизнедеятельности государства. Рамки обзора не позволяют нам перечислить и охарактеризовать все венецианские магистратуры, что представляется полновесной задачей для масштабной монографии; остановимся на наиболее важных из них.

Совет испрошенных (Сенат). Совет испрошенных или, иначе, Сенат (это название появилось лишь в XIV в.), был учрежден в 1229 г., но начал реально действовать, как представляется, не раньше, чем с середины столетия. Непосредственной причиной его создания была необходимость оперативного принятия решений по вопросам внешней политики, которая и стала его первоначальной специализацией; со временем, впрочем, компетенция Сената была расширена. Принцип отбора советников отображает само его название: в заседаниях участвовали те, кто был «испрошен», или «попрошен», дожем присутствовать на дискуссиях. Заседания проходили под председательством самого дожа, а также т. н. Светлейшей Синьории — ближайшего круга его помощников; участие в них принимали 60 советников, ежегодно избираемых для этого Большим советом (со временем их число увеличилось за счет особой коллегии из сенаторов, именуемой *Zonta* (объединение, группа, союз), учрежденной в XIV в. и поначалу имевшей временный статус, но затем ставшей постоянной «ячейкой» Сената), члены Кварантии, Совета десяти, прокураторы св. Марка, члены контрольной магистратуры — Адвокаты коммуны (*Avogadori di Comun*) и ряд чиновников, «испрошенных» участвовать непосредственно в определенных заседаниях в качестве экспертов по тому или иному вопросу, — послы, представители венецианской администрации в колониях, командиры войск и т. п.

Сенаторы никоим образом не препятствовали работе Большого совета, т. к. им же и избирались; по сути, Сенат был продолжением Совета, обладая при этом значительно большей мобильностью при аналогичной полновесности решений и авторитете лиц, принимающих участие в дискуссиях. Подготовкой вопросов для Сената занимались шесть «мудрейших» патрициев, входивших в состав образованной в 1380 г. *Коллегии мудрых* — фактически венецианского кабинета министров. Кроме них в Коллегию мудрых входили специалисты по различным аспектам внутренней политики и делам колоний: по пять

«мудрейших» курировали соответственно вопросы венецианской террафермы (владений Венеции в Италии) и колоний на море.

Кварантия. Учреждение Кварантии стало одной из ключевых вех в процессе трансформации системы управления Венецианского государства и перехода от более или менее единоличного правления дожа к управлению через представительские органы власти. Изначально Кварантия представляла собой коллегию из 40 патрициев, выбираемых (через сложную систему выборов) для непосредственного выбора дожа. После выбора дожа Кварантия, однако, продолжала свое существование как составная часть Сената, занимавшаяся в основном вопросами судебного и экономического характера. Дальнейшая эволюция административных институтов Венецианской республики лишила Кварантию большей части ее исполнительных функций и превратила ее в орган юридического и финансового контроля: ее советниками ежегодно составлялись проекты государственного бюджета, затем направляемые на рассмотрение и утверждение Большим советом, а также осуществлялось руководство сферой судопроизводства. Кроме того, в ведении Кварантии находилась деятельность венецианского Монетного двора. Члены Кварантии выбирались Большим советом сроком на один год. Обозначившийся со временем приоритет юридической тематики привел к образованию во второй половине XV в. дополнительных отделений Кварантии — *Criminale* и *Civil* (последний, в свою очередь, вскоре был разделен на *Quarantia Civil Vecchia* и *Quarantia Civil Nuova*), занимавшихся делами в сфере соответственно гражданского и уголовного права.

Прокураторы св. Марка. В этой должности очень характерным для Венеции образом переплелись политика, религия и внимательное отношение к символам, выражаемое через престиж занимаемой ступени в социальной иерархии. Должность прокуратора св. Марка была учреждена в IX в. для общего контроля за ходом строительства центральной венецианской базилики (возведенной в 828 г. специально для хранения мощей св. Марка, согласно легенде тайно вывезенных из египетской Александрии двумя венецианскими купцами). Изначально прокуратор был один и назначался непосредственно дожем; впоследствии, как это было с рядом других магистратур, число членов коллегии увеличилось до девяти, а прерогатива назначения перешла к Большому совету. В сферу деятельности прокураторов входили различные вопросы общественного характера, как то: надзор за содержанием сирот, ведение деятельности богоугодных заведений,

организаций милосердия и помощи населению в различных кварталах Венеции. Благородство миссии и одновременно ее государственный характер (ибо именно от лица государства велась вся эта работа), приближенность к высшим должностным лицам возводили прокураторов на самую вершину венецианской структуры власти: по степени оказываемых почестей и общественного уважения они уступали только самому дожу. Местом заседаний коллегии прокураторов стали боковые залы дворца на площади св. Марка, что также подчеркивало их значимость. Должность прокуратора рассматривалась как важный этап государственной карьеры, на котором получивший ее патриций мог набрать вес в обществе или более чем достойно завершить свою работу на административных постах.

Совет десяти. Совет десяти, об истории и функциях которого следует рассказать подробнее, появился значительно позже уже рассмотренных нами институтов управления. В отличие от должности дожа и деятельности Большого совета, начальный период существования которых практически лишен точных датировок по причине отсутствия достоверных свидетельств, в отношении Совета десяти мы можем оперировать точными датами и с уверенностью проследить предпосылки его создания: Совет десяти был образован для борьбы с последствиями заговора Тьеполо-Кверини.

Заговор Тьеполо-Кверини является, безусловно, одним из важнейших эпизодов истории Республики св. Марка; для исследователей это событие представляет интерес как серьезный тест на прочность всей венецианской системы управления, пройденный, как известно, с минимальным замешательством и скорым успехом. Во главе заговора, целью которого был захват власти несколькими семьями и, как следствие, превращение Республики в синьорию, встал Байамонте Тьеполо, сын Якопо Тьеполо — младшего, внук дожа Лоренцо Тьеполо и правнук дожа Якопо-старшего. Уже одно перечисление имен членов его семьи дает исчерпывающее представление о положении Байамонте в венецианском обществе: упомянем лишь, что «серрата» Большого совета его никоим образом не коснулась, и венецианские законы давали ему полное право принимать непосредственное участие в управлении государством. Все его родственники занимали посты в различных венецианских магистратурах; сам он незадолго до описываемых событий был избран в Кварантию. Таким образом, как кажется, причин для недовольства и открытого выступления против республиканских устоев у него не было. Однако, по предположению ряда исследователей,

именно комфортное положение во власти и могло стать тем ключевым фактором, который подтолкнул Тьеполо к попытке полного захвата управления в свои руки. К тому же, этому решению благоприятствовала общая политическая ситуация: за несколько недель до выступления Венецией была предпринята попытка завоевать город Феррару, закончившаяся полным поражением. Экспансия против Феррары активно поддерживалась дожем Градениго; оппозицию ему составляли гвельфы, сторонники папы, активно пытавшиеся, как следствие, воспрепятствовать захвату папского города. В конечном итоге Венеция потерпела поражение. К военным неудачам добавился наложенный папой интердикт, запрещающий всем христианам вести какие-либо отношения с венецианцами. Обычная практика воздействия на противника, неоднократно используемая Святым престолом в военных и дипломатических конфликтах, как и прежде, оказалась эффективной: прибыли от торговли резко сократились, сделки застопорились, множеству планов не дано было осуществиться. Это не могло не вызвать недовольства в венецианском обществе, которым и хотели воспользоваться заговорщики — Байамонте Тьеполо и примкнувший к нему Марко Кверини, возглавлявший венецианское войско в окончившейся фиаско войне с Феррарой.

По их замыслу, выступление должно было состояться на рассвете 14 июня 1310 г. Выступив из дворца Кверини, бунтовщики должны были общей группой дойти до Риальто и затем разделиться: предполагалось, что часть под предводительством Марко Кверини отправится к площади св. Марка, в то время как остальные, возглавляемые Байамонте Тьеполо, должны были продвигаться к городскому рынку и складам с продовольствием. Однако в планы заговорщиков вмешались непредвиденные обстоятельства: сильная буря, разыгравшаяся ночью, продолжилась наутро сильным дождем, и оглушительный гром почти заглушал голоса бунтовщиков, скандировавших: «Свобода! Свобода!» Тем временем о бунте узнали во дворце дожей: туда были срочно созваны члены Малого совета, главы Кварантии и некоторых ведущих магистратур, специальный посол был направлен оповестить военный гарнизон в Кьодже и на островах Торчелло и Мурано. Таким образом, к моменту появления заговорщиков на главной площади Венеции все необходимые меры уже были приняты, и отданные распоряжения не допускали ни малейшей вероятности пощады возмутителям спокойствия. Марко Кверини был убит охранником дворца практически сразу же после появления возглав-

ляемого им отряда на площади св. Марка; его сторонники рассеялись и обратились в бегство. Аналогичным образом войскам дожа удалось справиться с отрядом Байамонте Тьеполо. Важно отметить, что заговорщики не получили абсолютно никакой поддержки населения. Тех, кто не пал на поле боя, ожидала тюрьма, многих — казнь.

Несмотря на столь скорое и безапелляционное подавление восстания, многие в высших государственных органах Республики разделяли сомнение, что угроза повторения событий полностью исключена. Основные виновные были наказаны, но кто-то, без сомнения, остался на свободе или, более того, во власти, учитывая широкий круг знакомств Байамонте Тьеполо и Марко Кверини. В качестве превентивной меры 10 июля 1310 г. был образован особый орган контроля — Совет десяти: его члены наделялись широкими полномочиями в целях борьбы с заговорщиками и устранения всех последствий восстания, включая и тех, кто был вовлечен в него косвенно или принимал в нем непосредственное участие. В документе, объявлявшем о создании Совета десяти, был указан и срок прекращения его работы — 29 сентября 1310 г.; таким образом, предполагалось, что двух с половиной месяцев будет вполне достаточно для полной нормализации обстановки.

Структура Совета десяти была не нова и повторяла в общих чертах принцип организации других венецианских магистратур. Многие из них состояли именно из десяти членов: как считалось, это количество было оптимальным для эффективной деятельности и полностью исключало возможность чрезмерной концентрации власти в руках кого-либо из магистратов. В таком виде Совет десяти просуществовал до конца сентября, однако к завершению отведенного ему срока выяснилось, что ситуация продолжала оставаться напряженной, и последствия заговора еще не были устранены в полной мере, по причине чего мандат Совета был продлен на два месяца. Аналогичная процедура повторилась и по прошествии двух месяцев, и несколько раз в дальнейшем, пока в 1311 г. не было принято решение об увеличении срока работы Совета сразу на пять лет. Наконец, 20 июля 1335 г., после неоднократных временных постановлений, Совет десяти был преобразован в постоянный орган власти и получил официальный государственный статус как еще один институт венецианской системы управления; следовательно, сроком окончания его деятельности должно было стать прекращение дееспособности всей этой системы. В соответствии с этим была расширена и сфера обязанностей членов Совета десяти: поскольку в 1335 г. о заговоре Тьеполо-Кверини остались

лишь одни воспоминания (а сами его участники были повешены еще в 1310 г.) и стабильности власти более ничто не угрожало, компетенции Совета десяти был вверен общий контроль за ситуацией в государстве, включая решение разнообразных вопросов, так или иначе способных вызвать резонанс в обществе и оказать какое-либо влияние на баланс социальных сил.

Деятельность Совета десяти — неиссякаемый источник волнующих тайн, непостижимых, как затопленные корабли в море истории, а потому обладающих магнетическим притяжением для любого, кто погружался в его глубины. В многотомных историографических трудах о Венеции, изданных в XVIII–XIX вв., Совету десяти уделялось особое внимание, посвящались отдельные главы, сильным местом которых подчас становились не исторические факты, а мастерство описания, с помощью которого авторы создавали атмосферу мрачной тайны, стараясь передать весь драматизм политической жизни, ритм и ход мощной государственной машины в действии. В появлении романтического образа Венеции, где, по выражению Байрона, «дворец налево и тюрьма направо», магистраты Совета десяти, стоявшие как раз посередине между этими двумя учреждениями, сыграли далеко не последнюю роль. Заседавшие в нем советники принимали решения по наиболее важным политическим вопросам; Совет десяти — готовый сюжет для трагедии, к которому в разное время обращалось великое множество авторов, от Карло Гольдони до Фенимора Купера; это острая и неприедающаяся приправа к блюду под названием «Республика по-венециански», оставляющая в памяти терпкий привкус романтической драмы. В структуре венецианских институтов власти Совет десяти был главной опорой, основным носителем и самым мощным орудием той самой пресловутой «государственной пользы», *ragion di Stato*, решающего аргумента, оправдывающего любое действие.

В то же время необходимо отметить, что специфика этой венецианской магистратуры заключалась не в этой самой повсеместно описанной таинственности, а в чрезвычайно богатой полифонии обсуждаемых вопросов, требовавших в то же время точного и ясного ответа. Совет десяти, созданный при чрезвычайных обстоятельствах с четко заданными функциями и заранее оговоренной датой роспуска, оказался настолько нужным органом власти, что постепенно стал главным институтом по решению политических вопросов, фактически главной судебной инстанцией, где проводились заседания, допросы, выслушивались доводы сторон, принимались решения по ключевым

вопросам жизни государства. При этом в Совете применялась уникальная для того времени система голосования. После оглашения всех обстоятельств дела участникам заседания задавался вопрос, считают ли они, после ознакомления со всеми обстоятельствами, обвиняемого виновным; в случае положительного ответа большинства присутствующих на голосование выносилась мера наказания, процедура подачи голосов проводилась четыре раза и решение принималось только в случае единодушной поддержки в течение всех четырех голосований. На рассмотрении судебного дела обычно присутствовали 17 человек: члены Совета, дож (которому передавались полномочия председателя) и шесть советников дожа (т. н. добавленные, или *zonte, aggiunte*); голосование проводилось несколько раз, что исключало возможность фальсификации и подтасовки его результатов. Кроме того, была предусмотрена возможность блокирования решения Совета десяти: право наложить на него вето имели «Адвокаты Коммуны». Принятые Советом десяти законопроекты подлежали утверждению в Большом совете. Все это вызывает законные сомнения в реальности политической силы этого органа управления (решения, обставленные декорациями чрезвычайности, на самом деле могли блокироваться и отменяться), а также в приоритетности функции законотворчества (решения не были окончательными и должны были неминуемо проходить еще одну стадию рассмотрения, в Большом совете). Как представляется, именно в ответах на эти вопросы скрывается истинный смысл учреждения магистратуры Совета десяти, столь органично вписавшейся в венецианскую систему управления, в самой сути которой был заложен принцип стойкого неприятия любой попытки узурпации власти. При всем многообразии обсуждаемых тем Совет десяти обладал двумя главными характеристиками — был оперативен и заменяем. Реальной причиной его появления (в то время как восстание лишь ускорило этот процесс, предоставив существенный повод) стала набирающая актуальность тенденция «экономии пространства», возникающая в любой политической системе, где вопрос о принадлежности власти решен давно и навсегда путем прямой корреляции доступа к рычагам управления со знатностью, в свою очередь, выраженной через столь социально воспринимаемое понятие, как гражданство. Эта тенденция вызвала преобразование Больших советов, разделения полномочий внутри магистратур, повышение работоспособности в рамках сложившейся и устоявшейся системы, позволяя экономить не столько время, сколько оперативное пространство.

Наряду с Сенатом, Кврантией, Малым советом, магистратурами Совет десяти стал частью системы управления нового стиля, в полной мере заработавшей с начала XIV в. и дополнявшейся впоследствии еще более специализированными магистратурами. Со старых времен остались только институт дождей, Большой совет (в значительной степени реформированный и по составу, и по компетенции) и некоторые магистратуры высшего статусного порядка, такие как, к примеру, прокураторы св. Марка. Система управления Венецианской республикой была полностью подчинена патрициату, что в полной мере выразилось в «серрате» Большого совета в конце XIII в., законодательно оформившей передачу власти из поколения в поколение на ретроспективной основе традиции, заслуг прошлых лет, знатности рода. Дробление институтов власти привело к развитию такого важного компонента восприятия права на власть, как престиж службы, вызвало появление ряда новых титулов и наименований, дополнило понятие «карьеры». Это приобрело особое значение в XVI–XVIII вв., когда вследствие потери ряда колоний, изменения финансового климата Европы и утраты Венецией лидирующих позиций в экономике континента многие семьи остались практически без средств к существованию и стал очевиден факт материального расслоения патрициата: сохраняя за собой неотъемлемое место во власти, они не лишались своего высокого социального статуса, что, в свою очередь, могло приносить им определенные дивиденды, в особенности при попадании на удачную должность. Система взаимодействия административных институтов ставила существенные препятствия злоупотреблению властью, при этом образовывая замкнутый цикл, при котором наиболее выдающиеся представители патрициата могли открыто претендовать на самые престижные посты в управлении, а оказавшиеся в трудном положении — небезосновательно рассчитывать на поддержку, в первую очередь в виде должностей, дающих возможность проявить себя как в самой Венеции, так и в ее колониях.

Управление колониями. Венецианская республика была колониальным государством: небольшая по своим размерам, хоть и густонаселенная, метрополия управляла обширными территориями, расположенными за ее пределами. В колониальной экспансии Венеции XII–XV вв. исследователями выделяются «морское» (Адриатика, византийские территории, побережье Северной Африки) и «материальное» (т. н. *терраферма* — города Тревизо, Падуа, Верона, Виченца

с прилегающими областями, ряд городских центров Ломбардии, некоторые порты Юго-Восточной Италии) направления; осуществленные завоевания поставили перед венецианским государством вопрос о создании эффективной модели управления «на расстоянии», достаточно автономной и в то же время крепко связанной с центром.

Необходимо отметить актуальность темы развития и быта венецианских колоний в историографии; интерес к ней, ранее второплановой и пользовавшейся заметно меньшим вниманием со стороны исследователей по сравнению с перипетиями внутренней политики Венецианской республики, особенно заметно возрос в последние десятилетия XX в. Среди работ отечественных историографов следует отметить масштабные монографии Н. А. Соколова, С. П. Карпова (в рамках изучения Латинской Романии), С. В. Близнюк (в контексте изучения истории о-ва Кипр); важно отметить, что в исследованиях, выходящих и в нашей стране, и на Западе, рассматривались не только XII–XIII вв. (времена Крестовых походов и утверждения Венеции как колониальной державы), но и события более позднего периода, в рамках которого внимание уделялось множеству различных аспектов, от политики до культуры, общественных отношений, ментальности. Вероятно, определенным стимулом движения исследователей в этом направлении послужили геополитические изменения в современном мире, вследствие которых возрос интерес к синтезу культур, взаимодействию в сфере управления, вопросам «уживаемости» различных социальных и этнических групп в переменчивых условиях, создаваемых экономической и политической конкуренцией.

Колонии — «кошель» Венеции и ее «вотчина»: отсюда в Республику св. Марка поступали основные доходы. Полифония культур и этносов, разнообразие исторических путей и актуальных интересов венецианских морских колоний исключали возможность создания на этом направлении единой схемы, уместной в любой ситуации. В ряде колоний создавался полноценный венецианский административный корпус, с начальством и достаточно развитым бюрократическим аппаратом, в другие направлялись лишь несколько чиновников и военный гарнизон для их защиты и проведения в жизнь их решений. Во главе администрации чаще всего становился подеста, должностное лицо, назначаемое центральным венецианским правительством. Некоторые колонии, обычно не имевшие большого стратегического и экономического значения, но тем не менее важные для упрочнения

венецианских позиций в том или ином регионе, отдавались на откуп целым семьям, которые переезжали туда на постоянное жительство. Чиновников из Венеции на местах было все же сравнительно немного; управление колониями, безо всякого сомнения, не было бы возможным без поддержки и вовлеченности в этот процесс местной знати. Следует отметить, что в отношении колоний иным был сам смысл, вкладываемый в понятие «присутствие во власти»: если отправление какой-либо должности в самой Венеции воспринималось как знак почета и эквивалент определенного социального статуса, то здесь на первый план часто выходил фактор доходности как один из самых убедительных доводов в пользу участия в рискованных предприятиях вдали от родного дома.

Несколько иной была ситуация в колониях на материке, составлявших комплекс т. н. венецианской террафермы. Первый шаг к завоеваниям на Апеннинском полуострове был сделан в первой половине XIV в., когда Венеция вследствие войны с падуанским синьором Каррара приобрела город Тревизо с округой (1339). В 1404–1406 гг. экспансия на терраферму получила существенное продолжение: отчасти в силу стечения обстоятельств, отчасти благодаря умелой дипломатии Венецианская Республика установила свою власть над некоторыми городскими центрами террафермы, среди которых были Верона, Виченца и Падуя. В 1419–1420 гг. Венеция добавила к своим владениям на материке Беллуно, Фельтре, Удине и Аквилею. С приходом к власти нового дожа Франческо Фоскари (1423–1457), яркого сторонника продолжения завоеваний на терраферме, Венеция вступила в долгую войну с Миланом, в результате которой сумела отвоевать у Висконти Брешию, Бергамо, Кремону и Крему (мир в Лоди 1454 г.). К концу XV в. владения Республики св. Марка простирались практически на весь современный регион Венето и часть Ломбардии. Специфика этих территорий заключалась в том, что, будучи расположенными сравнительно недалеко от Венеции в географическом плане, они сильно отличались от нее по ряду социальных, экономических и культурных факторов. Противоречивое сочетание географической близости и социокультурной отдаленности требовало особого подхода к организации системы управления.

Об основных должностях венецианской администрации было сказано уже в т. н. Золотых буллах — документах, официально закреплявших переход городов террафермы в сферу юрисдикции Венецианской

Республики⁸⁵. В тексте упоминались венецианские ректоры — подеста и капитан; кроме того, было особо оговорено, что венецианские чиновники должны были занять все посты, подпадавшие под формулу *merum et mixtum imperium*, т. е. связанные с гражданскими и судебными функциями, а также военные должности. Как следует из тех же Золотых булл, а также из документов, изданных позднее, подеста осуществлял высшее руководство в сфере гражданских отношений, а также имел судебную власть, капитан же курировал военную сферу и все, что было с ней связано, включая контроль над состоянием крепостей и других оборонительных укреплений. Как и все основные чиновники Венецианской Республики, подеста и капитан избирались на заседания Большого совета. В первые годы венецианского господства на терраферме сложилась практика ежегодной смены ректоров; несколько позже эти сроки были увеличены до 16 месяцев, хотя нередко изменялись в зависимости от конкретного случая.

В своих действиях венецианские ректоры в основном руководствовались решениями Большого совета. Обычно они поступали на места в виде предписаний, касавшихся отдельных частных случаев, и при этом очень редко содержали отсылки к какому-либо прецеденту. Можно сказать, что подеста и капитан были своеобразным передаточным звеном, через которое осуществлялась связь между центром и подчиненными ему территориями. Инициатива с их стороны не отрицалась, но и не всегда приветствовалась; нередко центральные магистратуры Венеции принимали решение, противоречащее мнению одного из ректоров, и проводили его в жизнь. Венецианские ректоры, следовательно, были не столько автономными управленцами, сколько представителями интересов Венеции на подчиненных ей территориях, игравшими роль общих кураторов положения дел и контролировавшими самые разные сферы деятельности.

Ректорам в работе помогала группа компетентных чиновников, как правило, назначаемых Сенатом и ответственных за какую-либо область отношений — судебную, финансово-экономическую, военную. В юридических делах их советниками были направляемые из Венеции судьи со специализацией как в гражданском, так и в уголовном праве. Ряд чиновников (т. н. *camerlengi* или *camerarii*, члены Налоговых

---

⁸⁵ Наименование *Bulla Aurea* употребляется в самих этих документах. В венецианских источниках они также нередко называются *Concessiones*, а в источниках городов террафермы — *Privilegia*.

палат) курировали вопросы экономики, торговли, товарообмена, налогов, занимались подсчетом прибылей и расходов. Аналогичным образом специальные должностные лица осуществляли контроль за состоянием оборонительных укреплений, условиями содержания гарнизонов и прочими вопросами безопасности. В отличие от должностей этих чиновников, связанных с задачами более практической и более узкой направленности, положение подеста и капитана было во многом схоже — в большей степени по атрибутике, в меньшей степени по значению — со статусом дожа Венецианской республики: они являлись представителями Венеции, могущественного и богатого государства с богатой и славной историей, и их пребывание на терраферме должно было всецело этому образу соответствовать. В связи с этим особое внимание уделялось церемониалу — пышности одежд, обстановке парадов и встреч, особой процедуре вступления в должность и смены ректоров и т. д. Несмотря на тяготы послевоенного времени, практически сразу после завершения военных действий в городах террафермы была начата масштабная реставрация бывших синьориальных дворцов, переданных венецианской администрации; все гербы, надписи и другие знаки различия прошлых лет заменялись на изображения крылатого льва и девизы Республики св. Марка.

Отдельной проблемой организации системы управления на терраферме стал поиск компетентных чиновников. Для большинства венецианских патрициев, плохо знавших Италию и не видевших в ней особых перспектив экономической выгоды, должности на терраферме не представляли никакого интереса. Терраферма была им незнакома и не казалась гостеприимной: в последнее время оттуда приходили только плохие известия. Все, от языка до быта, казалось им чужим; в первое время венецианцы, отправлявшиеся на службу, скажем, в Падую, везли с собой из Венеции даже поваров, чтобы те готовили им привычные блюда. Во дворцах размещалась внушительная охрана; многие горожане еще ждали возвращения потомков бывших синьоров, Скалигеров и Каррара, образ Республики-освободительницы мог в любой момент смениться в общественном мнении на образ Республики-поработительницы, а венецианская терраферма — так же быстро стать антивенецианской. Отметим и невысокие размеры жалованья за службу: едва ли это могло заинтересовать венецианских патрициев, которые, оставшись дома, могли пополнить свое состояние существенно большими суммами. В первые годы венецианского присутствия

на терраферме размер жалованья чиновников не только не увеличивался, но даже уменьшался (известен случай, когда ректоры Виченцы в конце октября 1404 г. оказались практически без средств к существованию), и лишь со второй половины XV в. ситуация начала изменяться к лучшему, во многом по причине постоянного возвращения к этой теме на заседаниях Большого совета по инициативе терпящих убытки патрициев.

Становление институтов власти и в морских колониях, и на терраферме всегда было непростым процессом. В отношении владений Венеции на континенте дополнительным затрудняющим фактором были непонимание выгоды, отсутствие информации, социальные предрассудки. Со временем ситуация изменилась: Венеция утратила лидирующие позиции на море и не имела более возможности играть роль ведущего государства Европы. В этих условиях Италия постепенно стала для венецианцев приоритетным направлением деятельности; рыбак и негоциант стал землевладельцем. Именно там, на венецианской терраферме, в XVI–XVII вв. расцветут виллы, совершенно особый вид искусства ландшафтов и интерьеров, на которых уже в XVIII в. с удовольствием останавливался для отдыха и импровизированных концертов путешествовавший с приятелем по р. По Карло Гольдони⁸⁶. В первой четверти XV в. количество патрициев, уклонявшихся от службы на терраферме, было столь велико, что Большой совет назначал специальные штрафы за каждый отказ такого рода; впоследствии должность на терраферме (как и в морских колониях в свое время) стала важной ступенью государственной карьеры, поднявшись на которую можно было научиться всем тонкостям дипломатии, управления, поиска компромисса и прочей политической эквилибристики и смело идти дальше вверх или оставаться — с высоким социальным статусом и стабильным источником дохода.

Венецианский миф. В завершение нашего обзора необходимо сказать несколько слов о т. н. венецианском мифе — комплексе элементов различного характера, призванных подчеркнуть величие, мощь, богатство истории и уникальность Венецианской республики. Гибкость, дееспособность и историческая долговечность венецианской структуры управления были связаны не только с продуманной

---

⁸⁶ *Molmenti P.* La storia di Venezia nella vita privata. T. III. Il decadimento. Bergamo, 1908. P. 257–258.

организацией административных институтов, но и с богатой, тщательно создаваемой и оберегаемой традицией. Именно о ней и пойдет речь в заключительном разделе нашего обзора; без упоминания о венецианском мифе исследование системы управления Республики св. Марка было бы неполным, и эта тема в последнее время набирает заметный вес в историографии. В данном случае основным источником информации являются предметы искусства, ибо именно в них венецианский миф получил свое конкретное выражение; аналогичным образом необходимо присмотреться к литературным произведениям, в частности к описаниям истории Венецианского государства. Тем не менее следует отметить, что все эти источники, по сути, повторяют и воспроизводят то, что незримо присутствовало во всей системе институтов управления Республики, являясь его основой и главным «цементирующим» материалом. Венецианская республика — один из редчайших примеров столь долговременного сохранения традиций о прошлом, на которых основывалась вера в столь же уникальное будущее. «Горизонты мифа» (по удачному выражению французской исследовательницы Элизабет Крузе-Паван, автора одноименной монографии) широки, и охватить их в нескольких строчках не представляется возможным; постараемся отметить реперные точки его развития как социокультурного явления.

Термин «миф», принятый в современной историографии, следует понимать не как «сказку», но как «сказание», а также как «чудо»; это преисполненный величия рассказ о чудесном государстве, родившемся, будто бы по воле высших сил, среди бескрайних вод и в них обретшем процветание. Венеция уникальна и по природе, и по истории, а следовательно, вскоре после рождения предсказуемо наступает период славы и могущества, когда она — без какого-либо, скажем откровенно, преувеличения — становится ведущим государством Европы (читай: мира), «главным банкиром», успешным предпринимателем, бесстрашным завоевателем. Всем этим Венеция обязана безупречности своей административной системы, патриотизму граждан и благоволящим к ней небесам.

Все это может быть прочитано с ироничной интонацией, которая здесь совершенно неуместна: венецианский миф был основан на абсолютно реальных фактах. Географическое положение центра Республики св. Марка, бесспорно, уникально; в развитое Средневековье Венеция действительно держала в своих руках все основные финансовые потоки Европы, ей принадлежало «полмира» — от торговых кварта-

лов Константинополя до Крита, Кипра, городов североафриканского побережья — и приоритет на море, который никто (по крайней мере до XVI в.) не осмелился оспорить. Идея «избранности» Венеции, заложенная в основу «мифа», получает, таким образом, историческое подтверждение, что уникально уже само по себе. Следовательно, здесь нет речи о том, чтобы выдать желаемое за действительное. Жанр прославления родного города был на первых ролях в городской культуре, но никогда авторы не могли похвастаться столь нечастым применением приема художественного преувеличения. Таким образом, первой важной чертой венецианского мифа является его «немифичность», если понимать слово «миф» как вымысел; пестрое покрывало риторики было наброшено на прочный каркас исторических фактов.

Вторая особенность венецианского мифа — его аудитория. Внутри Венеции не происходило каких-либо событий, которые считались бы значимыми по шкале политических ценностей среднестатистического итальянского города (особенно в эпоху коммун): здесь не было борьбы за власть и связанной с ней перетасовки социальных сил. Идея стабильности венецианских институтов, следовательно, была мало востребована в самой Венеции в силу своей очевидности для подавляющего большинства населения. Главной аудиторией в данном случае были иностранные гости. Первое произведение, которое с полным основанием можно причислить к источникам «венецианского мифа», была хроника, написанная дожем Мартино де Каналь на французском языке: совершенно очевидно, что автор не только допускал, что его будут читать за пределами Венеции, но и сознательно шел к этому. Вклад самих иностранцев в развитие мифа — едва ли не больше, чем вклад венецианцев: «венецианское чудо» часто рассказывалось на иноземном языке. Одним из ярчайших примеров в данном случае является творчество Филиппа де Коммина, посла французского короля Карла VIII в Венеции, прибывшего в лагуну в 1495 г. В своих воспоминаниях он без усталости писал о необычности, уникальности, неповторимости этого города: казалось, что весь он стоял на воде, и постройки — церкви, монастыри, дома — словно восставали прямо из моря. Венецианцы, прекрасно зная, какой эффект производит их родной город на впечатлительных иностранных гостей, устраивали наиболее почетным из них специальные экскурсии, начинавшиеся обычно с «венецианского ожерелья» — Большого канала, искусно обрамленного фасадами дворцов. Гости обращали внимание не только на берега, но и на обилие лодок: движение было весьма затрудненным, Большой канал был основной

артерией, и это бурление жизни в мраморно-золотых декорациях набережных производило неизгладимое впечатление: тот же де Коммин называл Большой канал «лучшей улицей в мире». По Большому каналу, пройдя мимо Арсенала, экскурсионная процессия торжественно прибывала ко Дворцу дождей. В подавляющем большинстве ошеломленные участники обращались к дожу со словами бесконечного уважения, испытываемого к нему как к правителю города, которому нет равных ни по красоте, ни по могуществу; впоследствии многие повторяли это в своих записях.

Элементы, так или иначе подлежащие трактовке в контексте венецианского мифа, имеются в большом количестве произведений. Сравнительно малоизученным среди них остается неоконченный трактат *“De Republica Veneta”*. Его автор Пьер Паоло Верджеро был родом из Падуи, служил при дворе падуанских синьоров Каррара и затем, после того, как город был завоеван венецианской армией, а бывшие правители изгнаны или казнены, на некоторое время переехал в Венецию. Наброски *“De Republica Veneta”* были сделаны, как представляется, в 1411 г. (этот вопрос остается дискуссионным). Общий тон повествования задается уже первой фразой: «Венецианская республика превосходна системой своего управления». В дальнейшем основная идея трактата — уникальность Венеции — подкрепляется рядом других аргументов; их поиск начинается с далекого прошлого (когда жители страны венетов, владевшие обширными территориями на континенте, приняли решение обратиться в сторону моря) и завершается настоящим: Венеция в изображении автора предстает величественным государством, связанным благодаря торговле со всеми крупнейшими городами мира. Основу ее процветания составляет море. Эта мысль проходит через все повествование, подчас превращая Венецию в остров посреди бескрайних морских просторов; море служит для жителей города защитой, оно приносит им выгоду, с ним связана их жизнь, их окружение, их внешний вид, их помыслы, свидетельством этого является даже воздух, наполненный, по словам автора, каплями воды. Подобные рассуждения занимают в трактате значительно больше места, чем, к примеру, рассказ о венецианских органах управления; о каждом из них говорится всего несколько слов (о Совете старейшин, Совете десяти, магистратурах, осуществляющих контроль над торговлей). Заключительный пассаж посвящен происхождению знатных патрицианских семейств, некоторые из которых ведут свою историю от древних римлян (Марчелло, Квирины, Корнелио), а также от городов,

из которых когда-то в прошлом прибыли в Венецию их предки: Треви-зан, Пизауро, Полано и др.⁸⁷

По своему замыслу и по стилистике сделанных набросков трактат *“De Republica Veneta”* близок к «инкомиям» — произведениям, ставшимся способом прославления того или иного города и писавшимся, как правило, их жителями. В эпоху Возрождения подобные труды появлялись во многих городах Апеннинского полуострова (особенно в этом плане заметно творчество флорентийских гуманистов). Произведение Верджерио при внешней наивности (которую едва ли можно списать на неоконченность) является подтверждением того факта, что венецианский миф был выражением общепринятого взгляда на Венецию, «суммой впечатлений»: самого Верджерио, выходца из Падуи, из-за войны потерявшего место учителя при синьориальном дворце и статус главного городского сочинителя, едва ли можно упрекнуть в экзальтированном патриотизме по отношению к Светлейшей Республике. Тем не менее в его трактате (причины написания которого также вызывают много споров) переданы все компоненты мифа, что говорит, во-первых, о популярности этих идей в венецианском обществе того времени, а во-вторых, о том, что «миф» о Венеции (здесь уже понимаемый как «сказание») был широко известен на материке.

Политика и культура всегда взаимосвязаны; как писал Соломон Волков, «те, кто утверждает обратное, тоже делают политическое заявление». Богатый инструментарий мифа мог быть успешно использован — и использовался — в политических делах, причем как за пределами Венецианской Республики, так и внутри нее, а именно в колониях. Прикладной характер мифа — еще одна важная его черта. Миф и политическая система тесно переплелись, стали частью друг друга, их синтез практически не позволяет нам определить сейчас, где заканчивался миф и начиналась чистая политика. Сам характер власти и замкнутость слоя властьпредержащих стали частью мифа, что прекрасно отражено, к примеру, у Фенимора Купера, описывавшего «мрачные своды Дворца Дожей, священного места, куда вход дозволен только посвященным». Миф, как и религия, основан на вере в совершенство, которое в Венеции подтверждалось на иррациональном уровне, от противного: государство с изъянами в этой ситуации просто не смогло бы существовать.

---

⁸⁷ Наброски к трактату опубликованы в работе: *Robey D. Law J. The Venetian Myth and the «De Republica Veneta» of Pier Paolo Vergerio//Rinascimento. Ser. IIa. V. 15. Firenze, 1975. P. 29.*

Элементы мифа в административной системе выражались в постоянных отсылках к величию Венеции через систему знаков власти, гербов, девизов, изображений святого Марка и крылатого льва, ритуалы церемоний, обстановку дворцов, кодекс обращений, торжественность заседаний и государственных мероприятий.

Филипп де Коммин в своих описаниях неоднократно употребляет слово *trionphant*, в контексте «торжества» города над стихией, над обстоятельствами, навязанными судьбой. Здесь присутствует очевидный отсыл к риторике Римской империи: Венеция, как и Рим, вправе гордиться своим могуществом, великим прошлым, великим настоящим и предполагается великим будущим. Не случайно ряд исследователей выдвигали тезис о том, что Венеции в эпоху Итальянских войн, в особенности после распада Камбрейской лиги, было под силу стать главным государством Италии, а то и объединить под своей властью весь полуостров (остальные государства-конкуренты в тот момент действительно угрозы не представляли). Этого не произошло по разным причинам, к которым историки еще не раз обратятся в своих работах. Несомненно, что для совершения столь радикального переворота необходим особый инструментарий как политического, так и духовного свойства. В этой связи важно отметить, что венецианский миф при всех предпосылках к этому не имел ярко выраженной националистической составляющей, утверждал превосходство Венеции, а не венецианцев (заслуги которых отмечались в связи с их ролью в жизни государства). Вероятно, причина этого — в замкнутости власти и ограничении доступа к гражданству, что автоматически снимало проблему поиска других критериев избранности, в том числе национальных. Венецианский миф остался, следовательно, культурным и лишь отчасти — социокультурным феноменом, не распространившись дальше определенных пределов, зачастую легко преодолеваемых явлениями такого масштаба. Однако он надежно связывал воедино структуру управления Венецианской республики, не распавшуюся даже тогда, когда времена величия безвозвратно ушли. Во многом благодаря умению беречь прошлое не в ущерб настоящему венецианское общество находило — пусть и до определенного момента — аргументы для того, чтобы стабильность не превратилась в застой, даже при общей отрицательной направленности обстоятельств, что под силу лишь действительно великому государству.

Потестарные институты и должности в Испании в V–XV вв.

Обширные территории Пиренейского полуострова входили в состав Римской империи как провинция Испания (*Hispania*). Это название закрепилось за ними и использовалось как средневековыми хронистами и королевскими писцами, так и учеными последующих эпох. В отдельную область, а затем и королевство выделилась лишь Лузитания, о которой обычно писали особо. Таким образом, под средневековой Испанией понимается целый ряд государственных образований, рождавшихся и уходивших в Лету, сливавшихся и распадавшихся, имевших различную систему управления и формы государственности, но неизменно находившихся в тесном взаимодействии и взаимном влиянии, что, безусловно, нашло самое непосредственное отражение и в потестарных институтах. Последнее обстоятельство наряду со сложившейся историографической традицией позволяет нам объединить в общий раздел вестготский, аль-андалусский, кастильский, наваррский, каталонский и арагонский материалы.

Средние века и раннее Новое время были для Пиренейского полуострова эпохой сильнейших политических трансформаций, что, разумеется, придало властным институтам и возникшим здесь должностям известное своеобразие. Вестготское королевство, возникшее на месте римской провинции, унаследовало многое в представлениях о природе и функциях публичной власти у римлян, что ярче всего прослеживается по сочинениям ученых-эрудитов той эпохи, законам. В то же время германские порядки обладали не меньшим влиянием, поначалу переплетаясь в сфере управления с римскими, а постепенно и потеснив их, благодаря чему частнопроводные отношения в Испании, как и в остальной Западной Европе, преобладали, нагляднее всего воплощаясь в таком институте, как Двор.

Испанской особенностью следует считать и то обстоятельство, что оформление государственности и выработка теоретической и законодательной базы политической власти шли при активном участии церковных иерархов. Влияние христианской церкви, безусловно, присутствовавшее не только на Пиренейском полуострове, здесь, однако, приобрело институциональную форму в виде Толедских соборов, акты которых до сих пор остаются неоценимым источником по интересующему нас предмету.

Еще одним немаловажным фактором, под воздействием которого складывались придворные должности Вестготского королевства, был опыт северного соседа — Франкской державы.

Раннесредневековые источники, к сожалению, сообщают мало сведений о местном управлении, гораздо больше внимания уделяя должностям центрального аппарата, хотя и они представляются весьма расплывчато, что во многом было связано с соединением в них публичных и частноправовых функций.

В VIII в. Вестготская монархия пала под ударами мусульман, и на территории Испании возникло обширное государство, по природе своей теократическое, получившее в современной научной литературе название Аль-Андалус. После недолгого периода становления власти, когда все управление было сосредоточено в военных структурах, Аль-Андалус пережил административную реформу, следствием которой стало быстрое формирование центрального аппарата с четко выраженной иерархией должностей, который специально предусмотренным образом сообщался с местными органами управления.

Особенностью центральной администрации Аль-Андалуса было ее разделение на две части — государственную канцелярию и финансовое ведомство, которое отличалось наибольшей централизованностью. Такой порядок стремились сохранять даже во времена политического упадка.

Примечательно, что система управления, созданная в Кордове, воспроизводилась по мере возможностей и после исчезновения Халифата с политической карты — в разрозненных мелких мусульманских государственных образованиях, имевших скорее монархическую форму правления, нежели теократическую.

История Аль-Андалуса изобилует сочинениями, опираясь на которые можно реконструировать общую картину должностей и постарших институтов, среди которых и хроники, и истории, и юри-

дические трактаты, и сборники фетв, и биографические словари, и художественная литература, и надгробные эпитафии.

Мусульманское присутствие оставило глубокий след в системе управления и в наименовании должностей, существовавших уже в рамках христианских королевств Испании. В наследство Кастилии и Арагону досталась, кроме того, конфессиональная многоукладность, свойственная мусульманскому обществу и аппарату, вызвавшая к жизни многие характерные только для Испании должности, в ведении которых находилось управление мусульманскими и иудейскими общинами или контроль над ними.

Рядом с обширными мусульманскими владениями на севере полуострова продолжали существовать небольшие христианские графства и королевства, не имевшие ни возможности, ни потребности сохранять вестготский опыт. Об их управлении осталось не так много свидетельств, которые собираются по крупицам в хрониках и актовом материале. Частноправовые начала устройства власти имели здесь первостепенное значение, что проявилось и в концентрации публичных и частных функций во дворце государя — *Palatium*, и в формировании королевской курии, испытавшей сильное франкское влияние, и в высокой самостоятельности территориальных управителей. Последнее обстоятельство было напрямую связано с условиями Реконкисты и постепенно привело к складыванию сеньориального управления. Однако роль монарха по-прежнему была весьма высокой, чему в немалой степени способствовало право государя распоряжаться ресурсами всего королевства, а не только своим патримонием. Можно утверждать, что его власть была значительно крепче и обеспеченнее, чем власть других европейских монархов.

Уже во второй половине XII в. на заседаниях королевской курии появлялись представители от городов, что дает исследователям основание говорить о возникновении на Пиренейском полуострове одних из первых в Европе сословно-представительных органов — кортесов. Прощения, поступавшие в королевскую курию от сословий, и принимавшиеся королем решения и законы нашли отражение в актах кортесов.

С успехами Реконкисты на Пиренейском полуострове сложился особый институт королевских управителей пограничных земель, концентрировавших в своих руках власть над обширными территориями.

Еще одной своеобразной чертой местного управления начиная с XIII в. явилась развитая муниципальная администрация, бравшая на себя функции по управлению городом и округой. С конца столетия королевская власть начала активно поддерживать консехо, т. к. была в них заинтересована и, стремясь контролировать городские органы самоуправления, назначала туда королевских должностных лиц.

XIV в. принес много нового в систему центрального аппарата, переживавшего эпоху реформирования и упорядочивания, с одной стороны, которая хорошо известна по королевскому законодательству и регламентам, а с другой стороны, сильно разросшегося в том числе и за счет почетных должностей. В это же время оформляется как самостоятельный и централизованный орган королевской администрации канцелярия. Публичные должности постепенно переходят в ведение юристов, отделяясь от частных дворцовых.

Известным своеобразием отличалась система управления Арагонской Короны, поскольку она представляла собой в классическое и позднее Средневековье конфедеративное государство, объединявшее под рукой одного монарха земли, которые обладали автономным статусом и собственными органами сословного представительства и центрального аппарата. Стремление отстаивать свою политическую независимость в рамках Арагонской монархии наиболее ярко проявилось в оформлении специального, призванного контролировать деятельность государя, органа — т. н. Дипутасьон, возникшей в Каталонии и имевшей серьезный политический вес.

О потестарных институтах и должностях, существовавших на Пиренейском полуострове в классическое Средневековье, мы узнаем, кроме того, из фуэро, королевского законодательства, в том числе из обширных сводов законов, таких, например, как Семь Партид короля Альфонсо Мудрого, из грамот, королевских и сеньориальных, из монастырских и соборных формуляриев и документов, из актов городских советов, самыми знаменитыми из которых являются установления Барселонского совета — т. н. «Обычай».

В позднее Средневековье к уже традиционным источникам прибавляются королевские Ордонансы, регламентирующие жизнь двора, устанавливавшие правила работы канцелярии и других ведомств; юридические трактаты, обязанные своим появлением обострившемуся интересу к римскому праву и потребностям переосмыслить вопрос о природе королевской власти, унифицировать систему управления государством; подробнее и многочисленнее становятся хроники.

ВЕСТГОТСКАЯ МОНАРХИЯ

Королевская власть. Государство, сложившееся на Пиренейском полуострове после вестготского завоевания, формировалось на скрещении германских и позднеримских традиций и под сильным влиянием христианской церкви. Это сказалось и в представлениях о природе королевской власти и государства, и в составе и характере государственных институтов.

В вестготскую эпоху существовало абстрактное понятие государства, не персонифицированное полностью в государе. Вестготское право и правовая мысль различали короля, королевство и подданных как составляющие части государства. *Король (rex, princeps)* должен был осуществлять политическую власть ради общего блага. Он же представлял государство; владения короны как института не совпадали ни с королевством, ни с владениями короля как частного лица, и после смерти монарха первые переходили его преемнику на престоле, последние же делились между его детьми согласно нормам наследственного права. Первоначально государь мыслился как глава вестготов-завоевателей — *Rex Gothorum*, но позже стал именоваться и *Rex Hispaniae*. При Леовигильде (568–586) в символике королевской власти к мечу и знамени вестготских королей были добавлены римские скипетр, корона и пурпурная мантия, а Рекаред (586–601) присоединил к своему титулу по примеру римских императоров титул *Flavius*, которым пользовались и его преемники. Король при восшествии на престол приносил подданным клятву в том, что он будет править по справедливости и защищать веру, церковь и королевство. Он обладал всей полнотой власти согласно законам и, в частности, возглавлял административный аппарат королевства и органы правосудия, мог назначать и смещать должностных лиц.

Понятие *королевства (regnum, patria, terra)* объединяло в себе его территорию и население, независимо от этнической принадлежности. Его территория считалась единой и не должна была расчленяться. Королевство обладало собственной казной, не тождественной королевской, и его интересы ставились выше интересов короля.

Подданные (subjecti, subditi, populus) составляли третий элемент государства. Отношения, которые связывали их с королем и государством, имели публично-правовой характер. В частности, в ответ на клятву монарха и подданные приносили клятву верности королю. Взаимная клятва понималась как заключение пакта между королем и народом,

т. е. составляющими государства. Изначально источником политической власти считалось собрание всех свободных вестготов, которые делегировали ее вождю или королю. Позже его место занял съезд знати.

Право подчеркивало разницу в этих трех понятиях: король, королевство, народ (или подданные), в частности, рассматривая как особые преступления *contra principem*, *contra patriam* и *contra gentem*. Королевская власть воспринималась как инструмент для достижения общественного блага. В функции государя входила защита королевства от внешней и внутренней опасности, обеспечение правосудия через законы и суды, защита и покровительство церкви. Эта теория не всегда, естественно, воплощалась в жизнь, и на практике элементы частноправовых отношений были достаточно сильны. Это проявлялось, например, в институте верных короля — *fideles regis*, которые, вырастая из королевской дружины и свиты, формировали в то же время и его двор как институт управления.

Таким образом, королевская власть в вестготской Испании (в отличие от Франкского королевства) никогда не имела исключительно патримониального характера. Существовала отчетливая разница между королевским домом и королевством (или родиной), общностью, объединенной территорией и населением, которой король управлял, но которая не принадлежала ему по праву собственности, из-за чего он не мог распоряжаться ею или разделить ее между наследниками. Монархия составляла единственное выражение верховной власти. В последней четверти VI в. Леовигильд, установив свою власть над всей страной и изменив королевский церемониал на византийский манер (неизвестный ранее вестготам), заметно укрепил королевскую власть. Сделав своих сыновей Герменегильда и Рекареда соправителями, а затем и наследниками престола, он ввел в политическую жизнь новый фактор, который в VII в. стал особенно актуальным.

В самом начале VII в. с угасанием королевского потомства Леовигильда власть в Испании переживает институциональный вакуум и, как следствие, смуты. Все это послужило причиной формирования доктрины и письменного законодательства касательно двух фундаментальных тем публичного права: проблемы происхождения и легитимности власти и установления порядка наследования престола.

Автором политической доктрины легитимности христианской королевской власти стал Исидор Севильский (ок. 560–636). В «Этимологиях» и «Сентенциях» он сделал упор на легитимность как важнейшую составляющую истинной королевской власти. «Короли ха-

рактируются, — писал он, — справедливым управлением (и отсюда даже происходит их название: *reges a regendo et recte agendo*), в противном случае имя и статус короля могут быть утеряны».

Теория легитимности, сформулированная Исидором как политическим мыслителем, конечно, была умозрительной, оторванной от реальной жизни испано-готского общества. Значительно более характерно для этого общества другое представление о легитимности королевской власти, которое прослеживается у хронистов поздней Римской империи и у того же Исидора в его исторических трудах: дурной король не будет тираном, но им будет узурпатор королевской власти, мятежник, восставший против того правителя, который обладает легитимной властью.

Каким же был законный путь к власти в Испании VII в.? Этот вопрос заставляет обратиться к старой проблеме наследования в вестготской монархии. Известно, что вестготское право V и VI вв. не стремилось зафиксировать письменно нормы наследования, в то же время на практике бытовало общегерманское представление о выборном характере королевской власти. Впрочем, в течение этого периода она, как правило, передавалась внутри правящей фамилии. Этот вопрос впервые был подвергнут юридическому регулированию на IV Толедском соборе.

Замещение престола. IV Толедский собор (633) обладал четко выраженным учредительным характером. Принятый этим собором объемный 75-й канон был посвящен важным и насущным политическим вопросам и установил принцип выборности при замещении вестготского трона. V, VI и VIII Толедские соборы (636, 638 и 653 гг.) выработали нормы проведения выборов. Выборщиками были епископы и палатины (придворные магнаты и советники), а для того, чтобы быть выбранным, необходимо было удовлетворять определенным требованиям: быть готом, знатного рода и добрых обычаев; не иметь зависимого происхождения, не быть постриженным или подвергнутым наказанию острижением. VIII собор постановил, что выборы должны проводиться в Толедо или в том месте, где почил монарх, и недвусмысленно лишил права быть выбранными тех, кто пытался занять трон при помощи заговора или народного возмущения.

Однако и теперь по большей части эта система не применялась. Из девяти монархов, живших после IV Толедского собора, только двое — Вамба и Родриго или, возможно, трое, если считать Хинтилу — достигли власти в силу выборов. Остальные обретали корону

иначе: Хиндасвинт — по наследству и в результате предшествовавшего соправительства, другие — по назначению правящего монарха. Все это предполагало нарушение установленной процедуры выборов, что, впрочем, не воспринималось в большинстве случаев как основание для нелегитимности. Мосарабские и астурийские хроники, испытавшие влияние вестготской историографии, называли «тиранами» Хиндасвинта и Эрвигия, провозглашенных королями в результате дворцовых интриг. Но ни одно из других невыборных замещений трона не воспринималось как незаконное. В свою очередь, соборное законодательство запрещало как незаконные методы соприсяжничество и восстание, но никогда не высказывалось против наследования, соправительства или королевского назначения, что на практике широко использовалось. За всю историю Вестготской Испании ни к кому из королей, пришедших к власти одним из указанных способов, не относились как к «тирану», не обладающему легитимным статусом. Видимо, выборность была предпочтительной процедурой замещения трона для вестготской аристократии. Однако на практике она применялась прежде всего в тех случаях, когда царствующий монарх не назначал преемника.

Сравнительно редкое применение выборной процедуры при реальном вступлении на вестготский престол не исключало возможности формального акта выборов или провозглашения нового монарха знатью и епископами в рамках официальной церемонии восшествия на престол, зафиксированной в источниках VII в. Новый правитель должен был принести клятву защищать католическую веру, покровительствовать Церкви и управлять народом справедливо. После этой клятвы подданные, в свою очередь, клялись в верности королю: придворные магнаты — лично на Совете, а прочие подданные — в присутствии специальных королевских *посланников (discussores iuramenti)*, которые ради этого объезжали земли королевства.

Монетные изображения вестготских монархов в диадемах заставляют думать о возможной коронации короля во время его провозглашения, но из всех церемоний, включенных в *Ordinatio principis* (документ, трактующий коронационный порядок), наиболее символичным было помазание короля. Вестготская монархия в Испании впервые в христианском мире ввела помазание своих королей, возрождая древний обычай царей Израиля. Помазание, придавая сакральный характер личности монарха, стало самым весомым критерием легитимности. Поэтому короли, обладавшие сомнительными

правами на титул, как Эрвигий, спешили принять помазание, а хроники последнего вестготско-католического периода особенно внимательны к точной дате помазания государя.

В «Истории Вамбы» Св. Юлиана содержится очень яркое описание помазания этого короля. Вамба (672–680), возможно, не был первым помазанником, но именно его помазание впервые зафиксировано источниками, после него все вестготские короли проходили этот ритуал. Косвенные данные источников, в том числе постановления IV Толедского собора, позволяют предположить, что и до Вамбы существовали короли-помазанники. И напротив, очень трудно обозначить определенный момент, когда помазание было введено раз и навсегда. Скорее всего, поначалу оно не воспринималось как обязательное: например, Лиува II (601–603), юный сын Рекарета от незнатной женщины, был помазан, а Виттерих (603–610), пришедший к власти, убив этого короля, напротив, помазан не был и всячески демонстрировал возврат к готским обычаям и неприятие церкви. Возможно, именно IV Толедский собор благодаря своему учредительному характеру способствовал оформлению понятия «король-помазанник» применительно к христианской монархии. Во второй половине VII в. регулярность, с которой новые короли принимали помазание, и серьезность, с которой к нему относились, подтверждается скрупулезной регистрацией его даты, при помощи которой теперь обозначалось начало каждого царствования.

Управление королевством. *Officium Palatinum*. Институты центральной системы управления вестготской монархии не обладали фиксированным юридическим статусом и функциями, и их деятельность и полномочия не были отрегулированы; часто невозможно обозначить даже их конфигурацию. Поэтому обрисовать устройство верховных органов управления Толедского королевства (такое название государства вестготов принято в научной литературе благодаря той центральной политической роли, которую на протяжении веков играл Толедо) возможно лишь в самом общем виде.

Власть вестготского монарха распространялась на все сферы публичной жизни королевства. Однако осуществление этой власти требовало привлечения и сотрудничества различных институтов, которые помогали государю в управлении и обеспечивали нормальное функционирование центральных служб администрации. Постоянным органом, занимавшимся текущими делами

управления, был институт должностных лиц при дворе — *Дворцовая служба (Officium palatinum)*, который во многом повторял структуру императорского двора позднего Рима. Также собирались политические ассамблеи, разные по своей природе и полномочиям (см. ниже).

Officium palatinum состоял из начальников различных служб дворца — старших дворца (*maiores palatii*) и из подчинявшихся им младших официалов (*juniores* или *minores palatii*). Как правило, это были магнаты, обладавшие графским титулом (*comes*), в ведении каждого из которых находилась определенная служба. *Граф-казначей (comes thesaurorum)* стоял во главе казначейства и архива. *Граф patrimония (comes patrimonii)* отвечал за управление публичным фиском и имуществом короны — *патримонием*. *Граф нотариев (comes notariorum)* возглавлял королевских писцов и нотариев. *Граф охранников (comes spatariorum)* был начальником королевской охраны. *Граф-спальничий (comes cubiculorum)* считался смотрителем королевских покоев. *Граф-стольник (comes scanciarum)* ведал столом и дворцовым погребом, а *граф-конюший (comes stabuli)* — королевскими конюхами и конюшнями. Наконец, к дворцовым должностям принадлежал и *граф города Толедо (comes civitatis Toledanae)* — правитель и судья королевского города Толедо. В *Officium palatinum* входили также епископы прилежащих к Толедо диоцезов и жившие при дворе знатные юноши. Кроме того, короля окружали свита, соратники и графы (*socii, satellites* и *comites*), исполнявшие его поручения.

Члены *Officium palatinum* входили в состав более широкого института, который получил название *Дворца (Palatium)* или *Королевского двора (Aula regia, Aula regis)*. Оба термина часто употреблялись в текстах и документах того времени без определенной точности и не строго. *Officium palatinum* был только одним из элементов *Aulae regis*. По крайней мере с VII в. в нее вливаются и магнаты, не занимавшие определенных должностей при дворе, но связанные с королем узами, сходными с коммендацией, что было проявлением германской традиции. Они были наиболее влиятельной частью придворного окружения короля (*seniores palatii, illustres viri ex officii palatini*) и нередко обладали титулом графа. Наименование *viri illustres* было заимствовано вестготами из системы иерархии аристократии Поздней империи и прилагалось без строго определенного значения к представителям придворной знати. В *Aula regis* присутствовали и высшие сановники местной

администрации — герцоги, графы и судьи (*duces, comites* и *judices*⁸⁸), и призванные королем ко двору представители знати (*procureres*), и члены королевской свиты. Сюда входили и епископы Толедского региона или те, что временно находились при дворе.

Aula regis — политическая ассамблея, собиравшая высшую светскую и церковную аристократию королевства, — рассматривала наиболее важные дела: вместе с *Aula regis* король вырабатывал законы, обсуждал политические и военные вопросы, выносил судебные решения. *Aula regis* выступала также в качестве королевского совета или королевского суда (*audientia regis*), но всегда как совещательный орган, и государи не были обязаны подчинять свои решения ее мнению или добиваться согласия ее членов. Здесь же в основном проходили немногочисленные в VII и VIII вв. выборы королей.

Толедские соборы (Concilia Toledanae) тоже играли важную роль в публичной жизни Испании VII в. Они представляли собой еще один совещательный орган государственной власти, созывавшийся государями. Со времени правления Рецесвинта (649–672) аристократы из числа *viri illustres*, назначаемые королем, участвовали в наиболее важных из Толедских соборов и подписывали их акты. Вместе с тем соборы вмешивались в важные мирские дела и осуществляли по отношению к светской администрации директивные и инспекторские функции, а по своему составу превратились в смешанные церковно-светские советы. Все важнейшие вопросы, встававшие перед Испанией на протяжении многих лет, решались на Толедских соборах, и все королевские законы проходили здесь обсуждение и одобрение.

Наконец, были *большие ассамблеи*, в которых вместе с магнатами из *Aula regia* участвовало много воинов из вестготского войска (*exercitus*). Такие собрания не имели характера постоянного и регулярного института в политической жизни королевства, однако они представляли собой форму наиболее широкого народного участия в публичных мероприятиях власти, которая была зафиксирована для Вестготского королевства. Собирались они только в чрезвычайных обстоятельствах, предполагавших созыв войска, представлявшего собой не только военную, но и политическую силу. Подобные ассамблеи уходили корнями в VI в., а в толедский период собирались

---

⁸⁸ Перевод этих терминов весьма условный. Очевидно, что *dux* VI в. значительно ближе к вождю, предводителю, чем к герцогу классического Средневековья.

лишь дважды. В 631 г. вестготское войско, находившееся в Сарагосе, сместило с престола Суинтилу и провозгласило королем Сисенанда; в 673 г. в Ниме все войско со своими военачальниками присутствовало на большой судебной ассамблее короля Вамбы.

Система местного управления. В Позднюю империю вся территория Пиренейского полуострова, на котором раскинулось Вестготское королевство, делилась на пять *провинций (provinciae)*: Таррагонская, Картахенская, Бетика, Лузитания и Галисия. Их центральными городами были соответственно Таррагона, Картахена (а затем Толедо), Севилья, Мерида и Брага. Территории к северо-востоку от Пиренеев, входившие в состав Толедского королевства, составляли шестую провинцию — Нарбоннскую Галлию, или Септимию, с центром в Нарбонне. Вероятно, на основе проходившей на севере полуострова укрепленной линии — *limes hispanicus*, защищавшей вестготов от враждебного населения Кантабрийских гор, в VII в. были образованы особые военизированные территории. Они тоже назывались провинциями, и их возглавляли *герцоги (duces)*. Одной из них могла быть провинция Кантабрия с укрепленным городом Амайа в качестве главного центра, герцогом которой был Педро, отец астурийского короля Альфонсо I. Другой возможной провинцией следует назвать более западную — Астурийскую.

В римское время титул правителя такой провинции бывал разным и со временем менялся: к концу римского владычества — *ректор провинции (rector provinciae)*. Вестготы сохранили римское административное деление на провинции, только во главе их стояли теперь вестготские военачальники — *герцоги (duces)*. Вестготы обычно называли *duces (dux)* — вождями — высших предводителей войска, которые еще в V в. возглавляли военные подразделения вестготских племен. Но в Испании природа и функции этой должности несколько изменились. Так, вождь, поставленный в Мериде в конце V в., руководил войском и воплощал вестготскую власть над всем регионом; в то же время он решал вопросы гражданского управления и в согласии с католическим епископом занимался делами публичными. Первоначально вестготским вождям подчинялись и продолжали управлять провинциями римляне — *ректоры и судьи провинций (rectores и iudices provinciae)*. В середине VI в. функции ректоров также перешли к герцогам, которые стали во главе военной и судебной администрации, а в источниках провинция нередко стала именоваться *ducatus*.

Герцоги занимали высшую ступень на лестнице местной власти в Толедском королевстве. Касаясь их в своей «Истории Вамбы», Св. Юлиан использует выражение *Officium ducum* (герцогская служба), как если бы существовала их особая общность (*ordo*). При этом одни герцоги оставались исключительно военными предводителями, а другие, продолжая руководить гарнизонами и военными отрядами, становились во главе провинциальной администрации.

С уверенностью говорить о многих институтах вестготской местной администрации почти невозможно, главным образом потому, что основными источниками являются тексты законов, использующие полисемантические и неточные термины, тем более что зачастую в силу инертности и традиционности раннесредневекового права они содержат застывшие реалии предшествующей эпохи. Поэтому будет корректно дать лишь общие очертания местной системы управления вестготов, останавливаясь на том, о чем можно говорить уверенно.

В VII в. местная администрация состояла из двух групп должностных лиц. Земли патримония (*Patrimonium*), относившегося к фиску, которые представляли собой весьма значительную часть королевства и были заселены работавшими на них сервами, управлялись прокураторами или вилликами (*procuratores* или *villici*). Они собирали с сервов налоги и повинности и представляли их в судебных делах. Остальные территории с городами и юридически свободными деревнями относились к юрисдикции провинциального управления.

В испанистике много обсуждается проблема сохранения римских институтов в управлении вестготскими землями. Сегодня историки склонны считать, что в V–VI вв. пережитки или остатки римской системы существовали и функционировали. Известны и попытки королевской власти вводить должности по римскому образцу: Амаларих (507–531), например, учредил должность «префекта Испании», впрочем, довольно быстро исчезнувшую и более никогда не возобновлявшуюся. Самым романизированным пространством было муниципальное, уже само по себе являвшееся римским наследием. К муниципальному управлению относились магистраты, курия и куриалы. Эти институты местной власти известны на Пиренейском полуострове практически на протяжении всего вестготского периода. Они исчезали постепенно, в зависимости от обстоятельств каждого конкретного города и местечка, без усилий центральной власти; к моменту столкновения Вестготского королевства с мусульманами испано-римские структуры местного управления, без сомнения, уже канули в Лету.

Пустота, образовывавшаяся вследствие отмирания муниципального управления, заполнялась королевскими официальными лицами. В городах вестготы ставили должностных лиц, которые управляли городом и окружающей его территорией. С упадком муниципального строя они стали восприниматься как правители территориальных округов, несмотря на сохранение прежней терминологии — они назывались графами городов, земель или *городскими судьями* (*comites civitatis*, *comites territorii* или *judices civitatis*). Эти правители назначались королем и были подотчетны только ему, не подчиняясь даже герцогам провинций (*duces provinciae*), и обладали всей полнотой административной, судебной, финансовой и военной власти. В своем распоряжении они имели помощников — *графских викариев* (*vicarii comitis*).

Приблизительно таким же образом трансформировалась и система провинциального управления — с той лишь разницей, что довольно долго римские должности сосуществовали с германскими, о чем уже шла речь. Однако римская местная администрация исчезла быстрее, чем муниципии. На протяжении V–VI вв. большие территории Испании оставались практически «ничейными» и управлялись собственной местной элитой. Хотя в источниках VI и VII вв. понятия *rector* и даже *rector provinciae* продолжают присутствовать, этот факт скорее говорит о силе римского влияния в среде эрудитов, чем о действительном сохранении римской традиции во власти; мы можем только предполагать, что в их компетенции находились судебные, налоговые и прочие вопросы.

Законы VII в. наделяют провинциальных герцогов (*duces*) обширными публичными функциями — по отправлению правосудия, сбору налогов и т. д., что заставляет говорить о «военизированной» местной администрации, начиная с Хиндасвинта (641–652). Это, впрочем, не означало восстановления системы управления на уровне провинции, т. к. наиболее важной административной единицей в это время была земля — *territorium* — большой округ, включавшийся в провинцию, главным должностным лицом которого был судья (*iudex* — само его название указывает на римское влияние). Власть судьи простиралась на весь округ, кроме земель фиска, и касалась различных сторон управления. Часто бывало, что такие судьи, будучи членами Королевского совета (*Aula regia*), имели титул графов, и тогда вверенные им территории назывались *comitatus*. Многие вестготские графы имели прочные позиции и собственность в своих «землях» и в течение VII в. с процессами феодализации стали превращаться в феодальных правителей, передающих свою власть по наследству. Результат этого процесса хорошо заметен

в капитуляциях, которые заключались некоторыми графами с мусульманскими завоевателями в начале VIII в; согласно этим соглашениям, графы сохраняли власть над своими территориями. Так произошло в округе Ориуэлы с графом Теодомиром и его сыном и наследником Атанагильдом и с графом Касио и его преемниками, принявшими ислам и родовое имя Бану Каси — в землях Борхи-Туделы-Тарасоны.

Герцоги провинций и графы, или *судьи земель* (*duces provinciae* и *comes*, или *iudices territoriorum*), представляли собой высших должностных лиц местной администрации, назначавшихся королем и получавших от него вознаграждение, в том числе и земли «в кормление» (*in stipendio*). Граница между «своими» землями и землями, полученными от короля в качестве вознаграждения за отправление должности, в течение VII в. стиралась.

На самом нижнем уровне местного управления находились ассамблеи — собрания общинников, свободных мужчин деревни. Исидор Севильский в «Этимологиях» пишет об обычае крестьян собираться на *ассамблеи* (*compita*) на пересечении дорог для решения дел, затрагивавших общие интересы. В другом месте он называет такие собрания *conventus rusticorum*. Эта традиция упоминается и в письменном законодательстве, начиная с «древних» законов и вплоть до принимавшихся королями во второй половине VII в.

Один из законов Рецесвинта, видимо, указывает на существование двух типов собраний: более узкого характера — туда входили местные старейшины или знать (*seniores loci*) и более общего характера — публичные собрания жителей (*conventus publicus vicinorum*). Такие ассамблеи занимались вопросами, касавшимися собственности на землю и форм ее возделывания; на них обсуждались общие дела и приводились в исполнение приговоры к телесным наказаниям.

Должностные лица судебной системы. Судопроизводство до VI в. (по мнению других исследователей, даже до середины VII в.) было раздельным для испано-римлян и вестготов. Для первых суд осуществляли ректоры провинций и графы городов, для вторых — военачальники разных уровней: *центенарии* (*сотники*), *милленарии* и *тиуфады* (*тысячные*) (*centenarius*, *millenarius* и *thiufadus*). Кроме того, именем и властью судьи наделялись и любые официалы короля: *герцоги*, *графы*, *викарии*, *дефенсоры*, *защитники мира* (*duces*, *comites*, *vicarii*, *defensores civitatis*, *adsertores pacis*) etc. По делам фиска судил *нумерарий* (*numerarius*).

К середине VII в. произошла унификация юрисдикции. Отныне и для готов, и для испано-римлян правосудие отправлял офици-

ал, который подчинялся ректору провинции и имел право судить и гражданские, и уголовные дела, а также его викарий. Таким образом, судебная система Толедского королевства базировалась на двух принципах: общая юрисдикция гражданских и уголовных судей как для римлян, так и для вестготов и совмещение судебных функций с другими функциями публичной власти. Судьями были графы, или судьи земель (*iudices territoriorum*), и их викарии и местные судьи (*iudices locorum*) — в меньших округах или сельской местности.

Во главе вестготского правосудия стоял король, который иногда судил лично в окружении членов Королевского совета, среди которых были аристократы, обладавшие особым статусом знатоков права и судей королевского суда. Бывали экстраординарные ситуации, когда заседание королевского суда проходило в присутствии всего войска.

Должностные лица финансовой системы. Вестготские короли обладали знаменитой сокровищницей (это были драгоценные камни и металлы, собранные во времена перемещений вестготов по землям Римской империи), хорошо известной среди писателей-современников, как франкских, так и мусульманских. В VI в. сокровищница обогатилась, слившись с сокровищницей свевских королей, знаменитой своим золотом.

При вестготском дворе хранение королевской сокровищницы было доверено одному из магнатов, входившему в Дворцовую службу, — графу-казначею (*comes thesaurorum*). Другую часть имущества составлял патримоний короны — прежде всего большие земельные владения, некогда относившиеся к имперскому фиску в Испании, а также отобранные королевской властью и бесхозные земли. Граф патримония (*comes patrimonii*) был официалом, возглавлявшим фискальную службу королевства. К высшему рангу относились и его помощники — нумерарии (*numerarii*). Фискальной властью обладали графы, или судьи земель, а также их подчиненные, а в конце эпохи и герцоги. То же относится и к вилликам и управляющим на землях королевского патримония. Существовали, наконец, в муниципальных куриях еще с римских времен нумерарии более низкой категории, чем уже упоминавшиеся, которые собирали налоги.

АЛЬ-АНДАЛУС

Правитель. В 711 г. Вестготское королевство пало под натиском мусульманских войск. Победы мусульман были столь стремитель-

ными, что очень скоро большая часть полуострова оказалась под их властью. С этого времени и в течение восьми столетий в той или иной форме на Пиренейском полуострове существовали исламские государства, которым на каждом этапе политического развития были свойственны разные формы государственности и властных институтов. Следует особо остановиться на фигуре правителя, характерной для каждого из упомянутых этапов. Что касается территориальной и местной систем управления, судебной и фискальной, то они тоже во многом выстраивались дворцом и находились в зависимости от типа центральной системы управления.

Во время завоевания полуострова мусульманами верховной властью обладал Муса ибн Нусайр (был отозван из Испании в 714 г.), который действовал как завоеватель и правитель занятых территорий, рассматривая их в качестве продолжения северо-африканских владений, которыми он тоже управлял от имени халифа с момента их завоевания. Подобным же образом и Муса, и Тарик (ум. в 720 г.) командовали войском, подписывали договоры о сдаче городов, делили добычу, откладывая халифу пятую часть, распоряжались об устройстве мусульман, переселявшихся из других регионов Халифата, предстояли на молитве и занимались строительством мечетей. Они также чеканили монету, при необходимости назначали своих заместителей и были достаточно независимы от Дамаска, чем периодически вызывали там беспокойство.

До 756 г., т. е. на протяжении 40 лет, Аль-Андалус (так называют политическое образование, появившееся на Пиренейском полуострове с приходом мусульман) управлялся *вали* (*wālī*), который назначался обычно правителем Ифрикии (Сев. Африка) или самим халифом. На практике решающий голос при назначении вали принадлежал сирийским войскам, находящимся на полуострове, в связи с чем редкий вали удерживался у власти дольше двух лет. Исключение составляют Укба (732–739) и Йусуф (747–755), последний вали. Основной функцией вали была военная, однако они, будучи во всем представителями халифа, осуществляли и фискальную, и судебную, и административную, и исполнительную, и религиозную власть, обладая весьма широкой автономией.

Центром Аль-Андалуса сначала была Севилья, а позже Кордова, занимавшая центральное положение на мусульманских землях и не связанная в восприятии ни с вестготской монархией, ни с первыми вали, что казалось халифам менее опасным.

Смена династии в метрополии, приведшая к власти Аббасидов (750–1258) и вычеркнувшая со страниц политической истории Востока Омейядов, привела к существенным институциональным изменениям в Аль-Андалусе. Абд ар-Рахман I (756–788), единственный из Омейядов, выживший как политическая фигура благодаря своему бегству в Испанию, стал первым *эмиром* (*'amīr*) Аль-Андалуса. В титулатуре эмира некоторое время сохранялись слова «сын халифов», а до 772 г. на пятничной молитве упоминался халиф. Эти мероприятия имели политический характер и были призваны прежде всего закрепить легитимность власти Омейядов в Аль-Андалусе и подчеркнуть его религиозную общность с метрополией. В целом власть кордовского эмира была совершенно независимой от Багдада, и он вел себя как халиф, что проявлялось и в дворцовом церемониале, и в образе правления.

Уже Абд ар-Рахман I изменил порядок провозглашения правителя. В учрежденную им церемонию, которая проводилась затем всеми Омейядами при стечении народа и при участии аристократии и составляла важнейший элемент передачи власти, была введена присяга на верность. Войско лишилось возможности провозглашать эмира, отныне правитель сам назначал своего преемника лично (иногда в форме завещания). Как правило, власть передавалась по наследству по мужской линии, но вовсе не обязательно старшему сыну.

Все это существенным образом отразилось на административной системе Аль-Андалуса, которому предстояло превратиться из провинции Халифата в самостоятельное государство. Эмиры целенаправленно изменяли систему управления, позаимствовав для этого многое из Багдада. Так, были введены по аббасидскому образцу высшие должностные лица, которым делегировались важнейшие политические, фискальные, судебные и военные полномочия. Территория Аль-Андалуса была поделена на провинции, во главе каждой из которых стоял вали.

Не менее значительными были перемены в религиозной сфере. Новые правители видели свою задачу не только в том, чтобы воевать с христианами севера или возводить мечети, но и в том, чтобы политический режим носил гораздо более выраженный мусульманский характер. В связи с этим, например, значительно сократилось количество христиан в мусульманской администрации.

В 929 г. Абд ар-Рахман III «вернул» себе, как говорят источники, титул *халифа* (*halif*) и правителя правоверных. С этого времени Аль-Андалус стал Халифатом (его иногда называют Кордовским — по

его столице), таким образом не только *de facto*, но и *de iure* приобретаемость самостоятельность. Это событие, впрочем, никак не отразилось на властных структурах. Система замещения трона и органы управления остались прежними.

Напротив, изменения, произошедшие с развалом Халифата в 1031 г., затронули все уровни власти и были необратимыми. Ни один из правителей мелких политических образований — *тайф* (*tā'ifa*) — никогда не претендовал на титул халифа и правителя правоверных или на восстановление политического единства Аль-Андалуса. Основанием для их власти была способность организовать управление и защиту определенной территории. Титулатура этих правителей была разной: *хаджиб* (*ḥāyib*), *эмир* (*'amīr*), *малик* (*malīk*), *сахиб* (*ṣāḥīb*), даже *султан* (*sultan* — весьма абстрактный термин для обозначения обладающего властью). Они сохраняли традицию назначения преемников, принесения присяги на верность, атрибуты власти — хотя и формально. Эмиры тайф использовали наемные войска, что забирало значительную часть ресурсов и приводило к введению новых, не коранических (т. е. не установленных Кораном) налогов, что делало их власть весьма сомнительной с точки зрения закона. Этому же служила общепиренейская феодальная практика того времени — вассальных и союзных отношений с «неверными» в политических интригах против конкурентов-единоверцев и, как следствие такой политической ситуации, религиозная толерантность, переходящая в безразличие. Не удивительно, что и альморавидам, и альмохадам, приносившим на полуостров идею ислама и исламского государства, удавалось легко справиться с тайфами и восстановить единство мусульманских территорий.

При альморавидах (1111–1150), а затем и при альмохадах (1150–1212) Аль-Андалус включался в северо-африканские империи, превращаясь в их провинцию. Тогда здесь вводилась должность вали — *наместника правителя* (эмира) державы. Наместнику делегировались самые широкие полномочия во всех областях государственного управления, он же командовал военными подразделениями. Эмиры же приняли титул «эмира мусульман», что было своеобразным компромиссом по отношению к Аббасидам, которые подтверждали их власть. Благодаря этой зависимости от халифов, апеллируя к Багдаду или Тунису, тайфам удалось возродиться и свергнуть альморавидов и альмохадов.

Система центрального управления и дворцовые службы. До того как первый эмир провел административную реформу, централь-

ной системы управления как таковой в Аль-Андалусе не существовало — все механизмы управления были сосредоточены в военных структурах. Позже вокруг эмира группировалась арабская аристократия, которая и занималась всеми делами управления. Достаточно быстро сложилась система должностей со своей строгой иерархией, назначения на которые производились исключительно по воле эмира, а затем халифа, который делегировал должностным лицам свои полномочия, принимая особую присягу на верность. Во главе этой системы находились разные люди, не всегда принадлежавшие к арабской аристократии, имевшие общий титул визиря (*wazīr*) и являвшиеся советниками и соратниками правителя.

Титул *визиря* прилагался к тем, кто занимал высшие административные или политические позиции, или к советникам государя; особенно часто он начал появляться с конца IX в. Этот титул не предполагал обладания в обязательном порядке каким-либо политическим постом, но все высшие сановники носили его, что превратило его со временем в почетный. Во времена тайф должность визиря предполагала исполнение обязанностей секретаря и обычно замещалась людьми учеными, хотя в целом так мог именоваться любой, кто был прямо причастен к администрации. В эпоху альморавидов визири в основном были берберского происхождения, а их функции были весьма расплывчаты. При альмохадах, вообще не знавших четкой системы управления, все должности, в том числе и визиря, пришли в упадок, а когда были отчасти восстановлены, имели усеченный характер. В Гранадском эмирате визирь больше всего соответствовал придворному-министру. Их было несколько, например, визирь пера отвечал за королевскую переписку. Гранадский визирь по своим функциям сближался с хаджибом (см. ниже) классического периода. Визири занимались административными, политическими и военными делами.

Важнейшей фигурой кордовской администрации был *хаджиб* (*ḥāyib*) — первый визирь. Он ведал дворцовым хозяйством, и его статус и обязанности были очень похожи на статус и обязанности меровингских майордомов. Как правило, хаджиб был арабом и аристократом. Полномочия и реальную политическую власть хаджиба трудно переоценить. Он, в частности, охранял дверь в покои правителя, пропуская только тех, чей визит был согласован, и занимался всем, что было связано с придворным этикетом и церемониалом. После реорганизации политико-административной системы Абд-ар-Рахманом II (822–852) первый визирь превратился в своего рода первого министра, место-

блюстителя халифа, стоявшего во главе всех служб двора, центральной и провинциальной администрации и войска. Хаджиб мог совмещать свою должность и с другими видами деятельности. Например, хаджиб Аль-Хакама (961–976) руководил большей частью военных кампаний, произошедших в его царствование. В связи с этим не вызывает удивления тот факт, что при сильном и правившем долго Абд ар-Рахмане III (912–961) место хаджиба оставалось вакантным.

Среди других визирей следует особо назвать *дху-ль-визиратайн* (*dhu-l-wizaratain*), состоявшего в помощниках у хаджиба, и визирей, возглавлявших канцелярию (сначала он был один, а с правления Абд-ар Рахмана III их стало четыре). Высшие сановники могли собираться под началом государя или хаджиба на совет правительства — *маджалис ал-масуахва* (*maʿjalis al-maswaha*).

Многочисленными и разнообразными были дворцовые должности, чаще всего отправляемые рабами по большей части европейского происхождения. Высшие должности именовались *фата* (*fata*) — официал, и двое из таких фата стояли во главе дома халифа. Другие ведали снабжением дворца — *сахиб аль-хауль* (*ṣāhib al-jaul*), отдельными дворцовыми зданиями и постройками — *сахиб аль-бунйам* (*ṣāhib al-bunyam*), почтой, гонцами и посланцами *сахиб аль-буруд* (*ṣāhib al-burud*). Надо сказать, что почтовое ведомство, весьма влиятельное на Востоке в связи с тем, что ему были подконтрольны провинциальные должностные лица, в Аль-Андалусе не приобрело ни такого значения, ни таких полномочий. Тем не менее, источники рассказывают о нем начиная с X в. Среди официалов известен и главный сокольничий — *сахиб аль-байазира* (*ṣāhib al-bayazirā*), начальники различных дворцовых мастерских.

Вся центральная администрация Кордовы располагалась во дворце и делилась на два крупных подразделения: государственную канцелярию или секретариат — *китаба* (*kitaba*), который придавал легитимность всем издаваемым указам, и главное управление финансами — *диван аль-хизана* (*dīwān al-jizana*), которое вело учет всех доходов и расходов государства. В эпоху Халифата канцелярия была разделена на четыре визирата, дабы ускорить ее работу. Во главе канцелярии стоял *государственный секретарь* (*kātib*), обладавший рангом визиря и получавший такое же жалованье. Практически все мусульманские политические образования, существовавшие на Пиренейском полуострове после распада Халифата, воспроизвели систему канцелярии, принятую в Кордове.

Центральная администрация располагала довольно сложной системой службы сношений с местными органами управления. Управляло этими службами влиятельное лицо, как правило, клиент или раб эмира или халифа, располагавший большой властью благодаря доступу к информации. Вообще, центральная администрация и дворцовые службы включали в себя огромное количество людей разного социального статуса, многие из которых были клиентами или рабами. Из рабов формировалась дворцовая охрана, они практически монополизировали частные службы дома правителя, особенно те, что управлялись евнухами, число и влияние которых в государственных делах сильно возросло при халифах.

Самой централизованной службой Аль-Андалуса было управление финансами. Возглавлял его визирь, под его началом работали казначеи, управлявшие, распределявшие и хранившие фонды; они происходили из аристократических арабских семей и богатых семей мосарабов и иудеев. Их функции были весьма разнообразными, и их можно описать вернее всего, сказав, что они занимались всем, что было связано с деньгами. Так, существовал пост начальника таможни, пост сборщика налогов и т. д. Они в свою очередь управляли большим числом «интендантов» и счетоводов. Вся эта структура воспроизводилась на провинциальном уровне.

Средства, хранившиеся в казне, делились на три части: те, что предназначались на религиозные нужды (ими ведал кордовский кади), частные, т. е. находившиеся в распоряжении правителя и его дома, и публичные фонды, из которых удовлетворялись потребности государства.

В эпоху северо-африканских династий казной ведал секретарь, в Гранадском эмирате это был или сам эмир, или позже начальник фиска, затем визирь. Имуществом эмира в Гранаде занимался *вакиль* (*wakīl*).

Местная система управления. Вали периода завоевания Аль-Андалуса практиковали некое подобие местного управления, используя вестготское деление на диоцезы. С установлением стабильной мусульманской власти на территории Аль-Андалуса стали выделяться несколько провинций — *кур* (*kūra*). Другие земли представляли собой сеньориальные владения, управление которыми было доверено определенным сеньорам; и наконец, пограничные земли, обладавшие особым статусом и администрацией, во главе которой стоял *каид* (*qaīd*).

Эмир или халиф назначали правителей куры, наделяя их фискальными и административными функциями, а также военными, в чем им

помогали каиды. Обычно пребывание на должности управляющего курой было непродолжительным из политических соображений.

Каждая из кур делилась на *иклимь* (*iqlīm*), объединение которых могло называться *хавз* (*ḥawz*, откуда произошло испанское *alfoz*), *амал* (*ʿamal*) или *назар* (*nazar*). Сеньориями, равнозначными по статусу курам, управляли сеньоры, осуществлявшие функции вали.

Из должностных лиц местной администрации следует назвать три важнейшие фигуры. Первая из них — *сахиб аль-сук* (*ṣāḥīb al-sūk*, в испанской традиции превратившийся в сабасоке), господин рынка, должность которого обязывала его следить за порядком и безопасностью на рынке, за торговыми сделками. *Аль-мухтасиб* (*ṣāḥīb al-muḥtasīb*, в испанской традиции превратившийся в альмотасена) следил за ценами и качеством товаров и ремесленных изделий, разбираал возникавшие в связи с этим дела, а также отвечал за сбор торговых пошлин. *Сахиб аль-шурта* (*ṣāḥīb al-šurṭa*) был начальником местной полиции и очень влиятельным лицом. Он поддерживал общественный порядок, пресекал нарушения и накладывал штрафы за преступления, которые не попадали в суд кади, отвечал за безопасность ночью и ночной дозор. В Кордове сахиб аль-шурта нередко совмещал свою должность с командованием дворцовой охраной. Он являлся главой исполнительной власти в государстве. Появившись в помощь сахибу аль-суку, должность сахиба аль-шурта, в свою очередь, была поделена на две, позже на три части: «главный» сахиб аль-шурта занимался делами аристократов, «низший» — плебса, третья должность была учреждена для рассмотрения дел, имевших место среди представителей промежуточного статуса.

Сахиб аль-мадина (*ṣāḥīb al-madīna*, в испанском варианте *сальмедина*), господин города, назначался, видимо, только в Кордову, в других городах подобного должностного лица не было. Он занимался всеми делами, которые относятся к сфере внутренней политики, и замещал эмира или халифа в его отсутствие. На местном уровне такими вопросами ведал правитель провинции.

Судебная система. Высшая судебная юрисдикция принадлежала эмиру, или халифу, который делегировал свои полномочия кордовскому *кади* (*qādī*), власть которого практически не лимитировалась, поскольку в исламском государстве он выступал как блюститель права и религии и осуществлял в теории свои функции по отношению ко всей общине правоверных Аль-Андалуса. Он также имел титул *имама* (*imām*), *кади кадиев* (*qādī l-quḍāt*), *кади л-джама'а*

(судьи общины — *qâdî l-ÿamâ'a*). Общеизвестно, что кади в первую очередь был религиозным лидером общины, что побуждало его и заниматься политическими делами и попечительством, и ведать вакуфной собственностью, так что под его началом находилась казна общины (байт аль-мал — *bayt al-mâl*). Исполняя судебные функции, он также уделял большое внимание тем делам, которые были связаны с моралью, верой. В его компетенции находились и гражданские дела, в то время как уголовные и экономические преступления обычно разбирали сахиб аль-шурта, сахиб аль-сук и сахиб аль-мадина.

Когда речь шла о разбирательстве незначительного дела, кади мог передать его своему помощнику *хакиму* (*hâkim*) или *сахибу аль-ахкаму* (*sâhib al-ahkâm*), чье присутствие в мусульманской судебной системе фиксируется источниками для Кордовы, Валенсии и Толедо XI в. и для Севильи XII в. Рядом с кади всегда находились во время суда юристы и советники — *муфтии* (*muftî*), высказывания которых фиксировались и хранились в архиве кади, но решение он выносил единолично. Здесь же присутствовал писец, т. н. *свидетели* ('адл, шахид — *'adl, ðâhid*), в задачу которых входило засвидетельствовать и записать происходящее во время судебного процесса. Шахид также составлял разные документы, акты, соглашения, его деятельность часто пересекалась с деятельностью *уамака* (*wattâq*) — нотария.

Кади назначался пожизненно, судил независимо и свободно. Кордовские кади были по происхождению арабами, за исключением одного, бывшего вольноотпущенником. В свою очередь, в каждую куру правитель назначал кади, часто по представлению с места. Их функции были идентичны функциям кордовского кади.

Сахиб аль-мазалим (*sâhib al-mazâlim*), господин несправедливости, принимал всех, кто оказывался жертвой несправедливости и несправедливо вынесенного решения. Эта должность просуществовала долго, пережив халифат, тайфы, альморавидов и альмохадов. Примерно тем же занимался и *сахиб ар-радд* (*sâhib al-radd*, от арабского *radd* — вернуть, отменить), чьи функции во всей их полноте известны плохо.

ИСПАНСКИЕ КОРОЛЕВСТВА РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Государство и его подданные. Форму политических и административных институтов раннесредневековой христианской Испании определяла прежде всего политическая ситуация, сложившаяся на

полуострове. После вторжения мусульман политические центры христиан сместились далеко на север, оказавшись на территориях, в наименьшей степени испытавших влияние вестготов. Новые королевства были маленькими и слабыми и не могли поддерживать старую организацию власти.

В Испании не было крупной земельной собственности и знати, которая владела бы ею, и монархия сохранила важнейшие ресурсы власти, обеспечивая оборону против мусульман. Король непременно руководил военными действиями и занимался управлением территорий королевства через должностных лиц, которые всегда назначались его волей.

Государство воплощалось в государе. Долгое время сохранялась традиция выборов короля из членов одного рода представителями общин, объединенных в королевство. Выборность королей была в данном случае не столько вестготской традицией, сколько результатом политических обстоятельств, определявших особенности развития. Нередко выборы представляли собой чистую формальность. В Астури-Леонском королевстве выборность королей просуществовала до начала XI в., но в постоянной борьбе с тенденцией передать власть по наследству, которая с каждым разом проявлялась все сильнее. С начала XI в. принцип наследования престола утверждается окончательно, и одновременно появляется право примогенитуры, хотя оно и не получает внешнего выражения. Допускается без какого-либо ограничения право младших детей и женщин наследовать власть. В Арагоне и Наварре существовал обычай, согласно которому король назначал преемника с одобрения знати. Такая процедура объединяла, как правило, оба принципа, поскольку короли провозглашали будущими монархами своих наследников. В Каталонии власть передавалась наследникам по прямой мужской линии, и только при отсутствии таковых — по женской или боковой линии. Постепенно монархия из выборной превращалась в наследственную, однако без предоставления королю права распоряжаться унаследованными землями, что защищало королевство от дробления. Король мог распоряжаться только своим патримонием, но опирался в своей власти на экономические ресурсы всего королевства. Благодаря этому, в частности, его власть считается более сильной и независимой, чем власть других европейских монархов этого периода (еще одним фактором была Реконкиста, постоянно побуждавшая поддерживать и расширять границы королевства).

Государь — король или граф — стоял во главе государства, и в нем сосредоточивалась полнота власти над объединенными в королев-

ство землями; он управлял ими лично или посредством представителей, которым своей волей доверял управление определенной территорией. Высшая власть всегда принадлежала королю. Также не следует забывать, что общность, составлявшая королевство, обладала своей собственной идентичностью благодаря одинаковым обычаям, языку и порядкам и была неделимой. Такую общность создавали уроженцы этой земли, почему они и назывались подданными-уроженцами (*naturales*) и были связаны с государем посредством верности — *fidelitas*, которая также называлась подданством по происхождению — *naturaleza*. Под воздействием феодальных порядков стало употребляться и понятие *vassallaje natural* — подданнический вассалитет. Его можно было получить в наследство или благодаря долгому проживанию в королевстве. Когда подданство приобреталось группой людей, живших, например, в одном городе, обычно это фиксировалось в их собственном фуэро; они также обладали своими собственными местными органами власти.

Не были подданными-уроженцами (*naturales*) мавры и иудеи (их обычно называли *súbditos* — подданные), а также чужеземцы. Они воспринимались как королевское население, находящееся под покровительством монарха и выплачивающее определенные налоги. Мавры и иудеи селились своими общинами — в *морериях* и *худариях* соответственно, обладали автономией в сфере управления и закона.

Королевская власть. Это обычная форма правления, восходящая к римской, германской и христианской традиции, уподоблявшей власть короля власти Бога на небесах. Это королевская власть, основанная на публичном праве, оснащенная политической властью, а не патримониальной, зиждущейся на частном праве. Впрочем, вследствие влияния феодальных порядков в ней появляются определенные черты, иммунитетные привилегии например, свойственные патримониальной концепции власти.

Королевская власть на деле подчинялась закону, обычаям земель и в каждом конкретном случае ограничивалась индивидуальными или коллективными привилегиями подданных, к которым относилось то или иное королевское решение. Однако теоретически власть короля ничем не была ограничена, ему принадлежала исполнительная власть, он издавал законы и творил правосудие, он занимался международными отношениями, заключал мир и объявлял войну, назначал и смещал всех помощников и должностных лиц, созывал войско и командовал им, планировал кампанию и изыскивал для нее средства, строил

крепости и распределял добычу. Кроме того, король своей властью назначал епископов, создавал диоцезы, созывал соборы. Королевские ассамблеи *de jure* обладали лишь совещательной функцией.

Центральная система управления. В раннесредневековых пиренейских королевствах не существовало того, что, собственно, называется центральной администрацией, даже несмотря на возрождение вестготских порядков и органов управления при Альфонсо II (792–842). Существовал некий институт, получивший название *Дворца (Palatium)* и подразумевающий одновременно и резиденцию короля, и службы, которые мы могли бы определить как домашние. Альфонсо II по существу создал гораздо более современное устройство управления, чем то, что хотел возродить: на смену Королевскому двору (*Aula regia*) пришел Дворец, или Дворцовая служба (*Palatium*). Это центральное ядро королевской администрации полностью сформировалось ко времени правления Альфонсо III Великого (866–910).

С IX в. Двор, или *курия (curia)*, в северо-испанских королевствах претерпевал изменения, постепенно приобретая «франкские» черты. Внутри Дворца группировались люди разного происхождения, выполнявшие очень разные поручения короля, как частного, так и публичного характера. Среди официалов мы не видим больше графов, зато появляется *майордом (maiordomus, maiordomus in domus regis, также maiorinus, иногда — seneschal, praepositus, primus palatii)*, который известен с IX–X вв. Он всегда принадлежал к элите общества и соединял в своих руках все главные функции по управлению дворцом и двором. Из других должностей следует назвать такие: *главный кантор (primicerius или primiclerus)*, служивший в королевской часовне; *конюший (strator, в Наварре stabularius)*; *нотарий (notarius)*, который ведал канцелярией короля, составлял и хранил документы; *стольник (maestresala, trinchante, dapifer)*; *камерарий*, отвечавший за королевские покои и облеченный полномочиями *казначея (camerarius, thesaurarius)*; *марискал (mariscalus)*, в чьем ведении находились королевские конюшни; *кравчий (scancierius)*; *келарь*, или *эконом (cellerarius, в Наварре argentarius)*, занимавшийся королевскими рентами.

Примерно в это же время появляется должность королевского *альфереса (alférez del rey)*, он также именовался *sigmfifer, armiger regis, spatarius regis*, с XII в. в Арагоне и Каталонии — *senyaler*). Генетически должность альфереса восходит к вестготской должности графа, возглавлявшего королевскую охрану (*comes spatariorum*), а этимологически — к арабскому *al-faris* — всадник. Он стоял во главе королевской охраны, нес

знамя в бою, во время церемоний — меч, символ судебной власти короля. В отсутствие короля именно он вел войско в сражение.

Кроме этих должностных лиц высокого ранга известно и о других: о *спальниках* (*cubicularii*), *чашиках* (*coperos*), *сайонах* (*sayones*), которые занимались в том числе и частными делами короля, о *челяди* и *слугах* (*pueri, servitiales*), очевидно, более низкого происхождения. В *Palatium* входили и люди из вооруженной свиты: *королевская охрана* (*milites regis*), *верные короля* (*fideles regis* или *gardingos*). К нему относились и т. н. *королевские советники* (*consilarii regis*), и *придворные магнаты* (*magnates togae palatii*; использование термина *тога* призвано здесь указывать на причастность этих вельмож к делам государственным, т. е. прежде всего к Королевскому совету) — светские и церковные магнаты, связанные с королем особыми узами верности. Некоторые из них обладали графским достоинством. Существовал и титул *придворного графа* (*comites palatii*), а кроме того, титул графа носили правители округов королевства, которые временно относились к королевской курии (*curia*).

Таким образом, речь идет о весьма гетерогенном институте, который в связи с этим трудно передать на русском языке одним термином, поскольку он может выступать и в качестве Дворцовой службы, и как судебная инстанция, и как Королевский совет. Без сомнения, он был менее многочисленным, чем может показаться на первый взгляд, поскольку разные функции могло совмещать одно и то же лицо. Значимость и участие официалов и магнатов в вопросах управления были очень различны.

В *Palatium* не существовало разграничения властей; теоретически все вопросы могли решаться там, и судя по многочисленным упоминаниям об этом, Дворцу принадлежал решающий голос, несмотря на это, Королевский совет имел лишь совещательный характер.

Palatium, собиравшийся в качестве *ординарной курии* (*curia ordinaria*), где присутствовали ее важные члены, был постоянным и обычным органом управления и королевской судебной палатой, на которой рассматривались и гражданские, и уголовные дела разной степени тяжести, в том числе и преступления предательства.

Из ординарной курии благодаря двойственности ее функций — судебных и политических — и в связи со сложностью публичных дел выделился *Совет* (*Concilia*), более узкий по своему составу, также имевший совещательное назначение и собиравшийся часто. Спорадически король собирал, наоборот, расширенный Совет, в который

входили представители высшего клира и магнаты из малого или *Ординарного совета (Concilia ordinaria)*. В этом случае речь шла о совете, полной курии, экстраординарной курии, созванной курии и общем Собрании двора (*concilia, curia plena, curia extraordinaria, curia pregonada* и *corte general*). Этот последний тип собраний был призван обсуждать вопросы особой важности, именно на таких собраниях обычно вводились законы, сообщалось о бракосочетаниях в королевской семье и объявлялось об установлении мира. Расширенная курия, как бы она ни называлась, представляет особый интерес, поскольку впоследствии именно из нее вырастут *кортесы (Cortes)*, включив в свой состав представителей от городов.

Территориальная администрация. Система управления ранне-средневековых испанских королевств многое заимствовала из вестготской и каролингской систем. В то же время она должна была быть приспособлена к особой пиренейской политической ситуации, постоянным и существенным элементом которой в течение всего классического Средневековья была Реконкиста.

Новые территориальные округа никак не были связаны с вестготским административным делением, память о котором стерлась. Принципом их организации была прежде всего географическая общность, учитывавшаяся в стратегических интересах, или просто воля государя. Такие округа назывались *commisa, mandationes, territoria, comitatus*, а в Наварре и Арагоне, как правило, использовался термин *почесть (honor)*, поскольку монарх жаловал их, оказывая честь, в качестве бенефиция. Кроме того, использовалось понятие *город (civitas)*, если речь шла о территории, на которой находился важный город, и *альфос (alfoz)* в приложении к сельской местности, в том числе прилегающей к городу. Во главе этих территорий стояли магнаты — *властители, правители, судьи, принцыпы, графы (potestates, imperantes, iudices, principes, comites)*. Разнообразие названий не являлось следствием различных функций, разницы в полноте власти или степени самостоятельности в управлении. При этом статус графа предполагал обладание графским достоинством. Граф получал земли в управление от короля временно, граф мог быть смещен, назначен правителем в другие земли или на другую должность, мог быть отстранен от всего и превратиться в безземельного графа (*comes sine terra*). Особым статусом обладали барселонские графы и кастильские графы (после отделения от Леонского королевства): они по существу были монархами своих земель.

Территориальные правители, независимо от того как они назывались, обладали всей полнотой власти, делегированной им государем. В их компетенции было поддерживать мир и принимать необходимые для этого меры; заниматься вопросами заселения и следить за повинностями и податями вверенного населения, графам, кроме того, подчинялись все службы фиска; правители издавали приказы; отправляли правосудие, председательствуя в суде, и назначали судей, а также всех других своих помощников; графы обладали и полномочиями военачальников.

Назначавшиеся королем управители территорий на практике могли передавать свою должность по наследству — король в этом случае снова жаловал ее наследнику. Не было странным, если землей продолжала управлять дочь или супруга.

Первым помощником правителя был *викарий* (*vicarius*), который мог выступать его местоблюстителем по отношению ко всей территории или к ее части, на викария могли возлагаться судебные и военные обязанности, его должность вряд ли бывала постоянной. В остальной системе управления землями строилась на тех же частноправовых принципах, что и центральная, поэтому двор и дом правителя представляли собой одновременно и институт власти, сосредоточивавший и домашние, частные, и публичные службы и должности. Одной из них была должность *майордома* (*mayordomus* — управляющий дворцом), заместившего вестготского *виллика* (*villicus*) и превратившегося в весьма важную фигуру территориальной администрации. Со временем майордома стали называть майорино, мерино (*maiorinus, merino*), он возглавлял управление определенной территорией, собирал налоги, сеньориальные подати и военные повинности, командовал войском и творил суд. В каталонских графствах майордом получил название от *bajulus* (лат. носильщик, вестник), что в Каталонии дало *batle*, а в Кастилии *bayle*. Начиная с X в. мерино и байлы представляли собой официалов, наделенных широкими публичными полномочиями. В классическое Средневековье королевские должностные лица назывались в Арагоне *байлами* (*bayles*), а в Каталонии — *батлами* (*batles*).

По королевскому распоряжению управители земель и мерино назначали подчинявшихся им *сайонов* (*sayones*), которые прежде всего имели отношение к исполнительной власти, в том числе судебной: они вызывали стороны для слушания дела, задерживали обвиняемых, принимали доказательства, приводили в исполнение приговор,

взимали штрафы. Их функции бывали самыми разными, включая, например, и сбор налогов, и взимание военных повинностей, и проч.

В течение XI в. с развитием феодальных институтов постепенно изменяется и принцип построения системы управления территориями — здесь все чаще возникают земли сеньориального подчинения, которые жалуются королевской властью во владение пожизненно или на время в качестве бенефициев *сеньорам* (*senior*). В XII в. земли, юрисдикция над которыми принадлежит сеньору без участия королевских официалов, уже никого не удивляли. Среди таких земель выделяли *реаленго* или *рехинатико* (*realengo* или *reginático*) — земли, напрямую подчинявшиеся королю; *соларьего* (*solariego*, от испанского *solar* — родовая земля, часто со стоявшим на ней замком) — земли, жаловавшиеся знати; *абаденго* (*abadengo*) — земли, юрисдикция над которыми передавалась аббату; *инфантазго* (*infantazgo*) — сеньориальное владение, выделявшееся кому-либо из королевских детей; *маэстразго* (*maestrazgo*) — владения духовно-рыцарских орденов (поскольку юрисдикцию осуществлял магистр ордена — *Maestre de la Orden*). Также к концу XI в. появилась новая должность — *главный мерино* (*merino mayor*), которому должны были подчиняться все прочие мерино, а под его рукой устанавливался *мериндад* (*merindad* (как институт власти главного мерино) или *merinático* (как округ)). Именно мериндады стали основными административными единицами раннесредневековых пиренейских графств, наряду с *консежо*, которые в русской историографической традиции принято передавать как консехо, и землями (*alfoces* или *tierras*).

Города, местечки и сельские поселения подчинялись королевской или сеньориальной юрисдикции и не имели собственных публичных органов управления. Однако здесь продолжала существовать практика общинных собраний, которые периодически выполняли и некоторые публичные функции (засвидетельствовать сделку, завещание) и решали внутриобщинные вопросы. Теперь на них не всегда присутствовали все жители, но обязательно — т. н. *омбрес буэнос*, которые впоследствии будут называться *омбрес буэнос абонадос* (*hombres buenos, hombres buenos abonados* — люди доброй славы).

Только с течением времени и неравномерно для разных королевств и графств, королевских, сеньориальных и епископских земель эти собрания трансформируются в *консехо*, появление которых знаменует собой приобретение городами и поселениями автономии в внутреннего управления. В *консехо*, как правило, входили местные должностные

лица, назначавшиеся временно. В качестве таковых известны *сабасоке* (*zabazoque*, от арабского *ṣāḥib al-suq*) — официал, отвечавший за порядок на рынке, *сальмедина* (*zalmedina*, от арабского *ṣāḥib al-madina*) — следивший за порядком в городе, *алькальд* (*alcalde*, от арабского *al-qadi*), *судьи, присяжные и верные* (*iudices, jurados* и *fieles*).

Судебная система также претерпела некоторые изменения с появлением сеньориального режима на территориях раннесредневековых испанских монархий. Высшая судебная юрисдикция по-прежнему принадлежала королю, хотя бывали случаи передачи судебной юрисдикции во всей ее полноте и сеньорам. Юрисдикция более низкого порядка теперь относилась к власти светских и церковных сеньоров, консехо.

ПИРЕНЕЙСКИЕ КОРОЛЕВСТВА XII–XV вв.

В классическое Средневековье государственная власть на Пиренейском полуострове в отличие от ряда других государств сохраняла контроль над территориями королевств⁸⁹ и над должностными лицами. По-прежнему основной политической формой оставалась монархия, однако испытывавшая некоторые изменения, связанные, во-первых, с процессом феодализации общества, во-вторых, с появлением сословно-представительных учреждений и, в-третьих, с возросшим интересом к римскому праву, что не замедлило проявиться на государственном уровне. Не останавливаясь подробно на этих сюжетах, обратимся к системе управления испанскими королевствами, сосредоточившись на Кастилии и Арагонском королевстве.

Главой каждого королевства был монарх, наделенный всей полнотой власти, правда, теперь ограниченной волеизъявлением *кортесов*. Король занимался международными отношениями, объявлял войну и заключал мир, созывал войско и командовал им. Ему принадлежала высшая законодательная функция (в Арагоне — при совещательном голосе королевской курии или кортесов) и обязанность творить правосудие. Государь назначал должностных лиц, управлял

---

⁸⁹ В это время на территории Испании существовало несколько политических образований, границы которых часто менялись, они могли объединяться, а затем снова распадаться. Наиболее значительные: королевства Леон, Кастилия, Наварра, Арагон и Барселонское графство (принципат Каталония).

государственными ресурсами. Он активно участвовал в вопросах церковной организации: в выборе епископов, установлении границ, создании и соподчинении диоцезов, основании монастырей и т. д.

Конец XIV — XV в. были отмечены в Испании дискуссиями о природе и функциях королевской власти. Сторонники сильной королевской власти настаивали на ее божественном происхождении и абсолютной полноте. Их противники во главу угла ставили договор (*pacto*) между монархом и его подданными, который и являлся, по их мнению, основой для власти государя; особенно сильны такие настроения были в Каталонии.

На практике королевская власть на закате Средневековья ограничивалась законами, фуэро, привилегиями городов, юридическим статусом знати. Например, на первых же кортесах, созванных Фернандо I (1412–1416) в Барселоне в 1413 г., король был уведомлен о том, что основная задача *Генеральной депутации (Diputación del General)*, созданной при кортесах, — защищать закон от правителя.

В последние годы жизни Хуан I Кастильский (1379–1390) задумал провести масштабную реформу государственных органов управления, но успел заняться только институтами исполнительной власти, сделав их более эффективными. В рамках предполагавшейся реформы прошли кортесы в Вальядолиде в 1385 г. Здесь была сформулирована новая концепция королевской власти, трактовавшая ее природу и функции. Кастильский государь провозглашался равным императору, получавшим свою власть только от Бога, но осуществлявшим ее посредством закона, который ограничивал и его самого, и его подданных.

Значительные изменения произошли в XIV–XV вв. в управлении королевским двором. Прежде всего резко возросло число придворных должностей — и за счет их специализации, и за счет простого увеличения штата. Возникали должности, как бы уточнявшие функции других официалов. На протяжении всего периода короли Кастилии и Арагона старались, с одной стороны, сократить придворный штат, что не принесло желаемых плодов, а с другой стороны, ограничить сферу ответственности придворных официалов дворцовыми задачами. На публичных должностях все чаще появлялись *летрадо (letrados)* — юристы или теологи с университетским образованием. Тем не менее некоторое смешение и наложение друг на друга должностей государственных и придворных сохранялось. В то же время главные придворные должности — главного канцлера, главного майордома, главного камерария (*canciller mayor, mayordomo mayor,*

camarero mayor etc.) постепенно превращались в почетные, а не исполнительные, и их получали в основном в качестве пожалования представители высшей знати.

Королевская курия, обладавшая целым комплексом полномочий, в это время перерастает в несколько самостоятельных учреждений, о которых пойдет речь ниже и которые *de facto* функционировали и раньше, а теперь получили официальное оформление. Это, во-первых, *кортесы*, во-вторых, *аудиенсия (audiencia)* или *королевский трибунал*, и, в-третьих, *Королевский совет*.

С ростом централизации возникали должности, связанные с контролем за деятельностью местных властных структур и королевских должностных лиц на местах.

Центральная система управления. *Королевская курия (curia)*, в которой собирались магнаты и высшие церковные иерархи, по-прежнему оставалась основным совещательным органом при короле, рассматривавшим текущие дела. По делам особой значимости созывалась *расширенная курия*, или *общее собрание двора (curia plena или corte general)*.

Из малой курии выделилось особое подразделение — *канцелярия*, занимавшаяся составлением и приданием законной силы королевским документам, получением писем и хранением печати; кроме того, в канцелярию попадали те судебные дела, что относились собственно к курии, и те административные и политические вопросы, в решении которых принимали участие правоведы и Совет.

Во всех пиренейских королевствах канцелярия была первой из всех дворцовых служб, которая выделилась в особое ведомство. В Кастилии это произошло при Альфонсо VI (1065–1109), немного позже — в Наварре, а в Арагоне — уже в XIII в. Во главе нее стоял главный нотариус (титул *notarius maior* появляется с XII в.), который при Альфонсо VII (1126–1157) в Леоне и Кастилии стал называться *канцлером (cancellarius, canceller)*, ему был подчинен *нотариус*, занимавшийся документацией и раньше. Канцлер всегда был лицом духовным: например, канцлер Леона был архиепископом Сантьяго, а канцлер Кастилии — архиепископом Толедо. Впрочем, это верно, когда речь идет о дворцовом титуле, на практике каждодневной работой канцелярии ведал другой канцлер, который мог и не быть клириком. Например, в Арагонском королевстве эту должность обычно занимал доктор права. В распоряжении канцлера находились нотариусы, писцы (*scribae regis, scriptores curiae*) и официалы, отвечавшие за

печать. В Арагонском королевстве канцелярия пользовалась особым вниманием королей, была наилучшим образом организована и в наибольшей степени развита, ее канцлер имел большое влияние и возглавлял Королевский совет.

Советники (*consilarii, conselheiros, consejeros*) известны по источникам и XIII в., однако *Королевский совет* стал играть значительную роль только в первой половине XIV в. Этот институт не обладал конкретными функциями, но принимал участие в решении всех важнейших вопросов управления и работал как особая часть курии, фактически выделившаяся из ее состава.

В Кастилии он был учрежден официально, а его устав оформлен на кортесах в Вальядолиде в 1385 г. Именно тогда Хуан I постановил, что Совет (*Consejo*) должен состоять впредь из 12 человек, по четыре от каждого сословия, и что через него должны проходить все важные дела. Совет превратился в постоянное представительство от кортесов — *Депутацию кортесов* (*Diputación de las Cortes*), по арагонскому образцу. Два года спустя, достигнув мира в стране, король ввел еще два важных новшества: на смену представителям городов в Совет пришли университетские доктора и магистры, что было во многом связано с тем, что Совету придавался статус высшей судебной инстанции, рассматривавшей апелляции. В XV в. совет в Кастилии претерпел ряд последовательных изменений состава и количества участников, находясь в зависимости от политической и придворной ситуации. К моменту восшествия на престол католических королей Совет насчитывал 12 человек: двух аристократов, двух прелатов и восемь легистов.

Совет (*Conseyl*) в Арагоне начинает восприниматься отдельно от курии в правление Альфонсо III (1285–1291), а конституируется при Пере Церемонном (1336–1387), претерпевая самые серьезные изменения. В это время Королевский совет был включен в королевский двор, но касался публичных функций правителя, а его члены получали жалованье, называвшееся *quitaciones*, в отличие от *raciones* (так называлось жалованье, выплачивавшееся государственной казной), которое получали официалы королевского дома.

Из экстраординарных собраний полной курии родились *кортесы*, на которые приезжали представители от городов, церкви и знати. Первые сведения о присутствии представителей от городов на ассамблеях такого рода относятся ко второй половине XII в. (кортесы Леоны 1188 г.), а постоянно созываться кортесы стали в течение XIII в.: в начале столетия в Кастилии, в 20-х гг. в Каталонии, в середине века

в Арагоне и немного спустя в Валенсии. В начале XIV в. кортесы появились в Наварре. Они не ограничивали власть короля, но и не были просто совещательным органом. Их политический вес зависел от силы королевской власти и ее экономической заинтересованности в кортесах.

В Кастилии обычно практиковались совместные ассамблеи кастильских и леонских представителей, в Арагонском королевстве кортесы Арагона, Каталонии и Валенсии собирались отдельно. В отличие от кастильских эти сословно-представительные учреждения добились периодичности созыва: арагонские собирались раз в два года, а каталонские и валенсийские — каждые три года; все три сословия заседали здесь отдельно и независимо друг от друга. Для налаживания контакта были созданы должности *тратадоров* и *эмбахадоров* (*tratadores* и *embajadores* — переговорщиков, или заседателей, и посланников), которые должны были налаживать взаимосвязь между «сословиями» и с королем. Из каталонских кортесов выделилась Генеральная депутация кортесов, в которую входили представители сословий, ее функцией было следить за выполнением решений и за судьбой вотированных субсидий. Эта система была принята в остальных королевствах уже в XV в. Наваррские кортесы были сходны с арагонскими.

К концу XIV в. палата податного сословия в кастильских кортесах постепенно превратилась в замкнутое собрание представителей от 16 городов и местечек, которые обладали правом посылать своих делегатов на кортесы, король лишился права приглашать на кортесы кого и сколько хотел. В течение XV в. принимается целая серия установлений, ограничившая участие простых горожан в кортесах — представителями от городов теперь могли быть только кабальеро и идальго. С правления Энрике IV (1454–1474) король предлагал кандидатуры представителей, которых он желал бы видеть на кортесах. Постепенно значение двух первых палат кортесов сокращалось, и они превратились в институт, преимущественно выражавший интересы аноблированных олигархий крупнейших городов.

В Арагонском королевстве дело обстояло иначе. Альфонсо V (1416–1458) увеличил с 16 до 40 количество городов, выдвигавших своих представителей на каталонские кортесы. В то же время существовала очень большая разница в развитии и интересах аграрных и небольших городов, с одной стороны, и столиц, прежде всего Барселоны — с другой. Споры об аграрных вопросах не были редкостью

в кортесах. Депутация, которая до этого была просто постоянной комиссией, работавшей между двумя собраниями кортесов, теперь превратилась в самостоятельный институт с правом принимать решения. В 1413 г. было установлено, что Депутация Каталонии (*Diputació de Catalunya*) должна состоять из трех *депутатов* (*diputados*) и трех *судей-оидоров* (*oidores*), которые бы менялись путем кооптации каждые три года, и постоянно пребывать в Барселоне. Вскоре Депутация уже имела свои собственные средства. В 1419 г. по ее примеру была создана Депутация в Валенсии.

Должностные лица аппарата управления в пиренейских королевствах в XII–XIII вв. по-прежнему сочетали публичные и частные функции и группировались вокруг *Дворцовой службы* (*Palacio*) или, как теперь чаще говорили, вокруг *Двора* (*Corte*) и следовали за своим монархом и его двором во всех его перемещениях. В это время начинают употребляться названия должностей и должностных лиц не только на латыни, но и на романсе, старокаталанском или каком-либо другом средневековом наречии региона.

В целом, во всех пиренейских королевствах в XIII в. наблюдается умножение и усложнение должностей, но они схожи между собой. Главными должностными лицами были альферес, майордом и нотариий или канцлер, обладавшие публичной властью. *Альферес*, как и в раннее Средневековье, был военачальником и командовал в отсутствие государя королевским войском, он нес за королем его меч на официальных церемониях. До XII в. он был самым доверенным лицом короля, но к середине столетия потерял свои военные функции и значение, оставаясь только королевским знаменосцем.

Во главе дворцовой администрации стоял *майордом*. С XII в. он именуется главным майордомом (*mayordomo mayor*), т. к. в это время существовали также младший майордом и *майордом королевы* (*mayordomo menor* и *mayordomo de la reina*). В Каталонии этой должности соответствовал *сенешаль* (*senescal de Catalunya*), появившийся в XIII в., в ведении которого находилось, кроме всего прочего, руководство военными кампаниями. В Арагоне согласно ордонансам Пере IV от 1344 г. было четыре главных официала, три из них — майордомы: майордом Арагона, майордом Каталонии (наряду с сенешалем Каталонии), майордом Валенсии и Майорки. В Арагонском королевстве майордом также назывался *прокуратором* (*procurador*); с конца XIII в. его функции были ограничены дворцовыми делами.

Под началом главных майордомов находились другие майордомы и официалы, причем значительное число должностных лиц обслуживали потребности двора и дворца как таковых. Среди них можно назвать *чашника*, который в это время мог называться королевским чашником, или стольником, или виночерпием, иногда главным чашником (*copero del rey* или *maestresala*, он же *scancierius*, *pincerna*, *escanciano*, *copero mayor*). В Наварре чашник еще назывался *архитриклинием* (*architriclinus*), и под его началом состояли *талиатор*, *апотекарий* — официал, ведавший винным погребом, *виночерпный* (*talliator*, *apotecarius*, *pincernae*). К должностным лицам, подчинявшимся майордому, относился и *главный камареро* (*camarero*), который отвечал за все имевшее отношение к королевским покоем, к его платьям и украшениям, и даже мог заниматься королевским имуществом; ему были подчинены другие камареро: в Наварре — *паузатарий* (*pausatarius*), в Кастилии — *апоцентадор* (*aposedador*), в Арагоне — *посадер* (*posader*). Все они занимались размещением короля и двора при его передвижениях (надо учитывать, что все пиренейские дворы до позднего Средневековья оставались кочующими). В распоряжении майордома были *спальники* (*cubicularii*), смотревшие за королевскими покоем, одеждой и ложем. Их возглавлял главный спальник, который в Арагоне назывался по-каталански *камбрер майор*, с 1344 г. — *камарленк* (*camarlench*). Ему подчинялись постельничии, аптекари, врачи и писцы короля, а также *главный казначей* (*tesorero mayor*). Функции последнего в XIII–XIV вв. в Леоно-Кастильском королевстве передаются камареро или *репостеро* (*repositarius*, *repostero*) короля, а в Арагоне — официалу финансовой администрации — казначею фиска (*maestre racional*). Репостеро изначально был официалом, отвечавшим за хранение особо ценных предметов при дворе и занимавшимся вещами, находившимися в личном пользовании членов королевской фамилии; репостеро бывало, как правило, несколько при кастильском дворе, а в Арагоне с 1344 г. существовало два главных репостеро (*reposteros mayores*), остальные были под их началом. Оформилась и должность королевского ключника, или *эконома* (*dispensator regis* или *ieconomus*, позже *despensero mayor*), он ведал дворцовыми кладовыми, закупкой провизии и проч. и отвечал за снабжение двора всем необходимым, в Арагоне он занимался только кладовыми, а остальным — *закупщик* (*corprador*). Майордому подчинялся и *кошущий* (*strator*, *stabularius*, *maior equorum*, *caballerizo*), позже глав-

ный конюший (*caballerizo mayor*). При дворе существовала дворцовая и личная королевская охрана: *militia regis* — в Кастилии, *familia regis* — в Арагоне, охраняла короля и во дворце, и в бою.

Главный капеллан, придворные клирики, личная охрана короля, конюшие (*caballerizos*), привратники (*porteros*), сокольничии (*halconeros*), егеря (*monteros*) — официалы, появившиеся на основе должности сайона. В XV в. в Кастилии *главный егерь (montero mayor)* был одной из высших должностей при дворе, под началом которого служили другие егеря.

В то же время период XIII–XIV вв. отмечен стремлением власти ограничить функции дворцовых должностей. Особенно отчетливо это проявилось в создании законов, регламентировавших их деятельность. В Леоне и Кастилии эти законы появились в составе Семи Партид короля Альфонсо X (1252–1282). Согласно их установлениям среди дворцовых официалов выделялись три основные группы:

- *канцелярия*, должностные лица которой имели отношение ко всей документации короля и королевства, в том числе и секретной, и к хранению печати; к ней относились королевский духовник, он же капеллан дворца, канцлер, советники короля и королевские нотариусы и писцы; существовавшие до Альфонсо X должности канцлеров Леона и Кастилии становятся с этого времени лишь почетными, а в качестве исполнительных должностей действуют главный королевский канцлер (*canciller mayor del rey*), *главный канцлер королевы (canciller mayor de la reina)*, *главный канцлер тайной печати (canciller mayor del sello de la poridat)*. Внутри канцелярии существовали должности *главного нотариуса Кастилии*, *главного нотариуса королевства Леон*, *главного нотариуса королевства Толедо*, *главного нотариуса Андалусии (notario mayor de Castilla, notario mayor del reino de Leon, notario mayor del reino de Toledo, notario mayor de Andalucía)*, ведавшие делами соответствующих регионов, и большое число низших чинов. Весьма важным изменением в структуре двора в XIV–XV вв. стало приобретение королевской канцелярией характера и значения центрального органа управления, аккумулировавшего всю деятельность по письменному оформлению королевских решений;
- *должностные лица, ведавшие личной охраной короля и дворцовым хозяйством*: майордом, ключник, репостеро, апосентадор, судьи двора, гвардейцы и др.;

— *должностные лица, участвовавшие в управлении государством: аделантадо, мерино майор.*

В королевстве Арагон отдельные законы, регламентировавшие должности, появлялись при Пере III (1276–1285), Альфонсо III (1285–1291), Жауме II (1291–1327), а в 1344 г. Пере IV Церемонный издал «Установления о дворе» (*Ordinacions de Cort*), которые подробнейшим образом описывали структуру управления арагонского двора. Во главе его стояли майордом и камареро, функции которых касались в основном дворца и дворцового хозяйства как таковых. Согласно «Установлениям», еще одной ключевой фигурой в управлении был канцлер, должность которого обычно занимал епископ или архиепископ, доктор права, хотя иногда она доставалась и светскому лицу. Канцлер возглавлял королевскую канцелярию, мог председательствовать на заседаниях Королевского совета и принимал участие в отправлении правосудия. По структуре арагонская канцелярия была близка к папской: в нее входили вице-канцлер, протонотарий, ведавший королевскими печатями; регент, следивший за повседневной деятельностью канцелярии; 12 писцов, составлявших документы (*escribanos de mandamiento*), их помощники (*escribanos de registro*), официалы, ставившие печати (*selladores*), гонцы (*mensajeros de maza*). В каждой из частей Арагона был свой вице-канцлер. В конце XIV — начале XV в. полномочия канцелярии были определены весьма четко. В первую очередь канцелярия занималась оформлением в виде документов решений короля и Совета. Кроме того, она превратилась в институт с широкими фискальными и юридическими функциями. Арагонская канцелярия работала лучше, чем кастильская.

Во главе королевской администрации находился и *магистр фиска* (*maestre racional*), который в отличие от майордома занимал должность публичного характера; она возникла еще при Альфонсо III, и отправлявшее ее должностное лицо ведало королевскими финансами и патримонием. В подчинении магистра фиска находились: казначей (*tesorero*), который вел счета, управлял королевскими рентами, получал и хранил собранные суммы; писец (*escribano de ración*), выплачивавший жалованье (*raciones*) официалам, составлявший расписки о выдаче жалованья и занимавшийся ведением счетовых книг. Среди помощников этих высокопоставленных официалов были разные должностные лица, в том числе сборщики налогов, именовавшиеся по-разному: *receptores, recaudadores, cogedores*, и те, чье

обозначение производилось от названия подати, которую они собирали, — *portazgueros*, *alcabaleros* и т. д.

В XIV в. в Кастилии фискальным институтом была *Камара* (*Cámara*), которая собирала налоги и контролировала расходы. *Camarero* и *tesorero* назначались королем и напрямую отчитывались перед ним, но подчинялись, что любопытно, главному майордому. Ему также подчинялись майордомы и мерино, отвечавшие за отдельные королевские владения. Хранение фондов было поручено *альмохарифу* (*almojarife*), который во времена Альфонсо X в Кастилии именовался *казначеем* (*tesorero*). С правления Хуана I появились специальные должностные лица, которые занимались приходными и расходными счетами: главные и младшие счетоводы — *контаторы* (*contadores mayores*, *contadores menores*); их должность стала регулярной позже. При Энрике III (1390–1406) главные счетоводы приняли на себя многие функции главного майордома, подчинив себе и казначея (*tesorero*), ставшего лишь хранителем поступавших денег. В 1437 г. была учреждена Главная расчетная часть (*Contaduría Mayor*). Здесь было два *главных счетовода* (*contadores mayores*), у каждого был заместитель, подчиненные и писец. К их юрисдикции относились и судебные дела, связанные со сбором и уплатой налогов.

Еще одним значительным изменением в структуре двора этого периода стало появление должности *коннетабля* (*condestable*, *condestavel*). Как уже говорилось, функции прежнего графа (*comes stabuli*) перешли к *главному конюшему* (*caballerizo mayor*) и были заменены чисто военными. Скорее всего, это произошло под французским влиянием ввиду тесных контактов в XIII–XIV вв. и арагонского, и наваррского, и кастильского дворов с Францией: так, Хуан I Кастильский в 1382 г. ввел должность коннетабля по французскому образцу как высшую в королевской армии. Коннетабль (а в Наварре он назывался *маршалом* (*mariscal*)) к концу XIV в. в пиренейских странах стягивает на себя все военные функции, вытесняя из этой сферы других высших должностных лиц — прежде всего альфереса, майордома, сенешаля и др. При нем были учреждены должности двух маршалов (*mariscales*, *marescales*) — помощников в военных делах. Сам же коннетабль отвечал за состояние войска, мог командовать им в отсутствие короля, обладал судебными полномочиями по отношению к воинам, следил за состоянием крепостей и замков, являясь, таким образом, одним из самых высокопоставленных людей

в государстве. Лишь с рубежа XV–XVI вв. должность становится главным образом почетной.

В середине XIII в. была учреждена и имела большое значение на протяжении всего следующего столетия должность *морского адмирала* (*almirante de la mar*, термин, восходящий к арабскому *'al-amīr*, правда, в таком контексте попавший сюда не с юга полуострова, а из Сицилии). В Арагоне ее ввел Жауме I Завоеватель (1213–1276); адмиралу со временем стали помогать вице-адмиралы, которых обычно было три. В Кастилии флотом командовал главный морской адмирал, или морской аделантадо (*almirante mayor de la mar*, или *adelantado de la mar*), в обязанности которого входил, кроме того, надзор за морской торговлей, контрабандой и т. д.

В Наварре все административные обязанности принадлежали майордому, которому помогали *мерино*, называвшиеся также *пребостами* (*prebostes*). Казначейство в этом королевстве называлось *Палатой счетов* (*Cámara de Comptos*) и оформилось в отдельную службу при Карле II Злом (1349–1387).

Судебная система. В основном она остается неизменной, сохраняя высшую юрисдикцию за королем и королевской курией (*curia regia*), где происходят судебные заседания. Сюда же поступают апелляции. На протяжении классического Средневековья лица, обладавшие разными должностями при дворе, в то же время отправляли правосудие и носили в этом случае имя судей курии (*judices curiae*). С XIII в. в Кастилии были учреждены постоянные судьи при дворе — *королевские алькальды* (*alcaldes del rey*), в то время как *главный хустисья двора* (*justicia mayor de la corte*) и *главный королевский альгвасил* (*alguacil mayor del rey*) занимались требовавшими судебного вмешательства делами внутри дворца. В это же время появляются должности главного алькальда и главного хустисья (*alcalde mayor* и *justicia mayor*), занимавшие их официалы назначались королем и трудились в королевской курии, разбирая петиции и дела, попадавшие в высшую судебную инстанцию королевства. В Арагоне уже в начале XII в. при дворе существовал *придворный судья* (*judex palatii*). В 1344 г. Пере Церемонный учредил должности двух альгвасилов, обладавших юрисдикцией над официалами и слугами дворца.

Правосудие также находилось в руках сеньоров, светских и церковных. Однако в XII в. как в королевской курии, так и в консехо появились судьи, в обязанности которых входило выносить решения соответственно праву. Это были алькальды (*alcaldes*) в Кастилии,

сальмедины в Арагоне (*zalmedinas*) и *вегеры* (*vegueres*) в Каталонии. Поначалу они назначались королем или автономными консехо для разбора какого-нибудь одного дела, затем — на определенный срок.

С XIII в. при всех дворах появилась должность *собрежуис* (*sobrejuices*); это были судьи, которые разбирали дела по всему королевству на местах по мандату короля. С XIII в. короли Леона и Кастилии посылали в города т. н. алькальдов на жалованье (*alcaldes de salario*), а также *веедоров* и *пескисидоров* (*veedores* и *pesquisidores* — досл. наблюдателей и расследователей); в XIV–XV вв. те же функции отправляли *алькальды фуэро* и *коррехидоры* (*alcaldes de fuero* и *correjidores*). В это время особые судебные полномочия в отдельных областях королевства получали от короля такие должностные лица, как *главные мерино* и *главные аделантадо* (*merinos mayores* и *adelantados mayores*).

Во второй половине XIV в. начали постепенно оформляться самостоятельные судебные органы, которым теперь принадлежало по большей части право разбирать апелляции, ранее относившиеся к королевской юрисдикции. Органами складывавшейся центральной судебной системы были: Аудиенсия, потом канцелярия (*Audiencia, Chancillería*) в Кастилии, Аудиенсия (*Audiencia*) в Арагоне и Двор или курия (*Cort*), в Наварре. На кортесах 1387 г. в Кастилии было объявлено об учреждении канцелярии (*Chancillería*), или Аудиенсии (*Audiencia*), высшей судебной инстанции по гражданским делам, которая заседала по триместрам в городах Медина дель Кампо, Ольмедо, Мадрид и Алькала де Энарес. На кортесах в Сеговии 1390 г. Хуан I постановил, что Аудиенсия должна состоять из 16 судей-оидоров (*oidores*, из них шесть прелатов и десять докторов права), 11 алькальдов (*alcaldes*, двое из которых занимались тяжбами за идальгию и восемь ведали ординарными делами) и четырех нотарииев (*notarios*). На протяжении XV в. состав этого органа менялся. В 1390 г. король ввел даже часы работы оидоров. В 1425 г. кортесы в Паленсуэле утвердили шесть должностей оидоров и шесть — алькальдов, в таком виде они и просуществовали до реформ Католических королей. Основным местом пребывания Аудиенсии стал Вальядолид (в том числе благодаря связи со здешним университетом), хотя сначала предполагалось разместить ее в Сеговии. Было также установлено общее право апелляции по поводу решений, вынесенных сеньориальными и городскими судами.

В Арагонском королевстве существовала должность главного хустисьи (*justicia mayor*), который был высшим гарантом арагонских

свобод. Он трактовал законы и обычаи королевства, мог сам отзывать дело, если обнаруживалось, что судья нарушил фуэро, вести судебное разбирательство, в котором заседали инфансоны и король. Хустисья был подсуден только королю с кортесами и назначался королем пожизненно; если он заболел или отсутствовал, могли быть назначены два заместителя. На кортесах в Монсоне 1390 г. были введены четыре *следователя (inquisidores)*, по одному от каждого сословия, которым вменялось в обязанность защищать деятельность хустисьи. В 1467 г. кортесы добились права для Генеральной депутации составлять список претендентов на должность заместителей главного хустисьи.

Местная система управления. В XIII–XIV вв. в Кастилии на уровне местного управления самыми заметными фигурами оставались *мерино*, наделенные очень широкими полномочиями: они осуществляли власть в экономической, финансовой, административной и судебной сфере. Они по-прежнему подчинялись главному мерино (*merino mayor*), только теперь главных мерино было два — леонский и галисийский (*merino mayor de León* и *merino mayor de Galicia*).

С середины XIII в., когда в ходе Реконкисты под власть христиан отошли обширные новые земли, ранее принадлежавшие мусульманам, начинает появляться титул *аделантадо (adelantado)* — так называли официала, которому поручалось управление пограничными землями, включая, разумеется, военное руководство. Со временем под их начало стали попадать не только соседствовавшие с мусульманами территории. Назначение аделантадо означало подчинение его юрисдикции всех мерино вверенного ему региона — аделантамьенто (*adelantamiento*). Однако на практике одни земли управлялись мерино, другие — аделантадо, только в Мурсии и в пограничных районах обязательно был аделантадо.

Особый режим территориального управления сложился в Бискайе, Гипускоа и Алаве. Он был представлен *эрмандадами (hermandades)* с центральным политическим органом Генеральные хунты Эрмандады (*Juntas Generales de Hermandad*), которые соответствовали кортесам. Здесь принимались решения о мерах по поддержанию порядка и управлению, по защите традиционного права. На заседания хунт регулярно собирались выборные депутаты.

В Арагонском королевстве, в XIII–XIV вв. представлявшем собой конгломерат или даже, как принято писать в арагонистике, конфедерацию нескольких политических образований, обладавших доста-

точно высокой степенью самостоятельности в вопросах внутреннего управления, были учреждены королевские должности *управителей* (*procuradores*), деятельность которых с начала XIV в. координировал *главный губернатор* (*gobernador general*). В дальнейшем прокураторы тоже именовались губернаторами, что, впрочем, никак не отразилось на их функциях.

Территория Арагона делилась на *муниципии* (*municipios*), или *универсидады* (*universidades*), которые с середины XIII в. стали объединяться в союзы для поддержания порядка. Король стал покровительствовать им и ставить во главе такого союза (хунты) должностное лицо — *собрехунтеро* (*sobrejuntero*, буквально — тот, кто стоит над хунтой).

В Каталонии существовали округа, или вегерии (*veguerías*), во главе каждого из которых стоял *вегер* (*veguer* — наместник), назначавшийся теперь королевской властью. Он отправлял судебные, административные и военные функции и был подотчетен губернатору Каталонии. Такие же полномочия были и у *байлов* (*batlle, batl* — управитель), назначавшихся в муниципии.

Валенсия делилась на округа, управлявшиеся *хустисьеёй* (*justicia*); отправление правосудия было основной его функцией, но он также занимался административными вопросами, налогами и защитой округа. С начала XIV в. в Валенсии начали складываться такие же вегерии, как и в Каталонии (к середине века их было четыре), только здесь они получили название губернаторств (*gobernaciones*) и подчинялись прокуратору или губернатору королевства Валенсия.

Важнейшей составляющей местного управления на Пиренейском п-ве с XIII в. стали консехо в Кастилии и универсидадес в Арагоне (появились уже в X в.). Конечно, следует учитывать, что испанские города, в которых и возникли консехо, были очень разными по размеру, статусу, степени самостоятельности в решении внутренних дел. Самыми независимыми были города, находившиеся непосредственно под властью христианских монархов: они не попадали в сеньориальную зависимость и получали широкие привилегии. Должностные лица, входившие в состав консехо, могли быть разными по своим полномочиям, числу и т. д.

Высшим проявлением власти сообщества было общее собрание всех полноправных горожан (*vecinos*). Такие собрания легко устраивались в маленьких городах и местечках. В больших городах с округой было несколько советов, выдвигавших для общего управления своих представителей. Так зарождалась система консехо, в целом подчиненная

королевской администрации, но независимая в решении внутренних вопросов. Представителями короля в городах могли быть официалы с самыми разными названиями: *domini, dominantes, merinos, potestades* и т. д. В муниципалитете короля представлял алькальд или другой уполномоченный, а связь между властью и городом осуществлялась при помощи специальных гонцов — королевских и городских.

Во главе кастильского консехо, или муниципалитета, стоял *судья (juez)*, ему помогали *алькальды*, выбиравшиеся консехо: двое как минимум, а обычно их бывало больше. Функции надзора были возложены на *присяжных (jurados)*, которые составляли капитул (*cabildo*). Судью и алькальдов назначали на год без права быть выбранными вновь. Кроме того, в состав консехо могли входить: главный альгвазил (*alguacil mayor*), хранивший знамя города; альферес, или алькайд (*alférez, alcaid*), командующий муниципальным ополчением; верные (*fieles*), заботившиеся о поддержании порядка на рынке и скреплявшие печатью акты городского совета; *аламины (alamines)*, в обязанности которых входило следить за качеством товаров; *аларифы (alarifes)* — инспекторы общественных и частных работ; *веладоры (veladores)* — ночные сторожа и др. С ростом самостоятельности консехо и усложнением системы управления росло и число официалов, заботившихся о порядке на рынке, об имуществе и землях консехо, занимавшихся нотариальной деятельностью, сбором налогов, глашатаев и проч. Консехо также располагали своей собственной милицией под командованием *капитана консехо (capitán del consejo)*.

В арагонских универсидадах, или муниципиях, избирались *хунты присяжных (jurados)*, которые, заботясь об интересах города или местечка, издавали распоряжения и карали за их нарушения. Их собрания назывались *капитоль (capitol)*, а *собрание советников (consellers)*, которые были помощниками и консультантами присяжных, называлось *консельо (consello)*. Важные решения считались легитимными, если принимались совместно капитолем и консельо. Алькальд рассматривал гражданские тяжбы и выбирался народом. Судьи занимались уголовными и полицейскими делами и, как правило, назначались королем.

В Каталонии в муниципиях имелись хунты, в состав которых входили богатые и влиятельные граждане (*probi homines, pahers*), и совет, ими назначаемый. Заседавшие в совете назывались *советниками (concellers)* или пациариями, консулами, присяжными и т. д. Представителями королевской власти в городах были *вегеры (vegüers)* и их

помощники *батлы* (*batls*). Жауме I реорганизовал муниципальную систему, особое внимание уделив Барселоне. С 1274 г. в Барселоне постоянно находились один вегер и один батл, пять советников, выбиравшихся собранием *лучших людей*. Советники, в свою очередь, назначали *Совет ста* (*Concell de Cent*), куда входили горожане всех состояний. И советники, и Совет переизбирались ежегодно. Барселонский муниципий имел право чеканить монету и назначать должностных лиц — *консулов*, которые представляли город и защищали интересы его торговли в других государствах. Совет ста обладал торговой юрисдикцией, которая делегировалась двум *морским консулам*.

Выборные магистраты — *советники, рехидоры* (*consejeros, consellers, regidores*) — появились в конце XIII в. и стали заседать повсеместно в муниципалитетах (*consejo, consell, regimiento*) с середины XIV в. Этот порядок поддерживался королевской властью, поскольку позволял лучше контролировать местную администрацию и постепенно ограничить ее самостоятельность. В конце XIII в. города сами нередко обращались к королю за помощью, а иногда корона выступала с собственной инициативой, назначая в консехо официалов, которые назывались *пескисидорами, эмендадорами*, а чаще всего *коррехидорами* (*pesquisidores* — расследователи, *emendadores, corregidores*), которые должны были работать совместно с рехидорами.

Муниципалитеты с эпохи классического Средневековья могли действовать совершенно независимо от королевской власти, особенно проявляя самостоятельность во времена политической нестабильности и смут. В духе свойственного пиренейским консехо сепаратизма, который подпитывался Реконкистой, города вели войны без королевского соизволения, вторгаясь на мусульманскую территорию или на земли соседнего города или сеньора. В то же время города нередко объединялись в союзы или братства (*hermandades*), стремясь оградить себя от бесчинства сеньоров и поддерживая порядок на подвластной им территории. Для руководства эрмандадами издавались особые распоряжения и назначались алькальды. В Кастилии королевская власть некоторые из таких союзов признавала и опиралась на них, другие запрещала. В Арагоне существовало два вида городских союзов: *комунidades* (*comunidades* — сообщества), которые могли объединять только города, имевшие одинаковое фуэро, и получавшие на то разрешение короля; и эрмандады вольных городов, аналогичные кастильским.

В XV в. эрмандады обладали широкими полицейскими функциями: каждый город и местечко в соответствии со своим разме-

ром выставляли для поддержания порядка на дорогах и в округе всадников и пеших воинов и должны были преследовать правонарушителей на своей территории. Особенное значение эрманданды приобрели после 1476 г., но и до этого достаточно эффективно функционировали, в том числе и по просьбам кортесов, нередко являясь союзниками королевской власти.

Система управления иноконфессиональных общин. На протяжении практически всей истории пиренейских королевств в их состав входили мусульманские и иудейские общины, обладавшие по королевскому законодательству своей собственной системой управления и своими должностными лицами.

Функции должностных лиц мусульманской общины варьировали в зависимости от ее положения в королевстве, размера, позиций в городе. Чаще всего главной фигурой в администрации мусульманской альхамы был *алькади*, кроме того, существовала должность главного алькади королевства. Все алькади назначались королем, обычно пожизненно, но с правом смещения. Алькади мог быть и судьей, и главой местной общинной администрации. В крупных городах он занимался судебными гражданскими делами, а уголовные дела мог разбирать в присутствии байла и аламина, последний, кстати, в некоторых случаях также мог возглавлять мусульманскую администрацию. Аламин отвечал за соблюдение королевских прав и привилегий мусульман в альхаме. Его полномочия бывали очень широкими. Кроме упомянутых должностей были: *аделантадо*, *сабалакен*, *тисеи*, *альфаки* и др. Состав общинной администрации и полномочия официалов зависели от конкретного места и его истории. Кроме того, в мусульманских альхамах, существовавших под властью христиан, присутствовали и наделенные особыми полномочиями королевские должностные лица *байл*, *сальмедина*, *алмотасен*.

Арагонская корона. Следует отметить особый характер политического устройства Арагонского королевства, которое уже с XIII в. принято называть Арагонской короной. Она объединяла Арагон и Каталонию (XII в.), а затем присоединила королевство Валенсию (1238) и Майорку (1229 и 1235), Сицилийское королевство (1282), Корсику и Сардинию (1323, 1296), Неаполитанское королевство (сер. XV в.), Афинское герцогство и Неапатрию (1380 г.; были потеряны с появлением турок). Все эти земли обладали разным статусом внутри Арагонской короны. Например, Каталония и Валенсия собирали свои кортесы, имели свои органы местного управления и обла-

дали довольно широкой автономией в решении внутренних вопросов. С XIV в. каждые три года созывался парламент и на Корсике, в котором представляли депутаты от духовного, военного сословий и от королевских городов. С 1421 г. сословия получили право собираться по собственной инициативе. Наместником короля здесь был *главный капитан (capitán general)*, с 1415 г. получивший титул *вице-короля*, которому подчинялись два *главных губернатора*, в чьем ведении находилось также и правосудие высшего порядка, в то время как ординарное судопроизводство отправлялось *викриями (veguers)*. С 1478 г. тут было официально установлено вице-королевство. Королевство Майорка, хотя и было самостоятельным и управлялось монархами, которые признавали себя вассалами Арагонской короны, не созывало кортесы, а присоединялось к Каталонским. Итальянские владения, чаще всего признававшие в той или иной форме зависимость от Арагонской короны, обладали особым статусом, и, как правило, местная элита активно участвовала в управлении. Всем королевствам и землям этого обширного политического объединения, просуществовавшего не одно столетие, предоставлялась автономия в делах внутреннего управления, гарантировалось уважение их обычаев и отправление правосудия на основе фуэро и местного права. Только в конце XV в. такая политика была пересмотрена и подверглась серьезным изменениям в правление Католических королей.

Система государственного управления в Испании в раннее Новое время (конец XV – XVII вв.)

В истории развития испанских государственных институтов отрезок времени с конца XV по конец XVII в., хотя и достаточно отчетливо делится на три периода (правление Фернандо и Изабеллы, т. е. конец XV – начало XVI в.; правление Карла V и Филиппа II, охватывающее почти весь XVI в.; XVII в.), обладает и определенным единством, в основе которого лежит, с одной стороны, тенденция к укреплению королевской власти и ее аппарата управления в объединенной, но далеко еще не централизованной стране, с другой стороны, включенность Испании в состав гораздо более обширного государственного образования – Испанской монархии.

Испанская монархия в конце XV – XVII в. Время правления Католических королей – Фернандо Арагонского и Изабеллы Кастильской (1474–1516), ознаменовавшееся важными изменениями внутри страны и во внешней политике, повлияло и на историю институтов. Брак принцессы Изабеллы и принца Фернандо (Фердинанда) привел к династической унии Кастилии и Арагона (1479) и в конечном счете к объединению Испании. Фернандо и Изабелла провели реформы, укрепившие королевскую власть. Их политика заложила основы военно-политического преобладания Испании в Европе XVI в. и испанской колониальной империи. Завоевав в 1482–1492 гг. Гранадский эмират, они завершили Реконкисту; с присоединением Наварры формирование территории Испании было в основном завершено. В 1481 г. в стране была введена инквизиция, являвшаяся в XVI–XVII вв. орудием не только религиозного, но и политического контроля. В то же время открытие Америки обозначило начало колониальной экспансии, не только повлиявшей на государственные

институты Испании, но и сопровождавшейся распространением испанских административных форм в Новом Свете.

Следствием брака дочери Католических королей Хуаны и Филиппа Габсбурга (в Испании — Филипп I) стал династический союз Испании и державы Габсбургов, что вскоре привело к созданию державы Карла V (король Испании в 1516–1556 гг.; с 1519 г. также император Священной Римской империи). Вместе с Карлом V в Испанию пришли политические традиции Бургундии, в том числе ее церемониал, а объединение под властью императора никогда прежде не находившихся под одной властью территорий и активная внешняя политика сильно повлияли на эволюцию государственных институтов. Противоречие между присущими Габсбургам авторитарными тенденциями и политическими традициями средневековой Испании привело на фоне обострения социальных противоречий к мощным социально-политическим конфликтам — восстанию комунерос в Кастилии и восстанию Жерманий (Херманий) в Валенсии и на Балеарских островах; их поражение имело значение и для развития государственных институтов.

Исключительное стечение обстоятельств свело под скипетр Карла V огромные территории в Западной и Центральной Европе (Испания, Южная Италия, Милан, Австрия, Нидерланды, Франш-Конте и Шароле), а также в Азии, Африке и Америке, которые никогда прежде не объединялись под властью одного правителя. Возникшее государственное образование, состав которого впоследствии менялся, принято называть Испанской монархией — понятие гораздо более широкое, чем Испания, но вне которого история Испании не может быть адекватно понята. Управление Испанской монархией и защита интересов ее составных частей ставили перед монархом сложнейшие проблемы, требовавшие модернизации аппарата управления. Имевшихся у короны инструментов власти было недостаточно для этих целей, и испанские Габсбурги всегда страдали от недостатка надежных и компетентных кадров. В отсутствие монарха его власть всюду оказывалась ненадежной, что заставляло Католических королей и Карла V постоянно странствовать по своим владениям, нигде надолго не задерживаясь.

Успешность внутренней и внешней политики Испании зависела от способности мобилизовать ресурсы политически связанных с нею стран: Италии, Нидерландов, Германии, позже Португалии. На службе у Испанской монархии всегда играли важную роль итальянские

финансисты и инженеры, немецкие солдаты, португальские моряки; испанцы же составляли костяк офицерского корпуса и аппарата управления.

Отдельные части монархии попали под власть испанских королей в разное время, разными способами (по праву наследования либо в результате завоевания) и на разных условиях; возникла совокупность совершенно различных государств, объединенных только личностью правителя. Каждая страна в составе Испанской монархии сохраняла собственные законы, привилегии, системы управления, что препятствовало использованию их ресурсов в интересах империи в целом. Единством не обладало даже ядро монархии — сама Испания. Обе ее части, Кастилия и Арагон, сохраняли свои политические институты, сословно-представительные органы, систему налогообложения, привилегии, законы и даже язык. В свою очередь, каждая территория, входившая в состав Кастилии или Арагона, имела свой статус (королевство Галисия, сеньория Бискайя и т. д.), свои вольности и обычаи, которые монарх должен был соблюдать. Большинство подданных испанских монархов были убеждены, что налоговые поступления из их провинции не должны покидать ее пределов и тратиться на нужды всей державы. В Кастилии власть короля была более прочной, но и там ее ограничивали привилегии отдельных областей, городов, институтов и социальных групп.

Дополнительные трудности создавало то, что держава Карла V, а затем и Филиппа II (1556–1598) располагалась во всех четырех известных тогда частях света, что в условиях огромных расстояний, растянутых и уязвимых коммуникаций, несовершенства средств передвижения требовало все более развитого аппарата. На то, чтобы самая срочная депеша из Мадрида достигла столицы испанских владений в Нидерландах — Брюсселя, требовалось не менее двух недель, а в Мехико вести прибывали спустя три месяца.

В 1555–1556 гг. Карл отрекся от престола и передал свои владения наследникам. Его сын Филипп II получил Испанию с ее итальянскими и заокеанскими владениями, Нидерланды, Франш-Конте и Шароле, а младший брат Фердинанд унаследовал Австрию и стал императором Фердинандом I. В 1580–1581 гг. в состав Испанской монархии вошла Португалия с ее колониями. В то же время семь северных провинций Нидерландов свергли Филиппа II и образовали самостоятельное государство, хотя официально Испания согласилась с этим только по Вестфальскому миру 1648 г.

Филипп II заметно упрочил королевскую власть в Испании и в колониях; до него ни один испанский монарх не контролировал так жестко дела управления. Ранее Испания не имела постоянной столицы, а с 1561 г. двор переместился в Мадрид (окончательно Мадрид стал столицей с 1606 г.). Выбор столицы в центре Пиренейского полуострова способствовал централизации страны. Страдая от недостатка информации даже об Испании и ее населении, не говоря уже о заокеанских землях, король приказал организовать — с беспрецедентным для того времени размахом — составление подробных карт отдельных частей его державы и их детальны́х описаний.

Почти весь XVII в. прошел в Испании в условиях непрерывных войн и связанного с этим финансового дефицита. Правительство все время пыталось изыскать новые источники доходов, прибегая к новым налогам, продаже должностей (способствовавшей численному росту аппарата управления), рент и юрисдикций, порче монеты. Несмотря на это, власти все хуже справлялись с финансовыми трудностями. Окраинам монархии, не получавшим помощи из центра, приходилось самим о себе заботиться. В них нарастали настроения сепаратизма, что едва не привело к распаду монархии. Показательно, что в начале XVII в. власти отказались от прямого управления военным сектором (комплектование и снабжение армии и флота), перешедшего в частные руки. Эффективность системы частично зависела от деловых качеств королевских фаворитов, но задач, стоявших перед страной, ни один из них решить не смог.

Фаворит Филиппа IV (1621–1665) граф-герцог Оливарес выдвинул в 20-х гг. XVII в. программу восстановления могущества Испании. Он пытался исправить недостатки монархии с помощью реформ и преодолеть партикуляризм провинций, унифицировав законодательство, управление и налогообложение окраин по образцу Кастилии. В условиях тягот военного времени его политика вызвала ожесточенное сопротивление, вылившееся в отложение Португалии от Испанской монархии (1640), а восстание в Каталонии (1640–1652) удалось подавить лишь в результате долгой войны. Опала Оливареса (1643), принципиально не изменив характера внутренней и внешней политики испанских властей, надолго отодвинула попытки дальнейшей централизации и модернизации управления.

Источники. Сложная и громоздкая система управления Испанской монархией не могла не вызвать к жизни чрезвычайно обильную документацию, значительная часть которой, несмотря на все испытания,

сохранилась в испанских архивах. Почти вся документация «национального уровня» и значительная часть «регионального» и «локального» уровней хранится в нескольких архивах: Генеральном архиве Симанкаса, Национальном историческом архиве в Мадриде, архивах королевских канцелярий в Вальядолиде и Гранаде, Архиве Индий в Севилье. В последние годы часть этой документации стала доступна благодаря интернету. Документация об организации управления на локальном уровне хранится в местных архивах, нередко очень богатых.

Опубликована лишь незначительная по объему, но качественно весьма важная часть этой документации: акты кортесов, переписка монархов и их секретарей по делам управления и многое другое. Важнейшую информацию об организации местного управления содержит публикация материалов переписки, проведенной по приказу Филиппа II в ряде провинций Испании и Испанской Америки. Большим подспорьем для изучения институтов и должностей могут служить трактаты о делах управления и о должностях, во множестве публиковавшиеся в XVI–XVII вв.; среди них выделяется трактат «Политика для коррехидоров и сеньоров вассалов» (1597), который написал чиновник с огромным административным опытом Х. Кастильо де Бобадила.

Королевская власть и личное участие монархов в управлении. Комплекс представлений о сильной королевской власти уже в XIV–XV вв. был достаточно известен, но не воплощался в жизнь. С конца XIV в. короли упоминают свою «абсолютную королевскую власть»; Изабелла Кастильская в своем завещании (1504) подчеркивает, что ее власть выше, чем даже законы королевства. Однако сама королева, как и король Фернандо, предпочитала не ломать традиционные ограничения королевской власти, а лишь постепенно ослаблять их и добиваться своих целей, не акцентируя их новизны. Монархи обрели полный контроль над изданием законов, хотя и соблюдали обычай утверждать их на сессиях кортесов; в Кастилии их преемники уже вводили новые законы посредством декретов, однако страны Арагонской короны настаивали, что, хотя законы диктует король, но лишь на сессиях кортесов и с их одобрения. Карл V, вступив на трон, принес с собой в Испанию характерные для Габсбургов представления о правах и обязанностях государя и подданных, которые сразу же вступили в противоречие с традиционными испанскими вольностями. После подавления восстаний комунерос и

Жерманий прежняя система равновесия и взаимности обязательств монарха и сословий («пактизм») сразу изменилась, реальные возможности монархов диктовать свою волю сословиям и традиционным институтам заметно возросли. При сильных первых Габсбургах органы управления носили подчеркнуто консультативный характер и лишь иногда пользовались относительной автономией. Короли не только на словах, но и на деле демонстрировали уважение к вольностям и привилегиям подданных, они всегда признавали точные границы своей власти, особенно в отношении имущественных прав подданных, однако последнее слово всегда оставалось за монархом (который, впрочем, очень зависел от своих источников информации и обычно полагался на мнение советников). В то же время его власть на местах ограничивалась слабостью аппарата местного управления, который нередко не мог преодолеть сопротивление местных элит.

Организация управления на вершине власти очень зависела от личности монарха. «Модели» участия короля в делах управления при Карле V и Филиппе II заметно отличались друг от друга, но еще больше — от Габсбургов XVII в., при которых особую роль приобрели королевские фавориты (*validos*), получавшие в свои руки от монархов важнейшие рычаги внутренней и внешней политики. Наиболее влиятельные из них обладали властью первого министра, но она основывалась исключительно на доверии короля и была весьма непрочной. Ее появление было вызвано растущей сложностью дел управления, и в то же время разграничение высшего титула и ежедневного осуществления власти освобождало короля от возможной критики за ошибки в делах управления. Наиболее влиятельными фаворитами были герцог Лерма при Филиппе III (1598–1621) и граф-герцог Оливарес при Филиппе IV; позже фавориты не пользовались такой властью. Как правило, они делегировали часть своих функций помощникам и передавали ключевые должности клиентеле друзей и родственников. Обычно они управляли через голову советов, с помощью хунт, составленных из доверенных лиц, которые узурпировали часть полномочий советов и в то же время преодолевали противоречия между ними.

Важным инструментом власти Габсбургов была практика назначения родственников на важнейшие государственные должности. Так, жена Карла V Изабелла, его дочь, его сын Филипп (будущий Филипп II) в отсутствие императора подолгу управляли Испанией, а его внебрачные дети Маргарита Пармская и Хуан Австрийский — Нидерландами.

Королевский двор. Значение двора в управлении Испанской монархией трудно переоценить. Как и в других странах, он сочетал в себе самые разные функции, и численность его персонала в конце XV — первой половине XVII в. неуклонно возрастала. Самые влиятельные политические деятели стремились сочетать государственные посты с придворными, что обеспечивало большие возможности контакта с монархом или даже воздействия на него.

Организация двора Католических королей отличалась высокой степенью прагматизма. Частые перемещения монархов по всей стране, как и постоянные финансовые проблемы, ограничивали возможности пышной репрезентации их власти, зато обеспечивали достаточно эффективный контроль над подданными. Хотя к 1479 г. институт двора в Арагонской короне был более развит, чем в Кастилии, дворы и самих монархов (по крайней мере до смерти Изабеллы и отъезда Фернандо из Кастилии), и их сына и наследника принца Хуана (ум. в 1497 г.) строились по кастильскому, а не по арагонскому образцу.

Двор испанских Габсбургов сформировался под влиянием самых разных традиций: испанских, бургундских, итальянских (в частности, можно отметить влияние папского двора). В 1548 г. по приказу Карла V в Испании был введен пышный бургундский церемониал, хотя, конечно, несколько отличавшийся от принятого при независимых бургундских герцогах. В правление Филиппа II, глубоко религиозного, скромного в личных привычках, не слишком склонного к публичности и при этом достаточно тяжелого на руку в отношении непокорной аристократии, двор в меньшей степени привлекал дворянство, но и тогда он отличался сложной структурой и включал, по ориентировочным подсчетам, около 1500 человек.

Как и в эпоху Средневековья, при Габсбургах двор делился на несколько служб: *королевский дом (Casa Real)* как таковой во главе с главным майордомом, ответственным за управление двором, размещение и снабжение монарха, его семьи и придворных; *королевская палата (Cámara Real)*, глава которой отвечал за организацию службы монарху непосредственно в его покоях; *королевские конюшни* во главе с главным конюшим, ответственным за организацию переездов двора; *королевская капелла*, глава которой организовывал религиозную жизнь двора. Вплоть до правления Карла V включительно во главе королевской палаты стоял *камареро майор*, и этот пост считался высшим при дворе, однако при последующих монархах он потерял свое значение, поскольку его основные функции перешли к *sumiller*

de corps. Иногда встречающийся перевод этого французского по происхождению названия как «спальник» неточен: речь идет о гораздо более широких полномочиях, касающихся личной службы монарху: его пробуждение и отход ко сну, одевание и раздевание, состояние здоровья — все, что имело отношение к обслуживанию тела короля. *Sumiller de corps* имел постоянный доступ к королю и присутствовал на всех его аудиенциях. Каждому из высших должностных лиц подчинялись отдельные штаты королевских слуг. Отдельные службы отвечали за королевскую трапезу и винный погреб, за королевскую охоту, за охрану короля, его семьи и придворных. В начале правления Филиппа IV при дворе числилось около 350 придворных и слуг разного уровня, обслуживавших короля во дворце (в том числе, например, 18 майордомов), 167 человек обеспечивали королевскую охоту и «спортивные игры», 300 человек составляли стражу. Очень велика была роль служителей церкви и капеллы (насчитывавшей 63 музыканта); главным капелланом считался архиепископ Сантьяго. Естественно, на всех этапах эволюции двора очень велика была роль королевских духовников. Очень высоко ценилось право нести службу в королевских покоях (*gentilhombres de Camara*, что условно можно перевести как «палатные дворяне» и отчасти напоминает должность камер-юнкера) и на королевской трапезе (*gentilhombres de la boca* — «дворяне при трапезе»), поскольку оно обеспечивало личный контакт с королем.

Отдельными дворами, хотя и далеко не столь масштабными, как королевский, располагали королева и наследный принц. Так, двор королевы включал наряду с восемью майордомами много десятков фрейлин и иных подчиненных ей дам разного придворного статуса. Должности при дворе наследного принца высоко ценились, поскольку сулили фавор будущего монарха; именно с них началась карьера Лермы и Оливареса, которые затем закрепляли свое положение при правящем монархе, становясь его *sumiller de corps*.

Королевские секретари. Роль королевских *секретарей* (*secretarios*), фигурирующих в документации начиная с правления Хуана II, с конца XV в. неизменно возрастала, причем усложнение системы управления Испанской монархией требовало роста их числа и разделения функций.

При Католических королях работали как кастильские, так и арагонские секретари, причем последние привлекались и к делам Кастилии. Развитие института секретарей положило конец деятельности

канцелярии, еще ранее ограниченной в своих полномочиях Королевским советом, а должности канцлеров Кастилии и Арагона фактически превратились в почетные титулы. Тех секретарей, которые присутствовали на заседаниях Королевского совета, чтобы фиксировать мнения его членов и оглашать распоряжения государя, стали называть секретарями Совета. Уже в 1516 г. дела Кастилии, Арагона, Наварры, Сардинии, Неаполя, Индий велись разными секретарями, однако такое разделение еще не было постоянным, и нередко один секретарь выполнял различные и даже почти не связанные друг с другом функции только потому, что он был компетентен в тех и других вопросах или же пользовался особым доверием государя. С созданием державы Карла V система стала еще более сложной; так, дела франкофонных и фламандских провинций Нидерландов попали в руки разных секретарей. Резко возросла роль секретаря по итальянским делам. Филипп II в 1556 г. ввел должность государственного секретаря для тех, кто выполнял эти функции в Государственном совете. При этом один из государственных секретарей вел дела, связанные со всеми королевствами и провинциями самой Испании, другой же — дела за пределами Испании, включая переписку с вице-королями Италии. С начала освободительного движения в Нидерландах, совпавшего со смертью влиятельного секретаря по иностранным делам Гонсало Переса (1566), король отделил дела этого региона (*Norte*) от итальянских, и в дальнейшем такое разделение, как правило, соблюдалось. С началом открытого вмешательства Англии в дела Нидерландов вместо одного секретаря, ведавшего всеми военными вопросами, появились секретари по сухопутным и морским делам. Имелся и королевский секретарь, который занимался частной корреспонденцией государя, его пожалованиями и милостями и вообще всем, что не входило в обязанности секретарей по государственным и военным делам; нередко он пользовался очень большим влиянием (как, например, Матео Васкес при Филиппе II, 1573–1591). Кроме того, свои секретари имелись в каждом из советов по делам управления (см. ниже). На службе у каждого секретаря имелся небольшой, но достаточно эффективный аппарат помощников и писцов, выполнявших главным образом чисто технические функции.

Секретарями становились, как правило, не самые знатные дворяне; нередко это были люди с университетским образованием, знанием иностранных языков и широким кругозором. Как правило, они занимали свои должности до самой смерти и обычно привлекали

к себе на службу родственников, которых после смерти прежнего секретаря король нередко утверждал в той же должности. Так, в XVI в. среди секретарей фигурировали отец и сын Пересы, трижды — Вакесы, четырежды — Идьякесы. Близость к королю и возможность влиять на ход государственных дел делали их очень важными персонами, и в условиях значительного влияния аристократии на дела управления и постоянной борьбы между ее фракциями при дворе секретари нередко включались в эту борьбу, соперничая друг с другом. В отдельных случаях (Франсиско де Лос Кобос при Карле V, Антонио Перес при Филиппе II) секретари могли играть огромную роль в делах управления.

Советы. В конце XV — XVI в. сформировалась система управления с помощью *советов* (в испанской историографии ее называют *el sistema polisinodal* — буквально «система [управления с помощью] многих советов»), официально при особе короля, который и назначал их членов (за исключением «технического персонала»). Монарх, действуя через секретарей, был единственным координатором их действий. Должность советника ценилась очень высоко, зачастую увенчивая успешную карьеру.

До конца XV в. в Кастилии существовал только Королевский совет (*Consejo Real*). После воцарения в Кастилии Изабеллы Фернандо, почти перестав появляться в Арагоне, Каталонии и Валенсии, создал для управления их делами из Кастилии *Совет по делам Арагона* (1494⁹⁰; *Consejo de Aragon*), на который возлагалась выработка общей стратегии управления Арагонской короной и функции высшего судебного органа по делам этого региона; он играл также роль связующего звена между королем и соответствующими вице-королями (см. ниже). Во главе Совета стоял *вице-канцлер Арагонской короны*, эту должность всегда занимал правовед с университетским образованием. В состав Совета входили шесть *регентов* (по два от Арагона, Каталонии и Валенсии; с 1626 г. добавился еще один — от Сардинии), *генеральный казначей*, отвечавший в Совете за дела королевских владений в составе Арагонской короны, и *протонотарий*, который ведал печатями; без него, таким образом, ни одно решение Совета не имело законной силы.

---

⁹⁰ В ряде случаев годы возникновения советов указаны условно, поскольку годы принятия решения о создании того или иного совета, подписания соответствующего указа, назначения первых советников и начала функционирования совета не всегда совпадают.

После создания Совета по делам Арагона Королевский совет стал именоваться Королевским советом по делам Кастилии (*Consejo Real de Castilla*), или просто *Советом по делам Кастилии*. После присоединения Наварры (1512) для управления ею был создан *Совет по делам Наварры* (*Consejo de Navarra*), а в 1524–1525 гг. появился Королевский высший совет по делам Индий (т. е. по делам американских владений), или просто *Совет по делам Индий* (*Consejo Real y Supremo de Indias*). В 1556–1559 гг. из совета по делам Арагона выделился *Совет по делам Италии* (*Consejo de Italia*), занимавшийся управлением испанскими владениями в Италии: Неаполитанским и Сицилийским королевствами, а также герцогством Милан. В те же годы появился *Совет по делам Фландрии*, т. е. Нидерландов (*Consejo de Flandes*). Наконец, после присоединения в 1580–1581 гг. Португалии для управления ею был создан *Совет по делам Португалии* (*Consejo de Portugal*).

Система советов отличалась определенной двойственностью: советы по делам Кастилии, Арагона, Наварры, Италии, Фландрии, Португалии, Индий были организованы по региональному принципу, а *Финансовый совет* (или Совет по делам казны, *Consejo de Hacienda*, создан в 1523 г.), *Совет по делам инквизиции* (*Consejo de Inquisición*, с 1485 г.), *Совет по делам духовно-рыцарских орденов* (*Consejo de las Ordenes Militares*) и *Совет по делам крусады* (*Consejo de Cruzada*) — по функциональному. Название последнего совета (*Cruzada* по-испански — Крестовый поход, а также налог на его проведение) связано с тем, что папы римские пожаловали испанским королям право собирать в свою пользу три церковных налога (в том числе крусаду), средства на которые должны были использоваться на борьбу с «неверными», в частности, на содержание галер для охраны средиземноморского побережья. Для управления этими довольно значительными средствами в начале XVI в. был создан особый совет, в котором заседали служители церкви.

Особое место занимал *Государственный совет* (*Consejo de Estado*, создан в 1526 г.), занимавшийся главным образом проблемами внешней политики и военными вопросами; *Совет по военным делам* (*Consejo de Guerra*) выделился из него довольно поздно (по некоторым данным, в 1586 г.). Поскольку Государственный совет постоянно имел дело с секретной информацией, число его членов редко превышало 12 наиболее доверенных советников со всех концов Испанской монархии. В силу его специализации на вопросах внешней политики

членами этого Совета обычно становились аристократы и церковные иерархи, а не эксперты-правоведы. В отличие от остальных советов этот не имел отдельного председательствующего, поскольку его возглавлял сам король, от которого зависела и регулярность созыва Совета. Государственный совет намечал кандидатуры вице-королей, губернаторов и послов.

Обычно выделяют пять наиболее важных советов (*consejos mayores*): Совет по делам Кастилии (в XVI в. его глава считался вторым по объему власти человеком в стране после короля, хотя такие оценки всегда условны), Государственный, Финансовый, по делам Индий, по делам инквизиции. Особая роль Совета по делам Кастилии определялась как ролью Кастилии в качестве ядра монархии и главной «кузницы кадров», так и историей его происхождения (он вырос из Королевского совета Кастильской монархии). В XIV–XV вв. Королевский совет постоянно был ареной борьбы между группировками знати. При Энрике IV (1454–1474) по ордонансу 1459 г. в состав Королевского совета включались два прелата, два кабальеро и восемь летрадо — должностных лиц с университетским юридическим образованием, обычно незнатного происхождения. Однако до административных реформ Фернандо и Изабеллы этот ордонанс практически не выполнялся. При Филиппе II число летрадо возросло до 16, а функционально в 1597 г. Совет был разделен на четыре палаты (*salas*). Главную роль играла Палата управления (*Sala de Gobierno*), три остальные палаты занимались делами правосудия (*Salas de Justicia*). Секретарь совета занимался организацией его работы и ведением документации. Поскольку важнейшей функцией Совета считалось отправление правосудия, иногда его называли Советом правосудия (*Consejo de Justicia*). Именно в Королевском совете принимались решения о назначении на важнейшие должности (в частности, коррехидоров), из него отправлялись ревизии в судебные органы — канцелярии и аудиенсии. Старейшим членом Совета считался главный алькальд Месты. Королевскому совету непосредственно подчинялись Святая Эрмандада (игравшая немалую роль при Католических королях, но в XVI в. утратившая прежнее значение) и Совет по делам духовно-рыцарских орденов. Последний был создан в 1494–1495 гг. (по другим данным, в 1498 г.) в связи с тем, что магистром всех трех основных орденов Кастилии: Сантьяго, Калатравы и Алькантары — стал король Фернандо и потребовался специальный орган для управления их немалыми владениями и доходами. Совет был разделен на две палаты: ордена

Сантьяго и двух других орденов. У каждой палаты был свой президент и секретарь; как и советники, они были членами соответствующих орденов. Арагонский орден Монтеса перешел к короне гораздо позже, не ранее 1587 г., и подчинялся Совету по делам Арагона.

Совет по делам Индий был важнейшим органом управления Америкой и Филиппинами, располагавшим исполнительной, законодательной и судебной властью. Первоначально соответствующие функции исполняли Севильская торговая палата и персонально доверенное лицо Католических королей Хуан Родригес де Фонсека. В 1516 г. регент Кастилии Сиснерос передал функции Фонсеки двум членам Совета по делам Кастилии, составившим т. н. Хунту по делам Индий. Сменивший ее в 1524–1525 гг. Совет по делам Индий сразу же приобрел огромное значение: он разрабатывал основные направления испанской политики в Новом Свете (заселение, отношения с индейцами, торговля и т. д.), устанавливал административное и церковное деление Америки (создание вице-королевств, губернаторств, диоцезов), предлагал королю на утверждение кандидатуры высших должностных лиц, контролировал их деятельность, давал разрешение на въезд поселенцев и ввоз книг и т. д. После создания Совета по военным делам эти два органа могли заседать совместно в качестве Хунты по делам войны в Индиях (*Junta de Guerra en Indias*), обсуждая весь комплекс вопросов, связанных с защитой колоний. Совет был высшим судебным трибуналом по всем делам, связанным с Америкой, будучи в этом отношении формально независим даже от короля. Однако в целом монарх заботился о том, чтобы Совет, занимаясь лишь самыми важными судебными делами, мог максимально сосредоточиться на делах управления. Совет возглавлял председательствующий (*presidente*), в его состав входили советники, хорошо знавшие законы и опытные в американских делах. Кроме того, в состав Совета входили фискал (призванный специально заботиться о финансовых интересах короны), два секретаря, писец, великий канцлер (*Gran Canciller*), ведавший печатью, от одного до трех докладчиков (*relatores*), от одного до трех счетоводов, космограф, главный хронист Индий (*Cronista Mayor de Indias*) и адвокат бедняков (*abogado de pobres*).

Важным органом управления заокеанскими землями была *Торговая палата* (*La Casa de Contratación*) в Севилье, созданная в 1503 г.; особенно большую роль она играла до создания Совета по делам Индий. Палата взимала королевские пошлины с ввозимых из Америки товаров, организовывала торговые и исследовательские плавания,

содержала навигационную школу для капитанов и выдавала им лицензии, собирала все сведения о заокеанских землях (в том числе представляющие государственную тайну), на основе которых составлялись самые точные и подробные карты.

С XV в. в Кастилии было два финансовых ведомства, постоянно конфликтовавших между собой: *Главное счетное ведомство казны* (*Contaduría mayor de hacienda*), занимавшееся подсчетом налогов и их управлением, и *Главное счетное ведомство счетов* (слова испанского названия — *Contaduría mayor de cuentas* — тоже однокоренные), проверявшее счета первого. Каждое из них возглавляли два *главных счетовода* (*contadores mayores*), которым подчинялись младшие счетоводы (*contadores menores*), писцы и вспомогательный персонал. С 1478 г. главные счетоводы могли назначать прокурадора-фискала, который расследовал финансовые злоупотребления. Впоследствии устройство обоих органов осталось почти неизменным, менялись лишь его детали и число должностных лиц. После создания Финансового совета они действовали под его руководством, но их значение даже возросло вследствие заметного усложнения финансовой системы страны. Собственно Совет состоял из трех советников (обычно лиценциаты с опытом в финансовых делах) и четырех «присутствующих» (*asistentes*): казначей, писец (специализировавшийся на финансах), счетовод и секретарь. В их компетенцию входило управление расходами, изыскивание новых источников доходов, составление бюджета и проверка отчетности счетоводов других советов (что приводило к постоянным трениям с ними, тем более что члены этого Совета обычно не были столь знатными).

Особую роль не только в религиозных, но и в политических делах играл Совет по делам инквизиции. Во главе его стоял генеральный инквизитор. Сначала в Совет входили шесть членов (позже их число менялось, но не превышало десять), которых назначал король. Со временем влияние Совета возрастало, в т. ч. за счет полномочий генерального инквизитора. Члены Совета собирались по будним дням каждое утро, а трижды в неделю — еще и после обеда. Совету подчинялись трибуналы инквизиции. Число их менялось; больше всего их было в Кастилии (10–12), но трибуналы действовали также в Сарагосе, Барселоне, Валенсии, на Мальорке, в Сицилии и Сардинии, а позже и в Новом Свете: в Мехико и Лиме (с 1569 г.), в Картахене (с 1610 г.). Первоначально в состав каждого трибунала входили два

инквизитора (*inquisidores*), «квалификатор» (*calificador*), альгвасил и прокуратор-фискал; со временем добавлялись новые должности. *Инквизиторы* обычно были священниками с университетским образованием, причем чаще правоведами, чем теологами. Как правило, в одном трибунале они служили в течение ограниченного срока (например, в Валенсии обычно два года). *Прокуратор-фискал* расследовал преступления против веры и формулировал обвинения. «*Квалификаторами*» обычно были теологи; они определяли, имеются ли в действиях обвиняемых преступления против веры. В обязанности *альгвасила* входило задерживать обвиняемых и заключать в тюрьму. Кроме того, в процессуальных вопросах инквизиторам помогали *советники-юристы* (*consultores*); *нотариусы* и *писцы* занимались делопроизводством. С трибуналами также сотрудничали специально назначаемые для отдельных поручений священники (*comisarios*) и действовавшие постоянно светские осведомители — «фамилиары» (*familiares*; буквально — родственники); этот статус высоко ценился, гарантируя его обладателю чистоту крови.

Хотя в целом грандиозный «административный эксперимент» по организации управления Испанской монархией оказался по-своему очень успешным, недостаток взаимодействия между советами и их постоянные разногласия с представителями короны в отдельных частях монархии — вице-королями делали аппарат управления менее эффективным.

Канцелярии и аудиенсии. Высшим судьей в Испанской монархии всегда оставался король, и самые важные дела решались в его Совете. Однако основные судебные функции еще с конца XIV в. переходят к *королевской аудиенсии*, которая в XV в. получила новое название — *канцелярия* (ее не следует смешивать с канцелярией как учреждением делопроизводства во главе с канцлером, которая постепенно утратила свое прежнее значение с развитием института королевских секретарей). В ее составе выделилось несколько палат: четыре палаты, занимавшиеся гражданскими делами, палата по уголовным делам, палата по делам идалъго и палата по делам Страны Басков. Персонал канцелярии составляли 16 очень влиятельных *судей-оидоров* (*oidores*, букв. «те, кто слушает»), занимавшихся гражданскими делами (а также составлявших высшие апелляционные трибуналы), три *алькальда по уголовным делам* (*alcaldes del crimen*), два *алькальда по делам идалъго* (*alcaldes de hidalgos*), два *прокуратора-фискала* (*procuradores fiscales*) и *главный судья Бискайи* (*Juez Mayor*

de Vizcaya). Кроме того, в состав канцелярии входили альгвасилы, заключавшие преступников под стражу, нотариусы, писцы, привратники и т. д. — всего около 200 должностных лиц.

Значительные размеры королевства, с 1492 г. включившего в свои пределы и территорию бывшего Гранадского эмирата, а также усложнение судебных процедур привели к тому, что канцелярия стала хуже справляться со своими обязанностями. Поэтому в 1494 г. в г. Сьюдад-Реаль была создана вторая канцелярия, получившая аналогичные функции в южной части королевства; в 1505 г. она переместилась в Гранаду. Граница между зонами компетенций двух канцелярий в целом проходила по р. Тахо (хотя некоторые территории к югу от Тахо остались в ведении Вальядолида). Хотя формально канцелярии были равноправны, фактически вальядолидская, обслуживавшая большую и более престижную территорию, считалась более важной; перевод чиновника из Гранады на ту же должность в Вальядолид считался повышением по службе. В то же время высшая судебная власть над значительной частью Андалусии принадлежала Главной аудиенсии (*Audiencia mayor*), расположенной в Севилье; от нее зависела аудиенсия более низкого ранга, ведавшая Канарскими островами. Еще одна аудиенсия более низкого уровня (*Audiencia menor*) хотя и имела судебную власть над Галисией, но подчинялась вальядолидской канцелярии. Аудиенсии имели не только меньшие масштабы, но и обладали несколько иной структурой, чем канцелярии. Обе «младшие» аудиенсии, в Галисии и на Канарах, зависели от соответствующих губернаторов и генерал-капитанов, которые в них председательствовали. В аудиенсии Галисии число ключевых должностных лиц — главных алькальдов (*alcaldes mayores*) — с конца XV по конец XVI в. выросло с двух до шести. Они судили по гражданским и уголовным делам, причем могли быть судом как первой инстанции, так и апелляционным; в особо важных случаях на их решение можно было жаловаться в суд высшей инстанции (в данном случае — в вальядолидскую канцелярию). Кроме судебных они выполняли и другие функции: помогали губернатору в делах управления (в частности, в отношении организации общественных работ, снабжения и медицинской помощи, поддержания общественного порядка, набора войск). В случае отсутствия губернатора его замещал старейший из главных алькальдов. Для столь важных и ответственных функций их жалованье было сравнительно невелико (120 тысяч мараведи в год), и должность в аудиенсии Галисии обычно рассматривалась лишь как

ступень для дальнейшего карьерного роста. В состав аудиенсии входили также фискал, писцы, докладчики, адвокат, альгвасилы, а также вспомогательный персонал и небольшое войско во главе с *альфересом* (*Alférez*), что, видимо, было совершенно необходимо в пограничном регионе, славившемся к тому же своим бандитизмом.

Вице-короли и губернаторы. Наместники короля в отдельных регионах Испании, в ее владениях в Италии и Америке с XV в. носили титул *вице-короля* (исп. *virrey*), а в некоторых других владениях (в частности, с XVI в. в Нидерландах) — титул *правителя/губернатора* (*gobernador*) или *наместника* (*lugarteniente*). Вице-королями были с XV в. замещавшие монарха правители в Арагонском королевстве (в Валенсии, на Сицилии и Сардинии), с XVI в. — в собственно Арагоне, Каталонии, Наварре, на Балеарских островах, в Португалии (в период испанского господства), в Неаполитанском королевстве. В 1492 г. титул вице-короля был пожалован Колумбу. В Америке с 1535 г. его носили правители Новой Испании, с 1543 г. — Перу. В Испанской Америке этот титул был отменен только в начале XIX в. «Второе я» короля — вице-король назначался самим монархом, обычно из числа аристократов или церковных иерархов, и обладал очень широкими военными, административными и прочими полномочиями, вплоть до права издавать законы и созывать кортесы. Вице-король получал очень большое жалованье (особенно в Америке) и содержал собственный двор. Для того чтобы вице-короли в течение всего срока службы эффективно воплощали в жизнь королевскую политику и не успевали проникнуться местными интересами, их, как правило, назначали на три года; им также запрещали приобретать собственность по месту прохождения службы. Им приходилось постоянно координировать свои действия с монархом, с центральными и местными органами управления. В заокеанских владениях противовесом их власти были аудиенсии (получившие там более широкое распространение, чем в самой Испании), не говоря уже о регулярных проверках их деятельности присланными из Испании специальными ревизорами. В Америке вице-короли заботились также о христианизации индейцев, строительстве церквей и монастырей.

Коррехидоры и asistentes. Система власти *коррехидоров* — представителей короля в нескольких десятках самых крупных городов Кастильского королевства — возникла еще в XIV в. и в течение XV в. постепенно расширялась и усиливалась, приобретая особое значение при Католических королях. Иногда один коррехидор объединял под

своей властью два или даже три города, расположенные недалеко друг от друга. В некоторых городах (например, в Севилье) чиновник, представлявший особу короля, именовался не коррехидором, а *asistente* — буквально «присутствующий» (переводить название этой должности как «ассистент» было бы неверно в силу ошибочных ассоциаций, которые это слово неизбежно вызывает в русском языке). Коррехидоры обладали обширными полномочиями; назначение на эту должность считалось важным достижением в карьере чиновника. Как правило, коррехидорами становились выпускники университетов, специализировавшиеся на праве. Они назначались Советом по делам Кастилии и отчитывались перед ним, но жалованье получали из средств соответствующего города.

Военная администрация. Значительную роль в делах управления лиц, имевших должность скорее военного характера, следует рассматривать как наследие Реконкисты, но в XVI–XVII вв. в условиях постоянных войн (прежде всего с Францией и Османской империей) и перманентной угрозы нападения пиратов (как христианских, так и мусульманских) значение таких должностей в ряде случаев оставалось очень большим. К ним относились должности/титулы *аделантадо Леона*, *аделантадо Кастилии*, *аделантадо Андалусии*, *аделантадо Касорлы* (гораздо менее важная должность, на которую назначал архиепископ Толедо). С началом Конкисты титулы аделантадо с соответствующими полномочиями нередко жаловались конкистадорам, заключавшим с короной соглашения о завоевании тех или иных территорий. Но в самой Испании, а нередко и в Новом Свете более важной была должность *генерал-капитана* (*capitán general*), предполагавшая большой объем военной и административной власти; часто генерал-капитаном и губернатором являлся один и тот же человек. Так было, например, в Галисии и на Канарских островах, где постоянно существовала внешняя угроза и требовалась максимальная концентрация исполнительной и военной власти; противовесом слишком большой власти такого должностного лица служили аудиенсии. Нередко должность генерал-капитана, обычно замещавшаяся знатными аристократами, передавалась по наследству (так, маркизы Мондехар занимали ее в Гранаде в четырех поколениях, попутно являясь и комендантами — алькайдами — Альгамбры), но окончательное решение всегда было за короной. В пограничных и прибрежных районах, где велика была угроза внешнего нападения, важную роль играли коменданты замков — *алькайды* (*alcaldes*), хотя значение этой

должности очень варьировало в зависимости от расположения замка и численности его гарнизона.

Городское и сельское самоуправление. В управлении городами органы местного управления постоянно и тесно взаимодействовали с представителями короля — коррехидорами. В структуре местного управления и судопроизводства ключевую роль играли *алькальды* или *главные алькальды* (*alcaldes, alcaldes mayores*) и появившиеся в XIV в. *рехидоры* (*regidores*) — члены совета, управлявшего соответствующим городом или селением; число их колебалось от нескольких человек в небольших населенных пунктах до нескольких десятков в крупных городах. В некоторых городах Андалусии и Мурсии, где число их равнялось 24 их так и называли этим числительным (*veinticuatro*), причем они сохраняли прежнее название даже и тогда, когда число их в городе возрастало в результате продажи или пожалования новых соответствующих должностей. В мало-мальски значительных городах контроль над назначением на должности алькальдов и рехидоров уже в XIV–XV вв. попал в руки нескольких десятков наиболее влиятельных семейств; как правило, уже в это время они активно аноблировались. В то же время эти должности не были вовсе закрыты для разбогатевших простолюдинов, чему способствовала активная продажа муниципальных должностей в XVI–XVII вв. В некоторых крупных городах, например в Толедо, система управления была двухступенчатой: наряду с палатой рехидоров существовала палата присяжных, или *хурато* (*jurados*), которую составляли, как правило, люди тоже влиятельные, но все же более скромного происхождения и достатка, чем рехидоры. В сеньориальных городках и селениях нередко сеньоры назначали на главные должности либо утверждали одного из нескольких избранных жителями кандидатов. Полицейские функции выполняли альгвасилы (*alguaciles*), подчинявшиеся коррехидору, а в более крупных городах были также главные альгвасилы (*alguaciles mayores*).

Кортесы. Объединение Испании, усложнение политической и финансовой системы страны, нарастание авторитарных тенденций в делах управления не могло не сказаться на судьбе органов сословного представительства — *кортесов* (*Cortes*), которые действовали независимо друг от друга в Кастилии, Арагоне, Каталонии, Валенсии и Наварре. Объединение страны не привело к унификации системы сословного представительства, и общие для всей территории страны кортесы появились в Испании лишь в XVIII в. В то же время развитие авторитар-

ных тенденций в управлении привело к ослаблению их влияния, а затем и к прекращению их деятельности (в Кастилии — в 1665 г.).

Кортесы Леона и Кастилии состояли из трех палат: духовенства, дворянства и сословия налогоплательщиков, от имени которого выступали исключительно города. Духовенство представляли все архиепископы и епископы, а также аббаты крупнейших монастырей, дворянство — все титулованные аристократы (число которых на протяжении рассматриваемого периода постоянно росло), а также некоторые дворяне, не имевшие титула, но владевшие обширными сеньориями или занимавшие важные посты.

Еще в XV в. состав представителей от городов в кортесах стабилизировался: по два депутата от каждого из 18 представленных городов (в число которых после завоевания Католическими королями вошла и Гранада). Состав заседавших в кортесах городов в целом соответствовал их политической роли в XIV–XV вв.: девять городов представляли Старую Кастилию (в том числе имел отдельное представительство город Торо, никогда не отличавшийся большими размерами), четыре — Новую Кастилию, пять — Андалусию и Мурсию. В XVI в. некоторые города с правом голоса в кортесах утратили прежнюю роль, в то время как динамично развивавшиеся центры тех же регионов так и не обрели представительства. Более того, вообще не имели своего голоса в кортесах целые большие регионы: Галисия, Астурия, Эстремадура (считалось, например, что интересы Галисии адекватно представляет город Самора). В XVII в. некоторые города и регионы, прежде лишённые представительства, приобрели такое право за деньги, но это лишь незначительно сгладило имевшиеся диспропорции.

В правление Карла V в деятельности кастильских кортесов произошли важные изменения. Сразу после смены династии кортесы отчасти выступили рупором оппозиции, и, хотя императору удалось в 1520 г. с помощью угроз и подкупа добиться от кортесов требуемых субсидий, в контексте восстания комунерос городское представительство не могло не рассматриваться им как потенциальная угроза. Король готов был мириться с критикой, в известных пределах, его политики, но не с решениями, которые грозили ее сорвать. После того, как на кортесах 1538 г. в условиях возраставших финансовых трудностей короны привилегированные сословия отказались утвердить предложенный властями косвенный налог (сиса), в уплате которого должны были участвовать и дворянство с духовенством, Карл V распустил кортесы и впредь приглашал на них только представителей податного

сословия. Исключение из кортесов дворянства и духовенства способствовало дальнейшему ослаблению политического влияния как привилегированных сословий, так и кортесов. В то же время депутатами от городов в кортесах становились исключительно дворяне — представители городских аноблированных элит, а иногда даже титулованные аристократы.

Как и в странах Арагонской короны, в Кастилии XVI–XVII вв. кортесы располагали постоянным органом — Депутацией, членами которой становились депутаты кортесов. Однако ее значение было гораздо меньше, чем в Арагоне или Каталонии, и ограничивалось надзором за взиманием налогов, утвержденных кортесами; серьезной политической роли она никогда не играла.

***

В XVII в., и особенно к его концу, система управления Испанией выглядела уже довольно архаичной; ее недостатки, очевидные на фоне административных усовершенствований в ведущих западноевропейских странах, стали одним из факторов упадка Испании. Лишь в начале XVIII в., после пресечения в Испании династии Габсбургов и прихода к власти Бурбонов, началась эпоха важных административных реформ.

Потестарные институты и должности в Венгерском королевстве в XI–XVII вв.

В конце IX в. венгерские полукочевые племена пришли в Карпатско-Дунайский бассейн, где по прошествии времени у них возникло государство. В отличие от многих других кочевников, создававших в ходе и после Великого переселения народов ранние государственные образования в Европе (гуннов, аваров, хазар и др.), венгры смогли сохранить и свою государственность, и себя как этнос.

Обозначенные в заголовке хронологические рамки в целом охватывают всю эпоху Средневековья и начальный период раннего Нового времени. В развитии потестарных институтов и должностей в Венгерском королевстве в течение этих восьми столетий мы выделили два периода: со времени возникновения государства у венгров до 1526 г., и с 1526 г. до конца XVII в. 1526 г. — важный рубеж в его истории — обусловлен не простой сменой правящих династий в результате гибели в битве при Мохаче в тот год венгерского короля Лайоша II, последнего представителя династии Ягеллонов в Венгрии. Действительно, после пресечения «национальной» династии Арпадов в 1302 г. до 1526 г. в Венгрии последовательно правили Анжуйская (1307/1308–1382), Люксембургская династии (1387–1437), Ягеллоны (1440–1444, 1490–1526), Габсбурги (1437–1439, 1444–1457) и один из Хуняди (Матяш, 1458–1490). Однако утверждение на венгерском престоле австрийской ветви династии Габсбургов в 1526 г. привело к заметной трансформации властных институтов и должностей в изменившихся исторических условиях. До 1526 г. в этой сфере также различаются в целом два этапа, водоразделом для которых служит складывание сословий в XIII–XIV вв. и складывание соответствующих органов власти.

Венгерское королевство появилось на карте Европы в начале XI в. — значительно позже многих других раннефеодальных государств, образованных варварскими народами на развалинах Западной Римской империи. К этому времени венгерское общество не только внутренне созрело для подобных перемен. Возглавлявшая его элита активно использовала опыт государственного строительства соседей, в первую очередь государств — наследников Франкской империи и Византии: в организации административно-территориальной структуры, в создании органов власти, законотворчестве, судопроизводстве, церковном устройстве. Заметную роль в этом играли династические браки венгерских королей и вливавшиеся в состав местной правящей элиты иностранцы (в том числе свита королей, отряды находившихся у них на службе рыцарей, посланные из Рима и Германии христианские миссионеры и т. д.). Уже при первых королях в Венгрии появляются основные должности и институты власти, которые можно увидеть в других государствах Западной Европы того времени. Но при всей схожести, обусловленной в том числе и заимствованием западноевропейской практики, аппарат управления в средневековом Венгерском королевстве обладал особенностями, которые были порождены местными условиями. Среди них прежде всего следует назвать позднее складывание раннефеодального государства и незрелость общественных отношений, пестроту включенных в состав королевства территорий и полиэтничный состав населения. К важным особенностям средневекового Венгерского государства следует также отнести довольно частую смену правивших династий, причем чужеземного происхождения, в результате чего принцип выборности королей возобладал над наследственностью.

Историография. В венгерской историографии история государственного управления рассматривается в контексте истории развития средневекового Венгерского государства с учетом вышеназванных закономерностей и особенностей, но в то же время в неразрывной связи с европейскими институтами власти эпохи, в первую очередь германскими и австрийскими. Отдельные стороны управления достаточно хорошо изучены в венгерской исторической науке XIX — начала XX в.: такие как институт королевских секретарей, канцелярия, система королевского судопроизводства, отдельные должности. Однако конкретная история должностей стала разрабатываться только в последние десятилетия в рамках архонтологии. Эта интердисциплина в составе гуманитарных наук призвана не только восстановить существовавшие на разных этажах власти должности, порядок их замеще-

ния и имена занимавших их чиновников, но и ответить на вопрос, как складывались списки функционеров и какие факторы на них влияли. Весомый вклад в эти исследования внесли Пал Энгель, изучавший институты власти и должности в правление Анжуйской и Люксембургской династий (XIV — середина XV в.), и Золтан Фалленбюхль и Дёзё Эмбер, работы которых посвящены чиновничеству Габсбургской Венгрии послемохачской эпохи. Другим направлением исследований венгерских историков, наиболее интересно представленным в работах Андраша Кубини, стал королевский двор со всей совокупностью составлявших его служебных и социальных структур.

Источники. Источниками для изучения истории властных институтов и должностей в Венгерском королевстве служат в первую очередь королевские декреты и грамоты (не только королевские, но и государственных чинов, а также церковных властей). Что касается последних, то число сохранившихся от домохачского периода грамот не слишком велико, поскольку: 1) в первые два века существования Венгерского королевства письменное делопроизводство еще не стало нормой, из-за чего незначительным было количество грамот, дипломов и т.п.; 2) многие архивы погибли во время турецких войн. Богатая информация о разного рода должностях и их носителях как центрального государственного аппарата и королевского двора, так и областного уровня содержится в кодексе венгерского феодального обычного права «Трипартитум»⁹¹, созданном в начале XVI в. королевским судьей Иштваном Вербеци. Для периода «турецких войн» (1526–1687) большее значение приобретают документы, исходящие из государственных учреждений (Венгерской королевской и Венской придворной канцелярий, Венгерского и Венского придворного казначейств), а также т. н. «Королевские книги» (*“Libri regii”*), в которых точно зафиксированы пожалования любого характера (в том числе земель, должностей, титулов, дворянства), предоставленные королем своим подданным.

---

⁹¹ Полное название произведения Иштвана Вербеци: *Tripartitum opus juris consuetudinarii incltyi Regni Hungariae per magistrum Stephanum de Werbewcz personalis praesentiae regiae majestatis locum tenentem accuratissime editum*// *Corpus Juris Hungarici. Magyar Törvénytár. Werbőczy István Hármaskönyve/ Az eredetinek 1517-ki első kiadás után fordították, bevezetéssel és utalásokkal elláták Dr. Kolozvári Sándor és Dr. Óvari Kelemen. Magyarázójegyzetekkel kíséri Dr. Márkus Dezső. Budapest, 1897.*

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ВЕНГЕРСКОГО ФЕОДАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА XI – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVI в.

Создание Венгерского королевства историческая традиция связывает с деятельностью первого короля Св. Иштвана (967/969?–1038) из династии Арпадов, а факт появления королевства — с дарованием князю Иштвану римским папой Сильвестром II королевской короны в 1000 г. Тем не менее основы Венгерского государства закладывались еще предшественниками Святого короля, в первую очередь его отцом князем Гезой во второй половине X в. Еще раньше предок Гезы и Иштвана, вождь племени медьер легендарный Арпад, давший имя первой королевской династии Венгрии, в конце IX в. привел венгерские племена «на новую родину». Он захватил верховную власть над большей частью страны, обеспечил своему племени лучшие земли по среднему течению Дуная. Сам Арпад стал крупнейшим земельным собственником, создав таким образом основу будущего королевского домена.

Иштван подавил сопротивление своих родственников, боровшихся с ним за верховную власть в стране, а их владения (в том числе Трансильванию) присоединил к своим. Королевский домен он поделил на несколько десятков (сначала 45) административно-хозяйственных единиц — королевских комитатов, в центре которых выросли замки с зависимым от монарха военным и гражданским населением (т. н. королевские замковые комитаты). Он же заложил основы церковной организации в королевстве, создав первые архиепископства, епископства и аббатства. С помощью династических браков, дипломатии и силой оружия венгерские короли приращивали территорию государства. Крупнейшим приобретением стали Хорватия и Славония, вошедшие в состав Венгерского государства в конце XI — начале XII в. (при Ласло I и Кальмане I) на правах автономного королевства. Власть над Далмацией, подчиненной силой при короле Кальмане (в начале XII в.), оказалась непрочной, т. к. борьбу за нее с Венгрией на протяжении долгого времени с переменным успехом вела Венеция. В XII в. территория средневекового Венгерского государства (т. н. историческая Венгрия) в основном сформировалась: она была намного обширнее сегодняшней и включала в себя Трансильванию, Закарпатские земли, часть Сербии, Боснии, Хорватию, Славонию, Словакию, современный Бургенланд (Восточная Авс-

трия), т. н. Видинскую Болгарию и временами — Далмацию. Некоторые из этих стран и областей в составе Венгерского королевства пользовались разной степенью автономии. Королевской резиденцией до конца XII в. оставался Эстергом, но короновали и хоронили монархов вплоть до первой четверти XVI в. в Секешфехерваре, где также, как правило, находилась королевская канцелярия. После татарского нашествия 1241–1242 гг. король Бела IV перенес королевскую резиденцию в Буду, ставшую столицей государства.

В XIII в. в социальной структуре королевства происходят заметные изменения: складываются сословия. В ходе борьбы с аристократией мелкие и средние свободные воины-землевладельцы (сервиенты) добились признания своих привилегий и имущественных прав, а также их защиты со стороны короля, сплотившись, таким образом, в новое благородное сословие (*nobiles*). Важным шагом на пути складывания предпосылок сословно-представительной монархии было то, что в 1267 г. дворянство добилось права проведения ежегодных собраний представителей от «благородного сословия» для обсуждения наиболее важных для королевства вопросов. Этим были заложены основы системы сословного представительства, нашедшей выражение в Государственных собраниях — высшем сословном форуме королевства.

Города в королевстве считались владениями короны, и на этом основании попадали под королевскую юрисдикцию, получив статус «свободных королевских городов», а вместе с ним право на самоуправление. Однако в целом городов в стране было немного, и в своем развитии они заметно отставали от западноевропейских, в связи с чем и бюргерство не приобрело в Венгрии той общественно-политической роли, которую оно играло в Западной Европе. Так, представлять на Государственных собраниях городское сословие стало только со второй половины XV в., и то спорадически. Эти особенности социального развития отразились на складывавшейся в XIV–XV вв. сословно-представительной монархии и ее институтах.

XIV–XV вв. — время расцвета и наивысшего могущества феодального Венгерского государства. Королями Анжуйской династии Карлом Робертом и Лайошем I Великим были проведены реформы, укрепившие королевскую власть перед лицом крупных феодалов. Вновь в полную силу заработала система «пожалованных должностей», в результате чего верная служба короне стала для аристократии единственным средством удержаться на вершине социальной лестницы, а служба влиятельным вельможам давала шанс дворянству

повысить свой социальный статус через систему фамилиаритета⁹². В пользу центральной власти были реорганизованы судебные органы, канцелярия, вооруженные силы, налоговая система. Правление в конце XIV — первые десятилетия XV в. единственного представителя династии Люксембургов короля Жигмонда, напротив, ознаменовалось разгулом баронской вольницы и ослаблением центральной власти. Однако с точки зрения складывания системы государственного управления это царствование внесло заметные изменения. То обстоятельство, что Жигмонд (Сигизмунд) был избран императором Священной Римской империи, способствовало еще большему сближению венгерских властных институтов с западноевропейскими и их ускоренному развитию. Во второй половине XV в., в правление короля Матяша, сильная королевская власть взяла верх над баронской олигархией, в чем королю сильно помогло дворянство. Матяш создавал новую, покорную и верную ему знать, способствовал укреплению экономических и политических позиций дворянства, поддерживал города, формировал на новых принципах систему управления. В противовес довлеющим над королем придворным чинам из могущественных прелатов и баронов, действовавших в том числе и через Королевский совет, он выдвигал канцелярию и свой суд, усиливая в них бюрократическое начало. При Матяше в этих учреждениях появилось немало дворян и выходцев из бюргерства.

Однако переломить складывавшиеся в Венгрии в течение веков общественно-политические тенденции не удалось и этой выдающейся личности. С приходом к власти после смерти Матяша Ягеллонов бароны вернули ослабленные перед лицом центральной власти позиции. Но в борьбу со знатью за контроль над центральной властью вступило возвращенное Матяшем дворянство. Последние десятилетия перед Мохачем проходят в этой бессмысленной борьбе, открывавшей дорогу в Венгрию туркам. Государственные должности

---

⁹² Фамилиаритет — венгерская разновидность вассалитета. Венгерский фамилиарий мог получить земельное пожалование только от короля, так что его отношения с сеньором носили в большей степени личностный характер и определялись условиями временного договора. Правда в Венгрии существовала и такая категория фамилиариев, которые не имели собственной земли; в таком случае они могли получить ее в пользование от сеньора исключительно на время службы без права распоряжения, на условиях несения повинностей.

и центральные учреждения испытывают на себе последствия этого противостояния. Во всех центральных органах представительство получают дворяне (в Королевском совете, в казне), которые даже пытаются вести самостоятельную внешнюю политику. В то время как государство и общество переживали глубокий кризис, королевский двор процветал, штат его пополнялся новыми людьми, среди которых было много иностранцев – чехов, поляков, немцев. Женильба Лайоша II на Марии Габсбург усилила при дворе влияние австрийских немцев.

ОРГАНИЗАЦИЯ ВЛАСТИ В XI – НАЧАЛЕ XVI в.

Статус короля. Как и другие государственные образования подобного типа в Европе, раннефеодальное Венгерское королевство носило патримониальный характер. Его властные институты базировались на преобладании королевской земельной собственности, охватывавшей уже при Иштване I Святом 2/3 территории страны. На королевском домене покоилась вся примитивная система управления, которая была неразрывно связана с *королевским двором* (*curia regia*), его хозяйственными, административными службами, вооруженными силами, подчиненными непосредственно королю, судопроизводством и т. п. В современных источниках король назывался «естественным господином» (*dominus naturalis*) страны, который как глава семьи непосредственно управлял своим народом. Государю принадлежала верховная власть во всей своей полноте: законодательная, судебная и исполнительная. Как свидетельствуют законы, изданные первыми королями (Иштваном I, Ласло I и Кальманом I), король сам творил законы, хотя и пользовался советами приближенных. Из обязанности монарха поддерживать мир и справедливость следовало то, что он являлся верховным судьей. В «Наставлениях» Св. Иштвана, адресованных сыну-наследнику, содержится легенда, повествующая об одном из судебных решений короля, в котором он прямо называет себя исполнителем божьей кары. В судопроизводстве такое понимание роли монарха выражалось в том, что на протяжении всего Средневековья сохранялся персональный суд короля. Даже если он отправлял правосудие не сам лично, а через назначенных им чиновников, оно вершилось от его имени и по его поручению, в целом сохраняя с некоторыми изменениями свое изначальное название: «суд личного присутствия короля».

Королевский дворец. Статус королевской власти, а также примитивный характер государства на ранних этапах истории Венгерского королевства, как и везде в Европе, обуславливали специфику организации государственного управления. В источниках сама королевская власть сравнивалась с дворцом. На практике это означало, что во дворце сосредоточивалось все управление государством, все органы власти. Основные королевские резиденции (Эстергом, Секешфехервар, позже Буда) были лишь местом временного пребывания королей, двор которых постоянно перемещался, обеспечивая свое содержание в условиях натуральной экономики за счет разбросанных по стране королевских поместий.

Аппарат управления отличался крайней недифференцированностью: одно лицо совмещало разнообразные функции. Кроме того, деятельность служащих королевской курии складывалась из выполнения поручений монарха как их патрона, «главы семьи», к которой они относились как члены его свиты. Король передавал им какие-либо обязанности (поручения), исходя из доверия к ним, не в малой степени основанного на узах личностного характера. Их служба вознаграждалась доходами от королевских владений.

Должности сложившегося королевского двора можно разделить на три категории, исходя из социального статуса их носителей. В соответствии с законами феодальной иерархии высшие чины принадлежали в первую очередь к крупнейшим земельным магнатам. В XIII в. в ходе складывания сословий крупные светские феодалы стали именоваться баронами, а те из них, кто был обладателем высших должностей при королевском дворе, назывались «истинными баронами», или «баронами по должности». Как и повсюду в средневековой Европе, высшие должности наряду со светскими лицами занимали представители верхушки духовенства. В первую очередь это относится к канцлерам. Должности «второго эшелона» при дворе отдавались в более раннюю эпоху королевским сервиентам, а со складыванием сословий — дворянам. К ним относились те, кто замещал высших сановников или лично обслуживал короля (например, камерарии), а также пажи и оруженосцы, придворные рыцари. Наконец, огромная армия служащих двора (конюхи, кучера, повара, музыканты, садовники, прачки и т. п.) рекрутировалась из простолюдинов. Если первые короли обходились весьма скромным штатом придворных, то со временем дворцовые службы разрастались, и двор венгерских Ягеллонов (1490–1526) насчитывал уже не одну сотню служащих разного ранга. Помимо короля своими

дворами располагали королева и принцы, что значительно увеличивало численность дворцовых людей. Их дворы в целом структурно дублировали двор короля.

Итак, практически все высшие должностные лица королевства вышли из свиты короля, его личного — домашнего — хозяйства, дворцовых служб и определялись потребностями самого государя и его двора. На первых порах люди двора не разделялись на тех, кто, будучи занятым в хозяйственной сфере, обеспечивал повседневные, бытовые потребности монарха (стол, кладовые, конюшни, спальня, безопасность и т. п.), и тех, кто, занимался вопросами государственного управления. Лишь со временем из королевской курии начали выделяться особые должности и самостоятельные отрасли управления. При этом публичные (государственные) по характеру должности постепенно дистанцировались от внутридворцовых, и вокруг первых стали складываться целые учреждения. В источниках эта двойственность структуры королевского двора отразилась в терминологии. По отношению к нему в более позднее время (в XV в.) в латинском языке употреблялись два названия: *curia* и *aula*. В целом не представляется возможным с точностью установить, по какому принципу формировались *curia* и *aula*. В то же время исследователи обращают внимание на то, что *curia* была прежде всего связана с судебной властью короля (и соответственно с должностями, имеющими отношение к судопроизводству), а *aula* в большей степени — с внутренними хозяйственными службами (и соответственно представляющим их должностным аппаратом).

Внутренние хозяйственные службы двора. Внутридворцовые должности прошли долгий путь, в начале которого они имели вполне реальное наполнение и значение, что обеспечивало их первостепенное место в системе управления. Их ядро составляла классическая тройка: стольник, кравчий, конюший. Все три появились в Венгрии по германско-франкскому образцу предположительно еще при Иштване I, хотя письменные упоминания о них относятся к более позднему времени (середина XI — XII вв.).

Наиболее важную роль из троих играл управлявший королевскими конюшнями и выездами конюший (*magister agasonum*, венг.: *lovászmeister*), поскольку королевский двор постоянно перемещался. Он также отвечал за лошадей, предназначенных для королевского войска. Но в отличие от Франции конюший венгерского королевского двора не взял на себя функций командующего королевским

войском. К XV в. он уже ведал не столько королевскими конюшнями, сколько размещением королевского двора во время его передвижений, взяв на себя, таким образом, функции квартирмейстера. В источниках второй половины XV в. встречаются также указания на то, что конюший рассаживал гостей короля во время торжественных приемов.

Стольник (*magister dapiferorum, senescalcus*, венг.: *asztalnokmester, étekfogómester*) был главным распорядителем королевской кухни и королевского стола.

Кравчий (*magister pincernarum*, венг.: *pohárnokmester*) надзирал за королевскими виноградниками, винными погребами и самими виноградарями, снабжая королевский стол винами из королевских поместий. В обязанности стольника и кравчего входило непосредственное обслуживание короля за столом, проба кушаний и напитков.

Очевидно, с самого начала при венгерском дворе существовала и должность *королевского привратника* (*magister janitorum*, венг.: *ajtónállómester*), хотя первые упоминания о ней восходят только к 1261 г. Эта должность как самостоятельная не столь характерна для западноевропейских дворов. Изначально главный привратник возглавлял королевскую охрану, т. е. отвечал за безопасность короля и его семьи. Кроме того, королевские привратники могли выступать в качестве королевских вестовых и вестовых, снабжавшихся особой печатью.

Со временем характер этих ведущих должностей менялся. Они все больше утрачивали действенный характер, превращаясь в своего рода почетный титул, приличествующий представителям высшей знати при королевском дворе. В действительности их функции перешли к заместителям (стольникам, кравчим, привратникам, конюшим), над которыми в XIV в. при реформированном Анжуйском дворе появился новый начальник: *гофмейстер*, или *магистр королевского двора* (*magister curiae regiae, udvornicorum magister*, венг.: *királyi udvarmester*). Правда, есть данные, что он также возглавлял персонал служивших во внутренних покоях короля *камерариев* (*camerarius, cubicularius, kamarás*). Как бы то ни было, в XV в. камерарии составляли уже особую службу во главе с отдельным чиновником: *главным камерарием* (*magister cubiculariorum regalium*, венг.: *főkamarás*). Зато на хофмейстера в XV в. были дополнительно возложены обязанности привратника, так что обе должности на время соединились. В то же время гофмейстер, как и должно было быть, приобрел свое «ис-

тинное лицо», приняв на себя ответственность за соблюдение церемониала и протокола при дворе.

Наивысшего расцвета двор венгерских королей достиг при Ягеллонах. Как уже упоминалось, при них неизмеримо разбух придворный штат, обеспечивавший пребывавшему в постоянных празднествах двору блеск и помпу. У Лайоша II был не один, а два главных камерария, два главных гофмейстера, около полусотни камерариев и т. д. Полторы сотни состоявших на казенном жалованьи придворных из дворян, т. н. *придворных рыцарей* (*milites curiae*; венг.: *udvari lovagok*), объединенных в корпорацию под началом капитана, были призваны выполнять любые поручения короля. Королевская гвардия насчитывала около тысячи конных и приблизительно столько же пеших воинов, украшавших королевские процессии. Из разных комитатов к королевскому двору прибывали в большом количестве отпрыски знатных и дворянских семей, становившиеся *пажами* (*iuvenis*; венг.: *apród*). В счетных книгах королевского двора от 1525 г. перечислены имена 70 таких юнцов. При дворе они не только духовно и физически готовились к посвящению в рыцари, но и выполняли при своих господах различные службы (были оруженосцами, прислуживали за столом) и поручения.

Итак, внутренние службы двора продолжали развиваться на протяжении веков, но высшие должности, их обеспечивавшие, из действительных превращались в репрезентативные. Если вначале в силу особенностей двора и самой королевской власти эти дворцовые служащие, как правило, являлись доверенными людьми короля, то позже непосредственный характер взаимоотношений утрачивался, а вместе с этим ослабевало и их влияние на государственные дела. Тем не менее высокий статус этих должностей при дворе сохранялся. И конюший, и кравчий, и стольник, и главный привратник, и гофмейстер принадлежали к числу «истинных баронов» — и все входили в состав Королевского совета. Можно отметить еще одну особенность, связанную с эволюцией должностей, призванных обеспечивать внутренние повседневные потребности двора. Каждая из них, конечно, со временем обрастала весьма солидным штатом заместителей и рядовых служащих. Так, наряду с главным конюшим в XV в. при дворе упоминаются и специальный начальник конюшен (*magister stabuli*), и специальный квартирмейстер (*distributor hospitiorum domini regis*). Но практически ни одна из высоких должностей этой группы не превращалась в учреждение, а тем более отрасль управления.

ПУБЛИЧНЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННЫЕ) ДОЛЖНОСТИ

Совсем иная картина вырисовывается с другой группой должностей, к которым можно отнести надора-палатина, судью Королевской курии, казначея, тезаурария, персоналия. Их генезис в целом схож с рассмотренными выше дворцовыми службами, но впоследствии их компетенция стала выходить за пределы королевского двора; приобретая все больше и больше публичный характер, они имели перспективы превратиться в государственные и даже составить основу для складывания целых учреждений.

Надор-палатин. Первое место среди таких должностей в средневековой Венгрии принадлежало *надору-палатину*⁹³. Латинское название этой должности — *palatinus, comes palatii*. На ранней стадии развития Венгерского государства можно найти ее аналог в западноевропейской системе государственного управления в лице пфальцграфа, хотя с самого начала палатин располагал при дворе большей властью, чем его франкский коллега. Правда, данный факт свидетельствует о более примитивной организации венгерского королевского двора по сравнению с франкским. В Венгрии эту должность создал еще король Иштван I, ориентировавшийся как раз на франко-германскую практику.

Палатин был самым высоким придворным чином в стране, и в XI — начале XII в. еще был тесно связан с королевской курией и персоной короля. Изначально он совмещал две важнейшие функции: судебную и хозяйственную. Как доверенное лицо короля палатин был призван разрешать конфликты, возникавшие внутри королевской курии. То есть он был первым куриальным судьей и в этой функции замещал короля, который в силу своих прерогатив был бы должен (но из-за разросшихся и усложнившихся задач королевской власти не мог) лично вершить суд над своими людьми в т. н. суде присутствия короля (*praesentia regia*).

Кроме правосудия на палатине лежала забота о материальном обеспечении королевского двора, для чего ему был вверен сбор доходов с королевских поместий, которыми он распоряжался во благо двора. В этом качестве он ведал королевской сокровищницей (*aerarium*), или

---

⁹³ В венгерской традиции палатина принято называть надором, поэтому оба названия должности равнозначны.

казной. Этим не ограничивалась сфера деятельности этого высшего придворного чина. В курии он командовал королевскими воинами (*miles*). Хозяйственные и военные обязанности палатина в целом совпадали с обязанностями ишпанов королевских комитатов (см. о них ниже), что и отразилось в венгерских названиях этого высшего сановника королевского двора: надор (*nádor*), надоришпан (*nádor ispán*), ишпан двора (*palotai ispán*). Оба слова пришли из древнеславянского языка и соответствовали славянскому «надворный жупан»⁹⁴.

Первоначально, как свидетельствуют законы короля Св. Ласло (конец XI в.), сфера судебной деятельности надора ограничивалась только людьми королевской курии (воинами, слугами). У него как у куриального судьи находилась королевская печать, которую он должен был передавать своему заместителю, если уезжал из курии. Однако уже в законах короля Кальмана (конец XI — начало XII в.) допускается вмешательство надора-палатина в судебные дела комитатов, в случае возникших там к неудовольствию местного люда споров между королевскими судьями. Начиная с этого времени, выйдя за пределы королевской курии, судебные функции надора-палатина все больше приобретают общегосударственный характер. Роль надора-палатина в государстве возрастала еще и потому, что он замещал короля и как глава королевского ополчения, взяв под свое начало королевские военные контингенты в комитатах. В XII в. он считался наместником короля, представляя того во время отсутствия. Разъезжая по стране, надор проводил в комитатах судебные сессии (т. н. надорские куриальные съезды, *concursum curialis*). Так сложился надорский суд как особая судебная инстанция. Золотой буллой 1222 г., которая возникла как результат острой борьбы между могущественными магнатами и стремящимися не попасть под их власть королевскими сервиентами (будущими дворянами), надору-палатину передавалась роль посредника между королем и обществом, и в подтверждение этого поручалось хранение одного из экземпляров Золотой буллы. Значение должности надора подчеркивалось также тем, что он мог замещать короля как судью даже в день персонального королевского суда в Секешфехерваре.

Формирующиеся сословия пытались взять под свой контроль эту высшую должность в государстве и уже в конце XIII в. добились того, что для назначения надора-палатина требовалось согласие Королевского совета. Тем не менее еще в правление Анжуйской династии

---

⁹⁴ «Жупан» происходит от слова «жупа» (межа, граница).

в XIV в. надоры продолжали оставаться «людьми короля», получали от него за свою службу земельные пожалования. Все это сделало их самими могущественными магнатами королевства, которые могли оказывать сильное влияние на политику королевства, особенно в период ослабления королевской власти в правление последних Арпадов⁹⁵. Палатины входили в число «истинных баронов» королевства, причем самых могущественных. В Королевском совете они занимали место подле короля. В качестве вознаграждения в XIV в. они получали обеспечение в виде трех-четырёх наиболее богатых комитатов, а комитат Пешт закреплялся за палатинами навечно. Однако в наследственную эта должность не превратилась ни в эпоху Арпадов, ни при последующих династиях.

В сословно-представительной монархии должность надора-палатина (при том, что он сохранил все прежние функции) приобрела новое значение: она превратилась в сословную. Надор по сути возглавил сословия и представлял их интересы перед лицом центральной власти в целом и короля в частности. В середине XV в. сословия впервые избрали надора. Король Матяш I на время вернул практику назначения надоров, но потом, надеясь на поддержку этого должностного лица в вопросе об утверждении на троне своего незаконного сына, возобновил выборы. В 1485 г. было созвано специальное Государственное собрание в связи с выборами надора и законодательным закреплением его обязанностей. Ему в обязанность вменялось созывать Государственные собрания в случае избрания короля и предоставлялось право первого голоса. В его функции входило улаживание противоречий и споров между короной и сословиями. Надор был после короля первым из судей, а в отсутствие монарха — его наместником, на которого ложились все королевские полномочия, кроме права предоставления земельных пожалований и привилегий. В особых округах — у половцев и ясов — он был верховным судьей. В случае смерти короля надор становился опекуном малолетнего короля. Наконец, он занимал пост главнокомандующего всех войск в королевстве. Среди бандериальных господ, т. е. тех высших феодалов, которые обладали правом по призыву короля выступать на войну со своим войском под собственным знаменем, ему принадлежало первое место. Из сказанного мы видим, как

---

⁹⁵ Династия Арпадов в Венгрии пресеклась в 1302 г., ей на смену пришла неаполитанская ветвь Анжуйской династии (1301–1382).

далеко от первоначального содержания в раннефеодальном королевстве ушла должность палатина ко времени складывания сословно-представительной монархии. В то же время обращает на себя внимание чересчур широкий характер его полномочий, что отражает специфику организации власти в средневековом государстве.

Судья королевской курии, или государственный судья. В ходе развития властных институтов палатина передавали некоторые из функций своим заместителям. Из них, в свою очередь, выросли новые, уже вполне самостоятельные должности. Одной из них была должность *судьи королевской курии*, или *государственного судьи*.

Эта должность прошла путь развития, во многом схожий с надором-палатином. Она появилась в 30-е гг. XII в. как раз в связи с тем, что из-за частых отлучек надора-палатина его обязанности в курии стали переходить к его заместителю, должность которого изначально называлась удваришпан (лат.: *comes curiae*, венг.: *udvarispán*). Удваришпан управлял королевским дворцовым хозяйством, собирал доходы с королевских поместий и осуществлял надзор за их населением, управлял королевскими финансами и казной, а также замещал короля в качестве судьи в суде королевского присутствия (*praesentia regis*). То есть в начальный период эта должность совмещала в себе две функции: судебную и хозяйственную, как это было и в случае надора-палатина.

Однако со временем отправление правосудия вышло на первый план и в деятельности удваришпана, а его судебная власть распространилась за пределы королевского двора, постепенно охватив всю страну. Золотая булла 1222 г. оформила его право вершить суд вне пределов двора повсюду в королевстве, если судебный процесс был начат удваришпаном в курии. Исключение составляли наиболее тяжкие преступления. Бывший удваришпан в соответствии со своими новыми обязанностями стал называться судьей королевской курии (*judex curiae, judex curiae regiae, judex curiae regis*). И хотя, как мы видим, подобное наименование должности уже в XIII в. не вмещало ее действительного содержания, в латинской терминологии оно сохранилось на века. Однако в венгерском языке за ним закрепилось название «государственный судья» (*országbíró*), соответствовавшее реальному полю деятельности этого сановника. Правда, в венгерской историографии остается открытым вопрос о времени появления венгерского термина. В иерархии государственных чинов Венгерского королевства государственный судья занял второе место после надора-палатина, а при необходимости замещал последнего.

Носители этой должности превратились в могущественных магнатов, которым принадлежали огромные владения в стране. Известно много случаев, когда должность становилась ступенькой к посту надора-палатина.

Государственные судьи принимали активное участие в политической борьбе. По этой причине в последние десятилетия царствования династии Арпадов и на протяжении всего XIV в. они, как правило, не занимались своими прямыми обязанностями, т. е. лично не заседали в суде королевской курии, а перепоручали председательство заместителю из числа своих фамилиариев: вице-судье королевской курии (*vicejudex curiae*, венг.: *alországbiró*). Что же касается королевских финансов, королевской казны и прочих хозяйственных дел двора, то они уже в начале XIII в. перешли в ведение нового чиновника двора: *таверника*, что, собственно, и сделало возможным обособление должности государственного судьи.

Таверник. Упоминания о заместителе удваришпана (*magister cubiculariorum*) впервые встречаются в венгерских источниках в конце XII в. Круг обязанностей этого должностного лица изначально складывался в тесной связи с изменением функций надора-палатина и судьи королевской курии, будущего государственного судьи. На первых порах будущий таверник руководил деятельностью хранителей амбаров и кладовых королевских поместий. К нему постепенно переходили хозяйственные обязанности удваришпана, который все больше занимался судопроизводством.

Управление финансами в раннефеодальном Венгерском королевстве отражало персональный характер власти монарха. В то время еще не различались государственная и собственно королевская казна. В королевскую казну поступали в первую очередь доходы от его собственных владений и поместий. В описи короля Белы III (1131–1141) относительно доходов казны от дорожных, таможенных и рыночных пошлин сказано: *omnia sua sunt*. На доходы от королевских владений содержались двор, войско и т. д. Эти особенности финансовой системы Венгерского феодального государства отражались в системе управления.

Уже в начале XIII в. заместителя удваришпана начинают называть *главным таверником* (*magister tavernicorum*, венг.: *kincstartó*), что отражало изменение и расширение функций этого должностного лица, приобретавшего общегосударственное значение. Если в XII в. заместитель удваришпана ведал преимущественно дохо-

дами собственных королевских поместий, то в XIII в., когда королевский домен сократился и доходы от него потеряли прежнее значение, в ведение главного таверника попали другие источники поступлений в казну, в первую очередь от королевских регалий, в том числе различных таможенных (внутренних и внешних), рыночных пошлин, поборов за речные перевозки, доходов от горных промыслов, монополии на добычу благородных металлов, соли и т. д. С появлением и развитием городов, которые в Венгрии входили в число королевских владений, контроль над их доходами также перешел к главному тавернику. Реформы Карла Роберта Анжуйского в первой половине XIV в. коснулись монетной чеканки и налогов. В системе государственных доходов налоги (с крестьянского надела, военный и др.) стали приобретать все большее значение. Все это повысило значение главного таверника. В XIV в. в его компетенцию входила также и монетная чеканка. Его функции уже не ограничивались управлением доходами и финансами, а распространялись и на судопроизводство. Вместе с государственным судьей главный таверник вел дела в Суде королевского присутствия, хотя и занимал позицию после своего «коллеги». Его судебной власти подчинялись привилегированные территории, в первую очередь свободные королевские города, что было закреплено реформой Лайоша I Великого в 1376–1378 гг. С конца XIV в. главному королевскому тавернику помогали вершить правосудие «товарищи» из числа бюргеров. Таким образом, происходило постепенное превращение главного таверника в один из сословных чинов. В судебной палате у него появился свой постоянный аппарат — канцелярия (*officium tavernicale*), где нотариусы и их начальники — протонотариусы работали с официальной перепиской, а также с апелляциями, поступающими в суд главного таверника.

Должность главного королевского таверника была одной из самых высоких в Венгерском королевстве. Ее занимали светские лица, как правило, принадлежавшие к знатным семьям, таким как, например, Кёсеги, Чак, Аба, Другет, Лакци и др. Хотя эта должность не передавалась по наследству, нередко она доставалась детям высших сановников королевства. С другой стороны, она могла стать важной вехой на пути к самым высоким постам: надора, судьи королевской курии и др. Как и другие высшие сановники, главные таверники получали от короля обеспечение в виде земельных пожалований и целых комитатов. Они входили в число королевских советников. В 1377 г. должность была подкреплена статусом «истинного барона».

Казначей. В XIV в. по мере расширения судебных полномочий и задач главного таверника управление доходами казны постепенно переходило к его заместителю: *казначеею* (*thesaurarius*). Впервые эта должность упоминается в связи с денежной реформой Карла Роберта в 1340 г. Но уже к концу века казначей (к тому времени уже главный) полностью заменил главного таверника в хозяйственных и финансовых делах казны. О значении должности говорит тот факт, что ее носитель получал титул барона, который, однако, не передавался по наследству. В отличие от главного таверника казначей не стал независимым сословным чином, а продолжал оставаться скорее доверенным лицом короля.

Но по мере развития системы государственных доходов появлялись налоги, вотировавшиеся сословиями, среди них — военный, установленный во второй половине XV в. В связи с этим возникло такое учреждение, как *Казначейство* (*camara regia*, венг.: *kincstár*). Оно занималось сбором налогов (даже от королевских регалий) с помощью специальных служащих, правда, пока еще из числа фамилиариев таверника и казначея. В начале XVI в. дворянство, пытаясь (не без успеха) добиться большего для себя участия во власти, потребовало от короля, чтобы казначеи выбирались сословиями на Государственных собраниях, с тем чтобы поставить под свой контроль доходы казны. В отличие от главного таверника главный казначей не приобрел судебных полномочий.

Будайский комендант. Важным свидетельством эволюции системы организации финансов в Венгерском феодальном государстве было выделение в особую сферу управления доходами королевских земельных владений, перешедшего последовательно от таверника и казначея к *будайскому коменданту* (*praefectus castris, castellanus*; венг.: *várnagy*), коменданту королевского замка в Буде. Коменданты королевских крепостей, назначавшиеся королем, совмещали функции гарнизонных командиров с хозяйственными, административными и судебными (вершили суд над зависимым населением крепостных округов). По мере превращения Буды в столицу королевства росло значение коменданта будайской крепости, в которой находилась королевская резиденция. Особенно это стало заметно в XV в., в ходе успешной централизации страны. Будайские коменданты возвысились настолько, что не справлялись со своими обязанностями, и часто их замещали *вице-коменданты* (*vicecastellanus*).

При слабых Ягеллонах сословия добивались контроля над государственными доходами, и с этой целью на Государственном собрании 1518 г. выбрали двух казначеев, между которыми попытались разделить управление государственными (чрезвычайными налогами, устанавливавшимися сословиями) и непосредственно королевскими доходами. В 1521 г. они избрали уже четырех казначеев: двоих из баронов, двоих из дворян. Более того, сословия предприняли попытку установить контроль и над королевским казначеем, поставив рядом с ним контролера от сословий. Но это им не удалось, как и в целом их стремление полностью подчинить финансы королевства сословиям.

Королевская канцелярия. Королевский двор составляли не только придворные должности, но и его институты, к которым можно отнести Королевскую канцелярию, Королевский придворный суд, Королевский совет.

Наибольшее институциональное оформление среди этих органов получила *Королевская канцелярия*. Генезис этого учреждения прослеживается из истории должностей, формировавших его в течение долгого времени. Он проходил в самом тесном переплетении со становлением системы королевского судопроизводства. На начальном этапе существования Венгерского королевства еще не возникло потребности в Канцелярии как постоянном органе, т. к. письменное делопроизводство в Венгрии вплоть до XIII в. было развито крайне слабо. При Иштване I составлением грамот занимались прибывшие из Германской императорской канцелярии нотариусы.

Как и в соседних государствах, придворная канцелярия венгерских королей выросла из Придворной королевской капеллы. Составлявшие ее корпус клирики (капелланы) не только выполняли пастырские обязанности, но при случае привлекались и к делопроизводству. Издание грамот при Ласло I Святом и Кальмане I (конец XI — начало XII в.) уже доверялось *главному капеллану*⁹⁶, который начиная с XII в. стал именоваться *ишпаном (графом) капеллы (comes, или magister capellae regiae)*. Он скреплял грамоты большой круглой королевской печатью, хранение которой придавало этой фигуре особую важность. Главный капеллан был очень влиятельным лицом при дворе, доверенным человеком короля, его духовником. Через своего капеллана король получал информацию о положении дел церкви в стране; он входил в Королевский совет. Тем не менее в XII в. никакой

---

⁹⁶ Должность, соответствовавшая архикапеллану в Германии того времени.

определенности в деятельности ишпана капеллы и подчиненных ему служащих по источникам не прослеживается.

Канцлер. Ближе к середине XII в. в документах встречается самое раннее упоминание о *канцлере* (*cancellarius*), первоначально именовавшемся также нотарием. Некоторое время канцлер делил обязанности с ишпаном капеллы. Позже должности канцлера и нотариуса разделились, первый занял более высокое положение в формировавшейся как учреждение Канцелярии. Она отделяется от Придворной капеллы; последняя постепенно вытесняется из королевского делопроизводства. В первые десятилетия XIII в. должность канцлера окончательно закрепляется за эстергомским архиепископом — главой венгерской католической церкви; он именуется уже *верховным канцлером* (*summus cancellarius*, венг.: *főkancellár*). Но как главе церкви ему было трудно одновременно реально выполнять обязанности главы Королевской канцелярии, которые переходят к его заместителю: *вице-канцлеру* (*vicecancellarius, subcancellarius*, венг.: *alkancellár*). К концу эпохи Арпадов (начало XIV в.) должность верховного канцлера превратилась в одну из самых высоких в государстве и носила ярко выраженную политическую окраску. Без него не решалось ни одно важное государственное дело, он входил в состав Королевского совета. Канцлеры вмешивались и в королевское судопроизводство. В XIV в. у них появился собственный суд, т. н. *суд особого королевского присутствия* (*specialis praesentia regia*), где они председательствовали, представляя короля.

Изменились положение и функции *нотариев* (*notarius*, венг.: *jegyző*). В Канцелярии работали по крайней мере несколько нотариусов, лично составлявших грамоты. Кроме того, они нередко посылались для ведения дел в провинцию, отправлялись в посольства с дипломатическими поручениями. За заслуги нотариусы получали от короля высокие церковные должности. В документах эпохи нотариусы Королевской канцелярии назывались по-разному: *notarius, notarius secretarius, notarius specialis*, но выявить различия между ними историки не могут. У кого-то из них хранилась одна из королевских печатей (перстень), которой в отдельных случаях опечатывали жалованные грамоты. В социальном отношении нотариусы чаще всего были духовными лицами знатного происхождения. В конце эпохи Арпадов должность давала высокое положение при дворе. Нотариусы имели перспективы должностного повышения. Известны случаи их продвижения в вице-канцлеры и даже в канцлеры. Роль нотариусов в жизни двора трудно переоценить. Это были не только наиболее

грамотные, но и высокообразованные его служащие. Из их числа вышли авторы нескольких выдающихся хроник.

В штате канцелярий в XIV в. работали уже *корректоры* (*corrector litterarum*), проверявшие текст; *писцы* (*scriba*, венг.: *írnok*); *архивисты* (*conservator*), хранившие документы и копировавшие наиболее важные из них.

В Анжуйскую эпоху (XIV в.) в Королевской канцелярии появилась новая должность — *тайного канцлера* (*secretus cancellarius*, венг.: *titkos kancellár*), что было связано с расширением дипломатических контактов и международных связей венгерских королей этой династии, Карла Роберта и Лайоша I Великого. Предположительно она развилась из должности *notarius secretarius*, из чего можно сделать вывод, что на первых порах он был доверенным лицом короля и выполнял конфиденциальные дипломатические поручения. С этого времени Королевская канцелярия разделилась на две части: Большую, или Старшую (*cancellaria major*), и Тайную (*cancellaria secreta*). Первая занималась по большей части внутренними делами (оформлением и заверением жалованных грамот, привилегий и т. п.); а в компетенцию второй входили иностранные дела и те, которые считались тайными.

В первой трети XV в. Жигмонд (Сигизмунд) Люксембург реформировал Канцелярию, выделив из нее еще одну — Малую канцелярию (*cancellaria minor*, венг.: *kisebb kancellária*), для производства дел в сфере королевского судопроизводства. Так появился новый центральный судебный орган — *Суд личного присутствия короля* (*personalis praesentia regia*) во главе с тайным канцлером. Однако это слишком запутало положение дел в канцеляриях, из-за чего Матяш I Корвин в 1464 г. объединил Большую и Тайную канцелярии и аннулировал Суд верховного канцлера. В то же время во главе Малой канцелярии он поставил *персоналия* (*personalis praesentiae regiae*, венг.: *személynök*), которому поручил вести Суд личного присутствия короля. Персоналии никогда не входили в число баронов, они происходили из дворянского сословия — из тех дворян, которые служили при дворе и были заняты в королевском судопроизводстве.

При Матяше в соответствии с его централизаторскими замыслами Королевская канцелярия получила право участвовать в Королевском совете, а также в подготовке вопросов для предстоящих Государственных собраний, а потом — в исполнении их решений. Среди служащих Канцелярии особенно поднялись *секретари*, которые возглавили «отделы» Канцелярии. Королевская канцелярия была

высшим заверительным местом, где подтверждались королевские грамоты. Служащие Королевской канцелярии в XV в. обладали, как правило, хорошей профессиональной подготовкой, некоторые из них учились в университетах за границей, чаще всего юриспруденции. Они составили в Венгрии тот узкий круг высшей интеллигенции, которая явилась проводницей идей Возрождения в стране.

Таким образом, мы можем наблюдать одновременное складывание двух институтов центральной власти: Королевской канцелярии и королевского судопроизводства, неотделимых друг от друга. Подытоживая сказанное об эволюции королевского судопроизводства, мы должны выделить следующее. Уже в XIII в. у надора, а потом и у судьи королевской курии (государственного судьи) появился собственный суд, вышедший за пределы дворцового судопроизводства и распространившийся на все государство. Но при этом не исчезло судопроизводство самого короля, распространявшееся на особые случаи.

Королевская судебная палата. В основе королевского судопроизводства в Средние века лежало понятие, что источником светского правосудия является король, который мог судить по любому делу, что же касается господ (высшей знати), выполнявших судебные функции, то они действовали лишь как заместители короля в суде, представлявшие его персону. Самый ранний суд этого типа, как уже упоминалось, назывался Судом королевского присутствия (*praesentia regia*), и короля в нем представляли сначала надор, потом судья королевской курии; в XIV в. он был заменен судом особого королевского присутствия (*specialis praesentia regia*) во главе с канцлером; в первой половине XV в. — Судом личного королевского присутствия (*personalis praesentia regia*) во главе с тайным канцлером, которого во второй половине XV в. заменил персоналий. Товарищами персоналия по суду были не только прелаты и бароны, но и четыре протонотария. *Протонотариус* (*prothonotarius*, венг.: *itelömester, főjegyző*) — старшие нотариусы, занимавшиеся подготовкой судебных приговоров, были сведущими в юриспруденции людьми, нередко имевшими специальную подготовку. Поэтому суд персоналия был более профессиональным, чем суды надора и государственного судьи. Он получил название *Королевской судебной палаты* (*tabula regia judiciaria*) и все больше оттеснял суды, возглавляемые баронами, тем более что в отличие от них заседал постоянно, по крайней мере в правление Матяша.

Стремясь ослабить влияние баронов, Матяш отобрал у надора не только уголовные дела, но и многие дела гражданского иска, передав их персоналию, т. е. подчинил напрямую себе. В последующий период, при

Ягеллонах, высшие баронские суды восстановили свои позиции, но суд персоналия и его место в судебной системе королевства сохранились.

В предмощачскую эпоху Королевская судебная палата объединяла в себе суды надора, государственного судьи, канцлера и персоналия. Эти высшие должностные лица назывались *ординарными судьями королевства* (*judices regni ordinarii*), или верховными судьями, поскольку перед ними как судьями, замещающими короля, мог быть начат любой судебный процесс. Каждый из этих судов имел свою особую компетенцию. Суд надора «специализировался» на спорах между королем и сословиями; суд государственного судьи был высшей апелляционной инстанцией для дворянских комитатских судов; суд персоналия решал уголовные дела, требовавшие срочного рассмотрения (например, незаконные захваты владений феодалами). Главный таверник, который, как уже упоминалось, также имел судебные полномочия, не входил в число верховных судей королевства, так как его судебная компетенция распространялась только на часть свободных королевских городов, и не имел судебной власти над благородными сословиями. Другая часть свободных королевских городов подчинялась суду персоналия, действовавшему, однако, отдельно от его главного суда. Сфера действия Королевской судебной палаты не распространялась на автономные территории. В Трансильвании, Хорватии и Славонии, в Спише⁹⁷, земле секеев⁹⁸ имелись свои суды, соответственно трансильванского воеводы, хорватско-славонского бана, спишского ишпана.

Королевский совет. Одним из трех институтов королевского двора в средневековой Венгрии был Королевский совет. Состав и компетенция Королевского совета начального периода жизни Венгерского государства очень размыты. К XIII в. он состоял из духовной и светской знати — епископов, некоторых ишпанов, придворных, членов королевской семьи, составлявших окружение короля. Они собирались от случая к случаю, если королю требовался их совет. Со складыванием сословий появляется стремление господ и дворян определять состав Королевского совета и сферу его компетенции в тех вопросах,

---

⁹⁷ Спиш (по-венг. Сепеш, лат. Scipus, нем. Zips, словацк. Spiš) — область на севере средневекового Венгерского королевства, большая часть которого в настоящее время входит в Словакию, меньшая — в Польшу.

⁹⁸ Секеи — этнос, родственник венграм, в Средние века населявший южные и юго-восточные области Трансильвании. Пользовались широкой автономией.

которые касались их интересов. Впервые эти пожелания сословий были зафиксированы в законах 1290 и 1298 гг. Первыми постоянными членами Королевского совета стали по долгу службы прелаты, а позже — бароны, занимавшие высшие светские должности. При Жигмонде Люксембурге состав Совета расширился, включив в себя не только «истинных баронов». В периоды междуцарствия или феодальной анархии, в частности в первый период правления Жигмонда в начале XV в., по некоторым делам Королевский совет выносил самостоятельные решения, подписывая документы от имени не короля, а короны. Матяш I попытался лишить Королевский совет былого значения, превратив его в бюрократическое учреждение под началом Королевской канцелярии. Даже при слабых Ягеллонах, когда знать небезуспешно пыталась вернуть себе утраченные при Матяше позиции, львиная доля дел (около 80 %) улаживалась секретарями Королевской канцелярии, и только около 20 % оставалось Королевскому совету. В начале XVI в. участия в нем добились дворяне, посылавшие туда 20 своих представителей, которых выбирало Государственное собрание. Но на самом деле делегированные сословиями советники не играли самостоятельной роли, а проводили политику тех враждующих между собой магнатских группировок, к которым так или иначе относились сами, будучи фамилиариями тех или иных баронов. Таким образом, Королевский совет оставался органом баронов и прелатов. Без учета мнения Королевского совета ни Уласло II, ни Лайош II не принимали решений. В его состав входило около 50 прелатов и баронов.

Государственное собрание. Начальный этап складывания сословий в венгерском обществе относится к XIII в. Уже во второй половине XIII в. будущие дворяне, называвшие себя тогда королевскими сервиентами, съехались на первое общее собрание (*communis congregatio*), потребовав от короля восстановить и соблюдать их права и привилегии, дарованные Иштваном Святым. Но складывание высшего сословно-представительного учреждения в Венгрии — Государственного собрания, подобного другим высшим органам сословно-представительной монархии в Западной Европе, относится уже к XV в. В середине XV в. Государственное собрание стало собираться регулярно. В 1445 г. в него были впервые приглашены представители отдельных городов. Бароны и прелаты, а также члены Королевского совета приглашались на форум персонально и заседали отдельно от дворян и бюргеров. Принципы представительства дворянства в ту эпоху еще не были отработаны. Но до Мохача, особенно в первой

четверти XVI в., преобладала практика поголовного участия дворян в собраниях. Государственное собрание в Венгрии не только вотиrowало некоторые налоги (в первую очередь чрезвычайный военный), оно стало законодательным органом. На нем рассматривались вопросы, связанные с внешней политикой (заключение мира, объявление войны), с замещением трона, избранием короля, выборами надора. Судебные полномочия государственных собраний распространялись на дела по обвинению в измене и оскорблении величества, которые решались вместе с ординарными судьями королевства.

Отличительной особенностью высшего сословного форума средневековой Венгрии было слабое участие в нем бюргерства ввиду общей отсталости этого сословия. Поэтому на государственных собраниях сталкивались в основном три политические силы: королевская власть, феодальная знать и дворянство. Во второй половине XV в. при сильной королевской власти, в правление Матяша Корвина, государственные собрания послушно исполняли волю монарха, поддерживая его централизаторские усилия. Однако с приходом к власти слабых Ягеллонов, в конце XV — первой четверти XVI в., в зависимости от политической ситуации эти политические группы выступали в разных комбинациях, ожесточенно борясь за свои узко сословные и политические интересы, чем в конечном счете ослабили оборону страны и открыли дорогу турецким завоеваниям. От Государственного собрания исходили законы, сдерживавшие развитие городов и бюргерства, а также ухудшавшие юридический статус крестьянства королевства. В начале XVI в., в разгар борьбы между крупными феодалами и дворянством, последнее стремилось расширить свое участие в управлении страной, осуществляя контроль за финансами, обеспечив присутствие своих представителей в Королевском совете и даже самостоятельно осуществляя внешнеполитические контакты. Дворянство отказывалось исполнять решения неугодных ему государственных собраний, проводимых по инициативе короля, противопоставляя им свои собрания и свои решения.

УПРАВЛЕНИЕ ИНКОРПОРИРОВАННЫМИ ТЕРРИТОРИЯМИ

Одна из особенностей властных институтов Венгерского королевства в Средние века, как уже упоминалось, была связана с его полиэтничным характером и тем, что на протяжении веков в его состав

на разных условиях включались новые территории. Они были представлены при дворе венгерского короля должностными лицами, носившими название *бан*.

Хорватско-славонский бан. В эпоху формирования хорватской государственности банами в этой стране назывались подчиненные государю областные правители. После того как Хорватия вместе со Славонией в конце XI — начале XII в. вошла в состав Венгерского королевства, высший чин, представлявший подчиненные королевства перед венгерским королем, был хорватско-славонский бан. В отдельные периоды хорватский и славонский баны выступали отдельно, но Матяшем I были окончательно объединены. По Золотой булле 1222 г. бан входил в число четырех высших должностей в Венгерском королевстве. Он замещал персону короля в Хорватско-Славонском королевстве, командовал крепостными гарнизонами, в период оформления сословий представлял сословия своего королевства перед венгерским королем, вершил над ними правосудие на собственном судебном собрании, управлял доходами казны королевства, треть которых отходила к нему. В XIII в. он имел собственную монету, называвшуюся банский денарий. Из фамилиариев бана выделился его заместитель, *вице-бан*. А из судебных собраний бана сформировался высший орган сословного представительства, Сабор. Судопроизводство королевства сосредоточилось в судебной палате бана, из которой можно было апеллировать к венгерскому королю. Хорватско-славонский бан был не единственным баном в Венгерском королевстве. После татарского нашествия возникли банские чины в южных пограничных областях, именовавшихся банатами: Сереньский, Мачойский. Все трое банов входили в число «истинных баронов» королевства, заседали в Королевском совете и имели свои бандерии, крупнейшие в Венгерском королевстве. В результате турецких завоеваний Мачойское и Сереньское банаты прекратили существование, а вместе с ними — и должности банов.

Трансильванский воевода. Особым статусом в Венгерском королевстве пользовалась Трансильвания. Обособленность этой области обуславливалась несколькими факторами. Венгерские племенные герцоги этих областей долго не хотели подчиняться Арпадам, пока их не покорил Иштван I; у правителей Трансильвании еще до Иштвана I сложились тесные связи с Византией, откуда в Трансильванию распространялось православие. Этнический состав населения этого региона был изначально довольно пестрым и усложнялся с течением времени. Поэтому венгерские короли предоставляли известную автономию

Трансильвании, в состав которой входило семь восточных венгерских комитатов, области секеев и области саксов — выходцев из германских земель, попавших в эти места в ходе процесса колонизации.

Король по своему усмотрению назначал в Трансильванию *воеводу*, который, в свою очередь, назначал ишпанов в комитаты, возглавлял судопроизводство, администрацию, военную организацию автономии. Под его знаменем собранные в трансильванских комитатах войска шли на войну по призыву короля. В делах управления воеводе помогал *вице-воевода*, выбиравшийся им из числа фамилиариев. Трансильванский воевода с XV в. имел собственную канцелярию. Он был одним из самых высоких придворных чинов в Венгерском королевстве, одним из самых могущественных баронов. Хотя должность не была в средневековом Венгерском королевстве наследственной, она фактически закреплялась за несколькими родами. Такое положение позволило трансильванскому воеводе Яношу Запольяи, представителю могущественного венгерского баронского рода, после гибели в битве при Мохаче в 1526 г. последнего венгерского короля из династии Ягеллонов претендовать на венгерский трон и получить венгерскую корону.

Как показывает рассмотренный материал, структура организации власти в средневековом королевстве учитывала его территориально-этнические особенности. В состав высших должностных лиц королевства и придворных чинов входили наряду с теми сановниками, властные полномочия которых простирались на основные территории королевства, также те, кто обладал высшей властью в инкорпорированных землях. Хорватско-славонский бан и трансильванский воевода пользовались теми же правами и имели такой же высокий статус, как и венгерские высшие чины, занимая в высшей иерархии в разное время третье и четвертое, а иногда и второе место. В отличие от властных должностей самого королевства они представляются в функциональном отношении менее структурированными и поэтому более архаичными.

МЕСТНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Королевские замковые комитаты. Основу местного управления феодальной Венгрии заложил Иштван Святой своей административной реформой. Он захватил территории, находившиеся под властью других племенных герцогов — его родственников, присоединил к своим владениям и разделил разросшийся таким образом домен на административные округа — т. н. королевские замковые ко-

митаты, или графства (*comitatus*, венг.: *vármegye*). Центром такой административной единицы стал королевский замок (в большинстве случаев городище), которому подчинялась округа с принадлежавшими королю поместьями. В историографии существует также мнение, что Иштван I взял за основу сложившиеся здесь еще до прихода венгров границы между отдельными землями, получившими свое название от древнеславянского слова «межа». Отсюда происходит и венгерское название комитата «медье» (венг.: *megye*), сохраняющееся до сегодняшнего дня. В любом случае основатель Венгерского государства ставил своей целью уничтожить самостоятельность племенных герцогов и добился ее. Иштван создал около 45 комитатов, к XIII в. их число приближалось к 70.

В XI–XIII вв. сформировалась административная структура комитатов. Во главе замкового комитата стоял *ишпан*, или граф (*comites*, венг.: *ispán*) — назначаемый королем чиновник из числа его доверенных лиц, как правило, из местной родовой знати. Венгерское название должности также происходит от древнеславянского «жупан». Ишпан управлял королевским имуществом, обладал судебной и исполнительной властью, ведал сбором податей, таможенных и рыночных пошлин, а также возглавлял военные силы комитата. За свои труды он получал треть собиравшихся здесь доходов. В осуществлении разнообразных и многочисленных функций ишпану помогал ряд должностных лиц.

В XIII в. в источниках встречаются первые упоминания о *кастеляне* (*major castri*; венг.: *várnagy*); он замещал ишпана в управлении непосредственно замком-крепостью. Во время войны ему принадлежала также судебная власть в замке. Военным помощником ишпана был *командир гарнизона* (*major exercitus*; венг.: *hadnagy*), должность которого оформилась к концу XII в.

Институт *королевских судей* (*judex regius*) эпохи Арпадов напоминает королевских посланцев Карла Великого и был, скорее всего, создан по его примеру. Это были посланцы короля в комитатах (как правило, по два на комитат), в определенной мере ограничивавшие юрисдикцию ишпана. В их компетенцию входил суд над ворами и грабителями, который они, правда, вершили только в присутствии ишпана. Королевский судья получал от короля специальную печать для оформления составленных им документов. Среди королевских судей ранней эпохи выделялись *судебные приставы* (*pristaldi*), специализировавшиеся на земельных спорах. С ослаблением королев-

ской власти королевские судьи превратились в должностных лиц, подчинявшихся ишпанам.

Проживавшее в королевских владениях комитата население — *замковые люди* (*populus castris, castrensis*; венг.: *várnép*) делились на сотни, а те — на десятки, возглавлявшиеся соответственно сотниками и десятниками. Эта категория населения, имевшая полусвободный статус, начала складываться еще в эпоху Иштвана I частью из прежних княжеских слуг, частью — из новых, поселенных в комитатах королевских слуг. Они занимались охотой, скотоводством, ремеслами, промыслами, обслуживая замковое хозяйство. Большая часть этих людей в ходе усиливавшейся в XI–XII вв. дифференциации, превратились в XIII в. в феодально зависимое крестьянство. Но небольшая часть замковых людей, выполнявших военную службу в комитате в пользу короля, т. н. *иобагионы замков* (*jobagiones castris*), образовали слой свободных воинов, *королевских сервиентов* (*servientes regis*). Они представляли собой аналог западноевропейских *milites* и впоследствии, в XIII в., в период складывания сословий, влились в состав дворянства как его низший слой.

В ходе складывания Венгерского государства на протяжении долгого времени наряду с королевскими замковыми комитатами продолжали существовать родовые территории (стоянки), на свободное население которых сначала не распространялась комитатская юрисдикция. Однако уже в XII в. ситуация стала меняться — тем более что четких границ между королевскими замковыми комитатами и родовыми стоянками не существовало, и нередко последние вкраплялись в пределы комитатов. В результате свободное венгерское население стало чаще обращаться к суду замкового ишпана и в конце концов подчинилось ему.

Дворянские комитаты. В процессе складывания феодальных сословий менялся характер королевских замковых комитатов и их властных структур. В первые десятилетия XIII в. вместе с ослаблением центральной власти полным ходом шел процесс разрушения системы королевских замковых комитатов. Усилившимся в ущерб королевской власти крупным феодалам принадлежали огромные владения, которые включали в себя целые комитаты, полученные ими как путем королевских пожалований, так и прямыми захватами. Так, власть могущественного феодала Мате Чака распространялась на 12 комитатов в северо-восточной части королевства. Вполне понятно, что он и ему подобные магнаты стремились к независимости

от королевской власти. Авторитет королевских судей в комитатах упал, в результате чего перед лицом магнатов без защиты остались королевские сервиенты — формирующееся мелкое дворянство.

Консолидирующееся дворянство с помощью королевской власти пыталось обезопасить себя в комитатах. В 1232 г. Бела IV предоставил сервиентам (формирующемуся дворянству) комитата Зала право вершить суд по делам лиц, потерпевших притеснения от магнатов. Так в комитатах появились первые должностные лица — *судьи служилых людей* или *сервиентов*, или *солгабиро* (*judex servientium, iudlium*; венг.: *szolgabíró*), выбираемые дворянскими общинами комитатов. (Для удобства назовем их дворянскими судьями.) Впоследствии эта практика стала повсеместной, и таким образом из королевских стали оформляться дворянские комитаты, где начинали складываться местные сословные органы дворянского самоуправления: администрация и суд. Постепенно стали налаживаться связи между судебными представителями комитатского дворянства и ишпанами комитатов. Во второй половине XIII в. дворянские судьи и ишпаны стали совместно издавать грамоты, скреплявшиеся печатью ишпана. Роль дворянских комитатов со временем возрастала, т. к. именно они обеспечивали собираемость налогов в королевскую казну (в первую очередь военного) и поддержку боеспособности королевства за счет местного дворянского ополчения.

По закону верховный ишпан (*supremus comes*; венг.: *főispán*) по-прежнему являлся проводником воли монарха во вверенном ему комитате и всеми доступными средствами должен был обеспечить выполнение распоряжений, поступавших от королевской администрации. Магнаты стремились превратить должность верховного ишпана в наследственную, но в целом им это не удалось: верховных ишпанов в XIII–XV вв., как и прежде, назначали короли, к тому же не всегда пожизненно. Во второй половине XV в. появились наследственные верховные ишпаны: несколько высших постов в государстве обеспечивались определенным комитатом. Так, надоры одновременно были верховными ишпанами комитата Пешт.

В обязанности ишпана входила защита местного дворянства перед лицом как магнатов, так и простонародья; он возглавлял дворянское ополчение комитата в случае войны; председательствовал в комитатском дворянском суде. Однако начиная с XIV в., верховные ишпаны, занятые, как правило, государственными делами, принимали все меньшее участие в реальном руководстве жизнью комитата, перепоручая это *вице-ишпанам* (*viccomes*; венг.: *alispán*).

Высшим органом власти дворянского комитата являлось *Комитатское дворянское собрание* (*Congregatio generalis*), первые упоминания о котором относятся ко второй половине XIII в. В нем участвовали все дворяне, проживавшие в данном комитате или имеющие в нем собственность, хотя до XVI в. в них допускались и представители непривилегированных сословий. Комитатские собрания решали все вопросы, касающиеся комитата: административные, судебные, налоговые; они делегировали депутатов на Государственные собрания. В XVI в. судебными делами в ряде комитатов стали заниматься специальные *Комитатские суды* (седрии).

Собрание выбирало должностных лиц комитата, кроме верховного ишпана и вице-ишпана. Вице-ишпаны до XVI в., как правило, назначались верховными ишпанами из числа их фамилиариев и получали вознаграждение от своих патронов. Однако по мере усиления дворянства оно стало требовать права выбирать вице-ишпанов из своей среды, пусть и с согласия верховного ишпана. В ряде мест уже в XV в. дворянство добилось успеха. В руки вице-ишпанов перешло реальное руководство делами комитата: они председательствовали на судебных заседаниях, замещали ишпанов на общем собрании. Им адресовались распоряжения центральных властей.

На дворянских судьях (солгабиро) лежали важные задачи по осуществлению правосудия: они участвовали в судебных заседаниях; вели допрос свидетелей, в том числе выезжая на места; вызывали в суд, исполняли приговор. Кроме того, они помогали в распределении и сборе налогов, в составлении списков местного дворянского ополчения, в охране порядка. В каждом комитате обычно выбиралось четыре судьи из числа состоятельных и влиятельных средних дворян сроком на один год. В помощь дворянским судьям Комитатское дворянское собрание ежегодно выбирало также 8–12 *присяжных заседателей* (*juratus assessor*; венг.: *esküdt*) из зажиточных местных дворян.

Важное место в комитатской администрации занял *нотарий* (*notarius*). Он вел комитатскую переписку, оформлял протоколы заседаний общих собраний и судебных заседаний, записывал их решения, составлял комитатские грамоты и т. п. Трудно переоценить значение нотарииев в деятельности комитатов, поскольку большинство служащих комитатской администрации — и судьи, и присяжные — были неграмотными. Спрос на нотарииев был велик, т. к. в стране не хватало людей их профессии. Первоначально нотариии были, как правило, фамилиариями верховных ишпанов или вице-ишпанов, и их деятельность не носила

постоянного характера: их призывали в случае необходимости. По мере увеличения делопроизводства в дворянских комитатах росла нужда в услугах нотарииев. Комитаты стали нанимать их на постоянной основе и сами устанавливали им жалованье. Но дефицит профессионалов в этой сфере приводил к тому, что еще в начале XVI в. один нотариий подчас обслуживал несколько комитатов.

Хотя дворянские комитаты XIII — начала XVI в. были призваны стоять на страже интересов местного дворянства, их отношения с феодальной знатью были весьма сложными. Крупные феодалы, владевшие землями в комитате, также являлись частью местной словенной корпорации, каковой являлись дворянские комитаты. Благодаря своему богатству, государственным должностям и положению в обществе они могли оказывать существенное влияние на политику дворянских комитатов.

ГОРОДСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Свободные королевские города. Замоквые комитаты были не единственной территориально-административной единицей в королевстве. Ко второй половине XIII в. относится складывание в королевстве городов и городского права. Города Венгерского королевства возникали на базе замков, а также из привилегированных общин госпитов, призывавшихся венгерскими королями для заселения Венгрии, особенно после ее опустошения татаро-монгольскими полчищами в 1241–1242 гг. Большое влияние на этот процесс оказали переселенцы из немецких земель и городское право немецких городов, в частности Магдебурга. Так как города возникали на королевских землях, то король был их господином. Такие города назывались свободными королевскими городами (*liberae regiae civitates, civitates*), их число в начале XVI в. не превышало 11.

Как и в других странах Европы, горожане в Венгрии пользовались личной свободой. Свободные королевские города подчинялись юрисдикции короля, которого с XIV в. представлял главный королевский таверник. До XV в. его товарищами были магнаты и дворяне, а с середины XV в. — представители городской верхушки. В начале XV в. свободные города получили право обращаться непосредственно в Суд личного присутствия короля, возглавляемого персоналием.

Города имели право на собственный суд, самоуправление, налогообложение, нормотворчество (издания статутов, не противоречив-

ших общегосударственным законам), право на ярмарки. Они пользовались такими феодальными правами, как содержание мельниц, сбор таможенной пошлины, задержание товара и т. п.; подобно крупным феодалам, обладали правом выносить смертный приговор (*jus gladii*). В королевское войско города должны были снарядить определенное число воинов, а также снабжать его оружием и провиантом.

В XIII в. начинает формироваться внутренняя организация и самоуправление привилегии свободных королевских городов. Городским головой на первых этапах существования города был *судья* (*judex*). Он и 12 выборных присяжных из числа уважаемых горожан (*jurati cives, majores, seniores*) составляли Городской совет (*magistratus, senatus*), управлявший городом. В начальный период они выбирались всей городской общиной (общим сходом всех жителей города), а с XIV в. — *Внешним советом* (*electa communitas*), состоявшим из наиболее зажиточных граждан в количестве 60–100 человек.

В XIV в. в отдельных городах (впервые в Шопроне) появилась должность *бургомистра*, компетенция которого вначале ограничивалась контролем за городскими финансами. В XV в. бургомистры в ряде городов заменили судью в качестве городского головы. Из должностных лиц города важную роль играли *начальник городской полиции*, следивший за порядком в городе, а также *городской нотариус*.

Горные, шахтерские города. Особую группу городов в Венгерском королевстве составляли *горные*, или *шахтерские*, города. Поскольку в эпоху расцвета Венгерского средневекового государства рудники принадлежали к королевским регалиям, то положение, устройство и управление горных городов в целом были такими же как у свободных королевских городов, хотя их самоуправление было в большей степени ограничено. Однако в правление Ягеллонов в конце XV — первой четверти XVI в. значительная часть королевского имущества, в том числе некоторые горные города, были заложены крупным феодалам, в результате чего пострадали их привилегии и свободы. Тем не менее семь горных городов обладали правом представительства на государственных собраниях.

Рыночные местечки, или аграрные города. Наиболее многочисленными поселениями городского типа в Венгерском королевстве были *рыночные местечки*, т. н. *аграрные города* (*oppidum*; венг.: *mezőváros*), занимавшие промежуточное положение между городом и селом. От городов их отличало то, что основным занятием их жителей было сельское хозяйство (земледелие, виноградарство,

животноводство), которое носило товарный характер. В отличие от сел рыночные местечки имели схожую с городом топографию, высокую концентрацию населения, заметный процент которого был занят в ремеслах. Рыночные местечки, как правило, имели собственные рынки или ярмарки. Они начали возникать во второй половине XIII в., к концу XV в. их число в королевстве — при активной поддержке центральной власти — достигло около 800. Наиболее значительные из них возникали в Большой Венгерской низменности (Альфёльде), в районах специализированного виноградарства и скотоводства.

В правовом отношении они находились под властью частных феодалов, хотя их господином мог быть и король. По своему юридическому статусу население аграрных городов приравнивалось к крестьянству и подлежало юрисдикции поместного суда феодала. Но некоторые наиболее крупные аграрные города (например, Дебрецен, Цеглед, Кечкемет, Надькереш, Сольнок) имели те же органы управления (Внешний и Внутренний совет, судья, выборные присяжные и т. п.), что и свободные королевские города, а также смогли приобрести ряд привилегий, обеспечивших их преимущественное положение по сравнению с селами. Так, за выкуп они получали самоуправление, возможность уплачивать подати единой суммой; они пользовались рыночным правом и т. д.

СЕЛЬСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Вскоре после заселения Карпато-Дунайского бассейна венгры перешли к оседлости. Основным видом поселения у них стали села, между поселенцами которых на начальном этапе развития раннефеодального государства еще сохранялись достаточно прочные кровнородовые связи.

До мохачской катастрофы 1526 г. в Венгерском королевстве насчитывалось около 20 тысяч сел, принадлежавших королю, церкви, частным феодалам. Единое феодально зависимое крестьянство сформировалось в Венгерском королевстве в XIII в., но большая его часть вплоть до XVI в. обладала личной свободой, располагая правом перехода. Это обстоятельство во многом сказалось на властных структурах венгерской деревни в домохачскую эпоху.

Крестьянское население деревень объединялось в общины, пользовавшиеся разной степенью самоуправления. Села делились на привилегированные и непривилегированные. Вопросы повседневно-

ной жизни решались на крестьянском сходе, собиравшем всех членов общины. Во главе общины стоял избиравшийся в привилегированных селах из зажиточных крестьян с согласия феодала сельский староста (*judex, villicus*), которому помогали несколько (3–12) *присяжных*. В компетенцию сельского старосты входили мелкие дела, но в привилегированных селах его суду подлежали и уголовные преступления (от кражи до убийства). Деревенское судопроизводство вершилось на основе неписаного обычного права. Помимо судебных функций старосты с помощью присяжных распределяли между крестьянами-общинниками полагавшиеся феодалу повинности и отработки. Они помогали в распределении и сборе податей в пользу государства (налога с ворот), а также церковной десятины.

Феодално зависимые крестьяне подчинялись также поместному суду своего господина, который формировался вместе с феодалными иммунитетами. Наиболее могущественные феодалы получали в качестве королевской привилегии право меча в своих владениях (*jus gladii*).

ГОСУДАРСТВО И ЦЕРКОВЬ

Церковная организация в Венгрии формировалась одновременно с государственными структурами под сильным воздействием королевской власти. Король Иштван I, крестивший Венгрию, создал основы церковной организации. Он учредил первые восемь епископств и два архиепископства, основывал монастыри, создавал церковные приходы, строил церкви, ввел церковную десятину. Все это обеспечило в дальнейшем большую степень подчинения церкви государству в Венгерском королевстве, где короли обладали правом управлять церковью. Они активно вмешивались в вопросы церковного устройства, создавая новые епархии, объединяя, разделяя уже существующие. Монархи влияли на церковное законодательство. Им принадлежало право патроната над церковью.

Создавая церковную организацию в своем королевстве, основатель Венгерского государства по большому счету не нуждался в одобрении и согласии главы христианской католической церкви, римского папы. Фактически он владел правом инвеституры, которым пользовались в XI в. и его преемники. Венгерские короли отказались от права инвеституры в конце XI в. под влиянием клюнийских реформ, поднявших авторитет папства. И тем не менее, обладая правом патроната, венгерские короли осуществляли надзор за деятельностью церкви, проводили

мероприятия, затрагивающие организацию церкви, ее хозяйственную жизнь, судебную сферу. Хотя избрание архиепископов, епископов, аббатов и других прелатов проходило в Венгрии в соответствии с каноническим правом, требовалось согласие короля, обычно предлагавшего своего кандидата на должность. Избрание подтверждалось папой (в случае выборов архиепископа) или другими высшими иерархами церкви, а потом снова одобрялось королем. При назначении на низшие церковные должности короли начиная с XII в. все более активно использовали право патроната. В более позднюю эпоху короли закрепили за собой право т. н. центрального патроната, т. е. право назначения на высшие церковные должности.

Одной из важных привилегий венгерской церкви, как и везде, была судебная автономия. Судопроизводство же в отношении светских лиц и дел приносило высшему духовенству и папе огромные доходы. Однако венгерским королям, особенно Матяшу I, удалось ограничить компетенцию церковных судов: они были лишены права выносить решения по большинству дел, в результате чего поток доходов, сменив русло, потек в королевскую казну.

Эта политика венгерских королей не уменьшила участия церкви и духовенства в управлении государством на всех уровнях. Уже говорилось о том, что некоторые высшие должности в феодальном Венгерском государстве, как и повсюду в Европе, занимались прелатами, как, например, должности в Королевской канцелярии. Клирики служили королевскими секретарями. Вплоть до начала XVII в. королевская казна также часто управлялась прелатами. Среди верховных ишпанов было немало представителей высшего духовенства.

Церковные учреждения выполняли такую чрезвычайно важную функцию в повседневной юридической практике, как заверение законности тех или иных судебных и имущественных сделок, а также королевских земельных пожалований. В раннюю эпоху, до XIII в., по просьбе частных лиц эту задачу выполняли т. н. *пристальды*, или *судебные приставы (pristaldus)*, выступавшие официальными свидетелями по юридическим сделкам. Однако, как уже упоминалось, начиная с XIII в. стало распространяться делопроизводство в письменной форме. Поскольку носителями грамотности в своем большинстве были клирики, то церковные учреждения — капитулы и конвенты — взяли на себя функции *заверительных мест (loca autentica et credibilia)*. Только в них и в Королевской канцелярии можно было получить заверенные соответствующими, полученными от короля печатями ко-

пии жалованных грамот и судебных решений. Они выдавались после соответствующей юридической проверки, осуществлявшейся под контролем королевских представителей, т. н. королевских людей, заменивших пристальдов. Это были дворяне, проживавшие в данном комитате, которые, получив специальный королевский мандат, были обязаны под угрозой штрафа выполнять различные процессуальные действия. За производство заверенных грамот и их копий они получали вознаграждение, размеры которого с 1298 г. регламентировались в централизованном порядке в масштабах всей страны. К концу XIII в. по всей территории королевства действовали заверительные места, компетенция которых распространялась на отдельные епархии или комитаты, но были и такие, которые оформляли грамоты по всей стране. Заверительные места сохраняли свое значение вплоть до Мохача, но потом из-за резкого сокращения монастырей и конвентов в ходе турецких войн и Реформации их функции перешли к комитатским и городским властям, а также к Венгерскому казначейству (о нем см. ниже).

ОРГАНИЗАЦИЯ ВЛАСТИ В XVI–XVII ВВ.

После мохачской катастрофы 1526 г.⁹⁹ к середине XVI в. Венгрия распалась на три части. Центральные области были захвачены турками и присоединены к Османскому султанату; на восточной окраине выделилось самостоятельное Трансильванское княжество — вассал турецкого султана; само королевство (вернее, то, что от него осталось) попало, как и Чехия, под власть австрийской ветви Габсбургов на основе личной унии. Венгерская государственность при этом сохранялась, но в системе управления произошли важные изменения, которые определялись рядом факторов. Венгрия стала частью огромной империи Габсбургов (т. н. Дунайской монархии), в результате чего ее интересы не могли стать единственными и центральными для правящей династии. Королевский двор из Венгрии переместился за границу; Габсбурги не жили в Венгрии, а приезжали туда лишь во время проведения государственных собраний, и то не всегда. Австрийские Габсбурги проводили в своих владениях, в том

---

⁹⁹ Битва у Мохача в августе 1526 г., в которой венгерская армия была наголову разгромлена войсками турецкого султана Сулеймана Великолепного, а венгерский король Лайош I и значительная часть венгерской знати пала в бою. Это поражение открыло османам дорогу к завоеванию Венгрии.

числе в Венгерском королевстве, политику централизации, стремясь создать единую унифицированную монархию. Важнейшие по своим последствиям административные реформы провел Фердинанд I Габсбург¹⁰⁰. По времени этот процесс в целом совпал с зарождением австрийского абсолютизма, который повел наступление на вольности и привилегии сословий, в том числе в Венгрии. Сословия же, в первую очередь политически активные знать и дворянство Венгрии, сопротивлялись этому более ожесточенно, чем в других владениях Габсбургов, вплоть до открытых выступлений. В результате сословные институты власти в королевстве сохранялись еще в конце XVII в., с чем Габсбурги были вынуждены в той или иной степени мириться. Глубокий отпечаток на всю систему управления наложили непрекращавшиеся войны с турками, которые велись в основном на территории Венгрии и требовали огромных финансовых и человеческих усилий.

Согласно статье 5 закона 1547 г. сословия и корпорации Венгрии признали над собой власть Фердинанда и его наследников. Фактически это означало признание наследственного характера власти Габсбургов в Венгрии. Однако, поскольку закон не устанавливал, кто из сыновей наследует трон, венгерские сословия считали, что продолжает действовать принцип выборности короля, и это право принадлежит им. Они упорно цеплялись за это право, пока на Государственном собрании 1687 г. добровольно не отказались от него как бы в благодарность Габсбургам за освобождение Венгрии.

После 1526 г. по закону отношения между Венгрией и Габсбургами определялись исключительно королем. В соответствии с унией король в Венгрии обладал полнотой исполнительной, финансовой, военной власти, руководил внешней политикой. Законодательную власть он делил с сословиями, представленными в Государственном собрании. Пользуясь особой властью в судебной сфере, короли, особенно в XVII в., вмешивались в деятельность судов как путем давления на принятие решений, так и приостанавливая их работу. Король назначал судей Королевской судебной палаты, которая выносила решения от его имени.

Венгерские сословия постоянно подчеркивали независимость венгерских властных институтов от имперского двора и требовали, чтобы все касающиеся Венгрии вопросы король решал только через

---

¹⁰⁰ Фердинанд I (1503–1564) — австрийский эрцгерцог с 1524 г., венгерский и чешский король с 1526 г., император Священной Римской империи с 1556 г.

венгерские органы управления. Но даже если бы Габсбурги и хотели этого, то не смогли бы осуществить, хотя бы потому, что ослабленная в экономическом и военном отношении Венгрия самостоятельно не могла справиться с тяготами турецких войн, которые в большей или меньшей мере разделяли с ней все подвластные австрийским Габсбургам земли. В 60-е гг. XVI в. венгерское руководство было вынуждено согласиться с тем, что часть властных полномочий (в первую очередь финансовые и военные вопросы) они делят с венскими придворными учреждениями. На самом же деле часто они решались без привлечения венгерских государственных учреждений и должностных лиц.

Среди центральных правительственных органов Вены наибольшее влияние на ход венгерских дел оказывали Придворный совет, Придворный тайный совет, Придворная канцелярия, Придворная казначейская палата и Придворный военный совет. Судьба венгерских правительственных учреждений оказалась напрямую связана с ними. Часть органов власти переместилась из бывшей столицы Венгерского королевства в Вену, часть перестала существовать. Тем не менее, несмотря на исключительную ситуацию, в которой оказалось Венгерское государство, на примере истории его властных институтов и должностей можно проследить общую для Европы того времени тенденцию. Шло формирование бюрократической монархии, в которой феодальные придворные должности, основанные на знатности носителя, утрачивали свое значение, их место занимали профессионально подготовленные служащие государственных учреждений, подчиненных центру.

Судьба придворных должностей. После 1526 г. двор венгерских королей на территории королевства перестал существовать. Он стал частью венско-пражского двора Габсбургов, интегрировавшего в себя австрийский герцогский, чешский и венгерский королевские, а также императорский дворы. Этот двор собирал вокруг правящей династии аристократию из всех владений Габсбургов, но также из Италии, Испании и т. д. Венгерским подданным Габсбургов при этом дворе отводилось не самое почетное и важное место как в силу маргинального положения Венгрии, так и из-за непривычного поведения и манер венгерской аристократии. Со своей стороны венгерская знать не слишком охотно тянулась к венско-пражскому двору. Таким образом, интеграция венгерской феодальной элиты в состав элиты Дунайской монархии шла трудно и медленно.

В создавшихся условиях большинство придворных должностей при венгерском короле деградировали быстрее, чем могли бы при

сохранении национального королевского двора. Должности главных стольника, кравчего, конюшего, хофмейстера, привратника, камерария приобрели исключительно репрезентативный характер, представляли собой скорее титулы, которыми монарх жаловал своих сторонников, чаще других появлявшихся при дворе. Вместе с тем сохранение высших придворных должностей служило признаком существования Венгерского государства. При этом они не требовали больших расходов и, тем не менее, нередко надолго оставались вакантными. Их носители — представители высшей венгерской аристократии выполняли свои обязанности только во время знаменательных событий в жизни королевства, например при коронациях монархов во время торжественных церемоний и приемов, съездов Государственных собраний и т. п.

Говоря о значении придворных чинов в эту эпоху, мы прежде всего должны отметить следующие закономерности. В XVI в. эти должности еще не были столь закрытыми, как в XVII в., когда они стали доступны лишь узкому кругу высшей знати. В этом сказывались глубокие изменения, которые произошли в составе венгерской господствующей элиты в XVI в. Иерархия придворных должностей прослеживается слабо. Так, в таверники чаще можно было подняться из конюших и камерариев, реже — из стольников и привратников. Доказательством того, что хофмейстер был сановником более высокого ранга, чем вышеназванные, может служить то обстоятельство, что обладание этим титулом наиболее часто открывало путь к высшим должностям в королевстве: государственного судьи и надора. Значение хофмейстеров подчеркивалось тем, что в XVII в. (после 1608 г.) они наблюдали за порядком проведения государственных собраний.

Довольно редко должности совмещались: как правило, они служили ступеньками в продвижении к более высоким постам. Карьера молодого Пала Палфи, вернувшегося на родину после учебы в Италии, началась в 1625 г. с того, что он был назначен королем префектом Венгерского казначейства. Одновременно ему была сначала пожалована должность кравчего, а в 1641 г. — хофмейстера двора венгерского короля. В 1646 г. Палфи из префектов поднялся до поста государственного судьи, после чего на Государственном собрании 1649 г. он был избран надором и оставался им вплоть до своей кончины, последовавшей в 1654 г. Первые выдающиеся успехи на государственном поприще Миклоша Эстерхази были отмечены пожалованием его в хофмейстеры в 1618 г. Но уже в 1622 г. он расстался с этой службой (вернее, титулом), став государственным судьей. Вер-

шиной головокружительно быстрой карьеры Эстерхази стало его избрание надором, состоявшееся в 1625 г. Эти две высшие должности в Венгерском королевстве, как мы помним, развились из придворных, но переросли их уже в Средние века. Их статус, очевидно, не нуждался в поддержке в виде внутриворцовых (аулических) должностей. По крайней мере, нам не известны случаи их совмещения.

ВЫСШИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДОЛЖНОСТИ

Надор и Наместнический совет. Надор оставался первым по рангу сановником Венгерского королевства. Но Габсбурги стремились оттеснить его на задний план вместе с другими высшими сословными чинами. В XVI — начале XVII в. должность по большей части оставалась вакантной (до 1608 г.). Управление страной находилось в это время у *Наместнического совета*, состав и функции которого сформировались в 40-е гг. XVI в. Он состоял из *наместника*, назначавшегося королем из прелатов, и 6–10 *королевских советников* (*locumtenens et consiliarii regiminis Hungarici*). Наместнический совет занимался внутриворцовыми, военными, финансовыми делами; в его компетенцию входили также переговоры с турецкими властями на бывших венгерских территориях. Судопроизводством внутри Совета занимался т. н. *надорский судебный наместник* (*locumtenens palatinalis in judicialibus*). Однако во второй половине XVI в. у Совета были изъяты финансы и военные дела, в результате чего его деятельность ограничилась в основном администрированием и судопроизводством.

Замена надора Наместническим советом отвечала политике Габсбургов, поскольку ограничивала вмешательство сословий в управление делами государства. Венгерские же сословия, наоборот, были крайне недовольны положением и требовали его отмены. Статьи Венского мира 1606 г. предусматривали восстановление поста надора в качестве наместника короля, что было закреплено решениями Государственного собрания 1608 г. (статья 3) в качестве компромисса между королем и выигравшими первую схватку с Габсбургами венгерскими сословиями.

Сословия выбирали надора из четырех кандидатов (двоих католиков, двоих протестантов), представленных королем. Надор возглавлял Государственное собрание (обе его палаты). Как и прежде, надоры должны были выступать посредниками между королем и венгерскими сословиями. Это условие приобрело особый смысл в период

борьбы сословий с растущим австрийским абсолютизмом и нередко ставило надоров в крайне сложное положение. Некоторые надоры в XVI в. (Миклош Эстерхази, Пал Палфи и др.) смогли добиться восстановления авторитета должности. Но они, с одной стороны, уже осознавали анахронизм сословной организации венгерского общества и государства, с другой — могли оценить преимущества четкого функционирования бюрократической системы абсолютистского государства, представленного правящей династией, что было особенно важно в условиях перманентных войн с турками, в которых на карту ставилось само существование венгерской государственности.

Государственный судья. Должность *государственного судьи* в турецкую эпоху утратила былое значение. Его судопроизводству подчинялась лишь часть страны: т. н. Верхняя Венгрия (современная Словакия). Суд осуществлялся в основном посредством передвижных судов протонотариев. С 1608 г. государственный судья стал заместителем надора в Государственном собрании, возглавив его Верхнюю палату.

Хорватский бан. Третье место в иерархии высших светских чинов занимал *хорватский бан* (должность трансильванского воеводы как таковая перестала существовать с образованием Трансильванского княжества). В связи с турецкими захватами хорватско-славонская территория, подвластная хорватскому бану, сократилась, превратившись в узкую приграничную полосу, которая была организована как военная граница. Она стала одним из военных округов (т. н. главных капитанств) королевства и напрямую подчинялась Придворному военному совету. Институты гражданского управления в этих условиях были свернуты и восстановлены только в XVIII в. Функции хорватского бана в связи с этим изменились. Наиболее выдающиеся носители этих должностей Миклош Зрини — старший (сер. XVI в.), Миклош Зрини — младший (сер. XVII в.) были в первую очередь полководцами.

Таверник. *Таверник* с XVI в. занимал четвертое место в ряду высших светских чинов, и в случае отсутствия надора и государственного судьи он председательствовал в Верхней палате Государственного собрания.

Персоналий. *Персоналий* в раннее Новое время стал председателем Нижней палаты Государственного собрания. До середины XVII в. персоналии назначались по-прежнему из дворянства, но позже среди носителей должности встречаются и представители знати, особенно новой.

Судопроизводство ординарных судей, представленное до Мохача судами надора, государственного судьи, таверника и персоналия, в XVI в. были отодвинуты главными судьями наместничества. В результате суд вершил судебный местоблюститель надора. В XVII в. и эта практика была упразднена; функции ординарных судей перешли к протонотариям, ставшим разъездными судьями.

Хранители Святой короны. Среди должностей сословного характера следует назвать *хранителей Святой венгерской короны*, которая была учреждена по требованию сословий еще в 1464 г. Святая корона, связывавшаяся в венгерской традиции с личностью первого короля Иштвана Святого, уже в Средние века стала обязательным условием и непременным атрибутом коронаций венгерских королей. Но в раннее Новое время в условиях борьбы венгерских сословий с Габсбургами она приобрела особое значение, став как бы гарантией соблюдения новой династией прав и привилегий привилегированных сословий Венгерского королевства. С 1551 по 1608 г. Святая корона находилась за пределами страны, у Габсбургов. Но после победы сословий в движении Бочкаи условиями Венского мира 1606 г. предусматривалось возвращение короны на родину и установление ее охраны. Это и было осуществлено на Государственном собрании 1608 г., которое восстановило должность хранителей Святой короны. Ими были избраны двое светских лиц из четырех кандидатов (двоих католиков, двоих протестантов), предложенных королем. Корона должна была постоянно храниться в королевской крепости в Пожони; один из хранителей должен был постоянно находиться при ней со специальным гарнизоном, жалование которого обеспечивали король и сословия, т. е. Государственное собрание. Наиболее известным в истории хранителем венгерской короны был граф Петер Реваи, теоретически обосновавший необходимость того, чтобы Святая корона находилась в стране и охранялась сословиями, в посвященном ей трактате, который он опубликовал в Вене в 1613 г.

Венгерский совет. Королевский совет стал именоваться при новой династии Венгерским советом (*Consilium Hungaricum*), чтобы отличать его от других подобных институтов, состоявших при монархе. Его членов по-прежнему назначал король из числа тех, кто обладал соответствующим имущественным, социальным положением и должностью. Но с перенесением королевского двора за пределы Венгрии Королевский совет утратил самостоятельное значение. Действительно, большая часть советников, будучи высшими должностными лицами государства (надор, государственный судья,

эстергомский архиепископ, высшие военные чины и т. д.), не могли неотлучно находиться при особе короля.

Фердинанд I в середине XVI в. попытался преобразовать Совет, превратив в постоянно действующий консультативный орган с немногочисленным составом участников, состоящих на казенном жалованье. Однако венгерская феодальная политическая элита не пошла на это, побоявшись потерять самостоятельность, настаивая при этом на своей зависимости от сословий (т. е. государственных собраний). В 1588 г. венгерские сословия на Государственном собрании попытались не только регламентировать деятельность Венгерского совета, но и расширить его функции, дав ему право выносить решения. Однако Рудольф II не согласился на это. В результате Габсбурги время от времени собирали совещания венгерских советников по тем или иным вопросам, касающимся Венгрии. Например, в начале 60-х гг. Фердинанд не раз приглашал венгерских советников в Вену для обсуждения с ними вопроса о венгерской коронации своего сына эрцгерцога Максимилиана. При обсуждении вопросов, которые предстояло вынести на обсуждение готовящихся государственных собраний, Венгерский совет вносил свои предложения, но для этого было не обязательно его собирать. Чаще всего король ограничивался письменными предложениями от первых лиц венгерской административной иерархии, входивших в Совет. Начиная с 80-х гг. при венско-пражском дворе более или менее постоянно находились один-два венгерских советника.

В ходе сословных антигабсбургских выступлений сословия добились по условиям Венского мира 1606 г. того, чтобы постоянно находившиеся при императорском дворе венгерские королевские советники принимали участие в работе правительственных органов при обсуждении венгерских дел. Но эти требования не восстановили Венгерский совет в его прежнем значении. Причина кроется не только в отсутствии королевского двора на территории королевства. В распоряжении Габсбургов появился ряд учреждений, опираясь на которые они постепенно вытесняли из государственного управления сохранявший сословные черты Венгерский совет. Действительно, даже упомянутые двое венгерских советников при венско-пражском дворе оказались связаны не с Венгерским советом, а с Венгерской канцелярией, поскольку как раз она действовала при дворе на постоянной основе. Численность членов Венгерского совета на протяжении XVII в. постоянно сокращалась. Так, между 1600 и 1637 гг. 39 человек получили это звание. Но из них на жалованье казны в 1594 г. находилось девять человек,

а в 1637 г. — только пять. Характерно, что среди советников значились не только высшие чины из баронов и прелатов, но и люди более низкого статуса, в первую очередь военные и чиновники (например, вице-капитаны пограничных крепостей, секретари Казначейской палаты, протонотарии и т. п.). Число светских консилиариев значительно превышало клириков (из упомянутых 39 только пять).

Венгерская королевская канцелярия. С приходом к власти в Венгрии Габсбургов Королевская канцелярия переместилась к их двору в Вену. Та линия, по которой она развивалась, подобно аналогичным институтам других западноевропейских стран, превращаясь в регулярное учреждение, прервалась. Король не нуждался в особой Венгерской канцелярии, так как при дворе действовали другие учреждения, которые, по крайней мере на первых порах, ее заменяли. Вследствие этого Королевская канцелярия, значение которой, как мы видели, заметно выросло в XV — начале XVI в., в XVI в. переживала глубокий кризис. Чтобы отличаться от других действовавших при венско-пражском дворе канцелярий, она стала называться Венгерской королевской канцелярией (*Hungarica suae maiestatis aulae cancellaria*). Должность верховного канцлера по-прежнему принадлежала эстергомскому архиепископу, а канцлера и вице-канцлера — одному из епископов. За редким исключением эти сановники не играли заметной роли в руководстве своим учреждением уже потому, что были заняты делами своих епархий на родине и не всегда могли находиться при дворе. Эти должности нередко оставались вакантными, особенно в XVI в., в чем король был дополнительно заинтересован, поскольку их доходами управляла и распоряжалась казна. Тем не менее хранение большой королевской печати обеспечивало главе Венгерской королевской канцелярии высокое положение.

Для ведения венгерского делопроизводства Фердинанд I учредил при дворе Венгерскую экспедицию, фактически подменявшую собой Канцелярию. Возглавлявшие ее *королевские секретари* играли при дворе важную роль в решении поступавших из Венгрии дел, т. к. они постоянно находились при короле и готовили эти дела на представление ему и Тайному придворному совету. Королевские секретари за редким исключением принадлежали к светскому сословию, но не к знати; за единственным исключением (Миклош Ишманфи) ни один из них в XVI и XVII вв. не был пожалован в бароны. Они получали от казны жалованье, размер которого оценить весьма сложно. В то же время при особе короля в габсбургской Венгрии одновременно не состояло

больше одного секретаря. Для такой специализации управления, какая наблюдалась в ту же эпоху во Франции и в ходе которой в центральном аппарате появилось четыре королевских секретаря, в Венгрии не было ни возможностей, ни необходимости.

Стремясь в таких трудных условиях сохранить и расширить свое участие в управлении государством, венгерские сословия не оставляли без внимания и Венгерскую канцелярию. Они добивались того, чтобы все дела, касающиеся Венгрии, оформлялись королевскими грамотами только в этом учреждении и чтобы с ними считались все и везде во владениях Габсбургов. С другой стороны, они добивались того, чтобы исходящие от невенгерских инстанций распоряжения не распространялись на венгерские дела. Габсбурги, в свою очередь, старались ограничить компетенцию Венгерской канцелярии изданием жалованных грамот и судебных решений, выносимых от имени короля. Кроме того, как уже упоминалось, признание части венгерских дел (финансовых и военных в первую очередь) смешанными, т. е. оставлявшими прерогативу придворных органов, сужало и сферу компетенции Венгерской канцелярии. Даже решения Государственного собрания 1608 г., ратифицировавшего победоносный Венский мир 1606 г., не смогли изменить ситуацию в этом вопросе. В них лишь оговаривалось, чтобы канцлеры назначались только из венгров (1608; ст.10).

Тем не менее можно говорить о том, что уже в первые десятилетия XVII в. Венгерская канцелярия постепенно выходила из кризиса, круг ее деятельности как центрального государственного учреждения постоянно расширялся по сравнению с XVI в. В середине XVII в. к прежним функциям добавилось делопроизводство, касающееся дипломатической сферы (переговоры с Трансильванией, Польшей, Молдавией, Валахией; донесения послов в Турции), различные обращения чешских, австрийских органов власти, адресованные венгерскому королю. Через нее также проходили письменные запросы Венгерского совета, предназначенные государю. Резко возросший объем делопроизводства потребовал модернизации канцелярии. Но только в 90-е гг. реформа состоялась, в результате чего Венгерская канцелярия подобно другим придворным учреждениям превратилась в центральный коллегиальный орган власти с резиденцией в Вене.

Венгерская казначейская палата. После установления власти Габсбургов над Венгрией Венгерская казначейская палата, или Венгерская казна (*Camera Regia Hungarica*), была единственным центральным административным органом на территории Венгерского

королевства, действовавшим непрерывно и на постоянной основе. Благодаря этому обстоятельству ее компетенция выходила далеко за пределы руководства хозяйственной жизнью страны, ее финансовыми делами и распространялась на другие области управления. Венгерская казначейская палата возникла в 1528 г. в ходе административных реформ Фердинанда I, стремившегося к унификации системы управления в своих австро-венгерско-чешских владениях (т. н. Дунайской монархии). Резиденция Венгерского казначейства в 1531 г. была перенесена из Буды в Пожонь (Пресбург), ставшую более чем на полтора столетия столицей королевства.

В задачи Палаты входило управление доходами от королевских владений, королевских регалий, а также сбор и (с XVII в.) распределение военного налога. Ей подчинялись таможенные службы, среди которых особую роль играли пограничные таможни, собиравшие пошлину под названием «тридцатина», которая давала казне значительные поступления. Венские власти с переменным успехом стремились изъять у Венгерского казначейства часть наиболее важных доходов и передать их в подчинение центральным австрийским финансовым органам, например таможни на западных границах с Венгрией, монетную чеканку, шахты и т. д. Венгерская казначейская палата играла важную роль в обороне страны: она обеспечивала ремонт и строительство крепостей и других оборонительных сооружений, выплату жалованья военнослужащим, их снабжение продовольствием. Она распорядилась и церковной десятиной, значительная часть которой также должна была направляться на военные нужды. Чтобы пополнить доходы казны, Венгерское казначейство целенаправленно работало над тем, чтобы вернуть отданные в залог частным лицам в эпоху Ягеллонов многочисленные королевские владения и доходы.

Деятельность нового учреждения и его состав регулировались специальными королевскими инструкциями, наиболее значительные из которых издавались в 1528, 1548, 1561, 1599, 1672 гг. Палата не зависела от сословий: ее возглавлял назначавшийся королем *президент*, или *префект* (*Camerae Regiae praefectus, praeses*), преемник средневекового казначея. В течение XVI в. сложилась организационная структура и штат Казначейской палаты. Она состояла из трех отделов: бухгалтерии (или счетной части), ревизионной части и канцелярии.

Казначей (*perceptor*) возглавлял бухгалтерию, или счетную часть (кассу). С ним в паре работал *контролер* (*contrascriba, controlor*). В отдельные периоды у казначея был заместитель (*vicegerens*).

К казначею и контролеру поступали все денежные доходы казны: десятина, тридцатина, доходы от принадлежавших короне и фиску земельных владений, рудников, соляных шахт и многое другое. Они осуществляли необходимые выплаты: чиновникам, учреждениям, гарнизонам пограничных крепостей; на ремонт крепостей, обеспечение необходимым короля и двора во время государственных собраний, закупку провианта для войска и т. п. Таким образом, через руки этих двух финансовых чиновников проходили огромные денежные суммы как наличными, так и в виде разных ценных бумаг. Все поступления и расходы должны были обеспечиваться квитанциями, расходными и доходными ордерами и строго фиксироваться в соответствующих бухгалтерских книгах. На основании этой документации они регулярно составляли отчеты для казначейства.

Казначей (перцептор) и контролер подстраховывали и одновременно контролировали друг друга. Их деятельность, в свою очередь, проверяли ревизоры особого — ревизионного отдела Казначейства, центрального в нем. Он осуществлял контроль и надзор за результатами деятельности бухгалтерии, через которую проходили все денежные доходы и расходы казны. Ревизорскую работу вели *главный ревизор (magister rationum)* и два его помощника: *заместитель ревизора (vicemagister rationum)* и *помощник ревизора, или коадьютор (coadiutor magistris rationum)*. Вместе с количеством дел в XVII в. росло число коадьюторов, которые должны были проверять бухгалтерские книги, финансовые отчеты чиновников, счета и т. п. Все это предполагало строгую финансовую дисциплину, которая имела целью избежать как небрежности, так и злоупотреблений со стороны казначея и контролера. Канцелярскую работу в отделе вели особые *писари (scribae, jurati notarii officinae rationariae, officinistae)*, зачастую имевшие нотариальную подготовку. Документация ревизионного отдела, таким образом, отделялась от остальной. Делопроизводство велось на латыни, но во второй половине XVII в. в Казначейство стал проникать немецкий язык; дела на нем велись отдельно.

Общая канцелярия Казначейства возглавлялась *секретарем (secretarius)*. Как и в Королевской канцелярии, секретарь в Казначействе был заметной фигурой. Он был наиболее информированным чиновником, поскольку через его руки проходила вся документация учреждения, все решения совещаний, которые он был обязан посещать и протоколировать. В его распоряжении находились помощники (хотя и не всегда) и несколько нотарииев, составлявших документы, а также простые писцы.

В штат Казначейства входил *королевский делопроизводитель*, иначе — *прокуратор королевских регалий*, или *прокурор* (*causarum regalium director*), — профессиональный юрист, в задачи которого входила защита интересов казны, ведавшей имуществом короля и короны во всех спорных случаях. Этот чиновник представлял сторону обвинения от казны на судебных процессах, связанных с конфискацией имущества, в частности, государственных изменников. В таких случаях он также вел судебное расследование. В разгар сословных антигабсбургских движений в XVII в., особенно в его начале, таких процессов известно немало, так что прокуроры сыграли в них заметную роль, нередко фальсифицируя процесс в угоду Габсбургам. Прокуроры все без исключения были дворянами и принадлежали к высшему слою чиновного аппарата. Тем не менее никто из них не поднялся по служебной лестнице выше статуса советников Казначейства или Канцелярии.

Территориально компетенция Венгерской казначейской палаты распространялась кроме непосредственно Венгрии на Хорватию и Славонию. Но из-за большой протяженности границы королевства и в связи с задачами обороны в 1567 г. из Венгерского выделилось Сепешское казначейство (*Camera Scepusiensis*) как дочернее, зависевшее от Пожони учреждение, призванное управлять финансами Верхней Венгрии (*Partes Regni Hungariae superiores*)¹⁰¹. Иногда оно действовало в более низком статусе — Управления (*Administracio*). Его резиденция находилась в основном в Кашше (совр. Кошице), а также в Эперьеше (совр. Прешшове). Структурно Сепешское казначейство в целом повторяло Венгерское, хотя в более скромных масштабах. К середине XVII в. руководство Сепешским казначейством осуществляли двое советников, одновременно имевших статус советников Венгерского казначейства. Один из них, старший по возрасту, был старшим по званию (*senior consiliarius*) и фактически руководил учреждением.

Венгерское казначейство было коллегиальным учреждением. Решения принимались префектом совместно с советниками. *Советниками* Казначейства в количестве трех-пяти человек до 60-х гг. XVI в. являлись главный казначей, главный ревизор, секретарь, имевшие право голоса на совещаниях. Однако позже за этими чиновниками

---

¹⁰¹ Восточные области современной Словакии, а также области вдоль верхнего и среднего течения Тисы, входившие в состав тогдашнего Венгерского королевства.

сохранилось лишь совещательное право, нередко вместе со званием советника. Действительными же советниками становились специально назначенные лица. При Казначействе существовал архив, хранившийся сначала у секретаря, а затем у особого чиновника — *хранителя архива*. Кроме того, в Казначействе трудились охранники, курьеры и другие мелкие служащие.

Венгерскую (Пожоньскую) и Сепешскую казначейские палаты связывали с центральными учреждениями в Вене весьма сложные отношения. Формально они подчинялись только королю, но на деле во многом зависели от Придворного совета и Придворного казначейства, поскольку, как уже упоминалось, отдельные сферы государственного управления, в первую очередь финансовая и военная, были признаны общими (смешанными). Вследствие этого ни Венгерское, ни Сепешское казначейства не могли самостоятельно, без согласия Вены решать кадровые вопросы: назначения, жалованье персонала и т. д. Прошения и донесения со стороны венгерских казначейств и отдельных лиц подавались на имя короля, решения, в свою очередь, выносились от имени короля. При этом испрашивалось мнение Венгерского казначейства, и оно в большинстве случаев — во всяком случае, в кадровых вопросах — учитывалось.

В отличие от других органов власти оба венгерских казначейства действовали на постоянной основе. Работа в этом финансовом органе требовала регулярного присутствия сотрудников на рабочем месте. Инструкции предусматривали постоянный штат работников, подробно регламентировали их обязанности, продолжительность рабочего дня, количество заседаний совета в неделю и т. д. Штат Казначейства: префект, советники, служащие бухгалтерии, ревизионного отдела и канцелярии, технические работники (писари, курьеры и т. д.) — набирались на конкурсной основе, проходя довольно строгий отбор. Их кандидатуры согласовывались в разных инстанциях и утверждались королем (на самом деле Придворным казначейством). При назначении на должность учитывались профессиональные навыки и опыт кандидатов.

Служащим Казначейства от казны полагалось жалованье. Сведения о его выплате фиксировались в счетных книгах Казначейства и в случае надобности могли быть подняты и представлены в сводных справках. Однако жалованье не могло полностью обеспечить существования служащих, которые часто жаловались на это обстоятельство в вышестоящие инстанции. Но и положен-

ное содержание не выплачивалось регулярно и полностью, т. к. в XVI–XVII вв. казна испытывала огромные трудности в связи с войнами. Поэтому служащие Казначейства, как правило, имели земельные владения, доходами с которых поддерживали свое существование. Часто они приобретали земли за время своей службы в Казначействе, в том числе в виде пожалования от короля. Несмотря на контроль, финансовые чиновники, особенно на местах, например, на таможах, находили возможности незаконно обогащаться за счет взяток, попустительства контрабанде, махинаций с документами и т. п.

Социальный и этнический состав служащих Венгерского и Сепешского казначейств менялся в течение XVI–XVII вв. В XVI в. префектами без исключения были прелаты, в XVII в., напротив, только светские лица, в абсолютном большинстве случаев принадлежащие к высшей знати. Должность префекта, сама по себе очень высокая и престижная, давала возможности для дальнейшего продвижения по служебной линии. Так, Пал Палфи, возглавлявший Венгерское казначейство с 1625 по 1646 г., в 1646 г. занял должность государственного судьи, а в 1649 г. был избран государственным собранием надором королевства. Что касается остальных служащих, то общая тенденция такова, что в их составе (в высшем и среднем звеньях) в XVII в. возобладал дворянский элемент, в то время как в XVI в. часто встречались работники Казначейства из городского сословия. Вследствие этого и венгерский этнический элемент усилился по сравнению с немецким, который преобладал среди городского сословия.

Таким образом, хотя и с большими оговорками, но все же Казначейство в Венгерском королевстве в XVI в., а особенно в XVII в. можно считать учреждением, которое успешно развивалось как бюрократическая структура государства раннего Нового времени.

Государственное собрание. Государственные собрания в Венгерском королевстве действовали на протяжении всей эпохи турецких войн. На них венгерские сословия отстаивали перед Габсбургами свои права и привилегии, а также свободу вероисповедания в условиях проводившейся властью Контрреформации. Кроме того, этот сословный институт защищал венгерскую государственность перед опасностью ее поглощения Габсбургами.

Государственные собрания созывались монархом, который вместе с «нацией», т. е. собранием, обладал правом издавать законы (Трипартитум, ч. II, тит. 3; Венский мир 1606/3, 1635/18). Королю

также принадлежало право законодательной инициативы, санкционирования, отклонения и оглашения законов. Принятые в результате продолжительных дебатов между сословиями и королем законы подвергались окончательной редакции в Венгерской придворной канцелярии, в результате чего окончательный вариант часто существенно отличался от первоначального, причем не в пользу сословий. Это обстоятельство служило предметом серьезных разногласий между венгерскими сословиями и венско-пражским двором. Законом 1608 г. была окончательно оформлена структура Государственного собрания. Оно делилось на две палаты (табулы): Верхнюю, в которой заседали прелаты и бароны, и Нижнюю, где было представлено комитатское дворянство (по два-три депутата от комитата), свободные королевские города, церковные учреждения, отсутствующие магнаты через своих послов; а также депутаты от Хорватии и Славонии. В Нижней палате также получали место члены Королевского совета (не высшие), судьи и протонотарии Королевской судебной палаты. В XVI в. в силу сложной ситуации в стране новая династия, в первую очередь Фердинанд I Габсбург, созывали собрания каждые два года и даже чаще. В первой половине XVII в. Габсбурги прибегали к созыву сословий значительно реже, что вызывало недовольство последних. В середине XVII в. законом была установлена трехгодичная периодичность созыва этих сословных форумов. Но на деле закон не соблюдался. По мере усиления абсолютизма австрийских Габсбургов центральная власть все меньше зависела от венгерских сословий в вопросах финансового и военного обеспечения ведения войн против османов. Во второй половине XVII в. состоялось всего три государственных собрания (1655, 1661, 1687 гг.), на последнем из которых венгерские сословия отказались от права избирать короля в пользу установления наследственной власти Габсбургов, а также от древнего права сопротивления.

Компетенция государственных собраний в турецкую эпоху была весьма широкой: избрание королей, принятие законов, избрание надора, хранителей короны, голосование по военному налогу, объявление общей мобилизации, возведение в ранг свободных королевских городов, установление границ; определение функций местной комитатской администрации, регламентация внешней торговли, вывоза и ввоза драгоценных металлов и многое другое. Попытки государственных собраний поставить под свой контроль финансы успеха не имели: Венгерская казначейская палата не была подотчетна Государственному собранию, а ее чиновники и советники не были депутатами госу-

дарственных собраний. Хотя государственные собрания сдерживали наступление австрийского абсолютизма в Венгрии, следует констатировать, что в целом они были малоэффективны, несмотря на ожесточенную борьбу на них по многим вопросам. Одним из базовых вопросов, вызывавших глубокие разногласия между Веной и Венгрией, был религиозный. Депутаты, особенно дворянские (но также и городские), большинство которых в XVII в. составляли протестанты, ставили условием рассмотрения финансовых и военных вопросов улаживание религиозных противоречий и признание прав и имущества протестантов. Эти споры, затягивавшие ход собраний на долгие месяцы, приводили к тому, что собрания распускались без принятия принципиальных решений, и центральная власть пыталась решать интересующие ее вопросы в обход собраний. Тем не менее особенности исторического развития Венгрии в этот период обусловили сохранение своего рода сословно-абсолютистского дуализма не только на протяжении XVII в., когда абсолютизм еще полностью не вызрел, но и в XVIII в.

Местное управление. Дворянские комитаты. В эпоху турецких войн дворянские комитаты стали важнейшими органами местного управления. В условиях непрерывных войн, разладившегося управления, переноса королевского двора и ряда центральных органов власти за границу комитаты были призваны обеспечить функционирование государственной машины, обеспечивая на местах выполнение государственных решений. Главными задачами дворянских комитатов с точки зрения центральной власти было обеспечение сбора налогов, мобилизация дворянского ополчения, снабжение войск постоем и провиантом, организация строительных и ремонтных работ военных объектов. Комитатские власти были должны также поддерживать общественное спокойствие, преследуя уголовных преступников и смутьянов. В этих условиях наивысшего развития достигло самоуправление дворянских комитатов, хотя в целом они сохраняли ту же структуру, тот же административный аппарат, которые существовали до Мохача.

Высшим органом власти — законодательной и распорядительной — были Комитатские дворянские собрания. Управленческое ядро комитата — вице-ишпан, четыре солгабиро, нотариий — годами занимали свои должности, хотя выборы происходили ежегодно. Это были наиболее состоятельные и политически активные дворяне комитата. Именно из них, как правило, на общем собрании выбирались делегаты государственных собраний от комитатов (*ablegati*). Общее собрание снабжало их обязательными для выполнения инструкциями,

определяло жалованье путем установления специального налога. Наиболее талантливые из этих послов составили и политический актив государственных собраний, влияя на их ход и решения.

Верховные ишпаны за редким исключением не вели дела своих комитатов, будучи заняты на высших государственных, особенно военных, должностях. Изменился статус нотариев. Они стали членами дворянской общины комитата, избирались на свою должность и получали за нее жалованье от комитата. В XVII в. в комитатах появляются новые должности. Объем работы вице-ишпанов так вырос, что в некоторых комитатах у них появились заместители, или *вторые вице-ишпаны*. *Прокуроры* представляли комитат на судебных процессах, а также выступали обвинителями по уголовным делам. Появились т. н. *табульные судьи* — члены апелляционного суда в комитате. Рост социальной нестабильности вызвал к жизни должность *начальника комитатской тюрьмы*, или *полицейского*. У всех руководящих должностных лиц имелась своя охрана, т. к. служебные поездки были связаны с большой опасностью, исходившей не только от промышлявших повсюду шаек разбойников, но также и от недоброжелательных крестьян, и от вылазок турецких отрядов.

Государство и церковь. Реформация имела в Венгерском королевстве такой успех, что к концу XVI в. около 80 % населения исповедовали лютеранство или кальвинизм. Контрреформация, принявшая особенно грубые и насильственные формы при Рудольфе II в конце XVI — начале XVII в., осуществлялась при прямом участии и поддержке со стороны Габсбургов. Они, как венгерские короли, широко использовали в этих целях свое право патроната. Религиозная борьба самым непосредственным образом отражалась на властных структурах государства. В то время как центральные власти при занятии высших должностей отдавали прямое предпочтение католикам, протестантское большинство страны, к которому долгое время относились также магнаты и дворяне, требовали по крайней мере равенства в этом вопросе. Статьи Венского мира 1606 г. отразили эти чаяния восставших венгерских сословий вместе с требованием свободы веры. Но в нарушение договоренностей венский двор продолжал кадровую политику, поддерживавшую Контрреформацию. Этому способствовало то обстоятельство, что в первые десятилетия XVII в. практически вся венгерская аристократия по разным причинам вернулась в лоно католической церкви. Венгерские государственные собрания в XVII в. большую часть времени заседаний

посвящали безрезультатным спорам с королевско-императорской администрацией по религиозным вопросам.

Военное управление. Постоянные войны с турками поставили новые задачи перед организацией обороны страны и ее вооруженными силами. Уже сражение при Мохаче показало уязвимость и отсталость феодальных ополчений, мобилизовавшихся по призыву короля. К Мохачу в 1526 г. пришла незначительная часть войск феодалов. Среди них отсутствовал крупнейший государственный чин трансильванский воевода Янош Запольяи, располагавший самым многочисленным частным войском — бандерией. Тем не менее на протяжении XVI и XVII вв. бандерии крупных феодалов в составе королевской армии сохранялись, как и дворянское ополчение комитатов, во главе которых стояли ишпаны комитатов.

Параллельно с феодальным ополчением формировалась *система пограничных крепостей*, особенно на западных границах, охранявших подступы к наследственным владениям Габсбургов. Она дополняла «Военную границу» — оборонительный рубеж с обеспечивавшими ее административными структурами, создававшийся еще в конце X — начале XVI в. и получивший завершающее оформление при Фердинанде I. Пограничные крепости комплектовались воинскими гарнизонами, состоявшими на государственном жалованье, которое, однако, выплачивалось нерегулярно, что крайне отрицательно сказывалось на состоянии боевого духа пограничников. Австрийские власти изъяли военные дела, в том числе управление границей, из компетенции венгерских органов и подчинили их Придворному военному совету.

В XV в. вооруженные силы королевства возглавлял *верховный капитан (supremus capitaneus)* — надор как военный заместитель короля. При Габсбургах наряду с этой старой высшей военной должностью появился *верховный королевский капитан*, или *генерал (generalis capitaneus)*. Поскольку почти на всем протяжении XVI — начала XVII в. место надора пустовало, то верховного капитана, как и генерала, назначал король. Однако, хотя должность верховного капитана отделилась от надорской, она в определенной мере сохранила сословный характер. Это проявлялось в том, что государственные собрания ставили условия для кандидата в верховные капитаны. Главным требованием сословий было, чтобы верховный капитан страны назначался из венгров. Он возглавлял те войска, которые были поставлены на деньги от военного налога, вотированного Государственным собранием, а также дворянское ополчение комитатов. Под началом генерала в Венгрии

сражались иностранные войска. Начиная с середины XVI в. количество верховных капитанов королевства стало расти по мере деления территории королевства на новые военно-административные округа (т. н. верховные капитанства), число которых через век достигло восьми (три из них — в Славонии и Хорватии). Окружные верховные капитаны подчинялись Придворному военному совету и в XVII в. нередко назначалась из иностранцев. Они являлись непосредственными командирами начальников гарнизонов пограничных крепостей — *капитанов пограничных крепостей*. Под их началом в наиболее крупных крепостях служили *вице-капитаны* и *лейтенанты*. Верховные капитаны вместе с капитанами составляли военную верхушку королевства и были крупными феодалами. Вице-капитаны и лейтенанты обычно были выходцами из верхних слоев дворянства, хотя и среди них встречались аристократы. Однако ни в XVI, ни в XVII в. в Венгрии еще не появились регулярные армии и их командиры еще не стали государственными чиновниками. Они занимали свою должность не на постоянной, а на временной основе, могли в любой момент отказаться от нее. Они долго вели переговоры с королем и правительственными органами (Придворным военным советом, Придворным и Венгерским казначействами) об условиях своего назначения. Капитаны набирали офицеров из числа своих фамилиариев. Следует сказать, что сословная организация венгерского общества задерживала формирование современных армий, так необходимых в борьбе с османами. В XVII в., особенно во второй его половине, венгерские военные контингенты не отвечали современным требованиям ни по организации, ни по техническому оснащению, ни по боевой подготовке. По этой причине в период освобождения Венгрии от турок в 80–90-е гг. XVII в. они использовались лишь как вспомогательные при основных армиях западного образца, оснащавшихся австрийскими Габсбургами и их западными союзниками для ведения войн на территории Венгрии. Отстранение венгерских военных сил от основных военных кампаний освободительной войны, в свою очередь, повлияло на поведение Габсбургов на освобожденных территориях и на организацию в них властных структур.

Институты власти в Дании в 1000–1660 гг.

Историография и источники. Зачинателем изучения собственно истории права и политических учреждений Дании был датский правовед П. Кофод Анкер (ум. в 1788 г.). Результаты его изысканий, прежде всего в области средневековых датских законов, заложили основы для развития в Дании, уже в XIX–XX вв., историко-правовой школы, ярчайшими представителями которой являлись Й. Ф. В. Шлегель, Й. Л. А. Кольдеруп-Росенвинге, Й. Э. Ларсен, Т. Х. Ашехауг, Л. Хольберг, Х. Матцен и П. Й. Йоргенсен. Одновременно политико-юридические древности датчан, преимущественно в качестве материала для сравнительно-исторических построений, привлекали внимание иностранных историков права германских народов, особенно шведских и немецких. Вместе с тем в последние два столетия государственный строй Дании периода Средневековья и раннего Нового времени становился предметом детального исследования и со стороны историков-медиевистов. Здесь особенно большой вклад внесли датчане А. Д. Йоргенсен, К. Эрслев, А. Худе, В. Кристенсен, П. Ф. А. Хаммерик, М. Макепранг, А. Э. Кристенсен и Т. Риис, шведы Э. Клеберг и С. Булин, немец Э. Хофманн.

Изучение политических учреждений Дании эпохи Средневековья и раннего Нового времени развивалось на почве совершенствования исследовательских методов, в первую очередь исторического, сравнительно-исторического и, уже в XX в., духовно-исторической обусловленности, а также введения в научный оборот новых источников. Помимо земских законов и государственных актов со временем стали привлекаться данные, извлеченные из различных документальных и повествовательных источников, а кроме того, всевозможных памятников материальной культуры (печати, монеты и т. д.)¹⁰².

---

¹⁰² Литературу и издания источников см.: *Jørgensen P.J. Dansk Retshistorie. Retskildernes og Forfatningsrettens Historie indtil sidste Halvdel af det*

Понятия «Дания» и «королевство Дании». Страну датчан — Данию (лат. *Dania, Dacia*; дат. *Danmark*) вошло в обиходное название собственным именем лишь к началу XI столетия. Ко времени ее первого описания немецким историком Адамом Бременским (ок. 1074 г.) Дания включала большую часть Ютландского полуострова, все острова, расположенные на выходе из Балтийского моря в Атлантический океан, области, находящиеся на юге Скандинавского полуострова (Сконе, Халланд и Блекинге), а также балтийский остров Борнхольм. Такой территориальный состав характеризовал Данию до середины XVII в., когда в результате датско-шведской войны ее скандинавские области отошли к Швеции.

Словом *королевство (государство)* (дат. *rige*; лат. *regnum*) поначалу, еще в XII в., обозначались права короля (государя) датчан в отношении народа и страны — королевская власть, а также осуществление королем его прав или, в русской традиции, царствование. Между тем сначала в иностранных, а затем в датских источниках слово *королевство (государство)* стало обозначать и страну, в которой король имеет и выполняет королевские права, следствием чего явились выражения *королевство Датчан* (лат. *regnum Danorum*) и *королевство Дании* (лат. *regnum Daciæ*; дат. *Danmarks rige*). В дальнейшем королевство Дании (Датское королевство) все больше утрачивало связь с личностью короля, тем самым обретая самостоятельный юридический статус, что с очевидностью обнаружилось уже в XIV в., когда в периоды нескольких междуцарствий при физическом отсутствии особы короля *regnum Daciæ* осознавалось как территориально-правовая действительность. Отсюда в позднее Средневековье и раннее Новое время укоренилось и представление о взаимозаменяемости слова *Дания* и выражения *королевство Дании* или по своему происхождению понятий народно-географического и политико-юридического. Вместе с тем самостоятельный правовой статус королевства Дании (Дании) стал выражаться через посредство традиционных знаков датского короля — крестовое знамя и герб, вследствие чего короли Дании из новых династий представлялись уже «геральдическими» символами королевства и страны.

---

17. Aarhundrede. 2. Udg. København, 1947. S. 5–13, 277–279, 287–288, 335–336, 347–348, 375–376, 504–505, 531–532; Danmarks historie / Red. af A. E. Christensen et al. København, 1977. Bd. 1. Tiden til 1340. S. 536–579; 1980. Bd. 2. Tiden 1340–1648. S. 621–700; История Дании с древнейших времен до начала XX века/Отв. ред. О. В. Чернышева. М., 1996. С. 441–445.

Административно-территориальное деление. В IX–X вв. Дания состояла из 13 земель (дат. *land*; лат. *terra*). Земли включали 193 округа (дат. *hæræd*, *herred*; лат. *provincia*), которые делились на три, четыре или шесть отделений: *трети* (*tredinger*), *четверти* (*fjerdinger*) и *шестичастия* (*sjettinger*). Своим происхождением округа и их подразделения были обязаны военно-мобилизационной организации датского народа — *земской обороне* (дат. *landværæn*, *landeværn*; лат. *defensio terræ*, *defensio patriæ*), на что указывает и смысл слова *hæræd* (*herred*) — *hær* (*войско*), *ræd* (*рейд, поход*). В Средние века при созыве морского ополчения (дат. *lething*, *leding*, от *leth* — *путь, поездка, плавание*; лат. *expeditio*) округ составлял одну или две-три корабельных общины — *скипены* (дат. *skipæn*, от *skip* — *корабль*; лат. *navigium*), снаряжавших корабли с экипажами, которые подразделялись на *хафны* (дат. *hafnæ* — *букв. место человека на корабле*; лат. *hafna*). В Северной и Южной Ютландии — самых больших землях Дании — округа объединялись в 15 *областей* (дат. *sysæl*, *syssel*, *bygd*; лат. *communa*). Таким делением, судя по смыслу слова *sysæl* (*работа, дело*), поначалу обеспечивалось более совершенное управление государственными работами.

Средоточием общественно-политической жизни датских территориальных единиц являлись места проведения земских, областных и окружных собраний — *ландстингов* (дат. *landsting*; лат. *placitum terræ*, *placitum generale*), *сюссельтингов*, или *бюджетингов* (дат. *sysselting*, *bygdeting*; лат. *placitum comunæ*), и *херредстингов* (дат. *herredsting*; лат. *placitum provinciale*). Работу *ландстингов* организовывали назначавшиеся королем *земские судьи* (дат. *landsdommer*, *landstingshører*; лат. *rector*, *judex*, *auditor placiti generalis*, *legifer*). На херредстингах обычно председательствовали окружные правонадзиратели — *фогты* (дат. *herredsfoged*; лат. *advocatus*), избравшиеся из местных землевладельцев по приказу короля или носителя его прав. Окружные фогты или другие уполномоченные королем лица обеспечивали проведение также сюссельтингов.

В XII–XIV вв. из отдельных датских земель или нескольких округов создавались владения на феодальном праве — *лены* (дат. *len*; лат. *pheodum*)¹⁰³. До 1660 г. из земель и округов Дании создавались также не-

¹⁰³ В датской историографии феодальное владение принято называть «княжеским леном» (*fyrstelen*) (Christensen A. E. Kongemagt og aristokrati. Epoker i middelalderlig dansk statsopfattelse indtil unionstiden. København, 1976. S. 148–150).

наследственные лены (лат. *beneficium, exactio*; дат. *len*) датских дворян и прелатов (до Реформации), а кроме того, территории королевства могли отдаваться во временное управление, обычно на залоговом праве, иностранным государям и дворянам.

Король. Звание *короля* (дат. *koning, konung, konge*; лат. *rex*) у датчан уже существовало на момент их первых упоминаний раннесредневековыми писателями (VI в.). Долгое время германский король считался правителем народа, а не страны, что находило отражение в титуле и датского вождя-государя — *король Датчан (rex Danorum)*. И только с конца XIV в. официально стал употребляться титул *король Дании (лат. rex Dacie; дат. Danmarks konge)*.

Из памятников письменности IX–XII вв. следует, что в раннее Средневековье статус короля у датчан, как и у большинства других германских народов, считался достоянием одного знатного рода, обычно вплоть до его пресечения. При этом требовалось, чтобы королем становился только представитель мужского пола. Это правило сохраняло свою силу в течение всего Средневековья и Нового времени.

До государственной реформы конца 1660 г. король в Дании избирался народом, правда, общественный состав этого *народа* с течением времени претерпевал изменения. До середины XII в. главными выборщиками являлись бонды. В дальнейшем на первые роли вышли лучшие люди (вельможи) королевства, а значение бондов, или простого народа, постепенно свелось к выражению одобрения или формальному участию. В XV — середине XVII в. фактически королевские выборы стали делом аристократического государственного совета, который, впрочем, в период с 1536 по 1650 г. заручался одобрением со стороны дворянства, а также других сословий.

К XI в. установился обычай, согласно которому избрание короля происходило на ландстинге Северной Ютландии, в городе Виборге, а затем признавалось (подтверждалось) на тингах других крупных земель — Фюна (в Оденсе), Зеландии (в Рингстеде) и Сконе (в Лунде). С 1170 г. над избранным королем проводился обряд церковного посвящения, включавшего таинство миропомазания и венчание на царство. В католический период его по традиции, утвержденной Римской курией, совершал архиепископ Лундский, а после Реформации — епископ Роскиллеский (Зеландский). Местом коронации и миропомазания обычно были кафедральные соборы Лунда, Роскилле и других городов.

После избрания король по обыкновению на ландстингах давал клятвенные обещания по соблюдению прав датчан и получал от них клятву в верности. С 1320 по 1648 г. существовало также правило, что намеченный кандидат в качестве условия своего провозглашения королем под присягой обязывался к исполнению старых и вновь выдвигаемых правовых норм, записанных постатейно в документе с названием *хондфестнинг* (дат. *håndfæstning*; лат. *constitutio*).

Несоблюдение королем этих клятвенных обещаний и обязательств служило для его подданных основанием к сопротивлению, которое могло закончиться убийством или лишением «тирана» (как писали в XIV–XVI вв.) королевского звания, что нередко и случалось вплоть до 1523 г. Но право на сопротивление стало получать силу закона только с конца Средневековья. В хондфестнингах 1483 и 1513 гг. постановлялось, что если король будет поступать вопреки хондфестнингу и не пожелает прислушаться к возражениям Государственного совета, то все жители королевства должны будут «с верностью помогать препятствовать этому». В хондфестнинге 1523 г. указывалось, что такое королевское деяние должно будет повлечь за собой отказ подданных короля от соблюдения ему клятвы верности и от несения ему службы. Наконец, в хондфестнинге 1648 г. содержалось определение, согласно которому при нарушении этого акта или вообще закона и права королем и после его нежелания следовать наставлениям членов Государственного совета последним предписывалось поступать по законам и праву, т. е. фактически самим вступать в управление королевством.

Поначалу, как выясняется из источников IX–XIII вв., звание короля датчан по обыкновению получал старший мужчина в королевском роде: им мог быть и сын, и брат, и племянник умершего короля. Однако со второй половины XIII в. вошло в обыкновение выбирать королем старшего сына почившего монарха. До XIII в. царствующим королям в Дании одновременно могло быть два или несколько, но они всегда правили в разных датских землях. Обстоятельства, вызывавшие такое положение дел, проистекали из наличия претендентов на королевские права и несогласия между их сторонниками — жителями отдельных земель.

При короле Нильсе (ок. 1134 г.) возник обычай, согласно которому царствующий король при жизни добивался избрания угодного ему преемника, который до 1329 г. носил титул *король Датчан*,

а со второй половины XV в. *избранный в королевстве Дании* (*udvald till Danmarks rige*) или *избранный король Дании* (дат. *udvald konning till Danmarck*; лат. *electus rex Daniæ*). Но этот обычай не всегда соблюдался из-за противодействия вельмож королевства; по их воле в хондфестнинге 1326 г. было даже указано, что в Дании должен быть только один король. При таких обстоятельствах претенденты на королевское звание могли использовать особые титулы: в XIV в. *герцог Датчан* (лат. *dux Danorum*; дат. *hærtughæ i Danmark*), *юнкер (молодой господин) Датчан* (нижненем. *Denin iuncherre*; лат. *Danorum domicellus*), *наследник королевства Дании* (лат. *heres regni Daciæ*) и в XVII в. *избранный принц Дании* (дат. *udvalgte prins af Danmark*; лат. *electus princeps Daniæ*).

Первейшая обязанность короля выступать предводителем войска и по необходимости лично участвовать в боевых действиях на суше и на море исполнялась королями Дании вплоть до середины XVII столетия. При этом король мог возглавлять как народное ополчение — на море и суше, так и своих дружинников-дворян, а кроме того, отряды иноземных наемников.

Права короля как законодателя, по определению предисловия к Ютландскому уложению (1241), выражались в формуле: «Король дает, а земля принимает закон». Это означало, что только тот закон получал силу, который, с одной стороны, издавался от имени короля, с другой стороны, получал признание у полноправных жителей той или иной датской земли. Такое признание выражалось в том, что земский закон составлялся или в него вносились изменения от имени короля при участии и с согласия жителей земли. Запись земских законов состоялась при короле Вальдемаре II (1202–1241), и в дальнейшем вплоть до XVI в. они назывались «законами короля Вальдемара» (лат. *leges regis Waldemari*; дат. *kuning Woldemars logh*). Обнаруженные в них недостатки должны были восполняться через посредство *знающих (добрых) людей королевства* (лат. *per discretos regni*; дат. *aff beschednæ righæns mæn, efther ryghens godæ mens tockæ*). Что касается новых законов королевства, то они издавались только «с согласия всего королевства» (лат. *de consensu tocus regni*; дат. *mæth alt rikens samthuyckæ*), по совету датских вельмож. Те же правила действовали в отношении хондфестнингов, на которых основывалось государственное право Дании. В виде законов от имени короля оформлялось и положение о новых налогах и пошлинах. Помимо того, в XVI–XVII вв. перед их введением король обычно выслушивал *совет* отдельных сословий.

От имени короля заключались также договоры с иноземными правителями и властями, но тоже «по совету и с согласия» вельмож королевства. Кроме того, в XII–XIII вв. вошло в обыкновение законодательные акты и международные соглашения для придания им окончательной силы скреплять большой королевской печатью; в Новое время под этими документами король также ставил свою подпись.

Вместе с тем долгое время король только от своего имени мог изустно или на письме жаловать в пользование кому-либо, включая иностранцев, часть своих прав в отношении земель и их жителей в виде привилегий, даров или залогов. И только с середины XIV в. подобные пожалования, касавшиеся в первую очередь интересов и прав отдельных сословий, земель или всей *общины королевства*, стали, в том числе законодательно в хондфестнингах, ограничиваться «советом и согласием» вельмож или вовсе запрещаться.

В Дании только королю принадлежало право чеканить монету. Но до XV в. это право могло уступаться на время отдельным епископам и вельможам королевства; правда, и в этом случае на монетах присутствовало королевское имя.

Судебные полномочия короля развились из его статуса воинского предводителя и посредника в спорах. На укреплении этих полномочий сказывалась и заинтересованность короля в увеличении поступлений от судебных штрафов, издревле частично взимавшихся в его пользу. Постепенно за королем закрепилось право преследования нарушителя законов особыми определениями, дававшимися сначала изустно, а с XII в. — посредством королевских грамот. К началу XIV в. *суд короля* (лат. *placitum regis*; дат. *retterting*) уже являлся высшей апелляционной инстанцией по отношению к судам земель — ландстингов и округов — херредстингов. Король вершил суд лично или через посредство своих должностных лиц, но всегда «по законам земли» (лат. *secundum leges terræ*; дат. *æfftær lands logh*), т. е. согласно определениям земских уложений, что позднее подтверждалось в хондфестнингах. Однако в 1320 г. значение верховного суда королевства законодательно перешло к Парламенту, составлявшемуся из лучших людей Дании (см. ниже). Статус королевского суда в качестве более низкой апелляционной инстанции сохранялся до начала XV в., до времени, когда Парламент перестал созываться. В дальнейшем до 1660 г. верховное судопроизводство Дании являлось прерогативой короля и государственного совета.

Изначально на короля как воинского начальника возлагались обязанности по поддержанию мира и законности среди датчан. Отсюда установилась надзирательная и карающая, или полицейская, власть короля в землях и округах. Ее средоточием являлись королевские дворы и замки. Эту свою обязанность король исполнял лично и посредством своих *должностных лиц* (лат. *officiales*; дат. *embetz mæn, embedsmænd*) с разными полномочиями и правами. Королевские областные наместники называются в источниках по-разному: *брюти* (дат. *bryti*; лат. *uillicus*), *префект* (лат. *prefectus*), *фогт* (дат. *foged*; лат. *adiocatus*), *ховедсман* (дат. *hovedsmand*; лат. *capitaneus*) и *ленсман* (дат. *lensmand*).

Изначально король являлся носителем идеи политического единства датских земель, ибо только он и его *люди*, в том числе должностные лица королевского двора, представляли королевство Датчан (Дании). Являясь государем во всех землях королевства, носителем прав *короны Дании* (лат. *corona Daciæ*; дат. *Danmarks krone*) и утверждая постановления, обязательные для него самого и его подданных, король способствовал становлению государственного права, общедатского самосознания, превращению жителей отдельных земель — ютландцев, фюнцев, зеландцев, сконцев и т. д., разделенных географически и юридически, в один народ — датчан. Такое объединяющее значение короля, однако, постепенно падает в позднее Средневековье и раннее Новое время, с развитием самостоятельного правового статуса *regnum Daciæ* с его должностями и учреждениями и укреплением датского народного самосознания.

Заместители короля. В XI–XV вв. во время отсутствия короля в Дании по той или иной причине его иногда замещало первенствующее правительственное лицо из числа датских вельмож или королевских родственников (включая иноземцев), который мог представляться с особым титулом. В латинских текстах XI–XII вв. такой королевский заместитель обозначался словами *dux* или *comes*; в исландских же сагах XIII в. он назывался *ярлом* (*jarl*). К началу XIII в. эта должность была упразднена, вероятно, в связи с практикой избрания второго короля — официального преемника и заместителя царствующего монарха. Но когда короли Вальдемар II и его сын Вальдемар Молодой вместе попали в плен к графу Шверинскому, *хранителем королевства* (лат. *tutela regni*) являлся их соответственно племянник и двоюродный брат и при этом верный вассал граф Альбрехт Орламюндский (1224). Король

Эрик V также был пленен враждебным государем, герцогом Ютландским, вследствие чего в управление королевством вступил его родственник герцог Альбрехт Брауншвейгский; он носил титул *государя датчан* (лат. *princeps Danorum*) (1262). После изгнания Кристофера II до избрания нового короля во главе правительства находился приглашенный датскими вельможами *administrator regni Daciæ* граф Герхард III Голштинский (май 1326 г.). С вступлением же на королевский престол его малолетнего племянника Вальдемара III (июнь 1326 г.) граф Герхард с согласия лучших людей Дании стал представляться *опекуном короля и королевства* (лат. *tutor regis et regni*). Летом 1329 г., с падением власти Вальдемара III и его дяди, *главным человеком королевства Дании* (дат. *capitaneus regni Daciæ*) являлся датский рыцарь Лауритдс Йонсен. В конце датско-ганзейской войны 1367–1370 гг., когда король Вальдемар IV жил в фактическом изгнании в Германии, в стране руководящий пост занимал *главный человек королевства Дании* рыцарь Хеннинг Подебуск. В период междуцарствия (1387–1396) с согласия вельмож королевства датское правительство возглавляла дочь Вальдемара IV, королева Норвегии и Швеции Маргрета в звании *истинная наследница и государыня королевства Дании* (лат. *vera heres et princeps regni Daciæ*; дат. *ret arwing oc førstinnæ rikes i Danmark*). Во время следующего междуцарствия (1438–1440), а именно в 1439 г. герцог Кристофер Баварский был приглашен Государственным советом правителем королевства с титулом *gubernator regni Daciæ*; позже он был избран королем (1440). Наконец, во время несовершеннолетия Кристиана IV (1588–1596) высшая власть в Дании принадлежала *регентскому совету* (*regeringsråd*) из четырех вельмож.

Высшие придворные и государственные должности. Ранние известия о придворных должностных лицах короля Датчан обнаруживаются преимущественно в списках свидетелей королевских грамот. При этом невозможно точно определить ни их состав, ни их положение в служебной иерархии. По смыслу латинских слов, их обозначающих, можно лишь предполагать, какие обязанности они исполняли. В документах, датированных концом XI — началом XIII в., чаще всего упоминаются *конюший* (*stabularius*), священник придворной церкви — *капеллан* (*kapellanus*), заведующий делопроизводством, или писарь, — *нотарий* (*notarius*), хранитель королевской сокровищницы, или *казначей* (*camerarius, thesaurarius*), *чашиник* (*pincerna*), а также с 1158 г. *канцлер* (*cancelarius*), с 1186 г. *маршал* (*marskalcus*) и с 1217 г.

заведующий продовольствием двора, или *стольник* (*dapifer*). И только из показаний источников второй половины XIII и особенно XIV в. иерархия придворных чинов вполне выясняется. С некоторыми изменениями, включая сокращения и дополнения отдельных должностей, она затем сохранялась вплоть до 1660 г.

На ее вершине, по данным латинских источников, находился *dapifer* или согласно датским переводам XIV в., *drost* (буквально — предводитель) и *køgemæstæræ* (буквально — заведующий кухней), а в XV–XVII вв. — *хофместер* (дат. *høfmester*; лат. *magister curiæ*), что по-русски означает дворский (дворецкий). Изначальный смысл этих слов указывает на то, что *dapifer*, *drost*, *køgemæstæræ* и *høfmester* прежде всего заведовали *столом* или, иначе говоря, хозяйством короля и вместе с тем руководили распорядком жизни королевского двора и состоявших при нем дворян. Их начальственное положение находит подтверждение и в том факте, что со второй половины XIII в. при исчислении свидетелей королевских постановлений они по обыкновению занимали первые места среди лучших людей королевства и членов Государственного совета. Согласно свидетельствам XIV в., по поручению короля *дрост* мог председательствовать в королевском суде, возглавлять войско, вести переговоры с иноземцами и решать другие государственные дела. При отсутствии короля он принимал на себя его правительственные обязанности, что и было закреплено на письме в 1385–1386 г. определением Государственного совета. Полномочиями главного министра короля и королевства, в том числе руководителя казначейства, наделялся также *хофместер*. И *дрост*, и *хофместер* всегда замещались особами знатного происхождения. Однако нередко короли оставляли эти должности без замещения.

Вторым по значению должностным лицом короля и королевства во второй половине XIII в. становится *маршал* (дат. *marsk*). Свои служебные обязанности он, вероятно, унаследовал от королевского *конюшего* (дат. *staller*), упоминаемого в документах конца XI и XII в. Во всяком случае должность *маршала* поначалу также предполагала заведование конюшней короля, а кроме того, предводительство конным войском. Но в дальнейшем обязанности *маршала* значительно расширились. Он являлся главным военачальником, мог председательствовать в королевском суде, выполнять дипломатические и другие поручения короля. Поскольку *маршал* часто возглавлял в походе людей короля, вошло в обыкновение считать его заступником прав дворян перед лицом их государя. До середины XIII в. при пере-

числении свидетелей в королевских грамотах имя маршала предшествовало именам других должностных лиц. Отсюда можно догадываться о его первенствующем положении в придворной иерархии конца XII — середины XIII в. В дальнейшем, однако, первое место при исчислении *верных* короля стало отводиться дросту и наследовавшему ему в XV в. хофместеру. Согласно определению Государственного совета (1385–1386), маршал являлся предводителем на войне и подчинялся дросту. Такое же положение маршал сохранял и по отношению к хофместеру в периоды междуцарствий XV–XVI вв. Но в хондфестнинге 1648 г. устанавливалось, что маршал мог руководствоваться только приказами короля. На должность маршала всегда назначался кто-то из вельмож королевства.

После учреждения в Дании при короле Хансе (1483–1513) регулярного военно-морского флота была введена должность *адмирала*, позднее *государственного адмирала* (*rigsadmiral*), которым всегда являлся знатный дворянин.

Среди свидетелей государственных актов XII–XIV вв. часто присутствуют имена наместников в различных замках и землях Дании. Они не принадлежали к числу высших должностных лиц короля, за исключением *префекта Лундского (Сконского)*, или *гелькера* (лат. *praefectus Lundensis, praefectus Scaniae*; дат. *gelkere, gældkær i Skaane*). О его высоком служебном положении свидетельствует то, что во второй половине XIII — XIV в. этот королевский верный единственный из областных начальников имел особое звание — *гелькер* (букв. сборщик податей) и всегда входил в круг лучших людей королевства, принадлежа к одному из знатных родов Дании, обычно сконских. Кроме того, при исчислении королевских верных его имя ставилось на третье место после дроста и маршала, что обнаруживается также при характеристике этих трех должностей Государственным советом (1385–86). Здесь «*о праве наместника Сконе*» (*de iure prefecti Scanie*) сказано, что он начальствует в Сконе от имени короля, назначает и смещает фогтов, вершит в Сконе все королевские дела, как если бы это делал сам король. Но при этом он подчинен дросту, к которому, в частности, можно апеллировать на постановления сконского наместника. Можно догадываться, что высокое положение *гелькера* в иерархии должностных лиц королевства было связано с важным финансовым значением сконских рынков для королевской казны. Но в конце XIV в. должность *гелькера* была упразднена, а его обязанности разделили между собой владельцы сконских ленов из членов

Государственного совета и королевские сборщики податей в городах Сконе, подведомственные хофместеру.

Еще одним важным должностным лицом короля, упоминаемым в источниках до второй половины XV в., был хранитель королевской сокровищницы, или казначей, — *каммерместер* (дат. *kammernester*), назначавшийся из числа вельмож королевства. Однако на исходе Средневековья значение этой должности падает, как видно из того, что с конца XV в. каммерместерами назывались лишь второстепенные королевские слуги, которым поручалось выполнение отдельных финансовых поручений. Самое же *казначейство* (*renteriet, rentekammeret*) стало контролироваться *канцлером короля* или *хофместером*; его руководитель — *рентместер* (*rentemester*) назначался из дворян. Позднее, в середине XVII в., в целях увеличения денежных поступлений в казну возникла идея упорядочивания работы казначейских служителей, отвечавших за сбор таможенных пошлин и налогов. Как следствие, в 1651 г. была учреждена особая должность *главного таможенника* (*generaltoldforvalter*), а в 1655 г. — и должность *главного фискала* (*generalfiskal*).

В XI–XII вв. в сознании датчан постепенно утвердилось понимание важности закрепления правовых отношений на письме. Ранее всего письменное делопроизводство развилось при королевском дворе, а вместе с тем из придворных выделились лица, которым вошло в обыкновение поручать составление грамот короля, а также хранение и употребление *большой королевской печати* (лат. *sigillum majestatis*). С самого начала эти лица, которыми, вероятно, являлись *канеллан* и *нотарий*, принадлежали к клирикам, как потому, что их общественное служение предполагало необходимые познания в латинском языке¹⁰⁴, так и по причине большего доверия к слову и делу духовной особы со стороны мирян. Поначалу руководитель королевского делопроизводства не имел особого звания. И только около 1186 г. за ним закрепилось имя *канцлера* (лат. *cancellarius*; дат. *kansler*). Вплоть до Реформации эта должность всегда замещалась клириками, часто епископом, с конца XIV в. преимущественно епископом Роскиллеским, поскольку именно в его епархии (о. Зеландия) обычно пребывал королевский двор. У канцлера имелись заместители, которые в XIV в. назывались *вице-канцлерами* (лат. *vicescancellarii*), а в XV в. просто канцлерами, тогда как их начальник

¹⁰⁴ До конца XIV в. делопроизводство в Дании велось на латинском языке.

представлялся *канцлером короля*, или *главным канцлером королевства* (лат. *summus cancellarius regni Daniæ, archicancellarius*). После Реформации на должность королевского канцлера всегда назначался знатный дворянин. Его ближайшие помощники, обычно также дворяне, назывались *секретарями* (дат. *sekretærerne*), *канцелярскими юнкерами* и *канцелярскими государевыми людьми* (дат. *kancellijunkere, kancelliherremænd*), при этом один из них в должности *главного секретаря* (дат. *overste sekretær*) являлся заместителем канцлера.

Еще в Средние века помимо обязанностей хранителя королевской печати и руководителя делопроизводством короны канцлер мог выполнять дипломатические поручения короля, а также участвовать во внутреннем управлении королевства. В XVI–XVII вв. *канцелярия* (дат. *kancelli*) королевства, или *Датская канцелярия* (*Danske kancelli*), являлась учреждением, которое надзидало за ленами, городами, церковными делами и школьным образованием, ведало сношениями со Швецией и с Московским государством, а порой и с некоторыми другими странами, если документация велась на датском языке. В период с 1534 по 1657 г., когда должность хофместера часто оставалась вакантной, королевские канцлеры фактически заведовали внутренними делами королевства. Что касается отношений со странами Западной Европы, то после 1523 г. ими обычно ведали руководители *Немецкой канцелярии* (дат. *Tyske kancelli*), которая была учреждена в 1460 г. сначала для управления делами герцогств Гольштейн и Шлезвиг. Персонал для этой канцелярии набирался из немцев обоих герцогств.

В XIII в. был учрежден *суд королевского судьи* (лат. *placitum regis justiciarium*; дат. *kongens retterting*). Позднее *юстициарий* (лат. *justiciarius*; дат. *retter*) стал чаще называться *канцлером королевства*, или *государственным канцлером* — *ригсканцлером* (дат. *rigens kansler, rigskansler*). В католический период эту должность мог замещать как мирянин из дворян, так и клирик; но после Реформации она вверялась только дворянам. Помимо юстициария (ригсканцлера) суд короля мог составляться из прелатов и вельмож королевства — членов Государственного совета. В Средние века королевские судьи ежегодно разъезжали по стране и вершили судебные дела по земским законам как апелляционная инстанция по отношению к ландстингам. При этом они от имени короля издавали приговоры на письме, которые скреплял хранившейся у него королевской *печатью для судебных дел*, или *государственной печатью* (лат. *sigillum ad causas*;

дат. *rigens in segl*) юстициарий (ригсканцлер). В XVI в. королевский суд, состоявший из членов Государственного совета, чаще стал заседать в месте пребывания короля, пока окончательно не обосновался в столице Дании Копенгагене в качестве верховного апелляционного суда королевства. Но по делам, касавшимся жизни и чести дворян и их правовых отношений с королем, он изначально был судом первой и окончательной инстанции.

Право назначения высших должностных лиц двора и государства всегда принадлежало королю. Однако это королевское право никогда не было безусловным. В Средние века оно ограничивалось обычаем, согласно которому король производил назначения на главные должности только своих *верных*, принадлежавших к лучшим людям королевства и позднее к членам Государственного совета, обычно наиболее влиятельных из них, что предполагало и домогательства на занятие должностей, и уступки на такие притязания со стороны короля. В Новое время этот обычай оставался в силе и, более того, стал закрепляться на письме в королевских указах — *рецесах* (*reces*) и хондфестнингах. Поначалу законодательно только определялось, что высшие должностные лица должны быть *природными датскими людьми* (1536) и непременно *дворянами* (1559). При Кристиане IV (1588–1648) Государственный совет начал открыто притязать на право предлагать королю кандидатуру на должность маршала, а в хондфестнинге 1648 г. уже определялось, что Государственный совет выдвигает трех кандидатов на замещение высших должностей, из которых затем король делает свой выбор.

До начала XVI в. часто случалось, что король оставлял вакантной ту или иную должность. Но в рецесе 1536 г. и в хондфестнингах 1559, 1588 и 1648 гг. постановлялось, что при короле всегда должны быть хофместер, королевский канцлер и маршал; при этом за ними закреплялось членство в Государственном совете, как, впрочем, и было заведено исстари. Однако и после этих постановлений высшие должности могли оставаться незамещенными. К середине XVII в. окончательно стало правилом, подтвержденным в хондфестнинге 1648 г., что в Датском королевстве высшими должностными лицами являлись хофместер, канцлер короля, маршал, адмирал и государственный канцлер. Все они признавались постоянными членами Государственного совета.

В целом можно отметить, что с XIV в. должностные лица королевского двора постепенно становились высшими должностными

лицами королевства (государства). Это, в частности, отразилось на их словесном обозначении: почти все они, за исключением канцлера короля, окончательно с XV в. стали представляться с приставочным словом *королевство (государство) (righe, rige)* в родительном падеже: *ригсхофместер, ригсмаршал, ригсадмирал, ригсканцлер*. Такое превращение должностных лиц короля в должностных лиц королевства объясняется упрочением самобытного статуса королевства Дании, с одной стороны, и умалением значения короля как правового источника государственных учреждений, с другой.

Королевский совет XI–XIV вв. Должностные лица короля были не только исполнителями воли своего господина, но также его ближайшими советниками. Вместе с другими королевскими *верными*, духовными и светскими, как видно из источников XI–XIII вв., прежде всего из королевских грамот, они являлись придворными (*curiales*) или клириками и мирянами двора короля (*clerici et laici curiae regis*). Поначалу выражение *двор короля* означало королевское жилье, но с течением времени под ним стали понимать любое местонахождение короля и его людей, в том числе в пути и на поле брани. Двор короля был тем местом, где король занимался правительственными делами, выслушивая, по обыкновению, *совет* своих *верных*, или, как их стали называть с конца XII в., *лучших людей королевства (meliores regni)*. Последние, заняв руководящее положение в обществе, уже не довольствовались только подачей совета, но и хотели, чтобы король получал у них согласие на осуществление важнейших и чрезвычайных дел. В XIII–XIV вв. круг таких дел в основном оставался неизменным, находя закрепление в королевских постановлениях и хондфестнингах. Так, только по совету и с согласия прелатов и вельмож королевства, одновременно *верных* короля, выбирался наследник престола, объявлялась и оканчивалась война, вводились новые налоги и пошлины, производились изменения в земских законах.

В XIII–XIV вв. собрания *советников короля* (лат. *consilarii regis*), которые одновременно считались «лучшими людьми королевства», обозначались разными латинскими словами: *conuocatio, concilium* и, чаще, *consilium* (дат. *rath, råd*). Число их участников все время разнилось, иногда доходя до нескольких десятков человек. В идеале ими могли быть все *верные* короля, в том числе поступавшие к нему на службу иноземцы, среди которых особенно часто упоминаются немцы. Однако в действительности дело обстояло иначе. В силу своего статуса непременно членами королевского совета были все епи-

скопы Дании, высшие должностные лица двора и правители феодальных владений — герцоги и графы. Многие светские советники являлись также наместниками короля в его дворах и замках. Из других клириков в совет чаще других приглашались аббаты крупнейших монастырей (Сорёского, Эсромского и др.) и приор Антверскова — глава датских госпитальеров (иоаннитов). Совет короля не был постоянно действующим учреждением: он созывался по мере надобности. Для решения срочных дел король обычно ограничивался советом своих должностных лиц и тех клириков и вельмож, которые на тот момент находились при его дворе. Из ближайшего королевского окружения составлялся, согласно хондфестнингу 1320 г., т. н. *тесный*, или *клятвенный, совет короля* (лат. *consilium regis strictum vel juratum*; дат. *konings swordnæ raath æller lønlicth*), в задачу которого входило подтверждение под присягой обязательств короля. Тот же хондфестнинг запрещал новому королю (Кристоферу II) допускать в Королевский совет немцев, но при последующих королях XIV в. этот запрет не действовал.

Парламент (хоф, данехоф). Двор короля изначально являлся также тем местом, где разбирались спорные дела, касавшиеся жизни и чести королевских людей и их взаимоотношений с королем. Отсюда лучшие люди королевства привыкли отождествлять двор короля или, как он иногда сокращенно назывался, *двор* (лат. *curia*) с судом. Около 1282 г. вошло в обиход название двор-суд, дабы отличать его от собственно двора короля, называть заимствованным из немецкого языка словом *hof* или латинским средневековым новообразованием *parlamentum* (*parlamentum quod dicitur hof*), получившим в XIII в. распространение в странах Западной Европы в качестве преимущественного наименования для верховного суда. Позднее, в середине XIV в. *хоф* стал называться *данехофом* (*parlamentum quod danehof dicitur*), или *Парламентом датчан* (*parlamentum danorum*), а также *главным Парламентом* (*parlamentum generale*).

Место и время проведения надворного суда определялось королем, что далеко не всегда соответствовало желаниям лучших людей королевства. В конце концов в 1282 г. они добились от короля Эрика V установления точного времени созыва хофа и выбора определенного места, куда было бы возможно приплывать на кораблях. Таким местом с той поры, что подтверждалось в хондфестнингах XIV в., являлся замок Ньюборг, расположенный на побережье острова Фюн, в срединной части датских земель. Впрочем, в XIV в. по поли-

тическим причинам Парламент мог собираться и в замках соседнего с Фюном острова Зеландия, в частности в Калуннборге. В хондфестнинге (Земском мире) 1360 г. даже указывалось, что в ближайшие три года именно этот прибрежный замок должен быть местом заседания данехофа. Что касается времени проведения Парламента, то он должен был созываться ежегодно, сначала в середине великого поста, затем, в 1320-е гг., в следующее воскресенье после Троицы и с середины XIV в. в день св. Иоанна Крестителя (24 июня). Но в действительности в силу разных обстоятельств время и место его проведения часто не соответствовали законодательным предписаниям.

Парламент составлялся из королевских верных — прелатов и лучших людей (вельмож) королевства (лат. *prelati et meliores (pociores) regni*; дат. *righens prelather och bæstæ (mæktigstæ) men*), обычно насчитывавших несколько десятков человек, а стало быть, вначале являлся не чем иным, как судебным собранием духовных и светских людей короля. Однако в XIV в. за ним закрепилось одновременно и значение главного судебного собрания вообще всех датчан, чем объясняется переименование хофа в данехоф. В Парламенте как высшей апелляционной инстанции королевства каждый датчанин по праву (в идеале) мог искать «правды» (лат. *iustitia*; дат. *ræt, ret*), не удовлетворившись приговорами в порядке очередности херредстинга, ландстинга и реттертинга (королевского суда). При этом строго воспрещалось чинить препятствия тому, кто захочет явиться в Парламент. Кроме того, только в Парламенте по совету прелатов и лучших людей могли производиться изменения и исправления ошибок в земских (отеческих) законах. Во второй половине XIV в. в Парламенте также находили разрешение разногласия между короной Дании в лице короля и общиной королевства Дании, или «жителями королевства Дании» (*regni Daciæ incolæ*), от имени которых выступали епископы и вельможи (герцоги Ютландские, рыцари и вебнеры).

Последнее собрание под названием данехоф датируется 1413 г., хотя еще в хондфестнингах 1448 и 1648 гг. короли обязывались его проводить. И действительно, после 1413 г. известны совместные заседания короля и всех членов Государственного совета в качестве верховных судей королевства, но только под названием *Хофрет* (*hofret*) в начале XV в. и *Херредаг* (*herredag*) с конца XV в. Именно Государственный совет и стал тем собранием, которое наследовало статус прелатов и лучших людей королевства в Королевском совете и в парламенте.

Государственный совет (Ригсрод). Еще в XIII в. время от времени прелаты и вельможи начали представляться одновременно советниками не только короля, но и королевства (*consilarii regis et regni*). Во второй половине XIV в. при частом отсутствии короля в Дании и вместе с тем с укоренением представлений о самобытном правовом существовании «королевства Дании» и вовсе вошло в обыкновение называть собрания королевских советников *Советом королевства (государства)*, или *Государственным советом — Ригсродом* (дат. *righes raad, rigsråd*; лат. *consilium regni, senatus regni*).

Государственный совет состоял из клириков и мирян. Лишь после Реформации (1536) из него были исключены епископы, являвшиеся членами Ригсрода по своему статусу, а также другие клирики, которые становились советниками государства по особому приглашению. Миряне всегда принадлежали к дворянскому сословию, что подтверждалось в хондфестнингах начиная с 1483 г. Членами Ригсрода, согласно определениям хондфестнингов 1448 и 1483 гг., должны были быть датчане. Но в более раннее время ими нередко становились немцы, только непременно состоявшие на службе короля Дании. Постоянными членами Ригсрода были высшие должностные лица короля и королевства: дрост (ригсхофместер), ригсмаршал и канцлер короля, а также каммерместер (до второй половины XV в.). Порой к ним также присоединялись юстициарий (ригсканцлер) и ригсадмирал. По обычаю, унаследованному от собраний «прелатов и лучших людей королевства», члены Ригсрода представляли все более или менее крупные земли Дании. Их назначение относилось к праву короля, но в хондфестнинге 1648 г. это право было ограничено тем, что Ригсрод выдвигал на вакантное место трех кандидатов. Как и в Королевском совете, в Ригсроде не было точно установленного числа членов. Только уже под конец его существования, согласно хондфестнингу 1648 г., оно было определено в 23 человека. Звание государственного советника фактически было пожизненным, но король с согласия Ригсрода, выражавшегося в судебном приговоре его членов, мог лишить этого звания.

Еще в XIV в. явственно стал обнаруживаться ограниченный круг дворянских родов, из которых происходили «лучшие люди королевства», королевские и государственные советники. Но и тогда, и впоследствии, в XV–XVII вв., состав этих родов, чьи представители многократно связывались брачными узами, претерпевал некоторые изменения в связи с вымиранием одних и за счет редкого пополне-

ния другими родами, в основном бравшими начало от натурализованных в Дании немецких дворян. В результате доступ в члены Ригсрода в продолжение всей его истории имели, за редким исключением, наиболее знатные по происхождению и общественному положению дворяне, к тому же составлявшие довольно узкий круг близких и дальних родственников.

Ригсрод являлся обязательным элементом политической системы Дании, что подтверждалось в хондфестнингах XV–XVII вв. юридической нормой — «король должен править и властвовать в государстве Дании вместе с Ригсродом (и дворянством)». Но Ригсрод не был постоянно действующим учреждением, и король обычно по текущим делам совещался лишь с некоторыми из его членов, прежде всего с высшими должностными лицами королевства. Однако по важным делам требовались совет и согласие Ригсрода в его наиболее полном составе. Его общие собрания предполагались при издании новых законов и введении чрезвычайных налогов, в том числе с держателей церковных и дворянских земель, при объявлении войны и определении характера внешней политики, при возведении в дворянское звание (с 1513 г.), назначении высших должностных лиц и пожаловании ленов, для суда над дворянами и рассмотрения апелляционных жалоб на приговоры земских судов.

Собрания Ригсрода могли происходить как в присутствии короля, так и без его участия; решения на них принимались большинством голосов. Судебные заседания короля и Ригсрода являлись верховным трибуналом королевства. Они обозначались по-разному: *реттертинг*, *реттертинг херредага* (*herredagenes retterting*) или просто *херредаг* (букв. день, когда собираются господа). Херредаг должен был проводиться ежегодно, обычно на Троицу, но это положение не всегда соблюдалось. Часто к судебным собраниям Ригсрода приурочивалось и решение других важных государственных дел. В периоды междуцарствий Ригсрод являлся коллективным правительством королевства; он намечал и фактически выбирал будущего короля. По отдельности члены Ригсрода выполняли поручения короля в качестве дипломатов и участвовали во внутреннем управлении королевством. Служба членов Ригсрода всегда обеспечивалась ленами — условными земельными владениями, нередко включавшими значительные территории страны, а также от случая к случаю награждалась разными «милостями» короля. Денежное жалованье не предполагалось.

Таким образом, по своему общественному составу и полномочиям Ригсрод почти ничем не отличался от Совета короля и собраний лучших людей королевства. Следовательно, смена названий отразила только перемену, произошедшую в политико-правовом самосознании советников короля: к исходу XIV в. они окончательно стали себя воспринимать прежде всего мужами Датского королевства. Соответственно и их собрание — Государственный совет имел значение учреждения уже не столько короля, сколько королевства (государства). И поскольку существование Ригсрода проистекало из его самобытного, не обусловленного королевской волей правового статуса, он вслед за королем — носителем монархической идеи явился еще одним властным, а именно аристократическим, элементом, служившим политическому единению датских земель и вместе с тем наполнявшим юридическую отвлеченность королевства Дании конкретным содержанием. Третьим — демократическим — элементом государственного строя Дании позднего Средневековья и начала Нового времени, иногда называемого смешанной монархией (*monarchia mixta*), стали собрания сословий.

Сословные собрания. Начатки идеи сословного собрания в Дании можно обнаружить еще в практике проведения судебных окружных, областных и земских тингов — херредстингов, сюзсельтингов и ландстингов. Они составлялись из бондов, клириков и верных короля (дворян) — лучших (добрых) людей округов и земель. Помимо того, издревле на ландстингах лица разных состояний и сословий принимали от короля законы и выбирали новых королей. На тингах же при стечении народа объявлялись королевские постановления о созыве народного ополчения и сборе чрезвычайных налогов.

Вместе с тем в Средние века получают развитие односословные собрания, вызывавшиеся различными причинами.

С той или иной периодичностью встречались все епископы Дании для вынесения определений по делам Датской церкви. В свою очередь, в каждом епископстве вопросы местной церковной жизни, в том числе требовавшие судебного разбирательства, рассматривались на заседаниях епископа и его советников — каноников соборного капитула; к ним могли также присоединяться другие клирики. Собрания духовных чинов в масштабе королевства или отдельной территории проводились и после Реформации.

Еще с XI в. вошло в обыкновение собираться вместе светским людем короля (рыцарям и вебнерам, дворянам) как с целью судебных

разбирательств, так и для рассмотрения политических вопросов. Эти съезды могли быть общедатскими, как правило, во время проведения хофа (данехофа) и херредага и земскими, выражавшими какие-либо чаяния дворян отдельной земли. В XIV–XVII вв. дворяне в землях собирались или по почину местных вельмож, обычно в периоды междуцарствий в целях определиться с кандидатурой нового короля, или по королевскому предписанию, чаще всего для подачи совета относительно чрезвычайных налогов.

Кроме того, со второй половины XV в. по воле короля иногда созывались особые совещания из руководителей городских общин по вопросам, касавшимся торгово-ремесленных дел и для получения фактически формального согласия на взимание с бюргеров чрезвычайных налогов.

Именно обе указанные традиции: проведение всенародных местных тингов и односословных собраний — сказались на характере сословных съездов, известных в Дании со второй половины XV в. Действительно, с одной стороны, в них участвовали клирики, дворяне, бюргеры и бонды. И в то же время эти лица голосовали по отдельности как представители своих сословий.

Какого-то постоянного наименования датские сословные съезды не имели. В источниках XVI в. они иногда упоминаются как государственные собрания — *Rigsdag* (*rigsdag*). В исторической литературе их также принято называть *государственными сословными собраниями* (*rigsstændermøder*) или *сословными собраниями* (*stændermøder*).

Никакого закона о сословных собраниях не существовало, в том числе нет о них упоминаний в хондфестнингах, положения которых обязывались соблюдать претенденты на королевский престол. Созывались сословные собрания по приказу короля по мере надобности. Местом их проведения были зelandские города Калуннборг и Копенгаген, с 1536 г. только Копенгаген — столица королевства.

Участниками Ригсдагов являлись представители сословий — как в силу своего общественно-политического положения, так и по выбору на местных собраниях. В католический период духовенство представляли его высшие чины — епископы (как члены Ригсрода) и некоторые каноники и аббаты. После Реформации к епископам (суперинтендантам) и членам соборных капитулов добавились пробсты и один или два пастора от каждого округа. Дворяне были представлены членами Ригсрода (по статусу) и делегатами от земских дворянских собраний. От каждого города являлись бургомистры,

один или два члена городского совета и пара именитых горожан, а от мирян сельской местности — окружной фогт, назначавшийся из бондов, и несколько *добрых* бондов. Однако не все сословные собрания составлялись из представителей четырех сословий. В XVII в. бонды участвовали только в работе Ригсдага 1627 г.

Выборные не были связаны наказами избирателей. Каждое сословие выносило постановления по отдельности большинством голосов, после чего они в письменном виде передавались королю. Но эти постановления носили рекомендательный и согласовательный характер, хотя, как правило, отвечали желанию короля. В XV–XVI вв. король в первую очередь прислушивался к «совету и согласию» дворянских представителей, во многом и потому, что, согласно хондфестнингам, дворянство считалось соучастником короля в управлении государством. В XVII в. не менее важную роль стал играть и голос бюргерства, в первую очередь из-за его возросшего экономического значения. В сословных собраниях, таким образом, король искал и, по обыкновению, находил поддержку у своих знатных и именитых подданных на осуществление тех или иных правительственных деяний.

Причины для проведения сословных съездов были разными. Первый такой съезд состоялся в 1468 г. вследствие желания короля Кристиана I заручиться у широких общественных слоев поддержкой в противостоянии с аристократическим Ригсродом по поводу предоставления его влиятельным членам ленов. Политическими обстоятельствами, а именно разногласиями между королем Хансом и его братом Фредериком относительно прав последнего, были также обусловлены созывы представителей сословий в 1482 и 1494 гг. Их собрание в 1510 г. объяснялось потребностью короны в чрезвычайном налоге. В 1536 г. Ригсдаг согласился с королем Кристианом III о признании учения Лютера единственным вероисповеданием датчан. Следующий Ригсдаг состоялся только в 1570 г. в связи с финансовыми затруднениями, связанными с последствиями датско-шведской войны 1563–1570 гг., и он завершился «советом» королю на получение чрезвычайного налога. Частыми войнами и нехваткой денежных средств на содержание армии объяснялись и последующие собрания представителей сословий, созывавшиеся уже в XVII в. (1627, 1628, 1631, 1638, 1645, 1657, 1660 гг.). Причем в 1638 и 1645 гг. для лучшей организации сбора налогов они давали «согласие» на учреждение должностей *земских*

комиссаров (*landkommissarier*), замещаемых по выбору дворянами. Трижды (1608, 1648, 1650 гг.) выборные от дворян, духовенства и бюргеров собирались, чтобы одобрить намеченного королем и Ригсродом престолонаследника. Наконец, во время последнего своего заседания осенью 1660 г. представители сословий поддержали короля Фредерика III в проведении реформы политического строя.

В результате этой реформы, в 1665 г. закрепленной законодательно в Королевском уложении (дат. *Kongelov*; лат. *Lex Regia*), в Дании были учреждены наследственная монархия и единовластие короля (*enevælde, absolutisme*). Последнее ограничивалось только тремя запретами: нельзя было изменять государственную религию (лютеранское вероисповедание), делить королевство на части и отменять Королевское уложение. Вместе с тем были упразднены аристократический Ригсрод и все высшие должности королевства, а также перестали созываться сословные собрания.

Государственный совет — Риксрод и высшие должности в Шведском королевстве в эпоху Кальмарской унии

Первые упоминания о шведском *Государственном совете* относятся к концу XIII в. Поначалу он назывался Королевским советом (швед. *konungens råd*, лат. *consilium regis*). В XIV в., в начале правления короля Магнуса Эрикссона (1319–1364), этот же орган стал называться *Совет королевства* — *rikets råd, consilium regni*. Новый термин возник в связи с тем, что, пока король был несовершеннолетним, страной правили опекуны-регенты. В дальнейшем в течение всего Средневековья применительно к одному и тому же органу широко употреблялись оба термина: и Королевский совет, и Совет королевства.

Порядок формирования *Риксрода* был впервые подробно регламентирован в общем шведском законоуложении — Ландслаге короля Магнуса Эрикссона, созданном в середине XIV в. Там говорилось, что новоизбранный король¹⁰⁵ должен сформировать (букв.: «избрать») свой Совет, «включив в него в первую очередь архиепископа, а также

---

¹⁰⁵ Избрание короля совершалось на собрании — тинге у камня Мура неподалеку от Уппсалы. В избрании участвовали высшие должностные лица областей — лагсаг (ландов), а также делегаты от этих областей (по 12 от каждой). Если претендент на трон получал поддержку всех или большинства выборщиков, он становился королем. Сразу после избрания монарх давал торжественную клятву: обязывался любить Бога и охранять права церкви, защищать справедливость, карать беззаконие. Ответную клятву от имени всех жителей королевства приносили участники тинга. Спустя некоторое время король совершал Эрикстату — торжественную поездку по стране и короновался — чаще всего в Уппсальском кафедральном соборе. Подробно см.: Швеция и шведы в средневековых источниках. М., 2007. С. 187, 194–203.

епископов из числа тех, кто проживает в его королевстве, — столько, сколько ему требуется; а также других клириков, которые ему полезны». В Совет наряду с клириками входили светские члены из числа рыцарей и младших рыцарей — свенов¹⁰⁶. В Ландслаге говорилось, что рыцарей и свенов в совете должно быть «12, и не более». По закону членам Риксрода надлежало принести королю присягу. Они обязывались советовать королю то, что «полезно ему и королевству», а не то, что «обусловлено их пристрастиями, родственными или дружескими связями». Им надлежало помогать монарху «блюсти право королевства», хранить королевскую тайну и не разглашать сведения, от обнаружения которых может произойти вред королю или королевству¹⁰⁷. В присяге короля, в свою очередь, подчеркивалось, что монарх обязуется «править своим королевством Швецией при помощи уроженцев страны, а не иноземцев». Согласно той же присяге, король не имел права принимать иноземцев в свой совет¹⁰⁸.

Эти предписания, изложенные в Ландслаге, формально сохраняли силу в течение всего Средневековья. Фактическое же положение дел не во всем совпадало с законодательными нормами.

Прежде всего, как отмечено уже в древнейших комментариях к Ландслагу, предписание об избрании Риксрода королем не следует понимать буквально. Фактически по обычаю король утверждал в должности имеющих членом Риксрода и вводил в Совет новых — взамен умерших или выбывших по иным причинам¹⁰⁹. Утверждение в должности, по-видимому, происходило следующим образом: советник являлся на очередную сессию Риксрода, приносил присягу и продолжал участвовать в заседаниях.

Но и в том, что касалось избрания новых членом, монархи зачастую не имели свободы выбора. Например, при короле Альбрехте Мекленбургском (1364–1289) шведские аристократы поставили монарху принципиальное условие: новых членом Государственного совета должны избирать сами советники. Такая мера усиливала магнатов-советников в их противостоянии с королем. Одновременно устраня-

---

¹⁰⁶ Свен — здесь: младший рыцарь, член средневекового привилегированного сословия — фрельсе, не прошедший процедуру посвящения в рыцари.

¹⁰⁷ См.: Швеция и шведы... С. 204.

¹⁰⁸ См.: Там же. С. 209.

¹⁰⁹ См.: *Vår äldsta kommentar till landslagen*. Juris professor B. Crusius föreläsningar vid Uppsala universitet hösten 1630/Utg. J. E. Almquist. Uppsala, 1927. S. 18.

лась угроза засилья немцев в Совете: ведь Альбрехт Мекленбургский опирался на своих земляков-немцев, раздавал им шведские лены и административные должности. Существовала опасность, что места в Совете и высшие должности будут также доставаться немцам. Так или иначе, король Альбрехт принял поставленные условия, и Риксрод Швеции в правление этого короля пополнялся путем кооптации¹¹⁰.

Все же, как мы видели, в отношении введения в Риксрод существовали по крайней мере законодательные нормы и укоренившиеся обычаи. В отношении же исключения из Совета, напротив, почти не было ни того ни другого¹¹¹. Не было, впрочем, и распоряжений, запрещающих исключать советников из Риксрода. По всей видимости, советник, скомпрометировавший себя либо не угодивший королю или собратьям-советникам, временно или окончательно переставал получать приглашения на заседания Совета¹¹².

По закону (установление которого в данном случае в точности соблюдалось) в Риксрод входили как представители светского фрельсе, так и представители клира. Из клириков — членов Государственного совета главным являлся архиепископ Упсальский — высшее духовное лицо Швеции. Это был единственный член Риксрода, занимавший место в Совете автоматически, независимо от волеизъявления короля и советников. В Риксроде архиепископ имел особое положение, считаясь старшим среди членов Совета. Известно, что некоторые короли Швеции: Эрик Померанский, Кристофер Баварский — рассматривали архиепископов Упсальских как своих заместителей, исполняющих обязанности главы государства в отсутствие монарха¹¹³.

Остальные шведские епископы: Линчёпингский, Стренгнесский и др. — по закону не становились членами Риксрода автоматически. Но на практике примерно с середины XIV в. их место в Совете также являлось гарантированным. Архиепископ и епископы лично участвовали

---

¹¹⁰ Ср.: *Alin O.* Om svenska rådets sammansättning under medeltiden. Uppsala, 1872. S. 3.

¹¹¹ За исключением содержащегося в некоторых позднесредневековых документах требования, согласно которому советников, разгласивших тайну короля или тайну Совета, полагалось с позором изгонять без права восстановления.

¹¹² См.: *Alin O.* Op. cit. S. 5–6.

¹¹³ См.: Хроника Энгельбректа/Пер., послесл., комм. А. Д. Щеглова. М., 2002. С. 98–99. Ср.: *Alin O.* Om svenska rådets sammansättning. S. 7; *Idem.* Bidrag till svenska rådets historia under medeltiden. Uppsala, 1872. S. 19.

в заседаниях Совета. Если не было возможности явиться, они посылали вместо себя заместителя (как правило, кого-либо из членов соборного капитула), наделив его необходимыми полномочиями. Согласно закону членами Государственного совета наряду с архиепископом и епископами могли становиться «другие клирики». На практике в Риксроде (в качестве самостоятельных членов, а не только на правах епископских представителей) могли иногда заседать члены соборных капитулов¹¹⁴.

Светскими членами Риксрода в Средние века становились исключительно представители фрельсе: в этом отношении предписание Ландслага соблюдалось точно. Светскими советниками становились представители ведущих аристократических родов; в некоторых из них звание советника переходило из поколения в поколение, фактически передаваясь по наследству. Именно принадлежность к элите являлась первоочередным условием членства в Совете; личные качества в то время играли второстепенную роль.

Число духовных лиц, входивших в Риксрод, законом не ограничивалось. На практике оно являлось небольшим: в сессиях Риксрода участвовало по несколько человек духовного звания. Иначе обстояло дело со светскими членами Риксрода. Закон гласил, что их должно быть «12, и не более». На деле число советников часто было гораздо большим, нередко — примерно вдвое больше, чем предписывал закон. Причины были достаточно очевидны: либо Совет, желая усилиться, расширял свои ряды, либо правитель нуждался в более широкой поддержке.

Риксрод не являлся перманентным органом: он не заседал регулярно, не находился постоянно в одном и том же месте. Его члены пребывали в разных частях королевства: в своих поместьях или ленах либо в местах службы и время от времени съезжались на заседания. Не существовало и какого-либо нормативного документа, устанавливающего порядок и частоту созыва Риксрода. Советников созывали тогда, когда в них возникала необходимость — для обсуждения возникших вопросов государственной важности. Инициатива исходила от короля или регента; в этом случае члены Риксрода получали письма-приглашения — *kallelser*. В периоды, когда не было суверена, Риксрод мог собираться самостоятельно. Инициатива в этом случае могла исходить от ведущих духовных и светских аристократов. Повестка совещаний была разнообразной: войны, мятежи, налоги, реформы, международные договоры, браки короля и королевских отпрысков, жалобы жителей страны и др. Заседания проис-

¹¹⁴ См.: *Alin O. Om svenska rådet's sammansättning... S. 9.*

ходили следующим образом. Король формулировал вопросы, относительно которых требовалось мнение советников. Затем члены Риксрода коллегиально, без участия короля, обсуждали предложенные вопросы и по итогам этих обсуждений предъявляли монарху ответы. В Средние века не было однозначного мнения относительно того, обязан ли шведский король подчиняться Риксроду в случае разногласий. Но принцип, согласно которому король по всем важным государственным вопросам обязан консультироваться с Государственным советом, соблюдался; монархам приходилось считаться с мнением Риксрода¹¹⁵.

У Государственного совета имелась наряду с совещательной судебная функция. Она основывалась на том, что король, по закону наделенный высшей судебной властью, делегировал Риксроду свои полномочия. Вопрос об объеме переданных полномочий в разных случаях решался по-разному: король мог лично руководить судебным разбирательством, а мог, например, оставить дело целиком на рассмотрение членов Риксрода, а затем утвердить вынесенный ими приговор¹¹⁶. Риксрод участвовал и в законотворчестве — создании статутов (швед. *stadga*) — совместно с королем либо самостоятельно (когда не было признанного шведами монарха). Средневековые статуты шведского Риксрода (а также выдержки из них) сохранились в списках, включенных в рукописные книги правового содержания¹¹⁷. Существует гипотеза, согласно которой статуты Риксрода получали юридическую силу благодаря их внесению в «регистр королевства» (*riksens register, registrum regni*)¹¹⁸. В целом эта гипотеза представляется дискуссионной.

Риксрод отнюдь не всегда имел возможность собраться в полном составе. Иногда дело являлось настолько срочным, что некогда было ждать прибытия советников, находившихся в отдаленных концах королевства. Иногда препятствием к прибытию на совещание оказывались расходы, связанные с поездкой¹¹⁹. Возникали и другие препятствия: непогода,

---

¹¹⁵ Вплоть до конца XVII в., когда в связи с установлением абсолютной монархии был декларирован принцип *non rogatum*: советники не должны объявлять монарху свое мнение, если их об этом не просили.

¹¹⁶ Ср.: *Uppländska konungsdomar*. Uppsala, 1933.

¹¹⁷ См.: *Bjarne Larsson G. Stadgelagstiftning i senmedeltidens Sverige*. Lund, 1994; *Åström P. Senmedeltida svenska lagböcker*. Stockholm, 2003.

¹¹⁸ *Schück H. Rikets brev och register*. Stockholm, 1979.

¹¹⁹ Поначалу, в конце XIII в., расходы, связанные с созывом совета, несла корона. Прибывшие участники рассматривались как гости короля. Со временем утвердился новый порядок: расходы несли сами советники.

распутица, военные действия, народные волнения, причины личного характера. Ситуация, когда Риксрод невозможно было собрать в более или менее полном составе, предусматривалась в кондициях некоторых королей Швеции. Там оговаривалось, что в таком случае для решения государственных дел достаточно мнения большинства членов Совета.

Помимо общих собраний Риксрода нередко были более узкие совещания, в которых участвовали лишь некоторые из советников, например советники из одной отдельно взятой провинции. В таком случае заседание могло носить местный, региональный характер¹²⁰.

В число членов Риксрода входили лица, занимавшие высшие должности: *канцлер*, *дротс* и *марск*. Канцлером (лат. *cancellarius regis; cancellarius regni*) почти неизменно являлось духовное лицо, часто — один из епископов¹²¹. Дротс (лат. *dapifer regis или dapifer regni*) являлся верховным судьей и помощником короля, первым его заместителем — своего рода премьер-министром¹²². Марск, или марскалк (*marscalcus*) был, собственно, «маршал» — сперва начальник конницы¹²³, а позже, в XV в., — верховный военачальник, получавший чрезвычайные полномочия в военное время. В мирное время марск являлся помощником дротса.

История Государственного совета и высших должностей Швеции была, конечно же, прочно связана с развитием средневекового шведского государства и с политической борьбой в нем.

Важнейшим фактором позднесредневековой истории Швеции являлась борьба магнатов за власть и материальные ресурсы — особенно за обладание ленами. Часть магнатов в этой борьбе делала ставку на лидеров из своего круга; других, напротив, устраивал правитель, находящийся «далеко» за пределами Швеции и не вмешивающийся в их политику.

Во второй половине XIV в. в условиях ожесточенного внутривосточного противостояния часть шведских магнатов провозгласила

---

¹²⁰ См., например: Швеция и шведы... С. 290.

¹²¹ Известен только один случай, когда канцлером Шведского королевства стал мирянин. См.: *Alin O. Om svenska rådet's sammansättning...* S. 9–10.

¹²² Такое понимание роли дротса не было всеобщим. Как указывалось выше, существовала точка зрения, согласно которой первым заместителем и главным помощником короля являлся архиепископ Уппсальский.

¹²³ См., например: Швеция и шведы... С. 208.

королем Альбрехта Мекленбургского, давшего формальные гарантии прав аристократам — уроженцам страны. Однако в дальнейшем усилились противоречия между шведскими магнатами и монархом. Недовольство шведов было в числе прочего вызвано тем, что король назначал немцев на административные должности и жаловал им лены (вопреки закону и в обход местной знати). В Швеции у короля появились противники, которых возглавил дротс — крупный землевладелец, держатель экономически и стратегически важных ленов Бу Йенссон (из рода Грип). Дротс стал, таким образом, лидером оппозиции.

После смерти Бу Йенссона поместья и лены покойного были, согласно завещанию, переданы душеприказчикам из числа наиболее влиятельных аристократов. Игнорируя это распоряжение, Альбрехт Мекленбургский попытался захватить указанные владения. Начался конфликт, в ходе которого шведские противники короля Альбрехта обратились за помощью к правительнице Дании и Норвегии Маргрете, объявив ее «госпожой», полномочной регентшей Швеции.

В ходе борьбы с мекленбуржцами фактически сложилась скандинавская уния. Юридически она окончательно оформилась в 1397 г., когда внучатый племянник Маргреты — герцог Эрик Померанский был коронован в шведском городе Кальмаре на шведский и датский престол¹²⁴. В связи с коронацией были созданы два основополагающих документа. Первый из них, акт о коронации Эрика Померанского, составленный от имени «советников и государственных мужей» Дании, Швеции и Норвегии, закреплял временную, личную унию трех королевств под властью короля Эрика. Второй — договор об унии (составленный со странными нарушениями формы и имевший весьма спорную юридическую силу) — являлся соглашением о вечной унии¹²⁵. Там говорилось, что король Эрик в течение своей жизни будет союзным монархом; после его смерти трем королевствам также надлежит иметь общего суверена, которого следует избрать совместно. В договоре указывалось, что каждая из стран — участниц союза во внутренних делах руководствуется своим правом. Государства обязывались оказывать друг другу военную помощь. Король,

---

¹²⁴ Подробно см.: *Сванидзе А. А.* Швеция в период Кальмарской унии// *История Швеции.* М., 1974. С. 114–128; Она же. *Кальмарская уния: предыстория и первый этап*// *История Дании.* М., 1996. С. 131–142. Ср.: *Швеция и шведы...* С. 249–278.

¹²⁵ Подробно см.: *Швеция и шведы...* С. 253–278.

в каком бы из трех королевств он ни находился, и «те его советники, которые там будут пребывать, но обязательно по скольку-то от каждого королевства» получали полномочия вести международные переговоры и заключать внешние соглашения от имени всех трех стран — участниц унии. В документе ничего не говорилось о статусе и полномочиях канцлера, дротса, марска или других высокопоставленных должностных лиц Дании, Швеции и Норвегии.

На практике политика союзных правителей — Маргреты, а затем Эрика Померанского была направлена на создание мощного союзного государства под эгидой Дании¹²⁶. Очевидно, памятуя о той политической роли, которую играл шведский дротс во второй половине XIV в., правители унии вплоть до середины 1430-х гг. не назначали в Швеции новых дротсов. Вакантной оставалась и должность шведского марска. Более того, крайне редкими стали созывы Риксрода Швеции. Самый статус этого органа стал неопределенным. Маргрета и Эрик Померанский стремились заручиться поддержкой съездов, в которых участвовали аристократы всех трех скандинавских государств. Правители унии пытались превратить эти съезды в нечто вроде регулярного совещательного общескандинавского органа. В результате этого, как и вообще вследствие централизаторской политики первых правителей Унии, ослаблялись позиции государственных советов скандинавских стран, ставилось под угрозу само их существование.

Политика правительницы Маргреты и особенно короля Эрика вызвала недовольство шведских магнатов. Причиной особого возмущения стала раздача ленов и административных должностей иноземцам и людям низкого происхождения — нередко выскочкам, авантюристам. Крайнее возмущение местных аристократов было вызвано и тем, что Эрик Померанский намеревался передать права на шведские замковые лены своему кузену — герцогу Бугиславу Померанскому¹²⁷. Эта мера грозила превращением Швеции в вассала померанских герцогов. В свою очередь, шведские прелаты были недовольны тем, что Эрик Померанский пытался возводить на архиепископский престол и епископские кафедры угодных монарху кандидатов. Недовольство вызывала порча монеты, а также чрезмерные налоги, обременительные для шведских свободных крестьян — бондов. Усилению противоречий

---

¹²⁶ Подробно см.: Хроника Энгельбректа. С. 91–93. Ср.: *Сванидзе А. А. Эпоха уний в Северной Европе // Средние века. М., 1987. Вып. 50. С. 91–112.*

¹²⁷ В случае если у короля не будет детей — законным наследникам.

между монархом и его шведскими подданными способствовали войны Эрика Померанского с голштинцами и ганзейцами — невыгодные для Швеции и непопулярные в этой стране.

Обострение противоречий привело к тому, что шведские аристократы примкнули к народному восстанию (ок. 1434–1436 гг.) под предводительством мелкого дворянина и горного предпринимателя Энгельбректа Энгельбректссона и фактически возглавили это движение¹²⁸. Одним из ключевых эпизодов восстания стала встреча Энгельбректа Энгельбректссона с шведским Риксродом в городе Вадстене в августе 1434 г.¹²⁹ Участники встречи составили и отправили королю письмо, где говорилось о намерении отказать королю в верности.

Успехи повстанцев вынудили Эрика Померанского и его соратников — датских магнатов вступить в переговоры с мятежниками. По итогам переговоров монарх обязался соблюдать шведские законы и обычаи, проявлять умеренность в налоговой политике и согласовывать ее с Риксродом, назначить в Швеции дротса и марска, даровать амнистию лидерам восстания.

Несмотря на этот компромисс, вскоре, в июне 1435 г., крайние оппозиционеры провели новое собрание. Его участники именовали себя Риксродом Швеции. В действительности это было значительно более широкое совещание: в нем приняли участие свыше 40 человек¹³⁰. Собрание постановило: все дела королевства должны вершиться «с совета Риксрода» и по шведским законам; король должен жаловать замки и лены только уроженцам Швеции; право распоряжаться ленами должно быть отобрано у иноземцев.

Осенью 1435 г. Эрик Померанский лично прибыл в Швецию для переговоров. Шведская сторона предъявила королю «жалобу» — перечень претензий. Там, в частности, указывалось: в Швеции не имеется дротса и марска, «которые должны исполнять закон»; в Швеции много лет не заседал Королевский суд; у Риксрода не имеется над-

---

¹²⁸ Относительно этого восстания см.: Хроника Энгельбректа. См. особенно послесловие переводчика. С. 80–132.

¹²⁹ Дискуссионным является вопрос о характере этой встречи: было ли это заседание Риксрода или же региональный съезд представителей нижнешведского фрельсе. См.: *Schück H. I Vadstena 16 augusti 1434//Historisk tidskrift. 1985. S. 135–149.*

¹³⁰ См.: *Historiska handlingar. Stockholm, 1870. Hft. 7. S. 10–11.*

лежащих полномочий¹³¹. 14 октября был подписан мирный договор. В числе прочего стороны договорились, что Швеция должна иметь дротса и марска; право решающего голоса при их назначении будет принадлежать королю. Несколько дней спустя специальная арбитражная комиссия постановила, что король обязан по всем государственным делам Швеции совещаться с Риксродом этой страны, но не обязан ему подчиняться в случае разногласий.

Вскоре состоялись выборы дротса и марска. Об этих выборах красноречиво повествует рифмованная хроника, созданная в конце 1430-х гг. по горячим следам описываемых событий:

Затем предложил он им выбрать самим
дротса и марска, угодных им.

Стали шведы тогда обсуждать,
кого им на эти посты выбирать.

Архиепископ всех пригласил
выбрать достойных; при этом просил
тайно волю свою изъявлять:

«Тогда мы сумеем ссор избежать».

Троих человек, кто больше всех сможет
набрать голосов, королю он предложит.

Король из них выберет одного
и в Швеции дротсом назначит его.

Затем имена огласили

троих, что избраны были:

Карл Кнутссон и Бу Кнутссон
и вместе с ними Никлис Стенссон.

Архиепископ тогда королю рассказал,
на кого выбор шведов пал.

Король ответил: «Тому не бывать!

Должны вы мне трех старых избрать.

Вам нужно опытного волка,

а от юнцов не много толку.

Возьмите одного из трех, что по нраву мне:

Кристиерн Никлиссон, Бенгт Стенссон годятся вполне.

Герр Нильс Эренгисельссон тоже неплох:

---

¹³¹ *Huitfeldt A. Danmarks Riges Krønike: Chronologia. København, 1977. D. III. S. 536–541.*

одного изберите из этих трех!
Когда это родманы услышали,
королевскую волю исполнить желали,
герра Кристиерна выбрать решили
и короля о том известили:
король оставил решение их в силе.
Затем по общей просьбе их
из прежде избранных троих
марска он утвердить пожелал.
На Карла Кнутссона выбор пал.

Герра Кристиерна к себе он призвал
и сказал: «Быть вам дротсом: так выбор пал!»
Тот взмолился: «Милость явите,
от должности этой освободите!»
Король мольбам его не внял,
дротсом он видеть его пожелал.
Маленький меч ему Эрик вручил,
столь же малую власть Кристиерн получил.
Герра Эрика Круммедике король затем пожелал спросить,
как следует в марски производить.
Ответил тот: «Государи другие
обычаи соблюдают такие:
золотое кольцо и жезл вы должны ему дать
и вразумить, как должность ему исполнять».
Тот тут же нашелся: «Ну что ж, мне не жалко
его надлежащей пожаловать палкой.
Кольца ж золотого ему не видать».
С тем и пошел к господам он опять.
Карла Кнутссона подозвал он к себе:
«Марском стать надлежит тебе».
Тот пал на колени и горько молил,
чтоб Эрик решение свое изменил,
ибо никак не мог понять,
как должность ту не во вред исполнять.
Король же не желал отступить
и в должность того заставил вступить.
Серебряный жезл дал король ему
и марска должность впридачу к тому.

Марск просил его наставить,
как лучше ему свою должность исправить.
Король нашелся: «Спору нет,
дать надлежит тебе совет.
Вот добрый совет: не вытягивай ног
дальше, чем шкуры хватает, дружок!»
Больше марск ничего не добился.
С великой печалью он удалился.

Конечно, мы не знаем, действительно ли все происходило так, как описал хронист. Но основные события, думается, переданы верно — и притом талантливо, красочно, с немалой долей юмора. Короля не устроили выдвинутые шведами претенденты на должность дротса — молодые магнаты, потенциальные оппозиционеры. Уступив воле монарха, шведы избрали дротсом опытного и лояльного Кристиерна Нильссона из рода Васа. Молодой аристократ Карл Кнутссон стал марском. Король, проигнорировав традиционный ритуальный отказ от должности, вручил Кристиерну Нильссону «маленький меч» — символ власти дротса и наделил ограниченными полномочиями. Марску король отказал в «наставлении», т. е. в делегировании конкретных полномочий. Вместо этого он дал «совет» — процитировал популярную поговорку, смысл которой: «знай сверчок свой шесток», «сиди да не высывайся».

Стокгольмский мир оставил многие спорные вопросы нерешенными. Его результатами были недовольны и крайние оппозиционеры — сподвижники Энгельбректа, и более умеренные шведские аристократы, не добившиеся в полной мере желаемого усиления, и шведский народ, не избавившийся от регулярных налогов. Борьба возобновилась — на сей раз под совместным руководством Энгельбректа и марска Карла Кнутссона. В разгар борьбы Энгельбрект был предательски убит соотечественником. Но борьба продолжилась; успехи повстанцев вынудили Эрика Померанского возобновить переговоры.

В ходе переговоров шведские, датские и норвежские магнаты создали проект нового союзного договора¹³². Согласно этому про-

---

¹³² Документ сохранился в многочисленных списках, большинство которых хранится в архивах и библиотеках Дании и Швеции. Один список имеется в России, в отделе рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург).

екту, королю унии надлежит пребывать в каждом из трех королевств: Дании, Швеции и Норвегии. В каждом королевстве он должен иметь двух канцлеров. Одному из них — обер-канцлеру надлежит хранить государственную печать. Далее — в каждом из королевств монарху следует иметь дротса и марска. Дротс — заместитель короля; ему делегируется судебная власть, равносильная судебной власти монарха. Марск должен помогать дротсу вершить правосудие от имени короля. В случае войны марск получал полномочия главнокомандующего.

Проект союзного договора 1436 г. не обрел законную силу и не был реализован на практике. Он ценен прежде всего как источник по истории политической мысли: из его текста видно, какое устройство унии являлось приемлемым для скандинавских магнатов.

На тех же переговорах 1436 г. был поднят еще один принципиальный вопрос, в значительной степени касающийся Риксрода. В шведских законах говорилось, что членами Риксрода, должностными лицами и ленниками шведского короля могут быть только жители страны и никак не иностранцы. Но трактовки закона были различны. С точки зрения шведских магнатов, жителями страны следовало считать уроженцев Швеции. Датские правители Унии и их сподвижники интерпретировали закон более широко: жителями Швеции можно считать любых скандинавов, а то и вообще иностранцев, поселившихся в Шведском королевстве. На переговорах 1436 г. шведские представители твердо заявили: шведами следует считать уроженцев Швеции¹³³.

В 1439 г. датские и шведские аристократы объявили о свержении Эрика Померанского. В 1440 г. в сложной политической ситуации датчане в одностороннем порядке провозгласили королем герцога Кристофера Баварского — племянника Эрика Померанского. Так был нарушен договор 1397 г. и другие соглашения, согласно которым скандинавы должны были сообща избирать монарха. Вскоре Кристофер Баварский, также сепаратно, был провозглашен королем Швеции (фактически управление страной сосредоточилось в руках местного Риксрода). Несколько позже Кристофер стал и королем Норвегии: у трех государств вновь оказался единый суверен. Идея союзной монархии осталась актуальной, но политико-правовые основы унии надлежало либо возродить, либо создать заново.

---

¹³³ Шведские магнаты предъявили множество аргументов в пользу подобной трактовки. Часть этих доказательств, впрочем, были спорными.

При Кристофере Баварском значительно усилились позиции шведского Риксрода, возросла его политическая роль. В новой редакции Ландслага, принятой при короле Кристофере, однозначно говорилось, что членами Совета должны становиться уроженцы Швеции. Согласие на их назначение должен давать весь Риксрод или по крайней мере его ведущие члены: архиепископ, дротс, лагман главной шведской области — Уппланда, а также особо уполномоченные советники, распоряжающиеся замковыми ленами.

В кондициях короля Кристофера также говорилось, что в Швеции должен иметься канцлер; при его назначении следует считаться с предписанием Риксрода. В тех же кондициях (а равно и в новой редакции Ландслага) указывалось, что в королевстве должен наличествовать дротс; также и при его назначении следовало учесть мнение Риксрода.

Особым содержанием в истории средневековой Швеции наполнена т. н. эпоха Стуре (1471–1520) — период, когда страной управляли регенты из дома Стуре. Борьба этих регентов против датских королей приняла характер борьбы за государственную самостоятельность Швеции. Регенты Стуре являлись лидерами «прошведской» группировки аристократов, наименее лояльной по отношению к датскому королю. Напротив, для магнатов, недовольных политикой регента, более характерной являлась ориентация на Данию, стремление к компромиссу и сотрудничеству с датским королем.

В изменившихся условиях еще более возросла политическая роль Государственного совета Швеции, по сути превратившегося в орудие стремившейся к всевластию аристократии. Изменения нашли отражение в новой присяге Риксрода, содержащей значительные изменения по сравнению с текстом присяги, приведенным в Ландслаг¹³⁴. Члены Риксрода нового образца присягали на верность не королю, а королевству — фактически же сами себе; они получали право самостоятельно действовать от имени королевства. Решениям Риксрода должны были подчиняться регент и высшие должностные лица страны. Члены Совета обязывались блюсти тайну в том, что касается государственных интересов и частных интересов своих собратьев по Риксроду. Наконец, в новой присяге содержалось беспрецедентное обязательство

---

¹³⁴ Анализ новой редакции присяги приведен в монографии: *Palme S. - U. Sten Sture den äldre*. Stockholm, 1950. S. 98–99. Ср.: *Carlsson G. Kalmar recess 1483*. Stockholm, 1955. S. 6–7. Пальме полагал, что текст новой присяги был создан в начале 1480-х гг.; Карлссон считал этот текст более ранним.

не участвовать в каких-либо действиях, имеющих целью нанесение ущерба члену Риксрода или его имуществу. Таким образом, фактически Риксрод того времени являлся мощным противовесом правителю.

В отношении Риксрода и высших должностей в «эпоху Стуре» произошли и другие изменения. Должность государственного канцлера прочно закрепилась за епископами Стренгнесскими — главами весьма важного диоцеза в Центральной Швеции. Они стали хранителями государственной документации и государственной печати Шведского королевства. Стренгнесские епископы были теперь обязаны присутствовать на всех заседаниях Риксрода, фиксировать постановления и оформлять связанные с этими постановлениями письма¹³⁵. Если епископ не имел возможности лично осуществлять эти функции, он присылал на сессию Риксрода своего секретаря. У регентов имелись, впрочем, и собственные секретари; они, в свою очередь, именовались канцлерами, но в отличие от канцлеров королевства не входили в Риксрод.

Изменения произошли и в том, что касалось должностей дротса и марска. Дротс Швеции в середине XV в. стал называться гофмейстером (*magister curiae*): несколькими десятилетиями раньше аналогичная перемена произошла в Дании, и шведы последовали примеру датчан. Но в «эпоху Стуре» на время исчезли и гофмейстеры. В условиях борьбы с Данией у Швеции, за исключением небольших промежутков времени, не было признанных монархов. Регентам же не полагалось иметь гофмейстеров. Должность гофмейстера была восстановлена при короле Густаве Васе (1523–1560). В течение долгого времени в «эпоху Стуре» в Швеции не было и марска. Достаточно своеобразным стал и состав Риксрода. Хотя закон (Ландслаг в редакции короля Кристофера) гласил, что членами Государственного совета могут быть лишь те, кто родился в Швеции, в позднее Средневековье многие советники — представители «скандинавских» шведско-датских родов являлись уроженцами Дании.

В отношении политической (и не только политической) истории Швеции значительный интерес представляют программные документы 1470–1480-х гг. Так же как в свое время проект союзного договора от 1436 г., эти документы отразили взгляды шведских (и вообще скандинавских) аристократов на то, каким должно быть оптимальное политическое устройство Скандинавских стран.

---

¹³⁵ См.: *Alin O. Om svenska rådets sammansättning... S. 10.*

В начале 1470-х гг. острый конфликт между приверженцами регента Стена Стуре — старшего и сторонниками датского короля Кристиана I завершился сражением при холме Брункеберг близ Стокгольма. Победу одержали воины и ополченцы Стена Стуре. Этот успех способствовал патриотическому подъему шведов, стимулировал развитие шведского национального государства.

Тем не менее на этом этапе шведы еще отнюдь не отказались от унии под властью датского короля. После завершения военных действий шведский Риксрод обратился к Государственному совету Дании, предложив начать мирные переговоры. Датчане откликнулись на эту инициативу. В июле 1472 г. был подписан шведско-датский договор о мире и взаимопомощи. В договор вошло соглашение о том, что спорные вопросы будут решены на встрече датского и шведского Риксродов. На такой встрече, состоявшейся в 1476 г., было достигнуто принципиальное соглашение о признании Кристиана I шведским королем на условиях, сформулированных шведами¹³⁶. Король обязался править Швецией, руководствуясь шведскими законами. Впервые в истории шведского законодательства за подданными короля признавалось право на восстание: если монарх нарушит свои обещания и обязательства, то государственные советники и «достойные мужи» всех трех королевств должны пресечь это нарушение. Монарх не должен жаловать или отбирать лены по своему усмотрению, без содействия Риксрода. Ему разрешается отдавать в залог замки, земли и лены только в случае крайней необходимости и только с совета Риксрода. Налоги и другие поступления в казну должны оставаться в пределах королевства, ими должен ведать камермейстер (казначей), назначенный Риксродом из числа членов Риксрода же; он должен быть подотчетен Риксроду и королю. Когда король не пребывает в Швеции, страной должны править высшие должностные лица — дротс и марск, назначенные королем с совета Риксрода. Должностные лица и придворные короля должны являться уроженцами Швеции. Риксрод имеет право навсегда изгнать из своих рядов человека, который разгласил тайну Государственного совета¹³⁷.

Эти и другие выдвинутые шведами условия не были безоговорочными: они подлежали утверждению со стороны короля. Кристиан I удалил из текста раздел о праве подданных на восстание и заменил

¹³⁶ См.: *Carlsson G.* Kalmar recess 1483. Stockholm, 1855. S. 5–8.

¹³⁷ См.: *Ibid.* S. 5–9.

его противоположным: об обязанности жителей трех королевств содействовать королю в подавлении восстаний. В дополнение к параграфу о праве членов Государственного совета изгонять из своих рядов человека, разгласившего тайну Риксрода, монарх оговорил за собой аналогичное право в отношении советников, разглашающих тайну короля. Эти и другие поправки, внесенные королем, не устроили Стена Стуре и многих других шведских аристократов. Кристиану I было отказано в признании его шведским королем.

Переговоры о восстановлении унии Швеции, Дании и Норвегии возобновились в связи со смертью Кристиана I (1481) и восшествием на престол его сына Ханса. Были созданы новые документы: проект союзного договора (1482) и совместное официальное заявление шведских и датских магнатов — Кальмарский рецесс (1483).

В Кальмарском рецессе были сформулированы условия, на которых шведские магнаты соглашались признать Ханса королем Швеции. В числе прочего там указывалось: король не должен принимать в свой Совет иноземцев и жаловать им земли, замки и лены, «за исключением тех иноземцев, которые ныне в чести». Король должен править «при посредстве достойных местных уроженцев — тех, кто родился и проживает в соответствующем королевстве. Монарх не должен жаловать или отбирать замки и лены иначе как с совета высокопоставленных и наиболее достойных членов Риксрода в той местности, где расположены эти замки и лены. Король обязуется не отдавать в залог и не отчуждать замки, торговые города, земли или лены иначе как с совета Риксрода; оказывать своим советникам, рыцарям и вообще «достойным людям» почет и уважение. Для ведения судебных разбирательств по земельным вопросам следует уполномочить достойных людей из числа советников. Далее, король не имеет права начинать войну иначе как с единодушного одобрения Риксродов всех трех королевств. В Риксрод можно принимать лишь «благородных уроженцев соответствующего королевства» из числа рыцарей и сенов, а также стольких клириков, в скольких есть необходимость и сколько имеется к тому пригодных, как то предписывает шведский закон». Все они должны быть приняты с совета всего Риксрода и должны принести надлежащую клятву. За разглашение тайны Риксрода (в том числе королю) надлежит с позором изгнать провинившегося из Совета без права восстановления.

Государственная казна и документация Швеции должны находиться в Стокгольмском замке; два духовных и два светских лица должны иметь от них ключи. В каждой стране унии, в том числе

в Швеции, должны иметься местный гофмейстер, канцлер и «всевозможные другие лица и придворные». Король должен проводить один год в Швеции, другой — в Дании, третий — в Норвегии. Если необходимо продлить пребывание короля в одной из стран, согласие на это продление должен дать Риксрод соответствующего королевства¹³⁸.

Кальмарский рецесс не был ратифицирован королем Хансом. Впоследствии, на рубеже XV–XVI вв., об этом документе не раз заходила речь как о своего рода политической конституции Швеции. Затем Кальмарский рецесс перестал рассматриваться как основополагающий политический документ. Его содержание не устраивало ни шведских правителей, ни датских королей: и те, и другие стремились усилить свою власть и не хотели мириться с ее ограничениями. Для нас Кальмарский рецесс интересен как памятник, отражающий взгляды шведских аристократов на политическое устройство Швеции, в частности на роль и полномочия Риксрода и высших должностных лиц.

***

Итак, развитие шведского Риксрода и высших государственных должностей в XIV–XV вв. являлось сложным, неоднозначным. С одной стороны, видна преемственность традиций: сохранялся аристократический характер Риксрода; неизменной оставалась его совещательная функция; принимались во внимание установления, касающиеся численности и происхождения советников.

В то же время мы видим, что на практике многое менялось. Варьировалось реальное число советников. Происходили изменения в фактическом статусе Риксрода, его отношениях с монархом (от сотрудничества до противостояния). Подобные изменения касались и высших должностных лиц: так, дротс мог являться лояльным подданным, сотрудничавшим с королем, а мог быть и лидером оппозиции.

Следует отметить и неоднородность источников. В классических старых исследованиях по истории Риксрода (О. Алин) источники как бы уравниены в правах, приведены к общему знаменателю. В действительности документы, конечно, различаются по типам. Одни являются официальными постановлениями, получившими широкое признание, соблюдавшимися на деле. Другие остались проектами, отразившими своего рода идеал и не реализованными на практике. Но, повторим, эти проекты также представляют значительный интерес для историков.

---

¹³⁸ См.: *Sveriges traktater med främmande makter*. Bd. III. S. 371–386; 686–695. Ср.: Швеция и шведы... С. 288–305.

Библиография

К ГЛАВЕ 1–2

- Галанза П. Н.* Феодальное государство и право Франции. М., 1963.
- Григорий Турский.* История франков. М., 1987.
- Жан де Жуанвиль.* Книга благочестивых речений и добрых деяний нашего святого короля Людовика. СПб., 2007.
- Историки эпохи Каролингов. М., 1999.
- История государства и права зарубежных стран. Т. 1. М., 1988.
- Корсунский А. Р.* Образование раннефеодального государства в Западной Европе. М., 1963.
- Лебек С.* Происхождение франков (V–IX вв.). М., 1993.
- Пти-Дютайи Ш.* Феодальная монархия во Франции и в Англии X–XIII в. М., 1938.
- Салическая правда. М., 1950.
- Стукалова Т. Ю.* Введение в средневековую французскую архонтологию. М., 2001.
- Стукалова Т. Ю.* От конюха до главнокомандующего. Очерк эволюции высших военных должностей во Французском королевстве с VI по XVIII вв. // Гербовед. М., 2004. Вып. 75. С. 38–57.
- Стукалова Т. Ю.* «Посланная небом в великой тайне...»: орифламма и церемония ее поднятия во Франции (вторая половина XIV – начало XV в.) // Королевский двор в политической культуре средневековой Европы: теория, символика, церемониал. М., 2004. С. 200–215.
- Стукалова Т. Ю.* Французский королевский двор при Филиппе I и Людовике VI (1060–1137) // Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель, среда. СПб.; М., 2001. С. 68–80.
- Тейс Л.* Наследие Каролингов (IX–X вв.). М., 1993.
- Фавтье Р.* Капетинги и Франция. Роль династии в создании государства. СПб., 2001.
- Фюстель де Куланж Н. Д.* История общественного строя древней Франции. Т. 3. СПб., 1907; Т. 6. Петроград, 1916.
- Хачатурян Н. А.* Возникновение Генеральных штатов во Франции. М., 1976.

- Хачатурян Н. А.* Сословная монархия во Франции XIII–XV вв. М., 1989.
- Эйнхард.* Жизнь Карла Великого/Пер. М. С. Петровой. М., 2005.
- Barbey J.* Être Roi: le roi et son gouvernement en France de Clovis à Louis XVI. P., 1992.
- Bourassin E.* La cour de France à l'époque féodale (987–1483). P., 1975.
- Charlemagne. Textes de Charlemagne, Eginhard, Alcuin, Hincmar/Ed. G. Tessier. P., 1967.
- Dhondt J.* Etudes sur la naissance des principautés territoriales en France (IX–X siècles). Brugge, 1948.
- Dhondt J.* Le Haut Moyen âge (VIII–IX siècles). P., 1968.
- Fournier G.* Les Mérovingiens. P., 1969.
- Guillot O., Sassier Y.* Pouvoirs et institutions dans la France médiévale. T. 1. Des origins à l'époque féodale. P., 2003.
- Histoire des institutions françaises au moyen âge. T. 2. Institutions royales. P., 1962.
- Lemarignier J. F.* La France médiévale: institutions et société. P., 1970.
- Lemarignier J. F.* Le gouvernement royal aux premiers temps capétiens (987–1108). P., 1965.
- Luchaire A.* Histoire des institutions monarchiques de la France sous les premiers Capétiens (987–1180). Vol. 1–2. P., 1891.
- Luchaire A.* Manuel des institutions françaises, période des Capétiens directs. P., 1892.
- Tessier G.* Diplomatie royale française. P., 1962.

К ГЛАВЕ 3

- Блюш Ф.* Людовик XIV. М., 1998.
- Копосов Н. Н.* Высшая бюрократия во Франции XVII в. Л., 1990.
- Люблинская А. Д.* Французский абсолютизм в начале XVII века. М., 1965.
- Люблинская А. Д.* Франция при Ришелье. М., 1982.
- Малов В. Н. Ж.-Б. Кольбер.* Абсолютистская бюрократия и французское общество. М., 1991.
- Хачатурян Н. А.* Сословная монархия во Франции. М., 1989.
- Цатурова С. К.* Офицеры власти. М., 2002.
- Шишкин В. В.* Королевский двор и политическая борьба во Франции в XVI–XVII веках. СПб., 2004.
- Шоню П.* Цивилизация классической Европы. Екатеринбург, 2004.
- Anselme P.* Histoire de la maison royale de France et des grands officiers de la couronne. P., 1674.
- Anselme P.* Histoire généalogique et chronologique de la maison royale de France. P., 1726–1733. Vol. 1–9.

- Antoine M.* L'Administration centrale des finances en France du XVIe au XVIIIe siècle//Le dur métier de roi. P., 1986.
- Antoine M.* Le Conseil du Roi sous le règne de Louis XIV. P.; Genève, 1970.
- Antoine M.* Le coeur d'État. P., 2003.
- Barbiche B.* Les institutions de la monarchie française à l'époque moderne. P., 2000.
- Blanqui C.* Les institutions de la France des Bourbons. P., 2003.
- Cabourdin G., Viard G.* Lexique historique de la France d'Ancien Régime. P., 1978.
- Chatenet M.* La cour de France au XVIe siècle. P., 2002.
- Collins J.* The State in Early Modern France. Cambridge, 2001.
- Dessert D.* Argent, pouvoir et société au Grand siècle. P., 1984.
- Doucet R.* Les institutions de la France au XVIe siècle. T. 1–2. P., 1948.
- Ellul J.* Histoire des institutions. P., 1999. 4 vols.
- Hotman F.* Francogallia. Cambridge, 1972.
- Lebigre A.* La justice du roi. La vie judiciaire dans l'ancienne France. P., 1988.
- Marion M.* Dictionnaire des institutions de la France aux XVIIe et XVIIIe siècles. P., 1923.
- Mounier R.* Les institutions de France sous la monarchie absolue. T. 1–2. P., 1974–1980.
- Solnon J.-F.* La cour de France. P., 1987.

К ГЛАВЕ 4

- Бойцов М. А.* Золотая булла 1356 г. и королевская власть в Германии во второй половине XIV в.//Средние века. Вып. 52. 1989. С. 25–46.
- Бойцов М. А.* Политический церемониал в Священной Римской империи XIV – начале XVI вв. Докт. дисс. М., 2010 (МГУ).
- Battenberg F.* Beiträge zur höchsten Gerichtsbarkeit im Reich im XV. Jahrhundert. Köln; Wien, 1981.
- Boshof E.* Erstkurrecht und Erzämtertheorie im Sachsenspiegel//Beiträge zur Geschichte des mittelalterlichen deutschen Königtums/Hg. Th. Schieder u. a. München, 1973.
- Bosl K.* Die Reichsministerialität der Salier und Staufer. Ein Beitrag zur Geschichte des hochmittelalterlichen deutschen Volkes, Staates und Reiches. 1–2 Bde. Stuttgart, 1950–1951. (Schriften der Monumenta Germaniae Historica. Bd. 10).
- Deutsche Verwaltungsgeschichte/Hg. K. G. A. Jeserich u. a. 1–6 Bde. Stuttgart, 1983–1988. Bd. 1. 1983.
- Ficker J.* Vom Reichsfürstenstande. Forschungen zur Geschichte der Reichsverfassung zunächst im XII. und XIII. Jahrhunderten. 1–2 Bde. Innsbruck, 1861, 1923 [repr. 1984].
- Fleckenstein J.* Die Hofkapelle der deutschen Könige. 1–2 Bde. Stuttgart, 1959–1966.

Handwörterbuch zur deutschen Rechtsgeschichte/Hg. A. Erler, E. Kaufmann. 1–5 Bde. Berlin, 1971–1998.

Hattenhauer H. Geschichte des Beamtentums. Köln, 1980.

Hausmann F. Reichskanzlei und Hofkapelle unter Heinrich V und Konrad III. Stuttgart, 1956.

Herzberg-Fränkell S. Geschichte der deutschen Reichskanzlei 1246–1308//Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung. Ergänzungsband 1. Wien, 1885. S. 254f.

Hintze O. Staat und Verfassung. Gesammelte Abhandlungen zur allgemeinen Verfassungsgeschichte/Hg. von F. Hartung. Leipzig, 1941 (особ.: *Hintze O.* Die Entstehung der modernen Staatsministerien//Ibid. S. 265–310).

Isenmann E. Reichsfinanzen und Reichssteuern im XV. Jahrhundert//Zeitschrift der historischen Forschungen. Bd. 7. 1980. S. 1–76, 129–218.

Klafki E. Die Kurpfälzische Erbhofämter. Stuttgart, 1966.

Klewitz H.-W. Ein Beitrag zur Geschichte des geistlichen Hofdienstes//Deutsches Archiv. Bd. 1. 1937. S. 44–79.

Moraw P. Beamtentum und Rat König Ruprechts//Zeitschrift der Geschichte Oberrheins. Bd. 116. 1968. S. 59–126.

Moraw P. Rate und Kanzlei//Karl IV. Staatsmann und Mäzen. Katalog der Ausstellung in Nürnberg und Köln 1978–1979/Hg. von Ferdinand Seibt. München, 1978. S. 285–292.

Moraw P. Wesenszüge der «Regierung» und «Verwaltung» des deutschen Königs im Reich (ca. 1350–1450)//Histoire comparée de l'administration (IVe–XVIIIe siècles). Actes du XIVe colloque historique franco-allemand, Tours, 27 mars – 1er avril 1977//Dir. W. Paravicini, K. F. Werner. München, 1980. S. 149–167 (Francia. Beihefte / Hg. Deutsches Historisches Institut in Paris. Bd. 9).

Oestreich G. Verfassungsgeschichte vom Ende des Mittelalters bis zum Ende des alten Reiches. Stuttgart, 1974.

Quellen zum Verfassungsorganismus des Heiligen Römischen Reiches Deutscher Nation 1495–1815/Hg. von H. H. Hoffmann. Darmstadt, 1976. (Ausgewählte Quellen zur Deutschen Geschichte der Neuzeit. Freiherr vom Stein-Gedächtnisausgabe. Bd. 13).

Rösener W. Hofämter an mittelalterlichen Fürstenhöfen//Deutsches Archiv. Bd. 45. 1989. S. 485–550.

Schubert P. Die Reichshofämter und ihre Inhaber bis zur Wende des XII. Jahrhunderts//Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung. Bd. 34. Wien, 1913. S. 427–501.

К ГЛАВЕ 5

Arethin K. O. Das Alte Reich 1648–1806. Bd.1–3. Stuttgart, 1993–1997.

Aulinger R. Das Bild des Reichstages im 16. Jahrhundert. Beiträge zur einer typologischen Analyse schriftlicher und bildlicher Quellen. Göttingen, 1980.

Bauer V. Die höfische Gesellschaft in Deutschland von der Mitte des 17. bis zum Ausgang des 18. Jahrhunderts. Tübingen, 1993.

Dotzauer W. Die deutschen Reichskreise in der Verfassung des Alten Reichs und ihr Eigenleben (1500–1806). Darmstadt, 1989.

Gschliesser O. von. Der Reichshofrat. Bedeutung und Verfassung, Schicksal und Besetzung einer obersten Reichsbehörde von 1559–1806. Wien, 1942.

Kohler A. Ferdinand I 1503–1564. Fürst, König, Kaiser. München, 2003.

MacHardy K. Staatsbildung in den habsburgischen Ländern in der frühen Neuzeit. Konzepte zur Überwindung des Absolutismusparadigma// Die Habsburger Monarchie 1620 bis 1740. Leistungen und Grenze des Absolutismusparadigmas/Hg. P. Mat'a, Th. Winkelbauer. Stuttgart, 2006. S. 73–98.

Moraw P. Die Verwaltung des Königtums und des Reiches und ihre Rahmenbedingungen//Deutsche Verwaltungsgeschichte/Hg. K. G. A. Jeserich. Bd. 1. Stuttgart, 1983. S. 21–31.

Moraw P., Press V. Probleme der Sozial- und Verfassungsgeschichte des Heiligen Römischen Reiches im späten Mittelalter und in der Frühen Neuzeit (13.–18. Jahrhundert)//Das Alte Reich. Ausgewählte Aufsätze /Hg. J. Kunisch. B., 1997. S. 5–17.

Müller R. A. Der Fürstenhof in der frühen Neuzeit. München, 1995.

Neuhaus H. Das Reich in der frühen Neuzeit. München, 1997.

Press V. Das Reichskammergericht in der deutschen Geschichte. Wetzlar, 1987.

Press V. Die Erblande und das Reich von Albrecht II. bis Karl VI (1438–1740)// Deutschland und Österreich/Hg. R. A. Kann, Fr. Prinz. Wien, 1980. S. 44–88.

Press V. The Imperial Court of the Habsburgs. From Maximilian I to Ferdinand III, 1493–1657//Princes, Patronage and the Nobility. The Court at the Beginning of the Modern Age c. 1450–1650/Ed. R. Asch, A. Birke. Oxford, 1991. P. 289–312.

Press V. Das römisch-deutsches Reich – ein politisches System in verfassungs- und sozialgeschichtliches Fragestellung//Das alte Reich. Ausgewählte Aufsätze/Hg. J. Kunisch. B., 1997. S. 18–66.

Regele O. Der österreichische Hofkriegsrat 1556–1848. Wien, 1949.

Schubert F. H. Die deutschen Reichstage in der Staatslehre der Frühen Neuzeit. Göttingen, 1966.

Siemel S. Die geheime Konferenz unter Kaiser Leopold I. Personelle Strukturen und Methode zur politischen Entscheidungsfinden am Wiener Hof. Wien, 2001.

Smend R. Das Reichskammergericht. Weimar, 1911.

Schwarz J. The Imperial Privat Council in the Seventeenth Century. Oxford, 1943.

Winkelbauer Th. Fürst und Fürstendiener. Gundaker von Liechtenstein, ein österreichischer Aristokrat des konfessionellen Zeitalters. München, 1999.

К ГЛАВЕ 6

Beamtentum und Pfarrerstand 1400–1800/Hg. G. Franz. 1–2 Bde. Limburg-Lahn, 1972.

Bernhardt W. Die Zentralbehörden des Herzogstums Württemberg und ihre Beamten, 1520–1629. Bd. 1–2. Stuttgart, 1972.

Blaschke K. Zur Behördenkunde der kursächsischen Lokalverwaltung// Archivar und Historiker/Festschrift H. O. Meisner. B., 1956. S. 343–363.

Deutsche Hofordnungen des 16. und 17. Jahrhunderts/Hg. A. Kern. Bd. 1–2. B., 1905–1907.

Die Rolle der Juristen bei der Entstehung des modernen Staates/Hg. R. C. Schnur. B., 1986.

Dülfer K. Fürst und Verwaltung. Grundzüge der hessischen Verwaltungsgeschichte im 16.–19. Jahrhundert//Hessisches Jahrbuch für Landesgeschichte. Bd. 3. 1953. S. 150–223.

Gundlach F. Die hessischen Zentralbehörden 1247–1604. Bd. 1–3. Marburg, 1930–1932.

Hartung F. Studien zur Geschichte der preußischen Verwaltung//Abhandlungen der Preußischen Akademie der Wissenschaften. Jg. 1941, Nr. 17.

Hass M. Die Hofordnung Kurfürst Joachims II. von Brandenburg// Historische Studien. Heft LXXXVII. B., 1910.

Hintze O. Hof- und Landesverwaltung in der Mark Brandenburg unter Joachim II//Hohenzollern-Jahrbuch. B.; Leipzig, 1906. S. 138–169.

Isaacsohn S. Geschichte des Preußischen Beamtentums vom Anfang des 15. Jahrhunderts bis auf die Gegenwart. Bd. I. B., 1874.

Klinkenborg M. Ratstube und Kanzlei in Brandenburg im 16. Jahrhundert// Forschungen zur Brandenburgischen und Preußischen Geschichte. Bd. 27. 1913. S. 61–76.

Kothe I. Der fürstliche Rat in Württemberg im 15. und 16. Jahrhundert. Stuttgart, 1938.

Lanzinner M. Fürst, Räte und Landstände. Die Entstehung der Zentralbehörden in Bayern 1511–1598. Göttingen, 1980.

Mayer M. Quellen zur Behördengeschichte Bayerns. Die Neuorganisationen Herzog Albrechts V. Bamberg, 1890.

Neudegger M. J. Die Hof und Staats-Personaletats der Wittelsbacher in Bayern vornehmlich im 16. Jahrhundert und Aufstellung dieser Etats. München, 1889.

Noflatscher H. Räte und Herrscher. Politische Eliten an den Habsburger Höfen der österreichischer Länder 1480–1530. Mainz, 1999.

Oestreich G. Geist und Gestalt des frühmodernen Staates. B., 1969.

Ohnsorge W. Zum Problem Fürst und Verwaltung um die Wende des 16. Jahrhunderts//Blätter für deutsche Landesgeschichte. Bd. 88. 1951. S. 150–174.

Press V. Calvinismus und Territorialstaat. Regierung und Zentralbehörden der Kurpfalz 1559–1619. Stuttgart, 1970.

Schirmer U. Kursächsische Staatsfinanzen 1456–1656. Strukturen, Verfassung, Funktionselyten (Quellen und Forschungen zur Sächsischen Geschichte 28). Stuttgart, 2006.

Sehling E. u.a. Die Evangelischen Kirchenordnungen des 16. Jahrhunderts. Bde I–XVII. Tübingen, 1902–2007.

Spangenberg H. Hof und Zentralverwaltung der Mark Brandenburg im Mittelalter. Leipzig, 1908.

К ГЛАВЕ 7

Adams G. B. Council and Courts in Anglo-Norman England. New Haven, 1926.

Adams G. B. The Origins of the English Constitution. Yale, 1920.

Adams H. et al. Essays in Anglo-Saxon Law. Boston, 1876.

Amt E. The Accession of Henry in England. Royal Government Restored 1149–1159. Woodbridge, 1993.

Anglo-Saxon and Old English Vocabularies (Wright and Wülker). 2 vols. L., 1884.

Anglo-Saxon Wills/Ed. D. Whitelock. Cambridge, 1930.

Baldwin J. F. The King's Council in the Middle Ages. Oxford, 1913.

Bates D. The Origins of the Justiciarship/Anglo-Norman Studies 4 (1981). P. 1–12.

Bazeley M. L. The Extent of the English Forest in the Thirteenth Century// Transactions of the Royal Historical Society. 4th ser. Vol. IV. 1921. P. 140–172.

British Government and Administration. Studies presented to S. B. Chrimes/Ed. H. Hearder, H. R. Loyn. Cardiff, 1974.

Brown A. L. The Early History of the Clerkship of the Council. Glasgow, 1969.

Brown A. L. The Governance of Late Medieval England 1272–1461. Stanford, 1989.

Brown A. L. The King's Councilors in fifteenth-century England// Transactions of the Royal Historical Society. Vol. 14. 1964. P. 35–65.

Brown R. A. The Normans and the Norman Conquest. L., 1969.

Cam H. M. Local Government in Francia and England. L., 1912.

Campbell J. Observations on English Government from the Tenth to the Twelfth Century// Transactions of the Royal Historical Society. Vol. 25. 1975. P. 39–54.

Chadwick H. M. Studies on Anglo-Saxon Institutions. Cambridge, 1905.

Chaney W. A. The Cult of Kingship in Anglo-Saxon England. Manchester, 1970.

Chrimes S. B. An Introduction to the Administrative History of medieval England. 3rd ed. Oxford, 1966.

- Colvin H. M.* The History of the King's Works. Vol. 1–2. L., 1963.
- Cronne H. A.* The office of Local Justiciar under the Norman Kings// University of Birmingham. Historical Journal. Vol. 6. 1957. P. 18–38.
- Cuttino G. P.* English Diplomatic Administration 1259–1939. Oxford, 1940.
- Duggan C.* Richard of Ilchester, Royal Servant and Bishop//Transactions of the Royal Historical Society. 5th Ser. Vol. 16. 1966. P. 1–21.
- Given-Wilson C.* The Royal Household and the King's Affinity. L., 1986.
- Green Conquest of England. N. Y., 1884.
- Handbook of British Chronology/Eds. E. B. Fryde et al. 3rd Ed. L., 1986.
- Harmer F. E.* Anglo-Saxon Writs. Manchester, 1952.
- Haskins C. H.* Norman Institutions. N. Y., 1918.
- Hill M. C.* The King's messengers. 1199–1377. L., 1961.
- Hollister C. W.* Anglo-Saxon Military Institutions on the Eve of the Norman Conquest. Oxford, 1962
- Hollister C. W.* The Military Organisation of Norman England. Oxford, 1965.
- Hollister C. W.* The Origins of the English Treasury//English Historical Review. Vol. 93. 1978. P. 262–275.
- Hollister C. W., Baldwin J. W.* The Rise of Administrative Kingship: Henry I and Philip Augustus//American Historical review. Vol. 83. 1978. P. 867–905.
- Hunnisett R. F.* The Origins of the Office of Coroner//Transactions of the Royal Historical Society. 5th Ser. Vol. 8. 1958. P. 85–104.
- Jewell H. M.* English Local Administration in the Middle Ages. N. Y., 1972.
- Johns A. W.* The Principal Officers of the Navy//MM. 1928. Vol. 14. No 1. P. 32–54.
- Kemble Codex Diplomaticus. 6 vols. L., 1839–1848.
- Kemble Saxon in England. 2 vols. L., 1876.
- Larson L. M.* The King's Household in England before the Norman Conquest. Madison, 1904.
- Loyn H. R.* Gesiths and Thegns in England from the Seventh to the Tenth century//English Historical Review. Vol. 70. 1955. P. 529–549.
- Loyn H. R.* The Governance of Anglo-Saxon England, 500–1087. Stanford, 1984.
- Madox T.* The History and Antiquities of the Exchequer, 106–1327. L., 1711.
- Maxwell-Lyte H. C.* Historical Notes on the Use of the Great Seal of England. L., 1926.
- Morris W. A.* The Medieval English Sheriff to 1300. Manchester, 1927.
- Nelson J. L.* Inauguration Rituals//Early Medieval Kingship/Ed. P. H. Sawyer, I. N. Wood. Leeds, 1977.
- Oleson T. J.* The Witenagemot in the Reign of Edward the Confessor. Toronto, 1955
- Otway-Ruthven J.* The King's Secretary and the Signet Office in the XVth Century. Cambridge, 1939.
- Pollard A. F.* Council, Star Chamber, and Privy Council under the Tudors//English Historical Review. Vol. 37. 1922. P. 516–539.

- Poole R. L.* The Exchequer in the Twelfth century. Oxford, 1912.
- Prestwich J. O.* War and Finance in the Anglo-Norman State//Transactions of the Royal Historical Society. 1954. P. 18–44.
- Powicke F. M.* The Angevin Administration of Normandy//English Historical Review. Vol. 31. 1906. P. 625–649; Vol. 32. 1907. P. 15–42.
- Richardson H. G., Sayles G. O.* The Governance of Medieval England from the Conquest to Magna Carta. Edinburgh, 1963.
- Roseveare H.* The English Treasury. L., 1969.
- Roskell J. S.* The Office and Dignity of Protector of England//English Historical Review. Vol. 68. 1953. P. 193–233.
- Steel A.* The Receipt of the Exchequer, 1377–1485. Cambridge, 1954.
- Strong P., Strong F.* The Last Will and Codicils of Henry V//English Historical Review. Vol. 96. 1981. P. 79–102.
- Study of medieval Records/Ed. D. A. Bullough, R. L. Storey. Oxford, 1971.
- The Anglo-Saxons/Ed. *J. Campbell*. L., 1982.
- The Dialogue of the Exchequer/Ed. A. Hughes et al. Oxford, 1902.
- Tout T. F.* Chapters in the Administrative History of Medieval England. 6 vols. Manchester, 1920–1933.
- Ullmann W.* Principles of Government and Politics in the Middle Ages. L., 1961.
- Virgoe R.* The Composition of the King's Council, 1437–1461//Bulletin of the Institute of Historical Research. Vol. 43. 1970. P. 134–160.
- Wallace-Hadrill J. M.* Early Germanic Kingship in England and on the Continent. Oxford, 1971.
- Warren W. L.* The Governance of Early Medieval England 1087–1272. Stanford, 1987.
- Warren W. L.* Henry II. Berkeley, 1973.
- Warren W. L.* The Myth of Norman Administrative Efficiency//Transactions of the Royal Historical Society. 5th Ser. Vol. 34. 1984. P. 113–153.
- West F. J.* The Justiciarship in England, 1066–1232. Cambridge, 1966.
- Wilkinson B.* The Chancery under Edward III. Manchester, 1929.
- White A. B.* Self-Government at the King's Command. Minneapolis, 1933.
- White G. H.* Financial Administration under Henry I//Transactions of the Royal Historical Society. 4th Ser. Vol. 8. 1925. P. 56–78.
- White G. H.* The Household of the Norman Kings//Transactions of the Royal Historical Society. 4th Ser. Vol. 13. 1930. P. 51–82.

К ГЛАВЕ 8

- Amari M.* Storia dei musulmani di Sicilia. Vol. III. Catania, 1937. P. 365–368. (1-е изд. 1854–1872).
- Bizantini in Italia. Milano, 1982.

- Bresc H.* Arabes de langue, Juifs de religion. L'évolution du judaïsme sicilien dans l'environnement latin, XIIe – XVe siècles. P., 2001.
- Catalogus baronum/Ed. E. Jamison. R., 1972.
- Cuozzo E.* Catalogus baronum. Commentario. R., 1984.
- Die Staufer im Süden. Sizilien und das Reich/Hg. Th. Kölzer. Sigmaringen, 1996.
- Johns J.* The Royal Dîwân: Arabic Administration in Norman Sicily. 2002.
- Marongiu A.* Uno 'stato modello' nel medioevo italiano. Il regno normanno-svevo di Sicilia//Critica storica. Vol. 2. 1963. P. 379–394.
- Martin J.-M.* La Pouille du VIe au XIIe siècle. R., 1993.
- Ménager L.-R.* Amiratus – Ἀμηνράς. Lémirat et les origines de l'amirauté. XI–XIII siècles. P., 1960.
- Takayama H.* The Financial and Administrative Organization of the Norman Kingdom of Sicily//Viator. Vol. 16. 1985. P. 129–155.
- Id.* The Administration of the Norman Kingdom of Sicily. Leiden. N. Y., 1997.

Κ ΓΛΑΒΕ 9

- Alberigo G.* Cardinalato e collegialità: studi sull'ecclesiologia tra l'XI e il XIV secolo. Firenze, 1969.
- Berutti C. M.* De Curia Romana. Notulae historico – exegetico – practicae. R., 1952.
- Cheney Ch. R.* The Study of the Medieval Papal Chancery. Glasgow, 1966.
- Del Re N.* La Curia Romana. Lineamenti storico–giuridici. R., 1941.
- Emich B.* Bürokratie und Nepotismus unter Paul V (1605–1621): Studien zur frühneuzeitlichen Mikropolitik in Rom. Stuttgart, 2001.
- Eubel K.* Hierarchia catholica medii aevi, sive Summorum pontificum, S.R.E. cardinalium, ecclesiarum antistitum series ab anno 1198 usque ad annum [1605] perducta e documentis tabularii praesertim Vaticani collecta. 8 tt. Padua, 1898–1978.
- Fürst C. G.* Cardinalis. Prolegomena zu einer Rechtsgeschichte des Römischen Kardinalskollegiums. München, 1967.
- Guillemain B.* La cour pontificale d'Avignon. P., 1962.
- Herde Peter.* Beiträge zum päpstlichen Kanzlei- und Urkundenwesen im 13 Jh. München, 1961.
- Hofmann Walter von.* Forschungen zur Geschichte der kurialen Behörden. 2 Bde. Rom, 1914.
- Hüls R.* Kardinäle, Klerus und Kirchen Roms. Tübingen, 1977.
- Klewitz Hans-Walter.* Reformpapsttum und Kardinalkolleg. Darmstadt, 1957.
- Kraus A.* Das päpstliche Staatssekretariat unter Urban VIII. 1623–1644. R., Freiburg und Wien, 1964.

Le Bras G. Institutions ecclésiastiques de la Chrétienté medieval. P., 1959–1964 (Histoire de l'Église depuis les origines jusqu'à nos jours. Vol. 12).

Le istituzioni ecclesiastiche della Societas Christiana dei secoli XI–XII: papato, cardinalato ed episcopato. Atti della quinta Settimana internazionale di studio, Mendola, 26–31 agosto 1971. Milano, 1974.

Martin V. Les Congrégations Romaines. P., 1930.

Menniti I. A. A. Il tramonto della Curia nepotista: papi, nipoti e burocrazia curiale tra XVI e XVII secolo. Offices et papauté (XIVe–XVIIe siècle): charges, hommes, destins/Dir. A. Jamme et O. Poncet. R., 2005.

Partner P. The Pope's Men. The Papal Civil Service in the Renaissance. Oxford, 1990.

Pasztor E. Onus apostolicae sedis: Curia romana e cardinalato nei secoli XI–XV. R., 1999.

Prodi Paolo. Il sovrano pontefice. Un corpo e due anime: la monarchia papale nella prima età moderna. Bologna, 1982.

Santifaller L. Saggio di un elenco dei funzionari, impiegati e scrittori della cancellaria pontificia dall'inizio all'anno 1099. R., 1940.

Schwarz B. Die Organisation kurialer Schreiberkollegien. Tübingen, 1972.

Tangl Michael (hrsg.). Die päpstliche Kanzleiordnungen von 1200–1500. Innsbruck 1894; репринт Aalen 1959.

К ГЛАВЕ 10

Anzilotti A. La crisi costituzionale della Repubblica fiorentina. Firenze, 1912.

Bertelli S. Il potere oligarchico nello stato-città medievale. Firenze, 1978.

Brucker G. Florentine Politics and Society (1343–1378). Princeton, 1962.

Chittolini G. La formazione dello stato regionale e le istituzioni del contado: secoli XIV e XV. Torino, 1979.

Comuni e signorie: istituzioni, società e lotte per l'egemonia/A cura di O. Capitani et al. Torino, 1981.

Guidi G. Il governo della città-repubblica di Firenze del primo Quattrocento. T. II. Firenze, 1981.

Kent D. The Rise of the Medici faction in Florence 1426–1434. Oxford, 1978.

Marzi D. La cancelleria della repubblica fiorentina. Rocca di San Casciano, 1910.

Najemy J. Corporatism and Consensus in Florentine Electoral Politics. 1280–1400. North Carolina, 1982.

Ottokar N. Il Comune di Firenze alla fine del Duecento. Torino, 1962.

Rodolico N. La democrazia fiorentina nel suo tramonto (1378–1382). Bologna, 1905.

Rubinstein N. The government of Florence under the Medici (1434–1454). Oxford, 1966.

Salvemini G. Magnati e popolani in Firenze dal 1280 al 1295. Torino, 1960.

К ГЛАВЕ 11

Buono de Mesquita D. M. Giangaleazzo Visconti. Duke of Milan (1351–1402). Cambridge, 1941.

Cassandro G. I. Storia delle terre comunali degli usi civici nell'Italia meridionale. Bari, 1993.

Chittolini G. Governo ducale e poteri locali//Gli Sforza a Milano e in Lombardia e i loro rapporti con gli Stati italiani ed europei (1450–1535). Milano, 1982.

Cipolla C. M. Il governo della moneta a Firenze e a Milano nei secoli XIV–XVI. Bologna, 1990.

Gianani F. I Comuni (1000–1300). Milano, 1910.

Koenig J. Il «popolo» dell'Italia del Nord nel XIII secolo. Bologna, 1986.

Lanzani F. Storia dei Comuni italiani dalle origini al 1313. Milano, 1882.

Santoro C. Gli uffici del dominio sforzesco (1450–1500). Milano, 1948.

Spinelli M. Ricerche per una nuova storia della Repubblica Ambrosiana//Nuova Rivista Storica. Vol. 70. 1986. P. 231–252; Vol. 71. 1987. P. 27–48.

Visconti A. Storia di Milano. Milano, 1967.

К ГЛАВЕ 12

Бек К. История Венеции. М., 2002.

Близнюк С. В. Неизвестный венецианский документ 1346 г. по истории кипро-венецианских отношений//Средние века. 1990. Т. 53.

Брагина Л. М. Культ государства в Венеции XV в.//Культура и общественная мысль. Античность. Средние века. Эпоха Возрождения. М., 1988.

История Италии. Т. 1/Под ред. С. Д. Сказкина, Л. А. Котельниковой, В. И. Рутенбурга. М., 1970.

Карпов С. П. Латинская Романия. СПб., 2000.

Соколов Н. П. Возникновение Венецианской колониальной империи. Саратов, 1963.

Чиколини Л. С. Венеция в политической мысли Италии XVI в.//Искусство Венеции и Венеция в искусстве. М., 1988.

Cappelletti G. Storia della Repubblica di Venezia dal suo principio sino al giorno d'oggi. Vol. I–XV. Venezia, 1849–1855.

Cessi R. Il Maggior Consiglio (origine e evoluzione fino alla fine del sec. XIII)//Deliberazioni del Maggior Consiglio di Venezia. Vol. I. Bologna, 1950.

Cessi R. Storia della Repubblica di Venezia. Milano, 1944–1946.

Cozzi G., Knapton M. Storia di Venezia dalla guerra di Chioggia alla riconquista della Terraferma. Torino, 1987.

Crouzet-Pavan Èl. Venise triomphante. Les horizons d'un mythe. P., 2004.

Dandolo A. Chronica per extensum descripta//Rerum Italicarum Scriptores. 2 ed. 12/1. 1938–1958.

De Monacis A. Chronicon de rebus venetis ab urbe condita ad annum MCCLIV. Venezia, 1758.

Fabbri R. La storiografia veneziana del Quattrocento/La storiografia umanistica. Vol. I. Messina, 1992.

Fasoli G. La Storia di Venezia. Lezioni tenute nella Facoltà di magistero di Bologna. Bologna, 1958.

Finlay R. Politics in Renaissance Venice. L., 1980.

Gaeta F. Alcune considerazioni sul mito di Venezia//Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance. Vol. 33. 1961. P. 58–75.

Giustiniani P. Dell'Historie Venetiane di Pietro Giustiniano Nobile Veneto. Venezia, 1670.

Griffio G. Il Summario di tutte le leggi et parti ottenute nel illustrissimo et serenissimo senato in materia di beni inculti. Venezia, 1557.

Grubb J. S. Provincial Families of the Renaissance. Private and Public Life in the Veneto. Baltimore; L., 1996.

La civiltà veneziana del Rinascimento/A cura di *V. Branca*. Firenze, 1958.

L'Archivio di Stato di Venezia. Indice generale, storico, descrittivo ed analitico. Tomo I: Archivi dell'amministrazione centrale della Repubblica Veneta e archivi notarili. Venezia, 1937.

Lane F.-C. Venice, a Maritime Republic. N. Y., 1973.

Lanfranchi L., Zille G. C. Il territorio del ducato veneziano dall'VIII al XII secolo//Storia di Venezia. Vol. II. Venezia, 1958. P. 3–65.

La ville, la bourgeoisie e la genèse de l'État moderne (XIIe–XVIIIe siècles). Actes du colloque de Bielefeld. P., 1988.

Law J. E. The Venetian Mainland State in the Fifteenth Century//Transactions of the Royal Historical Society. 6th ser. Vol. 2. 1992.

Predelli R. Gli statuti marittimi veneziani fino al 1255. Venezia, 1903.

Renaissance Venice/Ed. *J. Hale*. Totowa, N. J., 1973.

Romanin S. Storia documentata di Venezia. V. I–X. Venezia, 1853–1860.

Sansovino F. Delle cose notabili della città di Venezia. Venezia, 1583.

Sansovino F. Venetia città nobilissima et singolare. Venezia, 1561.

Sanudo M. (Marin). Le vite dei dogi//Rerum Italicarum Scriptores. T. XXII. P. IV. Bologna, 1915.

Venezia-Senato. Deliberazioni miste. Vol. 1–10. Venezia, 2004–2008.

Venise 1500. La puissance, l'innovation et la concorde: le triomphe du mythe/Dir. *Ph. Braunstein*. P., 1993.

Ventura A. Nobiltà e popolo nella società veneta nel '400 e '500. Bari, 1964.

Zorzi A. La Repubblica del Leone. Bologna, 2001.

К ГЛАВАМ 13–14

Альтамира и Кревеа Р. История Испании. Т. 1–2. М., 1951.

Варьяш И. И. Правовое пространство ислама в христианской Испании XIII–XV вв. М., 2001.

Варьяш И. И. Священное право короля творить право//Священное тело короля. Ритуалы и мифология власти. М.: Наука, 2006.

Варьяш О. И. Пиренейские тетради. М., 2006.

Ведюшкин В. А. Дворянство в кастильских кортесах (XVI – начало XVII в.)//Социально-политическое развитие стран Пиренейского полуострова при феодализме. М., 1985.

Ведюшкин В. А. Испанские эрмандады//Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 4. М., 2000.

Власть и политическая культура в средневековой Европе. Ч. 1. М., 1992 (статьи В. А. Ведюшкина, Л. Т. Мильской, И. С. Пичугиной).

Денисенко Н. П. Испанская монархия в последней трети XV – начале XVI века. Учебное пособие. Иваново, 1991.

Клауде Д. История вестготов/Пер. с нем. СПб., 2002.

Корсунский А. Р. Готская Испания. М., 1969.

Корсунский А. Р. История Испании IX–XIII веков. М., 1976.

Кучумов В. А. Кортесы Арагона и Каталонии: генезис и специфика//ПИИ: 1992. М., 1992. С. 146–159.

Кучумов В. А. Постоянные депутации арагонских и каталонских кортесов в XIII–XV вв.//Из истории европейского парламентаризма: Испания и Португалия. М., 1996. С. 21–39.

Пискорский В. К. Кастильские кортесы в переходную эпоху от Средних веков к Новому времени. 1188–1520. Киев, 1897.

Россия и Испания: историческая ретроспектива. М., 1987 (статьи А. Домингеса Ортиса, М. А. Ладеро Кесады).

Arié R. España musulmana: (siglos VIII–XV). Barcelona, 1984.

Arjona A. Andalucía musulmana, estructura político-administrativa. Córdoba, 1982.

Artola M. La monarquía de España. Madrid, 1999.

Ayala Martínez C. de. Las Órdenes Militares hispánicas en la Edad Media: (siglos XII al XV). Madrid, 2003.

Baltar Rodríguez J. F. Las Juntas de Gobierno de la Monarquía Hispánica (siglos XVI–XVII). Madrid, 1998.

Carlé M. del C. Del concejo medieval castellano-leonés. Buenos Aires, 1968.

Enciclopedia de historia de España/Dir. *M. Artola.* Madrid, 1988–1993. Т. 1–7.

Historia de España/Coord. A. Montenegro Duque. Madrid, 1985–1995. Т. 1–15.

- Historia de España/Dir. M. Artola. Madrid, 1988–1994. T. 1–7.
- Historia de España. Fundada por R. Menéndez Pidal/Dir. por J. M. Jover Zamora. Madrid, 1991–2005 T. 1–42.
- La corte de Carlos V/Dir. por J. Martínez Millán. Vol. 1–5. Madrid, 2000.
- Las Cortes de Castilla y León en la Edad Media: actas de la primera etapa del Congreso Científico sobre la historia de las cortes de Castilla y León, Burgos 30 de septiembre a 3 de octubre. Valladolid, 1988. Vol. 1–2.
- Fernández Conti S.* Los Concejos de Estado y Guerra de la Monarquía Hispana durante la época de Felipe II, 1548–1598. Valladolid, 1998.
- Font Rius J. M.* Orígenes del régimen municipal de Cataluña. Madrid, 1946.
- Font Rius J. M.* Instituciones medievales españolas: la organización política, económica y social de los reinos cristianos de la Reconquista. Madrid, 1949.
- García de Valdeavellano L.* Curso de Historia de las Instituciones españolas. Madrid, 1968.
- García Gallo A.* Consideración crítica de los estudios sobre la legislación y costumbre visigodas//Anuario de historia del derecho español. Vol. 44. 1974. P. 343–464.
- García Marín J. M.* Teoría política y gobierno en la Monarquía Hispánica. Madrid, 1998.
- García Moreno L. A.* Historia de España visigoda. Madrid, 1998.
- Gibert R.* El derecho municipal en León y Castilla//Anuario de historia del derecho español. Vol. 31. 1961. P. 695–754.
- González Alonso B.* El corregidor castellano (1348–1808). Madrid, 1970.
- Iglesias Ferreiros A.* Notas en torno a la sucesión al trono en el Reino visigodo//Anuario de historia del derecho español. Vol. 40. 1970. P. 653–682.
- Lalinde Abadía J.* La gobernación general en la Corona de Aragón. Zaragoza, 1963.
- Lalinde Abadía J.* La institución virreinal en Cataluña: 1471–1716. Barcelona, 1964.
- La Monarquía como conflicto en la Corona Castellano-Leonesa: (c. 1230–1504)/Dir. J. M. Nieto Soria. Madrid, 2006.
- La monarquía de Felipe II: la Casa del Rey/Dir. J. Martínez Millán, S. Fernández Conti. Madrid, 2005. Vol. 1–2.
- Orlandis J.* Historia del reino visigodo español: los acontecimientos, las instituciones, la sociedad, los protagonistas. Madrid, 2003.
- Sánchez-Albornoz C.* Ruina y extinción del municipio romano en España. Buenos Aires, 1943.
- Sánchez-Albornoz C.* Investigaciones y documentos sobre las Instituciones hispanas. Santiago de Chile, 1970.
- Sourdel D.* Le vizirat abbaside de 749 à 936 (132 à 324 de l'Hégire). Dimashq, 1959–1960. Vol. 1–2.

К ГЛАВЕ 15

Воцелка К. История Австрии. М., 2007.

История Венгрии в трех томах. Т. 1. М., 1971.

История Словакии. М., 2003.

Контлер Л. История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы. М., 2002.

Фрейдзон В. И. История Хорватии. СПб., 2001.

Чизмадиа А., Ковач К., Асталаш Л. История Венгерского государства и права. М., 1986.

Bonis Gy. A jogtudó értelmiség a Mohács előtti Magyarországon. Budapest, 1971.

Corpus Juris Hungarici. Magyar Törvénytar. Vol. 1: 1000–1526. évi törvénycikkek. Vol. 3: 1526–1608. évi törvénycikkek. Budapest, 1899; Vol. 4: 1608–1657. évi törvénycikkek. Budapest, 1900.

Eckhardt F. Magyar alkotmány- és jogtörténet. Budapest, 1946.

Ember Gy. Az újkori magyar közigazgatás története Mohácstól a török kiűzéséig. Budapest, 1946.

Engel P. Magyarország világi archontológiája 1301–1457. 2 köt. Budapest, 1996.

Fallenbüchl Z. Magyarország főméltóságai. 1526–1848. (Die höchsten Würdenträger Ungarns 1526–1848). S. l., 1988.

Fallenbüchl Z. Magyarország főispánjai 1526–1848 (Die Obergespane Ungarns 1526–1848). Budapest, 1994.

Felener J.–Kretsmayr H. Die österreichische Zentralverwaltung. Abt. I. Von Maximilian I. bis zur Vereenigung der österreichischen und böhmischen Hofkanzlei (1749). Bd. 1. Deschichtliche Übersicht. Wien, 1907.

Font M., Fedeles T., Kiss G. Magyarország kormányzati rendszere (1000–1526). Egyetemi tankönyv. Pécs, 2007.

Korai magyar történelmi lexikon (9–14 század)/Szerk. Gy. Kristó, P. Engel, F. Makk. Budapest, 1994.

Kubinyi A. Königtum, Stände und Regierungen am Ende des Mittelalters in Ungarn /Kubinyi A. Matthias Corvinus. Die Regierung eines Königreichs in Ostmitteleuropa 1458–1490. Herne, 1999. S. 216–237 (Studien zur Geschichte Ungarns. Bd. 2).

Magyar történelmi fogalomtár. 2 köt./Szerk. P. Bán. Budapest, 1989.

К ГЛАВЕ 16

Возгрин В. Е. Генезис датского абсолютизма//Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе VI–XVII вв. Л., 1990. С. 132–176.

История Дании/Под ред. С. Буска и Х. Поульсена. М., 2007.

История Дании с древнейших времен до начала XX века/Отв. ред. О. В. Чернышева. М., 1996.

Christensen A. E. Kongemagt og aristokrati. Epoker i middelalderlig dansk statsopfattelse indtil unionstiden. København, 1976.

Danmarks historie/Red. af A. E. Christensen et al. København, 1977. Bd. 1; 1980. Bd. 2.

Jørgensen P. J. Dansk Retshistorie. Retskildernes og Forfatningsrettens Historie indtil sidste Halvdel af det 17. Aarhundrede. 2. Udg. København, 1947.

Kleberg E. De danska ständermötena intill Kristian IV's död 1648. Göteborg, 1917.

Riis Th. Les Institutions politiques centrales du Danemarque. 1100–1319. København, 1977.

К ГЛАВЕ 17

Сванидзе А. А. Швеция в период Кальмарской унии//История Швеции. М., 1974. С. 114–128.

Хроника Энгельбректа/Пер., послесл., комм. А. Д. Щеглова. М., 2002.

Швеция и шведы в средневековых источниках/Пер., предисл., комм. А. Д. Щеглова, В. В. Рыбакова, А. Ю. Кузиной. М., 2007.

Щеглов А. Д. Вестеросский риксдаг 1527 года и начало Реформации в Швеции. М., 2008.

Alin O. Bidrag till svenska rådets historia under medeltiden. Uppsala, 1872.

Alin O. Om svenska rådets sammansättning under medeltiden. Uppsala, 1877.

Bjarne Larsson G. Stadgelagstiftning i senmedeltidens Sverige. Lund, 1994.

Palme S.-U. Sten Sture den äldre. Stockholm, 1950.

Schück H. Rikets brev och register. Stockholm, 1976.

Schück H. Rikets råd och män. Herredag och råd i Sverige. 1280–1480. Stockholm, 2005.

Сведения об авторах

Гусарова Татьяна Павловна — к.и.н., доцент исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, специалист по истории Венгрии, австрийских Габсбургов и международных отношений в Средние века и раннее Новое время.

Антонов Владислав Алексеевич — д.и.н., ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории (ИВИ) РАН, специалист по истории средневековой Дании и геральдике.

Варьяш Ирина Игоревна — к.и.н., доцент исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, специалист по пиренейской истории эпохи Реконквисты, истории ислама в христианской Европе.

Ведюшкин Владимир Александрович — к.и.н., старший научный сотрудник ИВИ РАН, специалист по истории Испании раннего Нового времени.

Воскобойников Олег Сергеевич — к.и.н., доцент исторического факультета Высшей школы экономики, доцент исторического факультета МГУ, специалист по истории средневековой культуры и Италии.

Казбекова Елена Валерьевна — к.и.н., старший научный сотрудник ИВИ РАН, специалист по истории средневековой Германии и истории канонического права.

Калмыкова Елена Викторовна — к.и.н., доцент исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, специалист по истории средневековой Англии.

Краснова Ирина Александровна — д.и.н., проф., зав. кафедрой истории Древнего мира и Средних веков Ставропольского государственного университета, специалист по истории Италии эпохи Ренессанса.

Прозоров Вадим Борисович — к.и.н., доцент исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, специалист по истории христианской церкви, средневекового права и балканских стран.

Прокотьев Андрей Юрьевич — д.и.н., проф. исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, специалист по истории Германии раннего Нового времени.

Стукалова Татьяна Юрьевна — к.и.н., ведущий научный сотрудник Государственного исторического музея, специалист в области нумизматики и других специальных исторических дисциплин.

Таценко Тамара Николаевна — к.и.н., ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского отделения института истории РАН, специалист в области средневековой немецкой палеографии, а также по истории властных институтов немецких государств раннего Нового времени.

Щеглов Андрей Джолиардович — к.и.н., старший научный сотрудник ИВИ РАН, специалист по истории средневековой Швеции.

Эльфонд Ирина Яковлевна — д.и.н., проф. Саратовского государственного социально-экономического университета, специалист по истории Франции раннего Нового времени.

Юсупов Александр Юрьевич — аспирант кафедры истории средних веков исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, специализируется по истории средневековой Италии.

1. Аллегория доброго правления. Амброджо Лоренцетти. Сиена. Палаццо Пубблико. XIV в.

2. Портрет венецианского дожа Лоредана. Джованни Беллини. Конец XV в.

3. Св. Петр и Дамиан в виде позднеантичных сенаторов. Санти Козма э Дамиано на форуме. Рим. Мозаика апсиды. Фрагмент. Сер. VI в.

4. Царь Соломон, символ правосудия. Рим. Монастырь Четырех Мучеников. «Готический зал». Фреска. 1240-е гг. Фрагмент

5. Византийский консульский диптих, вручавшийся при введении в должность. VI в.

6. Георгий Антиохийский, адмирал Сицилийского королевства при Рожере II. Фрагмент византийской мозаики в церкви Санта Мария дель Аммиральо (Марторана). Палермо. Сер. XII в.

7. Карл Лысый и его двор. Миниатюра из Библии Сан Паоло фуори ле Мура. Третья четверть IX в.

8. Изображение придворного чиновника Фридриха II. Спolieванный фрагмент античного мраморного саркофага. Вторая четверть XIII в. Частная коллекция.

9. Бюст Петра Винейского, протонотария и логофета Сицилийского королевства в виде тогатуса. Фрагмент несохранившихся триумфальных ворот г. Капуя. 1230-е гг.

10. Духовная и светская власть. Литургический свиток Exultet. Сер. XIII в. Салерно. Архив соборного капитула

13. Король из династии Капетингов. Статуя в Сент-Шапель. Сер. XIII в.

14. Король и его магистраты. Франция. Миниатюра из рукописи начала XIV в.

11. Спор духовной и светской власти по вопросу о юрисдикции в суде над духовенством. Миниатюра из французской рукописи XIV в.

12. Римская курия. Мастерская Джотто. Фреска из цикла жития св. Франциска. Ассизи, верхняя базилика Сан Франческо. Начало XIV в.

15. Императорская корона. Германия. Вторая пол. X – нач. XI в. Вена, Хофбург, Сокровищница

16. Держава императора Генриха VI. Конец XII в. Вена, Хофбург, Сокровищница

17. Корона Св. Иштвана. XI–XII вв. Будапешт, Парламент

18. Обучение юристов в Болонском университете. XIV в. Миниатюра из итальянской рукописи

19. Падуя. Палаццо делла Раджоне. XIV в.

20. Верроккьо. Памятник Бартоломео Коллеоне, кондотьеру Венецианской республики. XV в., бронза. Венеция, площадь Санти Джованни э Паоло

21. Магистраты Венецианской республики. Витторе Карпаччо. Чудеса св. Урсулы. XV в. Фрагмент

24. Неаполитанский король Владислав и его придворные. Миниатюра из хроники Биндино Чалли да Травале. Сиена, Государственный архив

25. Король Карл VII в присутствии придворных дарует привилегии иудеям. Миниатюра из Больших французских хроник. XV в.

22. Флорентийские магистраты. Беноццо Гоццоли. Поклонение волхвов. Фрагмент. Сер. XV в.

23. Король и его магистраты. Франция. Миниатюра из рукописи начала XV в.

26. Людовик XI председательствует на капитуле ордена св. Михаила. Миниатюра Жана Фуке. Статуты ордена св. Михаила. 1469–1470. Париж. Национальная библиотека

27. Карл V вручает меч коннетаблю Бертрану дю Геклену. Большие французские хроники. Миниатюра 1455–1460. Париж. Национальная библиотека Франции фр. 6465

28. Канцлер Франции Николя Ролен с супругой. Рогир ван дер Вейден. Бон. Госпиталь

29. Жан Мьело, лилльский каноник и секретарь герцога бургундского Филиппа Доброго. Книжная миниатюра. XV в. Париж, Национальная библиотека

30. Английский король в облачении ордена Подвязки и его свита, преклоненные перед Св. Георгием. Миниатюра, XV в. Лондон. Британская библиотека

31. Мастер из Кастелло делла Манта. Знаменитые мужи и дамы с императором Сигизмундом в образе Юлия Цезаря. Фреска. XV в. Кастелло делла Манта (Пьемонт)

32. Франческо дель Косса. Сцена из придворной жизни. 1469–1470. Фреска. Феррара. Дворец Скифанойя

33. Андреа Мантенья. Возвращение с охоты. Фреска в Зале супругов (Камера дельи Спозии). 1473–1474. Мантуя, Герцогский дворец

34. Король Матяш Корвин. Титульный лист с печатного издания законов венгерского короля Матяша Корвина. Конец XV в. Будапешт, Национальный музей

35. Золотая Булла императора Карла IV. 1355. Будапешт, Национальный музей

36. Держава короля Фердинанда I Габсбурга. Вторая четверть XVI в.

37. Германский император Сигизмунд на Базельском соборе 1433–34 гг. в окружении советников-курфюрстов. Миниатюра, XV в. Ирландия, частное собрание

38. Демонстрация святынь верующим. Книжка о святынях 1487 г. Нюрнберг. Цветная гравюра

39. Неизвестный мастер. Император Максимилиан I Габсбург с внуками Фердинандом и Карлом, дочерью Маргаритой, сыном Филиппом Красивым и наследником венгерского престола Лайшем II, женихом внучки Максимилиана Марии. Вена, Музей истории искусств

40. Якоб Корнелис ван Оостзанен. Мария Бургундская, Максимилиан Габсбург, Филипп Красивый и Карл Габсбург («Бургундские герцоги»). Гравюра на дереве

41. Ганс Бургмайр. Император Максимилиан I принимает свою дочь Маргариту и внуков. Гравюра на дереве. Будапешт, Музей изобразительных искусств

42. Пауль Цеендтнер фон Диллинген (Майер). Церемония принятия в орден Золотого руна в Праге в 1585 г. Фрагмент. Цветная гравюра. Мюнхен, Национальная библиотека

43. Валентин Флексль. Вольные стрелки в Инсбруке. 1569. Цветная гравюра. Вена, Национальная библиотека

44. Императорский банкет в Праге в 1585 г.

45 Венгерская знать. Гравюра XVI в. Будапешт, Венгерская Национальная галерея

46. Придворный повар. Изображение на австрийских игральных картах. Сер. XV в.

47. Главный придворный повар. Изображение на австрийских игральных картах. Сер. XV в.

48. Конюх на королевской конюшне. Изображение на австрийских играль-
ных картах. Сер. XV в.

Научное издание

**ВЛАСТНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ДОЛЖНОСТИ В ЕВРОПЕ
В СРЕДНИЕ ВЕКА И РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ**

Отв. ред. *Т. П. Гусарова*

Зав. редакцией *Игнатова Е. С.*
Ведущий редактор *Климкин М. С.*
Редактор *Зубанова С. М.*
Корректор *Федотова А. Л., Юрьева В. И.*
Художник *Терехова Г. Д.*
Компьютерная верстка *Луценко Н. Ю.*

Директор издательства *Чепыжов В. В.*

Подписано в печать 10.09.10.
Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Гарнитура «Petersburg». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 34,87. Тираж 1000 экз. Заказ №

ООО «Издательство «КДУ».
119234, Москва, а/я 587.
Тел./факс 939-44-91; 939-57-32.
www.kdu.ru; e-mail: kdu@kdu.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов
в ОАО «Дом печати – Вятка».
610033, г. Киров, ул. Московская, 122.